ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

СТОРИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ

И

БЫТОПИСАТЕЛЯХЪ ДУБРОВНИКА.

В. МАКУШЕВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XI-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
А. Базунова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Шмицдорфа, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энфиаджянца и Комп., въ Тифлисѣ.
Цѣна 1 руб. 70 коп.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ

И

БЫТОПИСАТЕЛЯХЪ ДУБРОВНИКА.

В. МАКУШЕВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XI-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Шмицдорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энфянджянца и Комп., въ Тифлисѣ.
Цѣна 1 руб. 70 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 6 іюля 1867 годя.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Двѣнадцативѣковое существованіе микроскопической дубровницкой республики составляетъ рѣдкое явленіе въ исторіи человѣчества. Окруженные сильными и властолюбивыми сосѣдями, дубровничане умѣли не только сохранить свою свободу и независимость, но даже снискать себѣ уваженіе и славу у самихъ враговъ своихъ. Не признавая никогда надъ собою чужой власти, дубровничане искали покровительства могущественныхъ государей, не щадя ни издержекъ, ни услугъ. Руководствуясь единственно собственными выгодами, дубровничане, зорко слѣдившіе за ходомъ политическихъ событій въ Европѣ, часто мѣняли покровителей, переходя отъ менѣе къ болѣе сильному. Это непостоянство доставило дубровничанамъ прозвище «nazione di sette bandiere», но оно-же и хранило ихъ республику отъ крушенія. Византія, Венгрія и Турція изъ собственныхъ видовъ защищали Дубровникъ отъ посягательства Венеціи. Такъ же берегла его и чествовала Испанія, нуждавшаяся въ дубровницкомъ флотѣ для завоеваній въ Америкѣ и Африкѣ. Но первымъ и единственно-постояннымъ покровителемъ и благодѣтелемъ Дубровника былъ Папа, отсюда направлявшій и поддерживавшій католическую пропаганду на Балканскомъ полуостровѣ. Искусно лавируя между врагами и соперниками, дубровничане пользовались отъ каждаго изъ нихъ исклю-

чительными торговыми привилегіями и, какъ народъ нейтральный, извлекали большія для себя выгоды изъ войнъ, такъ часто опустошавшихъ Европу. Дубровницкія торговыя колоніи были разсѣяны по всей южной и западной Европѣ; онѣ были и въ передней Азіи, и на берегахъ Африки и, быть можетъ, даже по ту сторону Океана, въ Новомъ Свѣтѣ, въ открытіи котораго участвовали дубровничане. Сильные и богатые мореходствомъ, торговлею и промышленностью, дубровничане любили посвящать досугъ наукамъ и искуствамъ, и исторія европейскаго просвѣщенія не забудетъ ихъ заслугъ.

Нѣтъ народа, котораго не занимали бы судьбы Дубровника; но для насъ, славянъ, онѣ имѣютъ большій, чѣмъ для кого-либо, интересъ. Для южныхъ славянъ Дубровникъ былъ тѣмъ же, чѣмъ были въ древности Аѳины для грековъ: здѣсь былъ центръ югославянской образованности, сюда стекалась избранная сербская молодежь учиться наукамъ и политической мудрости, недостатокъ которой былъ столь чувствителенъ у сербовъ, здѣсь наконецъ развилась богатая сербская литература, положившая прочное основаніе нынѣшней, начала которой ей были не чужды. Идея славянскаго единства, ясно сознаваемая дубровничанами въ началѣ XV вѣка, сдѣлалась ихъ лозунгомъ два столѣтія спустя. Не мало даровитыхъ и образованныхъ дубровничанъ посвятило свою дѣятельность братьямъ-сербамъ и русскимъ.

При такомъ общеевропейскомъ и спеціально-славянскомъ значеніи исторіи Дубровника нельзя не сожалѣть, что она доселѣ столь мало обработана. Основныя ея вопросы рѣшены неудовлетворительно, или даже совсѣмъ не возбуждены: такъ, неосновательно относятъ славянизацію эпидавросалонитанской Рагузы къ X вѣку, сомнѣваются въ независимости дубровницкой церкви, ошибаются на счетъ отношеній Дубровника къ Венеціи, Венгріи

и Турціи; такъ, не выяснены еще его сношенія съ югославянскими краями и не обращено вовсе вниманія на внутреннія причины его паденія. Богатая дубровницкая литература извѣстна мало: масса произведеній дубровницкихъ поэтовъ, почти всѣ историческія сочиненія и большая часть, и притомъ важнѣйшихъ, памятниковъ юридическихъ хранятся въ рукописяхъ и частью извѣстны ученому міру только по слухамъ, частью даже вовсе неизвѣстны.

Мнѣ суждено было прожить въ Дубровникѣ почти четыре года (съ начала 1862 по конецъ 1865 года), въ теченіе которыхъ я собралъ большой запасъ матеріаловъ по исторіи внѣшнихъ сношеній дубровницкой республики и не мало памятниковъ литературныхъ и юридическихъ. Къ великому моему прискорбію, я не могъ получить доступа въ дубровницкій архивъ, не смотря на ходатайство по этому предмету Императорскаго посольства въ Вѣнѣ; и долженъ былъ ограничиться библіотеками монастырскими и частными. Большую часть собранныхъ мною матеріаловъ я извлекъ изъ рукописей Францисканской библіотеки: здѣсь я нашелъ не только богатое собраніе произведеній дубровницкихъ поэтовъ, памятниковъ историческихъ и юридическихъ, но также цѣлые фоліанты (Zibaldone Mattei) выписокъ изъ архивовъ дубровницкой республики и монастырскихъ (въ томъ числѣ бенедиктинцевъ и доминиканцевъ, библіотеки которыхъ погибли въ 1806 году). Въ доминиканской библіотекѣ, гдѣ между прочимъ хранился нѣкогда автографъ лѣтописей Николая Раньины, нашлась только одна любопытная для меня, и то не полная, рукопись Червы. Въ іезуитской библіотекѣ не оказалось ничего для меня нужнаго. Изъ частныхъ библіотекъ я пользовался библіотеками книгопродавца Мартеккини, графа М. Пуцича, д-ра И. Казначича и бывшаго подесты Хр. Влайки. Кромѣ того я нашелъ

въ архивѣ нашего консульства нѣсколько документовъ, касающихся сношеній нашихъ съ Дубровникомъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I.

Кромѣ рукописей я пользовался и печатными книгами, изъ коихъ нѣкоторыя весьма рѣдки; я записывалъ также фамильныя воспоминанія и прислушивался къ народнымъ преданіямъ. Излишне прибавлять, что я перечелъ и общедоступныя изданія.

Количество собранныхъ мною матеріаловъ велико, но не вполнѣ достаточно для основательнаго изложенія задуманной мною исторіи внѣшнихъ сношеній дубровницкой республики: въ архивахъ Дубровника, Вѣны, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Турціи и даже Россіи находятся или должны находиться драгоцѣнные для меня матеріалы, въ ожиданіи возможности воспользоваться которыми я считаю небезполезнымъ обнародовать нынѣ критическій обзоръ имѣющихся у меня источниковъ дубровницкой исторіи. О существованіи нѣкоторыхъ изъ нихъ вовсе не знали, о другихъ судили по голословнымъ отзывамъ компилятора Аппендини, и только весьма не многіе, и притомъ наименѣе важные, были извѣстны ученому міру. Чѣмъ менѣе извѣстенъ и чѣмъ болѣе важенъ памятникъ, тѣмъ подробнѣе я говорю о немъ, и наоборотъ: этимъ пусть объясняетъ себѣ читатель тѣ неровности въ изложеніи, которыя онъ найдетъ въ моемъ трудѣ: говорить пространно о памятникахъ и сочиненіяхъ общеизвѣстныхъ или не важныхъ я считалъ лишнею потерею времени. Я долженъ присовокупить еще, что обращалъ вниманіе только на степень важности и достовѣрности источниковъ и пособій для изученія дубровницкой исторіи, оставляя въ сторонѣ всѣ посторонніе вопросы. Содержаніе памятниковъ неизвѣстныхъ я старался, гдѣ было возможно, излагать словами рукописей и сообщать изъ нихъ, по мѣрѣ возможности, выдержки для большаго ознакомленія съ ними читателей.

У меня имѣлась при этомъ еще другая цѣль — сообщить какъ можно больше матеріаловъ для изученія дубровницкой исторіи, а потому я не ограничился выдержками въ текстѣ сочиненія и въ примѣчаніяхъ къ нему, но также напечаталъ въ особыхъ приложеніяхъ самые любопытные отрывки изъ историческихъ произведеній дубровничанъ. Я не гоняюсь ни за остроуміемъ сближеній и выводовъ, ни за глубиною изслѣдованій: я ограничился существенно необходимымъ и полезнымъ для науки. Считаю необходимымъ также напомнить читателю, что настоящій мой трудъ составляетъ *введеніе* къ задуманной мною исторіи внѣшнихъ сношеній дубровницкой республики — введеніе, представляющее оцѣнку степени важности и достовѣрности имѣющихся у меня источниковъ. Легко можетъ случиться, что читатель найдетъ въ трудѣ моемъ промахи и пробѣлы; но пусть онъ помнитъ трудность моей задачи: о многомъ приходится мнѣ первому сказать слово.

Говоря объ источникахъ дубровницкой исторіи, необходимо было сказать и объ ученой ея обработкѣ; съ другой стороны, нельзя было не остановиться и на главныхъ, неудовлетворительно рѣшенныхъ или даже вовсе еще не возбужденныхъ, вопросахъ по исторіи Дубровника: такимъ образомъ необходимымъ дополненіемъ къ моему труду явились главы III и I, изъ коихъ одна составляетъ, такъ сказать, послѣсловіе, а другая введеніе къ нему.

Что говорилъ Карамзинъ въ свое время о русской исторіи, то я могу повторить о дубровницкой: «Еслибы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою, то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ, когда едва-ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпѣніемъ..... Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ....» По-

ставленный, по отношенію къ дубровницкой исторіи, въ то же положеніе, въ какомъ находился Карамзинъ по отношенію къ русской, повторю искреннія слова его: «могу по слабости желать хвалы и бояться осужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло бы дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, еслибы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ т. е. сдѣлать дубровницкую исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей».

В. М.

22 Іюня 1867 г.

ГЛАВА I.

На берегу чуднаго Адріатическаго моря возвышаются на крутой скалѣ почернѣвшія отъ времени стѣны *Дубровника.* Съ вершины скалы стѣны спускаются въ ложбину и потомъ снова подымаются на противуположную скалу: эта ложбина, образующая лучшую улицу «Stradone», была нѣкогда морскимъ каналомъ. Отъ «Stradone» подымаются въ видѣ лѣстницъ по обѣ стороны боковыя улицы.... Южная, обращенная къ морю, скала начала заселяться уже въ половинѣ III-го вѣка епидавританами, бѣжавшими отъ нашествія варваровъ. Въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ вѣковъ заселеніе этой скалы шло, хотя медленно, но постоянно, и въ половинѣ VII вѣка, по разрушеніи Епидавра и Салоны, возникаетъ на этой скалѣ правильный городъ 4-хъ стадій въ окружности *Lausa* (*Castel di Lave* у дубровницкихъ лѣтописцевъ; впослѣдствіи *Rausa* — *Rachusa* — *Ragusa* [1]). Равенство

---

[1]) Лѣтописцы и историки расходятся между собою въ показаніяхъ о времени основанія Дубровника; но ихъ разногласія можно примирить, принявъ за основаніе сказаніе Константина Порфирогеннета (*De admin. Imp.* c. 29): онъ, безъ точнаго хронологическаго обозначенія, различаетъ четыре послѣдовательныхъ поселенія епидавританъ на мѣстѣ нынѣшняго Дубровника. По изслѣдованіямъ Серафима Червы (*In Sacram Metropolim Ragusinam Prolegomena.* Cap. I. *Ragusinae urbis primordia* pp. 11—15, по рук. франц. библ. № 228), эти четыре поселенія епидавританъ относятся къ гг.: 258, 279, 548 и 638. Одновременно съ послѣднею колоніею епидавританъ поселяются въ Дубровникѣ салонитане, по разрушеніи ихъ города славянами. «Hi cum Epidauris... novis constructis aedibus vicum ad 4 stadia extendentes in justi Oppidi formam redigerunt. Arcem insuper ubi nunc Virginis Aedes, quem D. Mariae Castellanae nuncupant.... erexerunt». Въ рукоп. франц. библ. № 312, стр. 185—186 чи-

всѣхъ гражданъ предъ закономъ и выгодное мѣстоположеніе привлекли сюда новыхъ поселенцевъ, бѣжавшихъ отъ варваровъ. Епидавро-салонитанскіе поселенцы принесли съ собою въ Дубровникъ уже готовую *римскую образованность* и начатки *христіанства:* въ половинѣ VIII-го вѣка здѣсь уже была *архіепископская каѳедра* [1]).

Къ концу VII вѣка относятся *первыя поселенія славянъ* между епидавро-салонитанскими выходцами: требинскій банъ Павлиміръ, возвращаясь изъ Рима на родину, щедро обдарилъ дубровничанъ за ихъ гостепріимство, увеличилъ и укрѣпилъ ихъ городъ, въ которомъ поселяются многіе изъ его спутниковъ на правахъ гражданства. Это случилось, по изслѣдованіямъ *Сев. Дольчи* [2]),

---

таемъ: «In un libro Serviano dove vi sono l'Epistole e li Vangeli che si leggono per tutto l'anno in Serviano, dopo poi pur in Serviano si legge cosi: «Neka se zna kada se poćeo Dubrovnik graditi od grada Zaptata na 626 godišta Isukrsta na XKS.» и т. д. На этомъ показаніи останавливается Сев. Дольчи въ своей *De orig. Urbis Rag. diatriba* рукоп. франц. библ. № 251.—По общепринятому мнѣнію, Дубровникъ основанъ въ 656 году, когда была разрушена славянами Салона (*De imp. admin.* с. 29).

Что касается названія *Рагуза*, то толкованіе Константина Порфирогеннета (Λαῦ = praecipitium) правдоподобно. На изданномъ мною планѣ Дубровника XI вѣка читаемъ: *Rausa* da Greci Λαοῦσα.

[1]) *Chroniche di Ragusa di Giugno Resti* (рукоп. франц. библ. № 243, p. 11). Епидавритане были просвѣщены христіанскою вѣрою Ап. Павломъ, претерпѣвшимъ извѣстное крушеніе не у Мальты, а у Млѣта, какъ доказываетъ аб. Игн. Джіорджичъ въ своихъ *Ricerche anticritiche sul naufragio di S. Paolo.* Venezia 1730. Окончательное утвержденіе христіанства между епидавританами народное преданіе приписываетъ св. Иларіону (365 г.).

[2]) *De origine Urbis Ragus. diatriba.* Растичъ ошибочно относитъ это событіе къ X вѣку: *Chroniche* 18 — 19. О Павлимірѣ сохранился у Червы (*Prolegomena* cap. VI) отрывокъ изъ затерянной хроники Евсевія Кабоги:

«De Paulimiro Belo Illyrici Rege Urbis Ragusae Instauratore».

«Haud profecto incongruum esse existimo Paulimirum Regem Rhacusanorum Civium numero adscribere, etsi minime Natalium jure, at certe beneficii magnitadine, quod non solum illa adaequare, sed multo etiam superare certum est. Et quis non videt in hujus clarissimi viri opere magnanimi et religiosi Principis generosum et pium semel elucere animum. Qui Regium stemma, quo ortus erat non magis bellica virtute, quam et belli cognomen indiderat, quam pietate exornavit. Studio enim Optimatum Regni sui ad avita sceptra capessenda evocatus, affinitate, quam parricidii scelus infecerat, jam merito exstincta, postquam Scislavi patruelis impietas aliquandiu exulare fecisset, ex sanctitatis asylo Romae religione satis imbutus, pietati apprime studens, Roma sacra Martyrum pignora, ad Regni sui auspicia felicius capessenda permissu Romani Pontificis asportat, nobilissimo frequentique illo suo comitatu egressus, et ubi primum navibus Dalmatiam appulit

въ 690 году. По случаю междоусобій, возникшихъ въ Боснѣ по смерти Павлиміра, его сторонники поселяются въ Дубровникѣ (717 г.) [1]). Въ 1156 году много босняковъ изъ *лучшихъ и богатѣйшихъ фамилій* переселяются въ Дубровникъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ получаютъ *властельскія* права; банъ Баричь, раздраженный отказомъ дубровничанъ выдать ему бѣглецовъ, вторгается съ большимъ войскомъ въ дубровницкія владѣнія и опустошаетъ ихъ; но разбитый Иваномъ Матвѣевичемъ Червою (Giovanni di Matteo Cerva) у Требинья, принужденъ заключить миръ, дозволить дубровничанамъ свободно торговать въ его владѣніяхъ и заплатить имъ военныя издержки [2]). Одновременно съ приливомъ новыхъ поселенцевъ изъ сосѣднихъ славянскихъ краевъ Дубровникъ увеличиваетъ свою территорію насчетъ славянъ: такъ въ 1050 году Стефанъ Крешиміровичъ, король Хорватіи и Далмаціи, даритъ дубровничанамъ Жупу (Breno), Гружъ (Gravosa), Рѣку (Ombla), и Затонъ (Malfi) [3]); въ 1080 году далматскій король Сильвестръ подарилъ имъ острова: Колочепъ (Calamota),

---

clarissimi facinoris aliquod emolumentum dare studens, ibi Ragusae Urbis, quam Epidauritani dirutae Patriae loco quamvis perexiguis initiis excitare moliti fuerant, Saracenicaque vis progressum inhibuerat, felici omine instaurare aggressus est, arce editissimis rupibus extructa, ad tutelam et munimen Urbis, quam ad Epidauritanos suorum frequentia, qui se affinitate contingebant, satis excoluit: Senatui ex utrisque adlecto curam et horum procurationem tradidit. Aedibusque quas Protomartyris numini excitatas dicaret, exornat, Divorumque numine Sanctorum artuum depositione explevit, quibus et adhuc maxima veneratione memorabilis perdurat cultus, et ne quid tandem novae Urbi deesset, Episcopum Epidauritanum, motu Apostolicae Sedis, donat. Unde ferunt, et Principi memoriae (cui ob ingentia beneficia Conditoris detulere nomen) Aeri, cujus adhuc in venalibus usus, capitis expressam asservari effigiem».

[1]) Resti 20. Ser. Razzi, *La Storia di Raugia.* Lucca 1595. L. I., c. 3, p. 10. Всѣ лѣтописи единогласно относятъ первыя поселенія славянъ между епидавро-салонитанскими выходцами ко временамъ Родослава Белла, но не согласны относительно вѣка, когда онъ жилъ (VI — VII в.). Нѣкоторые изъ лѣтописей различаютъ двухъ Родославовъ, изъ коихъ одинъ жилъ въ началѣ VI, а другой во второй половинѣ VII вѣка: отъ деспотизма этого послѣдняго *много* босняковъ бѣжало въ Дубровникъ. Какъ бы-то ни было, въ концѣ VII вѣка мы находимъ уже здѣсь славянскія поселенія.

По единогласному показанію лѣтописей, въ 743 году прибываетъ въ Дубровникъ новая партія славянскихъ колонистовъ изъ Босны и съ Неретвы. Въ 872 г., по показанію списка Стулли, выселяется въ Дубровникъ много боснійскихъ властелей.

[2]) Resti 58—62, Cerva Metropolis Ragus. 211—214.

[3]) Cerva ibid. 119—123.

Лопудъ (Mezzo) и Шипань (Giupana) [1]; въ 1100 году король Бодинъ по духовному завѣщанію отказалъ кромскому монастырю долину Шуметъ (Gionchetto) [2]; въ 1151 году пріобрѣтенъ островъ Млѣтъ (Meleda), а въ 1164 г. мѣстность Бѣло въ Жупѣ [3]; въ 1310 г. жители острова Ластова (Lagosta) добровольно подчинились Дубровнику [4]; въ 1333 году дубровничане купили отъ бана боснійскаго Пелешацъ (Sabioncello) и Стонъ (Stagno) [5]; въ 1347 году Стефанъ Котроманичъ даритъ дубровничанамъ острова Александрію и Посредницу въ Неретвинскомъ заливѣ, а въ 1399 году Остоя Христичъ Приморье [6]; въ 1410 году Дубровникъ пріобрѣтаетъ острова Корчулу (Curzola), Хваръ (Lesina) и Брачь (Brazza) [7]; въ 1419 г. дубровничане покупаютъ восточное Конавле у Сандала Гранича, а въ 1429 г. западное Конавле у Родослава Павловича [8]. Расширенная такимъ образомъ, территорія Дубровницкой республики [9] имѣла до 150 миль въ длину и до 15 въ ширину: масса народонаселенія была *славянская*; только въ городѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ жители были *греко-романскаго* происхожденія: то были или основатели

---

1) Cerva 153—154.

2) Въ ризницѣ бенедиктинскаго монастыря (основ. 1020 г. Resti 40) на островѣ Кромѣ хранилась еще во время Червы дарственная грамота короля Бодина, которую считаемъ не лишнимъ привести здѣсь, такъ какъ она рѣшаетъ сомнѣнія насчетъ эпохи, въ которую жилъ Бодинъ:

«In nomine Domini nostri Jesu Christi».

«Anno ab Incarnatione Domini Millesimo centesimo Indictione octava. Testamentum hoc firmum stabileque factum a me Dei gratia Bodino Rege ex loco qui vocatur Sanctum Martinum de Zoncheto, scilicet notum sit omnibus Nos dedisse illum et cum omne possessione tam de terris quam de vineis, quae pertinent ad eumdem locum in Monasterio S. Benedicti, ita quidem ut licitum habeant monachi perfruere illum, et possidere perpetualiter absque contrarietate omnium nostrorum praesentium et futurorum, quod si quis contumax haec nostra statuta depravare nitucrit, et aliquam molestiam vel vim inferre Monachis temptaverit, iram Omnipotentis Dei et maledictionem omnium Sanctorum incurrat. Et ego A. Abbas in Coenobio Sanctorum Martyrum Sergi et Bacchi (въ Скутари, гдѣ и погребенъ Бодинъ) per jussionem Domini Regis scripsi in praesentia Domini Petri Archiepiscopi et aliorum nobilium (*Metrop.* 159—160)».

3) ibid. 227—228. — 4) Prolegom. l. c. — 5) Resti 159. — 6) Prolegom. l. c. 7) Resti 275. — 8) ibid. 304—333.

9) Говоря о Дубровникѣ, мы употребляемъ терминъ *республика* вмѣсто *общины*, какъ у насъ принято, на томъ же основаніи, на какомъ мы называемъ Венецію и Геную *республиками*, — хотя этотъ терминъ вошелъ въ употребленіе въ Европѣ съ XV вѣка, а до того времени употреблялись выраженія: *Civitas*, *Commune*, *Communitas*. Cnf. *Appendini* I, 162.

Дубровника — епидавритане и салонитане, или позднѣйшіе колонисты: греки и итальянцы съ начала XII вѣка и испанцы, кажется, не ранѣе XV в. (какъ въ самомъ городѣ, такъ и на Корчулѣ и Пелешцѣ). *Славянскій элементъ*, не смотря на свою численную силу, долженъ былъ подчиниться вліянію нравственно болѣе сильнаго элемента романскаго и *только въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка сдѣлался господствующимъ:* только къ этому времени можно пріурочить окончательную славянизацію Дубровника, вопреки общепринятому у насъ мнѣнію, что Дубровникъ ославянился уже въ X вѣкѣ [1]). Такое мнѣніе ни на чемъ не основано: въ X-мъ вѣкѣ въ Дубровникѣ было еще мало славянскихъ поселенцевъ; расширеніе дубровницкой территоріи насчетъ славянъ начинается только съ половины XI-го вѣка; еще въ XII вѣкѣ, по свидѣтельству Вильгельма Тирскаго, въ Дубровникѣ говорили *по латыни*; только къ XIV в. относятся первыя попытки ввести славянскій языкъ въ государственное управленіе; но съ одной стороны необработанность сербскаго языка, не могшаго еще въ то время выражать всѣхъ понятій романской образованности, а съ другой господство во всей западной Европѣ въ эпоху «возрожденія» латинскаго языка были причиною того, что эти первыя попытки остались безъ послѣдствій: въ 1472 году сенатъ постановилъ: «In arenghis Consiliorum nostrorum uti lingua Slava nequeant, nec alia, — nisi Latina-Ragusaea». Съ тѣхъ поръ латинскій языкъ господствовалъ почти исключительно (исключеніе допускалось только въ пользу итальянскаго языка) въ администраціи и наукѣ до самаго паденія Дубровника. Мысль о неспособности славянскаго языка къ выраженію понятій романской образованности до того укоренилась въ дубровничанахъ, что *во всей ихъ литературѣ нѣтъ ни одного ученаго сочиненія, писаннаго по сербски:* на сербскомъ языкѣ писали только проповѣди и стихотворенія. Изгнанный изъ науки и высшей администраціи, *сербскій языкъ держался въ областномъ управленіи и церкви.* Судопроизводство въ сербскихъ областяхъ Дубровника производилось на мѣстномъ языкѣ по мѣстному обычному праву (usanze); но только низшія должности были занимаемы мѣстными жителями, на

[1]) Майковъ, Ист. сербск. яз., 155. Пыпинъ, Ист. слав. лит., 110.

всѣ же другія были назначаемы кровные дубровницкіе властели (Cons. dei Preg. 8 Oct. 1485), а потому можно сомнѣваться, чтобы мѣстные законы были писаны на сербскомъ языкѣ: дошедшіе до насъ законники острововъ Ластова, Млѣта и Корчулы писаны по-итальянски; изданный же М. Баномъ сербскій списокъ законника Млѣта слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, считать переводомъ (частнымъ, а не офиціальнымъ) итальянскаго оригинала, изданнаго Венцелемъ, а также находящагося въ рукописи франц. библ. № 951. Славянскій языкъ, по словамъ извѣстнаго дубровницкаго ученаго, Маттеи (*Zibaldone* № 267), былъ въ употребленіи при богослуженіи еще въ его время по деревнямъ, а въ страстную недѣлю даже въ самомъ Дубровникѣ: «Quin Latina lingua ritusq. Latinus in Liturgia perpetuo Ragusii ab ipsa Urbis conditione in usu fuerit, nihil nos sinit ambigere. At tota in ditione per partes paulatim a Ragusinis acquisitas, et ritus Graecus et Slavica lingua erat in rebus Sacris recepta; novorum deinde dominorum studio, et Minorum fratrum industria et labore utrumque cum patarenorum et graecorum erroribus antiquatum. Visuntur adhuc plures Ecclesiae graecanicae constructionis formam praeferentes, vel dirutae, ut Gravosii Ecclesia SS. Cosmae et Damiani, in Vitaglina ad Rizonicum sinum sub colle ipso cujus est mater Ecclesia.... visuntur rudera Ecclesiae Slavicae quam appellabant.... et Monasterii Calugerorum.... vel adhuc supersunt integrae et ad usum Latinum traductae, ut in Stagni vicinia Ecclesia SS. Cosmae et Damiani, et illa Deiparae in Campo «Gospa od Polja» et alibi complures (p. 11) — In ipso ad occidentem suburbio (Пилле) erat olim Ecclesia Graeca, in qua Slavice Divina peragebantur officia.... Ut aliquid tamen plebis pietati indulgeatur *vetustissima consuetudine introductum et observatum est, per Majorem Hebdomadem in solemni Missarum officio Passio D. N., Epistolae, Prophetia, improperia, et si quae in ipsius etiam Urbis quibusdam minoribus Ecclesiis*, Sancti Nicolai de Annona videlicet, B. M. de Monte Carmelo, Omnium Sanctorum sive S. Domini, Transfigurationis et Monialium, *Lingua Slavonica* Bartholomaei Cassich e S. J. ad Ragusinam dialectum et usum ab ipso adornata, *cantantur. In pagis porro per totius anni cursum omnibus diebus Dominicis et aliis Festis praecep-*

tis in Missa Epistolae et Evangelia Latine primum, Slavice deinde a Curionibus elata voce leguntur: nec sine magno laboris fructu, cum rudes villici et ipsae simplices mulierculae ex repetita Divinorum verborum auditione illa et memoriae mandent, at saepe ita retineant, ut nonnulli ea veluti ex codice ad verbum reddant. — Ad haec *paganici plerique Curiones in ministrandis Sacramentis* Baptismatis, Eucharistiae et extremae Unctionis *illira Slava lingua efferunt*, quae intellectu accipientium vel adstantium apta sunt pietatem excitare et fovere (p. 16)».

Изъ вышеприведенныхъ словъ Маттеи видно также, что Дубровникъ дѣятельно старался искоренять православіе на своей территоріи: по законамъ Республики, *право гражданства имѣли только католики. Единство церкви было такою же политическою мѣрою, какъ и распространеніе дубровничанами католицизма въ славянскихъ областяхъ*, съ которыми они находились въ торговыхъ связяхъ [1]), а потому и неудивительно, что Республика не щадила издержекъ на устройство при своихъ факторіяхъ церквей и на содержаніе при нихъ католическихъ священниковъ и проповѣдниковъ.

Первоначально Дубровникъ управляемъ былъ по *римскимъ законамъ*; впослѣдствіи *славяне* внесли въ законоположеніе Республики *свой элементъ*. Дубровничане, оставляя присоединеннымъ къ нимъ славянамъ ихъ самоуправленіе, подчиняли ихъ центральной власти романскаго происхожденія: оба элемента, славянскій и романскій, вліяли на законоположеніе мѣстное и общее, и оттого съ одной стороны въ мѣстные законники вошло много чужаго, романскаго, а съ другой стороны общее законодательство измѣнилось, согласно духу огромнаго большинства народонаселенія—славянъ. Отлагая до болѣе удобнаго случая рѣшеніе вопроса, чтó въ дубровницкомъ законодательствѣ принадлежитъ славянскому и чтó римскому праву, ограничусь здѣсь нѣсколькими замѣчаніями. Въ Дубровникѣ существовала для судебнаго разбирательства *очная ставка* или *састанакъ* (stanico у лѣтописцевъ); существовалъ также *судъ по поротѣ*, хотя ограничивался сельскими жителями и странствующими купцами, уступивъ въ прочихъ случаяхъ мѣсто суду госу-

[1]) Подробности см. въ *Матер. для Ист. сношеній Россіи съ Рагузскою республикою.* М. 1865.

дарственныхъ чиновниковъ. Рядомъ съ присяжными свидѣтелями, *душниками* и *ротниками*, допускались еще такъ называемые *добрые люди*, которымъ вѣрили на слово, какъ людямъ честнымъ и безкорыстнымъ. Но въ дубровницкомъ законодательствѣ не существовало *общей поруки*, которую замѣнила *личная отвѣтственность* по римскому праву. Господство *пѣни*, заступившей мѣсто кровной мести, обогащало Дубровникъ и доставляло преобладаніе надъ народомъ *сословію властельскому*, которому было не трудно откупаться отъ наказаній за преступленія. Преступленія противъ власти и церкви наказывались *смертною казнію* и сопровождались *конфискаціею* имущества преступника. Отношенія между землевладѣльцами и поселянами (coloni) были основаны на свободныхъ сдѣлкахъ. Помѣщикъ обязывался дать поселянину домъ, за пользованіе которымъ тотъ отработывалъ 90 дней *барщины*. За землю (400 кв. футовъ) платилось натурою. Помѣщикъ, отсылая отъ себя поселянина, обязывался уплатить ему за всѣ сдѣланныя имъ улучшенія (miglioramenti). Поселяне содержали на свой счетъ священника и старосту (Capo-Villa). Дѣти поселянъ съ 8-ми лѣтняго возраста находились въ услуженіи у помѣщиковъ; достигнувъ совершеннолѣтія, дѣвушки были выдаваемы замужъ, причемъ получали отъ господъ приданое (справа), а молодые люди были отдаваемы на корабли и во время плаваній изучали мореходство, доставлявшее имъ средства къ обогащенію. *Торгъ рабами*, столь несвойственный славянамъ, *былъ воспрещенъ сенатомъ 27-го января 1416 года* [1]). Это запрещеніе было повторено *подъ страхомъ смертной казни* 28-го апрѣля 1466 г. [2]).

[1]) Cerva, Metrop. 1250 — 1252. Lucius, De regno Dalm. et Croat. l. VI, c. 4, p. 280.

[2]) Liber Croceus ch. 25: «Anno 1466 die 28 Aprilis per ballotas 96 contra 8: Quia nonnulli flagitiosi et scelerati homines obliti quanti pretii et quantae excellentiae sint homines, quos Deus creavit ad imaginem et similitudinem suam, postposito timore divino et humano vendunt ex ipsis hominibus tanquam pecora, et quod pejus est vendunt Turcis et aliis Infidelibus. Idcirco obviare volentes tam nefariae mercaturae, statuimus et ordinamus, si quis ex habitantibus in Racusio aut in ejus districtu hactenus vendiderit, aut in posterum vendere praesumpserit aliquem ex habitantibusin Racusio, aut in ejus dictrictu, aut aliquem viatorem, seu aliquam aliam personam, quae reperietur in jurisdictione nostra, et tum improbus Mercator ad manus Judicum nostrorum venerit, *debeat incarcerari et sibi praefigi terminus unius mensis ad restituendum cum effectu in libertatem, et venire faciendum Racusium illum vel illos, quos vendidisset, infra quem terminum si liberare fecerit, ut dictum est, illum vel illos, quos vendidisset, tunc sibi evelli debeant*

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ Венеціи были заимствованы возмутительныя *казни* и *пытки*, не гармонирующія съ духомъ дубровницкихъ законовъ, въ высшей степени гуманнымъ. Торгъ рабами, какъ видно изъ постановленія сената 1466 года, наказывался *выкалываніемъ глазъ* и *висѣлицею*; за преступленія противъ государства и религіи *отсѣкали головы; колдуновъ сожигали;* но самымъ ужаснымъ наказаніемъ было *замуравливаніе живыхъ въ стѣну*. Дознаніе производилось посредствомъ возмутительнѣйшихъ *пытокъ*, о которыхъ дошло до насъ весьма любопытное извѣстіе начала XVII вѣка. Раввинъ Ааронъ Лунелли разсказываетъ [1]), что въ 1622 году жидъ Исаакъ Езерумъ былъ обвиненъ въ томъ, что будто бы онъ подучилъ одну огородницу убить малолѣтнюю дочь нѣкоего купца и продать кровь ея жидамъ, у которыхъ наступалъ въ то время праздникъ пасхи. Призванный немедленно къ допросу, жидъ оправдывался отъ взведеннаго на него обвиненія и увѣрялъ, что ихъ законъ воспрещаетъ убивать людей; но судьи ему не повѣрили и, дабы получить отъ него сознаніе въ мнимомъ преступленіи, подвергли его *часовой пыткѣ* (tortura d'un hora). Не смотря на страшныя истязанія жидъ, по прежнему, доказывалъ свою невинность. Его заключили въ тюрьму и по прошествіи нѣсколькихъ дней снова подвергли прежней пыткѣ, *обривъ ему* предварительно *голову*, *какъ колдуну*, ибо, по мнѣнію судей, обыкновенный человѣкъ не могъ вынести подобнаго мученія, не сознавшись въ своей виновности. Не получивъ отъ жида сознанія и послѣ второй пытки, судьи передали дѣло Малому Совѣту, который не замедлилъ подвергнуть его третьей пыткѣ, еще болѣе тяжелой (guai sopra guai senza riposo e senza rifiato, prima di finir uno veniva l'altro): для увеличенія страданій привязали ему между ногами бревно (un travo grande), препятствовавшее его движеніямъ. И сами судьи удив-

---

ambo oculi, sed non debeat privari vita. Sed si eos infra terminum praedictum non fecerit modo praedicto liberare, tunc debeat suspendi ad furcas per gulam, ita ut anima a corpore separetur. Si autem aliquis alienigena aliquem ex nostris, aut de habitantibus in jurisdictione nostra, aut aliquem alium, qui esset in jurisdictione nostra vendere praesumpserit, si talis alienigena erit de partibus Terrae fermae punitio spectet et praeveniat Consilio Rogatorum, intromissio autem, examinatio et processus fiat per Judices, et poena super tali delicto... ut dictum est. Si autem talis alienigena erit de partibus maritimis subjaceat poenae supradictae».

[1]) Cerva, Metrop. 2808—2826.

лялись, *какъ можетъ переносить человѣческая натура подобныя истязанія* (come la natura umana può soffrire tormento simile); но ничего не дознались, по прежнему. И вотъ черезъ нѣсколько дней стали пытать жида въ четвертый разъ: связавъ, какъ и прежде, руки назадъ, привязали къ ногамъ головою внизъ сильнаго барана, который, стараясь высвободиться, рвался и метался во всѣ стороны и тѣмъ увеличивалъ истязанія; когда онъ издохъ, замѣнили его другимъ бараномъ сильнѣе прежняго и продолжали мученія, которыя были выше силъ человѣческихъ и отъ которыхъ, по словамъ раввина, *разсѣкся бы камень* и *желѣзо разлетѣлось бы въ дребезги* (se fosse pietra si disfarebbe o se fosse ferro si spezzerebbe). Дѣло было перенесено въ сенатъ. Сенаторы, подозрѣвая, что жидъ — *колдунъ*, приказали *обрить его съ головы до ногъ, не оставивъ на всемъ тѣлѣ ни одного волоска; потомъ обрѣзали ему ногти на рукахъ и ногахъ, переодѣли его въ другое платье, перевели въ другую тюрьму и стали поитъ его чрезъ силу* «per fargli buttar di sopra e di sotto quanto aveva nel corpo»; приводили къ нему также *монаховъ*, которые *окуривали* и *заклинали* «per far fúgir le stregherie e li diavoli»; и наконецъ подвергли его въ пятый разъ *полуторочасовой пыткѣ* (la tortura d'un hora e mezzo): связавъ руки назадъ, «gli diedero tre tratti di corda». Послѣ всѣхъ этихъ истязаній, сенатъ постановилъ *замуровать его на 20 лѣтъ въ башню.* Приговоръ былъ прочитанъ на площадѝ при звукѣ трубы, и несчастный жидъ былъ брошенъ въ башню, толщина стѣнъ которой была въ 10 футовъ; въ башнѣ было только маленькое отверстіе въ *три кулака* для подачи пищи. Жидъ провелъ въ этой башнѣ 2 года и 8 мѣсяцевъ, и освобожденіе его приписывали его единовѣрцы особому чуду.

Государственное устройство Дубровника было также заимствовано изъ Венеціи, подъ вліяніемъ которой составленъ статутъ 1272 г. Въ Дубровникѣ было три *сословія: Patritii* или *nobiles* (бояре или властели), *cives* или *populares* (*popolani, cittadini*, горожане или мѣщане, соединенные въ братства св. Антонія и Лазаря) и *artifices*, иначе *villani* или *districtuales* (*люди*, поселяне, не имѣвшіе своей земли, но пользовавшіеся свободою перехода отъ одного помѣщика къ другому). Послѣдніе не принимали

никакого участія въ государственномъ управленіи, а изъ втораго сословія выбирались только *scribae*. Всякій властелинъ, достигнувъ совершеннолѣтія (18 л.), вступалъ въ *Общее собраніе* или *Большое вѣче* (Majus seu Generale Consilium, Consiglio Maggiore), которое избирало чиновниковъ (разъ въ годъ 18-го декабря, а ректора ежемѣсячно 25 числа), утверждало законы и рѣшало уголовныя дѣла. Изъ числа членовъ Большаго вѣча избиралось 20 человѣкъ, составлявшихъ *Сенатъ* (*Consilium Rogatorum*. Rogati = Patres qui a Rectore rogantur ut publicis consulant rebus. *Cons. dei Pregati*): они опредѣляли дань и подати, назначали посланниковъ (всегда изъ властелей), объявляли войну, заключали миръ, наблюдали за строгимъ исполненіемъ законовъ и т. п. *Малое вѣче* (*Consilium Minus*, Consiglio Minore) тоже, что у венеціанцевъ *Cons. decemvirum:* оно состояло до великаго землетрясенія 1667 года изъ 11, а послѣ изъ 7 человѣкъ и было чѣмъ-то въ родѣ министерства иностранныхъ и духовныхъ дѣлъ. Изъ сенаторовъ выбирался *ректоръ*, называвшійся первоначально Prior, потомъ *Comes*, а съ 1308 г. *Rector:* онъ созывалъ и распускалъ Совѣты, хранилъ государственную печать и ключи города; отличался особою одеждою; ему были присвоены особыя почести; но не имѣлъ никакой власти и въ Совѣтахъ, подобно всякому сенатору, имѣлъ только одинъ голосъ. Владиславъ, король польскій и венгерскій, въ 1461 году, и Матвѣй Корвинъ въ 1462 г. предложили ректору титулъ *Archi-Rector*, но Республика отклонила это предложеніе «ad declinandam forte invidiam», какъ думаетъ Черва. Ректоръ избирался первоначально на 1 годъ, потомъ на 6 мѣсяцевъ и наконецъ на 1 мѣсяцъ. За исполненіемъ законовъ наблюдали *Magni Reipublicae Provisores* (Provveditori), избиравшіеся изъ сенаторовъ первоначально (въ 1473 г.) въ числѣ 5, а потомъ 3. Низшую судебную инстанцію составляли: *Criminales seu Maleficorum Judices* (*Giudici*, съ 1459 г. 6, съ 1667 года — 4) и *Consules s. Civilium Causarum Judices* (*Consoli delle cause civili:* 1448 г. — 6, 1667 г. — 4). *Государственныхъ казначеевъ* (*Praefecti aerario*, Tesorieri di S-ta Maria) было до великаго землетрясенія 5, а потомъ 3. Каждая отрасль государственнаго управленія имѣла особыхъ чиновниковъ: такъ были *Signandae Pecuniae Curatores*, *Annonae Praefecti*, *Salis Praefecti*, *Mon-*

tis Pietatis Curatores, *Sanitatis Curatores* (1377), *Ratiocinatores* (контролеры 1408), *Vectigalibus Praefecti* (завѣдывали торговлею), *Justiciarii* (наблюдали за вѣсомъ и мѣрою), *Rerum Vectigalium Aestimatores* (налагали пошлину на скотъ), *Aquis Praef.* (1490 г. наблюдали за водопроводомъ, мѣльницами и т. п.), *Praefecti noctis* (6 властелей 30 — 50 л. заботились о спокойствіи въ городѣ ночью), *Castrorum Praefecti* (коменданты фортовъ S. Lorenzo, S. Giovanni ad Portum и SS. Anunciationis на Плочѣ) и т. п. Стоитъ упомянуть еще о томъ, что шести властелямъ было поручено наблюдать, *чтобы не привозили въ Дубровникъ иностранныхъ винъ*. *Officia extra Urbem* были: *графы* въ Стонѣ, Янинѣ, Сланомъ, на Ластовѣ, Млѣтѣ, Шипанѣ и Лопудѣ, въ Жупѣ и Конавлѣ и *префекты* въ Стонѣ Маломъ (Minus), Пелешцѣ и Цавтатѣ [1]). Эти графы и префекты управляли ввѣренными имъ областями, городами и мѣстечками по мѣстнымъ законамъ и должны были представлять въ сенатъ донесенія о всемъ, что могло имѣть общій интересъ. Всякое сепаратическое стремленіе было во время подавляемо, въ случаѣ надобности даже силою, и если Республика не могла сама справиться съ своими непослушными подданными, то прибѣгала къ иностранной помощи: такъ въ 1316 году было усмирено Ластово при содѣйствіи Венеціи [2]), а въ 1607 году, когда та же самая Венеція поощряла ластовянъ къ возстанію, Испанія и Турція употребили все свое вліяніе для усмиренія бунтовщиковъ [3]). Благодаря умной политикѣ Республики, такія возстанія были весьма рѣдки и имѣли характеръ частный: спокойная и безопасная жизнь подъ владычествомъ Дубровника, обширное развитіе торговли и мореплаванія, а вслѣдствіе того общее благосостояніе, привязывали подданныхъ къ правительству.

Территорія Дубровника до XI-го вѣка была столь мала, что

---

[1]) Cerva, Prolegomena cap. XV, pp. 126—148. Въ эпоху паденія Дубровника расходы на центральное управленіе простирались до 30 тысячь дукатовъ (= 17.500 гульд.), изъ коихъ почти половина шла на жалованье графамъ и префектамъ (отъ 1 до 1½ тыс. дук. каждому). *Memorie politico-economiche della città e territorio di Trieste, della Penisola d'Istria, della Dalmazia fù Veneta, di Ragusi e dell'Albania*, ora congiunti all'Austriaco Impero di G. di B-n (Bomman). Venezia 1821, pp. 292—294.

[2]) Resti 133.

[3]) M. Bassich, Memorie storiche di Ragusa (ркп. франц. библ. № 891) libro VIII, § 13.

не могла удовлетворять первымъ потребностямъ его жителей, которые такимъ образомъ принуждены были искать средствъ къ пропитанію на чужбинѣ. Родственная имъ Италія, отъ которой они были отдѣлены моремъ, манила ихъ къ себѣ своимъ богатствомъ, а плодородныя сосѣднія области, занятыя славянами, представляли имъ въ изобиліи все необходимое для жизни: подъ такимъ вліяніемъ развились *торговля* и *мореплаваніе* дубровничанъ, расширеніе и усовершенствованіе коихъ составляли главную ихъ заботу въ продолженіе многовѣковаго политическаго ихъ существованія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя и умалчиваетъ объ этомъ исторія, что торговыя сношенія Дубровника съ Италіею и сосѣдними славянскими краями начались вскорѣ по его основаніи; заключеніе перваго торговаго договора съ Босніею лѣтописи относятъ къ 831 года [1]); черезъ 35 лѣтъ послѣ этого, въ 866 году, дубровничане отправляютъ посольство къ византійскому императору Василію Македонянину съ просьбою о защитѣ ихъ отъ сарациновъ: участіе, принятое императоромъ въ судьбѣ дубровничанъ, и его дѣятельная помощь свидѣтельствуютъ, по моему мнѣнію, о томъ, что еще прежде они были извѣстны Византіи, а перевозка союзныхъ войскъ въ Апулію на судахъ дубровничанъ ясно показываетъ, что въ то время былъ у нихъ уже значительный флотъ [2]). По изгнаніи сарацинъ изъ Италіи союзными силами Византіи, Венеціи и адріатическихъ славянъ, дубровничане заключаютъ въ 871 г. торговый договоръ съ Апуліею и Сициліею [3]). Подъ 980 годомъ записаны въ лѣтописяхъ три важныя для насъ событія: 1) венеціанцы захватываютъ дубровницкій *корабль съ грузомъ на 25.000 дукатовъ;* не получивъ удовлетворенія, *дубровничане покидаютъ Венецію:* изъ этого показанія видно, что торговля дубровничанъ въ то время была уже весьма значительна и что они имѣли осѣдлость въ Венеціи, гдѣ была, вѣроятно, ихъ факторія; 2) дубровничане *возобновляютъ договоръ съ Апуліею на правахъ взаимнаго гражданства* и 3) *они*

---

1) Resti 12.

2) Constant. Porhyrog. De imp. admin. XXIX. О существованіи у дубровничанъ въ то время (866 г.) флота Константинъ Порфир. говоритъ ясно: «τα ἴδια αὐτῶν καράβια» (p. 131. ed. Bonn.). По свидѣтельству лѣтописей, *первая галера* для защиты отъ корсаровъ была построена въ 782 году. Resti 12.

3) Razzi 21.

поступаютъ подъ покровительство византійскихъ императоровъ Василія и Константина, которые подтверждаютъ прежнія ихъ привилегіи (gli antichi privilegij e patti); въ письмѣ императоровъ, отправленномъ въ Дубровникъ съ Михаиломъ монахомъ, говорится объ *утвержденіи вѣчной дружбы* между обоими государствами. Замѣчательно также, что императорскій посолъ *испросилъ* у Республики *80 искусныхъ моряковъ для византійскаго флота и трехъ властелей опытныхъ въ государственномъ управленіи* [1]): свидѣтельство весьма лестное для дубровничанъ объ ихъ искуствѣ въ мореплаваніи и политической опытности. Вслѣдствіе вооруженнаго вмѣшательства Византіи венеціанцы въ 972 году возвратили дубровничанамъ несправедливо захваченный ими корабль съ грузомъ; но съ тѣхъ поръ сдѣлались злѣйшими ихъ врагами: было постановлено разсуждать въ сенатѣ всякую пятницу о средствахъ къ уничтоженію Дубровника. Вскорѣ, во время войны съ неретвянами, венеціанцы конфисковали дубровницкій корабль съ грузомъ серебра и воска на 12.000 дукатовъ (997 г.) подъ тѣмъ предлогомъ, что грузъ принадлежалъ будто бы ихъ непріятелямъ. Не получивъ удовлетворенія, Дубровникъ запретилъ своимъ подданнымъ торговать съ Венеціею, для которой, вѣроятно, было очень чувствительно прекращеніе торговыхъ сношеній съ дубровничанами, если она поспѣшила не только примириться, но даже заключить союзъ съ ними въ 1001 г. [2]). Около 1000 года дубровничане получили право *свободной торговли въ Болгаріи* [3]), а въ 1078 г. въ *Венгріи* [4]). Еще раньше, въ 1017 году, Дубровникъ, *за 500 перперовъ*, ежегодно платимыхъ *Босніи*, пріобрѣтаетъ право *безпошлинной торговли* въ ея владѣніяхъ [5]), сдѣлавшееся позже (1160 г.) *безусловнымъ* [6]). Въ 1080 г. они заключили дружественный договоръ съ *Вильгельмомъ норманскимъ*, королемъ Сициліи, и дали двѣ вооруженныя большія галеры Роберту Гвискару въ помощь противъ Алексія Комнена и венеціанскаго дожа Сильвія [7]). Въ 1114 г. банъ боснійскій Грубиша дозволилъ дубровничанамъ построить между Оловомъ и горою Якотиною, неподалеку отъ нынѣшняго Сараева, *крѣпость*

[1]) Resti 27—30. — [2]) ibib. 30—39. — [3]) ibid. 38. — [4]) ibid. 40. — [5]) ibid. 46. [6]) ibid. 62. — [7]) G. Luccari, Annali di Rausa Venezia 1605. Lib. I, p. 13

Дубровникъ для защиты ихъ купцовъ и промышленниковъ, занимавшихся *разработкою серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ въ Босніи*, доставлявшею имъ уже въ то время огромные доходы (250%) [1]). Съ тѣхъ поръ завелись въ Дубровникѣ *золотыхъ дѣлъ мастера*, столь быстро размножившіеся вслѣдствіе прибыльности ихъ ремесла, что около 1400 г. мы находимъ ихъ не только въ городахъ, но даже во всѣхъ болѣе населенныхъ деревняхъ. Въ 1148 г. заключенъ торговый трактатъ съ *Мальфеттою* [2]), а въ 1169 г. съ *Пизою* [3]). Въ слѣдующемъ 1170 г. императоръ *Еммануилъ Комненъ даровалъ многимъ дубровницкимъ купцамъ право гражданства въ Византіи и принялъ ихъ дѣтей въ тамошнія школы*, а *венгерскій король, Стефанъ III, подтвердилъ дубровничанамъ прежнія ихъ привилегіи* [4]). Въ 1172 году Дубровникъ, вступивъ *подъ покровительство Вильгельма, короля сицилійскаго*, получилъ право *безпошлинной торговли* въ его королевствѣ [5]). Въ 1186 году, по счастливомъ окончаніи войны съ *великимъ жупаномъ Рассіи, Неманею*, дубровничане были *освобождены отъ всякой пошлины* за право торговли въ его владѣніяхъ и пользованія его землями [6]). Въ 1189 г. были возобновлены или заключены торговые трактаты съ *Босніею* (Кулинъ банъ), *Равенною* и *Истріею* [7]). Въ 1192 г. византійскій императоръ *Исаакъ Ангелъ* дозволилъ дубровничанамъ безпошлинно торговать въ *Болгаріи* и *Романіи* [8]). Къ этому же году относится первое знакомство дубровничанъ съ *англичанами* (Ричардъ Львиное сердце, занесенный бурею къ острову Кромѣ, строитъ великолѣпный соборъ S. Maria Maggiore) [9]). Въ 1199 г. заключенъ торговый трактатъ съ *Фано* и возобновленъ съ *Анконною* [10]), а въ 1201 г. съ *Monopoli* и *Bari* [11]). Въ слѣдующемъ году *Алексій Старшій* требуетъ отъ дубровничанъ помощи противъ Алексія Младшаго, племянника Исаака Ангела, *грозя уничтожить ихъ цвѣтущую торговлю въ Романіи* [12]). Въ 1206 г. заключенъ торговый трактатъ съ *Реканати*, 1207 — съ *Которомъ* [13]), а въ 1216 г. съ *великимъ жупаномъ Рассіи, Стефаномъ Неманею* [14]), подтвержденный его

---

[1]) G. Luccari, Annali di Rausa Venezia 1605. Lib. I, p. 16. — [2]) Resti 57.— [3]) ibid. 64. — [4]) ibid. 65 — 66. — [5]) ibid. 68. — [6]) ibid. 72 — 73. — [7]) ibid. 74.— [8]) ibid. 78. — [9]) ibid. 79. — [10]) ibid. 83. — [11]) ibid. 84. — [12]) ibid. 84 — 85.— [13]) ibid. 91 — 92. — [14]) ibid. 94.

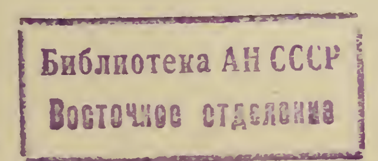
сыновьями Урошемъ и Стефаномъ Владиславомъ въ 1229 году, учредившими свое *агентство въ Дубровникѣ*[1]). Въ 1220 году, по договору съ Мамелюками, владѣтелями Египта, дубровничане получаютъ право торговли въ *Сиріи* (Soria) и *Индіи*[2]). Въ 1229 г. заключенъ торговый трактатъ съ *Фермо*[3]), а въ 1231 году съ *Римини* и *Феррарою*[4]). Въ 1232 году *дожъ Тіеполо* наложилъ *большія пошлины* на товары, привозимые дубровничанами въ Венецію какъ изъ европейскихъ, такъ особенно изъ азіятскихъ и африканскихъ портовъ[5]). Въ 1235 году заключенъ договоръ съ *Омишемъ* (Almissa)[6]), въ 1237 г. съ *Сплѣтомъ*[7]), а въ 1246—съ *краянами* (Crajani)[8]). Императоръ Михаилъ въ 1246 г.[9]) и болгарскій царь Михаилъ въ 1253 г.[10]) даровали дубровницкимъ купцамъ новыя привилегіи. Въ 1283 г. дубровничане получаютъ *право гражданства въ Мессинѣ и Сиракузахъ*, каковымъ пользовались еще во времена Растича[11]). Въ 1320 г. дубровничане обязались платить 1000 золотыхъ перперовъ императору Андронику, а въ 1321 г. 800 перперовъ Урошу за право торговли въ ихъ владѣніяхъ[12]). Въ 1332 году были учреждены дубровницкія *консульства* въ *Босніи*, *Сербіи* и *Рассіи*[13]). Въ 1358 г. дубровничане получили *право гражданства въ Венеціи*[14]) и вступили подъ *покровительство короля венгерскаго* Лудовика[15]). Въ 1365 году по договору, заключенному въ Бруссѣ съ *Султаномъ Орханомъ II*, дубровничане получили право свободной торговли въ турецкихъ владѣніяхъ того и будущаго времени[16]). Въ 1374 году Папа Григорій XI разрѣшилъ дубровничанамъ торговать съ невѣрными въ Египтѣ[17]). Въ 1378 году заключенъ союзъ противъ Венеціи съ *Генуею*, которая съ тѣхъ поръ становится средоточіемъ дубровникой торговли въ Средиземномъ морѣ[18]). Въ 1385 г. дубровничане вошли въ дружественныя и торговыя сношенія съ *Франціею*[19]). Въ 1423 г. Стефанъ Черноевичь дозволилъ имъ торговать въ *Черногоріи*[20]). *Деспоты сербскіе* Стефанъ и Лазарь, покровительствовали дубровницкимъ купцамъ[21]), а деспотъ Юрій

[1]) Resti 95—97. — [2]) Luccari I, 34. — [3]) Resti 98. — [4]) ibid. 99. — [5]) ibid. 100—101. — [6]) ibid. 103. — [7]) ibid. 105—106. — [8]) ibid. 111. — [9]) ibid. — [10]) ibid. 113—116. — [11]) ibid. 126. — [12]) ibid. 141. — [13]) ibid. 158. — [14]) ibid. 175. — [15]) ibid. 177—179. — [16]) ibid. 190—191. — [17]) ibid. 208. — [18]) ibid. 210. — [19]) ibid. 221—223. — [20]) Luccari II, 86. — [21]) ibid. 87.

отдалъ имъ въ 1441 г. на откупъ *золотые* и *серебрянные рудники* Янова, Кратова и Новаго Брда [1]). Въ 1442 году султанъ *Амуратъ* за 1400 дукатовъ ежегодной дани подтвердилъ привилегіи, полученныя дубровничанами отъ Орхана II [2]). Въ 1445 г. *Альфонсъ V*, король аррагонскій и сицилійскій, также подтвердилъ ихъ прежнія привилегіи [3]), а королева неаполитанская, *Іоанна II* дозволила имъ учредить *консульства* въ портовыхъ городахъ, «che habbiamo ottenuto poi», прибавляетъ Луккаричь, «da tutti i Principi del mar Mediterraneo» [4]). Въ 1510 году *Абунасаръ*, султанъ мамелюковъ, дозволилъ дубровничанамъ безпошлинно торговать въ Египтѣ и Сиріи [5]). Въ 1535 г. *императоръ Карлъ V* подтвердилъ дубровничанамъ, помогавшимъ ему въ походѣ въ Африку, дарованныя имъ *Фердинандомъ V*, въ 1494 году, обширныя привилегіи [6]). *Султанъ Солиманъ*, по взятіи Бѣлграда, дозволилъ дубровничанамъ вывозить хлѣбъ изъ его владѣній (mille carra di frumento ogni anno) [7]). Въ 1595 году *Амуратъ III*, а въ 1598 г. *Филиппъ III* подтвердили прежнія дубровницкія привилегіи [8]). Такъ постоянно возрастала и расширялась торговля дубровничанъ до XVII вѣка, съ котораго начинается быстрый ея упадокъ. Въ XV — XVI стол. дубровничане посѣщали по торговымъ дѣламъ Балканскій полуостровъ и Венгрію и порты Адріатики, Архипелага, Босфора, Средиземнаго моря и Атлантическаго океана по сю и по ту сторону (дубровничане участвовали въ открытіи Америки). Дубровницкія колоніи были разсѣяны повсюду; но главными изъ нихъ были: *Софія* для Балканскаго полуострова, *Бруссa* для Малой Азіи, *Александрія* для Африки, *Венеція* (гдѣ дубровницкую колонію, процвѣтавшую особенно въ половинѣ XV-го вѣка, нынѣ напоминаетъ Riva dei Schiavoni) для сѣверной Италіи и Венеціи, *Флоренція* (особенно съ половины XV вѣка: неподалеку отъ города Strada dei Ragusei) для средней Италіи, *Мессина* и *Сиракузы* — для южной. Въ *Палермо*, по сказанію арабскаго географа Якута († 1229), былъ особый кварталъ *Славянскій* (т. е. дубровницкій), а на *Сициліи* городъ *Рагуза* существуетъ донынѣ. *Генуя* была глав-

---

[1]) Resti 363 — 364. — [2]) ibid. 365. — [3]) ibid. 372. — [4]) Luccari 87. — [5]) ibid. 126. — [6]) ibid. 140. — [7]) ibid. 134 — [8]) ibid. 151—152.

ною колоніею дубровничанъ (съ 1378 г.) въ Средиземномъ морѣ. Средоточіемъ ихъ торговли въ Испаніи были *Барцелона* и *Валенція*, во Франціи — *Марсель*. Торговля съ *Англіею*, начавшаяся, вѣроятно, уже въ концѣ XII вѣка, пріобрѣтаетъ значеніе только со времени Кромвеля. Предметами торговли были: 1) *привозной:* a) *сухопутной:* лошади и домашній скотъ, медъ, воскъ, рыба, строительный лѣсъ, уголь, мѣха, золото, серебро, олово и нѣк. др., b) *морской:* хлѣбъ, оливки, плоды, соленое мясо и рыба, кофе, сахаръ, ароматическія и медицинскія растенія, шерстяныя, суконныя и льняныя издѣлія, посуда металическая, стеклянная и глиняная, соль, желѣзо, каменья и корабельный лѣсъ; 2) *вывозной:* a) *сухопутной:* соль (одна изъ главныхъ статей), мануфактуры — шерстяныя, льняныя и шелковыя, издѣлія изъ благородныхъ металовъ, посуда и др. b) *морской:* золото, серебро, олово, воскъ, мѣха, коралы, доски и др. Мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы опредѣлить цифру торговыхъ оборотовъ Дубровника въ эпоху его процвѣтанія [1]); но она должна быть огромна, если вѣрить преданію, что купцы, жившіе въ кварталѣ Прѣки имѣли капиталъ въ 20 милліоновъ дукатовъ, и если извѣстный шкиперъ Праццато могъ пожертвовать Республикѣ 200.000 генуинъ. О степени развитія дубровницкой торговли лучше всего можно судить по отзывамъ современниковъ: «His commodis (situ terrestri et maritimo) exuberat Ragusium», говоритъ Филиппъ де-Диверсисъ [2]). «Nam et terrae particeps unde quotidie propriae regionis incolae, adventitiique quadam fere incredibili copia concurrunt, equis et aliis animalibus conducentes, et propriis humeris bajulantes, quae hominum usui tum ad vivendum,

---

[1]) Въ эпоху паденія Дубровника (1806 г.) вывозилось товаровъ на 420.000 піастровъ (= 178.500 гульд.), тогда какъ привозилось на 1,800.000 піастровъ (= 765.000 гульд.); слѣдовательно былъ дефицитъ на 586.500 гульден. Часть этого дефицита могла быть покрываема доходами съ 80 каботажныхъ судовъ и съ продажи 3000 боченковъ оливковаго масла и 3500 сардинокъ (454.000 піастровъ). Транзитная торговля и мореходство доставляли ежегоднаго дохода 3,079.000 піастр., изъ коихъ, за вычетомъ дефицита 1,380.000 п. (= 586.500 гульд.), оставалось чистой прибыли 1,699.000 п. = 722.075 гульд. Изъ 363 кораблей, существовавшихъ въ 1806 году, осталось въ 1815 г. только 61, и то подъ чужимъ флагомъ. *Memorie politico-economiche* etc. 295—301.

[2]) *Descriptio Ragusina* (1440 г.). Pars I, cap. 1. De situ terrestri et maritimo Ркп. франц. библ. № 256, стр. 5—7.

tum ad mercandum commoda sunt et utilia. Nam Urbis propinqui sive Ragusiniis, sive aliis magnatibus subditi ferunt et conducunt olera, flores, fructus suis temporibus recentissimos, pullos, oves, sues, lepores et caetera hujusmodi victui animantium debita. Remotiores vero mel, pisces, tabulas, carbones exustas, rassias rudes, pelles, barcarum cohoperatoria, quae celegas appellant, lignea instrumenta pro pane pisando, pro pannis lineis lavandis, pro textoribus et denique multa alia animalia, quorum carnibus homines vescuntur. Caeteri vero terra venientes, qui ut plurimum mercatores existunt, aurum, argentum, plumbum, caementum et piper, ceram et alia multa maximi valoris ex Andreanopolis Urbe, et Rassia, et Nuovo Monte praesertim, et ex Bosna. Habet etiam commodum maritimum Civitas Ragusij, quo plurima bona adipiscitur. Nam cum sit multarum gentium copiosa, nequeatque incolas propriae regionis terrae nascentibus, aut iis, quae itineri terrestri conducuntur, alere aut aedificiorum materiam nancisci, navibus advehuntur frumenta, milium, ordeum et legumina, oleum, carnes salsae et pisces, olivae, nuces et poma, castaneae, cafeus et zucherum, aromatta, confectiones, medicinae, lanae, panni, linum, vasa ramea, vitrea et terrea, corallia, sal et demum innumerae merces, ac plurimi ducati aurei. Ex Italia florentissima et omnium bonorum fecundissima, puto ex Venetijs, Marchia, Apulea, Abrutio, ut ex Fermo, Pensauro, Recanato, Ancona, Ariminio, ad quae loca ex Tuscio et maxime Florentia multae merces vehuntur, quae Ragusij expeditionem habent. Ex Manfredonia, Ortona, Lijcis, Guasto, Baro, Banello, Trano et etiam Neapoli. Ex Sicilia, ut Palermo seu Panormo et Siracusis et caeteris urbibus Siciliae. Ex regno Aragonorum, ut ex Barcellona et Valentia et multis alijs locis ejus Regni. Ex Graecia, ut ex Arsa et Patrasso, Avlona et multis alijs regionibus: afferuntur etiam ligna, trabes, lapides, lateres, clavi, ferrum, caementum, taegulae et reliqua, quae sunt aedifitionum materia. Qui a parte terrestri bona et mercaturas conducunt, Ragusio trahunt sal copiosissime, pannos laneos, bombicinos et sericos, vasa vitrea et alia multa pro victu et lucro perutilia. Qui vero mari aurum, argentum, plumbum, ceram, pelles, piper, telas, corallia secum deferunt et ducatos aureos, prout eidem utilius et

salubrius seu commodius videatur». Павелъ Ангелъ, архіепископъ дирахійскій, въ рѣчи, произнесенной имъ въ дубровницкомъ сенатѣ по случаю гостепріимства, оказаннаго Скендербегу, восклицаетъ: «.... Num quae Urbs aetate nostra, quae Civitas huic comparari potest? Ea enim cunctis opibus ac divitiis plena, refertaque; haec optimis moribus et virtutibus, ac disciplinis praedita. In ea Senatus amplissimus... Senatores... qui cum omnibus gentibus et populis amicitiam, pacem, concordiam perpetuo servare noverunt... Praeterea hic artes omnes liberales, Philosophia, Theologia, leges, caeteraeque artes et disciplinae vigent... *Quae maria Ragusini mercatores non navigant, quas terras ii non permeant, quae loca tam abdita et remotissima, ad quae non accedunt et penetrant?* Quid igitur Urbe Ragusina nobilius? Quid clarius atque praestantius? quae nulli subdita atque obnoxia legibus suis vivit, moderaturque... Nunc de Ragusina Urbe dicendum, eam esse *portum tutissimum*, confugium et receptaculum omnium mercatorum divitum ac pauperum, scholam et magistram omnium virtutum, exemplar et lumen bonorum morum, decus et ornamentum totius Dalmatiae, Illyrici, Adriatici, Aegaeique maris»[1]). Падуанецъ Палладій Фуско въ 1-ой кн. извѣстнаго своего сочиненія *De situ orae Illyrici* говоритъ: «*Nulla Europae pars adeo abdita est, ita advenis infesta, ut in ea Ragusinos non invenias negotiantes. Habebat annis superioribus* (около 1450 г.) quum ante Senatus Veneti decretum jure suo quocunque vellent navigare possent, *naves amplius trecentas, quas mercibus onustas in diversas orbis partes ad quaestum mittebant*»[2]). Лука Линда[3]), описывая довольно подробно Дубровникъ, такъ отзывается о выгодномъ его положеніи и торговлѣ: «È delizia vedere alcuni seni di mare coronati dalle Ville con superbi Palazzi e Giardini molto deliziosi. Oltre questo vi sono più porti sicuri dagl'accedenti del mare e capaci ciaschèduno di loro di più armate grandi, ed il mare d'ogni intorno è abbondante di pesci, quanto mai possa credersi, ed in più luochi d'ostriche, conchiglie preziose et altri frutti marini... La città

[1]) Apud Cervam, Prolegomena 167—168.

[2]) Apud Lucium, p. 454.

[3]) Le relationi e descrizioni universali e particolari del Mondo e delle Republiche. (Venezia 1672) p. 581.

non circonda molto, ma tutta è ridotta in fortezza e munita con somma diligenza con ogni sorte di munizioni, onde ragionevolmente può chiamarsi *Porta dell'Oriente, giacchè ora dalle Smirne sin'a Venezia non v'è altra piazza in cui concorrano delle mercanzie di Levante onde di qua le provedono di mercie venute da quelle parti tutta l'Italia e dove per lo più si conducono a Venezia, Ancona, Barletta e Messina, che poi le communicano alle loro provincie. Gli Isolani ed alcuni di terra ferma sono molto dediti alla marinaresca, onde sono arrivati a metter in mare quantità di vascelli d'alto bordo, e da guerra, e da carrico, e con essi sono penetrati sino al Nuovo Mondo... Sono assai dediti alla mercatura, onde per volta da Levante compariscono ben mille somme cariche di diverse merci, a cui loro corrispondono a diverso Piazze dello Stato Ottomano, il valsente delle quali, massime delle caravanne, passa 200 milla Taleri per volta*»....

Одновременно съ торговлею развивалось *мореходство* дубровничанъ. Мы уже видѣли, что въ концѣ IX вѣка они перевезли на своихъ корабляхъ въ Апулію союзныя славянскія войска, что въ концѣ X вѣка 80 дубровницкихъ моряковъ поступили на службу Византіи, что императоръ Еммануилъ Комненъ въ концѣ XII в. даровалъ дубровничанамъ особыя права и привилегіи, что, по свидѣтельству Павла Ангела, не было моря, котораго бы они не посѣщали, а, по словамъ Линды, корабли ихъ ходили даже въ Америку... Карлъ IX выписывалъ изъ Дубровника фабрикантовъ суконъ и кораблестроителей [1]); дубровницкіе мореходцы до того славились своимъ искуствомъ, что иностранные государи всячески старались заманить ихъ къ себѣ на службу и щедро ихъ награждали: *Охмучевичи-Гргуричи* [2]), ихъ родственники *Долисти-*

---

[1]) Antoine Duc de Sorgo, Fragments sur l'hist. polit. et littéraire de l'ancienne République de Raguse. Paris 1839: Lettre à Mr. Eusèbe Salverte. Полагаютъ, что названіе большихъ кораблей *argosies* есть испорченное *Ragusies*.

[2]) Донъ Педро Охмучевичъ-Гргуричъ († 1598), кавалеръ ордена Santiago de Galiçia, 26 лѣтъ служилъ Испаніи; онъ долгое время былъ *Capno General* 12-ти собственныхъ своихъ кораблей, называвшихся 12 Апостоловъ «los doçe Apostolos» или Индѣйскою эскадрою. Онъ былъ любимцемъ Филиппа II. Донъ Андрей, внукъ дона Педро, 57 лѣтъ служилъ Испаніи, командовалъ разными эскадрами и былъ напослѣдокъ «Almirante dela Armada de Napoles». Сыновья его, Донъ Carlos Ivella и Донъ Педро оказали важныя услуги Испаніи въ усмиреніи Барцеллоны и Неаполя и т. д. *Breve discurso ge-*

Тасовичи [1]), *Машибрадичи* [2]) и *Мартолосси* [3]) были грандами Испаніи; *Беневени*, *Натали*, *Стулли*, *Альтести* занимали видныя мѣста въ Россіи [4]).... До какихъ размѣровъ достигло мореходство дубровничанъ видно изъ того, что на службѣ у Карла V состояло болѣе 300 дубровницкихъ кораблей [5]).... Мореходство составляло одинъ изъ главныхъ источниковъ существованія не только средняго и низшаго, но даже и высшаго сословія, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Серафима Рацци: «Non attendono *i Nobili Raugei* ad arte veruna: nè di seta, nè di lana, come in qualche altra città, per loro stessi lavorandi; ma lasciando cotali exercitij ai cittadini e popolani, *vivono per lo più di loro entrate e di guadagni che fanno tenendo parti sulle navi, e con coloro che di lana, e di seta lavorano. E facendo altresi venire mercanzie di Levante per Italia e di quelle d'Italia rimandando in Constantinopoli, in Alessandria, per la Bossina, per la Grecia et*

---

nealogico delos Condes de Tuhegl, y Duques de Castorya, que trahen origen dela Familia Ohmuchievich Gargurich del Reyno de Bosna en general въ ркп. франц. библ. № 264: *Compendiosa, y Breve Relaçion del Reyno de Bosna* etc. См. также ркп. № 254: *Raccolta di documenti relativi alla famiglia Ohmucevic-Gárguric.* Болѣе подробно въ ркп.: *Breve disc. geneal. en particular de dos Ramos principales delos Condes de Tuhegl, y duques de Castorya* etc. (сочиненіе Дона Антонія Даміана Охмучевича, сына адмирала Петра Даміановича).

1) Капитанъ Николай Долисти Тасовичъ съ Неретвы, былъ женатъ на сестрѣ адмирала Дона Педро Охмучевича, Радѣ. Его сыновья, Георгій и Стефанъ составили себѣ блестящую карьеру на испанской службѣ. «Gorge por haver xido Personage do grande trato, y enteligençia en las cosas marittimas fue en mucha estimaçion tras el Rey Catt^co, y en particolar del Gran Duque de Florençia Francisco de Medici, fue Cavallero, y Commendador del habito de San Esteual de Florençia, que despues troco'el dicho habito en el de Santiago de Galiçia, de quien la Mag^d Cat^ca de Filippo 3ro le hizó marçed en 3 de Agosto de 1623, como se puede veer on la secrettaria delos ordines militares de Su Mag^d. Esteual Dolisti su hermano fue General de Su Mag^d Catt^ca de una delos Esquadros del mar oceano.... y sirvijo por el espaçio de mucho tiempo, hosta que se muryo'anegado por una tormenta de mar, haviendo pereçido su Cap^na en vista delas Islas Terçeras el an'o de 1599, aguardando ay co' su esquadra la Flotta delas Yndias. Fue tombien honrado da Su Mag^d Catt^ca el dicho General D. Esteual co' el habito de Santiago y entrambos los dichos hermanos fueron naturalizados alos Reynos de Espan'a»... (ркп. № 264).

2) Иванъ Машибрадичь былъ пожалованъ въ маркизы, а Николай въ графы Испаніи. Іеронимъ былъ 20 лѣтъ адмираломъ Индійской эскадры при Филиппѣ IV.

3) Викентій Мартолосси былъ при Филиппѣ II вице-королемъ Мексики.

4) *Мат. для ист. снош. Россіи съ Раг. Респ.* 6, 17—19.

5) Luccari IV, 203.

altri paesi del Turco. per i quali tutti sicuramente trafficano. Ipopolani poi et i cittadini sono padroni di navi, tengono botteghe aperte eziandio per diverse città d'Italia, e vanno in propria persona per l'altrui Provincie a mercantare, il che, se non di rado, fanno i nobili». [1]).

Кромѣ торговли и мореплаванія дубровничане уже рано стали заниматься и другими *промыслами:* такъ уже въ XI вѣкѣ они разрабатывали, какъ мы видѣли, *золотые* и *серебряные рудники въ Босніи;* съ 1259 г. начали заниматься варкою *соли* въ Неретвѣ, и этотъ промыселъ былъ столь прибыленъ, что въ концѣ XVII вѣка въ затруднительное для дубровничанъ время венеціанцы вздумали оспаривать у нихъ право владѣнія этими солеварнями [2]); вызовъ во Францію дубровницкихъ *фабрикантовъ суконъ* при Карлѣ IX показываетъ, на какой степени совершенства находилась эта промышленность въ Дубровникѣ, введенная здѣсь тосканцемъ Петромъ di Pantella въ 1490 году [3]); первыя фабрики *шелковыхъ* и *шерстяныхъ издѣлій* были заведены Николаемъ Луккаричемъ въ 1530 году [4]). Кромѣ того дубровничане извлекали большія выгоды отъ *ловли кораловъ* въ Адріатикѣ и Архипелагѣ, отъ *выдѣлки оливковаго масла, чеканки монетъ, литья пушекъ, изготовленія пороха, выдѣлки свѣчей* (болѣе 20 заводовъ), *приготовленія стеколъ, постройки кораблей,* отъ *серебряныхъ, золотыхъ* и *желѣзныхъ издѣлій* и наконецъ отъ *сапожнаго ремесла* (дубровничане изготовляли *папучи* для сосѣднихъ областей).

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Николаемъ Раньиною въ его лѣтописяхъ, обыкновенные *доходы* Дубровницкой республики состояли изъ 58.083 дукатовъ, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1.	Доходы Дубровника	39,765	дукат.
2.	» Стона	1,830	»
3.	» Конавля	590	»
4.	» стонскихъ солеварень	15,900	»

[1]) *La Storia di Raugia* 125.
[2]) Discorso dell'Abb. Stefano Gradi sopra i sali di Narenta. Ркп. франц. библ. № 245.
[3]) Annali di Ragusa Ms. № 269.
[4]) ibid.

Ежегодные *расходы* простирались на 37.290 дук.; слѣдовательно въ государственной казнѣ оставался ежегодно излишекъ въ 20.000 дукатовъ.

Сер. Рацци, приводя эти цифры, замѣчаетъ, что у Раньины приняты во вниманіе только главныя статьи расходовъ, такъ напр. у него не показаны издержки на содержаніе итальянскаго проповѣдника при Соборѣ (около 300 дук.); съ другой стороны чрезвычайные расходы поставлены въ счетъ обыкновенныхъ, какъ напр. 4000 дукатовъ на содержаніе новой милиціи по случаю войны христіанъ съ турками въ 1570 году. Въ смѣтѣ доходовъ также произошли во время Рацци нѣкоторыя уменьшенія вслѣдствіе войны испанцевъ съ англичанами и взятія Кипра христіянами [1].

---

[1] *Storia di Raugia* 178—180. Въ эпоху паденія Дубровницкой республики финансы находились въ слѣд. состояніи:

Приходъ.

Проценты съ капиталовъ, хранившихся въ банкѣ въ Римѣ	піастр.	18.400
» » » » » » » Вѣнѣ.	»	35.305
» » » » » » » Венеціи	»	6.754
» » » » » » » Неаполѣ	»	2.763
Портовые доходы	»	54.260
Доходы съ кораблей	»	12.280
» » кораблестроенія	»	9.210
» консульствъ на Востокѣ	»	15.350
Пошлина на вино (въ продажѣ)	»	26.095
» » мясо	»	2.916
» » свинину	»	690
» » вино (помѣщиковъ)	»	4.912
» » оливковое масло	»	800
» » барановъ	»	3.700
» » сало	»	770
Таможенный сборъ	»	23.025
Demanio	»	4.143
Доходы отъ соловарень	»	20.700
	піастр.	252.613=
	гульд.	107.360

Расходъ.

Жалованье министру-резиденту въ Вѣнѣ	піастр.	5.372
» » » Неаполѣ	»	1.900
» » » Парижѣ	»	1.074
» » » Римѣ	»	700
» консулу при Портѣ Оттоманской	»	5.612
» » въ Смирнѣ	»	5.800
» » » Салоникахъ	»	2.000
» » » Александріи	»	2.200

При общемъ довольствѣ и подъ вліяніемъ благопріятныхъ климатическихъ условій [1]) развивались въ Дубровникѣ *науки* и *искуства*. Дубровничане сильно заботились о воспитаніи и не щадили издержекъ на устройство школъ и на содержаніе иностранныхъ профессоровъ; болѣе состоятельные люди посылали своихъ дѣтей для усовершенствованія въ наукахъ заграницу, преимущественно въ Италію. Слѣдствіемъ такой заботливости о воспитаніи было пробужденіе любви къ наукѣ и литературѣ, которыми не только не пренебрегали высокопоставленные въ обществѣ люди, но даже въ занятіяхъ коими они соревновали другъ передъ другомъ. Въ Дубровникѣ существовала даже своя *Академія*, членами которой были знатнѣйшіе его граждане: въ опредѣленные дни собирались въ прекрасное ея помѣщеніе академики для чтенія своихъ произведеній. Эпохою процвѣтанія дубровницкой академіи былъ XVI вѣкъ: къ членамъ ея принадлежали Савва Бобаличь, Лукіанъ Гетальдичь, Божидаръ Тудизи, Михаилъ Мональди и Иванъ Амальтеи [2]). Послѣ публичныхъ ака-

Сколопамъ на школы	піастр.	7.500
На больницу	»	15.400
Жалованье гражданскимъ чиновникамъ	»	46.100
Проценты на государственный долгъ	»	3.800
На содержаніе Полиціи и Малаго Совѣта	»	36.840
Жалованье военнымъ чиновникамъ и на ремонтъ укрѣпленій Дубровника	»	27.700
Дань Портѣ	»	25.466
Чрезвычайныя издержки при Оттоманскомъ Дворѣ	»	15.350
Варварійскимъ владѣніямъ	»	20.000
Посланникамъ ординарнымъ и экстраорд. въ Боснѣ	»	4.000
	піастр.	236.814=
	гульд.	103.979

(*Memorie politico-economiche* etc. 302 — 304)

[1]) L. Linda l. c.: «L'aria e le stagioni corrono molto temperate, onde produce homini di sangue dolce e d'ottimi ingegni da riuscire segnalati in ogni scienza ed arte, in cui s'applicarono».

[2]) Черва въ Жизнеописаніи поэта Саввы Бобалича (Sabinus Bobalius род. 1585 г.) говарить о дубровницкой Академіи: «Bobalii aetate Concordium Academia maxime florebat Ragusii. Illustriores Academici memorantur ipse Bobalius, Lucianus Getaldius, Natalius Tudisius, Michael Monaldus, G. Baptista Amaltheus. In aula, quae supra Vectigalem aedem est, ubi publicus litterrarum ludus erat, Academici statis diebus convenientes metro solutaque oratione lucubrationes suas recitabant. Ibi aetate etiam nostra Otiosi, uti appellabantur Academici, in recitandis lucubrationibus se exercebant. Aulam illam Nicolaus Gozzeus in Libri de statu Reipubl. (giorn. 7) commendat his verbis: «Molto più onorato luogo, e

демическихъ чтеній слѣдуетъ еще упомянуть о сохранявшемся у дубровничанъ до великаго землетрясенія обычаѣ произносить въ присутствіи ректора, сенаторовъ и всѣхъ граждан *надгробныя рѣчи* умершимъ властелямъ: въ подобныхъ рѣчахъ, произносимыхъ учителями словесныхъ наукъ на латинскомъ языкѣ, восхвалялись подвиги не только почившаго, но и всего его рода. Къ сожалѣнію, до насъ дошло только два такихъ панегирика: одинъ на смерть Михаила Бунича 3-го, а другой Гауденція Соркочевича (Sorgo), и то благодаря любви къ отечественной старинѣ Серафима Червы [1]).

Въ Дубровникѣ въ одно и тоже время процвѣтали три *литературы: латинская*, *итальянская* и *сербская*. Латинскій языкъ употреблялся въ сочиненіяхъ научныхъ, въ торжественныхъ рѣчахъ и въ поэзіи; это былъ также по преимуществу языкъ дипломатическій и юридическій. По-итальянски писали сочиненія съ характеромъ болѣе практическимъ и стихотворенія, содержаніе которыхъ взято изъ обыденной жизни. Родной сербскій языкъ ограничивался семейною жизнію, поэзіею и проповѣдями къ народу. Латинская литература дубровничанъ имѣетъ характеръ европейскій и многіе изъ нихъ были въ свое время истинными двигателями науки; не столь обширное значеніе имѣетъ литература дубровницко-итальянская: ею поддерживалось общеніе съ Италіею; еще меньшій кругъ читателей имѣла дубровницко-сербская литература, не выходившая за границы родины. Изъ огромнаго числа дубровницкихъ писателей упомянемъ только о тѣхъ, труды которыхъ или пользовались въ свое время громкою извѣстностью, или же имѣютъ научное значеніе понынѣ.

Начнемъ съ *богослововъ*. Кардиналъ Joannes Dominici Ragusinus, авторъ сочиненія противъ ереси *адамитовъ*, представленнаго

---

più splendido, e più adorno far si deve in una città ove le scienze s'imparano, e in ciò i Padri nostri, ed autori antichi della città nostra avendo considerato bene, fecero molto bella fabrica sopra la Dogana grande per lo studio di coloro, che vogliono imparare». sc. *Vitae illustrium Ragusinorum* p. 363. Упоминаемое Червою сочиненіе Ник. Гучетича (Gozze): «*Lo stato delle Republiche secondo la mente di Aristotele con esempi moderni: giornate 8*, dedicate a Gregorie XIV издано Альдомъ Мануціемъ въ 1591 г. съ предисловіемъ, въ которомъ издатель восхваляетъ автора (1549—1610).

[1]) ibid. 1872—1887.

имъ Констанцскому собору, столь славился въ свое время богословскими познаніями, что Папа Мартинъ V отправилъ его, по сожженіи Гуса, въ Чехію и Венгрію въ качествѣ легата для искорененія гусова ученія. Не успѣвъ обратить въ католичество чешскихъ гуситовъ и опасаясь распространенія этихъ опасныхъ для Рима еретиковъ, онъ совѣтовалъ Сигизмунду употребить противъ нихъ силу оружія. Миссія его не имѣла никакого успѣха. Въ 1407 — 1409 г. онъ былъ дубровницкимъ архіепископомъ [1]). Иванъ Стойковичь (Joannes Stoicus), Procurator ordinis Patrum Praedicatorum, прославился защитою католическаго ученія на Базельскомъ соборѣ (1431 г.); позже (1436 — 1437 г.) онъ ѣздилъ въ Константинополь склонить Іоанна Палеолога къ соединенію церквей [2]). Георгій Добротичь (Georgius Benignus Salviatus), учитель Петра Медичи in Doctrina morum, извѣстный въ свое время философъ и богословъ, оставившій по себѣ много сочиненій, былъ сначала профессоромъ богословія во Флоренціи, потомъ, съ 1507 г., епископомъ въ Умбріи, въ 1515 г. присутствовалъ на Латеранскомъ соборѣ вмѣстѣ съ своимъ соотечественникомъ, Августиномъ Налешковичемъ (Nale † 1517), епископомъ Требинья и Мерканы, авторомъ сочиненій: Apologia adversus Synodum Pisanam и Tractatus de auctoritate Summi Pontificis [3]). Бонифацій Дрколица или a Stefanis, философъ и богословъ, присутствовалъ на Тридентскомъ соборѣ въ качествѣ Apostolici Concinatoris, съ 1564 г. епископъ Стона; былъ легатомъ папъ Пія V къ Филиппу, королю испанскому, и Григорія XIII-го въ Венгрію; по порученію этого послѣдняго написалъ въ 1568 г. сочин.: De cultu Terrae Sanctae ejusque peregrinatione (Venetiis 1573) [4]). Не говоря здѣсь о Стефанѣ Градичѣ и Игнатіѣ Джіорджичѣ, свѣдѣнія о которыхъ читатель найдетъ во II гл. нашего изслѣдованія, остановимся на Матвѣѣ Франковичѣ, болѣе извѣстномъ подъ именемъ Matthias Flaccus Illyricus seu Albonensis. Онъ родился въ 1520 г. въ селеніи *Бѣло* (Albona) въ долинѣ Шумета, неподалеку отъ Дубровника,—

[1]) Metrop. Ragus. 1140—1183.
[2]) ibid. 1338—61, 1392—4. Cnf. Coleti Illyrici Sacri tom. VI (Venetiis 1800), p. 159—160.
[3]) Viri illustres 344—358. — [4]) ibid. 439—441.

принадлежавшей изстари бенедиктинцамъ острова Кромы, у которыхъ онъ и получилъ первоначальное образованіе. Талантливый и прилежный Франковичь былъ отправленъ на счетъ монастыря въ Венецію для довершенія образованія. Въ 1539 году онъ покидаетъ Венецію и пѣшкомъ приходитъ въ Базель; отсюда, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ отправляется въ Тубингенъ къ своему соплеменнику, Матвѣю Грабичу (Grabitius), профессору греческаго языка. Въ 1541 году мы находимъ его въ Виттенбергѣ, гдѣ онъ слушаетъ Лютера и Меланхтона и изучаетъ греческій и еврейскій языки у Фридриха Баковія. Въ 1544 году, удостоившись степени магистра и женившись, Франковичь получилъ каѳедру въ университетѣ. Въ 1546 г., вслѣдствіе приглашенія Медлера, онъ возвращается въ Тубингенъ, гдѣ впервые публично защищаетъ ученіе Лютера. Въ 1547 г. въ Магдебургѣ, гдѣ онъ сталъ завѣдывать типографіею, публично нападаетъ на Меланхтона за его Interim. Вызванный въ 1557 году въ Іену, онъ принужденъ черезъ пять лѣтъ покинуть этотъ городъ вслѣдствіе диспута о свободѣ воли съ Викторомъ Стригелліемъ и удалиться въ Регенсбургъ. Позже онъ участвуетъ въ диспутѣ мейсенскихъ и турингенскихъ богослововъ, продолжавшемся съ 21 октября 1568 по 9 марта 1569 года: на этомъ диспутѣ онъ изложилъ свое ученіе о субстанціализмѣ первороднаго грѣха. Умеръ во Франкфуртѣ на Майнѣ 11 марта 1575 года. «Magni nominis erat Flaccus apud principes viros, qui nefariae sectae nomen dederant», говоритъ Черва [1]), «apud Doctores vero et sectae illius Antistites authoritate et existimatione plurimum valebat, ut in Synodis, ac Religionis Conventibus, et quandocumque questio in dubio adducebatur, in primis audiretur, ejusque sententiae omnes fere acquiescerent». Франковичь, нападая на индиферентизмъ Меланхтона касательно церковныхъ обрядовъ и его предложеніе смягчить нѣкоторые параграфы аугсбургскаго исповѣданія, образовалъ враждебную Меланхтону партію *антіадифористовъ* и *rigidiorum Lutheranorum*. Ревностный защитникъ ученія Лютера во всей его неприкосновенности, Франковичъ пріобрѣлъ громкую извѣстность

[1]) Viri illustr. 1808.

во всей Германіи своимъ ученіемъ о *субстанціализмѣ первороднаго грѣха:* «Peccatum originis, quod ab Adamo primo humani generis Parente in posteros propagatum Catholica docet Ecclesia non esse aliud, praeter ipsam animae rationalis substantiam.» Послѣдователи этого ученія назывались *Flacciani*, *Illyriciani* и *substantialistae.* Свое ученіе о первородномъ грѣхѣ и благодати Франковичь изложилъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) Catalogus testium veritatis, qui ante Lutherum Antichristo reclamarunt. Basileae 1556. Strasb. 1562. Francof. 1664, 1672. 2) Confessio christiana de peccato originali et libero arbitrio 1568. 3) Defensio suae doctrinae de originali justitia aut injustitia, aut peccato 1570. 4) Demonstrationes evidentissimae doctrinae de essentia imaginis Dei et Diaboli, justitiae et injustitiae originalis 1571 и 5) De Augustini et Manichaeorum sententia in controversia peccati. Vrsellis 1571. Противъ главенства папы направлены премущественно два сочиненія: 1) Historia certaminum inter Romanos Episcopos et sextam Carthaginensem Synodum Africanasque Ecclesias de primatu seu potestate Papae, bona fide ex authenticis monumentis collecta. Basilae 1554, и 2) Magdeburgenses centuriae (церковная исторія съ 4-го вѣка или съ 4-ой центуріи) 13 vol. Magdeb. 1559, 1562, 1572; Basileae 1634 (посвящено англійской королевѣ Елисаветѣ, на иждивеніе которой было издано). Противъ Меланхтона Франковичь написалъ сочиненіе: Scripta contra Interim et Adiaphora. Magdeb. 1550 [1]).

Кромѣ упомянутыхъ уже нами *философовъ*, вспомнимъ объ Антоніѣ Медо, толкователѣ Аристотеля (1599), о Николаѣ Гучетичѣ (Gozze) или Витковичѣ, комментаторѣ Аристотеля и Платона и авторѣ весьма замѣчательнаго сочиненія: Lo stato delle Repubbliche secondo la mente di Aristotele, посвященнаго папѣ Григорію XIV (Venezia 1591), — о Михаилѣ Мональди,

[1]) Vitae illustr. Ragus. 1800—1838. Cnf. Memoria Hungarorum et Provincialium scriptis editis notorum, quam excitat Alexius Horányi. Viennae 1775—1776. I, 716—729. Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia compilato dall'Abb. Simeone Gliubich. Vienna 1856. Горáньи выводитъ Франковича изъ истрійской Альбоны: ошибочность этого мнѣнія подробно доказана Червою и Стулли (Antol. di Firenze 1826. n. 67, p. 138). Перечень сочиненій Франковича, изъ которыхъ мы упомянули только о важнѣйшихъ, см. у Горáньи и Любича.

авторѣ десяти разговоровъ Sulla Bellezza (Venezia 1599) и Георгіѣ Дубровничанинѣ (Ragusaeus), профессорѣ философіи въ падуанскомъ университетѣ въ первой четверти XVII столѣтія [1]).

Въ XV столѣтіи уже процвѣтали въ Дубровникѣ *математическія науки* и существовали фабрики астрономическихъ инструментовъ, какъ видно изъ найденнаго францисканцемъ Антоніемъ Агичемъ письма епископа Пяти-церквей Іоанна къ дубровницкому математику Ивану Гоцоли (1460 — 1472). Георгій Натали († 1550) писалъ противъ астрологіи. Отъ Николая Сагри († 1573) осталось сочиненіе: «Raggionamenti sulla varietà dei flussi del mar Oceano Occidentale (Venezia 1574)». Николай Налешковичь (Nale), авторъ діалога «Sulla sfera del mondo (Venezia 1579)», представилъ папѣ Григорію XIII одобренныя лучшими математиками того времени замѣчанія на проэктъ Лилія о преобразованіи календаря. Марино Гетальдичь (1566—1627), прозванный Павломъ Сарпи «Angelo di costumi e demonio in matematica», ученикъ Вьеты и другъ Декарта, первый примѣнилъ алгебру къ рѣшенію геометрическихъ вопросовъ. Р. Іос. Божковичь (1711 — 1787), творецъ особой системы натуральной философіи, названной по его имени, былъ членомъ Bureau de longitudes при Лудовикѣ XIV [2]).

Дубровничане Доминикъ Галеоти Роллandio (1394—1422) и Лудвигъ Джюрашевичь (Georgiro † 1565) занимали каѳедру медицины въ болонскомъ университетѣ. Георгій Испанецъ (Ispano), учившійся медицинѣ въ Парижѣ въ концѣ XV в., извѣстенъ сочиненіемъ: «De ratione medendi eos, qui sub climate Ragusae nati sunt». Георгій Бальиви (1668—1707), прозванный *Римскимъ Гиппократомъ* (Ippocrato Romano), произвелъ своими сочиненіями (De fibra motrice et morbosa 1701. De praxi medica 1696 и др.) переворотъ въ медицинѣ. Петръ Біанки столь славился своими медицинскими познаніями, что былъ приглашенъ Іосифомъ I-мъ ко Двору [3]).

Кому изъ занимающихся византійскою исторіею неизвѣстно

---

[1]) Подробнѣе у Аппендини, II, 64—73.

[2]) V. illustr. Rag. 144 sqq. Appendini II, 40—64.

[3]) V. illustr. Rag. 196—197. Appendini II, 32—40.

имя дубровничанина Ансельма Бандури, комментатора Константина Порфирогеннета, одного изъ первыхъ почетныхъ членовъ французской Академіи наукъ (1715 г.) [1])? Предполагаю столь же извѣстнымъ изучающимъ христіанскую литературу первыхъ вѣковъ имя другаго дубровничанина Діонисія Ремеделли († 1799), комментатора твореній св. Антонія, профессора греческаго языка въ болонскомъ университетѣ, богослова и дипломата [2]). Славянскіе филологи не забываютъ трудовъ Луки Стулли.

Изъ числа *законовѣдовъ* упомянемъ о Бонифаціѣ Дрколицѣ († 1581), написавшемъ сочиненіе De ortu clericorum in Ecclesia, — Архидіаконѣ Маріѣ Кабогѣ (1505—1582), авторѣ нѣсколькихъ замѣчательныхъ разсужденій по каноническому праву, — Симонѣ Бенесѣ, издавшемъ въ 1581 г. первое руководство для дубровницкихъ адвокатовъ (Praxis curiae ad formam legum et consuetudinem Reip. Ragus.), — Николаѣ Буничѣ (Bona), авторѣ другаго такого же руководства (Praxis judiciaria juxta stylum curiae Ragusinae. Ragusa 1671).

Въ переченѣ дубровницкихъ ученыхъ можемъ-ли мы упустить имя Венедикта Котрульи, дипломата, служившаго при неаполитанскомъ дворѣ, автора перваго по времени разсужденія о торговлѣ: «Della mercatura e del mercante perfetto (1460 г., изд. въ Венеціи въ 1573 г. въ 4-хъ том.)»? [3]).

Считая излишнимъ говорить о дубровницкихъ поэтахъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ всякому образованному человѣку, упомяну о нѣсколькихъ дубровницкихъ *художникахъ:* Василій Држичь (Blasius Darsius, въ половинѣ XVI в.), Венедиктъ Стойковичь (Stay), Петръ Маттеи (ученикъ Луки Джіордано, † 1726), Петръ Катушичь и Григорій Иванелли пріобрѣли себѣ извѣстность въ разныхъ родахъ живописи. Славою отличнаго *скульптора* пользовался при Сикстѣ V францисканецъ Фр. Раделья. Памятникомъ *архитектурнаго искуства* Пасквале Михаелиса (конца XV вѣка) остался доминиканскій монастырь. Францисканецъ Гавріилъ Тампарицца, учитель вѣнской консерваторіи († 1575 года), Венедиктъ Бабичь доминиканецъ

[1]) ibid. 338—7. — [2]) ibid. 898—1002. — [3]) ibid. 405—406.

(† 1591), Секондо Бруньоли, доминиканецъ Николай Гауденцій († 1600) и Франц. Гучетичь-Паприцца († 1658) были замѣчательными *музыкантами*. Въ числѣ первыхъ по времени *типографщиковъ* упоминаются дубровничане: Bonino de Boninis (въ Венеціи, Веронѣ и Брешіи, 1478—1490), Martinus de Ragusia (1536 г. въ Неаполѣ) и Троянъ Гундуличь (1532 г. въ Бѣлградѣ) [1]).

Славный торговлею, мореплаваніемъ, промышленностію, науками и искуствами, Дубровникъ старался жить въ *мирѣ* и *согласіи* со всѣми народами: «Omni studio, omni cura et omni sollicitudine», говоритъ де-Диверсисъ [2]), «vigilant Ragusini pacem et concordiam cum omnibus tenere, laborantes, quoad possunt, ingenio, pecunia, patientia, ne ad bellum, defensionesque devientur... Mittunt legatos, qui bonis verbis persuadendo, muneribusque largiendo, tum illi turbato, quam consiliariis, quibus planius credere, videtur, animum placant, appetitum temperant, et pacem atque amicitiam corroborant».... Далѣе, говоря о расширеніи дубровницкой территоріи не мечемъ, а куплею, и о спокойной и безопасной жизни въ Дубровникѣ, прибавляетъ: «Unde apud Sclavos proverbium exortum audivi: illos asserere, quum lepus, quem insequuntur venando, locum tutum ingreditur, Ragusium ivit... Nolunt enim suam urbem aut esse, aut dici refugium seu speluncam latronum, at potius domum justitiae et fontem rectitudinis et aequitatis». Дубровничане въ видахъ своей торговли старались поддерживать миръ и спокойствіе въ сосѣднихъ краяхъ, принимая на себя посредничество въ юго-славянскихъ усобицахъ; но послы Дубровника напрасно доказывали боснійскимъ королямъ и сербскимъ деспотамъ, что раздоры ведутъ къ гибели государствъ, что уже близко невѣрные, что необходимо имъ забыть мелочные расчеты, соединиться и общими силами дать отпоръ общему врагу... Короли и деспоты дивились политической мудрости дубровничанъ, охотно принимали ихъ къ себѣ на службу и умѣли щедро награждать ихъ, но продолжали свои распри.... Дубровничане предвидѣли паденіе Сербскаго царства и возникновеніе на его

1) Tiskari jugoslavenski XV i XVI veka. Кукулевича. Arkiv za povestnicu jugoslavensku. Кн. I, 1851. стр. 124—126, 136, 146.

2) Descriptio Ragusina (Ms. № 256), P. IV, cap. XV, pp. 75—77.

мѣстѣ Оттоманской имперiи, а потому позаботились запастить во время привилегiями султановъ... Слабый самъ по себѣ, Дубровникъ постоянно искалъ между сосѣдями сильныхъ *покровителей* и *защитниковъ*, которыхъ мѣнялъ также легко, какъ и прiобрѣталъ: это непостоянство дубровничанъ было причиною того, что ихъ прозвали «nazione di sette bandiere», которое осталось за ними понынѣ.

Лишенный собственныхъ средствъ къ существованiю и вполнѣ зависѣвшiй отъ своей торговли, подверженной всякаго рода случайностямъ, Дубровникъ уже рано обезпечилъ себя на черные дни покрайности въ самыхъ необходимыхъ предметахъ продовольствiя, каковы: хлѣбъ, вино и оливковое масло. Съ этою цѣлiю были устроены *обширные запасные магазины муки*, изъ которой, подъ надзоромъ трехъ сенаторовъ, ежедневно изготовлялся хлѣбъ, который продавался народу по низкой цѣнѣ. Въ случаѣ голода изъ этихъ же магазиновъ отпускался поселянамъ зерновой хлѣбъ заимообразно съ разсрочкою платежа на нѣсколько лѣтъ, а бѣднымъ и даромъ. Касательно *оливковаго масла* было сдѣлано распоряженiе, чтобы каждый помѣщикъ доставлялъ въ запасный магазинъ $^{1}/_{12}$ сбора по установленной цѣнѣ, за что освобождался отъ платы пошлины за продажу этого продукта. Изъ такого магазина оливковое масло продавалось народу по пониженной цѣнѣ. Каждый помѣщикъ обязывался также представить сенату въ началѣ каждаго года отчетъ о количествѣ *вина*, которое онъ имѣлъ ввезти въ городъ: на основанiи подобныхъ данныхъ правительство заблаговременно опредѣляло количество вина, необходимое для годоваго продовольствiя и назначало цѣну на него. *Ввозъ иностранныхъ винъ былъ воспрещенъ* съ тѣмъ, чтобы поддержать цѣну на собственное вино и уменьшить выпускъ денегъ за границу.

Дубровникъ былъ издавна извѣстенъ своими заведенiями *общественной благотворительности*. Существованiе *больницы* на 30—40 кроватей было обезпечено процентами (6,000 пiастровъ) съ особаго капитала, не считая ежегодныхъ субсидiй отъ правительства. Въ 1430 году былъ учрежденъ *сиротскiй домъ* на 160 человѣкъ, обходившiйся ежегодно республикѣ въ 15.000 дукатовъ (23.000 франк.). На 4 *богадѣльни* и *инвалидный домъ* расходо-

валось ежегодно 24.000 дукатовъ (= 36.840 фр.). *Monte di Pietà* (Opere Pie) съ капиталомъ въ 2 милліона франковъ существовала издавна: отсюда выдавались не только денежныя ссуды, но и пособія бѣднымъ, какъ-то приданое дѣвушкамъ и т. п.

Для охраненія общественнаго здравія были учреждены строгіе *карантины* (lazzaretti), подъ надзоромъ сената, сначала (1377 г.) на островѣ Меркапѣ и въ Цавтатѣ [1]), а потомъ (1466 г.) на Данчѣ въ предмѣстіи Пилахъ [2]). Несмотря однако на строгіе карантины чума весьма часто посѣщала Дубровникъ: въ первый разъ она появилась здѣсь въ 1345 г. и въ продолженіе семи мѣсяцевъ погубила болѣе 10.000 челов. [3]); въ 1400 году умерло отъ чумы 15.000 челов. [4]); въ 1416 г. около 4.000 чел. [5]); затѣмъ она свирѣпствовала съ меньшею силою въ 1421, 1430, 1437, 1533 и 1691 гг. [6]); но въ 1526 г. умерло 20.000 человѣкъ [7]), а въ 1664 г. четвертая часть жителей [8]).

Въ заключеніе нашего очерка Дубровника въ эпоху его процвѣтанія скажемъ нѣсколько словъ объ *общественной жизни* ду-

---

[1]) «Anno 1377 die 27-a Julii. In Consilio Majori Consiliariorum 67 captum per 34, quod tam Nostrates, quam advenae venientes de locis pestiferis non recipiantur in Ragusium, nec ad ejus districtum nisi steterint prius ad purgandum se in Mercana seu in Civitate Veteri per unum mensem. Item per Consiliarios 44 ejusdem Consilii captum fuit, quod nulla persona de Rhacusio vel ejus districtu audeat vel praesumat ire ad illos, qui veniunt de locis pestiferis, et stabunt in Mercana vel Civitate Veteri sub poena standi ibidem per unum mensem, et qui portabunt illis de victualiis seu de aliis necessariis non possint ire ad illos sine licentia officialium ad hoc ordinandorum, cum ordine ab ipsis officialibus eis dando sub dicta poena stando ibidem per unum mensem. Item per Consiliarios 29 ejusdem Consilii captum fuit, et firmatum, quod quicunque non observaverit praedicta, seu aliquid praedictorum, solvere debeat de poena hyperperos 50 et nihilominus praedicta teneatur observare (*Ex Libro Viridi* cap. 49)».

[2]) «Anno 1466 die 3 Maji per ballotas 103 contra 3: Perchè il nostro Salvatore mostrando li poveretti disse: Amen dico vobis, quia quidquid uni ex minimis istis feceritis mihi facietis, per le quali parole ne dimostra, quant'è accetа nel cospetto dell'eterno Dio l'opera della Pietà et Carità verso li poveri, et a contrario sensu s'intenda, quanto dispiace alla Maestà Divina l'impietà contro li poveretti, et però per seguir l'ammonizione Evangelica, et per render propizio et clemente Salvator nostro verso la città nostra, alli officiali deputati a portar il loro parere, per la provisione, s'ha da fare per quelli, li quali da m'o in avanti s'infetteranno di morbo pestilenziale, pure ch'a lode et gloria et reverenzia d'esso Salvator nostro si debbia proveder in questo modo, cioè, che alle Danze si debbia fabricar la casa». sc. (*In Libro Crocco* ch. 25).

[3]) Metrop. Rag. 597. — [4]) ibid. 785—786. — [5]) ibid. 1252—1254. — [6]) ibid. 1259, 1297, 1402, 2215, 3668. — [7]) ibid. 2182—2185. — [8]) ibid. 3194—3195.

бровничанъ, описанію которой Рацци посвятилъ всю третью часть своей «*Storia di Raugia*» [1]). Въ его время въ Дубровникѣ считалось до 30-ти тысячъ жителей, кромѣ гарнизона, состоявшаго изъ наемныхъ венгерскихъ солдатъ, которымъ, по особому условію, платили жалованье за полъ-мѣсяца впередъ. «Почти всѣ зданія», говоритъ Рацци, «построены изъ квадратныхъ камней (di pietre quadre) и весьма удобны. Всѣ улицы мощены и за исключеніемъ двухъ, изъ коихъ одна ведетъ отъ собора на площадь, а другая, отъ однихъ воротъ къ другимъ, весьма узки такъ, что, встрѣтившись въ извѣстномъ часу на нѣкоторыхъ изъ нихъ двѣ барыни (gentil' donne), одѣтыя въ ихъ пышныя и широкія платья съ обручами около ногъ (con quei cerchi alle vestimenta da piedi), съ трудомъ могутъ дать одна другой дорогу. Есть еще одна улица, по пути изъ собора въ монастырь св. Ѳомы, вся покрытая построенными на ней домами съ ихъ крышами и сводами. Въ случаѣ смерти кого либо изъ лицъ, проживающихъ на этой улицѣ, называемой въ просторѣчіи Пустьерна, оставляютъ кресты на соборной площади потому, что не могутъ пронести ихъ по такой низкой улицѣ. Въ Дубровникѣ весьма мало садовъ внутри городскихъ стѣнъ, но весь онъ наполненъ зданіями; зато за городомъ и на берегу моря находятся прекрасные сады и дворцы съ фонтанами и апельсинными рощами, въ чемъ онъ (Дубровникъ) соперничаетъ съ Генуею и Неаполемъ. Ректорскій дворецъ очень красивъ и великолѣпенъ: съ площади ведетъ въ него превосходная галлерея (superba loggia); другія галлереи и бельведеры выходятъ въ портъ, на море; на обширномъ дворѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщаются пріемныя комнаты Малаго Совѣта. Зала Большаго Совѣта обширна и убрана по царски. Неподалеку отъ дворца, на той же самой площади находится весьма замѣчательный большой фонтанъ прѣсной воды, проведенной сюда изъ живописной долины Шумета. Другой подобный, но еще большій и болѣе удобный для мытья (per lavare), фонтанъ находится у западныхъ воротъ. И тотъ, и другой служатъ большимъ украшеніемъ города и приносятъ огромную пользу народу. Въ Дубровникѣ 47 церквей, хотя въ строгомъ смыслѣ можно назвать этимъ словомъ

[1]) Libro III, pp. 122—182.

4—6 изъ нихъ, остальныя же по своей малости, хотя и хорошо построены и убраны, суть ничто иное, какъ часовни или молельни. Въ Дубровникѣ только два мужскихъ монастыря: одинъ, св. Франциска, у западныхъ воротъ: въ немъ живутъ *padri osservanti zoccolanti* (нищенствующіе монахи); другой, св. Доминика, у восточныхъ воротъ: въ немъ помѣщается 25—30 монаховъ, также *osservanti* (строгихъ). Оба изящны и удобны; при нихъ фонтаны, сады или апельсинныя рощи, прекрасныя церкви и богатые алтари. Женскихъ монастырей въ Дубровникѣ 8: 5 — ордена св. Бенедикта подъ надзоромъ архіепископа, 2 — св. Франциска и 1 св. Доминика, управляемые монахами этихъ орденовъ. Внѣ города, но неподалеку отъ него, находятся два аббатства св. Бенедикта Чернаго: одно на островѣ Кромѣ содержимо итальянскими монахами, а другое на материкѣ, на берегу моря, св. Якова, — славянскими. Нѣсколько далѣе за городомъ, къ западу, еще два монастыря: францисканскій на скалѣ Даксѣ (при входѣ въ груж-скій портъ, нынѣ укрѣпленіе) и доминиканскій въ Гружѣ. Въ Дубровникѣ нѣтъ гостинницъ; не въ обычаѣ также у дубровничанъ давать квартиры иностранцамъ въ своихъ домахъ, даже друзьямъ; но имъ доставляютъ все необходимое въ особо-приготовленномъ домѣ. Путешественники, большею частію мореходцы, спятъ на своихъ корабляхъ; монахи отправляются въ тотъ или другой монастырь; турки изъ простонародья спятъ на открытомъ воздухѣ за городскими воротами, при хорошей погодѣ, или же въ особо для нихъ построенныхъ по распоряженію Сената низенькихъ хижинахъ, когда бываетъ непогода; но почетные турки помѣщаются въ городѣ въ приличномъ зданіи, близъ ректорскаго дворца, и получаютъ все содержаніе отъ казны. Посланниковъ христіанскихъ державъ, отправляющихся въ Константинополь или другія страны, помѣщаютъ въ нижнемъ, отдѣльномъ отъ келій, этажѣ доминиканскаго монастыря, и Сенатъ принимаетъ на себя ихъ содержаніе... Жители Дубровника раздѣляются на три сословія: дворянъ, горожанъ и чернь (plebei). Только дворяне, которыхъ всего 29 родовъ (casate), принимаютъ участіе въ государственномъ управленіи: они носятъ длинные тосканскіе плащи и круглыя венеціанскія шапочки. Въ народѣ говорятъ, что однажды была отправлена депутація во Флоренцію для перенятія тамош-

нихъ модъ; депутаты сняли фасонъ тосканскихъ плащей, а о шапкахъ вспомнили только на обратномъ пути, въ Венеціи и, чтобы не возвращаться во Флоренцію, переняли шапки у венеціанцевъ. Сенаторы Меньшаго Совѣта одѣваютъ въ торжественныхъ случаяхъ венеціанскія тоги, Ректоръ же постоянно носитъ красную одежду изъ дорогаго сукна, подбитую зимою цѣнными мѣхами. Ректоръ не иначе выходитъ изъ дворца, какъ въ сопровожденіи 12 сенаторовъ Меньшаго Совѣта, избираемыхъ ежегодно; ему предшествуетъ нѣсколько паръ слугъ въ красныхъ одеждахъ и музыканты. Въ случаѣ смерти дворянина или дворянки Ректоръ обязанъ въ черной тогѣ сопровождать гробъ до могилы; если же по старости или какой-либо другой причинѣ онъ не можетъ исполнить этого обряда, то посылаетъ вмѣсто себя одного изъ членовъ Меньшаго Совѣта въ черной ректорской тогѣ со всѣми регаліями... Нѣтъ въ Дубровникѣ шумныхъ собраній адвокатовъ, прокуроровъ и нотаріусовъ; нѣтъ суда присяжныхъ; нѣтъ дворца подесты; но изъ среды самого Сената избирается нѣсколько дворянъ для веденія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ... Въ случаѣ бунта или пожара, охраненіе двухъ главныхъ городскихъ воротъ ввѣряется фратрамъ ближайшихъ монастырей францисканскаго (западн.) и доминиканскаго (восточн.), которые получаютъ отъ Сената оружіе и все необходимое; караулы у воротъ, ведущихъ въ портъ, содержатъ въ подобныхъ случаяхъ каноники и духовенство собора. Разставивъ духовенство на стражу, дворяне имѣютъ болѣе свободнаго времени на необходимыя распоряженія для оказанія, гдѣ нужно, помощи, или для усмиренія мятежа... Если прибудетъ въ дубровницкій портъ какое-либо замѣчательное иностранное лице, то Сенатъ отправляетъ къ нему депутацію съ подарками, состоящими изъ стеариновыхъ свѣчей, барановъ, вина и т. п., смотря по путешественнику... За право свободной торговли въ Оттоманской имперіи Дубровникъ платитъ ежегодную дань Портѣ, для врученія которой посылаютъ въ Константинополь двухъ дворянъ. Они привѣтствуютъ султана такою сербскою рѣчью: «Счастливѣйшій, Могущественнѣйшій, Непобѣдимѣйшій Императоръ, Обладатель странъ отъ Востока до Запада, пришли мы послы Ректора и дворянъ Дубровника съ обычною данью, каковую мы передали твоей Блистательной Портѣ вполнѣ и безъ

всякихъ недоимокъ. Молимъ Бога, да ниспошлетъ Тебѣ долгую жизнь и счастіе! Препоручаемъ Тебѣ Ректора и дворянъ Дубровника, Твоихъ преданныхъ вассаловъ и покорнѣйшихъ слугъ Вашего Величества!» Драгоманъ переводитъ на турецкій языкъ слова пословъ, которые, не дожидаясь отвѣта, по данному султаномъ знаку головою, удаляются съ достодолжнымъ почтеніемъ, не обращая спины. На сколько помнятъ, ни одинъ изъ султановъ не произнесъ ни одного слова въ отвѣтъ посламъ, исключая Солимана, сказавшаго однажды во все свое царствованіе: «ista bene!» Разсказываютъ, что до назначенія аудіенціи, Султанъ приказываетъ сдѣлать посламъ двѣ длинныя бархатныя одежды, въ которыхъ они являются въ залу аудіенціи, покрытую богатѣйшими коврами и украшенную золотомъ и картинами, изображающими подвиги героевъ Оттоманскаго дома. Съ послами Дубровника обращаются довѣрчивѣе, чѣмъ съ другими: ихъ не сопровождаютъ министры и камергеры, приставляемые для оказанія будто бы почести, а на самомъ дѣлѣ для защиты ихъ государя; у нихъ не производятъ обыска, не имѣютъ-ли они оружія; а оставляютъ ихъ на свободѣ. Султанъ удостоиваетъ иногда дать поцѣловать свою руку, но не иначе, какъ покрытую собственною его одеждою. О дѣлахъ разсуждаютъ съ пашами. Обыкновенно послы съ данью отправляются въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣ Пасхи, а возвращаются въ ноябрѣ, пробывъ такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Константинополѣ. Въ 1587 г. 19 ноября авторъ видѣлъ, послѣ вечерень, возвращеніе двухъ пословъ изъ Константинополя. Впереди ѣхалъ на отличной турецкой лошади янычаръ; за нимъ оба посла на лошадяхъ, покрытыхъ турецкими тканями; за послами ѣхало верхомъ множество слугъ въ голубыхъ и красныхъ одеждахъ съ 4-мя или 5-ью значками; большая толпа народа заключала шествіе. Послы отправились прямо въ Сенатъ, гдѣ на публичной аудіенціи дали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, оставивъ секретныя дѣла для сообщенія Малому Совѣту. Посольская свита задержана въ карантинѣ. Что касается янычара, сопровождавшаго посла, то было въ обычаѣ мѣнять его во всякомъ санджакатѣ во все путешествіе въ Константинополь и обратно, продолжающееся 25—30 дней...» Для дополненія характеристики Дубровника и дубровничанъ приведемъ еще нѣсколько отрывковъ

изъ сочиненій иностранцевъ, которымъ мы не имѣемъ причинъ не довѣрять. Венеціанецъ Лука Линда, между прочимъ, говоритъ: «Donde si cava che li Ragusei havessero gran stima appresso le genti stranieri, e non minor forza da soccorrere, chi soccorso li chiedeva, e diffender se stessi. Con questa generosità si sono portati sempre nell' occassioni, nelle quali gli è convenuto o di guarreggiare per terra con li confinanti, o disfare l'arme nemiche entrate ne 'loro mari, come quando ruppero l'armata di Ludovico Duca d'Angio, et ogni uno avrà occasione di stupire la matura, e vigilante prudenza con cui s'è guidata questa Republica per spazio di tanti anni, in cui ella è fiorita, giacchè essendo per le mercanzie di Levante piazza ordinaria, prima di sigurissimi porti, vascelli, e gente pratica della marinarezza, ai confini, e su le fauci d'un nemico poderosissimo, mai hebbe nè oscurato, non che spento il bel candore della sua natura, et antica libertà. È incredibile la pietà, che esercita tanto il pubblico, ch'il privato. Ciò si vede dall'erezione di molti Tempj, Conventi, Monasterj, e spedali cosi per li ammalati, come per i mendici,— dalle continue limosine manuali, che si somministrano alla povertà, — dul riscatto de schiavi, maritazioni di zittele, soffragj, e sacrifizj per li defonti. Gloriasi degnamente per l'abbondanza delle sacre reliquie, riguardevoli e per loro stessi (essendo alcune di Christo Signor nostro, come suo Pannicello, Spine, e quasi due palmi del legno della Ss. Croce, e delli Santi più celebri), e per il singolare decoro, con cui sono conservate, essendo tutte legate in oro, et argento, e coperte con ricchi panni. Del resto li Ragusei sono di genio molto candido, cortesi coli forestieri, e di tratto molto cordiale e amorevole. La modestia in essi spicca a maraviglia, massime circa le donne, a tal segno, che le zittelle prima che vadino al marito, non compariscono in publico, ne si lasciano vedere dai loro sposi medesimi prima che questi accompagnati dai parenti entrano in casa loro nella quale sono riceuti con gran pompa e magnificenza de banchetti, ne quali mostrano la loro nativa grandezza e splendore assieme con una modestia grave si, ma signorile»...[1]). Соотечественникъ Линды, Амальтео въ письмѣ къ ученому феррарцу Нашимбено-де-На-

[1]) Descrizione universale del mondo e delle Republ. p. 581.

шимбени отъ 26 октября 1560 года [1]) такъ описываетъ Дубровникъ: «L'aria è bonissima, le carni, i vini, et i pesci, et i frutti delicatissimi, et in somma perfettione; et il vivere in modo abbondante, che mi persuado, che voi con un servidore, et con una fante campereste con cinquanta, ò sessanta scudi l'anno. Euui ancor bella occasione di far trafficare, et mercare, et di tener viuo qualche denaro per via di Leuante, ò di Soria, ò di Spagna, ò d'Inghilterra... vivendo in una Republica libera, et illustre, et sicura, et piena di riposo, et di tranquillità ove le virtù sono riconosciute, et s'hanno in gran pregio».... Jacobus Philippus изъ *Бергамаско* (libro I, p. 231), сравнивая Дубровникъ съ Венеціею, говоритъ: «Ragusium... prae caeteris Dalmatiae urbibus publicis et privàtis operibus magnifice est extructa. Habet et ipsa navalia, et portum optimum catenâ claušum, cujus cives caeteros Dalmatos, et opibus, et reliquis bonis, atque virtutibus supperant, qui cum liberi sunt, legibus, moribusque instructi Venetorum more Senatum, et magistratus, et Patritiorum ordinem habent a plebe distinctum»... [2]). Падуанецъ Palladius Fuscus, говоря, что было бы утомительно перечислять всѣ достопримѣчательности Дубровника, прибавляетъ: «unum tamen non praetermittam, quo intelligatur, quanta sit Ragusinorum severitas, et in liberis educandis diligentia: non enim sinunt in sua Urbe ludos esse, nisi literarios; si gladiatores, saltatoresve accesserint, subito ejiciuntur, ne juventus quam literis dumtaxat, aut mercaturae vacare volunt, hujus modi faeditatibus corrumpatur»... [3]). Много любопытныхъ свѣдѣній о состояніи Дубровника въ XV вѣкѣ и о правахъ и обычаяхъ дубровничанъ читатель найдетъ въ печатаемыхъ въ приложеніи къ нашимъ изслѣдованіямъ отрывкахъ изъ сочиненія де-Диверсиса, Descriptio Ragusina. Нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ о дубровницкихъ правахъ и обычаяхъ незадолго до паденія Респуб-

---

1) Перепечатано изъ Вара Цукки (P. IV, p. 21) Аппендини I, 206—208.

2) Apud Cervam, Prolegomena 164.

3) *De situ Orae Illyrici* lib. I, p. 454 (apud Lucium). Въ 1377 году Сенатъ запретилъ «publicum Alearum ac Jaxillorum ludum, poenamque indixit universis cujuscumque ordinis atque aetatis civibus, qui sub porticibus, vel in platea, vel alio quocumque loco, in luce publica visi essent ludere». Apud Cervam, Metrop. Ragus. 681.

лики сообщилъ Аппендини (I, 191—199). Жизнь въ Дубровникѣ вообще была тихая, болѣе семейная, чѣмъ общественная. Дѣвушки съ 11 лѣтъ вели жизнь затворническую въ домѣ родителей. Отецъ пріискивалъ жениха своей дочери, которая такимъ образомъ выходила замужъ не по собственному выбору, а по желанію родителей. Только замужнія посѣщали театръ; публичныхъ баловъ не было, а на вечеринки приглашались только родственники и испытанные друзья. Вообще женщины выходили изъ дому только или въ ближайшую церковь или съ визитомъ къ родственникамъ. Дворянки, отличавшіяся отъ мѣщанокъ особою одеждою, показывались на улицѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи служанки, одѣтой въ черное платье: этотъ обычай доселѣ удержался въ нѣкоторыхъ старинныхъ дворянскихъ фамиліяхъ. Къ числу привиллегій, которыми пользовались дворянки, нужно также отнести обычай, — по словамъ Червы [1]), устарѣвшій въ концѣ XVI вѣка, — провожать всѣмъ дворянскимъ сословіемъ покойницу до могилы. Въ Дубровникѣ закономъ было воспрещено женщинамъ изучать иностранные языки [2]), что̀, конечно, имѣло свои хорошія стороны. Женское воспитаніе ограничивалось, какъ кажется, элементарными свѣдѣніями о религіи и домашнимъ хозяйствомъ. Хотя до половины XV вѣка не было въ Дубровникѣ общественной школы [3]) и юношество воспитывалось или дома или за границею — въ Италіи и Греціи, тѣмъ не менѣе дубровничане уже въ XIV вѣкѣ стояли на̀ такой высокой степени образованія сравнительно съ сосѣдними славянами, что сербскій царь Стефанъ Душанъ отправилъ въ 1351 году особое посольство въ Дубровникъ съ просьбою прислать ему ко двору 20 благородныхъ юношей, а нѣсколько позже послалъ въ Дубровникъ на воспитаніе «primarios et ad litterarum studia aptiores suae gentis juvenes» и основалъ тамъ библіотеку, для которой дорогою цѣною пріобрѣлъ множество рукописей латинскихъ и греческихъ по всѣмъ отраслямъ знанія [4]). Дубровникъ былъ, такъ сказать, разсадникомъ просвѣщенія для сосѣднихъ славянскихъ краевъ: здѣсь по-

---

1) Metrop. Rag. 809, nota 22.
2) Gregorio Leto, Italia Regnante (1676) parte terza.
3) *Descriptio Ragusina*, Pars II, cap. VII, p. (Ms. № 256).
4) *Metrop. Ragus.* 609—610.

лучали образованіе не только сербскіе мальчики, но и дѣвушки. «Mos erat hisce temporibus Ragusii», говоритъ Черва[1]), «exteras puellas praesertim vero e Rassia Serviaque ingenuas, ac nobiles, in sex monasteriis Benedictini instituti, quae clausa minime erant, educandas, vel etiam in monialium numerum cooptandas excipere. At saepissime turbae inde oriebantur, rixae, contentiones, quod illae ab infantia Rassianis idest Graecis moribus imbutae, aegre Latinis ritibus ac Romanis sacris assuescerent. Senatus igitur, ut Sacrarum virginum tranquilitati consuleret, exteras quascumque puellas in eadem asceteria amplius recipi lege lata (5 Novembr. 1422. in Maj. Cons. *Lib. Virid.* 178) prohibuit». Сербскій деспотъ, Стефанъ, узнавъ, что дубровницкій сенатъ воспретилъ впредь принимать на воспитаніе дѣвицъ изъ сосѣднихъ славянскихъ краевъ, приказалъ немедленно заключить въ цѣпи всѣхъ дубровницкихъ купцевъ, находившихся въ его владѣніяхъ, и тогда только освободилъ ихъ, когда получилъ 30.000 дукатовъ выкупа.

Въ 1434 году былъ вызванъ въ Дубровникъ итальянецъ Филиппъ де-Диверсисъ для обученія дѣтей *in scientia et urbanis moribus* и устроилъ первую общественную школу, которая посѣщалась охотно избраннымъ юношествомъ. Съ тѣхъ поръ дубровничане продолжали выписывать изъ Италіи профессоровъ до половины XVII вѣка, когда распространеніе съ каѳедры кальвинскаго ученія заставило Сенатъ воспретить на будущее время вызовъ иностранныхъ профессоровъ[2]). Предметами обученія были: грам-

---

[1]) Metrop. 1262—1264.

[2]) Cerva, Metrop. Ragus. 2846—2848: Въ первой четверти XVII столѣтія былъ приглашенъ въ Дубровникъ для обученія юношества нѣкто человѣкъ весьма ученый, съ виду благочестивый, въ обращеніи ласковый и вкрадчивый; его лекціи охотно посѣщались избраннымъ юношествомъ къ утѣшенію родителей и къ удовольствію Сената. Въ 1625 году одинъ молодой человѣкъ изъ властельскаго сословія вздумалъ проповѣдывать въ своемъ семействѣ ученіе Кальвина, даже въ присутствіи своего отца, и отказываться отъ исповѣди и причащенія; доведенный Сенатомъ до сознанія, онъ объявилъ, что это ученіе преподается имъ съ каѳедры и уже нашло многихъ послѣдователей изъ его товарищей и сверстниковъ. Профессору грозила смертная казнь, но онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ. Тогда Сенатъ постановилъ «ne amplius advenae et ignoti homines ad juvenes litteris erudiendos advocarentur».

Первымъ иностраннымъ профессоромъ въ Дубровникѣ, былъ, какъ мы уже сказали, Филиппъ де-Диверсисъ, оставившій по себѣ память сочине-

матика, риторика, философія и законовѣдѣніе; для изученія естественныхъ наукъ, медицины, живописи и музыки правительство отправляло ежегодно на свой счетъ нѣсколькихъ юношей въ Италію, а позже и въ Германію [1]).

Достигнувъ совершеннолѣтія, *властелинъ* вступалъ въ Большой Совѣтъ, а *горожанинъ* отправлялся довершать свое образованіе на морѣ и искать себѣ *чести* и богатствъ, а отечеству *славы*. На государственную службу (за исключеніемъ низшихъ канцелярскихъ должностей) принимали только властелей. Впрочемъ рѣзкое по законамъ и обычаямъ Республики различіе между властельскимъ и мѣщанскимъ сословіемъ нѣсколько сглаживалось общимъ участіемъ въ торговлѣ и мореплаваніи и возможностью перехода изъ одного сословія въ другое: такъ напр. лишались дворянства за измѣну или за вступленіе въ бракъ съ мѣщанкою; возвышались въ дворянское достоинство, особенно послѣ 1667 года, когда погибло много древнихъ властельскихъ фамилій, за важныя государственныя заслуги. Только властельское и городское сословія получали правильное воспитаніе; простой же народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ: такіе примѣры, какъ Матвѣй Франковичь, составляютъ рѣдкое исключеніе. *Духовенство*, занимавшее средину между властельскимъ и мѣщанскимъ сословіями, не принимало участія въ дѣлахъ государственныхъ и служило послуш-

---

ніемъ: Descriptio Ragusina. Изъ его преемниковъ болѣе замѣчательны: Димитрій Халкондилла, вызванный изъ Флоренціи въ 1490 году «ad docendum litteras Graecas et Latinas» въ продолженіи 2-хъ лѣтъ съ платою 500 перперовъ ежегодно; Марино Бечикемо (1492—1500), родомъ изъ Скадра, авторъ комментаріевъ къ Виргилію, Овидію, Цицерону и др.; Даніилъ Кларіо (съ 1500 г.), которому Aldo Manuzio посвятилъ въ 1502 году свой сборникъ христіанскихъ поэтовъ; Іеронимъ Калво изъ Виченцы (1526), латинскій поэтъ; Нашимбено ди Нашимбени изъ Феррары (съ 1570 г.), авторъ комментаріевъ къ сочиненію Цицерона: De inventione; Франциискъ Сердонато изъ Флоренціи (до 1581 года), авторъ 2-хъ рѣчей: In funere Chrysostomi Calvini и In adventu Vincentii Portici Archiep. Ragus. и издатель сочиненія Туберона: De Turcarum origine; Камилло Камилли (ок. 1582 г., † 1615 г. въ Дубровникѣ), дополнившій Освобожденный Іерусалимъ Тасса пятью пѣснями: за свои заслуги онъ былъ удостоенъ дубровницкаго гражданства и былъ посломъ Сената къ Папѣ по одному важному дѣлу. Аппендини увѣряетъ, что Камилли былъ послѣднимъ иностраннымъ профессоромъ въ Дубровникѣ (II, 319), съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться: мы уже видѣли, что въ 1625 г. былъ еще профессоръ изъ иностранцевъ и что только съ этого года воспитаніе юношества переходитъ въ руки дубровничанъ.

[1]) Memorie politico-economiche sc. 305.

нымъ орудіемъ правительству, вліяніе котораго распространяло крестомъ. Таковы были взаимныя отношенія сословій, установившіяся вслѣдствіе историческихъ причинъ; сословное различіе уничтожало различіе народности, а единство вѣры и законовъ и общность занятій и стремленій служили связующими звѣньями всѣхъ подданныхъ республики; раннее же развитіе промышленной и ученой дѣятельности составляли силу Дубровника и питали уваженіе къ нему въ народахъ не только сосѣднихъ, но даже и самыхъ отдаленныхъ.

Поразительное сходство представляетъ исторія Дубровника съ исторіею Польши: однѣ и тѣ же причины въ одно и то же время способствовали какъ возвышенію, такъ и паденію обѣихъ славянскихъ республикъ, одной на югѣ, другой на сѣверѣ. Чѣмъ была для Польши эпоха Ягеллоновъ, тѣмъ была для Дубровника эпоха венгерскаго покровительства: оба государства достигли въ то время апогея своей славы и благосостоянія, благодаря однѣмъ и тѣмъ же причинамъ: господству аристократіи, не дошедшей еще до буйнаго своеволія, сильной не только матеріальными средствами, но и умомъ, и познаніями, — и процвѣтанію наукъ, искусствъ и промысловъ. Какъ эпоха паденія начинается для Польши съ избранія Вазовъ, такъ для Дубровника со вступленія подъ турецкое покровительство: съ конца XVI, а особенно съ начала XVII вѣка, оба государства все болѣе и болѣе падаютъ вслѣдствіе не сдерживаемаго законами своеволія аристократіи, пагубнаго вліянія иностранныхъ обычаевъ, упадка нравственности и религіи, гнёта іезуитовъ, развитія роскоши, изнѣженности, потери охоты къ какимъ бы то ни было серьезнымъ занятіямъ и наконецъ вслѣдствіе особыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Окончательно рѣшена судьба обоихъ государствъ вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года.

Серафимъ Рацци, въ концѣ XVI-го вѣка, смотрѣлъ уже съ ужасомъ на своеволіе властелей, и если, подобно современному ему польскому поэту, Севастьяну Клёновичу, онъ имѣлъ

Strach o téj skórze (lwéj) pisać... (*Worek Judaszów*)

то, оставляя въ покоѣ отцевъ, онъ нападаетъ на сыновей; разсказывая о необузданности властельскаго юношества, не уважавшаго правъ собственности, издѣвавшагося надъ религіею, храмами и

духовенствомъ, буйствовавшаго по улицамъ, историкъ прибавляетъ: «все имъ прощалось, *потому что они были nobili*». Уже въ его время существовала поговорка: «Dalle mosche di Zara e dai putti di Raugia cara salvaci, Signore!» Привыкши съ малолѣтства къ тому убѣжденію, что для властелина все позволено, что прочія сословія созданы только для удовлетворенія его нуждъ, потребностей и прихотей, безъ образованія, безъ религіи, поступалъ онъ въ Сенатъ съ большимъ запасомъ пороковъ молодости или же, преслѣдуемый честолюбіемъ и своекорыстными видами, искалъ счастія на чужбинѣ, служилъ безъ разбора всякому, кто хорошо ему платилъ, и обогатившись и украсившись титулами и орденами, возвращался на родину, вводилъ иностранные обычаи и роскошь; другіе подражали ему, но, при ограниченности своихъ средствъ, тяжелымъ гнётомъ ложились на народъ, обременяя его податями, оброками и разными сборами, или заводили тяжбы съ тѣмъ, чтобы, при помощи *своихъ*, захватить чужую собственность. Прежнія доблести пали: властелинъ служилъ не отечеству, а себѣ, интриговалъ при иностранныхъ дворахъ, торговалъ своею совѣстью, соперничалъ и ссорился съ товарищами, оставляя родину на произволъ судьбы посреди анархіи [1]). Народъ не всегда безропотно переносилъ притѣсненія властелей, и возстанія на Ластовѣ (1602—1607 г.) [2]) и въ Конавлѣ (1798 г.) [3]) могли быть подавлены только съ помощью турокъ, не желавшихъ усиленія Венеціи и Австріи насчетъ Дубровника. Наконецъ раздоры властелей привели республику на край гибели: французская партія отворила ворота Дубровника 27-го мая 1806 года Лористону,

---

[1]) Это было въ 1763 году, когда вслѣдствіе соперничества въ Сенатѣ двухъ партій Пуцича и Градича, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ господствовала полнѣйшая анархія, и только опасность со стороны Босны заставила соперниковъ примириться. «Chi non si è trovato presente in quella circostanza» говоритъ М. Басичь, «difficilmente può comprender, come esister potesse nella totale privazione del governo il buon ordine, la tranquillità, l'abbondanza giornaliera de' commestibili, senza che insorgessero mai nè questioni, nè contese. Imperciochè fuori il solo rango di famiglie patrizie, tutto il mondo rimanea in una perfetta tranquillità, considerando l'attual sittuazione come un' affare di questioni privati fra li patrizii, che fra breve dovean tranquillizzarsi, e da queste risorgere il pristino governo» ... *Memorie storiche* X, §§ 6—11.

[2]) ibid. VIII, § 13.

[3]) ibid. XII, §§ 1—5.

а 31-го января 1808 г. Мармонъ распустилъ Сенатъ и ввѣрилъ управленіе страною консулу Брюеру [1]).

Такова была аристократія Дубровника въ періодъ его паденія, по свидѣтельству историковъ; таковою же она изображена въ сатирѣ архидіакона Марія Кабоги (1505—1582 г.) *Contro la nobillà di Ragusi* [2]):

1. Fier, aspro monte, alpestro, arido, incolto,
   Barbara gente, crudele e discortese:
   Stuol scelerato, stuol indegno e stolto,
   Nemico di lodate e belle imprese;
   Solo a far opre vile tutto involto,
   Degno sei d'abitar questo paese
   Scomunicato d'inverno, empio d'estate,
   Ricco d'ogni disagio e povertate.
2. Bracchi vestiti di seta et involti
   Nelle pellande di lupi cervieri,
   Ignoranti dottor, gran saggi stolti,
   Principi in sogno e bozzariotti veri,
   Sparsi privati e signor raccolti,
   Nobili vili e magnati fieri,
   Di eccelsi e illustri i tittoli mettete,
   E di goffi capron un branco siete.
3. Non usurpate di nobili il nome:
   Chi gentiluomo non è chi fa viltade;

---

[1]) *Матер. для исторіи сношеній Россіи съ Рaг. Респ.* 52—65.

[2]) *Satira dell' arcidiacono Mario Caboga, Gentiluomo Raguseo detto Cordizza et il Confuso, contro la nobiltà di Ragusi.* Ms. Bibl. Franc. № 265, pp. 717—719. Маріо Кабога прозванъ *Confuso* потому, что принадлежалъ къ Академіи *dei Confusi di Viterbo*. Онъ родился въ 1505 г. въ Дубровникѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе; потомъ изучалъ юридическія науки въ Падуѣ, гдѣ пріобрѣлъ впослѣдствіи громкую извѣстность умомъ, краснорѣчіемъ и обширными познаніями; по его внушенію, была открыта въ падуанскомъ университетѣ дотолѣ несуществовавшая каѳедра уголовнаго права. По возвращеніи на родину, онъ былъ каноникомъ и архидіакономъ. Въ 1574 году онъ публично сталъ укорять сенаторовъ въ религіозномъ индиферентизмѣ, въ попущеніи всенародно проповѣдывать ученіе Лютера (см. строфу 6). Призванный на судъ въ Римъ, вслѣдствіе жалобъ дубровницкаго сената, онъ оправдался въ 1575 году отъ всѣхъ взведенныхъ на него обвиненій и въ вознагражденіе за невинно претерпѣнныя гоненія былъ пожалованъ папою Григоріемъ XIII въ протонотаріи апостольскіе и въ его капелланы, и впослѣдствіи былъ произведенъ въ *Conte Palatino*. Умеръ въ Римѣ въ 1582 году. Онъ славился обширными познаніями въ каноническомъ правѣ, по различнымъ вопросамъ котораго оставилъ нѣсколько сочиненій на латинскомъ языкѣ.

Di gentiluomo non merita il nome
Chi vive con inganni e falsitade;
Chi non ha vinte le sue passioni e dome
Con ragione, è vile in veritade.
Affibbiatevi ancor questo bottone,
Tal non è gentiluomo, ma poltrone..

4. Che nobiltà è vostra sciagurata
Opprimer tutti, e poi con marcia usura
Esiger il non dovuto a giornata,
E bravar dietro le dirupate mura;
Aver superbia molta e poca entrata,
D'ognuno star in sospetto et in paura,
Combatter colla fame, come un cane,
Viver nemici di Dio e senza pane.

5. Legger appena sai, o babbuino;
Nobil viro t'appelli e sei consigliere,
Non capisci il volgar, peggio il latino,
E pensi esser Dottor e Cavaliere,
Teologo, archileggista divino,
Astrologo, geometra ed artigliere,
Demostene tu sembri per le piazze,
E pur le tue idee son vane e pazze.

6. Ognuno ti conosce, e dissimula, e tace,
Non per rispetto, perchè indegno sei,
Ma perche sà l'ingordia rapace,
Con cui tu sai prevaler su questi e quei;
Onde per evitar un mal di simil taglia,
Schiva il pover'uom si fatta canaglia,
Simulando riverenze ed inchino,
Mentre passeggia in piazza Luter e Calvino.

7. Covi vendette ed i veleni annidi
Al cospetto del ciel che il tutto vede;
Vedove fai le spose, ed i mariti uccidi:
Dunque concluder deggio, che non si crede;
L' utile stimi buono ed onesto
(Dettame dell'empio Machiavelli)
E perciò sotto simulato pretesto
Deturpi questi, ed opprimi quelli.

8. Senatore ti vanti, e con inarcato ciglio
Sembri il Grande Legislator d'Atene.
Considera tuo padre, di chi sei figlio,
Che ti dirò, qual sangue hai nelle vene:
Barbaro ei fù, e tu gli sei seguace

Di cor ferino e di lingua mordace;
Egli pur anche fù simil senatore,
Che non risparmiò di rubar a tutte l'ore.

9. Viver non posso (mi dirai) da par mio,
Prendo qualche licenza, industrio e traffico.
Già t'intendo scellerato, empio e rio,
Che il tuo consultor dee esser qualch'e Mosaico.
Poichè lecita si fai la rapina,
Paventar devi la Giustizia Divina:
Nè ti abusar troppo della di lei Clemenza,
Perchè schoppierà un dì la lunga sofferenza.

10. Giudichi robba e sangue e di botto,
Per fas et nefas subentri in Tribunale,
Dicendo: Nobile nacqui, ergo son dotto:
Conseguenza di quadrupedo animale.
Citi il Verde, il Croceo, e lo Statuto
E con ciò pretendi di fare lo saputo.
Studiar sei tenuto, e non poco,
Altrimente brucerai nell'eterno foco.

11. Considera in che grado sei ignorante,
Che non sai quel che puoi e non puoi;
Mentre in foro ti odo baccante
Altercar col compagno, e dir potiam noi:
Tal è il costume, e n'abbiamo l'uso,
E riduci in Legge il maledetto abuso:
Così di corruttele ne fai sommario
E stendi il sacrilego braccio anche nel santuario.

12. Considera per fine la tua nobiltà insana
E troverai, che l'esser tuo è tutto rapina,
Sgombra pertanto dalla tua mente vana
La nobiltà, che vanti con altrui ruina.
La virtù sola ti può far ravveduto,
D'ignorante che sei farti saputo
E mentre dell'error tuo sei illuminato
Abbracia il mio consiglio se vo' esser salvato.

13. Vergognati dir: son del senato,
Giudice son, patron e bacchetta,
Quando ignorante sei, o sciagurato,
E la bilancia non sai tener retta.
Dice il proverbio già tutto trito e vulgato:
Chi non sa far il mestier, non ci si metta.
Chè non val conseguenza, nè tal motto:
Son nato gentiluomo, ergo son dotto.

14. Dannar i giusti, scior i delinquenti,
Falliti e non falliti far a voglia,
Debili opprimer, esaltar i potenti,
Ai ricchi gaudio dar, ai poveri doglia,
Sovente han fatto rovinar le genti
E voltar gli stati a guisa d'una foglia.
Ma per tornar dove il dir lasciai,
Nobili non siete e non sarete mai.

15. Fù contadin quel Ciceron dottore,
Nobile et Romano fù Catilina;
Ma questo meritò biasmo, e quel l'onore,
E più che sangue valse la dottrina.
Così li buoni Romani dièr favore
Della virtute all'alma disciplina,
Non come voi, ch'a vantarvi sol badate
Di certa vostra vana nobiltate.

Не напоминаетъ-ли эта сатира М. Кабоги «Зерцала» Рея изъ Нагловицъ, «Сатира» Яна Кохановскаго, «Царедворца» Горницкаго, «Worek Judaszów» и «Victoria deorum» Клёновича, сатиръ Петра Збылитовскаго и Каспара Мясковскаго, наконецъ проповѣдей Петра Скарги? Порча, проникшая въ высшее сословіе, быстро распространилась по всему народу: превышающая средства роскошь, — противъ которой уже въ 1235 году былъ изданъ, по свидѣтельству Растича [1]), особый законъ, — господство частныхъ побужденій вмѣсто прежняго патріотизма, корыстолюбіе, считавшее всѣ средства къ обогащенію позволительными, праздность, подражаніе иностраннымъ обычаямъ, преобладаніе невѣжества и бездарности надъ познаніями и талантами и наконецъ упадокъ благочестія — одинаково изображены у историковъ и поэтовъ, сравнивающихъ Дубровникъ съ Римомъ временъ Катилины. «Queste ricchezze», говоритъ М. Басичь [2]), introdussero il lusso superiore ad esse, e queste depravarono molto l'antico costume: Pecuniae cupido fidem, probitatem, caeterasque bonas artes subvertit; pro his superbiam, crudelitatem, deos negligere, omnia venalia habere edocuit (Sallust. Bello Catilin.). Scemò l'amor della patria, a cui furono sostituite le pri-

[1]) Chroniche di Ragusa 102.
[2]) Memorie storiche XI, § 1.

vate passioni, in luogo dell' incorrota antica integrità dominò la cupidigia d'arrichire, cupidigia che non era sufficiente a sostener il lusso; l'abilità dovuta negli impieghi, la sorte non dava luogo di ricercarla, e se questa per azzardo in qualche caso non veniva impedita dalla sorte, l'amor proprio mal inteso non permettea di anteporre altri a se più abili sia in vista del lucroso, sia in vista dell' onorifico, e per servirmi dell' espressione di Seneca «desinuit esse remedio locus, ubi quae fuerant vitia, mores sunt (Epist. 39)».

Неизвѣстный поэтъ такъ оплакиваетъ современное ему состояніе Дубровника [1]):

1. Deh! qual velen, qual peste, Rausa mia,
Ti guasta si, che più non sembri quella
Per senno e per pietà si chiara pria,
Or di follie seguace, e al ciel ribella?
Di gola, d'avarizia, e d'empia e ria
Lussuria, e d'ozio vil sei fatta ancella,
Si chè la Fede omai, che in te fioria,
Perde la luce, onde ricca eri e bella!
Ah! ben vegg'io, che da stranieri genti
Degli scritti e degli usi troppo amica,
Vai bevendo la morte e non la senti:
O cieca madre de' figli tuoi nemica,
Per farsi serva altrui, come consenti
Vender te stessa e la tua gloria antica?

—

2. Vidi (e sugli occhi il volto, e in cor la voce
Ne serbo ancor), vidi la bella Fede,
Quasi uom, che per indegna offesa atroce
La patria fugge e move a cangiar sede.
Che fà, mi disse irata in tuon feroce,
Che fà, che pensa Rausa? Omai non vede,
Che l'onor del Vangelo e della Croce
Troppo oltraggiato al ciel vendetta chiede?
In chi spera costei? ne' nuovi Numi,
Che ha fatto idoli suoi? Nelle fatali
Menzogne, che a lei detta estrânio clima?

---

[1]) Sei sonetti sopra la decadenza di Ragusa d'ignoto Autore. Ms. № 786.

Dille, che infastidita a suoi costumi
Verso altre genti alfin drizzerò l'ali:
Questa di sue sciagure fia la prima.

—

3. Oimè la Fede, oimè i costumi egregi,
Oimè le amiche al cielo alme virtudi,
E l'arti illustri, e gli onorati studi!
Ed oimè l'opre belle, e ivanti, e i pregi!
Ben quelli un tempo, Rausa, eran tuoi fregi:
Or lasso il petto mostri e i fianchi ignudi:
O traligniato seme, o tempi crudi,
Come ti colman già d'onte e di sfregi!
L'ozio, la gola, la superbia e il fasto,
E di Venere l'armi e di Cupido
T'hanno il bel seno omai squarciato e guasto.
Tanti tesori tuoi consuma e sface
Ahi! qual veleno, e di che infame lido!
E tu lo vedi, e pur tel porti in pace?

—

4. Voi, che le guerre, le ruine e i guai
Piagueste già d'Italia ad altri tempi,
E di tanti riempiste acerbi lai
Pindo, e le dotte carte, e i sacri tempî:
Mirate oggi dal ciel, come più assai
Fanno dell' infelice atroci scempi
L'ozio, la pace, e i giorni lieti e gai,
Ah! lieti nò, ma a lei funesti ed empi.
L'armi, le stragi, e le discordie e l'ira
Non la passaro alfin oltra la gonna:
Or mezzo — morta omai langue e sospira.
Si'l cor le rode e strugge, e si l'ingombra
Il lusso e il vizio, che di lei s'indonna,
Che di vero valor non serba un' ombra.

—

5. Ite stolide genti empiendo il sacco
D'ira del ciel con gli atti empî e profani;
O morta Fede! o rei costumi e strani,
Già d'Asia, or di te, Europa, obbrobrio e smacco!
Io pur gridando invan si struggo e fiacco:
Apri gli occhi a tuoi mali, e i figli insani
Piangi, oimè, non più tuoi, non più cristiani,
Ma schiavi omai di Venere e di Bacco.

Sfacciata! e tu ten ridi? E in festa, e in gioco
Sulle rovine tue scherzando siedi,
Quasi Dio non minacci, o dorma intanto?
Già il fischio odo e'l flagello, e tu nol vedi!
Già scoppia e scende, e stragi versa e foco:
Misera! ahi! qual t'aspetta orrore e pianto!

---

6. Deh! perch'io nacqui a così duri tempi,
Che la strada del ciel quasi smarrita?
Si lungi fuor di Rausa è omai fuggita
Virtù dal lezzo degli iniqui esempi.
Lasso! dov'io mi volga, e tristi, e gli empi
Mi fanno guerra, e l'alma sbigottita
Fra tanti lacci, ond'è piena la vita,
Sospira e teme ognor ruine e scempî.
Ove son, o Ragusa, i tuoi trionfi e vanti?
Dove la fama, e le onorate imprese
Della Fede, che pura in te fioria?
O nido di pietà, terra di tanti
Uomini illustri, a Dio almo Paese,
Come ti cangi, oimè, da quel di pria!

Въ публичной библіотекѣ въ Вѣнѣ хранится рукописное стихотвореніе: *Sopra la gran città di Ragusa* [1]): этотъ пасквиль, извѣстный Энгелю только по имени, лишенъ поэтическихъ достоинствъ, и мы сообщаемъ его только въ удовлетвореніе естественнаго любопытства, возбужденнаго упоминаніемъ о немъ въ энгелевой Gesch. d. Freyst. Ragusa:

Partimo da Ragusi aspro paese,
Più duro qual parlar di quella gente.
Città di molte navi et puoche imprese,
Che mai saluda amico o parente.
Ha molte legge scritte et mal intese,
I soccorsi lontani et il fuoco arente.
Ben arma di sospetto è di partenza,
Curta di territorio e di conscienza.

---

[1]) Mss. Lambecius, Commentaria de Bibliotheca Viennensi t. II, 308 olim, nunc CCCIX. E. 2—5555. fol. 84. p. 168—169.

Boni parti, belle ville, brute strade,
Un fregolin de Dose col senato;
Dà de tributo un 3-o delle entrate,
E d'un castello una città a baratto.
Fà che chi vuol entrar lasci le spade:
Rozza creanza in publico et in privato.
Ha gran case, botteghe, acque et pradelli,
Li habito è di tondini et di mantelli.
Si stette tanto a passar quel difetto,
In quanto un vanosi faria la croce.
Se un' asino alli confini tira un petto,
Si dice che l'odor arriva al Dose.
È sterile il paese, è sasso netto,
Altissime montagne et spaventose,
Tal che chi vede la terra poveretta,
La pare un scorzo de uno massinetta.

Деморализаціи общества содѣйствовали и въ Дубровникѣ, какъ и въ Польшѣ, *іезуиты*, вызванные въ 1653 году архіепископомъ Перотти, но окончательно утвердившіеся здѣсь только въ 1663 году [1]): болѣе ста лѣтъ (до 1773 г.) они воспитывали юношество въ духѣ своего ордена и, не имѣя прямаго вліянія на государственныя дѣла, они продолжали руководить бывшими своими воспитанниками и по выходѣ ихъ изъ школы [2]).

При іезуитскомъ воспитаніи, при растлѣніи общества не могутъ процвѣтать *науки* и *литература*; если мы встрѣчаемъ еще у дубровничанъ замѣчательныхъ поэтовъ и ученыхъ, то мы должны приписать такое явленіе тому обстоятельству, что лучшіе люди того времени воспитывались и жили за границею и служили своимъ умомъ, своимъ перомъ и своими познаніями иноземцамъ... Упадокъ литературы уже въ концѣ XVII вѣка ясно обнаружился

---

1) Metrop. Ragus. 2963, 2967, 2985, 3017, 3058, 3068.

2) Въ буллѣ папы Климента XIV касательно уничтоженія ордена іезуитовъ, отъ 21 іюля 1773 г.; приведенной во исполненіе въ Римѣ 16 августа, а въ Дубровникѣ 3 сентября т. г. сказано: «.... ne defendere audeant, impugnare, scribere, vel etiam loqui de hujusmodi suppressione, deque ejus causis et motivis, quemadmodum nec de Societatis Instituto... absque expressa Romani Pontificis licentia... sub paena excomunicationis...» (*Zibaldone* № 266. p. 696).

развитіемъ дидактизма въ историческихъ сочиненіяхъ [1]) и сатирико-панегирическимъ направленіемъ въ поэзіи.

Паденію Дубровника содѣйствовали также не мало *внѣшнія обстоятельства.*

Корыстолюбіе дубровничанъ увлекло ихъ въ многія безразсудныя предпріятія, противныя духу республики: такъ вмѣсто того, чтобы, по примѣру предковъ, заботиться о развитіи торговли и мореходства, они принимаютъ участіе въ войнахъ Испаніи и Турціи и теряютъ сотни кораблей; не соблюденіе строгаго нейтралитета въ войнахъ Россіи съ Турціею и Франціею накликало новыя бѣды на Дубровникъ и наконецъ довело его до окончательнаго паденія; духъ партій благопріятствовалъ иностраннымъ интригамъ, особенно же *Австріи*, которая, не смотря на торжественное обѣщаніе въ 1684 году охранять независимость Дубровника [2]), разными *происками*, какъ сказано въ инструкціи нашего правительства генеральному консулу при Республикѣ Палладоксису [3]), старалась *привлечь Рагузейцевъ подъ иго австрійское*, что̀ ясно обнаружилось въ участіи генерала де-Бради въ конавельскомъ возстаніи 1798 года [4]); дружба съ Франціею стоила Республикѣ до 1806 г. болѣе милліона франковъ [5]), а осада Дубровника русскими и черногорцами нанесла убытку на 8.655.000 фр. [6]). . .

---

[1]) Такъ лучшій историкъ Дубровника Юній Растичъ писалъ: «per mostrare, quanto un buon governo aristocratico possi far darare una Republica ancorche piccola in libertà». «Il mio assunto», говоритъ далѣе Растичъ, «è di scriver le memorie di Ragusa per eternar in qualche modo le gesta de nostri antichi, e mostrar alli secoli venturi le magnanime operazioni, le sante leggi, e l'ottimi instituti della mia patria, per incitar li posteri a conservar incorotti l'antichi costumi, et immitare l'opere virtuose de loro predecessori, aciò non recedendo dalle massime antiche, ma ritenendo illibata la sola Religione Cattolica, ad esclusione di qual si sia altro rito, menche santo nel stato, con l'amministrazione d'una perfetta giustizia, con l'amor verso il Publico bene posposto ogni particolar riguardo, possino trasmetter alli discendenti intiera quella libertà, dalla quale deveno esser gelosi custodi, come d'una giojà, che s'è ridotta esser ormai unica non solo in Dalmazia, ma anche in tutte le provincie Illiriche». *Chroniche di Ragusa di Giugno Resti.* Ркп. франц. б. № 243.

[2]) Sorgo, Fragments 15. Договоръ съ Леопольдомъ I 1684 г. изданъ Энгелемъ.

[3]) Матер. для ист. снош. Россіи съ Раг. Респ. 167.

[4]) M. Bassich, Memorie storiche di Ragusa XII, §§ 1—4.

[5]) ibid. §§ 5—6. Sorgo Fragments 17—20.

[6]) Мат. для ист. снош. Рос. съ Раг. 64.

Паденіе Дубровника ускорили еще другія, не зависѣвшія отъ него, обстоятельства: соперничество Венеціи, старавшейся уничтожить торговлю дубровничанъ въ Адріатикѣ [1]); притѣсненія дубровницкихъ купцевъ въ Венгріи и Герцеговинѣ [2]); нападенія ускоковъ [3]) и естественныя бѣдствія, какъ-то: бури, нанесшія значительный ударъ мореплаванію [4]), болѣзни (см. стр. 34), голодъ [5]), пожары [6]), и наконецъ землетрясенія [7]), изъ коихъ последнее 1667 года разрушило почти весь городъ....

Дни Дубровника были сочтены, и 31 января 1808 г. онъ съ покорною головою выслушалъ приказъ Мармона: «Le Général en chef de l'armée de Dalmatie ordonne ce que suit: Le gouvernement et le Sénat de Raguse sont dissous....»

Такъ кончилось многовѣковое существованіе Дубровника. Основанный епидавро-салонитанскими выходцами въ III — VII в., постоянно усиливаясь и расширяя свою территорію насчетъ славянъ, онъ достигаетъ въ XV и XVI вѣкахъ высшей степени благосостоянія, благодаря обширному развитію промысловъ, наукъ и искуствъ; затѣмъ въ XVII — XVIII в. онъ постепенно падаетъ вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ; наконецъ въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія незамѣтно прекращаетъ свое существованіе. Мы сочли нужнымъ остановиться *на главныхъ вопросахъ исторіи Дубровника* потому, что на нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на ихъ важность, еще не было доселѣ обращено вниманія, а другіе рѣшены неудовлетворительно. Переходимъ къ разсмотрѣнію источниковъ дубровницкой исторіи.

---

1) Razzi, Storia di Raugia 100, 104.
2) M. Bassich, X, §§ 1—2.
3) 1536—1537 и 1542. Razzi 83—85, 100.
4) ibid. 103—104.
5) Въ 1539—40 г. умерло съ голоду 4.500 чел. Razzi 90. M. Bassich VIII, § 3.
6) особ. 1463 и 1667. M. Bassich VII, § 2. IX, § 1.
7) особ. 1520 и 1667 г. ibid VII, § 17. IX, § 1.

ГЛАВА II.

Есть два рода историческихъ *источниковъ*: 1) Памятники старины и 2) Сказанія современниковъ.

1. Къ *памятникамъ старины* принадлежатъ:

а) *Постройки и вещи*. Епидавро-салонитанскіе выходцы принесли съ собою въ Дубровникъ строительное искуство. Развалины стѣнъ, украшенныхъ римскими написями, въ Цавтатѣ (Ragusa Vecchia, древній Епидавръ), остатки водопровода въ Конавлѣ и замковъ въ Жупѣ (Spilan и Gradaz), гдѣ были поселенія епидавританъ въ 550 году [1]), свидѣтельствуютъ о развитіи этого искуства у предковъ дубровничанъ. Поселившись на скалѣ Λαϋσα, епидавритане позаботились объ ея укрѣпленіи и въ половинѣ VII вѣка построили каменную стѣну со стороны моря, которую въ 691 году продолжили и со стороны суши: стѣны эти были построены изъ камня безъ цемента (con pietre senza calce). Къ тому же году относятъ построеніе церквей св. Сергія и Вакха и великомученика Стефана [2]). Въ 781 году построено укрѣпленіе Castello di S. Giovanni или del molo и стѣны съ башнями (una muraglia soda con li torrioni) въ Пустернѣ [3]), а годомъ позже верфь [4]). Въ 828 г. сооружена церковь св. Маріи [5]). Въ 925 г. босняки строятъ предмѣстье Пилы (πυλη = porta) [6]). Въ 972 году, вслѣдствіе чудеснаго избавленія отъ нашествія венеціанцевъ, дубровничане построили церковь св. Власія [7]), а въ слѣдующемъ году башню при ней для помѣщенія ректора [8]). Въ 1020 году основанъ бенедиктинскій монастырь на островѣ Кромѣ [9]). Въ 1038 году построенъ фортъ св. Лаврентія (San Lorenzo), названный такъ по имени святаго, въ честь котораго былъ воздвигнутъ здѣсь храмъ при существовавшемъ прежде женскомъ монастырѣ [10]).

---

[1]) Resti 4. — [2]) ibid 6, 9. — [3]) ibid. 11. — [4]) ibid. 12. — [5]) Лѣтописи, списанныя Стулличемъ въ Архивѣ Республики. — [6]) Resti 20. — [7]) ibid. 23.— [8]) ibid. 24. — [9]) ibid. 40. — [10]) ibid. 43—44. Cerva, Metrop. Ragus. 92.

Въ 1050 году король далматинско-хорватскій Стефанъ возобновилъ приходившую въ ветхость церковь св. Стефана, а по смерти его въ 1053 г. королева Маргарита (Мара) построила церковь и укрѣпленіе св. Маргариты [1]). Въ 1100 г., разрушивъ сооруженный въ 1089 г. королемъ Бодиномъ фортъ, начали расширять городъ, засыпавъ болото, отдѣлявшее его отъ этого форта, и уничтоживъ стѣны, какъ поперечную, такъ и обращенную къ горѣ св. Сергія [2]): къ 1117 г. относитъ Черва [3]) построеніе кварталовъ, называемыхъ донынѣ *Прѣки* и *Пелыньe* (пелынь = полынь); эти кварталы «moenibus siccis tamen et sine calce caementis, ac ligneis aggeribus circumdederunt»; мостъ, ведшій черезъ болото, разрушенъ; построена донынѣ существующая церковь св. Николая. Въ 1192 году Ричардъ Львиное сердце, занесенный бурею къ острову Кромѣ, построилъ по обѣту великолѣпный соборъ S. Maria Maggiore [4]). Въ 1235 году построена церковь св. Франциска въ предмѣстьи Пилахъ [5]). Въ 1266 году, когда Дубровнику угрожала опасность со стороны Стефана Уроша, былъ окруженъ стѣною пригородъ св. Николая (Borgo di S. Nicolò di Campo) и соединенъ съ восточнымъ укрѣпленіемъ св. Луки (Castello di Levante ossia di S. Lucca); построены 4 башни при входѣ въ портъ и нѣсколько другихъ на стѣнахъ, перестроенныхъ еще въ 1165 году [6]). Въ 1277 году построены ворота, ведущія въ предмѣстье Пилы [7]). Въ 1290 г. построенъ монастырь св. Клары близъ церкви св. Власія [8]). 15 Августа 1296 года большая часть города сгорѣла, и многіе

---

[1]) Cerva, Metrop. Rag. 119 — 123. Растичь (22) относитъ ошибочно къ 934 г.

[2]) Resti 52 — 54.

[3]) Metrop. Ragus. 180—184.

[4]) Resti 79. Cerva, Metrop. 250—258: «In annalibus nostris memoriae proditum est, quod etiam eorum, qui illud donec incolume ante terremotum mansit, frequentarunt, narratione didici, in toto scilicet, quo late patet, Illyrico, nullum nobilius Deo dicatum fuisse Templum. Exterius enim lapide candido quadrato, interius totum Pario, Phrygioque marmore constructum, atque auro depictum, picturis, signis marmoreis, aereis, argenteis graphice elaboratis ornatum, operibus musaicis, vermiculatis, anaglypticis varii generis emblematibus, omni ex parte instructum fuit. Forma autem elegantissimum utpote columnis, basibus, testudinibus opere gothico distinctum, in quo centies mille aurei nummi a Riccardo Rege tributi, et totidem fortasse a Republica non male insumpti crediti sunt».

[5]) Resti 102. — [6]) ibid. 121. — [7]) ibid. 125. — [8]) ibid. 128.

изъ жителей переселились въ ближайшія деревни, а нѣкоторые выселились въ Апулію. Laurentius Volussus, властелинъ, первый предложилъ 40 тысячъ перперовъ на возобновленіе города. 23-го сентября Marinus Maurocenus de Ducali mandato Comes Racussii созвалъ Большой и Малый Совѣты, на которыхъ «laudo populi ad sonum campanarum more solito congregato» былъ составленъ новый, болѣе правильный планъ города (Statut. lib. VIII, cap. 57: Qualiter sunt ordinatae viae et domus in Burgo tempore combustae Civitatis), быстро приведенный въ исполненіе [1]). Въ 1318 году на землѣ, принадлежавшей Минчетичу (Menze), сооружено укрѣпленіе Минчетта [2]). Въ 1333 году начали строить въ Стонѣ два укрѣпленія, соединенныя стѣною: «fecerunt (domini de Rhacusio) castra duo fortissima et perduxerunt murum magnum cum turribus ab uno castro usque aliud per unum milliare; in quibus aedificiis, et aliis necessitatibus expendiderunt circa centum viginti millia ducatorum de camera communi [3])». Въ 1348 году въ виду опасности, грозившей со стороны Генуи, возведены новыя укрѣпленія въ Дубровникѣ и Стонѣ и перестроена церковь св. Власія [4]). 25 іюня 1435 года былъ оконченъ водопроводъ (вода проведена въ городъ изъ долины Шумета на разстояніи 64 стадій), а 27 января 1438 г. окончены оба фонтана [5]). На большомъ фонтанѣ у западныхъ воротъ, супротивъ францисканскаго монастыря, читается напись:

P. Onofrio P. F. Onosiphoro
Parthenopaeo egregio N. I.
Architecto
Municipes.

Quod ingenio et diligentia sua Raguseor. Nobil. Providentia, et Ampl. Ordinis jussu coacto argento Publ. hanc. Epidar. Rag. N. N. Illyridis Urbem diu jam aquarum penurijs egestatem aquas in ea hodie et a VI Kalend. Februarij Kyriaceo fausto, et felicissimo die conspic. Fontib. exuberantissime

---

1) Cerva, Metrop. Rag. 510—513. — 2) Resti 140. — 3) Ркп. франц. библ. № 229. См. снош. Рос. съ Раг. 69. Resti 163. — 4) Resti 168. — 5) Cerva, Metrop. 1405—1406.

deluentes VIII ab Urbe millia scrupeos, arduosque per colles dificillimo ductu perduxit.

K. A. D. MCCCCXXXVIII. VI Kal. Febr.
Albert. Imper. design. A. I.

Въ 1435 году построенъ новый ректорскій дворецъ на площади, неподалеку отъ моря, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ существуетъ донынѣ: дворецъ былъ украшенъ колонами и портиками съ замѣчательными барельефами работы итальянца Онуфрія Іордана; площадь была хорошо вымощена. На постройку дворца было издержано болѣе 20 тысячъ дукатовъ. 12 августа того же года большая часть дворца сгорѣла, и только въ 1464 г. онъ былъ возстановленъ въ прежнемъ видѣ Юріемъ Матіевичемъ изъ Шибеника [1]). Въ 1460 году на деньги, пожертвованныя папою Піемъ II, построено укрѣпленіе Rivelino или Fortezza Pia [2]). Въ 1516 году на мѣстѣ прежняго дворца начали строить Главную таможню (Dogana Maggiore), оконченную въ 1520 году. Эта великолѣпная постройка во флорентійскомъ вкусѣ обошлась въ 7.600 дукатовъ [3]). На мраморной доскѣ, прибитой къ стѣнѣ этого зданія, вырѣзана, составленная извѣстнымъ дубровницкимъ поэтомъ Эліемъ Лампридіемъ Червою, напись:

Numen adorandum, felix et amabile Numen
Rhacusam titulo prosperiose juva.
Imple hostes terrore, fuga, formidine, Nostris
Da pateant Terrae, Civibus, et Maria.
Da patent coelum, tuta omnia, sisque saluti
Namque salutiferum Nomen Jesus habet.
A. S. MDXX.

Въ ноябрѣ 1538 года прибылъ въ Дубровникъ, по просьбѣ Сената, итальянскій архитекторъ и инженеръ, Антоній Террамолино, дворянинъ города Бергамаско, и въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ возвелъ новыя укрѣпленія на фортахъ Минчеттѣ и Ро-

---

1) *Annali di N. Ragnina* у Червы, Metrop. 1365—1367.
2) Мат. для ист. снош. Россіи съ Раг. Респ. 178.
3) Cerva, Metrop. 2105.

велино и построилъ городскія ворота, на которыхъ вырѣзана надпись:

Este procul saevi, nullum haec per saecula Martem
Castra timent, Sancti quae fovet aura senis [1]).

Въ 1540 году окончена постройка церкви св. Вознесенія, сооруженной въ память землетрясенія 17-го мая 1520 г., какъ видно изъ сохранившейся на ней надписи. Въ 1570 году, когда Дубровнику угрожала опасность со стороны султана Селима, славившійся въ то время инженеръ Сапоразо Матеуччи, уроженецъ города Фермо, построилъ на мѣстѣ древняго новый фортъ св. Маргариты и укрѣпилъ городъ со стороны моря. Онъ построилъ также новую церковь св. Маргариты, надъ дверями которой, по опредѣленію Сената [2]), сдѣлана надпись:

Regina Bosnae Margarita traditur
Dicasse Templum Margaritae Virgini
Olim beata cum fuere saecula
Id num Sacellum transtulere previdi
Patres premente Marte circum moenia
Dum classe Cypro Rex Selin imminet.

Въ ночь на 19-е іюня 1610 года молнія зажгла претуру, причемъ сгорѣли арсеналъ (armamentorium) съ большимъ количествомъ оружія и зала, въ которой зимою засѣдалъ Сенатъ [3]). Въ 1653 году построена іезуитская церковь, возобновленная въ XVIII вѣкѣ, какъ видно изъ надписи на стѣнѣ.

Страшное землетрясеніе 6-го апрѣля 1667 г. разрушило почти весь городъ: уцѣлѣли только укрѣпленія, Dogana Maggiore, арсеналъ, ректорскій дворецъ, нѣсколько частныхъ домовъ, церковь св. Вознесенія и построенные въ XV вѣкѣ монастыри доминиканскій (дубровничаниномъ Пасквале Михаелисомъ) и францисканскій, а также находившіеся въ предмѣстьяхъ карантины и церкви. Слѣдовавшій за землетрясеніемъ пожаръ окончательно опустошилъ городъ (сгорѣлъ театръ). Землетрясеніе разрушило

[1]) Cerva, Metrop. 2256. — [2]) ibid. 2486—2488. — [3]) ibid. 2728.

также загородныя виллы на Лопудѣ и въ Рѣкѣ [1]). Благодаря усердію такихъ патріотовъ, какъ Степанъ Градичь и Николай Буничь, Дубровникъ быстро оправился отъ удара, нанесеннаго ему землетрясеніемъ 1667 года, и «не прошло и ста лѣтъ, какъ городъ вновь застроился правильнѣе и великолѣпнѣе (?) прежняго», говоритъ Маттеи [2]). Прежде всего были возобновлены соборъ, церкви св. Власія (1707 г.) и іезуитская; затѣмъ начали возникать частные дома по новому плану, предложенному Ст. Градичемъ; заведены не существовавшія дотолѣ гостинницы для пріѣзжающихъ; городъ расширенъ. . . . Но новые пожары и наконецъ бомбардированіе Дубровника въ 1806 году нашими войсками уничтожили почти всѣ постройки, которыми такъ гордились дубровничане и великолѣпію и удобству которыхъ удивлялись иностранцы: уцѣлѣли монастыри доминиканскій и францисканскій, церкви, ректорскій дворецъ, таможня и городскія стѣны съ башнями, — нѣсколько частныхъ домовъ въ городѣ, загородныя же виллы доселѣ представляютъ груды развалинъ. . . .

«Izgorješe gosposke polače
Izgorješe Kono vas i Pile
Na puškomet od gradskijeh vrata.
Izgorješe Ploče i Bosanku,
Izgorješe Rieku, Brgat, Župu,
Zaton, Šumet, Obod i Konavle. . . . »

говоритъ современный дубровницкій поэтъ, Медо Пуцичь (Pjesne. U Karlovcu 1862). По офиціальнымъ даннымъ, во время бомбардированія Дубровника сожжено 666 домовъ [3]).

На сколько можно судить по оставшимся постройкамъ, въ Дубровникѣ господствовала *итальянская архитектура. Итальян-*

---

[1]) О землетрясеніи 1667 г. мы имѣемъ сказанія современниковъ: Н. И. Бунича (Ragguaglio delle cose accadute a Ragusa dopo che fù dal terremoto distrutta l'anno 1667 a dì 6 Aprile) и Катерино Корнаро, Provveditore Generale in Dalmazia (Relazione del terremoto seguito a Ragusa li 6 Aprile 1667): оба въ ркп. франц. библ. № 267.

[2]) . . . «in meno di un secolo si vede quasi tutta la città rifabricata con maggior polizia e splendore di prima, e similmente rialzati o ristorati i palazzi di delizie con i loro giardini in Gravosa et Ombla nella massima parte». *Zibaldone* № 267, artic. № 614.

[3]) Tavola statistica della città di Ragusa per l'anno 1807.

ской школѣ слѣдовали и дубровницкіе *живописцы*, какъ видно изъ сохранившихся отъ временъ Республики образовъ и картинъ (см. Путешествіе Кукулевича по Далмаціи въ Архивѣ юго-славянской исторіи кн. IV, стр. 338—339).

Единственная во всемъ городѣ *статуя* (бронзовая) Михаила Праццати[1]), оставившаго своему правительству 300.000 червонцевъ по завѣщанію, находится на дворѣ бывшаго ректорскаго дворца. На ней напись:

Michaeli Prazzato Benemirito Civi ex S. C. MDCXXXVIII.

Въ доминиканскомъ монастырѣ хранится серебряный *крестъ* сербскаго короля Уроша (ок. 1310 г.) съ кирилловскими написями: онъ описанъ Кукулевичемъ (о. с. 335—337).

Въ богатой соборной ризницѣ въ числѣ различныхъ вещей временъ Республики находится замѣчательной работы серебряное позолоченное *блюдо* половины XV вѣка, сдѣланное по порученію архіепископа Тимоѳея Маффеи дубровничаниномъ Иваномъ Прогоновичемъ (см. у Кукулевича стр. 337—8).

Дубровничане имѣли свою *монету*, которую начали чеканить, по изслѣдованіямъ Червы[2]), въ IX вѣкѣ. Отсылая читателей къ замѣткѣ о дубровницкихъ монетахъ, помѣщенной нами въ I Приложеніи къ *Матер. для ист. сношеній Россіи съ Дубровникомъ*, 67—69, прибавимъ здѣсь только то, что чеканка монетъ,

---

[1]) Тибуртиничь (Origine e genealogie etc. стр. 303 по ркп. Влайки) сообщаетъ слѣд. свѣдѣнія о Праццати: «La casa Prazzatti trahe sua origine da Isola di Mezzo lo atestano molte scritture pubbliche di Notaria e Cancelleria di Ragusa. Michele Prazzatti infrascritto naque in detta Isola, figlio di Capetano Paolo, et egli dalla gioventù ad imitatione delli sui antenati si diede alla fortuna marinaresca, la quale riuscendoli sempre più fortunata, con puoco di tempo diventò Capetanio della sua Nave, ed' indi poi tante altre Navi e Carache fece fabricare di smisurata grandezza con le quali aquistò somma considerabile di denari, e questi per mancamento della prole consacrò al suo Principe come per l'infrascritto suo testamento. Nella confraternità di S. Antonio di Cittadini Ragusei per li sui meriti fù benignamente accettato de 1552 et honorato anche nell' uffitio l'anno 1573 in 1598. Testamento di detto Michele Prazzatti de 1607 f. 96 nel quale lassò alla Republica sua patria lochi mille a Genova gratis. etc.» 23 августа 1607 г. Сенатъ постановилъ: «Celebrare perpetuis temporibus in Ecclesia Cathedrali singulo anno anniversarium pro anima et in memoria supradicti Michaelis, cui celebrationi interesse debeat Mag^cus D. Rector cum suo consilio».

[2]) Prolegomena 149—158.

особенно же ректорскихъ талеровъ, сдѣлалась въ половинѣ прошлаго столѣтія однимъ изъ средствъ къ обогащенію Дубровника [1]). Дубровничане чеканили мѣдную и серебряную монету, отличавшуюся доброкачественностью металла и въ послѣднее время изящною отдѣлкою: въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе чеканенные въ прошломъ вѣкѣ *дукаты*, *скутаты* и *ректорскіе фоллары*, особенно же *либертины*. На одной сторонѣ либертины изображенъ гербъ Республики съ надписью: «Libertas», а на другой — женская голова, напоминающая портреты Екатерины II: не оттискъ-ли это съ нашихъ медалей, вывезенныхъ изъ С.-Петербурга графомъ Раньиною? [2]). Начало чеканки этой монеты совпадаетъ со временемъ возвращенія Раньины въ Дубровникъ.

Въ обѣщаемомъ дубровницкимъ книгопродавцемъ Мартеккини изданіи «Альбомъ Дубровника» предполагается помѣстить подробное описаніе и снимки монетъ, гербовъ, старинныхъ произведеній искуствъ, нарядовъ и другихъ вещей, оставшихся отъ временъ Республики, а также плановъ Дубровника различныхъ эпохъ [3]) и т. п. Къ сожалѣнію, это любопытное и важное для науки изданіе исполняется человѣкомъ, не достаточно приготовленнымъ къ подобному труду: заботясь о количествѣ матеріала, онъ упускаетъ иногда изъ виду его качество, и рядомъ съ предметами, дѣйствительно стоющими изученія, помѣщаетъ, заимствованныя у Аппендини, фантастическія изображенія Чорое, Бембеля и Вилы.

b) *Народный бытъ и повѣрья.* Основатели Дубровника, епидавро-салонитанскіе выходцы, изъ которыхъ образовалось властельское сословіе, были романскаго происхожденія, сельское же населеніе — славянскаго; принявъ католицизмъ, оно сохранило свою народность, которая въ XIV вѣкѣ сдѣлалась господствующею въ Дубровникѣ и перешла изъ селъ въ городъ, подчинивъ своему вліянію высшее и среднее сословіе и въ то же время принявъ на себя лоскъ итальянской образованности, вмѣстѣ съ понятіями которой оно заимствовало и самыя выраженія, хотя въ столь

---

[1]) M. Bassich XI, § 1.
[2]) Матер. для ист. снош. Россіи съ Раг. Респ. 24.
[3]) Планъ Дубровника XI вѣка изданъ мною въ 1865 г.

незначительномъ количествѣ, что онѣ теряются въ массѣ словъ народныхъ, сербскихъ: это по преимуществу названія предметовъ мореходства и церкви и вещей, заимствованныхъ у итальянцевъ. Итальянское вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе село къ городу, и постепенно ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ моря вглубь страны къ турецкой границѣ. Поселяне, часто посѣщающіе городъ, любятъ щеголять итальянскими выраженіями, которыя поютъ на манеръ сербскій: оттого ихъ безобразная рѣчь, надъ которой издѣваются italianissimi, бываетъ иногда непонятна. Впрочемъ нужно замѣтить, что итальянщину мѣшаетъ въ свою сербскую рѣчь поселянинъ только тогда, когда говоритъ съ горожаниномъ; у себя же дома или въ разговорѣ съ герцеговинцемъ онъ почти вовсе не употребляетъ итальянскихъ выраженій и даже примѣшиваетъ туреччину. Благодаря сосѣдству съ герцеговинцами, съ которыми дубровничане находились и находятся не только въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ, но даже въ родственныхъ связяхъ, а также вслѣдствіе того обстоятельства, что аристократическая дубровницкая республика вовсе не заботилась о распространеніи просвѣщенія между простымъ народомъ, въ его бытѣ и обычаяхъ сохранилось много остатковъ славянской старины. Такъ дубровничанинъ, по древне-славянскому обычаю, любитъ строиться или на скалѣ, или у воды: по склонамъ скалы лѣпится нѣсколько домовъ изъ квадратнаго камня, смазаннаго глиною, но не окрашеннаго, съ черепичною или соломенною крышею, съ сквозными сѣнями, имѣющими два входа; дома обыкновенно съ одной стороны двухъ-этажные, а съ другой — одно-этажные, разбросаны на значительное разстояніе одинъ отъ другаго: при каждомъ — виноградникъ и огородъ: таковъ общій видъ селеній, болѣе удаленныхъ отъ города; тѣ же, которыя находятся въ его окрестностяхъ, построены болѣе правильно и на городской образецъ. Одеждою отличается часто одно село отъ другаго: видные и рослые жупляне и красивыя и кокетливыя жуплянки отличаются щеголеватостію наряда; сухіе и мрачные обитатели горнаго Конавля носятъ черные шаровары, жилеты и куртки и маленькія фески; женскіе наряды Пелешца поражаютъ своею пестротою: высокія, цилиндрическія шляпы, украшенныя цвѣтами и яркими лентами, носятъ не только поселянки, но и богатыя помѣщицы....

При всемъ мѣстномъ разнообразіи одежды, есть въ ней много общаго — сербскаго: широкія синія шаровары, бѣлая рубаха, красный шитый золотомъ жилетъ, широкій поясъ, за которымъ торчатъ пистолетъ и ножъ, красный плащь или герцеговинская струка (родъ пледа), красная феска съ синею кисточкою, рѣдко тюрбанъ, — составляютъ одежду мущины. Женская одежда весьма несложна: цвѣтная юбка, бѣлая рубаха, на шеѣ платокъ и ожерелье изъ бусъ или старыхъ монетъ, на головѣ у замужнихъ также платокъ, унизанный бусами или монетами, или яркихъ цвѣтовъ ленты у дѣвушекъ. . . . Въ семейномъ бытѣ сохранилось еще много старославянскихъ обрядовъ при сватовствѣ, женитьбѣ, похоронахъ (*плакавицы*) [1]) и т. п. Побратимство и посестримство существуютъ здѣсь съ такою же силою, какъ и на всемъ славянскомъ югѣ. Также обща дубровничанамъ со всѣми сербами вѣра въ *вилъ* и другія миѳическія существа. Черва въ жизнеописаніи 63-го дубровницкаго архіепископа Франциска Перотти [2]) сообщаетъ весьма любопытную переписку братьевъ Градичей о процесѣ, занимавшемъ Сенатъ въ 1660 году и имѣвшемъ предметомъ *виленицъ* и *вѣдьмъ*, появившихся въ Янинскомъ капитанатѣ (на Пелешщѣ) въ первыхъ числахъ августа того же года. Одна изъ этихъ *виленицъ* (23—30 лѣтъ) показала на допросѣ, что ремесло ея — знахарьство, что этому ремеслу научила ее *тетка вила*, являвшаяся ей въ бѣлой одеждѣ въ образѣ монахини, что вилу она вызывала посредствомъ травъ: *омана* (helenium, по ит. Enula campana), *попунца* (serpillum) и *лисьяго хвоста* (куни ресъ, Millefolium). Она прибавила также, что можетъ узнать, кому вѣдьма причинила зло (la strega ha fatto male) и излѣчится-ли онъ или нѣтъ: чувствующій запахъ омана выздоровѣетъ, а не чувствующій этого запаха умретъ. Виленица назвала по именамъ 9 вѣдьмъ въ Янинскомъ капитанатѣ. Первая изъ нихъ показала, что дьяволъ въ образѣ юноши приходилъ

[1]) Священникъ Гружа, Матвѣй Водопичъ, извѣстный знатокъ народныхъ дубровницкихъ обычаевъ и даровитый писатель, недавно обнародовалъ поэтическое описаніе свадебныхъ обрядовъ въ Конавлѣ въ отрывкѣ изъ романа «Марія», напечатанномъ въ I кн. *Низа бисера югославенскога*. Любопытная статья о народныхъ обычаяхъ дубровничанъ Петра Франасовича во 2-ой кн. *Дубровника*.

[2]) Metrop. Ragus. 3039—3046.

къ ней ночью и обѣщалъ ей дать все, чего она пожелаетъ, если согласится удовлетворить его страсти, и — у ней не было съ тѣхъ поръ недостатка въ хлѣбѣ и винѣ. Потомъ она призналась, что нерѣдко летала вмѣстѣ съ дьяволомъ въ образахъ бабочки, курицы и кошки. «Когда женщина является на *сборъ*», прибавила вѣдьма, «дьяволы требуютъ отъ нея въ жертву сына ея или дочь; но, какъ у нея не было своихъ дѣтей, она принесла имъ въ жертву своего трехлѣтняго племянника». На вопросъ, какимъ образомъ она лишила его жизни, она отвѣчала: «я превратилась въ бабочку, сѣла на грудь ребенку и вынула его сердце; потомъ изжарила его и съѣла вмѣстѣ съ товарками: мясо его на вкусъ и запахъ было похоже на тѣлячье». *Сборы* происходили на *гумнахъ* въ Сресерѣ. Вторая вѣдьма показала, что она принесла въ жертву дьяволу единственную дочь свою, что дьяволъ являлся ей въ образѣ Суторины (?); къ этому она прибавила, что у всякой изъ нихъ есть свой дьяволъ и что въ залогъ своей вѣрности она дала дьяволу кусокъ своей одежды, а онъ наложилъ ей печать на правую руку. Семь остальныхъ вѣдьмъ, не смотря на всѣ пытки, ни въ чемъ не сознались. Сенатъ присудилъ двухъ признавшихся вѣдьмъ повѣсить и потомъ сжечь ихъ на висѣлицахъ. Вслѣдъ за тѣмъ пять сенаторовъ были отправлены по деревнямъ для отыскaнія вѣдьмъ и доставленія ихъ въ Дубровникъ. Въ тоже время было постановлено совершать повсюду молебны для избавленія Дубровника отъ вѣдьмъ! Какъ была сильна вѣра въ вѣдьмъ и колдуновъ даже въ высшемъ сословіи еще въ XVII вѣкѣ мы видѣли изъ разсказа Аарона Лунелли. О суевѣріяхъ дубровничанъ мы имѣемъ замѣчательное по древности свидѣтельство закона 1235 года, которымъ опредѣляется количество приданаго невѣсты и въ которомъ упоминается также о свадебныхъ обрядахъ. Вотъ оно: «Anno Incarnationis Domini 1235 Mensis Aprilis die 13 intrante, in Consilio parvo et magno more solito per campanam coadunato, et ordinata curia cum sonitu campanae in Publico foro a Petro de Bollislava Vice-Comite Ragusii [1]) statu-

[1]) По изгнаніи изъ Дубровника венеціанскаго графа, Ивана Дандолы, избранъ въ 1230 г. въ Vice-Conte Андрей Добрана (Resti 98); въ 1232 г. возвращенъ Дандола (ibid. 100—101); но въ 1235 г. снова избраны два Vice-Conti: Ѳеодоръ Кроче и Петръ Болислава (ibid. 102).

tum est et laudatum multis vicibus, ut amodo in antea *nullus dare debeat alicui mulieri plus quam ducentos perperos nomine Parchivii et non debeat dare nisi tantum decem pensas auri* per ornamento capitis, aurium et manuum, et hoc in auro vel argento, vel perlis secundum voluntatem suam, non computatis fazeolis [1]) et zepeis (?). Alia autem ornamenta de auro, argento et perlis tam a desponsatis, quam a puellis non desponsatis deponantur. *Sponsa vero possit indui more Nobilis Dominae secundum consuetudinem Ragusii*, quae talis est consuetudo: Clamis de sciarlato [2]), Pellis de Fuinis [3]), cooperta de viridi vel de bruno Diplois [4]), vel zuppa de zendado [5]) vel de oxamito, Clamis de saja [6]), Pellicea de Leporinis et ancilla. Quae consuetudo nullatenus debeat ampliari, sed minorari possit, qui voluerit. Zepejae quae factae sunt maneant, et possint eis uti qui habent, sed ammodo in antea aliquis vel aliqua non faciat, vel fieri faciat, vel asportari aliunde faciat zepejam, quae si deaurata, vel quae habeat telam de seta. *Et eo die, quo Nupta vadit ad domum viri celebrentur nuptiae tantum, et non pluribus diebus*, sive vadat die Domenico, sive alio die. Et *pannis mellatus* [7]), qui fiebat, *amplius fieri non debeat. Et sponsus eo die quo nuptiae fiunt de eo, quod mittebatur, sicuti de Castrato, nihil debeat mittere sponsus sponsae, vel sponsa sponso.* Et eo die quo *sponsa* vadit ad domum viri *coronetur et ornetur*, secundum voluntatem suam, et *sic possit manere per octo dies et non plus. Item consueverat sponsus tenere duos socios per totam Hebdomadem, et sponsa eodem modo tenere duas socias, quod non faciat nisi per tres dies, vel quatuor ad plus.* Item *consueverat sponsa ire ad sanctum Eliam* [8]) *et facere ibi expensos, quod amplius non fiat. Item in annulo sponsae non ponatur pasta levata* [9]),

---

1) fazzoletto, платокъ. Примѣч. Червы (C).

2) scarlatto, purpura. C.

3) de mustela. C.

4) διπλοΐς, tunica seu thorax, zuppa, giubba. C.

5) taffetà, tafetano, zendado. C.

6) lanea tela. C.

7) mellitus. C.

8) Холмъ въ предмѣстьи Пилахъ, *Ильина Главица*, такъ названный отъ часовни св. Иліи, куда еще во времена Червы ходили дубровничане «animi laxandi gratia et cum amicis convivia celebrare». C.

9) farinae massa fermento imbuta. Этотъ обычай сохранялся еще при Червѣ. C.

nec ruta, nec cum vadit ad domum viri datur ei mel ad manducandum [1]) *et in pectore viri non ponatur pasta vel ruta amplius. Item Galleta plena aquae et Cathedra ferrea et pellis montonica hactenus fieri non debeant.* Et orfanae vel orfana, quae non habet fratres cum omne possessione sua nubat sicut voluerit. Et mulier vidua cum omni dote sua, et cum eo quod dedit ei vir defunctus nubat, et si habent Patrem vel Matrem, vel Fratres, nihil amplius detur ei, quam prius habebat, et quicumque accipere vel dare uxorem extra civitatem, vel alio modo matrimonium contrahere, non teneatur ad praedicta, sed faciat ad melius quam posset. Omnis autem persona teneatur observare, et nihil frangere de his, quae inventa sunt de facto matrimonii per sacramentum quod fecit, et quicumque contra praedicta fecerit, sit perjurus et incidat in excommunicationem, quae facta est per Dominum Arengherium Archiepiscopum et Abbates Dessan de Lacromino, et Ioannem de Melita, et Georgium de Sancto Jacobo de Viscnizza et per quosdam monachos eorundem Abbatum, et per Canonicos Sanctae Mariae videlicet per Praesbiterum Petranam filium Theodori et Diaconum Matthaeum filium Theophilae, et per Clericos Marinum filium Sabbatini et Stantium filium Simonis, et per Praesbyterum Paschalem filium Petri, et praesentibus Fratribus Minoribus, Fratre Xisto tunc tempore in Dalmatia Fratrum Minorum Ministro, ac Fratre Andrea Diacono, qui sunt de Venetiis, et Fratre Ioanne, qui fuit de Episcopatu Brixiae, scilicet de Missimo, et in conspectu Virorum et Mulierum in Majori Ecclesia Sanctae Mariae. Et insuper temporaliter nulla veritas in eo credatur, et nullam sententiam dare possit in aliquo loco, nec de suis negotiis aliquam rationem habere possit in curia civitatis Ragusii, vel alterius civitatis, nec alicui chartae, quam habet pro aliquo facto credatur, sed sit inanis et cassa, et si aliquid ab eo petatur, credatur petenti et non ei, qui contra hoc fecerit, et quicumque daret alicui Mulieri plus quam superius dictum est nomine Parchivii post obitum viri, nec ipsa, nec parentes, nec propinqui, nec amici ejus petere possint plus quam dic-

---

[1]) «Certe adhuc ea consuetudo Ragusii servatur, ut sponsae ingredienti primum sponsi limina, coriandrum aut quid simile sacchato conditum a puero sponsi propinquo in os ingeratur». Cerva.

tum est, scilicet ducentos perperos et decem pensas auri. Similiter incidat in excommunicationem et praefatam poenam, tam qui accipit, quam qui dat, et Missitae [1]), qui contra hoc iverint, teneantur hac sententia tam vir, quam Mulier. Haec autem excommunicatio et temporalis sententia et caetera supradicta durent et valeant usque ad viginti novem annos, et non possit mutari Consilio parvo et magno, nec per judices, nec per sonitum campanae, nec per Publicam curiam, vel alio quocumque modo usque ad praedictum terminum, videlicet viginti novem annorum. Si quis vero vel quae mulier ex simplicitate vel ignorantia, vel cum certa conscientia contra aliquid supradictorum faceret in aliquo tantum teneatur. Et quicumque accusatus fuerit vir, vel mulier quod absconse, vel publice dederit, vel acceperit plus quam dictum est nomine Parchivii, aut si quis, vel si qua mulier accusatus vel accusata fuerit contra aliquod supradictorum, ad excusationem sui possit se defendere dextra manu sua ad Sacrosancta Dei Evangelia. De hoc autem facto sint plures cartae haec, et aliae. Haec autem carta nullo testimonio rumpi possit. Hi sunt testes: Ioannes Bogdani, et Volcius Ioannis, Vladimir et Binzola Bodatiae et Andreas Bolislavae jurati judices. Et ego Praesbyter Paschalis et communis Notarius juratus scriptor sum et Testis et in his interfui» etc. [2]).

Сельское населенiе не имѣетъ своей поземельной собственности, а сидитъ на землѣ помѣщичьей. Помѣщикъ, оставляя для собственнаго своего пользованiя извѣстный участокъ земли, называемый *царинoю*, раздаетъ всѣ остальные поселянамъ (coloni), которые обязываются платить условленное количество пшеницы (*увѣтъ*) и вносить $^2/_3$ поземельной подати (stima); за право пользованiя хозяйственными постройками они отработываютъ 90 дней барщины, а за сады, прилежащiе къ домамъ, каждое семейство приноситъ помѣщику въ опредѣленные сроки *поклонъ*, состоящiй изъ нѣсколькихъ паръ козлятъ и куръ и нѣсколькихъ десятковъ

---

[1]) Mesita est publicus Praeco seu ut Ragusii appellatur Riverius. Hic intelligatur puto sponsalium conciliator. Cerva.

[2]) Metrop. Ragus. 343—349. Этотъ древнiй памятникъ дубровницкаго законодательства, написанный за 37 лѣтъ до Статута (1272), я счелъ заслуживающимъ во многихъ отношенiяхъ быть издану вполнѣ.

янцъ. Таковое устройство земледѣльческаго быта существуетъ съ XIV вѣка въ такъ называемыхъ *новыхъ земляхъ* (*Terre nuove:* Пелешацъ и Конавле); въ окрестностяхъ же Дубровника, отъ Затона до Жупы (такъ называемыя *Terre di Astarea*), отношенія между помѣщиками и поселянами совершенно инаго рода [1]). Помѣщикъ, недовольный поселяниномъ, можетъ прогнать его съ своей земли, заплативъ ему всѣ сдѣланныя имъ *улучшенія* (miglioramenti); но такъ какъ обыкновенно эти улучшенія оцѣниваются выше самой земли, помѣщикъ принужденъ сносить всѣ неисправности поселянъ. Зная, съ какою небрежностію отрабатывается барщина, помѣщикъ обыкновенно отдаетъ царину на аренду самому богатому колонисту, обязывая его платить ему $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ доходовъ или же предоставлять въ его пользу всѣ маслины. Маслины составляютъ самую доходную статью сельскаго хозяйства дубровничанъ и ежегодно вывозятся въ значительномъ количествѣ въ Италію. Прежде славилась дубровницкая *мальвазія*, но уже лѣтъ 20 существуетъ болѣзнь на виноградъ: мальвазіи вовсе нѣтъ; стонскаго вина *печено* (prosecco) и ластвинскаго *муската* не достаетъ даже для мѣстнаго потребленія, а потому дубровничане принуждены выписывать вино изъ Далмаціи и Истріи. Разведеніе шелковичныхъ червей не удается. Вообще земля приноситъ дубровничанамъ весьма мало дохода, не смотря на большой уходъ, а потому они бываютъ принуждены искать пропитанія на чужбинѣ: такъ пустѣютъ цѣлыя приморскія деревни, въ которыхъ остаются только женщины, дѣти и дряхлые старики. Мокошица (въ Рѣкѣ, Ombla) считается изстари гнѣздомъ мореходцевъ и рыболововъ. Стонъ и Корчула имѣютъ своихъ представителей въ Россіи, Италіи и Тріестѣ, нажившихъ большіе капиталы. Кораблестроеніе, занимавшее прежде столько рукъ, въ упадкѣ. Транзитная торговля съ Турціею обогащаетъ только нѣсколькихъ спекуляторовъ и контрабандистовъ (требинскій табакъ).

Масса народонаселенія Дубровника принадлежитъ къ католи-

[1]) Della natura, origine ed extensione dei diritti ed obblighi fra proprietarii e contadini del circolo di Ragusa въ прибавленіи къ № 4 издававшейся въ 1848 г. книгопродавцемъ Мартеккини, подъ редакціею доктора І. Казначича, газеты: *L'Avvenire*.

ческой церкви: по официальнымъ даннымъ [1]), въ 1857 году въ дубровницкомъ округѣ было: 54,503 католика, 189 православныхъ, 5 уніатовъ, 4 протестанта и 121 жидъ. Число жителей въ томъ же году въ Дубровникѣ 4,089. Каждое селеніе имѣетъ свою церковь, хотя служба въ нѣкоторыхъ изъ нихъ совершается разъ въ годъ въ храмовой праздникъ. Хоругвь, водруженная передъ церковью, возвѣщаетъ празднество: народъ собирается къ обѣднѣ, обходитъ крестнымъ ходомъ кругомъ церкви, закуситъ въ корчмѣ, а потомъ молодежь начинаетъ плясать до самаго вечера на церковной площадкѣ коло или поскочницу подъ звуки однострунныхъ гуслей или мѣха. Наибольшею извѣстностію пользуется праздникъ въ Канозѣ (въ трехъ часахъ ѣзды отъ Дубровника, сѣвернѣе Затона) 2-го іюля, на который собирается народъ даже изъ самыхъ отдаленныхъ селеній на материкѣ и островахъ: извѣстность пріобрѣла Каноза двумя громадными своими платонами, подъ которыми сотни дѣвушекъ и парней отплясываютъ до изнеможенія коло и поскочницу. Единственный народный праздникъ въ Дубровникѣ бываетъ 3 февраля въ день памяти св. Власія, освободившаго, какъ гласитъ преданіе, Дубровникъ отъ нашествія венеціанцевъ въ 971 году. Наканунѣ привозятъ изъ крѣпости въ предмѣстье Пилы двѣ пушки, которыя ставятъ на берегу моря между фортомъ св. Лаврентія и городомъ. Съ разсвѣтомъ собираются въ городъ окрестные поселяне въ праздничныхъ одеждахъ съ хоругвями мѣстныхъ церквей; подходя къ городу, они стрѣляютъ изъ своихъ доморощенныхъ длинныхъ ружей (tromboni), и имъ отвѣчаютъ пушечными выстрѣлами; у воротъ города оставляютъ оружіе и направляются къ церкви св. Власія, передъ которою развивается знамя Республики на длинномъ шестѣ, увѣнчанномъ зеленью и цвѣтами; епископъ со всѣмъ духовенствомъ служитъ миссу, по окончаніи которой — крестный ходъ по городу, а послѣ обѣда — лотерея на Stradone и *ballo brenese* (для поселянъ, преимущественно изъ Жупы, Breno). Во времена Республики праздникъ св. Власія совершался съ большою торжественностію. Еще наканунѣ весь городъ приходилъ въ движеніе. Вооруженные поселяне деревень Жупы, Шумета и Рѣки [2]) въ празд-

[1]) Statistica Generale della Dalmazia, edita dalla Giunta provinciale.

[2]) Этотъ обычай былъ введенъ въ 1395 году по слѣдующему случаю, какъ

ничныхъ одеждахъ, съ хоругвями въ рукахъ, три раза обходили весь городъ, останавливаясь передъ дворцемъ, у котораго возсѣдалъ ректоръ съ своими совѣтниками, и отдавая имъ военныя почести. По окончаніи этой церемоніи, Ректоръ отправлялся къ вечернѣ въ соборъ. Барабаннымъ боемъ и пушечными выстрѣлами встрѣчали наступленіе слѣдующаго дня. Въ 9 часовъ утра 12 поселянокъ съ символами мира и изобилія совершали передъ дворцемъ, въ присутствіи Ректора, народные танцы. Адмиралъ дубровницкаго флота, водружая знамя Республики на площади передъ церковью св. Власія, произносилъ слѣдующее пожеланіе (laus): «In nome della Ss. Trinità, P. F. e S. S., in nome della Gloriosa V. M., in nome del glorioso S. Biagio, nostro Protettore, etc. etc. in nome di tutti santi e tutte sante del cielo, — vita, vittoria, pace, abbondanza a questa nostra Illma ed Ecc^{ma} Republica di Ragusa, che Dio la salvi e mantenga per molti anni per mare e per terra! Viva S. Biagio!» [1]). Въ это время главный распорядитель праздника, которому предшествуетъ пажъ и за которымъ слѣдуютъ 4 знаменоносца и множество слугъ въ національномъ нарядѣ, при барабанномъ боѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ, шествуетъ изъ главнаго караула къ Ректору, которому какъ онъ, такъ и вся свита его кланяются нѣсколько разъ по-испански. Остатокъ утра проходитъ въ слушаніи миссы и въ крестномъ ходѣ, въ которомъ принимаетъ участіе весь Большой Совѣтъ и все духовенство. Послѣ обѣда происходитъ турниръ, оканчивающійся побѣдою главнаго распорядителя праздника надъ его противникомъ, — по-

---

говоритъ Черва: «Sub Nicolai (de Ortis) Pontificatu anno 1395 Paulus Radanovich Canalitani agri comes, Sandalius Hranich Vojvoda sive Exercitus Ductor et Stephanus Cosaccia ejus fratris filius adhuc adolescens per certos nuncios invitati fuere a Ragusinis, ut Festum Divi Blasii diem religioso ritu simul traducerent. Hi Principes centum viris comitati Ragusium advenere, ac considerata celebritatis ratione Ragusinorum cum pietatem, tum magnificentiam mirati, nimis doluisse feruntur, se pariter ad Urbanam morum elegantiam non esse institutos. At Senatus cum vidisset tanta multitudine comitatos advenisse, eamque gentem utpote agrestem, et a civili cultu abhorrentem, aliquas in civitate turbas ciere posse, ſussit a Brenensi agro, Junchetto, et Umbla totidem armatos homines in Civitatem se conferre, qui si tumultus aliquis oriretur, ejus authores reprimerent. Cumque sequentibus etiam annis varii Principes Viri ad Divi Martyris sacra venire consueverint, inde mos inductus est, qui ad hanc diem perseverat, ut ex iisdem villis ad Divi Blasii Festum diem armis induti homines conveniant» *Metrop. Sacra Rag.* 771—772.

[1]) Zibaldone № 266, pp. 408—409.

бѣдою, возвѣщаемою Ректору словами: «наши побѣдили, и все обстоитъ благополучно (nostri hanno vinto, e il tutto è tranquillo, e senza pericolo)»! Ректоръ даритъ главнаго распорядителя праздника, который задаетъ веселую пирушку друзьямъ и роднымъ [1]). Дубровничане, поселившіеся въ Венеціи, съ такимъ же торжествомъ справляли праздникъ св. Власія на чужбинѣ, какъ и на родинѣ, и, чтобы этотъ обычай не вывелся изъ употребленія, по недостатку средствъ, Сенатъ въ 1463 году постановилъ: «Qui Procuratores (S. Blasii) ex denariis per eos recipiendis de dicta Avarea, omni et singulo anno mittere debeant Rhacusinis Venetiis commorantibus usque ad ducatos 20 causa solemnizandi Festum S. Blasii ibi Venetiis secundum antiquam consuetudinem [2])».

c) *Памятники устные* — народныя *пѣсни* и *сказки*. Вукъ Стефановичь Караджичь въ предисловіи къ і-ой книгѣ своего Сборника сербскихъ народныхъ пѣсней (*Српске народне пјесме* сакупио Вук. Стеф. Караџић. Кн. I. женске пјесме. У Бечу 1841. стр. VI) говоритъ: «Код којијех (пјесама) стоји: *од Дубровника*, од онијех сам гдјекоје ја писао у Дубровнику, но од чељади, која нијесу одонде родом (јер *прави Дубровчани*—старосједиоци — *немају данас никаквијех народнијех пјесама*), а највише ми их је написао од своје мајке Г. Іово Лаиновић (умершій года два тому назадъ), који се родио у Новоме у Боки од родитêља из *Фоче* у *Ерцеговине*, а прије 23 године, као дијете, дошао у Дубровник, гдје и сад тргујући живи. *Тако се слободно може рећи, да су оно готово све праве Ерцеговачке пјесме, које су гдјешто по приморскоме начину и говору окренуте*». Таково мнѣніе Караджича объ изданныхъ имъ пѣсняхъ, записанныхъ въ Дубровникѣ (*свадебныхъ* изъ Конавля №№ 31, 39, 47, 48, 59, 60, 65, 73, 83, 90, 113, 115, 116, 120, 121, — *вилинскихъ* №№ 238, 239, — *коловодной* № 269 и *любовныхъ* №№ 291, 325, 327, 328, 331, 333, 352, 358, 361, 367, 388, 389, 391, 399, 400, 417, 419, 421, 428, 437, 438, 450 — 452, 454, 462, 475, 486, 493, 494, 501, 515, 517, 530, 532, 539, 542, 545, 549, 550, 552, 558, 563, 577, 580, 586, 587,

---

[1]) Cerva, Prolegomena cap. XXXIV: De praecipuis Ragusii Divorum Feriis 384—393. Appendini I, 177—180.

[2]) *Liber Croceus* ch. 18. Apud Cervam, Metrop. 1608—1609.

591, 603, 607, 621, 635, 636, 638, 641, 642, 653, 658, 689, 690, 701, 702, 706, 708, 709 и 715). И дѣйствительно, большая часть этихъ пѣсней по содержанію своему принадлежитъ не Дубровнику, а Герцеговинѣ и Босніи: нѣкоторыя изъ нихъ взяты изъ быта мусульманъ, другія изъ быта православныхъ, третьи наконецъ указываютъ прямо на мѣсто своего происхожденія — Герцеговину, Боснію и даже Старую Сербію; но между изданными Караджичемъ пѣснями есть и такія, которыя могли принадлежать и Дубровнику: доказательствомъ ихъ не-дубровницкаго происхожденія не можетъ служить то обстоятельство, что онѣ записаны со словъ не кровныхъ дубровничанъ. Какъ мы ни дорожимъ мнѣніемъ такого знатока сербскаго народа, какъ Караджичь, однако не можемъ согласиться съ нимъ, что *у дубровничанъ вовсе нѣтъ народныхъ пѣсней.* Намъ самимъ случалось неоднократно слышать народныя пѣсни въ Дубровникѣ и его окрестностяхъ отъ кровныхъ дубровничанъ: это — были *пѣсни лирическія*, предметомъ коихъ *любовь.* Въ памяти нашей удержалась одна изъ нихъ, которую особенно часто мы слышали отъ одного слѣпца. Вотъ она:

Лѣпо ти е рано уранити,
У прозору када славиħ пѣва,
Славиħ пѣва, а на бунар скаче;
На бунару листак кньиге бѣле,
А на кньизи црно слово пише:
Грѣхота є любити дѣвойке,
Полюбити, пак є оставити,
Загрлити, па заборавити;
Єр су тежке дѣвоячке клѣтве;
Када куне, до Бога се чуе,
Кад уздише, сва се земля тресе,
Кад јой суза на землицу падне,
За три капли дубоко пропадне,
Три дубоко, четири широко.

Кромѣ любовныхъ пѣсней, намъ приводилось слышать *коловодныя, заздравныя*, начинающіяся обыкновенно словами: «лѣпо име N.» и оканчивающіяся: «Богъ га живіо!», *колядныя* и *поморскія*, которыя поютъ матросы и рыбаки. Въ Конавлѣ, гдѣ

итальянская образованность менѣе коснулась старо-сербскаго быта, поются пѣсни *свадебныя* и *погребальныя* (нарицанья). Онѣ удержались и въ другихъ мѣстахъ дубровницкой области по герцеговинской границѣ, особенно въ стонскомъ уѣздѣ, — въ мѣстахъ болѣе удаленныхъ отъ города съ его итальянскою образованностію и фратрами-фанатиками. Въ Имотицѣ, какъ мнѣ сказывалъ маркизъ Іосифъ Буничь (Bona), поются даже *эпическія пѣсни*, въ числѣ коихъ пѣснь о войнѣ Екатерины II съ Турками, занесенная сюда, вѣроятно, изъ сосѣдней Герцеговины. Въ Сланомъ во времена Евс. Кабоги пѣлась пѣснь о кораблекрушеніи Алексѣя Комнена въ Ліонскомъ заливѣ (Appendini II, 250). Графъ Медо Пуцичь издалъ въ I кн. *Дубровника* пѣснь «Черногорцы подъ Дубровникомъ въ 1806 г.», въ народности которой впрочемъ можно еще сомнѣваться. Намъ самимъ не приводилось услышать ни одной эпической пѣсни на всемъ пространствѣ отъ Цавтата до Орашца по берегу моря и до турецкой границы вглубь страны, и понятно, по какой причинѣ: исторія Дубровника, особенно при томъ положеніи, какое занималъ въ немъ народъ, не могла дать содержанія героическому эпосу, а фратры-фанатики, служившіе послушнымъ орудіемъ правительству, старались искоренить въ народѣ всякое воспоминаніе о прошломъ, общемъ имъ съ православными сербами: при такихъ условіяхъ старыя пѣсни забывались, а новыхъ не создавалось. Народъ, живущій исключительно семейною жизнію, не можетъ произвести иной пѣсни, кромѣ лирической.

Дубровницкія *народныя сказки* мнѣ совершенно неизвѣстны.

d) *Письменные памятники* на языкахъ: сербскомъ, итальянскомъ и латинскомъ:

α) *Памятники церковные* для насъ не важны. Духовенство въ Дубровникѣ никогда не играло политической роли, но всегда служило послушнымъ орудіемъ аристократіи, которой помогало угнетать народъ вмѣсто того, чтобы защищать его права во имя христіанской свободы. Понятно, что при такихъ условіяхъ церковная литература не могла пойти далѣе схоластическихъ умствованій. Даже лютеранизмъ и кальвинизмъ, проникшіе въ Дубровникъ въ XVI и XVII вѣкахъ, не пробудили безжизненной пропо-

вѣди: силѣ убѣжденія дубровничане предпочитали матеріальную силу и строгими законами и публичными экзекуціями успѣли возстановить единство церкви въ своихъ владѣніяхъ [1]).

β) *Памятники учено-литературные*, изъ коихъ особенно для насъ важны *историческіе*.

1. Первое по времени произведеніе исторической литературы дубровничанъ есть рпомованная хроника Милецiя. Она не дошла до насъ въ цѣлости: отрывки изъ нея сохранились въ лѣтописяхъ Николая Раньины (1545), откуда извлекъ ихъ Серафимъ Черва и помѣстилъ ихъ въ «Жизнеописаніяхъ знаменитыхъ дубровничанъ (Vitae illustrium Ragusinorum pp. 1921—1929)». Въ первый разъ эти отрывки изъ хроники Милецiя были изданы Михаиломъ Соркочевичемъ (Sorgo) въ приложеніи къ *Commentariolus L. Cervarii Tuberonis* (Rhacusii 1790. Typis Andreae Trevisan.) pp. 43—45; во второй же разъ *Coleti въ VI т. Illyrici Sacri* (Venetiis 1800) pp. 13—15. Кромѣ комментаріевъ Червы и Колети, мнѣ извѣстны еще *Alcune annotazioni circa i versi di Miletio autore del XIII secolo al Padre Bassich della Comp. di Gesù* безъ обозначенія имени автора (судя по почерку, Игнатія Джорджича) въ Сборникѣ Маттеи, принадлежащемъ нынѣ франц. библіотекѣ (Zibaldone I, № 265, pp. 647—651).

[1]) Въ дубровницкомъ архивѣ, по свидѣтельству Червы, хранилась переписка Матвѣя Франковича съ Сенатомъ Республики, который онъ хотѣлъ склонить къ принятію лютерова ученія; Сенатъ въ отвѣтъ на его убѣжденія запретилъ ему именоваться дубровничаниномъ и сжегъ публично его сочиненія. Тѣмъ не менѣе распространеніе лютеранизма шло быстро въ Дубровникѣ, если Сенатъ въ 1530 году нашелся вынужденнымъ избрать особыхъ судей, а 12 октября 1543 года назначилъ особую слѣдственную коммиссію изъ Стонскаго епископа и двухъ фратровъ францисканскаго и доминиканскаго ордена для приведенія въ извѣстность и обращенія въ лоно католической церкви послѣдователей новаго ученія; доносчикамъ была опредѣлена награда въ 100 червонцевъ за каждое указаніе на лице, зараженное лютеранизмомъ. 26-го марта 1550 года были избраны особые чиновники для суда надъ лютеранами; но 26-го апрѣля того же года дѣло искорененія новаго ученія было передано, вслѣдствіе настояній Папы, въ исключительное вѣдѣніе духовенства. Съ какою ревностію заботился Сенатъ объ искорененіи лютеранизма видно изъ того, что 27-го февраля 1549 года одинъ дубровницкій властелинъ, проживавшій по торговымъ дѣламъ въ Сербіи, долженъ былъ явиться въ Дубровникъ на судъ и оправдаться отъ обвиненія въ приверженности къ новому ученію. Изъ буллъ папъ Григорія XV отъ 2-го іюля 1622 и Урбана VIII отъ 20-го декаяря 1632 г. видно, что лютеранское ученіе держалось въ Дубровникѣ еще въ XVII вѣкѣ. Cerva Vitae illustr. Ragus. 1803—1804. Metrop. Rag. 2187—90, 2351—2, 2846—8 о распространеніи кальвинизма въ первой четверти XVII стол. см. выше).

Для опредѣленія времени, когда жилъ Милецій, нѣтъ другаго источника, кромѣ его хроники. Нѣкоторые, и во главѣ ихъ Соркочевичь, *относятъ Милеція къ XI вѣку*, основываясь на его выраженіи: «Hos versus edidit Miletius hinc inde testis», слѣдующемъ за описаніемъ перенесенія въ Дубровникъ мощей св. Лаврентія, Петра и Андрея въ 1026 году, по собственному его показанію; но сторонники этого мнѣнія не обращаютъ вниманія на то, что Милецій описываетъ далѣе событіе, случившееся, по его же счисленію, въ 1159 году (перенесеніе въ Дубровникъ мощей св. Симеона): нужно было бы предположить, что Милецій жилъ вѣка маѳусаиловы, если могъ описывать, какъ очевидецъ, два событія, отстоящія одно отъ другаго на 133 года; далѣе, онъ самъ говоритъ, что описываетъ взятіе укрѣпленія короля Бодина въ 1116 году *со словъ древней лѣтописи* (*narravit pagina prisca*); если же 1116 годъ представлялся для него древностію, то какимъ образомъ рѣшаются утверждать, что онъ жилъ въ XI вѣкѣ? Такое кажущееся противорѣчіе Милеція поставило въ тупикъ самаго Черву: «quid autem significare voluerit cum se testem ait, prorsus ignoro» [1]). Уже авторъ вышепомянутыхъ

---

[1]) *Vitae illustrium Ragusinorum* l. c.: «Multa hic, uti dicebamus, desiderari, multum dubium est. Barbarus est omnino stylus, et res, quae hic narrantur, a veritate alienae minime videntur. Factum Bodini Rassianorum atque Bossinatum Regis, bellumque Ragusinorum cum eo gestum, et horum victoriam, qua Sancti Nicolai Arce potiti sunt, ad annum 1116 refert Miletius, et recte quidem, uti in Pontificum Historia multis probavimus. At in nonnullis exemplaribus sub Constantino IX Graecorum Imperatore id accidisse dicitur hoc versu: «Sub Constantino Graecorum Iudice nono». Nonus autem hujus nominis Imperator fuit Constantinus Monomachus, qui ab anno 1041 ad annum 1054 imperavit. Hinc si Miletii versus ille est, quod non facile crediderim, in Imperatoris nomine errasse videtur. At vero Ragusinos arce a Bossinatibus extructa sacra Christi Resurgentis die potitos, res perspecta est, et extra dubitationem omnem, ac controversiam; ob eam enim causam, num etiam Reipublicae Rector cum Magistratu ad gratias Deo referendas die Sancto Paschae ad Divi Nicolai Templum in ejusdem Arcis Arca erectum quotannis accedit: constanti porro Scriptorum testimonio ea victoria Kal. Aprilis parta esse dicitur, in diem autem secundam Aprilis anno 1116: quem nimirum Miletius designat Pascha incidit, quo facile conciliabis, si rem gestam ipsa Kal. Aprilis nocte accidisse statuit. Hinc ab ejus traditione minime recedendum merito jure statuo. Maurus autem Orbinus, qui ab ea recedens, rem accidisse ait circa annum 1075 a veritate recessisse plane credendus est.... Porro Miletius se teste ait Divorum corpora Martyrum Petri, Andreae et Laurentii delata fuisse Ragusium, quam translationem ad annum refert 1026; qui igitur ea vivebat aetate, nulla profecto ratione credendus est, de translatione corporis Beati Prophetae Simeonis historiam, quae a nobis allata est, scripsisse. Haec enim altera posterior 133 anno

«Alcune annotazioni circa i versi di Milezio» замѣтилъ: «qui pare vogli dire, *hic testis inde:* cioè di fatti in poi narrati, successi a suo tempo, non sapendo darli altra significazione»; а Колети весьма находчиво объясняетъ это кажущееся противорѣчіе Милеція тѣмъ, что стихъ «Hos versus edidit Miletius hinc inde testis» стоитъ не на мѣстѣ, а долженъ слѣдовать за разсказомъ о перенесеніи мощей св. Симеона передъ заключеніемъ: «Gloria sit Deo Seculi per secula Trino» etc. [1]).

Для болѣе точнаго опредѣленія времени, когда писалъ Милецій свою хронику, необходимо принять во вниманіе слѣдующія два обстоятельства: 1) Въ разсказѣ о перенесеніи мощей св. Симеона онъ упоминаетъ объ *архіепископѣ Леонардѣ* (Usque Leonardi tempus Archipraesulis), а нѣсколько далѣе выражается такъ: *Post modicum tempus* translatum in Virginis aedem». *Leonardus Venetus*, по изслѣдованіямъ Червы [2]), только три года управлялъ дубровницкою церковью, 1201—1203 г.; послѣ бѣгства его изъ Дубровника прошло еще *modicum tempus* до пере-

---

1159 facta perhibetur. Immo nec Bodini historia ac Ragusinorum de Arce S-ti Nicolai triumphus ad eum pertinere videtur, quod solidis 90 annis posterius accidit. Verum omnium, quae attulimus Historiae Capitum Miletium fuisse Authorem nullum dubium, quod et stylus uniformis et narratarum rerum, qualiscumque ea sit connexio, satis manifeste probant, adeoque *post medium seculum XII vixisse illum* supra a nobis observatum est. *Loco autem, ubi se testem ait, id non eo sensu accipiendum est, ut eo praesente, aut ejus aetate facta fuerit illa translatio*, nam de Ragusinorum victoria, cum Divi Nicolai, ut dicebamus, arce potiti sunt mentionem faciens, se id narrante pagina prisca didicisse inquit, quae post annos 90 a Divorum Martyrum translatione contigit haec scilicet anno 1026 facta dicitur, victoria vero ad annum sequentis saeculi 16 refert. *Quid autem significare voluerit, cum se testem ait, prorsus ignoro*, nec diutius in re parvi momenti immorari aut aviolari placet. Alia porro multa, ob barbarum scribendi genus, captu sunt difficilia, ad quae diligentius expendenda vix otiosus quispiam aggrederetur».

[1]) *Illyrici Sacri VI*, 15, n. 29: «In hunc locum antepenultimum carmen aptissime quadrat versiculus ille: «Hos versus edidit Miletius hinc inde testis» Nam scriptores ad calcem suorum operum suum nomen adjicere solent, et Miletius tum translationi corporis S. Simeonis ad templum Marianum sub Leonardo Archiepiscopo, tum miraculis per eum divinitus patratis, spectator adfuit ac testis, vixitque ad priores annos saeculi decimi tertii».

[2]) *Metropolis Sacra Ragusina*, t. I, p. 1, pp. 277—8 (по ркп. франц. библ. № 228): Anno 1201 Pontifex XIII-us Leonardus Venetus. § 2. At vero tertium circiter sui Pontificatus annum solum vertere coactus est Leonardus, et Sacerdotio se abdicare.... Utcumque res se habuerit, id certissimum est Leonardum scilicet solum mutasse anno Chr. ae. 1203 (на основ. Dandolo lib. X, cap. 3, part. 23 и 25). Колети ошибочно относитъ Леонарда къ 1205—1217.

несенія мощей св. Симеона изъ церкви св. Вита въ Соборъ, гдѣ онѣ были положены *sotto l'altare maggiore.* 2) Это *modicum tempus — болѣе 70 лѣтъ: въ 1272 году*, когда былъ составленъ Статутъ, *Соборъ еще не былъ оконченъ*, а перенесеніе въ него мощей, само собою разумѣется, не могло быть совершено прежде его окончанія [1]). Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что *Милецій писалъ свою хронику* не въ XI вѣкѣ, какъ полагаютъ сторонники Соркочевича, и не въ XII, какъ думаютъ Черва [2]). Дольчи [3]) и ихъ компиляторъ, Аппендини [4]), и даже не въ началѣ, какъ утверждаетъ Колети [5]), а въ концѣ XIII вѣка.

Сторонники мнѣнія, что Милецій жилъ въ XI — XII в., могутъ возразить мнѣ, что хроника, отрывки изъ которой сохранились въ лѣтописи Николая Раньины, писана не однимъ лицемъ: первая половина до словъ: «Hos versus edidit Miletius» принадлежитъ несомнѣнно перу Милеція, вторая же половина написана неизвѣстнымъ его продолжателемъ. Но такое возраженіе не выдерживаетъ строгой критики: стоитъ только прочесть отъ начала до конца уцѣлѣвшія отрывки хроники Милеція, чтобы убѣдиться, что *она писана однимъ лицемъ*, какъ справедливо замѣтилъ еще Колети. Вотъ его слова: «Unus totius dictionis sonus, idem stylus, eadem concinnandi ratio rudis, absona, incondita, cum legibus metricis plerumque discrepans, et barbariae illorum temporum, in quae illius aetas incidit, inquinata satis declarat *unum esse eundemque hujus operis auctorem*» [6]).

---

[1]) *Annot. sui versi di Miletio*: «Leonardo Arcivescovo fù a Ragusa sul principio del secolo XIII..... *Post modicum tempus* etc. è riposto sotto l'Altare Maggiore. Questo Altare non poteva essere fondato se non dopo che la Chiesa di S. Maria era compita a fabbricarsi. Il suo compimento di necessità doveva esser seguito dopo l'anno 1272, quando nello Statuto ancora si fabbricava la chiesa di S. Maria».

[2]) *Vitae illustr. Rag.* 1921: «videtur autem exiis quae scripsit Miletius post medium XII Chr. n. saeculum vixisse».

[3]) *Fasti literario — Ragusini* Venetiis 1767, p. 45: ad an. 1153, quo Tribunius Michael Venetus noster erat Archiepiscopus.

[4]) *Notizie storico-critiche su Ragusa* 1803, II, 7.

[5]) *Illir. Sacri VI*, 13: «Miletius floruit saeculo XII-mo, vitamque usque ad initium saeculi proximi perduxit.

[6]) Ibid. 12. Cnf. Cervae Vit. ill. R. 1921: (Miletius) Ragusinam Historiam versibus scribere aggressus est. . . . nec prosa, nec carmine scripsit. . . .

Разсматривая риѳмованную хронику Милеція, какъ историческій памятникъ, а не какъ поэтическое произведеніе, мы по необходимости должны рѣшить вопросъ *о степени ея достовѣрности*, или, что̀ одно и тоже, указать на *источники*, изъ коихъ черпалъ свѣдѣнія нашъ авторъ, и опредѣлить *добросовѣстно-ли* онъ ими воспользовался.

Начало хроники переноситъ насъ во времена миѳическія: авторъ передаетъ *народное преданіе* объ основаніи Епидавра во времена Моисея нѣкимъ Епидавромъ, бѣжавшимъ изъ Египта. Переходя ко временамъ историческимъ, авторъ ссылается на *лѣтописи* (pagina prisca), какъ на свой источникъ. Напослѣдокъ о томъ, что случилось въ его время (temporibus nostris) Милецій разсказываетъ, какъ *очевидецъ*.

Сравнивая хронику Милеція съ лѣтописями, мы удивляемся *добросовѣстности*, съ какою онъ ими воспользовался: не только вѣрно переданы событія, но даже въ точности соблюдена хронологія. Поэтому основательно Себ. Дольчи въ своей *Epistola anticritica de Antiquitate Ragusini Archiepiscopatus* называетъ Милеція *malum Poetam, sed bonum Chronographum*. Хронологическими показаніями Милеція пользовались Черва, Дольчи и Колети.

О жизни Милеція не сохранилось никакихъ свѣдѣній; мы не знаемъ даже, былъ-ли онъ природный дубровничанинъ или иностранецъ, посвятившій свою дѣятельность Дубровнику, подобно Іоанну равеннскому и Филиппу-де-Диверсисъ; но по сочиненіямъ всѣ трое принадлежатъ Дубровнику.

2. Свѣдѣнія о жизни Іоанна равеннскаго (Giovanni di Ravenna) собраны Іеронимомъ Тирабоски въ его Исторіи итальянской литературы [1]). Онъ родился въ Равеннѣ около 1347 года отъ бѣдныхъ родителей (отецъ его изъ фамиліи Conversino, былъ докторомъ въ Френьяно), обучался у извѣстнаго грамматика Доната (Donato dal Casentino) и около 1364 года сошелся съ Петраркою, который полюбилъ его, какъ сына, и занялся

---

[1]) Girolamo Tiraboschi, Istoria della lett. Ital. Venezia 1795. t. V, p. 2. cap. 4. § 8 sqq. p. 590—597.

его образованіемъ; но, по прошествіи трехъ лѣтъ, изъ страсти къ путешествію, Іоаннъ равеннскій покинулъ своего воспитателя, не разъ высказывавшаго удивленіе къ его способностямъ, памяти, любви къ занятіямъ и примѣрной нравственности. Путешествуя по Италіи и преподавая въ школахъ Беллуны (1375), Падуи (1382), Удино (1388) и Флоренціи (1392 г.), Іоаннъ равеннскій пріобрѣлъ славу отличнаго грамматика (Fù uno de' più celebri professori de' suoi tempi, говоритъ объ немъ Тирабоски). Умеръ около 1420 года. Существуетъ преданіе, что онъ былъ также нѣкоторое время учителемъ въ Дубровникѣ: оправданіе этому преданію находятъ въ томъ, что въ тамошней доминиканской библіотекѣ хранился еще во время Аппендини великолѣпный *Сборникъ писемъ Іоанна равеннскаго* къ разнымъ ученымъ въ Италіи [1]), а въ началѣ XVII вѣка существовала еще тамъ *Historia Ragusii* или *Efemerides Ragusinae*, коею пользовались Филиппъ де-Диверсисъ и Яковъ Луккаричь. Къ несчастію, сборникъ писемъ Іоанна равеннскаго погибъ вмѣстѣ съ другими рукописями доминиканской библіотеки во время занятія Дубровника французами, а его Исторіею послѣдній воспользовался Я. Лукаричь (1605), не оставившій, къ сожалѣнію, никакихъ о ней свѣдѣній. По словамъ Тирабоски, Historia Ragusii Іоанна равеннскаго хранится въ публичной библіотекѣ въ Парижѣ (Catal. Mss. Bibl. Paris. vol. IV, p. 249, Cod. 6494). Д-ръ А. Казначичь увѣрялъ меня, что съ этой рукописи снята копія, по старанію Д-ра Пулича, для задарской гимназіи, а графъ Медо Пуцичь (Conte Orsatto Pozza di Zagorie) сказывалъ мнѣ, что у барона Гетальдича есть другая копія, хотя безграмотная, которую онъ читалъ, но не нашелъ въ ней ничего новаго, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей объ извѣстномъ Дамміанѣ Іудѣ, ректорѣ Республики, поплатившемся жизнію за намѣреніе покуситься на свободу своихъ согражданъ; къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть ни той, ни другой копіи, а потому предоставляю другимъ, болѣе счастливымъ меня, изданіе этого древняго памятника исторической литературы Дубровника.

3. Амвросій Раньина и Бернардъ Гетальдичь первые

[1]) Notizie II, 316.

изъ дубровничанъ занялись собираніемъ матеріаловъ для жизнеописаній замѣчательныхъ своихъ соотечественниковъ.

Объ Амвросіѣ Раньинѣ (Ambrosius Araneus), происходившемъ изъ древней властельской фамиліи, извѣстно только то, что въ началѣ 1543 года онъ былъ Vicarius Generalis Congregationis Ordin. Praedicat. и что онъ скончался на 60-мъ году отъ рожденія въ 1550 г. Сохранилось письмо его отъ 20-го августа 1540 года къ Бернарду Гетальдичу, также изъ дубровницкихъ властелей, письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о знаменитыхъ доминиканцахъ родомъ изъ Дубровника. Это письмо было напечатано въ Венеціи въ 1541 году Николаемъ Боскариномъ въ приложеніи къ сочиненію Климента Раньины: «Quodlibet declamatorium». Оно начинается такъ: «Fr. Ambrosius Araneus Ordin. Praedic. Venerabili P. Francisco Bernardo de Getaldibus Ragusino ejusdem proffessionis salutem et sanctam consolationem. Ven. Pater Bernarde sal. in Domino. Admodum magnae ingratitudinis vitium existimo, sicut opera cineri, ita progenitorum suorum gloriosa facinora permaxime spiritualium virorum, qui aliqua notabiliori virtute insignes fuerunt, neglectae oblivioni tradere» etc. Серафимъ Черва почерпнулъ, по собственному его сознанію, не мало свѣдѣній изъ этого письма Раньины для своихъ «Vitae illustrium Ragusinorum»: онъ хвалитъ Раньину за усердіе, съ которымъ онъ собиралъ свѣдѣнія о замѣчательныхъ дубровничанахъ своего ордена, но замѣчаетъ въ трудѣ его пробѣлы и недостатки[1]). Эти пробѣлы и недостатки

---

[1]) *Vitae illustr. Ragus.* 461—464. «*Multum* profecto *Aranei diligentiae debemus*, eo enim monente, multorum illustrium Fratrum, quos in hunc Commentarium retulimus res gestas comperimus, quorum alioquin omnino memoria excidisset. Porro in hoc opusculo, seu illustrium virorum pinacotheca in modum Epistolae descripta, multa certe observatione digna sese mihi offerunt, atque in primis *non omnes illustres Congregationis suae viros ab eo fuisse laudatos*, longe enim plures nos ipsi in Iconotheca illustrium Fratrum, quam 12 abhinc annis conscripsimus ex veteribus monumentis, quae ipsam latere potuisse vix crediderim, laudavimus, plurimos nos etiam ipsi praesertim antiquiores silentio praetermisimus, utpote quorum gesta, vel nomen ipsum ignoravimus. Sane praeter paucos *omnes* quorum meminit, *a facie ipse cognovit aequalis eorum et coaevus*, nonnullos tunc superstites, uti Fr. Thomam Cervinum et Clementem Araneum commendavit. Tum vero de iis ipsis, quos laudare aggressus est, *non omnia memoriae prodidit monumenta*, quae nos tamen commendavimus, et faciliori sane opere ea ipse scire potuit incolumi adhuc memoria, quam nos longo durium saeculorum intervallo juniores et

въ Пинакотекѣ Раньины значительно дополнилъ и исправилъ, по словамъ Червы, Бернардъ Гетальдичь, которому несправедливо приписываютъ Колети [1]) составленіе жизнеописаній знаменитыхъ дубровничанъ вообще, а Аппендини [2]) замѣчательныхъ доминиканцевъ. Трудъ Гетальдича до насъ не дошелъ.

4. Изъ той же властельской фамиліи происходилъ и извѣстный хронистъ Дубровника — Николай Раньина (Nicolaus Araneus).

О жизни его намъ ничего неизвѣстно. Автографъ его «Лѣтописей Дубровника», оканчивавшихся 1545 годомъ, хранился еще во время Аппендини въ доминиканскомъ монастырѣ; но въ 1806 году погибъ вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными рукописями библіотеки этого монастыря. При Сер. Червѣ Лѣтописи Раньины не были еще рѣдкостью: «Manu exaratum in pluribus Ragusii Bibliothecis ac Museis hujusmodi servatur opus, at, cum varia ejus exemplaria in manus meas pervenere, adverti a Librariis multa pro arbitrio edita fuisse, multa etiam omissa, ut difficile sit duo exemplaria iisdem, totidemque verbis descripta reperire» [3]). Въ настоящее время едва-ли сохранился хотя одинъ списокъ этого важнаго историческаго труда: по крайности, мнѣ не удалось найти его ни въ монастырскихъ, ни въ частныхъ библіотекахъ Дубровника, и я принужденъ былъ довольствоваться отрывками, сообщенными Червою въ его «Metropolis Sacra Ragusina». Эти отрывки, расположенные мною въ хронологическомъ порядкѣ, считаю не лишнимъ издать въ *Прилож. VII*, дабы хотя нѣсколько познакомить читателя съ трудомъ Раньины. Само собою разумѣется, что по этимъ бсзсвязнымъ отрывкамъ невозможно судить о цѣломъ произведеніи, а потому я ограничусь сообщеніемъ мнѣнія о немъ Червы: «Qui Majorum suorum res laudabiliter gestas, vel Patriae originem, progressionem, statum, et quibus arti-

---

rerum, quae ea aetate contigerunt, ignari. Hinc facile adduco, ut credam Ghetaldo Historiam scribenti *nomina virorum, quos laudaret suppeditare voluisse, non vero Historiam scribere*».

[1]) *Illirici Sacri* t. VI, p. 33: «Bernardus Ghetaldus Historiam virorum illustrium patriae suae Ragusinae confecit anno 1471».

[2]) *Notizie II*, 29: «Il Ragnina indirizzò al Ghetaldi una lettera. . . in essa egli parla di quasi tutti i più distinti suoi confratelli. *Il Ghetaldi prese quindi occasione di tesserne per esteso la storia*».

[3]) Vitae illustr. Ragus. 1942.

bus vel in amplitudinem excrevit, vel incolumis atque libera diu servata est, litteris mandare instituunt, eos publicae rei maxime prodesse et omnium laude dignos nemo negabit; inde enim posteri, vel exercendae virtutis disciplinam, vel patriae servandae documenta facile possunt excipere. Hinc vide, quo loco Nicolaus Araneus Marini Filius, Andreae Nepos habendus, qui Patriae suae Historiam, civiumque res gestas litterarum monumentis commendare agressus est. Italice itaque scripsit Ragusinos Annales, et diverso a Jacobo Luccaro methodo: Luccarus enim Ragusina monumenta sine aliqua temporis nota libris quatuor complexus est atque variarum gentium res memoratu dignas cum Ragusinis rebus conjunxit, Araneus autem quae per singulos annos gesta sunt et ad solos Ragusinos pertinent brevi stylo prosequitur. Annales suos Araneus ab Urbe condita exorsus ad annum usque 1545 producit. Caeterum, quae de gentis nostrae primordiis in hisce Annalibus tradit Araneus obscura sunt et incerta ne omnino dicam fabulosa, verissima porro censeo, quae de aetate sua vel paulo superiori enarrat, vel ipse enim rerum testis fuit, vel ex publicis Tabulis, quarum, uti Patricio viro, copia illis facta fuisse dicitur, excerpsit; quae media sunt continent σφαλματα»[1]). Изъ отзыва Червы видно, что Лѣтописи Раньины (отъ основанія Дубровника до 1545 года) не выдерживаютъ строгой критики: *въ разсказѣ объ основаніи Дубровника много баснословнаго, въ описаніи послѣдующихъ событій много ошибочнаго, и только то достовѣрно, что онъ разсказываетъ, какъ современникъ, очевидецъ или на основаніи актовъ Архива.*

Хроникою Раньины воспользовался, хотя не совсѣмъ добросовѣстно, Сер. Рацци для своего сочиненія: «Ragusinorum Pontificum Historia».

Введеніе (Prologus) въ хронику Раньины, по словамъ Червы, начинается такъ: «Perchè secondo Aristotele nel principio della Metaphisica tutti gl'huomini naturalmente desiderano di sapere ad alcun spezial fine de quali alcuni sono virtuosi» etc. Начало же исторіи такое: «Negl'anni dell' Incarnazione di Christo 400

---

[1]) ibid. 1491. Cnf. Appendini, Notizie II, 10.

e della creazione del Mondo 5599 Radoslavo Rè di Bosna vivendo in pace con tutti» etc. [1]).

5. Въ XVI вѣкѣ, по общепринятому мнѣнію, появляются первые труды по части генеалогіи дубровничанъ: такое ошибочно мнѣніе опровергается показаніями рукописи «Origine e Genealogie di tutte le famiglie dei Cittadini di Ragusa», по которымъ патріархъ генеалогической литературы въ Дубровникѣ Матвѣй Даршичь (Matteo Darsa) жилъ и писалъ въ началѣ не XVI-го, а XV-го столѣтія [2]). Къ сожалѣнію, его сочиненіе (De nobilium familiarum origine до 1400 года) до насъ не дошло. Трудъ Даршича былъ продолжаемъ неизвѣстными авторами, подъ его именемъ, до 1550 года. Нѣсколько позже, въ первой половинѣ XV-го вѣка, а не около 1545 года, какъ утверждаетъ Себ. Дольчи [3]), нѣкто Бѣлославъ Тибуртиничь (Bieloslaus Tiburtinus, Bjeloslavo di Gradoje Tiburtini) составилъ генеалогію дубровницкихъ гражданъ 1300—1400 гг.; его продолжателями были: *Evangelista di Brailo Tiburtini*, его племянникъ (до 1450 г.), *Evangelista di Gabriele Tiburtini*, племянникъ предъидущаго (до 1500 г.), *Giovanni di Gabriele Vangelisti* (около 1570 г. — до 1605 г.) и секретари Республики, Лудовикъ Биччичь и Христофоръ Влайки († 1728 г.). У потомка этого послѣдняго, Христофора Влайки, бывшаго подесты, я нашелъ рукопись in fol. въ 400 стр., содержащую въ себѣ послѣднюю редакцію генеалогій дубровницкихъ гражданъ; въ рукописи не достаетъ заглавія, но на корешкѣ оборваннаго переплета я прочелъ: *Origine e genealogie di tutte le famiglie dei Cittadini della Città di Ragusa*. Въ предисловіи [4]) изложена исторія генеалогической литературы

---

[1]) ibid. 1493.

[2]) Seb. Dolci, Fasti litterario-ragusini p. 43. Ркп. Влайки: *Origine e genealogie di tutte le famiglie dei Cittadini della Città di Ragusa* 57 sqq. Дарса или Даршичь принадлежали къ древнѣйшимъ и благороднѣйшимъ (antichissime e nobilissime) фамиліямъ Котора, откуда переселились въ Дубровникъ, гдѣ до 1348 г. занимали важныя государственныя должности; но въ этомъ году братья, Левъ и Марій Дарса, произвольно покинули Дубровникъ, спасаясь отъ чумы, и за то были лишены дворянства и приписаны къ мѣщанамъ (cittadini). О Матвѣѣ Даршичѣ см. примѣч. 4.

[3]) Fasti 71.

[4]) «Nel presente libro sono descritte l'origini e genealogie dei cittadini Ragusei, che furono in offitio della Confraternità di S. Antonio nei tre secoli e più

въ Дубровникѣ. При описаніи генеалогіи авторы придерживаются слѣдующей системы: сначала говорятъ о родоначальникѣ и его происхожденіи, затѣмъ о его потомкахъ по обоимъ колѣнамъ, причемъ указываютъ на ихъ брачные союзы и сообщаютъ краткія біографическія свѣдѣнія о наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ по богатству или по заслугамъ; показанія свои подтверждаютъ

---

da che cominciò la medema che fù l'anno 1343, e seguita poscia la sua real fondazione con consentimento dell' Ecc^mo^ Minor conseglio della Rep^ca^ di Ragusa che fù l'anno 1348 in sino, e per tutto l'anno 1667, anno in vero per sempre memorabile, e insieme deplorabile per la estintione di tanti Cittadini, e loro fameglie nel funestissimo terremoto seguito il giorno di 6 Aprile. Di tutte le descritte fameglie tre sole non furono in Officio cioè Barsizza, Braichi e Cloghie, ma per esser state aggregate nei Capitoli, e goduto tutti gl'honori come altri Cittadini ci sono descritte le genealogie.

Il primo scrittore dell'origini di dette fameglie fù E. Matteo Darsa, che. . . . alcune poche, e non tutte, che a tempi suoi furono in sin a 1400, come scrisse l'origini di tutte le fameglie nobili, et altre notitie di tempi antichi. Dopo di lui seguitorono altri scrittori sotto nome suo insino 1500 secondo che venivano le persone a far domicilio nella città di Ragusa, accertandosi, che l'anno, che vien posto a ciascheduna fameglia della sua venuta in questa città possi esser qualche poco di svario nel tempo, ma il più certo è di tenersi all' anno del primo matrimonio contratto in questa città. Intorno poi l'anno 1570 Giov. di Gabriele Vangelisti Cittad^o^ diede principio a descrivere con orgine genealogico le dette fameglie con autentica. . . . matrimoniali, e carte Dotali come si vede in questo libro, ricavando la maggior parte dalle scritture pubbliche con assistenza di E. Aurelio Amaltei Bolognese Can^re^ di Ragusa, e di E. Marino Stay Sec^rio^, e da molte scritture particolari, che le dette fameglie conservavano in casa per testimonj di verità, e continuò cosi l'opera insin'a 1605, e seguita poscia da E. Luigi Bicich Sec^rio^ e finalmente da Cristoforo Vlaichi Can^e^ dal quale per maggior comprobatione ampliato con testamenti, e molte altre scritture pubbliche, et in fine descrivendo tutti li Cittadini, che son stati in Offitio da 1400 in poi, come anco il specchio dei medesimi cittadini da 1603 in poi con la morte di quelli che furono oppressi dalle ruine dell' accennato terremoto, e li matrimonij contratti da loro con personaggi forestieri, et altri nobili tanto di Ragusa, come fuor di Ragusa.

Nel principio di ciascheduna fameglia vien nominato il primo di quella, che si trova su la Matricola di detta Confraternità in maggior prova dell'origini, et cittadinanza loro in Ragusa.

Il primo scrittore ha tenuto stile d'anteporre li maschi alle femine, e così fù seguitato, ben che molte di queste fossero state maggiori d'età alli maschi e se qualche curioso trovasse mancamento di qualche maschio o femina tralassato in qualche Genealogia, questi al certo non furono maritati, ma più tosto morti di poca età, dei quali non s'e havuta intiera notitia, ne cognitione». pp. 1—2.

Экземпляръ, бывшій подъ рукою у Аппендини, озаглавленъ такъ: «Origine e Genealogie di tutte le famiglie dei cittadini della città di Ragusa, quali successivamente sono uscite di tempo in tempo cominciando da circa l'anno 1300 fino all'anno 1500, cominciate a descriversi da Bjeloslavo di Gradoje Tiburtini fino all'anno 1400, e seguitate da Evangelista di Brailo Tiburtini nipote del detto Bjeloslavo fine all'anno 1450, e poi da Evangelista di Gabriele Tiburtini nipote di detto Evangelista fino all'anno 1500, ed ampliate per me Giovanni Evangelista.»

выписками изъ актовъ и документовъ, чтò придаетъ большую важность сообщаемымъ ими свѣдѣніямъ. Въ генеалогіи рода *Vangelisti* находимъ весьма любопытныя свѣдѣнія о Бѣлославѣ Тибуртиничѣ и его потомкахъ, занимавшихся продолженіемъ его труда: «La fameglia de Vangelisti secondo l'antico scrittore dell' origini delle fameglie de Cittadini Ragusei quel de Darsa trahe sua antica origine da Jaize, Città del Regno di Bosna, e che dell' anno 1280 fosse venuta ad habitare nella città di Ragusa. Per l'antichità del tempo e per molti dubij di verità ritrovati sopra questa Casa mi dà credere esser il suo principio da *Bieloslavo Tiburtinich che fù figliolo di Gradoje Tiburtinich di Tarnovo* cioè di terre nuove al presente della Rep^ca^ di Ragusa, anticamente detta pretium Bosniae, di che ne attesta un Instrumento in Libro Dotium Notarie a tergo 1398 6 Junij che comincia: Gradoje Tiburtinich de Tarnovo olim pretium Bosniae vendit per plures servas emptas in Bossina, da che si vien in chiara cognitione che detto Gradoje fù mercante grande in terre nove, e potrebbe esser che da Jaize sua Patria fosse venuto ivi ad habitare. — La genealogia di questa casa comincia con infrascritto *Bieloslavo* suo figliolo di cui narrano le scritture antiche come egli *fosse andato verso Italia facendo professione di Mercante, condotte le sue fortune nella città di Benevento, ivi contrattò matrimonio con la signora Angiolina figlia del signor Evangelista della Mora* e di questa casa fù papa Gregorio VIII creato Pontifice de 1283 il quale fù figliolo di Serterio della Mora da Benevento, et avanti di questa fameglia fù cardinale Alberto della Mora creato da Papa Adriano IV dell' anno 1257. *La qual Angiolina detto Bieloslavo condusse in Ragusa dell' anno 1395* con la quale hebbe l'infrascritti figliuoli. Nella confraternità di S. Antonio si trova il primo *Brailo Tiburtinovich 1460. — Evangelista di Gabriele* fù scrivano delle ragioni, hebbe per moglie Francesca figlia di Marino d'Antonio Rugia Cittadino Raguseo come per P. *M. 1539.* 6 Gennaro. con la quale hebbe l'infrascritti figliuoli: — *Giovanni* non hebbe moglie. *Morse 1620 in* circa e diede fine a questa casa (p. 242 sqq.)». Изъ этого отрывка видна ошибочность показанія Дольчи, относящаго Бѣлослава Тибуртинича къ половинѣ XVI вѣка, — показанія, повтореннаго Аппендини и Э

гелемъ: по неподлежащему никакому сомнѣнію свидѣтельству рукописи «Origine e Genealogie di Cittadini di Ragusa», Бѣлославъ, сынъ Градоя, Тибуртиничь происходилъ изъ города Яйце въ Герцеговинѣ, занимался торговлею въ городѣ Беневенто въ Италіи, гдѣ и женился на Анджелинѣ делла-Мора и поселился въ Дубровникѣ въ 1395 году; слѣдов. онъ былъ современникомъ Матвѣя Даршича и, увлеченный его примѣромъ, занялся составленіемъ генеалогій дубровницкихъ гражданъ (cittadini) ни какъ не позже первой половины XV-го вѣка. Отецъ перваго его продолжателя, Браило записанъ въ матрикулу братства св. Антонія въ 1460 году; слѣдов. Evangelista di Brailo жилъ и писалъ во второй половинѣ того же столѣтія. Второй продолжатель Бѣлослава Тибуртинича, Evangelista di Gabriele жилъ въ первой половинѣ XVI-го вѣка; наконецъ третій и послѣдній продолжатель изъ той же фамиліи, Giovanni di Gabriele умеръ въ 1620 году. По приведенному мною отрывку можно судить также, какой богатый матеріалъ представляетъ для исторіи Дубровника ркп. Origine e genealogie etc.: изъ нея извлекли много свѣдѣній для своихъ историческихъ трудовъ Сер. Черва [1]) и Себ. Дольчи.

6. Аппендини, основываясь на показаніи Альфонса Мальвецци, упоминаетъ въ числѣ историковъ Дубровника Лудовика Беккателли, написавшаго будто бы *Cronaca sulle cose di Ragusa e di Spalatro* [2]). Энгель [3]) повторилъ слова Аппендини. Существованіе этой хроники подлежитъ сомнѣнію: Аппендини не могъ найти ея въ Дубровникѣ (*in Ragusa più non esiste*); ни одинъ изъ дубровницкихъ писателей не упоминаетъ о ней; Черва, написавшій подробную біографію Лудовика Беккатели, бывшаго архіепископомъ въ Дубровникѣ 1555—1563 г., перечисляетъ всѣ его сочиненія, но о пресловутой хроникѣ не говоритъ ни слова [4]).

---

[1]) *Viri illustres* t. III, p. 832: «Codex hic manu exaratus semissibus foliis magnis compactus explicata 129 Familiorum stemmata continet, servaturque a spectatissimo ejusdem ordinis viro, qui recte, prudenterque facit, quod caute, et nonnisi familiarissimis viris, consilio et prudentia praeditis, ejus copiam facere consuevit. Multa ad rem monumenta scribenti mihi hoc qualecumque commentarium Tiburtina historia suppeditavit».

[1]) *Notizie* II, 327—328.

[2]) *Gesch. d. Freyst. Ragusa.*

[4]) *Metropolis S. Rag.* VI, 2376—2446. Для интересующихся личностію Беккателли неизлишне будетъ сообщить о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя

7. Послѣ сомнительной хроники Л. Бекктелли слѣдуетъ упомянуть о трудахъ Франциска Гундулича (Gondola) по исторіи Дубровника. Онъ родился въ 1539 году. Фамилія, изъ которой онъ происходилъ, принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ въ исторіи Дубровника. Въ 1567 году, 28-ми лѣтъ отъ роду, онъ былъ отправленъ посланникомъ къ Римскому двору и въ продолженіи болѣе двухъ лѣтъ ходатайствовалъ передъ папами Піемъ V и Григоріемъ XIII по дѣламъ францисканскаго ордена въ Дубровникѣ [1]). Но порученіе это, по замѣчанію Червы, было слишкомъ

нутыя у Червы. Лудовикъ Беккателли родился въ Болоньѣ 19-го января 1501 г. Получивъ первоначальное образованіе въ домѣ родителей, принадлежавшихъ къ одной изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, онъ въ продолженіи 6 лѣтъ занимался законовѣдѣніемъ подъ руководствомъ знаменитаго въ то время болонскаго профессора Карла Руани. Съ 1526 г. онъ предался исключительно занятіямъ классическою словесностью дома и въ Падуѣ, гдѣ подружился съ Петромъ Бембо, Трифономъ Габріеліемъ, Бенедиктомъ Лампридіемъ и нѣк. др. учеными. При Павлѣ III онъ былъ секретаремъ кардинала Гаспара Контарини. Въ 1539 г. сопровождалъ кард. Пола въ посольствахъ къ императору Карлу, королю Франциску и Генриху VIII, королю Англіи. Въ 1540 г. ѣздилъ съ кард. Контарини въ Регенсбургъ. Съ 1544 г. былъ воспитателемъ племянника Павла III, Райнуція Фарнезе, а потомъ его секретаремъ (съ 1546 г.). На тридентскомъ соборѣ былъ секретаремъ трехъ папскихъ легатовъ. Папа Юлій III назначилъ его въ 1550 г. нунціемъ въ Венецію (онъ уже былъ епископомъ Равенны). Въ 1555 г. сопровождалъ кард. Моронія въ Аугсбургъ. Въ томъ же году, при Павлѣ IV, былъ избранъ въ архіепископы Дубровника, гдѣ не замедлилъ расположить къ себѣ какъ Сенатъ, такъ и народъ. Въ 1561 г. присутствовалъ въ качествѣ папскаго легата на тридентскомъ соборѣ. Въ 1563 году переведенъ въ Пизу, гдѣ и умеръ въ 1572 г. Изъ сочиненій его на латинскомъ языкѣ любопытно только De antiquitate familiae Becatellae, а изъ итальянскихъ: Всеобщая исторія отъ Карла Вел. до 1500 г. и біографіи Петрарки, Касп. Контарини, Райнольда Пола и Петра Бембо; остальныя же сочиненія касаются богословія и нравственной философіи. О жизни и сочиненіяхъ Лудовика Беккателли А. Бонфіоли написалъ монографію, которою, къ сожалѣнію, я не могъ пользоваться: *Elogio de. Mons. Ludovico Beccadelli scritto da Alfonso Bonfioli.* Bologna 1790. Къ сочинl Беккателли: *Monumenti di varia letteratura.* Bologna 1797—1804, tom. II, vol. III. приложена его біографія: *Vita di Mons. L. Beccadelli scritta da Ant. Giganti.*

[1]) *Viri illustres* III, 1018—1020: «Primam igitur ad Pium Vum P. M. . . . Legationem obiit anno ae. chr. 1567. . . . Tunc nimirum Romum se contulit Legatus, verum deinceps Pontificatus Pii tempore, et Gregorii XIII ultra biennium eo nomine moratus est. . . . Itaque cum turbae ortae fuissent inter Minores Fratres et divisis in factiones animis jam ut fieri fit nemo in officio contineretur, Gundula jubente senatu rem ad Pium Pontificem detulit, cumque nulla sedandi turbas, animosque conciliandi opportunior ratio videretur, supplicavit, ut Generalem ordinis Ministrum Ragusium mitteret, optimis rationibus adductus Pontifex roganti acquievit, jussus itaque Generalis Fr. Aloysius a Puteo Bononiensis provinciae alumnus,

ничтожно для талантливаго и доблестнаго Гундулича, и сенатъ не замедлилъ поручить ему дѣло весьма важное и трудное (negotium grave nimis erat, arduum, difficile): когда Султанъ Селимъ, намѣреваясь завоевать Кипръ, сталъ угрожать не только Венеціи, но и всей западной Европѣ, папа Пій V задумалъ противъ него крестовый походъ, принять участіе въ которомъ побуждалъ и дубровничанъ; положеніе ихъ было чрезвычайно затруднительно: принявъ участіе въ этомъ походѣ, они подвергались опасности со стороны ближайшихъ своихъ сосѣдей, Турокъ; въ противномъ же случаѣ имъ угрожали гнѣвъ и ненависть союзныхъ христіанскихъ державъ. Изъ такаго затруднительнаго положенія вывелъ Республику Гундуличь: онъ не только убѣдилъ Папу и союзниковъ въ невозможности со стороны дубровничанъ принять участіе въ этомъ походѣ, но даже успѣлъ склонить Папу обѣщать Республикѣ защиту и покровительство отъ Турокъ и послать въ Дубровникъ извѣстнаго въ то время инженера Сапорозо Маттеучи для возведенія новыхъ укрепленій (1570 г.) [1]. Съ не меньшимъ успѣхомъ исполнилъ возложенныя на него порученія Гундуличь въ Не-

---

qui per idem tempus clarissimum ordinem Minorem administrabat, Ragusium venit IX Kalendas julii anno 1567. Tum inquisitione facta, et rerum ex forma judicis veritate comperta, quos reos invenit, et communis turbatores pacis, alios solum vertere jussit, minus nempe noxios, alios prae caeteris nimirum seditiosos, et seditionis Authores, ipse Generalis Minister secum vinctos duxit in Italiam securius ibi puniendos, statuitque quo turbarum radix amputaretur, ne quis ex Provinciae alumnis in posterum Ministri Provincialis munus gereret, sed ex Italia a se mittendum expectarent. At Fratres quasi injuria a Generale Ministri offecti, summopere dolentes S. Pontif. appellarunt, qui ne locus amplius illis esset expostulandi, curante Gundula, Fratri Adriano Valentino ex P. O. Justinopolitano Episcopo mandavit ejusmodi causae cognitionem, eamque ex lege, et aequitate dijudicare jussit. Audivit dolentes Fratres Episcopus.... atque probavit, et gesta omnia, ac decreta (Gen. Ministri) tamquam aequissima Pontifice Authoritate confirmavit»...

[1]) ibid. 1022—1027. Изъ подробностей, сообщаемыхъ Червою объ этомъ посольствѣ Гундулича, упомянемъ только о томъ, что ему пришлось опровергать слухи, будто бы дубровничане тайно сносились съ Турками и помогали имъ (cives nostros clam Turcis arma subministrare. commeatum in eorum castra supportare): обвиненіе, не лишенное, по моему, основанія. Стоитъ также упомянуть о томъ, что папа въ договоръ съ Филиппомъ II, королемъ испанскимъ, и Венеціею включилъ слѣд. статью (22): «ne quid nimirum hostiliter contra Ragusinam Rempublicam, homines, res, loca ejus Christiana foederatorum Classis moliretur, nisi ex gravi aliqua et justa causa Summus Pontifex aliud imperaret».— Сапоразо Маттеучи прибылъ въ Дубровникъ въ маѣ 1570 года и за $3^1/_2$ лѣтнюю службу Республикѣ получилъ, кромѣ богатыхъ даровъ, 11.000 дукатовъ.

аполѣ (1581 г.) и при Дворѣ Папы Григорія XIII (1582 г.) [1]). Умеръ въ 1588 году [2]).

Для исторіи Дубровника важны два сочиненія Ф. Гундулича, къ сожалѣнію до насъ не дошедшія:

1) *Commentarius rerum a se in tribus legationibus gestarum* описаніе, въ формѣ дневника, трехъ посольствъ Гундулича 1570, 1581 и 1582 г. г., съ приложеніемъ многихъ весьма важныхъ документовъ. Это огромное сочиненіе имѣетъ большое значеніе, по словамъ Черы, не только для дубровницкой, но даже для всеобщей исторіи (ex quibus generalis etiam eorum temporum Historia illustrari posset).

2) *Apparatus ad Historiam Ragusinam* преимущественно на основаніи актовъ архива Республики (ex publicis praesertim tabulis). Этимъ трудомъ, по словамъ Червы, воспользовался Юній Растичь для своихъ лѣтописей (ex quo Junius Restius suos Annales descripsit).

8. Въ 1587 году прибылъ въ Дубровникъ флорентинецъ Серафимъ Рацци въ качествѣ Генеральнаго Викарія (Vicario generale) ордена доминиканцевъ [3]). Въ короткое время онъ умѣлъ заслужить всеобщее расположеніе такъ, что, когда умеръ архіепископъ Рафаель Бонелли (1588 г.), капитулъ канониковъ ввѣрилъ ему управленіе эпархіею, назначивъ его Vicario Capitolare generale della Diocesi, до избранія новаго архіепископа [4]). По при-

---

[1]) ibid. 1031—1036. Разрывъ съ Неаполемъ произошелъ за изгнаніе изъ Дубровника, вслѣдствіе настояній Турокъ, тайнаго агента вице-короля неаполитанскаго Цезаря Марры. Вице-король посадилъ въ крѣпость S. Helmo пятерыхъ властелей дубровницкихъ и конфисковалъ ихъ имущество; но Гундуличь съ помощью папы и кардинала А. Фарнезе успѣлъ примирить Неаполь съ Дубровникомъ. Къ папѣ Григорію XIII Гундуличь ѣздилъ по дѣлу архіепископа дубровницкаго, Маттеучи, обвиненнаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ Турками.

[2]) ibid. 1114.

[3]) *Pref. di Fra. Ser. Razzi alla Storia di Raugia* (Lucca 1595) p. 5: «Di questa adunque Illustrissima Città di Raugia, in cui mi ritrovo presente anno di nostra Salute 1588 mandatoci da miei superiori di Roma Vicario della Congregazione Raugea Domenicana, mi sono proposto di scrivere, a cert' hore meno atte agli studi sacri, una breve storia, secondo che da questi Signori, et amici miei, mi saranno delle scritture, e delle memorie loro antiche somministrate». Cnf. n. 44.

[4]) *Dedica* agli ill^{mi} Sig^{ri}, il Rettore e gentil'huomini Raugei: «Le molte cortesie, le quali io recevei *ne' due anni* che io dimorai, Ill^{mi} Sig^{ri}, nella vostra città, e dall'amplissimo Senato Vostro, e da molti particolari gentil'huomini, e dal Re-

бытіи же Павла Альбера (Paolo Albero) въ 1589 году въ новую его епархію, Рацци, по всей вѣроятности, тотчасъ же покинулъ Дубровникъ; ибо въ началѣ (4-го января) 1590 года мы его находимъ уже въ Перуджѣ [1]). Въ 1595 году Сер. Рацци былъ на своей родинѣ—во Флоренціи [2]).

Отправляясь, по приказанію изъ Рима, въ Дубровникъ, С. Рацци пожелалъ узнать что нибудь, какъ онъ самъ говоритъ, о мѣстѣ своего новаго назначенія; но тщетно онъ старался удовлетворить своей любознательности—о Дубровникѣ онъ не могъ найти ни какаго сочиненія: этотъ-то пробѣлъ въ литературѣ онъ вознамѣрился пополнить тотчасъ же по прибытіи своемъ на мѣсто; благорасположеніе же къ нему дубровничанъ еще болѣе утвердило его въ этомъ намѣреніи: такимъ образомъ явилась его исторія Дубровника [3]).

Съ самаго прибытія своего въ Дубровникъ Рацци сталъ собирать матеріалы для своей исторіи, которую, какъ видно изъ предисловія (см. прим. на стр. 91), онъ началъ писать въ 1588 году, а окончилъ въ Перуджѣ въ 1590 году. Въ предисловіи ко 2-ой книгѣ своей исторіи Рацци говоритъ, что трудъ его, быть можетъ, никогда бы не появился въ печати, если бы не взялся издать его дубровницкій властелинъ, Марино Кабога, проживавшій въ Анконѣ. Въ знакъ благодарности за расположеніе къ нему дубровни-

---

verendo Clero, che nella morte del proprio Arcivescovo, si degni di elegger me forestiero di sangue, se bene d'affezzione, e d'amore concittadino, al governo di cotesta vacante Chiesa, si come all'hora mi indussero a mano a questa fatica di scrivere la storia della vostra nobilissima et ill[ma] Città». Cnf. *Tomaso Chersa, Degli illustri Toscani* 19—20. Изъ вышеприведеннаго видно, что С. Рацци пробылъ въ Д. *только два года*, а не *plures annos*, какъ ошибочно полагаетъ *Coleti, Illir. Sacr.* VI, 33.

[1]) 2-ая кн. Исторіи Дубровника «scritta e riveduta da Fra Ser. Razzi die 4 Januarii 1590 Perusiae». p. 120.

[2]) Посвященіе писано во Флоренціи: — «Di Firenze alli 18 di Marzo dell' anno 1595».

[3]) *Pref. al 2do libro della Storia di Raugia:* «Havendo noi a ire, per l'obedienza de nostri maggiori di Roma, Vicario della Congregazione del nostro ordine a Raugia, e desiderando di sapere la qualità di luogo, a cui andare dovevamo, per molto che di ciò cercassimo, non potemmo ritrovare libro alcuno, che di lui parlasse, se non qualche breve parola e per modo di passaggio. Onde ci proponemmo nell'animo, arrivandoci, di scrivere come poi facemmo, la storia di detta Città e dare notizia in iscrittura al mondo di lei. Si aggiunse poscia a questo motivo il debito della gratitudine, la quale io doveva alle molte cortesie usatemi da quello Illmo Senato, *in due anni, che la dimorai*».

чанъ, особенно же высшаго сословія, Рацци посвятилъ свой трудъ Сенату Республики. Въ предисловіи авторъ говоритъ о происхожденіи славянъ отъ Іаффета и распространеніи ихъ по Европѣ [1]); затѣмъ описываетъ Далмацію, ея климатъ и почву, ея жителей, ихъ наружность и занятія, и наконецъ переходитъ къ Дубровнику, *знаменитѣйшему и единственно-свободному городу въ Далмаціи* (Città Illustrissima e sola libera in Dalmazia). *La storia di Raugia* Сер. Рацци раздѣлена на три книги: первая отъ основанія Дубровника Павлиміромъ (526 г.) до 1400, вторая 1400—1588 г.г., а третья—описаніе Дубровника и его области, его жителей и обычаевъ, финансовъ Республики и наконецъ церемоніала при принятіи Султаномъ дубровницкихъ пословъ. Эта послѣдняя книга, написанная Рацци большею частію *по собственнымъ наблюденіямъ* или же *по разсказамъ очевидцевъ* (dicono, mi è stato riferito), чрезвычайно любопытна; менѣе важны двѣ первыя книги, матеріалами для коихъ служили мѣстныя *лѣтописи* и *историческія сочиненія* (gli annali di Raugia, gli scrittori Raugei), а съ 1570 года *разсказы современниковъ*, съ 1587 же до 1588 г. *собственныя его наблюденія*: онъ рѣзко отличаетъ предшествовавшую ему эпоху отъ современной словами «cose più antiche» и «cose maderne» или «dei tempi nostri». Аппендини [2]) безъ всякаго основанія утверждаетъ, что Рацци въ первыхъ двухъ книгахъ большею частію *списалъ Раньину* (per lo più non fece, che copiare senza eleganza di stile il Ragnina nei due primi libri): Рацци не скрываетъ, что онъ пользовался Раньиною [3]), но онъ ни списывалъ его, въ чемъ насъ убѣждаетъ сравненіе della Storia di Raugia съ сохранившимися у Червы отрывками изъ Раньины. Себ. Дольчи, мнѣніе котораго имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ мнѣніе Аппендини, укоряетъ Рацци *въ небрежности*, но не считаетъ его копистомъ Раньины: «Luccarus scripsit aliena potius quam nostra: Razzius et aliena et nostra indiligenter [4]).» Отзывъ Дольчи повторилъ Керса: «Essa (Storia di Raugia) è, per vero dire, anzi chè

---

[1]) La Storia di Raugia scritta nuovamente in tre libri da Fra Serafino Razzi, Dottor Teologo Domenicano. In Lucca per Vincentio Busdraghi 1595. 4°. p. 3.

[2]) *Notizie* II, 10.

[3]) lib. III, p. 179.

[4]) *Fasti litterario-Ragusini.*

una storia, una cronaca, scritta così a rotta, senza legame de' fatti tra loro, sensa gravità di sentenze e di stile, sensa facondia, e brevemente, sensa alcun di que' pregi, pei quali le storie del Segretario Concitadino del Razzi non saranno senza fama,

Se l'universo pria non si dissolve.

E senza che non ha i pregi di una buona storia, questa del Razzi non ha nè anche quelli di una buona cronaca; e vo' dire ch'egli ha voce di non essere nè diligente nel racconto de' fatti, nè esatto a stabilirne le epoche [1])». Въ защиту Рацци я замѣчу, что небрежность и неточность, замѣчаемыя въ его исторіи, принадлежатъ дубровницкимъ лѣтописямъ, провѣрить каковыя на основаніи актовъ не было ему никакой возможности какъ по кратковременности его пребыванія въ Дубровникѣ, такъ и потому, что Сенатъ Республики не дозволилъ бы ему, иностранцу, доступъ въ архивъ.- Справедливѣе другихъ къ Рацци былъ Колети [2]).

Рацци написалъ также *Церковную исторію Дубровника* (Vite degli Arcivescovi de Ragusa): къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Раньиною, онъ присоединилъ по словамъ Червы [3]), описаніе событій 1544—1588 гг. по матеріаламъ, имъ самимъ собраннымъ. Этотъ трудъ Сер. Рацци доселѣ не изданъ: автографъ хранится въ доминиканской библіотекѣ во Флоренціи, а списокъ въ библіотекѣ Св. Марка въ Венеціи.

Рацци былъ авторомъ еще двухъ сочиненій, неизвѣстныхъ ни Червѣ, ни Дольчи, ни Колети: 1. *Storia degli huomini illustri del Ordine degli Predicatori.* Lucca per Busdraghi 1596 и 2. *Sermones. Firenze* 1575.

La storia di Raugia сдѣлалась нынѣ величайшею библіографическою рѣдкостью: извѣстны только три экземпляра, изъ коихъ два въ Дубровникѣ (у д-ра Казначича и книгопродавца Мартеккини) и одинъ въ Венеціи, а потому я считаю долгомъ своимъ издать нынѣ наиболѣе любопытную, самостоятельную часть этого произведенія, а именно конецъ 2-ой книги (1570—1588 г. г.) и всю третью См. *Приложеніе VIII.*

---

[1]) *Illustri Toscani* 20—21.
[2]) *Illyrici Sacri* t. VI, p. 33.
[3]) *Prolegomena ad Metropolim S. Ragus.* 304. Cnf. *Viri illustr.* 1493.

9. Современникомъ Рацци былъ извѣстный дубровницкій историкъ Евсевій Кабога, происходившій изъ древняго властельскаго рода, понынѣ существующаго. Юношею онъ поступилъ въ бенедиктинскій монастырь на островѣ Млѣтѣ, гдѣ и воспитывался подъ руководствомъ аббата, а впослѣдствіи архіепископа Дубровника, Итальянца Хризостома Кальвини, мужа ученаго и добродѣтельнаго. За строгую жизнь свою былъ избранъ въ аббаты тогоже монастыря. Умеръ въ Стонѣ въ 1594 году [1]). Сер. Черва упоминаетъ о трехъ его сочиненіяхъ, весьма важныхъ для исторіи Дубровника, но къ сожалѣнію, до насъ не дошедшихъ: 1. *Annales Epidauritani seu Ragusini*, 2. *Vitae Ragusinorum Pontificum* и 3. *Virtutum exempla ex rebus gestis Ragusinorum civium deprompta* [2]). Два первыхъ сочиненія Евсевій Кабога передъ смертію своею передалъ епископу стонскому, Хризостому Раньинѣ, который не озаботился ихъ обнародованіемъ и тѣмъ лишилъ насъ этихъ драгоцѣнныхъ для исторіи Дубровника произведеній. Два отрывка изъ лѣтописей Кабоги были изданы Бенедиктомъ Орсини въ его сочиненіи: «Le glorie cadute dell'antichissima ed augustissima famiglia Comnena». Venezia 1653. (generat. XIV, p. 101) и потомъ перепечатаны Аппендини въ его Notizie II, 18—79. Отрывокъ изъ Virtutum exempla о Павлимірѣ, найденный мною у Червы, напечатанъ на стр. 2 прим. 2 настоящаго изслѣдованія. Объ этихъ отрывкахъ Черва отзывается такъ: «Vestigia haec sunt praeclari operis, quae candore styli atque elegantia magis, magisque amissae lucubrationis desiderium excitant». Изъ третьяго сочиненія, написаннаго, какъ полагаютъ Джорджичь и Черва, въ подраженіе Валерію Максиму и Баптисту Эньяцію [3]),

[1]) S. Cerva, *Viri Illustres* III, 992—994. *Ign. Georgii*, *Adversaria* (по ркп. № 312) p. 251. Giorgi о годѣ смерти Евс. Кабоги говоритъ: «In Libro mortuorum Melitensis Cogreg. haec sunt: Eusebius Caboga mortuus est Stagni anno 1594». Appendini II, 11 ошибочно относитъ смерть Кабоги къ 1590 году. Cnf. S. Dolci Fasti litterario-Ragusini 19.

[2]) Аппендини l. c. такъ озаглавливаетъ это сочиненіе: «De exemplis illustrium virorum Ragusinae civitatis et exterorum, qui in eam aliquo beneficio noti habentur».

[3]) *Ign. Georgii Adversaria* 251: «Item ad imitationem Valerii Maximi, vel Baptistae Egnatii conscripsit vagam historiam de virtutibus Ragusinorum». *S. Cervae Viri illustr.* 993: «Operis idea ex Valerio Maximo, aut Baptista Egnatio desumpta videtur».

существовали еще въ ихъ время отрывки въ бенедиктинскомъ монастырѣ [1]), но едва-ли они уцѣлѣли доныне: покрайности, мнѣ не удалось видѣть ни одного изъ нихъ.

Литературные труды Евсевія Кабоги были достойно оцѣнены Серафимомъ Рацци, Францискомъ Сердонотомъ, Мавро Орбиничемъ, Игнатіемъ Джорджичемъ и Серафимомъ Червою. «Il Reverendo Padre, D. Eusebio Caboga Monacho di S. Benedetto negro» говоритъ Рацци [2]), «Padre di santa vita, e d'ottime lettere, il quale scrive queste historie di Raugia, ma latinamente, e come io avviso con altro ordine». Фр. Сердонатъ [3]) такъ отзывается о немъ: «Qua re maxime laudandus in hoc genere est Eusebius Caboga, vir nobilitate ac Religione insignis, et ipse ejusdem ordinis Abbas». Мавро Орбиничь говоритъ: «Questa Congregatione (Melitense) quasi sempre ebbe uomini grandi nelle lettere, fra i quali fù D. Eusebio Caboga il quale scrisse nella lingua Latina gli annali di Rausa e le vite de' Pontefici» [4]). И. Джорджичь называетъ Евсевія Кабогу «vir apprime litteris excultus», а его произведенія «nobile opus»». Наконецъ Сер. Черва, отзываясь съ большою похвалою о сочиненіяхъ Евсевія Кабоги, горько сожалѣетъ объ ихъ утратѣ: «Si justa dolendi ratio ulla est Litterariae Reipublicae, quod plurima veterum authorum scripta, sive temporum, sive hominum injuria perierunt, ea profecto justissima mihi videtur, quod Eusebii Cabogae lucubrationes amisimus. Vir probus fuit, doctus in paucis, ac eruditus, gentisque suae ac aetatis res gestas litteris mandavit. Ad haec plura non addam; quis enim, haec sciens, non videt, quo loco quove in pretio eas haberemus, si superessent».

10. Изъ того же бенедиктинскаго монастыря на островѣ Млѣтѣ былъ другой историкъ Мавро Орбиничь. Онъ происходилъ по отцу отъ значительной фамиліи Орбини, а по матери отъ пользовавшейся большимъ почетомъ фамиліи Флори (дѣдъ его Симонъ Флори ознаменовалъ себя военными подвигами). Въ ранней молодости вступивъ въ бенедиктинской монастырь на островѣ

---

[1]) Appendini ошибочно утверждаетъ, что сохранилось все произведеніе.
[2]) *Praef. alla Storia di Raugia.*
[3]) *Epistola ad Senatum Ragus.*
[4]) *Regno degli Slavi* 200.

Млѣтѣ, онъ не замедлилъ обратить на себя вниманіе своихъ товарищей строгостью жизни, благоразуміемъ и любовью къ занятіямъ наукою и впослѣдствіи былъ избранъ ими въ аббаты; но по прошествіи нѣкотораго времени, неизвѣстно, по какой причинѣ, онъ оставилъ монастырь и поселился сначала въ Стонѣ у епископа Хризостома Раньины, а потомъ въ Венгріи, гдѣ получилъ аббатство Св. Маріи въ Бачкѣ, колочской епархіи [1]). Аппендини [2]), со словъ Дольчи [3]), утверждаетъ, что онъ умеръ въ 1614 году на родинѣ: показаніе это невѣрно, ибо положительно извѣстно, говоритъ Черва [4]), что въ 1614 году онъ былъ еще аббатомъ помянутаго монастыря.

Имя Мавро Орбинича извѣстно по сочиненію, изданному имъ въ Пезаро (appresso Girolamo Concordia) въ 1601 г. *Il Regno degli Slavi hoggi corrottamente detti Schiavoni: Historia di Don Mauro Orbini Rauseo abbate Melitense.* Nella quale si vede l'origine quasi di tutti i popoli, che furono della lingua Slava, con molte et varie guerre, che fecero in Europa, Asia et Africa, il progresso dell' Imperio loro, l'antico culto, et il tempo della loro conversione al Christianesimo. E in particolare veggonsi i successi de'Rè, che anticamente dominarono in Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Rassia et Bulgaria.

Къ сочиненію приложены изображенія воиновъ балтійскихъ и южныхъ славянъ, а также снимки съ гербовъ югославянскихъ княжескихъ домовъ. Сочиненіе посвящено Марину Бобали, доставившему автору много матеріаловъ для его труда.

Исторія славянъ Мавро Орбинича *при богатствѣ матеріаловъ*, собранныхъ имъ преимущественно въ библіотекахъ его покровителей, герцоговъ Урбини, и въ Дубровникѣ, *страждетъ недостаткомъ критики:* авторъ пользуется безъ разбора (за исключеніемъ развѣ венеціанскихъ историковъ Sabellico, Pietro Giustiniani, Giulio Faroldo) всѣми ему доступными источниками и вѣритъ имъ безусловно. Кромѣ того, безпрестанно встрѣчаются у него *противорѣчія; хронологія запутана; нѣтъ единства и цѣ-*

[1]) S. Cervac, *Viri illustr.* 1847.
[2]) *Notizie* II, 13.
[3]) *Fasti litterario-Ragusini* 44.
[4]) 1848: «Certe anno 1614 Coenobium illud Abbatis nomine moderabatur».

лости въ планѣ сочиненія; наконецъ самый *языкъ грубъ и необработанъ*. Сер. Черва [1]) весьма основательно замѣтилъ о М. Орбиничѣ: «historiae leges paucas admodum novisse videtur». Юній Растичь, [2]), сравнивая Туберона съ Орбиничемъ говоритъ: «Lodovico Cerva detto Tuberone Abbate Melitense, attacato alla purità della lingua latina, ha fatto pompa del suo sapere, della sua erudizione, ma avendo voluto carpare ogni uno è sortito dalla fedeltà necessaria in un istoriografo; e nel medesimo difetto per cause contrarie osservai essere inciampato Mauro Orbini, della medesima Congregazione Melitense, nel suo Regno de' Slavi, il quale per voler adular tutti, ha tralasciato di scriver molte cose, e li fatti di molte altre ha adulterato». Игнатій Джорджичь [3]) такъ отзывается о Мавро Орбиничѣ: «Maurus Orbinus edidit typis de Regno Slavorum historiam, quae multis quidem est auctoribus excerpta, sed satis indigeste, ut ab homine, qui paulo magis quam primoribus labris linguam Italicam attigisset; eterodoxos auctores saepe in testes rerum adducit, et quodammodo eorum auctoritate luxuriat, unde Quaesitorum et Romae meruit censuram, donec nomina damnatae plebeculae deleantur. Felix Slavorum historia, si vel historicum qui plura legisset, vel plurium legentem magis historicum reperisset». Изъ словъ Джорджича видно, что *Il Regno degli Slavi* Мавро Орбинича было запрещено Римскою куріею потому, что авторъ приводитъ свидѣтельства *иновѣрныхъ* писателей. Тоже самое говоритъ и С. Черва: «Praeterea damnatos ab Ecclesia Scriptores in testes rerum, quas narrat, saepissme adducit, ut et ipsa ea ratione censura notari meruerit, et ipsum ejus opus in Indicem proscriptorum ab Ecclesia librorum, donec corrigeretur relatum fuerit hisce verbis: «Mauro Orbini Raguseo Il Regno dei Slavi hoggi corrotamente detti Schiavoni stampato in Pesaro 1601 usque quo prodeat deletis Haereticorum nominibus qui passim citantur [4])». Доминиканецъ, Амросій Гучетичь не только исправилъ сочиненіе М. Орбинича, согласно требованію Римской куріи, но даже выкинулъ изъ «Regno degli Slavi»

---

[1]) p. 1849.
[2]) *Pref. agli annali di Ragusa* (ed. 1861) p. 9—10
[3]) *Adversaria* (по ркп. № 312) pp. 299—300
[4]) *Viri illustres* 1849

всѣ тѣ выраженія, въ которыхъ говорится о судьбѣ, какъ противныя ученію церкви о провиденіи божіемъ, чему не мало удивляется самъ Черва [1]).

«Regno degli Slavi» М. Орбинича, сообщая весьма *мало* и то отрывочныхъ, *свѣдѣній о Дубровникѣ*, свѣдѣній *заимствованныхъ исключительно у византійскихъ* (о посольствѣ дубровничанъ къ императору Василію Македонянину по Кедрину, стр. 182—184) и *венеціанскихъ* (о подчиненіи Дубровника Венеціи патріархомъ Ѳомою Морозини по Сабеллико стр. 190, объ обращеніи дубровничанъ къ венеціанцамъ за помощью противъ турокъ въ 1594 г. по Ц. Кампанѣ стр. 191 и т. д.) *историковъ*, не имѣло бы для насъ никакой важности, если бы въ немъ не было подробнаго *разсказа объ извѣстномъ тиранѣ Дамміанѣ Іудѣ* (стр. 187—189): М. Орбиничь повѣствуетъ о тираніи Д. Іуды съ такими подробностями, какихъ не встрѣчается у лѣтописцевъ Дубровника; есть поводъ думать, что этотъ разсказъ *заимствованъ* имъ *у Іоанна равенскаго*, у котораго, по свидѣтельству Графа М. Пуцича, время тираніи Д. Іуды изложено съ особенною подробностью; но, кромѣ этого источника, у М. Орбинича былъ еще *другой*, какъ видно изъ словъ его: «Et ciò (смерть Д. Іуды и призваніе венеціанцевъ) segui *secondo alcuni* nel 1262, et *secondo gli altri* nel 1215»: этимъ вторымъ источникомъ были, вѣроятно, *лѣтописи* и, быть можетъ, *Рацци*: по лѣтописямъ, списаннымъ въ Архивѣ Республики Стулличемъ, ректорство Д. Іуды относится къ 1260—1263 г., и согласно съ этимъ показаніемъ Рацци пріурочиваетъ его смерть къ 1263 г.; (libro I; cap. XVIII, p. 37—39); слѣд. Іоаннъ равенскій (если имъ дѣйствительно пользовался М. Орбиничь) относитъ это событіе къ 1215 году. *Недостатокъ критики* у нашего автора обнаруживается и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ: онъ не могъ рѣшить, какое

---

[1]) ibid. 1850: «Sed quid in iis censura dignum plane non video. Equidem in omnium Christianorum etiam hominum, et maxime Religiosorum ore atque sermone fortunae nomen versatur, at nemo omnium est, qui Numen credat fortunam, humanarumque rerum vicissitudines, felicitatem, miseriam, praeter Dei Opt. Max. voluntatem, qui solus rerum Dominus atque arbiter creditur, fortunae tribuat, nisi ex communi loquendi usu, cum nempe aliquid accidit, quod aliter accidere poterat» etc. Замѣтимъ, что *Regno degli Slavi* было переложено въ стихи на лат. яз. Мартиномъ Ружичемъ (Rosa).

показаніе вѣрнѣе, и сообщилъ оба; но ни то, ни другое не можетъ быть принято: смерть Д. Іуды, по изысканіямъ Ю. Растича (стр. 85—90), относится къ 1204 году. У М. Орбинича первый венеціанскій графъ въ Дубровникѣ названъ Marco Dandolo: это показаніе также невѣрно, ибо извѣстно, что тотчасъ по смерти Іуды былъ назначенъ дубровницкимъ графомъ Lorenzo Quirini (Resti 91). Такимъ образомъ *недостатокъ* у М. Орбинича *критики* замѣтенъ и въ его повѣствованіи о Дубровникѣ, который онъ долженъ былъ бы знать лучше другихъ славянскихъ земель. И здѣсь видна таже *запутанность хронологіи*, какъ и въ иныхъ мѣстахъ его сочиненія: мы только что говорили о сбивчивости его показаній о годѣ смерти Д. Іуды; упомянемъ еще, что извѣстное посольство дубровничанъ къ императору Василію Македонянину въ 867 г. онъ относитъ къ 880.

Мавро Орбиничь перевелъ съ итальянскаго языка на сербскій извѣстное сочиненіе францисканца Angelo Elli: Specchio Spirituale del principio e fine della vita humana, diviso e distinto in quindici ragionamenti, et in cento cinquanta dubii principali etc. fatti tra il Maestro, e suo discepolo in dialogo per il R. P. Frat' Angelo Elli da Milano Min. Osserv. etc. Stampato in Brescia alla Libreria del Bozzola 1601. Переводъ Орбинича озаглавленъ такъ: «*Zarcalo duhovno od početka i svarhe života čoviečanskoga* iztomačen iz jezika talianskoga u dubrovački po Dn. Mauru Orbini a na svietlost isdan po. O. Baru Kasiću. U. Rimu po. B. Zanetti 1614. 2-ое изданіе (неизвѣстное Червѣ) u Mletcima 1695 po Marku Ginami. 3 изд. u Vnecich 1703 po Bartolu Occhi. Этотъ переводъ, написанный въ 1604 году, посвященъ дубровничанину Раду Сладоевичу, издавшему его на свой счетъ [1]).

11. Доминиканецъ *Амвросій Гучетичь*, (Gozze) современникъ Мавро Орбинича, епископъ сначала Требинья и Меркана (съ 15 іюня 1609), а потомъ Стона (съ 1615 г.), написалъ: 1) *Catalogus illustrium virorum Ordinis Praed.* изд. въ Венеціи въ 1603 г. 2) *Liber exemplorum et similitudinum* и 3) *Genealogia familiae*

---

[3]) ibid. 1851.

Gozzeae. Умеръ около 1602 года. Игн. Джорджичь называетъ его «Vir summi candoris ac simplicitatis»; за тѣмъ прибавляетъ: «In historiis admodum fuit versatus, vir candidus usque ad simplicitatem, tamen in historia accuratus» [1]). Сочиненія А. Гучетича мнѣ неизвѣстны.

12. Въ 1605 году была издана въ Венеціи исторія Дубровника Я. П. Луккарича.

Предки Луккарича выселились изъ Эпира въ Дубровникъ до 1000 г. Яковъ Луккаричь родился въ 1551 году [2]). Отецъ его, Петръ, былъ въ 1565 году ректоромъ Республики [3]). Двадцати лѣтъ отъ роду Яковъ Луккаричь вступилъ въ Сенатъ (Consiglio Maggiore), быстро прошелъ всѣ ступени государственной службы, былъ посылаемъ неоднократно по дѣламъ Республики къ султану и къ боснійскому визирю и наконецъ въ 1613 году былъ ректоромъ. Умеръ 22 мая 1615 года [4]). «Fù uomo d'incredibile desterità e candore», говоритъ о немъ его біографъ [5]), «onde potè ruiscire felicemente negli affari più scabrosi della Repubblica, e acquistarsi nel medesimo tempo l'amicizia e'l concetto de' sovrani». Вознамѣрившись писать исторію своего отечества, онъ предпринялъ путешествіе по Европейской Турціи и Италіи, посѣтилъ Африку и побывалъ на Мойоркѣ, гдѣ въ то время укрывалось 6 большихъ дубровницкихъ кораблей, спасшихся отъ кораблекрушенія изъ числа 14, сопровождавшихъ испанскій флотъ въ экспедицію противъ Туниса [6]): цѣлью этого путешествія было лично ознакомиться съ тѣми народами и государствами, съ которыми Дубровникъ былъ въ сношеніяхъ и собрать на мѣстѣ матеріалы

---

1) *Biographiae illustrium Ragusinorum* ркп. № 250. Seb. Dolci (Fasti 2) говоритъ, что въ его время «Генеалогія фамиліи Гучетичей» хранилась въ доминиканскомъ монастырѣ въ Дубровникѣ; нынѣ она не существуетъ болѣе.

2) *Notizie storiche intorno alla vita e alla famiglia dell'autore* при 2-мъ изд. Исторіи Луккарича (Ragusa 1790) p. X.

3) *Annali di Ragusa* ed. 1605, p. 147: «E per honorarla (la Republica), e renderla capace dell' affezzione, che Suliman gli portava, mandò una veste di tocato d'oro fin'a taloni a Pietro Luccari mio padre, all'hora Retore di Rausa (1565)».

4) *Notizie intorno alla vita etc.* XI—XIV. *Testam. D. Jacobi Pietri di Luccari 1613* die X mensis decembris . . . *testator cum esset Rector* suprascripti mensis.

5) ibid. X.

6) *Annali di Rausa* 10, 24, 143, 148 и др. Conf. *Notizie* XII—XIII.

для исторіи этихъ сношеній. По возвращеніи на родину, Луккаричь получилъ по разрѣшенію Сената доступъ въ государственный архивъ; но, какъ видно изъ его исторіи, воспользовался имъ мало.

Copioso ristretto degli annali di Rausa, libri XI, di Giacomo di Pietro Luccari Gentilhuomo Rauseo: ove diligentissimamente si descriue la fondatione della citta, l'origine della Republica, e suo Dominio, le guerre, le paci, e tutti i notabili auuenimenti occorsi dal principio di essa sino all'anno presente MDCIII. Et insieme si narra il sito, i costumi, gli habiti, il gouerno, i Magistrati, le Famiglie Nobili, e gli Arcivescoui d'essa. In Venetia, ad instantia di Antonio Leonardo 1605. 8°. 176. Съ приложеніемъ портрета автора. 2-ое изданіе—Ragusa 1790. Nella stamperia Publica presso Andrea Trevisan: при немъ *Notizie storiche intorno alla vita, e alla famiglia dell'autore.* Авторъ этихъ Notizie хвалитъ правдивость и простоту изложенія Луккарича[1]),—похвала, какой его не удостаиваютъ ни Долчи, ни Джорджичь, ни Черва. Дольчи весьма справедливо замѣтилъ: «Luccarus *aliena potius* quam nostra scripsit (см. стр. 93)». Джорджичь говоритъ о Луккаричѣ: «Iacobus Luccarus conscripsit Annales Ragusii. Virum fuisse ad lecturam auctorum, et ad eruditionem pronum, patet, sed nullatenus historiae Methodum a Magistro percepisse, nam *nimis confusus, et chronographiam minime observans reperitur, itemque innixus in narrandis rebus non authenticis scripturis, sed vulgi sermonibus*[2])». Съ отзывомъ Джорджича согласенъ и Черва: «*Luccarus*, ut caeteri omnes, *confuse depravateque scripsit, continentem rerum gestarum ordinem, temporumque seriem, nulla Chronographiae, ac Historiae legum ratione habita permiscuit, et quod satis mirari nequeo, qui Publicas Tabulas omnes, cum veteres, ac recentiores evolvit, multa contra earum fidem tradidisse deprehenditur.* Id maxime in Ragusinorum Pontificum Catalogo ab eo descripto apparet, in quo Pontificum nomina, patriam, aetatem, seriem ipsam invertit, depravatque [3])». Аппендини[4]) и Эн-

---

[1]) XIII: Jo mi pregio d'averla (la storia di Luccari) più volte attentamente letta, e sempre per la sua *veracità, e nitida* simplicità ammirata».

[2]) Рkп. № 312, стр. 265.

[3]) *Viri illustres 486—489.*

[4]) *Notizie* II, 12.

гель[1]) повторили отзывы Дольчи и Червы. И дѣйствительно, нельзя не согласиться съ ними. Читая Исторію Луккарича невольно удивляешься, какъ такой даровитый, начитанный[2]) и опытный человѣкъ, какъ онъ, не съумѣлъ совладать съ богатымъ матеріаломъ, бывшимъ у него подъ рукою: *безъ всякой критики и системы*, онъ переписываетъ лѣтописцевъ, Іоанна Равенскаго[3]), и иностранныхъ писателей, *запутывая* ихъ сказанія топографическими свѣдѣніями о странахъ и историческими разсказами о народахъ, съ которыми дубровничане находились въ сношеніяхъ; эти вставки, сами по себѣ иногда весьма важныя и любопытныя, лишаютъ читателя возможности слѣдить за главною нитью повѣствованія и порождаютъ въ головѣ его хаосъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній.

Удивительно, что Луккаричь, имѣя доступъ въ *архивъ Республики*, такъ *мало имъ воспользовался* для повѣрки дубровницкихъ и иностранныхъ сказаній: иначе съ одной стороны онъ не надѣлалъ бы столько промаховъ и хронологическихъ ошибокъ (онъ относитъ напр. войну съ Бодиномъ и построеніе имъ укрѣпленія противъ Дубровника къ 1080—1087 г. вмѣсто 1089—1116, стр. 14—15 по дубр. изд., миръ съ баномъ Баричемъ, заключенный въ 1160 г., къ 1154, стр. 20 и т. д.), а съ другой изложилъ бы обстоятельнѣе исторію сношеній Дубровника съ Италіею и сосѣдними славянскими областями, исторію, о которой у него чрезвычайно мало свѣдѣній до XV вѣка. Мнѣ кажется, можно принять безошибочно, что Луккаричь *пользовался актами архива только съ конца XIV по XIV вѣкъ включительно*, періодъ времени, описанный имъ обстоятельнѣе предъидущаго: въ исторіи Дубровника до конца XIV вѣка нѣтъ указаній и ссылокъ на акты; но съ 1387 года Луккаричь указываетъ иногда

---

[1]) *Gesch. d. Freyst. Rag.* 23—25.

[2]) Въ начитанности и сообщеніи многихъ истинныхъ и важныхъ фактовъ не отказываетъ Луккаричу и Черва: «Sua tamen laude non caret, quod multos legisse authores videatur, quod pleraque vera ac memoratu digna habet et quod primus ad scribendam Patriae historiam aggressus fuerit». Авторъ ссылается на множество писателей—византійскихъ, западныхъ и восточныхъ.

[3]) *Annali de Rausa* 12: «Giovanni di Ravenna . . . . per lo cui studio, e diligenza io son venuto in cognizione di molte cose della città». По лѣтописямъ, съ небольшими дополненіями изъ другихъ источниковъ, написаны первыя двѣ книги и начало третьей.

на договоры и протоколы сената: такъ на стр. 67 онъ говоритъ: «Martino Rè di Sicilia fece essenti di tutte le gabelle i mercanti Rausei nel suo Regno, come *si vede per brevi regali* dell'anno 1387 e nelle *pramatiche* di Ferdinando figliuolo di Giovanni Secondo Rè di Calabria,, d'Aragona e di Sicilia»; на стр. 87—89, повѣствуя съ особенною подробностью о посольствѣ къ султану Амурату Петра Луккарича, онъ дважды ссылается на *libro delle commissioni di Pregati* 1431 и 1453 г. Чѣмъ ближе къ автору описываемое имъ время, тѣмъ подробнѣе онъ становится: съ 1581 г. онъ описываетъ уже какъ *современникъ*, а потому послѣднія страницы (съ 151) его исторіи имѣютъ для насъ особую важность.

Сравнивая исторію Дубровника Луккарича съ лѣтописями, мы находимъ въ ней не мало свѣдѣній, особенно о сношеніяхъ съ Востокомъ и Испаніею, свѣдѣній, заимствованныхъ имъ изъ *другихъ источниковъ* (сказаній иностранцевъ и актовъ дубровницкаго архива) и не находящихся въ лѣтописяхъ: къ таковымъ принадлежатъ: о службѣ дубровничанъ у арабовъ и турокъ (стр. 8), о спасеніи Оттона II отъ плѣна дубровницкимъ купцемъ, щедро награжденнымъ за свой подвигъ императоромъ (стр. 12), о построеніи между Оловомъ и горою Якотиною въ Босніи крѣпости *Дубровникъ* съ разрѣшенія бана Грубиши (стр. 16), о договорѣ съ мамелюками въ 1220 г. (стр. 34) о венеціанскомъ вліяніи въ началѣ XIII вѣка (стр. 41), объ учрежденіи турнировъ въ Дубровникѣ (стр. 42), о самозванцѣ Николаѣ Санино († 1372 г. стр. 53. Срв. М. Орбинича «Regno degli Slavi» и С. Червы Vitae illustr. Ragus. 1990—1996), о неретвинскихъ соловарняхъ (стр. 83), о торговомъ договорѣ съ Стефаномъ Черноевичемъ въ 1423 г. (стр. 86), объ учрежденіи въ половинѣ XV вѣка дубровницкихъ консульствъ въ неаполитанскомъ королевствѣ (стр 87), о двухъ посольствахъ въ Адріанополь къ султану Амурату Петра Луккарича (стр. 87—80), о договорѣ съ египетскими мамелюками 1510 г. (стр. 126), о сношеніяхъ съ Испаніею при Карлѣ V (стр. 140—143) и наконецъ о событіяхъ съ 1581 по 1598 г. (стр. 151—152).

Сказаннаго нами достаточно для опредѣленія мѣста, занимаемаго трудомъ Луккарича въ исторической литературѣ дубров-

ничанъ: *при весьма ощутительномъ недостаткѣ критики* и *при несоразмѣрности частей*, «*Copioso ristretto degli Annali di Ragusa*» *представляетъ намъ массу свѣдѣній, не встрѣчаемыхъ у другихъ писателей; описаніе событій 1581—1598 г. имѣетъ для насъ важность сказаній современника*. Не безъ интереса для насъ сообщенныя Луккаричемъ свѣдѣнія о состояніи Дубровника и о нравахъ и обычаяхъ дубровничанъ, свѣдѣнія, которымъ онъ, какъ кажется, придавалъ менѣе всего важности.

13. Удачнѣе исторіи Луккарича была хроника Ивана Гундулича (Giovani di Marino Gondola) отъ основанія Дубровника до 1484 г., хранившаяся еще во время Червы у его наслѣдниковъ, хотя въ самомъ жалкомъ видѣ. Списокъ съ нея имѣется въ библіотекѣ И. Кукулевича-Сакцинскаго: «L'Annali della nobilissima Republica di Ragusa».

По свидѣтельству Червы, хроника Гундулича *лучше всѣхъ другихъ*, отличается *правдивостью* и *основана* большею частію *на актахъ архива Республики*; но въ ней *не достаетъ единства и соразмѣрности частей*: о нѣкоторыхъ событіяхъ, не заслуживающихъ даже упоминанія, говорится подробно,—о другихъ же, весьма важныхъ, коротко и какъ бы вскользь; упоминается о лицахъ совершенно неизвѣстныхъ и ничѣмъ не замѣчательныхъ; наконецъ она *писана* на *полуварварскомъ* (stylus semibarbarus) *итальянскомъ языкѣ*. Гундуличь, прошедшій первыя должности Республики, скончался 19 сентября 1650 г. Его хроникою пользовался Ю. Растичь [1]).

---

[1]) *Viri illustres IV*, 1329—1330: «Plurimum sane Ragusina Civitas Civi nobilissimo Ioanni Gundulae Marini filio optime de se merito debet, cum aliis multis rationibus, tum praecipue, quod ejus Historiam ab ipsis conditae Urbis initiis ad annum Christ. aerae 1484 litteris mandavit. Haec certe *prae caeteris ejusmodi Chronicis in pretio habenda*, quandoquidem licet prima Urbis initia sine idoneo teste, et publica authoritate descripserit, caetera profecto nonnisi ex publicis Tabulis, et authenticis monumentis in medium protulit, ut de rerum quae ibi narrantur veritate nulli omnino dubitare licet. Manu exarata, jam tamen lacera ac mutila, ab ejus Haeredibus servatur. Eadem porro est, cum additamentis aliquot, novaque methodo, quam Iunius Restius nuper descriptam cum amicis communicavit. Caeterum, ne id quod res est praeteream, praeter veritatem quae maxime in Historiis spectatur, caeterae Historiae leges in hoc opere desiderantur. *Stylus* in primis *semibarbarus* est, lingua Italica quidem, ut qua vix homo uteretur, qui Italiam, aut Italos nunquam vidit homines. *Homines* interdum *in medium profert novos, ignotos-*

Annali della Città di Ragusa въ ркп. № 251 франц. библіотеки неосновательно приписаны Ив. Гундуличу, въ чемъ убѣждаетъ насъ какъ поразительное ихъ сходство съ другими списками лѣтописей и отсутствіе всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя по Червѣ отличали произведеніе нашего автора, такъ и сравненіе сообщеннаго на стр. 809 «Metropolis Sacrae Ragusinae» отрывка изъ хроники Гундулича съ ркп. № 251: въ примѣчаніи 20 къ разсказу Николая Раньины (стр. 788—794) о заговорѣ въ Дубровникѣ въ 1400 г. Черва говоритъ: «Proditionis hujusce historia paulo aliter a Luccaro et Gundula narratur»; за тѣмъ слѣдуетъ выписка сначала изъ Луккарича, а потомъ изъ Гундулича «Gundula autem Annalium Lib. 8. ad annum 1400 ita rem narra: «Nicoliza e Jakscia fratelli di Zamagna, et Lauriza e Simon di Bodaza parimenti fratelli, tutti Nobili e Patrizii della Republica, ma giovani violenti, sediziosi, et inquieti, incapaci dell'equalità venendo, e volendo soperchiar ogni qualità di persone, tenevano compagnie di gente facinorosa, ne bastando la facoltà loro alli dispendi d'una vita cosi licenziosa, si figurarono di opprimer il publico, e con le spoglie della città arrichir se stessi. Fecero pratiche con diversi scellerati, e raccolsero una quantità di Pellizari, Beccari, ed altra simil gente invitata dalla speranza del sacco, e capo di tutti questi era un certo Mihoc Kudjeligna, ma vedendo che nemmen questo bastava per mandar ad effetto il desiderato, fecero un trattato con Vukascino Wladislavich Vojvoda di Trebigne, con Wlatko Vuccetich Conte di Popovo, con Stefano Michlenscevich, Demetrio Marcoccvich, tutti due Vojvodi Bosnesi pigliandoli per compagni dell'attentato, e mettendoli in parte della preda. Questi quatro dovevano condur molta milizia Bosnese sotto la città in una notte designata di convegno, per dover esser introdotti dentro dai congiurati. Ma alli 9 di marzo trovandosi alle Plocce fuori

que de quibus, nec alibi, nec in ejus Historia mentio, ut personis minime cognitis, rem facile cognoscere haud possis. *Res praeterea magni momenti non semel breviter* et *quasi per functionem attingit*, *eas vero quae nullius sunt ponderis* et sine eruditioonis dispendio iguorari possunt, *fuso calamo, uberique stylo ad fastidium usque describit*. Vir nobilissumus fuit rerum antiquarum studiosissimus, facultatemque a Senatu obtinuit lustrandi publica Tabularia, quae maximo illi usu fuere rerum ad veritatem assequendam. Reipublicae quam praecipuis functus officiis administravit, sedulamque navavit operam, ac tandem magnum sui desiderium civibus relinqens vitam cum morte commutavit XIX Kal. Sept. anno redempti hominis 1650».

della Città sotto la Chiesa di Sant'Antonio un cittadino di buona nascita Nicoliza Presclicich, al quale essendosi accostato un huomo di Trebigne domandò dove potrebbe trovar Nicoliza. Lui rispondendolo: io son Nicoliza, ebbe una lettera, nella quale trovò materia di tradimento, e subito la portò consegnar al governo, il quale in quell'istante fece imprigionar li congiurati, e scoperta la congiura, li dichiarò tutti traditori, fece saltar le teste tant'alli fratelli Zamagna, come a quelli di Bodaza, e di mano in mano a tutti li plebei socii della congiura, ed in specie a Mihoc Kudjeglina. Li corpi di tutti gli giustiziati stettero tre giorni in mezzo alla Piazza avanti la statua di Orlando, e poi quelli di plebei furono sepeliti a S. Luca, quelli di Zamagna e di Bodazza nel Chiostro de' Frati di S. Francesco, apresso la Porta, per la quale dal detto Chiostro s'entra in Chiesa in due sepolture molto vicini l'uno all'altro, ch'anche oggidi si vedono coperti con mattoni a distinzione dell'altre sepulture, cosi ordinato dal governo». Въ ркп. № 251 подъ 1400 годомъ говорится только о возмущеніи народа противъ властелей Сплѣта и о помощи, предложенной дубровничанами сплѣтскимъ властелямъ: «Essendo stata seditione a Spalatro tra i nobili e popolani, che molti gentilhuomini restarono trucidati, li Ragusei armarono una galera et una fusta, e mandarono in Dalmatia a Zara, aciò dassero in compagnia ajuto ai Nobili di Spalatro; ma essi ricusarono questo ajuto e ritornarono a Ragusa senza alcun effetto (p. 97)». Но подъ слѣдующимъ 1401 годомъ упоминается о заговорѣ въ Дубровникѣ въ слѣд. выраженіяхъ: «Fù scoperto un tradimento il giorno di 50 martiri, e fù tagliata la testa a molti cittadini, e furono uccisi 4 gentilhuomini Karvetichi Niccolò, Lavrizza, Simone e Mihoc». (ib). Итакъ *ркп. № 251 не имѣетъ ничего общаго съ хроникою Гундулича;* а слѣд. заключающіяся въ ней лѣтописи приписаны ему неосновательно. По вышеприведенному отрывку изъ хроники Гудулича можно судить о степени ея *важности* для исторіи Дубровника; къ сожалѣнію, намъ извѣстенъ только этотъ отрывокъ: спискомъ, имѣющимся у Кукулевича, мы не могли воспользоваться.

14. Вскорѣ послѣ великаго землетрясенія, именно въ 1671 году, родился Юній Растичь (Giugno Resti), лучшій историкъ

Дубровника, послѣдній и знаменитѣйшій представитель славнаго рода Растичей [1]). Умеръ 6 сентября 1735 года [2]) Черва такъ отзывается о немъ: «Senator gravissimus, rerum antiquarum quam studiosus ... praecipuis in Republica Magistratibus functus». Другъ Растича, Матвѣй Соркочевичь (Sorgo), въ стихотвореніи на его кончину, говоритъ:

Resti! tu Latia Atticaque lingua
Quavis clarus et eruditione
Cultuque eloquii elegantioris.
Hercle! Patricium parem nec unquam
Doctrina ingenio feret Rhacusa
. . . .
Quisquis nunc animo novum inchoare,
Surgentis patriae cupit decorem,
Virtutem dolet aureosque mores,
Acre consilium in negociisque,
Et quem praesidium subinde firmum
Sperabant patriae futurum [3]).

Другой современникъ Растича, извѣстный поэтъ Бернардъ Заманья восклицаетъ:

Occidis, o Resti! Sophiae thesaurus et omnis
Doctrinae, os vere sacrum Heliconiadum.
Occidis in medio cursu, cum promere nondum
Foetus quisti, omnes divitis ingenii:
Sed quantum hic nobis raptum est, tantum nova crevit
Nunc tua sidereis redita vita choris [4]).

---

[1]) Michaelis Gùrgurević De morte Junii Resti Antonii filii Epigramma, ркп. фран. библ. № 855:

Hic tumulus cineres tegit immortalis Iuni,
Inclita cum quo omnis Rastica gens periit.
Non genus extinctum luget Ragusa, sed illum.
Illi par etenim nascier haud poterat.

[2]) Cerva, Viri illustres 1473. Къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться сочиненіями: Аппендини, De vita et scriptis Iunii Ant. Com. de Restis при Iunii Ant de Restis carmina (Patavii 1816) и Nic. Tomaseo Elogio di G. Resti въ его Studii critici (Venezia 1843). P. II, 220—223.

[3]) *In funere amici* ркп. № 855.

[4]) Bern. Zamagnae De morte immatura Clarissimi viri Patricii Rachusini Junii Restii Antonii filii Epigrama—ibid.

Другой не менѣе извѣстный поэтъ и ученый, Юрій Хиджа, такъ отзывается о Растичѣ:

On zamjerne sviesti biše,
Hitra uma, mnoga znanja,
Muse i njega cić pjevanja
Latinskoga vîk ljubiše;
S'toga mene radost minù,
A Latinske pjesni dika,
I u njemu Dubrovnika
Poglavni ures znanja izginu [1]).

Каноникъ Юрій Ферричь, одинъ изъ лучшихъ поэтовъ эпохи паденія дубровницкой республики, говоритъ, что Юній Растичь писалъ «egregia, aureoque digna saeclo carmina [2]).

Флорій Тврдиша называетъ Юнія Растича:

. . . fra noi Poeta più saggio
Latino, Italo e Slavo.

А Терпсихора устами его говоритъ:

Morì, mi dice, e si abbandona al pianto,
La gloria vostra e d'Elicone, Resti;
Ma ad Omero, e Mantovan or sta accanto [3]).

Краснорѣчивѣе же и короче всѣхъ современниковъ говоритъ Николай Луціанъ Пуцичь (Pozza) въ своей эпитафіи:

Restius hic jacet: immatura morte peremptum
Flevere unanimes Musa, Themis, Sophia [4]).

Изъ этихъ отрывочныхъ отзывовъ современниковъ видно, что Растичь не мало содѣйствовалъ возрожденію Дубровника, занимая въ немъ по своему происхожденію, уму и образованію одно изъ первыхъ мѣстъ; его безукоризненная жизнь заслужила ему любовь и единодушныя похвалы соотечественниковъ; историчес-

[1]) *Gosp. Gjonu Rastiću Nadgrobnica*, ibid.
[2]) *In funere Junii Resti ibid.* См. о немъ Appendini II, 181.
[3]) *Per la morte del Signor Giugno Resti Sonetto.* ibid.
[4]) *Junii Resti Epitaphium* ibid.

кими изысканіями и знаніемъ классическихъ языковъ, изъ коихъ на латинскомъ онъ писалъ, по выраженію одного современника, «пѣсни достойныя золотаго вѣка» [1]), Растичь пріобрѣлъ громкую извѣстность; съ неменьшимъ успѣхомъ онъ писалъ стихотворенія по итальянски и сербски [2]).

Chroniche di Ragusa—такъ назвалъ Растичь свою исторію Дубровника 550—1451 г.—раздѣлены на 13 книгъ: I-я начинается переселеніемъ римскихъ колонистовъ изъ Епидавра въ Спилань и Градацъ въ нынѣшней Жупѣ (Breno) ок. 550 г. и основаніемъ Дубровника въ 568 году; затѣмъ описывается постоянное разширеніе области Дубровника, первыя его войны и первые торговые трактаты (831, 980 г.); оканчивается разрывомъ съ Венеціею (997 г.); II-я книга съ примиренія съ Венеціею до вступленія Дубровника подъ покровительство сицилійскихъ королей, 1000—1172 г.; III-я книга со времени войнъ съ великимъ жупаномъ Рассіи Неманею до изгнанія Дандолы изъ Дубровника, 1177—1230; IV-я книга начинаетса графствомъ Андрея Доброны и оканчивается войнами съ генуэзцами и которянами, 1231—1301 г; V-ая книга съ разрыва съ Урошемъ до отказа Венеціи измѣнить законы Республики, 1309 — 1340 г.; VI-я книга съ войны съ Задромъ до разрыва съ Венеціею, 1346—1371; VII-я книга отъ вступленія Дубровника подъ покровительство венгерскихъ королей до пріобрѣтенія Приморья и Конавле, 1374—1400; VIII-ая книга—посѣщеніе Дубровника императоромъ Эммануиломъ, возмущеніе Млѣта, войны съ королемъ боснійскимъ Остоемъ и съ Которомъ, (1401—1407 г.); IX-ая книга — пріобрѣтеніе Корчулы, Хвара и Брача, возобновленіе торговыхъ договоровъ съ Италіею и войны съ Радославомъ

---

[1]) Стихотворенія Растича изданы въ Падуѣ въ 1816 году. *Junii Antonii de Restis carmina.* Въ ркп. № 273 я нашелъ неизданное его стихотвореніе: *Junii Resti Epigrama.*

Infelix Maevi, Musâ quid pergis ineptâ
    Auribus immeriti Caesaris obrepere,
Grandiaque in duros compingere nomina versus?
    Istrum, Hebrum, Euxinum, Caspium et Oceanum?
Haec sunt magna satis: melius te parva tacentem
    Accipiet patrio, si sapis, Umbla sinu.

[2]) Appendini II, 239.

Павловичемъ и Сандаломъ Граничемъ изъ-за Конавля, 1410—1429 г.; Х-ая книга — переговоры съ Венгріею и Турціею объ увеличеніи территоріи Республики насчетъ Радослава Павловича, 1430—1431 г.; XI-я книга — примиреніе съ Радославомъ Павловичемъ и Стефаномъ Козачею, при посредствѣ Венгріи; столкновеніе съ Турками, 1432—1440 г.; XII-ая — возвращеніе Георгія Деспота въ Сербію; договоры съ Амуратомъ, Италіею и Византіею; война съ Козачею; 1440—1451 г.; и XIII-ая книга—осада Дубровника Козачею,—награда, предложенная Сенатомъ убійцѣ Козачи. На этомъ оканчивается ркп. № 243 (всего 401 стр.); но въ ркп. № 268 (стр. 543—603) есть еще продолженіе войнъ съ Козачею и неуспѣхъ переговоровъ съ нимъ, при посредничествѣ Сербіи, Босніи, Рима и Порты; оканчивается же эта ркп. требованіемъ Козачею возвращенія Конавля и 12.000 перперовъ, положенныхъ Сандаломъ Граничемъ въ дубровницкій банкъ по 5% на вѣчныя времена. Кромѣ этого конца, обѣ рукописи во всемъ сходны, но № 243 тщательнѣе № 268.

Достойно сожалѣнія, что Растичь не успѣлъ окончить своей исторіи и дать ей послѣднюю отдѣлку: отчего мы лишены съ одной стороны обстоятельныхъ извѣстій о золотомъ вѣкѣ Дубровника, а съ другой и сама Исторія Растича далеко не достигаетъ того совершенства, той законченности, какія были бы желательны. Слогъ ея тяжелъ и растянутъ, есть лишнія подробности, замѣчаются неровности въ изложеніи и отсутствіе строгой системы,—недостатки, которые исчезли бы при окончательной отдѣлкѣ. Несмотря на эти недостатки, сочиненіе Растича есть лучшій памятникъ исторической литературы дубровничанъ: содержаніе ея богато драгоцѣнными подробностями по исторіи не только Дубровника, но и другихъ государствъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ; о церковной исторіи Растичь говоритъ мало, только о самыхъ крупныхъ явленіяхъ, но за то политическая исторія изложена подробно: внутренніе перевороты, законодательство, дружественныя и непріязненныя сношенія съ другими народами—вотъ предметъ его Исторіи; при описаніи посольствъ онъ подробно сообщаетъ весь ходъ переговоровъ и условія заключённыхъ дубровницкими послами договоровъ, на *основаніи подлинныхъ актовъ Архива* и

документовъ монастырей Кромы, Св. Якова, доминиканскаго и другихъ, изъ которыхъ многіе погибли во время французскаго занятія, а другіе не доступны для изслѣдователей: «tutte le cognizioni», сказано въ предисловіи, «sono cavate d'autentici documenti conservati nell'archivii di questa Repubblica»; только для древнѣйшаго періода авторъ пользовался *сказаніями иностранцевъ* (Константина Порфирогоннета, Зонары, Кедрина и друг.) и мѣстными лѣтописями, впрочемъ не безъ разбора, а подвергая ихъ строгой критикѣ. Говоря объ основаніи Дубровника въ 568 г., (стр. 4—6) Растичь придерживается сказанія Константина Порфир., не упуская впрочемъ изъ виду и народнаго преданія, внесеннаго въ *лѣтопись*, о первоначальномъ поселеніи эпидавританскихъ колонистовъ въ Спиланѣ и Градцѣ (въ Жупѣ, стр. 4). Объ осадѣ Дубровника *карѳагенскими сарацинами* въ 866 г., о посольствѣ дубровничанъ въ Византію и о походѣ въ Италію Растичь говоритъ на основаніи Зонары и Кедрина (стр. 13—16). Свѣдѣнія о всѣхъ другихъ событіяхъ до начала XII вѣка заимствованы почти исключительно изъ *лѣтописей*: такъ лѣтопись, находящаяся въ ркп. № 266, весьма подробно говоритъ объ учрежденіи въ Дубровникѣ аристократическаго правленія въ 744 г. (по Растичу въ 743, стр. 9—10); о построеніи стѣны со стороны моря въ 781 г. и сооруженіи первой галеры для защиты отъ корсаровъ въ 782 г. разсказъ Растича (стр. 11—12) совершенно сходенъ съ лѣтописнымъ; условія перваго договора съ Босніею 831 г. (стр. 12), спасеніе Дубровника отъ козней венеціанцевъ Св. Власіемъ въ 971 г. (стр. 23—24), посольство византійскихъ императоровъ Василія и Константина въ Дубровникъ въ 980 г. и ихъ посредничество къ примиренію дубровничанъ съ венеціанцами въ 982 г. (стр. 27—34), посольство Луккарича и Рыбицы въ Венецію въ 997 г. (стр. 34—35) и заключеніе съ нею договора въ 1000 г. (стр. 39), сооруженіе форта Св. Лаврентія въ 1038 г. (стр. 43—44) и наконецъ семилѣтняя война съ Бодиномъ, окончившаяся разрушеніемъ въ 1100 г. построеннаго имъ укрѣпленія (стр. 47—54), разсказаны совершенно сходно Растичемъ и лѣтописью, списанною д-ромъ Стулличемъ въ Архивѣ Республики и принадлежащею нынѣ книгопродавцу Мартеккини. Лѣтописями Растичь пользуется

съ большою осторожностью: разсказамъ баснословнымъ (каковы: о Роландѣ, о Св. Иларіонѣ и нѣк. др.) онъ не вѣритъ; при разногласіи лѣтописей, онъ ихъ сравниваетъ и избираетъ показаніе болѣе достойное вѣроятія. Кромѣ лѣтописей и византійцевъ, Растичь пользовался для описанія древнѣйшей эпохи Дубровника и *другими источниками*: такъ объ учрежденіи архіепископской каѳедры въ 754 г. онъ говоритъ на основаніи извѣстной буллы Папы Захарія (стр. 11); но, откуда онъ почерпнулъ свѣдѣнія о перенесеніи епископской каѳедры изъ Епидавра въ Дубровникъ въ 592 году (стр. 7), о подчиненіи дубровницкой церкви салонитанской метрополіи въ 875 г. (стр. 17—18) и о возвращеніи Дубровнику прежнихъ его церковныхъ правъ и привилегій въ 980 году (стр. 26), не знаю. Начиная съ XII вѣка, Растичь пользуется *актами архива*, и разсказъ его становится обстоятельнѣе. Чтобы показать, какъ *добросовѣстно* Растичь пользовался актами дубровницкаго архива, сравнимъ разсказъ его съ подлинниками, уже изданными.

Въ 1232 году дубровничане, по случаю раздоровъ властелей, отправили въ Венецію пословъ Binciola di Bodazza и Gervasio Naimerii просить дожа, чтобы онъ снова отправилъ къ нимъ своего графа, но не иначе, какъ срокомъ на три года. Дожъ Яковъ Теполо назначилъ въ Дубровникъ прежняго графа Ивана Дандоло, обязавъ дубровничанъ подписать предварительно слѣд. условія:

(Resti pp. 100—101.)	(Pactum Ragusii A. D. 1232 mense Majo: Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig von Tafel und Thomas. Wien 1856. II Theil. CCLXXXII p. 308).
. . . . li patti, li quali confirmati dal Doge Tiepolo e dall'Ambasciatori di Ragusa nel mese di Maggio, furono, che li cannonici di Ragusa fossero tenuti elleger per Arcivescovo uno delli sudditi di Venezia,—che il Doge potesse ottener dal Pontefice che l'Arcivescovo di Ragusa sia sottoposto al Patriarca di Grado, che l'ellezion di lui	(. . . . .) Ragusini semper Archiepiscopum eligent de Venetia et habebunt, videlicet a Gradu usque Caput Aggeris. Et si dominus Dux a domino Papa poterit obtinere, quod Archiepiscopatus Ragusii Gradensi ecclesie subponatur, ejus electionem presentabunt domino Patriarche Gradensi, confirmationem electionis postulantes;

presentar si debba al Patriarca, dal quale riceva la benedizione e confermazione, il quale Arcivescovo cosi confermato debba giurar fedeltà al Patriarca, come è consueto,—che il clero tre volte all'anno debba cantar le lodi del Doge e del Patriarca nel pergòlo della Chiesa Cattedrale,—che la Republica di Ragusa debba ricever per Conte suo quel Nobil Veneto, che sarà mandato dal Doge e dalla magior parte del suo Consiglio,—che tutti li Ragusei eccedenti 13 anni debbano giurar in mano del Conte di non far alcun attentato contro l'amicizia, ne procurar mai disunione d'interessi delle due Republiche di Venezia e di Ragusa—che s'occoresse al Doge venir a Ragusa siano tenuti li Ragusei riceverlo con decente honore e per stanza darli il Palazzo Arcivescovile, et alli suoi una conveniente casa,—in evento, che li Veneziani armasero fin'a Durazzo o Brindisi li Ragusei siano obligati ajutarli come sarà necessario; ma se l'armata Veneziana dovrà passar oltre, li Ragusei debban conporre la trigesima parte della lor armata. A legni forastieri, che con merci vengono nel porto di Ragusa, si debba prender quel dazio, che a Venezia si prende alli forastieri, e sia diviso in tre parti, tra l'Arcivescovo, il Conte e la Republica di Ragusa. L'amici de' Veneziani siano riputati amici de Ragusa, e li nemici de' Veneziani nemici de' Ragusei. Che a Ragusa e nel suo stato non siano ricettati ne Cacichi, ne Almisani corsali, e se li Veneziani mandassero contro d'essi, che li Ragusei debbano mandar un legno con cinquanta uomini ben armati per offenderli. Che la Republica di Ragusa da se stessa farà guerra a tutti li predatori e corsali nel mar Adriatico da Durazzo sin'à Venezia. Paghino al Conte li Ragusei ogni anno dall'erario alla festa di tutti li santi Ipperperi quatrocento d'oro per suo salario,

et confirmatione facta veniet electus ad sedem Patriarchalem, et consecrationem de manu sua accipiet, facietque ei fidelitatem, reverentiam debitam ei exhibere promittens. — Preter ea statuimus, quod idem Archiepiscopus jurabit fidelitatem domino Duci et successoribus suis, nisi pro eis remanserit; et sic facient omnes Archiepiscopi, qui in perpetuum erunt in Ragusina sede, Ducibus, qui per tempora erunt.—Clerus autem in anno ter, scilicet in nativitate Domini, in Pascha resurrectionis et in festo sancti Blasii, laudes cantabunt in majori Ecclesia solempniter domino Duci, domino Patriarche, Archiepiscopo suo et Comiti omni anno; *propter quod benedictionem recipient yperperos tres, unum a nobis Duce, alterum ab Archiepiscopo et tertium a Comite.* — Habebunt quoque Ragusini semper Comites de Venetia, quem vel quales dominus Dux cum majori parte sui Consilii eis dare voluerit, qui jurabunt fidelitatem domino Duci et successoribus suis, et sic facient omnes Comites, qui erunt per tempora, in perpetuum.—Jurabunt autem et omnes homines comitatus a tresdecim annis et supra fidelitatem domino Duci et successoribus suis; et ipsa fidelitatis sacramenta renovabunt singulis annis decem.—Jurabunt quoque fidelitatem Comiti omnes et Comitibus omnibus futuris in perpetuum, salva fidelitate domini Ducis, ad honorem Venetie et salutem Ragusii cum bono et honore ac salvatione Venetie. Et si forte contigerit dominum Ducem et successores suos Ragusium applicare, recipient eum honorifice, ac illum procurabunt, et nuntios suos similiter. Et si dominus Dux voluerit hospitari in domo Archiepiscopali, habebit eam ad suam honorificentiam et voluntatem; *sin autem, dabitur ei domus honorabilis,* usque dum steterit ibi, et nuntiis suis decentem domum pro hospitio assigna-

e tutte le altre convenienze, et onorevolezze solite del condato, eccetto dell'entrate del sale. Debba dare la Republica di Ragusa dodici ostaggi di diverse cassate de Nobili per stanziar a Venezia sei per volta scambiandosi successivamente ogni sei mesi. Debba il conte di Ragusa giurar nella assunzione al governo fedeltà al Doge di Venezia et alla Republica di Ragusa. Nel medesimo trattato furono conclusi altri patti circa il commercio: che li Ragusei debbano pagare cinque p. $^0/_0$ delle robbe, che portassero dalle parti di Romania a Venezia, delle robbe oltremarine d'Egitto, Tunisi e Barbaria venti p. $^0/_0$, delle merci della Sicilia due e mezzo p. $^0/_0$, ma le merci di Slavonia fossero franche d'ogni dazio in Venezia e pagamento e che solamente potessero venir con quatro vascelli da settanta carra ingiù ogni anno in Venezia, e non più, e se passassero il numero di quatro debbano pagare per il soprapiù venti per $^0/_0$, — che tanto in tempo di guerra, quanto di pace siano liberi li Ragusei negoziare dal golfo di Corinto verso Ponente, ma nell'altre parti quando e dove vien proibito alli Veneziani il negoziare, non possino far mercanzie con forastieri, ma con suditi di Venezia, e finalmente questi patti debbano durare anni tre, e tanto più, quanto parerà al Doge di Venezia.

bunt.—Et quotiens fecerit Venetia exercitum usque Dyrachium, et a Dyrachio et infra usque Brundusium, et a Brundusio et infra, sicut Venetia faciet, similiter facient Ragusini secundum numerum virorum suorum. Si vero exercitum fecerit a *triginta lignis armatis et supra*, que debeant transire Dyrachium et Brundusium, facient inde Ragusini tricesimam partem et stabunt in servitio Venetie, usque dum steterit exercitus Venetie. — Tollent namque Ragusini de omnibus navibus extraneorum, que illuc applicuerint ad portum faciendum, illam rationem, quam Venetia tollit [de] extraneorum navibus. Divident illam in tres partes: de quibus unam dabunt Archiepiscopo, aliam Comiti, et tertia sit communis Ragusii. Omnes qui erunt amici Venetie, Ragusini illos pro amicis habebunt; et omnes, qui erunt inimici Venetie, Ragusini illos pro inimicis habebunt, et non recipient Cacichios neque Dalmesanos, vel alios crosarios et predatores sive raubatores in civitate Ragusii vel ejus districtu, neque eis dabunt aliqua victualia. Et si Venetie miserint contra Cacichios et Dalmesanos galeas ad offendendum eos, Ragusini similiter tunc mittent ad offendendum eos lignum quinquaginta hominum, decenter armatum; et omnibus aliis grossariis et predatoribus sive raubatoribus facient guerram et eos offendent, bona fide, sine fraude, a Dyrachio et infra usque Venetiam.— *Dabunt quoque Ragusini omni anno in festo omnium Sanctorum domino Duci pro regalia yperperos duodecim, et communi Venetie in Venetiis yperperos auri veteres recti ponderis centum*, et comiti suo in eodem termino yperperos CCCC de suo communi; et omnes alios introitus et honorificentias comitatus consuetas, excepto introitu salis. — Obsides autem dabunt Ragusini duodecim de duodecim parentatibus nobiliorum illius terre, moraturos semper sex obsides in Venetia ad

expendium Ragusinorum in medio anno, et alios semper in medio anno in concambio; *et si aliquis eorum moreretur vel fugerit, dabunt alium in ejus locum*. Jurabunt autem Comes Ragusii et antepositi in aliquo officio civitatis et unusquisque insuper pro suo capite, se sic omnia servaturos, nisi remanserit per dominum Ducem et majorem partem sui consilii; et *fideles erunt domino Marino Mauroceno, inclito Venetie Duci, usque dum viverit in Ducatu*[1]. *Et hec sacramenta renovabunt Ragusini quisque pro suo capite in omnibus suprascriptis singulis annis decem.*—Praeterea Ragusini de mercibus Romanie, quas Venetiam apportaverint, dabunt in Venetia communi Venetie quinque pro centenario; et de mercibus ultramarinis et terre Aegypti, Tunixii et Barbarie solvent quintum; et de mercibus regni Sicilie et Apulie solvent quadragesimum communi Venetie, *salvo, quod homines Ragusii non debeant ire in regnum Sicilie et Apulie, si prohibitum fuerit hominibus Venetie, ne vadant in dictum regnum Sicilie et Apulie: et quod homines Ragusii de mercibus, quas detulerint Venetiam de regno Sicilie et Apulie, illud datium communi Venetie dare et solvere debeant et teneantur, quod constitutum est, vel de cetero fuerit constitutum per dominum Ducem et commune Venetie solvendi ab hominibus Venetie in Venetia communi Venetie pro datio dictorum, quas Veneti Venetiam apportarent de regno Sicilie et Apulie. Et hoc sane intelligatur, si datium constitutum plus fuerit, quam quadragesimum, quam superius continetur, quod homines Ragusii de mercibus regni Sicilie et Apulie debeant solvere quadragesimum communi Venetie*. De mercibus vero Sclavonie in Venetia nihil solvere debeant. Et tantummodo cum quatuor

---

[1]) Переговоры начаты при Яковѣ Теполо, договоръ подписанъ при Маринѣ Маурочено.

navigiolis a LXX milliariis et infra debeant Ragusini Venetiam venire per annum. Et si aliter Ragusini Venetiam venerint, solvent quintum de omnibus mercibus Romanie, quas Venetiam apportabunt.—Et tam per guerram, quam per pacem licitum est Ragusinis ire ad mercandum a culfo Coranti infra. In aliis vero partibus vetitis per dominum Ducem Venetie ire non debeant Ragusini, nisi secundum quod fecerint Veneti. *Item ab Ancona istac per totam riveriam ipsi Ragusini non facient portum, nisi occasione accipiendi victualia causa ducendi Venetiam.* In Venetiis vero non debeant facere Ragusini mercatum cum foristeriis.—Et hec concordia et pactum amodo usque ad tres annos completos firmatum est, et ab utraque parte debet firmiter observari, et tantum plus, quantum placuerit domino Duci Venetie.

Изъ сравненія текста договора 1232 г. съ пересказомъ Растича мы видимъ, что у этого послѣдняго не достаетъ условій, напечатанныхъ у насъ курсивомъ; но эти условія или не представляютъ никакой важности, или же сами собою подразумѣваются, а потому могли быть опущены безъ всякаго ущерба для исторіи.

Въ 1451 году Дубровникъ заключилъ торговые договоры съ послѣднимъ византійскимъ императоромъ Константиномъ XI Палеологомъ и съ его братьями, Ѳомою, деспотомъ ахайскимъ, и Дмитріемъ (а не Ѳеодоромъ, какъ у Растича), деспотомъ пелопонизскимъ: всѣ три договора изданы Тафелемъ и Томасомъ въ «Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenchaften. Philosophisch-historische Classe VI. Bd. 1851. Mai-Heft». стр. 507 слѣд. Такъ какъ всѣ вышепомянутые договоры предоставляютъ дубровричанамъ однѣ и тѣже привилегіи, то достаточно будетъ сравнить разсказъ Растича съ договоромъ, заключеннымъ съ императоромъ Константиномъ XI.

(Resti p. 388.)

«Constantino Imperator di Constantinopoli, Toma e Teodoro, despoti di Morea, suoi fratelli, mandarono il Duca Lethi a Ragusa invitando la Republica far con essi loro un trattato di commercio, al chè il Senato condiscese e mandò a Constantinopoli con plenipotenze sufficienti Volzo Bobali. Questo convenne con li sud-ti Principi, che li mercanti Ragusei potessero trafficare nell'Imperio con pagār 2%, estraer senza pagamento alcuno le robbe non vendute, potessero li Ragusei creare consoli in tutti li lochi, e non potessero esser tirati ad altri giudicati, che appreso tali consoli, che un mercanto per altro non possa patir danni, ne ricever rapresaglie, et *occorrendo doversi far nuovità dall'Impli, si dovesse intimare sei mesi prima*».

(Sitzungsberichte etc. № 4.)

«Ἐπεὶ τὸ εὐγενὲς καὶ περιφανὲς κομούνιον τοῦ Ῥαγουσίου ἐπεδείξατο εὔνοιαν καὶ φιλίαν εἰς τοὺς ἡμετέρους ἄρχοντας καὶ ἀνθρώπους κατὰ τοὺς παρελθόντας καιρούς, τοὺς ἀπὸ τῶν μερῶν αὐτοῦ διερχομένους, δεχόμενον αὐτοὺς μετὰ ἀγάπης καὶ τιμῆς καὶ διαθέσεως καλῆς, καὶ διὰ ταῦτα κινηθεῖσα καὶ ἡ βασιλεία μου ὥρισεν, ἵνα, ἐὰν ἔλθωσι καὶ ἐνταῦθα εἰς τὴν ἡμετέραν πόλιν ἐπὶ τῷ χρῆσθαι τὰς πραγματείας αὐτῶν, εὐεργετήσωμεν τινὰ εὐεργεσίαν εἰς τὰ κομμέρκια αὐτῶν, καὶ τοῦτο ἀκουσθὲν εἰς αὐτό, ἀπέστειλεν ἀποκρισιάριον τὸν εὐγενῆ ἄνδρα κῦρ Βόλτζιον ντε Μπαλπάλιω (въ договорѣ № 6 съ Димитріемъ Палеологомъ: Παλπάλιον), καὶ ἐλθὼν ἐζήτησεν, ἵνα δώσωμεν αὐτῷ τόπον ἐπὶ τῷ ἀνοικοδομῆσαι λόντζαν (loggia. Somavera), καὶ ἔχωσι καὶ κόνσουλον ἐν αὐτ῀, ἔτι δὲ καὶ ἐκκλησίαν, ἐὰν θέλωσι, καὶ ἐμμένωσι καὶ ἐξ αὐτῶν ἐνταῦθα, ὅσοι βούλονται, καὶ ἔχωσιν ἀφ' ἡμῶν περίθαλψιν καὶ θεραπείαν καὶ συγκατάβασιν (condescenza, concessio) εἰς τὰ κομμέρκια αὐτῶν· ἡ βασιλεία μου, καὶ δὶ ἣν πρότερον εἶχεν ἀγάπην εἰς τὸ εὐγενὲς καὶ περιφανὲς κομούνιον, καὶ διὰ τὴν ζήτησιν καὶ ἀξίωσιν τὴν μετὰ τοῦ ἀποκρισιαρίου αὐτοῦ, τὸν παρόντα χρυσόβουλλον λόγον ἐπιχορηγεῖ καὶ ἐπιβραβεύει αὐτῷ· δὶ οὗ εὐδοκεῖ, προστάσσει, θεσπίζει καὶ διορίζεται, ὅτι εἰς τὸν τόπον, ὅντινα μέλλομεν δοῦναι αὐτῷ, ἀνοικοδομήσῃ λόντζαν, ἐν ᾗ κόνσουλον ἴδιον ἕξει ἐν αὐτῇ, ὃν ἂν ἐκλέγηται, ὥστε κρίνειν τοὺς ἑαυτοῦ πάντας πρὸς ἀλλήλους. Καὶ ἐὰν ἐγκλητεύσῃ (accusare) Ῥωμαῖος Ῥαγουζαίῳ χρεωστοῦντι (dovere, essere indebitato) ὀφείλει ἀπέρχεσθαι εἰς τὸν φόρον

(forum juridicum) τοῦ ἐγκλητευομένου Ῥαγουζαίου, δηλονότι εἰς τὸν κόνσουλον αὐτοῦ· ὁμοίως καὶ τὸ ἀνάπαλιν ὁ Ῥαγουζαῖος ὀφείλει ἐνάγων τῷ χρεωστοῦντι Ῥωμαίῳ ἀπιέναι εἰς τὸν φόρον τοῦ Ῥωμαίου. Ἔτι δὲ ἀνοικοδομήσῃ καὶ ἐκκλησίαν, ἐὰν θέλῃ. Καὶ διδῶσι καὶ πάντες οἱ πραγματευταὶ αὐτοῦ ὑπὲρ τῶν ἰδίων κομμερκίων δύο εἰς τὰ ἑκατόν, ἐμβάλλοντες καὶ ἐκβάλλοντες πάντες οἱ Ῥαγουζαῖοι πάντα τὰ ἑαυτῶν ἐλευθέρως, ἄνευ τινὸς ἐμποδισμοῦ, καταβάλλοντες μόνον περὶ τῶν εἰσερχομένων αὐτῶν πραγματειῶν, ὅταν ἔρχωνται, δύο εἰς τὰ ἑκατόν· καὶ ταῦτα ἐννοῶνται εἰς ἐμβολὴν καὶ ἐκβολήν, καὶ πλέον μὴ ἀπαιτεῖσθαι περὶ ὧν καταβέβληται οὕτω, ὡς ἔφημεν. Ὀφείλοντες καὶ οἱ κατὰ καιροὺς ἡμέτεροι κομμερκιάριοι λαμβάνειν τὰ δύο εἰς τὰ ἑκατόν, εἴτε ἐπ' ἀγορᾷ ἔχωσι τὴν τοιαύτην δουλείαν τοῦ κομμερκίου, εἴτε ἐπὶ τῷ πιστῷ, ὁπόταν ἔρχονται μετὰ τῶν ἰδίων πραγματειῶν. Καὶ κατοικοῦσι καὶ ἐνταῦθα, ὅσοι ἐξ αὐτῶν βούλονται. Ἂν δέ γε συμβῇ Ῥαγουζαῖον τινὰ χρεωστήσαντα τοῖς Ῥωμαίοις τῆς πόλεως ἐξιέναι μήπω τὰ κεχρεωστημένα καταβαλόντα, ἄλλος δὴ διὰ τοῦτο Ῥαγουζαῖος ἀντ' αὐτοῦ μὴ ἐνεχέσθω, μήτ' ἐνοχλείσθω, σωζομένου δηλαδὴ τούτου, ὡς, ἐὰν ἀπέλθῃ ὁ χρεωστήσας εἰς τὸ Ῥαγούζιον ἢ εἰς τοὺς τόπους αὐτοῦ, ἵνα ἐκεῖσε ἀναγκάζηται ὑπὸ τῆς αὐθεντίας αὐτοῦ ἱκανῶσαι τῷ χρεωστουμένῳ Ῥωμαίῳ, ἡνίκα μηνυθῇ τὸ περὶ τούτου πρὸς αὐτὸ διὰ γραφῆς τῶν ἡμετέρων ἀρχόντων, πρὸς οὓς ἂν τὰ τοιαῦτα συμβαῖεν ἀνήκειν. ἢ μὴ ἱκανῶσαι (ἱκανώσας), ἐμβάλληται εἰς φυλακήν, ἕως οὗ ἀποτίσῃ τὸ οἰκεῖον χρέος. καὶ τοῦτο ἐνέχηται τὸ κομούνιον ποιεῖν, φανερούσης (καθαιρεῖν: indicare, deferre) τῆς τοιαύτης γραφῆς τῶν ἡμετέρων ἀρχόντων καὶ καθαιρούσης τὸ χρέος ἀληθῶς, ἢ καὶ διὰ προσώ-

	που ἐνάγοντες περὶ τούτου εἰς τὸ δικαστήριον αὐτῶν τῶν Ῥαγουζαίων. (за тѣмъ слѣдуютъ заключеніе, обозначеніе времени и подпись).

У Растича. какъ видитъ читатель, переданы вкратцѣ всѣ условія договора съ Византіею, исключая одного—о дозволеніи имѣтъ при консульствѣ церковь; но это условіе казалось дубровницкому историку не важнымъ, ибо дубровничане имѣли обыкновенно при своихъ факторіяхъ церкви, а потому онъ и опустилъ его. Съ другой стороны въ хрисовулѣ Константина XI мы не находимъ сообщаемаго Растичемъ условія: «occorrendo doversi far nuovità dall'Impli, si dovesse intimare sei mesi prima».

Въ 1252 году сербскій краль, Стефанъ Урошъ, изъ-за пограничныхъ ссоръ и столкновеній, сталъ притѣснять дубровницкихъ купцовъ и возбранилъ Республикѣ увеличить городскія стѣны и соединить старый городъ съ предмѣстьемъ Горище или, какъ тогда называли, Borgo di S. Biagio. Дубровничане обратились къ Венеціи съ просьбою о посредничествѣ къ примиренію съ Урошемъ; ихъ просьба была принята венеціанскимъ правительствомъ холодно, а потому они рѣшились заключить въ 1253 году союзъ съ болгарскимъ царемъ, Михаиломъ Асѣнемъ. Договоръ съ нимъ дубровничанъ былъ изданъ сначала Карано-Твртковичемъ, потомъ Шафарикомъ, и наконецъ Миклошичемъ (Monumenta serbica № XLI). Предлагаемъ сравненіе разсказа Растича съ текстомъ договора по послѣднему изданію.

(Resti 115—116.)	(Monumenta Serbica 35—40.)
«Perciochè non potendo la Republica più soportare tanti incommodi di guerra, nè star in continuo all'armi, procurò con Michele Imperatore de Bulgari stabilir quell'amicizia, che era stata tra essa e Giovanni suo Padre, et unirsi in confederazione contro Stefano Orossio e li suoi aderenti: pertanto fù conclusa una lega offensiva e diffensiva l'istesso anno (1253) contro	. . . . . сего бѡ ради да бꙋдетъ чистое приѣтельство и сьвршеиие чистою любьве, еже било нсь прьва междꙋ свѣто и прѣславьнога царьства вьсе земле бльгарьске и грьчьке Іѡваномь Ѡсѣномь и междꙋ ѡнькииомь славьнога града нашега Дюбровьника.... азь Марьсили Георьги, повеленьемь славьнога дꙋжа бенетьчога кнезь града Дюбровьника,

d'esso e Vladislavo suo fratello. Contenevano li patti: che li nemici d'uno di questi Principi contraenti siano nemici communi, che il Rè Orossio non si possa ricever a Ragusa, nè con lui si possi concluder pace o tregua senza consenso et inclusione dell'Imperatore e della Republica di Ragusa, ma esser nemici con lui e con li suoi successori,—che li Ragusei siano tenuti dar ajuto all'Imperatore e per mare, e per terra, et occupandosi la Rassia, se li Ragusei si fossero impadroniti d'alcuna città o Castello, sian in obligo consegnarli all'Impli senza frode, et in caso che bisognasse andare per mare contro le città marittime debbano esser pronti in termine di due settimane tutti li Ragusei, lasciato però tanto presidio nella città, che fosse bastante guardarla da ogni attentato del Rè Orossio e delli suoi,—che i Bulgari a Ragusa abbiano libertà estraer ogni sorte di merci, eccetto del frumento, e siano essenti di gravezze e dazii tanto per mare quanto per terra; all'incontro li Ragusei non solo per la Bulgaria, ma ancora nel paese del Serenissimo Pietro Sevastocratore, suo gennero, possano mercantare; e che tanto li Bulgari morendo a Ragusa, quanto li Rugusei in Bulgaria e Rassia, siano liberi dispositori de loro beni, li quali si debbano consegnare, non dandosi al fisco parte alcuna; che si facci reciproca giustizia; che occupando l'Imperatore la Servia, debba alli Ragusei mantener l'antiche giurisdizioni, leggi e consuetudini avute in buona pace con li Rè di Rassia, e mantenga il commercio del sale, et il guadagno sia la metà all'Imperatore e l'altra della Republica, secondo l'antica usanza; mantenga pure nel possesso antico la Republica delli confini della città antica d'Epidauro e della chiesa di S. Giorgio in Bielo sin a Orasciaz alla chiesa di S. Tecla; che il commercio del sale non

и вьсе сѹдие и векьници и ωпькина вьса.... кльнемь се, ωбещамо се твомѹ великомѹ свѣтомѹ царьствѹ дрьжа врьхѹ зло творенье невѣрьного крала Ѹроша и врьхѹ братью его и рода его и врьхѹ вьсехь живѹщихь вь земле юговѣ и на техь, кои на ихь земле бихѹ дрьжали некое владанье, ако бѹдѹ невѣрници ни приѣтеле твоемѹ свѣтомѹ царьствѹ, такожде да бѹдѹ невѣрници и враговѣ нашему градѹ Дюбровьникѹ; ако ли кьто ωдь сихь прѣписаниxь или вьси ωбратеть се свѣтомѹ ти царьствѹ, и прѣславьно ти царьство приметь ихь вь приѣтельство, а ми дае имамо за приѣтеле. ако ли Ѹрошь или некто ωдь прѣписаниxь рода его бѹдеть врагь нашемѹ градѹ Дюбровьникѹ, бѹдеть врагь свѣтомѹ ти царьствѹ; ако ли кьто ωдь прѣписанехь бѹдеть приѣтель градѹ дѹбровьчкомѹ, високо твое царьство да га има за приѣтела. и аще богь поможеть свѣтомѹ ти царьствѹ исьпѹдити врага твога и нашега Ѹроша ись срьпьске земле и брата его Владислава и родь ихъ или дрѹзи властеле, и прибѣгьнѹ градѹ Дюбровьникѹ, ми да ихь не примемо ни рѣчи ихь, кьте да имь пакостимо, колико можемо. и свѣто ти царьство да не створить мирь безь нась сь Ѹрошемь и нась сьш-нимь не пѹстити безь мира, и иаче да бѹдемо свѣтимь с твоимь царьствомь врьхѹ Ѹроша врага твога и нашега и врьхѹ вьсега свога рода и врьхѹ ωнога, кои би биль носле на его вь століь, и рать и мирь да имамо сьш-ними на етьно вь животь свѣтого ти царьства и нашь. и свѣтомѹ твомѹ царьствѹдамо помокь проквьмочи нашеи по поморью, по морѹ и по сѹхѹ; и ако богь поможе твоемѹ свѣтомѹ царьствѹ, и примешь рашькѹ землѹ с Ѹсеми пределы, и намь богь да помокь приети вьсе граде или костеле, ере сѹ поморьске, и пристое рашькомѹ

sia aperto in altro luogo della Bojanna o fiume Drino fin'a Narenta, eccetto a Ragusa; se l'Imperatore facesse acquisto delle città marittime di Rassia, che la Chiesa di Ragusa sia metropoli di tutte e tenga gli antichi privilegii sopra di loro, et abbia le sue antiche dignità. Questa confederazione fù conclusa tra l'Imperatore e la Republica concorrendovi tutti gli ordini d'essa, e li giuramenti si fecero con più solenità, che in alcun altro trattato antecedente».

столꙋ, да ихь придамо свѣтомꙋ твомꙋ царьствꙋ добромь веровь, безь пропаства или ѡномꙋ чловѣкꙋ, кои би послань свѣтого ти царьства, проквь мочи нашеи. и кида ми вьвемо, ере твое свѣто царьство вьлезе вь срьпьскꙋ землꙋ, а ми да се вьготовимо наивече за дьвѣ неделе, ѡдь кова ми чꙋемо, с ꙋсомь нашомь силомь и мокью, и да поидемо морꙋ врьхꙋ граде поморьске и земле се ѡнеми лꙋдьи, кои се ѡбрѣтꙋ то време вь градь дюбровьчьки, расьвѣ да ѡставимо толикози лꙋдьи, колико да могꙋ чꙋвати града дюбровьчкога. и ако ꙋрошь или брать его Владиславь или кьто ѡдь рода того или властелинь би хьтель хабити или би исьхабиль намь, а твое свѣто царьство да ни помага проквь свою мокь врьхь ихь, и да имь исьхабишь. людье и кꙋпьци ѡдь свѣтога ти царства и ѡдь зета ти свѣтого царьства Петра севастократора и добитькь имь ако придеть вь нашь градь Дюбровьникь, да бꙋдꙋть спасени и варовани вь Дюбровьникь и вь прѣдель его ѣко и сами дюбровькане, и да стоеть вь Дюбровьникь на свою си волꙋ, и створеть свои трьгь продаваюке и кꙋпꙋюке безь вьсакое даньє и безь вьсакое пакости, и да имь се не везьметь никоре даньє ни на вратехь ни на мосте ни на броде ни на пꙋти, и паче да си кꙋпꙋю вьсаки трьгь, кои имь ѥ на потребꙋ, злато, сребро, свите и златьне поставѣ или ино, що имь ѥ годѣ, расьвѣ пьшенице, кою да не исьносеть исъ града дюбровьчкога безь повеленьѣ кнеза, кои би биль по врѣмене вь кнежьство дюбровьчько; такоде и лꙋдье и кꙋпьци прѣславьнога града Дюбровьника, еже приходеть вь земле светого ти царьства и вь земле зете светого ти царьство Петра севастократора, да си кꙋпꙋють и продають свободьно вь прѣписанехь землехь безь пакости вьсакꙋ кꙋпью на волꙋ ихь,

и да имь се не везьметь кȣмерекь ни никире данье ни вь граде ни на сьборе ни вь селѣхь кȣпцемь ни на мосте ни на рѣкахь ни на пȣтехь, кьте да бȣдȣ своботьни на вьсако место, и стоеть и поидȣть на ихь хьтенье, и да се ѡбрате, и да бȣдȣ спасени и стрежени вь телахь и добитькь ихь. и аще клȣчить сьмрьть некомȣ человѣкȣ или кȣпьцȣ ѡдь твого светого ти царьства или человѣкȣ или кȣпьцȣ Петра високого севастократора вь кнежьство дюбровьчьско или сь езикомь или безь езика, и да бȣдеть безь дрȣжине, да весь добитькь ѡнога мьрьца чинимо написати, и екьда твое свето царьство за ихь пошлеть свое книге, да дамо, а добитькь ѡнога мьрьца ѡдь нась да не погибне нищоре; такожде людемь и кȣпьцемь дюбровьчькимь годить се сьмрьть или сь езикомь или безь езика вь землахь светога ти царьства и вь землахь високого севастократора господина Петра, а дрȣжину си не бихȣ имели, добитке ѡнога мьрьца бȣдȣть спасена, за твое свѣтое царьство да се прѣдаде ѡномȣ, кои за добитькь прѣписань мьрьца сь книгами господина кнеза дюбровьчькога би биль послань. и ако людье светого ти царьства или Петрови високого севастакратора имȣть иськати некою правинȣ врьхь кога годе человѣка кнежьства дȣбровьчького, да ми бȣдемо дрьжани ѡнемь чинити правинȣ безь сȣтьбине и безь даньѣ по законȣ нашемȣ сьврьшенȣ правьдȣ, и таконде правьда да бȣде нашимь людьмь вь землахь светого ти царьства и Петровехь севастократора по ваше свѣто царьство и по високого севасто Петра безь никире данье и безь сȣтьбине. никоре емьство да не медȣ свѣтомȣ царьствȣ и нась, до кьде се не сȣди вь правьдȣ. и ѣко богь поможеть свѣтому ти царьству, и приметь земле срьпьске, да си

имамо ѡньзи стари законь сьшь ними, кои є имель имашь градь Дюбровьникь, и да стоимо с ѹсеми земли и гради срьпьске и поморьске вь ѡнехь законехь, кое смо имели сьшь ними прежде годищь петь на десете, кои сѹ неьшьли досева. и ако богь поможеть свѣтому ти царьству, и бѹдешь господинь в ѹсеи земле срьпьске, да не кьто зли людье медѹ свѣтому ти царьствѹ и медѹ нашь градь ѹложе злеть... а прѣписане дединѣ наше земле и села и дрьжавѣ начинають ѡдь црькве свѣтого Геѡрьгиѣ (подробное обозначеніе границы).... и врьхь ѡрашьць сьстегьнѹть се до црькви свѣте Тькьле.... вьсе сѹ наше дединѣ. и ѡноньзи законь, кое есть ѡдь кѹмерекь сольски меду краль срьпьски и градь дюбровьчки, да дрьжи свѣто ти царьство, а вѣдомо де ѡдь вьсе соли, коѣ се продае, не вече людьмь рашькимь половина ѡдь добитьѣ да има свѣто ти царьство, а дрѹгѹ половину ди има ѡнькина дюбровьчка, како било в стари законь; и свѣто ти царьство да дрьжи начь стари законь, а вѣдомо, ѡдь рѣке дриньске до Неретьвѣ кѹмерекь сольски да несть на ино место расьвѣ вь Дюбровьникь. и ако богь поможе свѣтому ти царьствѹ прияти вьсе граде поморьске, наша мати свѣтаѣ црьква, мати вьсемь нашимь церьквамь, да си дрьжи то, що е дрьжала по вьсехь градовѣхь .... да си има своботьно, ѣко е писано вь старихь книгахь брѣвѣлеги. а ми вьса ѡнькина и т. д. (слѣдують клятва и подписи).

Сличеніе этого замѣчательнаго договора дубровничанъ съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ-Асѣнемъ съ вышеприведеннымъ отрывкомъ изъ исторіи Растича можетъ убѣдить окончательно самаго строгаго критика *въ добросовѣстности, съ какою нашъ*

историкъ пользовался актами дубровницкаго архива: всѣ условія этого договора переданы Растичемъ вѣрно и безъ пропусковъ. Подобно приведеннымъ мною для сравненія тремъ договорамъ, изложены всѣ остальные съ XII вѣка: такимъ образомъ исторія Растича можетъ замѣнить для изслѣдователя самые договоры, большая часть коихъ хранится въ недоступномъ дубровницкомъ архивѣ. Безспорно исторія Растича, основанная на *достовѣрныхъ источникахъ*, есть произведеніе ума *критическаго* и *систематическаго*; но, насколько она *самостоятельна*, рѣшить трудно: извѣстно, что Растичь пользовался трудами Франциска и Ивана Гундуличей; но «Annali della nobilissima città» намъ извѣстны только по одному отрывку, а «Apparatus ad historiam Ragusinam» до насъ не дошелъ, а потому мы лишены возможности судить о степени самостоятельности исторіи Растича, хотя въ этомъ случаѣ можемъ до нѣкоторой степени руководствоваться извѣстною его *добросовѣстностію* и свидѣтельствомъ Червы, имѣвшаго подъ руками оба труда: «Ragusinos Annales ab ipsa Urbe condita ad finem fere Saeculi XV[ti] a Ioanne Gundula Marini filio descriptos supra laudavimus. Eosdem Iunius Restius Antonii filius Senator gravissimus, rerum antiquarum quam studiosissimus, quos *a veteribus justaeque authoritatis Tabulis seu a suis fontibus petebat, castigavit, in ordinem reduxit et cum multis additamentis in libros tredecim distribuit, at*, ut candide fatear, *parum feliciter*». Еще одинъ вопросъ представляется намъ при разсмотрѣніи Исторіи Растича: на сколько онъ *безпристрастенъ?* Этотъ вопросъ затронутъ въ предисловіи, гдѣ говорится, что нѣкоторые историки, особенно венеціанскіе, увлекались ложнымъ патріотизмомъ и умышленно искажали истину; что другіе (Туберонъ и Орбиничь) жертвовали ею красотѣ слога; что третьи (Луккаричь) писали не по достовѣрнымъ источникамъ и что только одинъ Иванъ Лучичь (Lucius), «il più agiustato spirito della Dalmazia», правдивъ и достовѣренъ [1]). Читавшему Растича странно слышать подобный его

[1]) Иванъ Лучичь (*Ioannis Lucii De Regno Dalmatiae et Croatiae libri sex.* Amstelodami apud I. Blaev, 1668. Ed. nova Vindobonae 1758) сообщаетъ весьма мало о Дубровникѣ: въ I кн. гл. IX и X говоритъ объ основаніи Дубровника по показанію Константина Порфир., а въ гл. XIV объ осадѣ его сарацинами, на основаніи Кедрина, въ 867 г.; во II кн. гл. IV о войнѣ Петра Урсолы съ не-

отзывъ о нѣкоторыхъ предшествовавшихъ ему историкахъ, а еще страннѣе узнать, что онъ писалъ «per mostrare, quanto un buon Governo Aristocratico possi far durare una Republica ancorchè piccola in libertà», и что его цѣль была «eternar in qualche modo le gesta de'nostri antichi, e mostrar alli secoli venturi le magnanime operazioni, le sante leggi, e l'ottimi instituti della mia Patria, per incitar li Posteri a conservar incorotti l'antichi costumi, et imitare l'opere virtuose de'loro Predecessori, aciò non recedendo dalle massime antiche, ma ritenendo illibata la sola Religione Cattolica, ad esclusione di qual si sia altro rito, menchè santo nel stato, con l'amministrazione d'una perfetta giustizia, con l'amor verso il Publico bene posposto ogni particolar riguardo, possino trasmetter alli discendenti intera quella libertà, della quale devono esser gelosi custodi, come d'una gioja, che s'è ridotta, esser ormai unica non solo in Dalmazia, ma anche in tutte le Provincie Illiriche». Уже-ли въ самомъ дѣлѣ Растичь былъ такой закоренѣлый ретроградъ и фанатикъ, писавшій съ цѣлію доказать превосходство аристократическаго правленія и исключавшій всякую религію, кромѣ католической? Его Исторія доказываетъ противное; разгадка же такаго страннаго противорѣчія предисловія со всѣмъ сочиненіемъ заключается въ томъ, что это *предисловіе писано не Растичемъ*, а *Владиславомъ Гучетичемъ* (Gozze † 1746), авторомъ разсужденія «De recta Senatorum electione» и поэмы «De casibus familiae et domus suae»[1]). Гучетичь, при всемъ уваженіи къ труду Растича, навязалъ ему свои идеи и убѣжденія, вовсе не гармонирующія съ «Chroniche di Ragusa», отличающимися *безпристрастьемъ*. Дабы ближе ознакомить читателя съ произведеніемъ Растича,

---

ретвинцами по Сабелику и Дандолѣ, въ гл. VI приводитъ образецъ молитвы за венеціанскаго дожа, а XIV гл. посвящена исторіи дубровницкой церкви; въ III кн. во II-ой гл. о посѣщеніи Дубровника Робертомъ Норманскимъ—по M. Orbini. Во всемъ сочиненіи Лучича я нашелъ только одинъ документъ, важный для исторіи Дубровника: письмо королевы венгерской Маріи 1383 г. (lib. V, cap. III, p. 256—257 по I изд.). Къ сочиненію Лучича приложены 1) *Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum* (280—302), въ которомъ еще меньше говорится о Дубровникѣ (объ основаніи его Павлиміромъ 292, и объ осадѣ его Самуиломъ, царемъ болгарскимъ, 295 и Бодиномъ, боснійскимъ, 300—на основаніи лѣтописей и 2) *Palladii Fusci Patarini De situ orae Illirici*, гдѣ на стр. 454 говорится о Дубровникѣ.

[1]) Appendini II, 14.

печатаю въ *приложеніи IX* отрывки изъ него въ дополненіе къ изданному Енгелемъ [1]).

15. Въ одно время съ Растичемъ жилъ и писалъ Игнатій Джорджичь (Giorgi, Georgius), родившійся 8 февраля 1675 г.: его отецъ Бернардъ Джорджичь получилъ дворянство [2]), а мать его Франциска происходила изъ извѣстной фамиліи Златаричей. Въ крещеніи онъ былъ названъ Николаемъ, но впослѣдствіи при вступленіи въ бенедиктинскій орденъ, принялъ имя Игнатія. Воспитываясь на родинѣ подъ руководствомъ іезуита Луки Кордича, мостарца родомъ, онъ уже рано обнаружилъ гибкій, живой и проницательный умъ и удивительную память. По достиженіи совершеннолѣтія, онъ поступилъ въ Сенатъ и вскорѣ былъ назначенъ графомъ острова Млѣта. Мѣстоположеніе этого острова плѣнило его воображеніе и поселило въ немъ желаніе, оставивъ свѣтъ, удалиться въ монастырь и тамъ, вдали отъ житейскихъ тревогъ и волненій, посвятить себя вполнѣ наукѣ: въ 1697 году онъ уѣзжаетъ въ Римъ и вступаетъ въ орденъ іезуитовъ. Здѣсь онъ увеличиваетъ запасъ своихъ знаній изученіемъ еврейскаго языка, математическихъ, богословскихъ и историческихъ наукъ и вскорѣ получаетъ мѣсто учителя риторики въ Асколи. Возвратившись въ 1706 году на родину, онъ переходитъ въ орденъ бенедиктинцевъ, имѣвшихъ монастырь на любимомъ его островѣ Млѣтѣ. По прошествіи шести лѣтъ находимъ его учителемъ въ монастырѣ San-Severino въ Неаполѣ, гдѣ онъ пріобрѣтаетъ расположеніе самыхъ знатныхъ лицъ и даже вице-короля, а потомъ въ падуанскомъ университетѣ. Послѣ долговременнаго пребыванія въ Италіи, гдѣ

---

[1]) *Ueber Sigmunds Königs v. Ungern Aufenthalt zu Ragusa im J. 1396* (Zeitschrift v. u. f. Ungern. Pesth 1803. Band. IV, Heft 4, ss, 230—232). Предисловіе къ исторіи Растича издано въ Задрѣ въ 1861 г.: «Pel fausto imeneo del Sr Giovanni Medovich colla Sig^ra Regina de Ivacich». Tipografia Demarchi Rougier. Краткое извлеченіе (неоконченное) изъ Растича на сербскомъ языкѣ издано М. Пуцичемъ.

[2]) *Tiburtini, Origine e genealogie* etc. 87 sqq. говоритъ, что родоначальникомъ фамиліи Джорджича былъ Георгій (Джюраджъ) Прийчичь, поселившійся въ Дубровникѣ около 1400 г. Онъ былъ каменщикомъ. Сынъ его, Антоній, внесенъ въ матрикулу братства Св. Антонія въ 1410 г. Онъ составилъ себѣ хорошее состояніе, и его потомки считались въ числѣ почтеннѣйшихъ гражданъ Дубровника; но только, послѣ великаго землетрясенія 1667 г., Bernardo Giorgi былъ сдѣланъ *nobile*.

онъ успѣлъ составить себѣ хорошую библіотеку, онъ возвращается на родину, получаетъ мѣсто президента бенедиктинской конгрегаціи и проводитъ здѣсь остатокъ дней своихъ въ самой горячей дѣятельности. Умеръ 22 января 1737 года.

Джорджичь, какъ писатель, отличается необыкновенною плодовитостью. Его *Ricerche anticritiche*, въ которыхъ, вопреки общепринятому мнѣнію, онъ доказываетъ, что Апостолъ Павелъ претерпѣлъ крушеніе не у Мальты, а у Млѣта (изд. Христофоромъ Zane въ Венеціи въ 1730 году), положили прочное основаніе его славы, какъ богослова. Дополненіями къ этому сочиненію служатъ: *Apocrisi alle opposizioni di certi Anonimi* (изд. въ Венеціи Луккою Рацци и Доминикомъ Златаричемъ въ 1760 году), *Vindiciae de Divi Pauli in insulam Melitam adventu adversus Gujottum* и *De missa, divinisque officiis ad naufragii Paulini memoriam quotannis recolendam Maltensi Eclesiae a S. Rituum Congregatione indultis disquisitio.*

Еще юношею Джорджичь сталъ упражняться въ поэзіи, и его латинскія и сербскія эротическія и сатирическія стихотворенія навлекли на него много непріятностей. Въ своихъ латинскихъ стихотвореніяхъ, не отличающихся легкостью языка, но замѣчательныхъ по силѣ воображенія, высотѣ мыслей и правильности изложенія, онъ подражалъ Овидію, Стацію и Лукану. Кромѣ двухъ его поэмъ, *Ab Eugenio Sabaudo Caesari Exercitus Archistratego relatae de Turcis victoriae annis 1716 et 1717 in Hungaria et Servia* и *De laudibus Austriadum* въ 2-хъ книгахъ, отъ него остался сборникъ эпиграммъ «*Umbra Martialis*», пѣсни, элегіи, оды и переводъ 1-ой книги его Магдалины. Его стихотворенія итальянскія и особенно сербскія несравненно выше: итальянскія составляютъ довольно большой томъ *Poesie varie*, а изъ сербскихъ пользуются большою извѣстностію: *Saltier Slovinski* (Venezia Ant. Zane 1724. 2 изд. 1726. 3 изд. въ Загребѣ 1851.), *Uzdasi Mandalieni* въ 8 пѣсняхъ (Venezia Zane 1728), переводъ 1-ой книги *Энеиды*, эротическая поэма *Марунко* въ 56 секстинахъ, 9 эклогъ и неоконченная поэма *Юдиѳь.*

Не упоминая о другихъ менѣе важныхъ трудахъ Джорд-

жича [1]), перехожу къ его сочиненіямъ по исторіи Дубровника. *Vitae et carmina nonnullorum civium Rachusinorum* (*Adversaria*): около ста біографій—трудъ весьма важный для исторіи дубровницкой литературы: имъ пользовались Дольчи и Аппендини. Къ сожалѣнію, я нашелъ только отрывки изъ него въ ркп. № 312: *Annotazioni bibliografiche per servir all'Istoria letteraria di Ragusa*, и, на сколько могу судить по нимъ, оно отличается сжатостью изложенія и критическимъ взглядомъ. О другихъ знаменитыхъ дубровничанахъ Джорджичь сообщилъ въ письмѣ къ Рафаилу Миличу; наконецъ о дубровницкихъ ученыхъ, бывшихъ профессорами въ падуанскомъ университетѣ до 1500 года, находимъ свѣдѣнія въ письмѣ его къ Марину Златаричу изъ Падуи 1729 г., напечатанному при его Псалтирѣ славянскомъ. Но важнѣе всѣхъ этихъ сочиненій *Res Illyricae sive Historia Rhacusana* въ ркп. фрнцисканской библіотеки № 260 (какъ полагаютъ, автографъ, in 4⁰, 232 стр.), но прерывающаяся, къ великому сожалѣнію, на 3-й книгѣ первой части: *D. Ignatii Georgii Abbatis Melitensis Rerum Illyricarum sive Historiae Rhacusanae pars prima.* In qua de veteri Illyrico vel de Urbis Rhacusae progenitoribus agitur libris VIII. Точно также озаглавлено это произведеніе Джорджича и въ письмѣ извѣстнаго дубровницкаго археолога Николая Аллети къ кардиналу Маттеи отъ 3 сентебря 1716 года; Черва же говоритъ: «Alterum opus, quod laudavi a Georgio editum *De Antiquitatibus Illyricis* inscriptum est 2 tom . . . . Primum fere absolutum et praelo maturum reliquit ita inscriptum: «Antiquitatum Illyricarum tomus primus sive de Illyrici Minoris atque Dalmatiae rebus Disquisitiones et Annales a Diluvio Noachico ad Tiberii Caesaris Principatum prolati». *Alterum cum scriberet in fata concessit*, adeoque nec absolutum, nec emendatum reliquit [2]).» Содержаніе и планъ этого сочиненія мы узнаемъ изъ письма самаго Джорджича къ Giusto Fontanini отъ 6 января 1735 года въ отвѣтъ на его письмо отъ 10 іюля 1734 г. [3]): «L'opera che pre-

---

[1]) Cerva V. Illustr. 545—585 Appendini II. 20—22, 30, 148, 240,—245, 271, 274—282. Engel 28—29.

[2]) Cerva 554.

[3]) Giusto Fontanini, благодаря Джорджича за его сочиненіе о св. Павлѣ пишетъ: «Veggo che ci promette ancora l'Illirico Sacro, fatica molto importante: e

sentamente ho sotto la penna non è già, come V. S. Illma stima *l'Illyrico Sacro*, ma sibben il *Profono* ovvero *L'Antichità Illyriche* dal diluvio universale fin'all'anno primo Dionisiano procedente. Essa, annuente Deo, sarà divisa in due Tomi in foglio. Il premo comprendera gli Annali dell'*Illyrico Minore* e della Dalmazia, che tanto è a dire l'Istoria semplicemente stesa, e non interrota da quistioni, e nel fine copiosi discorti sopra le difficoltià ivi occorrenti ad imitazione di Tilemone, ma più diffusamente, perciochè in materia meno cognita. Il secondo tratterà dell'*Illyrico il Grande* in più di ducento Trattati sopra soggetti più notadili e meno noti, coll'agiunta di molte Dissertazioni Etimologiche e Proleptiche necessarie ad illustrare con notizie più recenti la più alta antichità. L'opera è molto avanti; a ogni modo si vuol del tempo per compirla, poichè e sono solo, e non mi mancan disturbi: onde principalmente alla santa benedizione di V. S. Illma affido la prestezza e la felicità dell'effeto, affinchè io possa quanto prima colla offerta del libro porgerle divotamente il mio solito ed ambizioso tributo. Finita questa fatica volentieri imprenderei a scrivere dell'*Illyrico Sacro*, se il P. Riceputi un tempo nelle sue missioni della Dalmazia raccoglendo dagli Archivii delle Chiese e ondechè ha potuto gli antichi stromenti e memorie autentiche non mi avesse sottratto quasi tutto il materiale necessario per ruiscire con riputazione, e in soggetto cotanto ampio et importante, sa Ella, che non basta scarso ed infelice spicilegio» [1]). Изъ письма этого видно, что все сочиненіе должно было состоять изъ двухъ томовъ infol.: I-й *Малая Иллирія* и *Далмація*, а II-й *Великая Иллирія* въ 200 главахъ съ прибавленіемъ многихъ этимологическихъ и пролептическихъ разсужденій. Первый томъ раздѣленъ на 8 книхъ, а каждая книга на нѣсколько главъ: 1 кн. De propiis veri ac pervetusti Illyrici finibus ac populorum situ, 2 кн. De terrae ingenio et

---

da accoglierli con grande aspettazione, in riguardo al trovarsi la materia quasi intatta e feconda da gran particolarità per ogni parte; onde la sua molta erudizione avrà largo campo di farsene onore, essendo al vedere poco da sperarsi dalle promesse del P. Riceputi, non sentendosene più parlare dopo essere stato più volta qui in Roma a chiedere soccorso ai Pontefici, dove ancora, come sento, ebbe molti materiali lasciati da Giovanni Lucio.» *Memorie storiche raccolte dal P. Gian-Maria Mattei. Zibaldone* № 265, p. 8.

[1]) ibid. p. 9.

antiquis moribus incolarum, 3 и 4 кн. De regibus veterum Illyricorum et rebus gestis, 5 и 6 кн. De Epidauro Colonia et antiquo statu regionis, nunc Rhacusano Dominatui subjectae, 7 кн. De Salonitarum colonia et Salontitarum in Rhacusanam Civitatem commigatione, 8 кн. De Slavorum seu Slavinorum origine et incursionibus in Illyricum [1]). Въ предисловіи (prolo-

[1]) Для любителей славянскихъ древностей сообщаю подробное содержаніе сохранившихся 3-хъ книгъ 8-го тома:

Prologus in utriusque partis historiam.

Lib. I. Cap. 1. Veri ac vetusti Illyrici fines. Cap. 2. Illyris Macedonica. Cap. 3. Dalmatia vetus. Cap. 4. Illyricum arbitarium aut Illyrici nominis ultra veros regionis fines prolatio. Cap. 5. Nominis Illyrici politica amplificatio. Cap. 6. Dalmatia recentior. Cap. 7. Verae Illyridis antiqui populi. Primi omnium ab occidente Hierastomnae et Taciotae. Cap. 8. Hilli et Bubini etc. Cap. 9. Siculi seu Siculotae etc. Cap. 10. Nesti sive Ardiaei etc. Cap. 11. Manii sive Novisii etc. Cap. 12. Dalmatae, Dalmateae, vel Dalmitani etc. Cap. 13. Daorsaei sive Daorsii etc. Cap. 14. Antaciatae vel Antarii etc. Cap. 15. Sardiaci, Sardiates, Sardiatae vel Sardiani. Cap. 16. Dastaretae, Perestae, Pirustae etc. Cap. 17. Scritones sive Gyrtones. Cap. 18. Atintanes vel Atintani. Cap. 19. Oricini etc. Cap. 20. Amantini sive Abantes. Cap. 21. Bullidenses sive Bulliones. Cap. 22. Taulantii, nunc la Tamoriza e la Murlachia. Cap. 23. Parthini, Dyrrachini etc. etc. Cap. 24. Phrygi nunc Croja. Cap. 25. Phauaces etc. Cap. 26. Lissenses etc. Cap. 27. Labeatae etc. Cap. 28. Oleiniatae etc. Cap. 29. Agravonitae etc. Cap. 30. Rhizonitae etc. Cap. 31. Encheliae sive Encheles. Cap. 32. Illyrii proprie dicti, gens peculiaris. Cap. 33. Heneti. Cap. 34. Reliqui minoris famae populi. Cap. 35. Insulae Illyricae seu Liburnides. Cap. 36. Suzium, nunc Zuzi, et Bua, nunc Belan. Cap. 37. Protery nunc Sirona, Olyntha nunc Solta, Bratia nunc Brazza. Cap. 38. Linus Nestus et Manius. Cap. 39. Pitiza, Pharus seu Lissa, nunc Lisina vel Lesina, Trucones etc. Cap. 40. Issa nunc Lissa. Cap. 41. Corcyra nigra nunc Corzola.

Lib. II. Cap. 1. Vetus Illyricorum Piratica. Cap. 2. Quae navigia in usu antiquis Illyriis fuerint. Cap. 3. Arma veterum Illyriorum. Cap. 4. Antiquae vestes Illyriorum, et primum Dalmatiae. Cap. 5. Aliae Illyriorum vestes. Cap. 6. Leges et consuetudines Illyriorum generatim et Politia. Cap. 7. Litteratura Illyriorum. Cap. 8. Victus et convivia. Cap. 9. Nonnullae aliae in Illyrico consuetudines. Cap. 10. An propriam Illyrii veteres monetam habuerint? Cap. 11. Vetustissima Illyriorum superstitio. Cap. 12. Vetus idioma Illyriorum. Cap. 13. Illyricae regionis natura. Cap. 14. Ora Illyrici portuosa. Cap. 15. Feracitas Illyrici. Cap. 16. Fodinae. Cap. 17. Herbae medicae. Cap. 18. Salubritas regionis. Cap. 19. Habitudo corporis Illyriorum. Cap. 20. Feminae Illyricae. Cap. 21. Miranda quaedam ab antiquis memorata in Illyrico.

Lib. III. Cap. Primi in Illyrico post Noachi diluvium habitatores. Cap. 2. Illyrici reges ac primo Cadmus. Cap. 3. Illyrius Cadmi filius et alii post eum in Illyrico reges. Cap. 4. Bellum cum Argeio Rege Macedoniae. Cap. 5. Bellum 2-um Macedonicum cum Europe Argei nepote. Cap. 6. Quidam memorabiles viri ex Illyrico. Cap. 7. Peloponesiaci belli semina ex Illyriis

gus) [1]) къ своему сочиненію Джорджичь такъ отзывается о предшествовавшихъ ему историкахъ Дубровника: «Aliquammulti de Urbe Rhacusa scripsere: at si mature perpenderis, ubi *verbis describitur, re ipsa non est. Externi* quippe homines, quibus inexplorata aviae remotaeque civitatis conditio, *multa falso et strictim, vel si fusius;* eo ab Rhacusanorum accolis mutuati, dum certa putant memoriae prodere, *iniqua et contumeliosa dixerunt. Finitimi*, penes quos introspiciendi facultas erat, ingenio accolarum usi, inter quos frequens livor et rara concordia, quicquid probabile ac memoratu dignius incidisset, sive *intervertendo*, sive *extenuando*, confixere quae incusent, et *vera vitia extulerunt in majus*. At *cives* denique eos in scriptores sortita est, qui *pictorum ritu externam illius speciem*, ac ne eam quidem exquisitis exprimere coloribus adorti, *facta aliquot, nec omnia certa satis, turbulento atque incondito stylo permiscuere: Popularibus*, quibus limatius cor, indignantibus, per suorum socordiam, falsique suspicionem, *sincera quoque patriae vetustatis monumenta damnari*. Comperti hujus criminis sunt *Jacobus Lucarus* et *Maurus Orbinus*, atque in primis *Seraphinus*

---

nata et Illyriorum res gestae contra Dyrrhachinos et Corinthios. Cap. 8. Bellum Macedonicum 3-um contra Perdiccam et Brasidem Lacedaemonium. Cap. 9. Alcetus in Epiri regnum restitutus et Illyriorum cum Dionysio Syracusarum Rege foedera ac bellum. Cap. 10. Bellum 4-um Macedonicum cum Amynta Magni Alexandri avo. Cap. 11. Bellum Macedonicum 5-um contra Amyntae filios regnante Bardileo. Cap. 12. Illyria Euridice M. Alexandri avia, Philippi mater. Cap. 12. Bellum Macedonicum 6-um cum Philippo Macedone. Cap. 14. Illyricum sub Bardileo, ejus regni fines. Cap. 15. Bella alia cum Philippo. Cap. 16. Andata Illyria Phillippi uxor et Cyna filia. Cap. 17. Pleurius et Glaucias reges. Clitus Bardilei filius, et bellum Macedonicum 7-um adversus Magnum Alexandrum. Cap. 18. Illyrii militant cum Alexandro. Cap. 19. Bellum adversus Alexandrum Epiri regem. Cap. 20. Lamiacum bellum seu sociale Illyriorum contra Antipatrum. Cap. 21. Bellum Macedonicum 8-um contra Glauciam et Cassandrum Cap. 22. Pyrrhus Epirotarum rex a Glaucia in tutelam recipitur. Cap. 23. Bellum cum Pyrrho regnante Iuniore Bardileo. Cap. 24. Helenus Pyrrhi ex Illyrica matre. Cap. 25. Illyriorum expeditio in Delphos. Cap. 26. Pleuratus et Argo reges. Cap. 27. Agronis expeditio in Aetolos. Cap. 28. Teuta et Pineus reges. Cap. 29. Teutae in Epirotas ac Peloponesum expeditio. Cap. 30. Primi belli Illyrici cum Romanis causae. Cap. 31. Corcyrae expugnatio et navalis victoria de Achaeis et Aetolis sub auspiciis Teutae. Cap. 32. Primum bellum Illyricum cum Romanis. Въ концѣ рукописи находится 5 картъ древняго Иллирика и родословныя таблицы иллирскихъ царей.

[1]) Ms. № 260, pp. 2—3.

Razzius, non genere, sed domo civis: qui non sponte quidem, verum industriae inopia inexplorata congerendo, *Rhacusanam historiam sapientibus suspectam fecere:* non *Ludovicus Abbas Tubero* certe cultissime, sed laesus et obiter scripsit. Proinde quamvis extent, nonnullis utcunque tradentibus, quorundam vestigia, *nemo unus hactenus fuit, qui penitiores rerum gestarum causas scrutando, animum vitamque Rhacusanae Reipublicae descripserit satis*, nempe moderantem omnia prudentiam, quae plusquam armorum terrore excubavit tam diu nostrae securitati, quamque, in exemplar Aristocratiarum proponit Bodinus. *Id ego laeuum meae urbis fatum pro virili lenire contendam*, *et si non doctiorem*, *aequiorem certe*, *ac magis diligentem scriptorem non immerentibus dabo. Judicium affero omni affectu liberum*, *et si caetera humana charitati Patriae*, *Patriam ubique posthabeo veritati. Intacta adhuc a multa vetustate publica Rhacusae tabularia supersunt: hic magnam statuimus tradendae veritatis fiduciam: quod deerit*, *principum autorum testimonia explebunt: nec in ultimis schedas pono*, *et exaratitios Veterum*, *quibus affluo*, *codices.*» Итакъ, по мнѣнію Джорджича, иностранные и отечественные писатели, занимавшіеся древностями и исторіею Дубровника, или сообщаютъ о немъ кое-что и кое-какъ, мѣшая были съ небылицами, или преднамѣренно, или же по незнанію искажаютъ истину, или же наконецъ изображаютъ только внѣшнюю сторону, и то не всегда вѣрно, *причины же дѣйствій*, *духъ и жизнь* Дубровницкой республики никто до него еще не представилъ: эту-то трудную задачу и принялъ на себя Джорджичь, руководствуясь *любовью къ истинѣ*, а не ложнымъ патріотизмомъ, основываясь на *актахъ Архива и сказаніяхъ лучшихъ писателей* отечественныхъ и иностранныхъ новаго и древняго времени. Для рѣшенія такой трудной задачи нужно было не только обладать критическимъ умомъ и глубокими познаніями, но и отрѣшиться отъ всякаго участія въ современныхъ автору дѣлахъ республики: условія, исполненныя Джорджичемъ. Какъ добросовѣстно и съ какимъ знаніемъ дѣла рѣшилъ онъ столь трудную задачу, можно судить по дошедшему до насъ отрывку изъ его глубоко-ученаго произведенія: на основаніи тщательнаго изученія источниковъ, онъ доказываетъ, что первобытныя жители Иллиріи были *славянскаго* происхожденія и что они говорили *по сла-*

вянски (lid. II, cap. XII. Vetus idioma Illyriorum), подробно изслѣдуетъ мѣста ихъ жительства, ихъ исторію, ихъ бытъ и нравы; нѣкоторые вопросы изъ славянскихъ древностей рѣшены имъ удовлетворительно за сто лѣтъ и болѣе до Суровецкаго, Шаффарика и другихъ корифеевъ славянской науки. Читая произведеніе Джорджича, не знаешь, чему болѣе удивляться—глубокой-ли его учености и необыкновенной начитанности, или проницательному, воскрешающему доисторическую древность, уму. «*Opus immensi profecto loboris et exquisitae ac non vulgaris eruditonis*», восклицаетъ Черва [1]). «Utinam longior vita eruditissimo Auctori contigisset, ut illud omnibus adsolutum numeris in lucem publicam, hominumque adspectum vulgare potuisset». Другой соотечественникъ и современникъ Джорджича, Николай Аллети, въ вышепомянутомъ письмѣ къ кардиналу Маттеи отъ 3-го сентября 1716 года [2]), съ такимъ удивленіемъ и неописаннымъ восторгомъ сообщаетъ о трехъ книгахъ 1-й части Rerum Illyricarum: «Ho avuto poi i tre libri della prima parte che sin'ora ha scritto il P. Abbato Giorgi della sua opera Illiricana. Se bene io ho stimato sempre assaissimo questo insigne e per tutti i capi stimabilissimo Prelato, e la sua molta Letteratura, tuttavia sono tenuto a dirvi con ingenuità, che majora inveni. Certo *la felicita con cui egli riesce in questa opera è indicibile. Cognizioni si recondite, memorie, posso dire, già perse, erudizioni tanto peregrine aver ripescate, unite ed ordinate in si breve tempo fà senza dubio meraviglia. Ma da quel stupendo ingegnaccio, memoria di Pico ed applicazine di Scoto, non si poteva aspettare che miracoli.*» Дольчи и Аппендини воздали съ своей стороны должную дань удивленія ученымъ трудамъ Джорджича.

Въ 1716 году, какъ видно изъ вышеприведеннаго письма Аллети, были уже окончены первыя три книги 1-ой части Rerum Illyricarum; въ 1735 году Джорджичь еще трудился надъ этою первою частію, которую нашли оконченною только по смерти его въ 1737 году: двадцать лѣтъ усиленнаго труда употребилъ даровитый и глубоко ученый Джорджичь на обработку пяти

[1]) *Viri illustr.* 558.
[2]) Ms. № 265. p. 5.

книгъ свего произведенія, къ великому ущербу для науки, погибшихъ безслѣдно!

Дабы ознакомить поближе чичателя съ этимъ произведеніемъ Джорджича, важнымъ не только для дубровницкихъ, но и для славянскихъ вообще древностей, издаю отрывки изъ него въ *приложеніи X* къ настоящему труду.

Въ библіотекѣ Кукулевича-Сакцинскаго въ Загребѣ есть еще одно историческое произведеніе Игн. Джорджича: «Istoria della chiesa di Curzola con la serie dei suoi vescovi e la vita in succinto di cadauno». (Conspectus Monumentorum historicorum in manuscripto existentium quae ad illustrandam historiam ecclesiasticam ac civilem Slavorum meridionalium typis vulgari possent. Zagrabiae. Typis Dr. Ludovici Gaj 1859.)

16. Имя Серафима Червы, о которомъ мнѣ предстоитъ теперь говорить, было уже мною неоднократно вспомянуто.

Онъ происходилъ изъ старой дворянской фамиліи; первоначальное образованіе получилъ на родинѣ; юношею вступилъ въ доминиканскій монастырь, которымъ былъ отправленъ въ Венецію для усовершенствованія въ наукахъ, преимущественно богословскихъ; всю жизнь свою провелъ въ тиши монастырскаго уединенія и умеръ 24 іюня 1759 года, оставивъ по себѣ вѣчную память своими историческими произведеніями. Десять лѣтъ онъ неутомимо собиралъ матеріалы для задуманнаго имъ труда въ архивахъ Республики и монастырей бенедиктинскаго на Кромѣ и доминиканскаго, въ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ Дубровника и Рима, гдѣ прожилъ нѣкоторое время; кое-что онъ получилъ также отъ друзей своихъ въ Италіи [1]). Автографъ его сочиненій особеннымъ чудомъ сохранился въ библіотекѣ доминиканскаго монастыря въ Дубровникѣ. «Въ 1806 году», говорилъ мнѣ нынѣшній пріоръ этого монастыря, Зглава, «отрядъ французскихъ солдатъ изъ 500 человѣкъ стоялъ на квартирѣ въ нашемъ монастырѣ, именно въ нижнемъ этажѣ, гдѣ помѣщалась наша библіотека; невѣжественные солдаты топили печи нашими рукописями и книгами, и такимъ образомъ мы лишились всѣхъ на-

---

[1]) Appendini II, 15—16. Engel 29—31.

шихъ сокровищъ, и сохранился только одинъ автографъ Червы въ кельѣ у одного стараго и больнаго «фратра». Показывая мнѣ этотъ автографъ, пріоръ замѣтилъ мнѣ, что въ немъ недостаетъ многихъ листовъ, вырванныхъ по смерти Червы секретаремъ Республики, по приказанію Сената, якобы опасныхъ для общественнаго спокойствія; эти листы хранились въ архивѣ Республики, гдѣ успѣлъ ихъ списать извѣстный библіофилъ, францисканецъ Чуличь (Padre Sordo), умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ; списанные Чуличемъ листки быстро разошлись по рукамъ любителей отечественной старины, и такимъ образомъ случилось то, что списки каноника Радельи (принадлежитъ нынѣ препозиту Решетарю) и францисканскій оказались полнѣе автографа, хранящагося въ доминиканскомъ монастырѣ. Я пользовался францисканскимъ спискомъ № 228: *Fratris Serafini M. Cervae Ordinis Praedicatorum opera omnia*, novem volumina conplectentia, in quibus continetur: vol. I — VII *Metropolis Ragusina*, vol. VII — IX *Vitae illustrium Ragusinorum*.

Sacra Ragusina Metropolis, variis Ecclesiae monumentis atque historico-chronologico-critico commentario illustrata, описываетъ дѣянія 65-ти епископовъ и архіепископовъ дубровницкихъ, начиная съ Іоанна Діоклейца 981 г. и оканчивая Іоанномъ Викентіемъ Луккесини 1689 г., въ 10-ти томахъ, по раздѣленію Червы. Главнымъ *источникомъ* Червы были *акты государственнаго архива* Дубровника, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи [1]): наиболѣе важные онъ сообщаетъ цѣликомъ, другіе въ извлеченіи; въ числѣ сообщенныхъ имъ актовъ многіе касаются политической исторіи Дубровника: они указаны нами ниже — въ отдѣлѣ памятниковъ юридическихъ. Кромѣ папскихъ буллъ, дарственныхъ граматъ, привилегій и договоровъ, Черва пользуется законодательственными памятниками, протоколами Большаго и Малаго Совѣта и инструкціями посламъ. Много свѣдѣній

---

[1]) *In Sacram Metropolim Ragusinam Prolegomena. Proloquium* p. 7: «Certe ex tabulariis publicis plurima adhuc omnino ignota ac scitu dignissima antiquitatis monumenta, experimento didici, qui in singulis codicibus, quos evolvi, semper aliquid reperi, quod adnotarem et in Adversaria referrem; verum omnes hujusmodi tabulas evolvere non unius hominis res est, etiamsi longissimae aetatis et ab alia quacumque opera vacui».

онъ почерпнулъ также изъ *архивовъ монастырей* — бенедиктинскаго (особенно на островѣ Кромѣ) и св. Якова на Вишницѣ, доминиканскаго и францисканскаго орденовъ. Въ архивѣ кромскаго монастыря имъ найдена между прочимъ дарственная грамота короля Бодина 1100 г., важная для насъ особенно потому, что съ точностію опредѣляетъ время, когда жилъ этотъ король, относимый одними къ началу XI, а другими къ XII вѣку. Черва пользовался также *документами, принадлежавшими частнымъ лицамъ:* изъ нихъ особенно для насъ любопытны: процессъ раввина Аарона Лунелли 1622 г., записанный имъ самимъ (2808—2826), переписка Юнія и Павла Градичей съ братомъ ихъ Стефаномъ о производившемся въ 1660 году въ дубровницкомъ сенатѣ дѣлѣ о виленицахъ и вѣдьмахъ (processo di stregoneria, 3039—3046), письма Юнія Градича, Доминика Бенессы, архидіакона Бернарда Джорджича и Николая Гучетича къ аббату Стефану Градичу о землетрясеніи 1667 г. (2899—2902, 2936—2937, 3028—3029, 3459—3463, 3544—3546) и переписка архіепископа Маттеучи съ епископомъ Корчулы и неаполитанскимъ бандитомъ Цезаремъ а Марра 1581 г. (3798—3812). Въ числѣ наиболѣе важныхъ источниковъ, которыми пользовался Черва, слѣдуетъ упомянуть о *сказаніяхъ современниковъ:* изъ *дубровницкихъ лѣтописей* онъ заимствуетъ свѣдѣнія о древнѣйшемъ періодѣ исторіи его родины (51—52, 92—95, 119—123, 250 слѣд.); изъ *византійцевъ* онъ знаетъ Прокопія, Константина Порфир. (Prolegomena, cap. 1, pp. 11—15) и Халкондилу (1465); онъ пользуется также *венеціанскими* сказаніями (лѣтописями 617 слѣд., De obsidione Jadrensi 1345 года, 580). Черва знакомъ также съ *историческою литературою* — *дубровницкою*: (Милецій 180, 184 и др.; Tubero 1080, 1089, 2042 и др.; Кабога Prolegom. cap. VI; Рацци 2041 и др.; Раньина 180, 677—681, 788—794, 1365, 2462 и др.; Орбинича 211, 806, 2042 и др.; Луккаричь 211, 268, 715, 807, 1080, 2042 и др.; И. Гундуличь 119, 180, 211, 230, 369, 671—809 и др. и Растичь 119, 123 и др.) и *иностранною* (Дандоло 230—233, 288; Lucius 715, Proleg. 59 и др.; Baronius 244; Ughellus, Bern. Maria de Rubeis, Wadingus 495—497; Oldoinus 495, 590; Bonfinius Gobellinus, J. Cochlaeus 1465; Aeneas Sylvius 1465, 1531; Pau-

lus Jovius, Franciscus Sansovinus 2042; и многіе другіе писатели); но пользуется ею *съ большою осмотрительностію*, исправляя ошибки своихъ предшественниковъ: такъ напр., говоря о дарованіи дубровничанамъ королемъ далматско-хорватскимъ, Стефаномъ Крешиміровичемъ въ 1050 г. Жупы, Рѣки, Затона и Поморья до Орашца, онъ замѣчаетъ: «Haec quidem certa sunt, atque indubia omnium testimonio scriptorum comprobata, nisi quod *Maurus Orbinus sine teste et authore, immo abversus communem omnium sententiam*, Stephano Regi Crescimirum ejus filium supponit. *At vero de tempore quo haec contigerunt haud quaquam conveniunt scriptores nostri. Nicolaus Araneus* adventum Regis, atque ab eo agrorum donationem ad annum 817 refert, *Joannes Gundula*, quem *Junius Restius exscripsit*, ad annum 940, *Jacobus Luccarus* non diu post annum 987, *Orbinus* post annum 1035 (121)»; приводя отрывокъ изъ письма Сената къ архіепископу Ивану Сакко о посольствѣ къ султану Баязету въ 1493 г. (стр. 1950), Черва отмѣчаетъ ошибку Раццп: «Male Ractius id refert ad annum 1496. Lib. II, p. 68.» (приѣч. 28 на стр. 2041); на стр. 230 Черва говоритъ: «Sub Archiepiscopo Tribuno Michaelis Ragusinam Urbem a Vitale Michaelio Venetiarum Duce. . . . vi captam mense Septembri anno 1172 narrant *Veneti scriptores*. . . . Placet *Danduli* (lib. IX, cap. 15, part. 24) verba referre, a quo caeteri mutuati sunt quae in suos Commentarios retulerunt. . . . *At negant Ragusini scriptores, praesertim Gundula, multisque probat iis certissimis monumentis*, Venetos quidem hostiliter urbem invasisse, sed a civibus, qui ut se ab imminenti Slavorum invasione tuerentur in armis erant, exclusos, repulsosque infecta re discessisse, quod accuratius in Prolegomenis expendimus» и т. п. Къ числу источниковъ, которыми пользовался Черва, слѣдуетъ отнести также *написи* на различныхъ *постройкахъ*, напр. на фонтанѣ, сооруженномъ въ 1438 г. (1405 — 1406), на церкви св. Маргариты, перестроенной въ 1570 г. (2486—2488) и т. п.

«Sacra Ragusina Metropolis» представляетъ критическую обработку не только церковной, но и политической исторіи Дубровника: излагая церковную исторію въ связи съ политическою,

Черва, само собою разумѣется, останавливается толко на самыхъ крупныхъ явленіяхъ послѣдней, на событіяхъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на судьбу Республики, каковы: бѣдствія, претерпѣнныя ею отъ нападеній непріятелей, землетрясеній, пожаровъ, чумы и т. п., и мѣры, принятыя правительствомъ для предотвращенія таковыхъ на будущее время—мѣры стратегическія, дипломатическія, санитарныя и т. п.; онъ не упускаетъ также изъ виду и тѣхъ обстоятельствъ, которыя содѣйствовали благосостоянію Республики. Многаго мы не знали-бы не только изъ церковной исторіи Дубровника (какъ напр. мѣры, которыя принималъ Сенатъ для распространенія католицизма на Востокѣ, искорененія православія и лютеранизма въ Республикѣ и т. п.), но даже изъ политической, еслибы не сообщилъ намъ объ этомъ Черва—всегда обстоятельно, критически, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ. Metropolis Ragusina важна даже, какъ простой сборникъ матеріаловъ,—не говоря уже объ ихъ критической обработкѣ,—актовъ, погибшихъ (напр. монастыря Кромы) или для насъ недоступныхъ (дубровницкаго архива), и сказаній современниковъ, изъ которыхъ не всѣ также дошли до насъ (такъ лѣтописи Николая Раньины сохранились только въ отрывкахъ у Червы). Въ введеніи (Prolegomena) къ своей церковній исторіи авторъ останавливается преимущественно на спорныхъ вопросахъ, какъ-то о времени основанія Дубровника и первоначальныхъ его обитателяхъ [1], — о языкѣ, на которомъ говорили вдревности въ Дубровникѣ [2],—о сомнительныхъ короляхъ Далмаціи, Славоніи и Кроаціи, съ которыми были въ сношеніяхъ дубровничане,—о независимости Республики отъ государей, ей покровительствовавшихъ,—о современности христіанства въ Дубровникѣ его основанію,—о независимости дубровницкой церкви и т. п.; кромѣ того онъ обстоятельно говоритъ о составѣ правительства, о монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ Дубровника и о постановленіяхъ Сената касательно магометанъ, евреевъ, еретиковъ и

---

[1]) *Ragusini Urbis primordia.* Proleg. cap. I, pp. 11—15.

[2]) cap. V. *Qua lingua in usu olim Ragusii:* «...facile crediderim vetustissimum in Illyrico sermonem fuisse Graecum.... Adde quod Graeci sermonis in hac regione invaluit consuetudo, ut etiam Romanis imperantibus, et deinceps Slavica lingua introducta Ragusii».... p. 59.

схизматиковъ (православныхъ) [1]). Аппендини укоряетъ Черву за излишнюю растянутость, за сообщеніе имъ свѣдѣній, не подходящихъ къ предмету его сочиненія, и особенно за приведеніе въ текстѣ сочиненія актовъ и сказаній современниковъ: эти излишнія подробности, по его мнѣнію, могутъ занимать только дубровничанъ, отнюдь не иностранцевъ, желающихъ быстро переходить отъ дѣяній одного прелата къ дѣяніямъ другаго; тогда какъ для насъ, недубровничанъ, именно эти отступленія Червы и любопытны, и важны. Правда, отъ нихъ теряетъ Metropolis Ragusina, какъ художественное произведеніе, но за то выигрываетъ наука, а на произведеніе Червы, хотя оно писано классическою, цицероновскою латынью, мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на произведеніе строго ученое, отнюдь же не какъ на произведеніе художественное. Изъ церковной исторіи Червы, по словамъ Аппендини, сдѣлалъ извлеченіе славившійся въ его время проповѣдникъ, Власій Морджини (Biagio Morgini).

Наиболѣе любопытные отрывки изъ «Prolegomena» Червы печатаемъ въ *XI приложеніи.*

«*Vitae illustrium Ragusinorum*» въ 5 томахъ по раздѣленію Червы, въ 3-хъ по франц. ркп., столь же важно для насъ, какъ и «Metropolis Ragusina»: жизнеописанія людей, прославившихся исключительно аскетическою жизнію или мисіонерскими подвигами, встрѣчаются рѣдко; за то сколько драгоцѣнныхъ свѣдѣній о государственныхъ дѣятеляхъ, ученыхъ и поэтахъ! Методъ изложенія тотъ же, что и въ «Metropolis Ragusina»: всякій фактъ подтверждается документомъ или сказаніемъ современника; кромѣ того, Черва сообщаетъ выдержки изъ переписки знаменитыхъ людей и иногда отрывки изъ ихъ произведеній; критика поэтовъ и ученыхъ отличается не многословностію, а мѣткостью, вѣрностію взгляда, яснымъ пониманіемъ дѣла и эстетическимъ вкусомъ. Уже было замѣчено другими, что не всѣ лица, жизнеописанія коихъ сообщаетъ Черва, дѣйствительно знамениты, что между ними

---

[1]) Отрывокъ изъ «Prolegomena» о преслѣдованіи православныхъ въ Дубровникѣ и католической пропагандѣ дубровничанъ на В. изданъ мною въ III приложеніи къ «*Матер. для ист. дип. снош. Россіи съ Рагуз. Респ.* (М. 1865 г. 57 р. 72—64). См. «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Унив.» 1865 г. кн. 3.

есть и посредственныя личности, о которыхъ можно бы было и умолчать, и что съ другой стороны многіе изъ дѣйствительно замѣчательныхъ людей пропущены Червою. Нельзя не согласиться съ такимъ отзывомъ: въ жизнеописаніяхъ знаменитыхъ дубровничанъ есть и много лишняго, и много недостающаго; такъ излишне — описаніе жизни нѣкоторыхъ фратровъ, извѣстныхъ только тѣмъ, что или жили сообразно монастырскимъ правиламъ (напр. Vincentius Cauliga † 1592, стр. 389, — Симонъ Охмучевичъ † 1608, стр. 311—312), или были мисіонерами на Востокѣ (Fr. Andreas Dyrrachinus O. P. An. 1387, стр. 75—76, Fr. Philippus O. P. конца XV в., стр. 249—251), или произносили не дурныя въ свое время проповѣди (Fr. Raphael Vlatkovich XV в., стр. 256); пропущено много замѣчательныхъ дѣятелей политическихъ, ученыхъ и литературныхъ. Но не будемъ слишкомъ строги къ Червѣ: вспомнимъ, что во 1-хъ) онъ самъ былъ фратеръ и потому смотрѣлъ на вещи нѣсколько иначе, чѣмъ мы, и простимъ ему по этой причинѣ и его фанатически-католическіе отзывы о православныхъ и протестантахъ, — а во 2-хъ) онъ первый задумалъ и исполнилъ такой громадный трудъ, какъ жизнеописанія знаменитыхъ его соотечественниковъ, и, конечно, не могъ избѣжать пропусковъ и недомолвокъ. Эти пропуски и недомолвки замѣчалъ самъ Черва и потому, не смотря на то, что этотъ трудъ стоилъ ему *многихъ бдѣній* и *продолжительныхъ занятій, онъ не считалъ его достойнымъ изданія, а писалъ только съ тѣмъ, чтобъ облегчить другимъ трудъ жизнеописанія знаменитыхъ предковъ, достойныхъ вѣчной памяти и подражанія потомковъ* [1]). *Источниками* ему служили, кромѣ предшествовавшихъ ему *біографовъ* (Sixtus Sennensis, Bellarminus, Ludovicus

---

[1]) *Praefatio* r. 7: «Verum non ea mihi spes est, ut Commentaria haec mea rudi quidem stylo, et multis vigiliis, antelucano studio, et diuturno labore lucubrata interitum effugere possint, aut in multorum manus pervenire, neque enim aut aeternitate, aut publica luce aspectuque digna censeo. Id dumtaxat illis eventurum cupio, ut semel in aliquorum civium manus incidant, et quod optimum eis accidere potest, de hujusmodi argumento scribere volentibus aliquid materiae suppeditent; nec longiorem illis vitam vel opto, vel spero . . . . . Quaecumque tamen sors ea maneat studium profecto meum minime improbandum est, qui, uti monui, illustrium civium meorum memoriam inmortalem reddere conatus sim, quod quidem et mihi jucundum fuit, atque utile, tot praeclara majorum exempla contemplanti et aliis qui legerent aeque prodesse poterit».

Morerius, Justus Fontaninus, Jacobus Echardus, Tritemius, Wadingus и мн. др.) и *историковъ*, отечественныхъ и иностранныхъ, *акты архива Республики*, *некрологи*, *пергаменныя рукописи*, *списки* и вообще всѣ древнія памятники, которыя ему, гдѣ бы то ни было, удалось найти [1]).

Во францисканскій сборникъ сочиненій Серафима Червы не вошли: *Iconotheca Illustrium Fratrum Congregationis Ragusanae Ord. Praedicatorum*. A. 1728 и *Monumenta Congregationis S. Dominici de Ragusa*. Ab a. 1225 usque 1728. Libri V. Оба эти произведенія Червы, для насъ не важныя по своему содержанію, хранятся въ библіотекѣ доминиканскаго монастыря въ Дубровникѣ.

17. О жизни Франциска Себастьяна Дольчи (Сладцичь) [2]) мы знаемъ только то, что онъ самъ сообщилъ о себѣ въ запискѣ, найденной мною въ ркп. № 301 [3]): онъ родился 2-го апрѣля

[1]) ibid. 10: «At certe plurimos ex iis ante me viri clarissimi in Bibliothecas suas retulerunt, Sixtus Sennensis, Bellarminus, Ludovicus Morerius, Justus Fontaninus, Jacobus Echardus, Tritemius, Wadingus et plerique alii, hinc a me etiam referri nemo forte gravabitur, alios, et quidem plurimos a me primum relatos aegre ferent multissimi censores, rerum nihil est, cur mihi in hac etiam parte succenseant». ibid. p. 15: «Tum iterum publica Tabularia excussi, veteres codices, quos ad manus potui habere omnes; omnes item authores, qui de rebus Ragusinis scripsere, diligenter scrutatus sum, necrologia omnia, membranos, schedas et quaecumque expiscare potui vetera monumenta, praesertim vero ipsorum lucubrationes Scriptorum, quae licet in penitioribus Bibliothecis laterent, facta mihi potestate, studiose rimatus sum; nihil deniqe intactum praeterivi, unde aliquid, quod ad rem meam pertineret, efferre possem».

[2]) Дольчи былъ родомъ *герцеговинецъ*, какъ видно изъ письма аббата Фр. Дольчи, бывшаго секретаремъ черногорскаго владыки Петра Петровича Нѣгоша, къ русскому генеральному консулу въ Дубровникѣ, Фонтону, отъ 13 февраля 1803 г. Братъ Себастьяна, Стефанъ Дольчи былъ Protonotarius Apostolicus и профессоръ риторики въ Пизаро, писалъ и прозою, и стихами (*Fasti litterario-ragusini*, p. 59).

[3]) *Memorie ritrovate in un quinterno autografo del P. Sebastiano Dolci da Ragusa M. Os.*

Nacqui li 2 Aprile 1699.
Mi feci Religioso li 9 Agosto 1713.
Feci professione li 2 Aprile 1715.
Dissi la prima Messa li 3 Febbrajo 1723.
Comminciai a predicar l'avvento del 1723.
Fui fatto Lettor Filosofo del 1724.
Fui fatto Lettor Generale del 1731.
Ottenni la Patente di Clarissimo del 1735.
Fui fatto Teologo della Republica del 1733.
Fui fatto Custode del 1737.
Ottenni la giubilazione del 1742.

1699 года, вступилъ во францисканскій монастырь 9-го августа 1713 года, служилъ первую миссу 3 февраля 1723 г., и тогда же началъ свои проповѣди, доставившія ему большую извѣстность не только въ Дубровникѣ, но и во всей Италіи, въ 1724 г. былъ сдѣланъ Lettor Filosofo, въ 1731 г.—Lettor Generale, въ 1733 г. богословомъ Республики, въ 1737 году настоятелемъ (Custode); умеръ, по словамъ Аппендини [1]) въ 1777 году.

Дольчи извѣстенъ, какъ *проповѣдникъ*, *ораторъ*, *историкъ* и *поэтъ*. Его проповѣди (Quaresimale) на итальянскомъ и сербскомъ языкахъ составляютъ 2 тома. Образцами его ораторскаго искусства служатъ: *Orazione politica*, произнесенная въ Луккѣ въ 1731 году, и *Panegirico in lode di S. Vincenzo Ferrerio*. Venezia 1763 Его историческія сочиненія: 1) *Epistola anticritica sull'antichità*

Memoria di Pulpiti occupati dallo stesso P. Dolci.

L'anno 1723. l'avvento all'Isola.
— 1724. la quaresima a Pola.
l'avvento in Grado.
— 1725. la quaresima in Pirano.
— 1726. » » agli Incurabili a Venezia.
l'avvento a Rovigno.
— 1727. la quaresima ibid.
l'avvento a Ragusa.
— 1728. la quar. e l'av. ibidem.
— 1729. la quaresima ibid.
l'avv. in Ogni Santi di Firenze.
— 1730. la quaresima in Bibbiena.
— 1731. » » in S. Francesco di Luca.
— 1732. » » in S. Maria nova di Napoli.
l'avvento } in Ragusa.
— 1733. la quar. e l'av. }
— 1735. la quaresima in Sinigaglia.
— 1736. » » in Ragusa.
l'avvento all'Isola della Scala.
— 1737. la quaresima nel Domo di Firenze.
l'avvento } in Ragusa.
— 1738. la quaresima }
— 1739. » » in Araceli di Roma.
— 1740. » » in Genova all'Anunziata.
— 1742. l'avvento in Rovigno.
— 1743. la quaresima e l'avvento in S. Francesco di Mantova.
— 1744. » » in S. Francesco di Padova.
l'avvento in Pirano.
— 1745. la quaresima in Sinigaglia.

[1]) *Notizie* III, 27.

dell'Arcivescovato Ragusino colla serie cronologica dei suoi Arcivescovi. Ancona presso Nic. Bellelli 1761 — «piena», по словамъ Аппендини, «di buona critica, e confermata da continui sinceri monumenti estratti dalla libreria del suo amico Antonio Alethy». Мнѣ извѣстно это посланіе только по заглавію. 2) *De Illyricae linguae vetustate et amplitudine.* Venezia per Franc. Storti 1754. Это разсужденіе, надѣлавшее въ свое время много шуму, «dissertazione erudita», по выраженію Аппендини, «e ripiena di grandi vedute», мнѣ также неизвѣстно. 3) *Monumenta historica provinciae Rhagusinae Ordinis Minorum S. P. N. Francisci* notis criticis et chronologicis perpetuo illustrata a P. F. Sebastiano a Rhagusio Ejusdem Ordinis ac Provinciae Theologo. Neapoli 1744. Giov. de Simone — сочиненіе, не лишенное интереса для исторіи Дубровника: въ немъ сообщены между прочимъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ въ свое время проповѣдникахъ и мисіонерахъ изъ ордена францисканцевъ, а также о мѣрахъ, которыя принимала Республика въ разное время противъ православныхъ и евреевъ и т. п.; на стр. 66 — 67 помѣщена выдержка изъ книги, изданной въ Венеціи, «*Teatro Florico*», о землетрясеніи 1667 года. 4) *Fasti litterario-ragusini* auctore P. F. Seb. Dolci. Venetiis 1767. 4°. X. 66 — краткія замѣтки о жизни и трудахъ дубровницкихъ писателей, ученыхъ, музыкантовъ и художниковъ (числомъ 271): хорошая справочная книга по исторіи дубровницкой образованности. Свѣдѣнія о жизни писателей весьма скудны, отзывы объ ихъ сочиненіяхъ кратки, но всегда мѣтки и вѣрны. Аппендини говоритъ, что это сочиненіе написано большею частію по матеріаламъ, собраннымъ Джорджичемъ, — о чемъ мы не можемъ судить, такъ какъ трудъ Джорджича до насъ не дошелъ. Замѣтимъ, что, кромѣ писателей и ученыхъ, въ этой книгѣ упоминается и о музыкантахъ (напр. Францисканецъ Гавріилъ Тампарицца † 1575), и о живописцахъ, и объ изобрѣтателѣ компаса (Флавій Джіоя ок. 1302 г.) и т. п. 5) *La Diatriba sull' origine della città di Ragusa* — неизданное разсужденіе Дольчи, находящееся въ ркп. франц. библ. № 251: авторъ, на основаніи краткихъ лѣтописныхъ замѣтокъ на сербскомъ языкѣ (см. прим. 1), относитъ основаніе Дубровника къ 638 году. 6) *Libertas perpetua Ragusina ab omni jure Veneti dominii asserta et vindicata.*

Dissertatio critico-cronologico-historica Albini Esadastas de Vargas (псевдонимъ Дольчи). Написано въ 1771 году противъ венеціанскихъ историковъ (особенно Дандолы и Сабелико), утверждавшихъ, что Дубровникъ принадлежалъ нѣкогда Венеціи и только впослѣдствіи отпалъ отъ нея. Въ 6-ти главахъ Дольчи, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, доказываетъ неосновательность притязаній Венеціи на Дубровникъ и исконную его свободу и независимость. Это, важное для вопроса объ отношеніи Дубровника къ Венеціи, разсужденіе считаю достойнымъ издать въ *приложеніи XII* [1]).

Въ ркп. № 301 сохранились *P. Seb. Dolci a Ragusio Ord. Min. de Obs. nonnulla Epigrammata ex schedis Vincentii Righi exscripta.* Изъ стихотвореній Дольчи, сколько мнѣ извѣстно, не издано еще ни одно, а потому считаю неизлишнимъ сообщить здѣсь для образца его *Mariae Theresiae Romanorum Imperatrici Epigramma:*

Vix moritur Carolus, ne sis Theresia dives
  Quas video armatas in tua damna manus!
Inde furit Gallus; furit hinc cum Saxone Prussus,
  Haec cupit Hispanus, Bavarus illa rapit.
At vix te Gnatus risu cognoscit, adorat
  Prussus, et accurens Anglia classe juvat.
Dant dextram Batavi, dat sese in foedera Saxon.
  Quod doleat Gallus, plangus Iberus habet.
O risum mutantem orbem! Sed Caesare nato
  Phosphorus haud debet continuisse diem.

18. Современникъ Дольчи, іезуитъ Георгій Басичь (1693—1765 г.) написалъ исторію дубровницкихъ іезуитовъ, «*Elogia Iesuitarum Ragusinorum qui usque ad annum 1764 obiere*». Трудъ этотъ, по смерти Георгія Басича, былъ продолжаемъ священникомъ Петромъ Басичемъ. «P. Georgius Bassić», говоритъ Петръ Басичь, «natus est Ragusii anno 1693. In primo adolescentiae flore Societatem Iesu ingressus est, confectoque laudabiliter studiorum curriculo, Sacerdotioque initiatus, Ragusam venit,

[1]) Appendini II, 27—28, 31. Engel 31—32.

totumque se Deo ac Suae Divinae gloriae dicans operarii munus functus est. Nullum ille, quoad vixit, laborem, nullam curam vel incommodum in procuranda salute sive agrestium in sacris excursionibus, sive Civium in piis exercitationibus ac Templis, sive Puerorum in scholis, sive aegrotantium in Nosocomiis, sive Captivorum in carceribus, sive Sacrarum Virginum in aedibus Deo sacris unquam recusavit. Plenus dierum, laboribus confectus, assiduis ac gravissimis calculorum duloribus cruciatus obiit Ragusae anno 1765, annos natus 72. Professus quatuor votorum. Ejus memoria non solum apud Ragusinos, sed etiam apud finitimas gentes et adhuc viget, et in posterum summa in benedictione vigebit [1]).»

Elogia Iesuitarum Ragusinorum находятся въ рукописи францисканской библіотеки № 309 и переписаны съ автографа канонякомъ Радельею (1820 г.). Это сочиненіе, отличающееся правдивостью и написанное на основаніи неподлежащихъ сомнѣнію документовъ, нерѣдко приводимыхъ авторомъ цѣликомъ, составляетъ необходимое дополненіе къ жизнеописаніямъ знаменитыхъ дубровничанъ Червы, сообщая свѣдѣнія объ іезуитахъ, извѣстныхъ своими учеными и литературными трудами (напр. И. Лукаричѣ 1621—1709 г., Игн. Градичѣ 1655—1728 г,); въ тоже время встрѣчаются въ немъ свѣдѣнія объ исторіи Дубровника, въ другихъ сочиненіяхъ не находимыя: такъ напр. о томъ, что послѣ землетрясенія 1667 года іезуиты предложили Сенату тысячу червонцевъ изъ ежегодныхъ доходовъ ихъ Коллегіи для уплаты дани Султану и что для этой же цѣли Сенатъ отобралъ у монастырей и церквей, безъ разрѣшенія Папы, множество золотыхъ и серебряныхъ вещей [2]). Аппендини весьма справедливо замѣтилъ, что Георгій Басичь «fedele ed esatto nell'esposizione dei fatti, fluido e non inelegante per rapporto all'espressione Latina, si fà leggere con piacere, tanto più che i suoi elogj contengono dell'erudizione patria e relativa alla sua Compagnia» [3]). По смерти Басича, по словамъ тогоже писателя, остались *Quaresimale Itali-*

[1]) Ms. № 309, p. 285—286. Cnf. Dolci Fasti litterario-ragusini sub. № 89.
[2]) *Ragus. Jesuita XVI.* P. Franciscus Gundula. Ms. № 309, pp. 116—121.
[3]) *Notizie II*, 31.

ano и *Controversie* (на лат. яз.) *contro gli Eretici* (неоконч.); онъ хвалитъ также его *разговоры о нравственности* на сербскомъ языкѣ, изданные въ Венеціи [1]).

Къ «Исторіи дубровницкихъ іезуитовъ» приложенъ *Brevis Prospectus Iesuitarum Ragusinorum, qui ab anno* 1764 *usque ad extinctam Societatem in ea fuerunt. Auctore Petro Bassich Presb. Ragus.* Любопытны для насъ помѣщенныя здѣсь жизнеописанія I. М. Маттеи (стр. 318—319) и Берн. Заманьи (стр. 328 и слѣд.). По словамъ Аппендини, Петръ Басичь написалъ также *житіе св. Власія*. покровителя дубровницкой республики, и двѣ духовныя брошуры [2]); ему же принадлежитъ второе, *дополненное* изданіе сербскаго словаря *Деллабеллы* [3]).

19. Въ числѣ историковъ Дубровника Аппендини упоминетъ *Михаила Милишича* (1711—1798 г.). По его словамъ Милишичь, окончивъ риторику въ Дубровникѣ, былъ отправленъ для усовершенствованія въ наукахъ въ Мачерату, гдѣ получилъ степень доктора правъ; остальную жизнь свою служилъ австрійскимъ консуломъ въ Дубровникѣ. Свободныя отъ служебныхъ занятій минуты онъ посвящалъ изученію греческой и латинской литургіи и церковной исторіи; занимался также археологіею и писалъ стихотворенія по сербски [4]). Въ ркп. франц. библ. № 244 находится его *Regum Slavorum et Bosnensium Ducum brevis historia, cui Slavonicae Ecclesiae accedit chorographia* (всего 165 стр.) Аппендини отзывается съ похвалою объ этомъ сочиненіи; чтоже касается до меня, то я не нахожу въ этомъ трудѣ ни учености, ни оригинальности взгляда. Милишичь писалъ съ іезуитскою цѣлью, именно, чтобы доказать, что всѣ славяне искони стремились къ единенію съ Римскою церковью,—«ut Slavorum universa gens ardentissima voluntate ad Primam Principis Apostolorum Petri sedem advolet et perpetuis aureis nexibus se illo conjungat, nulla rerum vicissitudine aut temporum longinquitate dissolvendis (стр. 150);» на стр. 132 онъ говоритъ De effecto Slavorum Regum studio se conjungendi cum Romana Ecclesia, а на стр. 146—De summo studio Catharinae II totius Russiae

[1]) ibid. 32, 305. — [2]) ibid. 301. — [3]) ibid. 304. — [4]) Notizie II, 14.

Imperatricis ad sanciendam Ruthenicae Ecclesiae cum Romana concordiam. О Дубровникѣ говорится только кстати, отрывочно и кратко: De origine Urbis Ragusinae (стр. 18), De aristocratico regimine inducto (тамъ же), De primo Ragusinae ditionis incremento (22), De appulsu ex Siria Richardi Regis Angliae (50), De bello a Naemania illato in Ragusinos (69), De Stephano Herzegh, qui accerrimum bellum Ragusinis fecit (122). Въ сочиненіи Милишича я не нашелъ никакихъ новыхъ данныхъ о Дубровникѣ, и все что о немъ говорится, заимствовано у предшествовавшихъ историковъ, а потому Historia Regum Slavorum не имѣетъ для насъ ни какого значенія. Гораздо любопытнѣе и полезнѣе веденныя Милишичемъ до самой его смерти краткія *записки* о событіяхъ, случившихся въ его время въ Дубровникѣ [1]): память о нѣкоторыхъ изъ нихъ напр. о бѣгствѣ изъ Мальты въ Дубровникъ Великаго Магистра ордена Іоанна іерусалимскаго, Фердинанда Стомпезе, въ 1798 г., о посѣщеніи Дубровника кардиналами Франц. Карастою неаполитанскимъ и Андреемъ Аркетти брешіанскимъ сохранилось только въ его запискахъ.

20. Для исторіи Дубровника эпохи паденія весьма важны *Memorie storiche di Ragusa di Matteo Bassich*. Издавая отрывки изъ нихъ по ркп. франц. библ. № 891 въ дополненіяхъ къ Матер. для исторіи диплом. сношеній Россіи съ Дубровницкою Республикою я высказалъ свое мнѣніе объ этомъ трудѣ Матвѣя Басича: «Авторъ этого сборника историческихъ свѣдѣній о Дубровникѣ—нѣкто Матвей Басичь—извлекъ изъ одной старой рукописи (*un antico Manoscritto di Notizie storiche*, какъ онъ самъ выражается въ прим. E. ко II-й книги своего сборника) не мало любопытнаго по части исторіи своего отечества, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ извѣстными историками, Растичемъ, Рацци, Лукаричемъ, Мавро Орбиничемъ, Червaріо Тубероне и др. Весь сборникъ, оканчивающійся занятіемъ русскими войсками Боки Которской, раздѣленъ на 12 книгъ, изъ коихъ для насъ особенно важны послѣднія четыре, описывающія событія, послѣдовавшія за великимъ землетрясеніемъ 1667 года. Свѣдѣній объ этой эпохѣ

[1]) Diverse notizie storiche appartenenti alla città di Ragusa radunate dal Sigr. Millisich. Ms. № 891.

мы имѣемъ чрезвычайно мало, а потому нельзя не быть благодарнымъ М. Басичу, возъимѣвшему счастливую мысль собрать таковыя въ то время, когда представлялась еще къ тому полная возможность. Эти послѣднія 4 книги представляютъ самостоятельный трудъ Басича: въ нихъ онъ описываетъ событія, случившіяся на глазахъ его или людей, жившихъ еще въ его время. Нельзя упрекнуть Басича въ недобросовѣстности или въ преднамѣренномъ искаженіи истины; девизъ его: «Nihil falsi dicere, nihil veri dissimulare» достаточно показываетъ, какъ онъ понималъ дѣло историка; но у него замѣтенъ *недостатокъ критики*: онъ слишкомъ довѣрчиво записываетъ иногда разсказы тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ или дѣятелемъ въ описываемую имъ эпоху, и слѣдствіемъ такой крайней довѣрчивости были неминуемыя ошибки и заблужденія; такъ, напр. онъ разсказываетъ, что причиною разрыва между Россіею и Дубровникомъ было признаніе симъ послѣднимъ покровительства Порты, между тѣмъ какъ извѣстно изъ конвенціи графа А. Орлова, что республика накликала на себя грозу несоблюденіемъ невмѣшательства и даже прямымъ участіемъ въ войнѣ Турціи противъ Россіи. Точно также лишены всякаго основанія предаваемыя имъ свѣдѣнія объ изгнаніи изъ Боки маркиза Гизліери и вообще объ его поведеніи. Изъ матеріаловъ нами собранныхъ, видно, что Гизліери честно исполнилъ свой долгъ, но долженъ былъ уступить силѣ. Тѣмъ не менѣе въ сборникѣ Басича мы находимъ не мало основательныхъ свѣдѣній, и притомъ такихъ, которыя тщетно стали бы искать индѣ. Такъ крайне любопытенъ разсказъ его о посольствѣ графа Раньины въ С.-Петербургъ и объ участіи Берлинскаго кабинета въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Дубровницкою республикою, равно какъ и о пребываніи князя Георгія Радзивила въ Дубровникѣ» [1]).

γ) *Памятники юридическіе.*

I. *Общее законодательство* заключается въ 4-хъ книгахъ: 1) Liber statutorum civitatis Rhacusii 1272 г., 2) Reformationes (1310), 3) Liber Viridis (1358) и 4) Liber Croceus (1462).

1. *Liber statutorum civitatis Rhacusii* compositus per egregium Virum D. Marcum Justinianum de Venetiis honorabilem

---

[1]) Мат. для ист. снош. Россіи съ Дубр. стр. 159—160.

Comitem Rhacusii anno Domini 1272 Indictione XV mensis Maji confirmatus per populum Rhacusinum more solito congregatum die Domenico, nono ejusdem mensis (ркп. франц. библ. № 323).

Статутъ 1272 года дошелъ до насъ не въ первобытномъ своемъ видѣ, а въ редакціи XIV вѣка. Опредѣлить первоначальный его составъ трудно, хотя и есть возможность: нѣкоторыя статьи помѣчены годами, другія по содержанію относятся къ позднѣйшему времени. Отмѣтимъ сначала статьи, обозначенныя годами:

II кн. ст. 24: 1287 г. Инд. VII дополненіе къ постановленію о жалованьи посланникамъ de Racusio in Dulcignum et Antibarum;

III кн. ст. 59: 1369 г. Индикт. VII мая 23.
— 60: 1372 г. Индикт. X августа 17.
— 61: 1377 г. декабря 15.

VI кн. ст. 17: 1308 г. 6 іюня и 1309 г. 6 августа.
— 65: 1358 г. Индикт. X октября 24.

VIII кн. ст. 56: 1305 г. Индикт. I 19 ноября.
— 61: 1309 г. Индикт. VIII 16 сентября.
— 62: 1309 г. Индикт. VIII 18 декабря.
— 63: 1311 г. Индикт. IX 30 марта.
— 64: 1311 г. Индикт. IX 17 іюля.
— 65—66: 1313 г. Индикт. XI 11 марта.
— 74: 1321 г. Индикт. V 14 іюля.
— 75: 1322 г. Индикт. V 20 іюля.
— 76—77: 1336 г. Индикт. IV 16 января.
— 81—84: 1327 г. Индикт. V. мартъ.
— 85—86: 1338 г. Индикт VI 16 февраля.
— 92: 1342 г. Индикт. X.

Время составленія другихъ статей можетъ быть опредѣлено по ихъ содержанію: такъ 15-ая ст. I-ой книги «Qualiter homines Lastae dederunt se et Insulam communi Racusino» относится, очевидно, къ 1310 году, когда Ластово подчинилось Дубровнику; 18-ая статья VI-ой книги De his qui eleguntur in officiis составлена при графѣ Маринѣ Бодоаріѣ, о которомъ упоминается въ 56-ой ст. VIII-ой кн. подъ 1305 годомъ, 54-ая ст. VIII-ой книги уничтожаетъ законъ 1358 г. о пошлинѣ на вино (VI, 65), слѣд.

относится ко второй половинѣ XIV вѣка; въ 59-ой статьѣ тойже книги De justitia facienda de illis qui occiderint Sclavos помѣщено письмо дожа Петра Градениго къ графу Андрею Дауро, о которомъ упоминается въ 61-ой ст. тойже книги подъ 1309 годомъ и т. д.

Въ концѣ VIII-ой книги помѣщена привилегія дубровничанамъ на право гражданства въ Венеціи, данная дожемъ Іоанномъ Делфино на имя Марка Суперанція, послѣдняго венеціанскаго графа въ Дубровникѣ, изгнаннаго въ 1368 году. Затѣмъ въ концѣ рукописи помѣщены: 1) письмо дожа Леонарда Лауредана отъ 5-го ноября 1520 г. съ выраженіемъ благодарности за сообщеніе свѣдѣній о турецкихъ дѣлахъ; 2) булла папы Павла III отъ 25 октября 1534 г.; 3) грамота императора Фердинанда I отъ 25 іюня 1562 г.; 4) грамота императора Фердинанда II отъ 16 апрѣля 1628 г.; 5) булла папы Урбана VIII отъ 28 іюня 1626 г.; 6) булла папы Инокентія X отъ 12 сентября 1645 г.; 7) булла папы Александра VII отъ 3 февраля 1657 г.; 8) грамота императора Леопольда отъ 16 декабря 1697 г. и 9) грамота короля Вильгельма отъ 13 декабря 1697 года.

Всѣхъ книгъ въ статутѣ 8; изъ нихъ первыя двѣ (за исключеніемъ 15-ой ст. I-ой кн.) не обнаруживаютъ позднѣйшихъ вставокъ и могутъ быть отнесены къ составу статута 1272 года. Въ первой книгѣ всего 34 статьи;

Ст. I. *Qualiter D. Comes recipitur a Communi et a Canonicis.* Statuimus quod *D. Comes* qui per tempora venerit ad Civitatem Rhacusii *jurabit bonum regimen, et conservationem totius Civitatis Rhacusii in publica concione secundum antiquam consuetudinem Rhacusii congregata ad sonitum campanarum, et statuta civitatis Rhacusii, et judicare secundum ea.* Quo juramento facto dabitur eidem Comiti per manus Communis Rhacusii vexillum Beati Blasii Episcopi et Martyris, et taliter investitur in platea de comitatu, et regimine Rhacusii. Postquam D. Comes cum eodem vexillo statim ibit ad Majorem Ecclesiam videlicet S[ti] Marci Archiepiscopatus ubi a Canonicis et Clericis cum incensu, et aqua, et textu Evangelico ad januam recipitur supradictae Ecclesiae populo ejusdem Civitatis sequente eundem D. Comitem in via Chorum Ecclesiae memoratae; eodem autem Comite perveni-

ente ante magnum Altare ipsius Ecclesiae praedicti Canonici assignabunt ei vexillum Beati Blasii memorati, quo recepto ab eis D. Comes *salvo sacramento D. Ducis et regiminis Civitatis Rhacusii, et ejus consuetudinem ante ipsum altare jurabit iterum manutenere et conservare omnes rationes et consuetudines ipsius Ecclesiae et Canonicorum ejus sicut in* sequentibus Capitulis scriptum distinctius invenitur, et in illa hora Canonici ipsius Ecclesiae cantabunt in pergulo laudes ipsi Comiti pro quibus laudibus D. Comes dabit eis de suo proprio ipperperum unum. Ipso autem D. Comite revertente ad plateam cum populo supradicto homines Rhacusii jurabunt ei fidelitatem secundum quod continetur in capitulari fidelitatis, et secundum antiquam consuetudinem Civitatis, et sic erit inclytus Comes.

Ст. I. De his quae D. Comes tenetur facere Canonicis et Canonici sibi.

Ст. III. De potestate quam habet D. Comes super eligendis officialibus.

Ст. IV. Quando D. Comes vadit ad stanicum vel ad parlamentum (община платитъ путешествіе).

Ст. V. Pro sale necessario pro familia D. Comitis (община продаетъ ему соль по той же цѣнѣ, по какой ей самой стоитъ).

Ст. VI. De eo quod D. Comes recipit a beccaris (со всякаго быка или коровы 18 фолларовъ, со свиньи—8, со всякаго другаго животнаго 4 фоллара).

Ст. VII. De eo quod D. Comes dat beccaris (по 1 перп. въ новый годъ).

Ст. VIII. De eo quod molendinarii faciunt Comiti et ipse eis (даромъ мелютъ муку, получаютъ въ новый годъ по 8 грошей).

Ст. IX. De eo quod D. Comes facit Naucleriis et marinariis (получаютъ въ Рождество отъ графа, соляныхъ приставовъ и отъ церкви св. Маріи по 2 перпера).

Ст. X. De eo quod D. Comes recipit a piscatoribus (отъ дневной ловли 1%, отъ ночной 6%).

Ст. XI. Quando Comes facit pescare aquam Umblae (нанимаетъ рыбаковъ по произвольной цѣнѣ).

Ст. XII. De lignis et taeda quae recipit D. Comes.

Ст. XIII. *De arboracio foresteriorum venientium per mare.* Praenotandum est quod omnes naves, et barchae quae veniunt de toto Regno Apuliae et de Sicilia, et de tota Marchia Anconae, et de tota Romagna dant D. Comiti pro arboracio ipperperum unum pro unoquoque arbore, et deinde inferius ad voluntatem ipsius D. Comitis si fecerit portum in Rhacusio. Et est sciendum quod naves de Ancona, Bari, Zermoli, Barletto, Sipunto, Otranto, Malfeto, Iuvenacio, Bestice, Senegaglia et Fano nihil dant D. Comiti pro arboracio. Et homines de Civitate Nova dant pro arboracio secundum antiquam consuetudinem soldos quinque. Naves omnes vel barchae venientes de partibus Lastae usque Dyrachium in Rhacusium, quae faciunt portum, dant pro arboracio de nave ipperperum unum pro unoquoque arbore, et de barcha dant ad voluntatem D. Comitis a medio ipperpero inferius. Et barcha Correctoris de quocumque loco nihil dat pro arboracio. Omnes etiam naves, vel barchae de foresteriis, quae navigant secundum usum Rhacusii, et portant partem operi Ecclesiae S. Mariae Majoris nihil dant pro arboracio, nec pro sesta.

Ст. XIV. *De eo quod habet Comes de servis et ancillis quae venduntur.* Sciendum est quod omnes Rhacusei et Foresterii qui comperant sclavum, et extrahunt de Rhacusio per mare dant D. Comiti pro quolibet sclavo vel sclava, qui vel quae fuerit longus, vel longa duobus cubitis in supra tertium de ipperpero, et deinde inferius ad voluntatem D. Comitis. Et si sclavus ille vel sclava fuerit longus vel longa minus duobus cubitis nihil datur D. Comiti secundum antiquam consuetudinem.

Ст. XV. *Qualiter homines Lastae dederunt se et Insulam Communi Rhacusii.* Notandum est quod quando homines de Lasta se et Insulam Lastae Communi Rhacusii hoc pacto dederunt se et Insulam suam, videlicet quod Commune Rhacusii juravit manutenere omnes suas antiquas consuetudines, quas ipsi inter se habent, et secundum hoc pactum Commune Rhacusii dedit eam de sua voluntate comiti suo, qui per tempora erit in Rhacusio.

Ст. XVI. *De Vaccha de margarisio.* Et est sciendum quod D. Comes habere debet de Vaccha quae datur pro margarisio coxam unam cum dimidio pro honorificentia, et Vicarius debeat divi-

dere ad peciam totas alias carnes ipsius vacchae per bonos homines Rhacusii.

Ст. XVII. De lignis portantibus blavam q. dant partem Archpo.

Ст. XVIII. De eo quod piscatores dant D. Archiepo.

Ст. XIX. De placitis quae habet D. Archiepus in Curia Saeculari.

Ст. XX. De placitis hominum D. Archiepi.

Ст. XXI. De monasterio Lacromensi et de ejus villis.

Ст. XXII. De eo quod recipit Sacrista a lignis et navibus.

Ст. XXIII. De parte quae datur a navigantibus Ecclesiae S. Mariae.

Ст. XXIV. Qualiter eliguntur Procuratores Ecclesiae S. Mariae et de eorum officio.

Ст. XXV. De redditu staterae, rubi, carri et balanciarum, quae recipit S. Maria.

Ст. XXVI. De eo quod. Procuratores S. Mariae recipiunt a piscatoribus.

Ст. XXVII. De offitio Protomagistri Ecclesiae S. Mariae et de eo quod habet.

Ст. XXVIII. De eo quod magistri laborantes in Eccl. S. Mariae habent a Procuratoribus ejusdem Ecclesiae.

Ст. XXIX. De offitio Vicarii (D. Comitis).

Ст. XXX. De eo quod habet Vicarius.

Ст. XXXI. De jure Pitantarii.

Ст. XXXII. De offitio Ripariorum.

Ст. XXXIII. De eo quod recipiunt Riparii.

Ст. XXXIV. De eo quod datur Ripariis pro quolibet mandato.

Вся вторая книга, за исключеніемъ ст. XXIV-ой De salario nunciorum, заключаетъ формулы присяги, даваемой различными классами общества, въ вѣрности дожу, графу и Дубровницкой республикѣ; особенно любопытны слѣдующія:

Ст. I. *Sacramentum D. Comitis.* Juro ad S. Dei Evangelia ego Comes Rhacusii bona fide sine fraude et malo ingenio *salvare et regere ipsam Civitatem ad usum et consuetudinem ejusdem ad honorem Communis Venetiarum et D. Ducis, et rationes Communis Rhacusii bona fide salvabo:* Et omnes compagnias et sacramenta facta et

facienda, et reitates disturbabo, et justitiam aequaliter majoribus et minoribus manutenebo et complebo. Et cum majori parte Consilii ad sonitum Campanae *malos usus Rhacusii diminuam, et bonos accrescam.* Et nec amicum juvabo nec inimicum nocebo per fraudem. Et habebo omnes honorificentias, et balias quas habuerunt Veneti Comites Rhacusii in Rhacusio, et in omni alio loco. Haec omnia observabo *salvo sacramento quod juravi Domino Duci Venetiarum.*

Ст. II. *Sacramentum militum sive Sociorum Domini Comitis.* Iuro ad S. Dei Evangelia quod bona fide sine fraude adjuvabo et consilium dabo, et manutenebo D. Comitem Rhacusii, et similiter ipsam Civitatem Rhacusii salvabo, et ad melius quam potero consilium dabo *salvo honore D. Ducis et dicti Domini Comitis* et cum requisitus fuero de aliquo ab ipso D. Comite in Consilio, vel extra illam partem capiam, et illud consilium dabo, quod mihi melius apparebit. Et *si remansero in loco ipsius Comitis in regimine Comitatus ero adstrictus in omnibus, et per omnia cum ipso Sacramento quod D. Comes juravit, videlicet coram D. Duce.* Et omnes credentias tenebo quas ipse D. Comes praecepit mihi observare usque dum voluerit ipse. Nec amicum juvabo, nec inimicum nocebo. Et non fecero mercationem in partibus Rhacusii, nisi de eo quod mihi superfuerit de meo salario. Et cum ipso Comite permansero ad suum servitium usque dum ipse rexerit in Comitatu, nisi pro eo remansero dando salarium quod mihi promisit. Haec omnia, ut dictum est, attendam bona fide et sine fraude.

Ст. III. *Sacramentum fidelitatis quod homines Rhacusii faciunt D. Duci Venetiarum et Communi Rhacusii.* Iuro ad S. Dei Evangelia bona fide sine fraude, *fidelitatem ad D. Ducem Venetarum, et ad D. Comitem nostrum* custodire eum in persona sua, et in rebus, et in omnibus rationibus sui comitatus, et adjuvare illum contra omnes homines, qui malitiose voluerint ipsum offendere, et observabo fidelitatem ei dum steterit in regimine Civitatis Rhacusii, et Comitatus illius *salva fidelitate D. Ducis, et ad honorem Venetiarum et salutem Rhacusii.* Et adjuvabo eum ad manutenendum bonum statum Civitatis Rhacusii et Comitatus illius, et virtutem dabo ad omnes rationes et justitias complendas. *Et non ero in aliqua societate vel compagnia nec per sacramentum nec per*

fidantiam, nec per promissionem, nec per ullum ingenium contra honorem D. Ducis Venetiarum, et contra honorem D. Comitis et contra salutem Rhacusii dum steterit in regimine Civitatis Rhacusii et sui comitatus, et si tum in dictis compagniis cum aliquibus rumpam, et non tenebo illud, nec aliud sacramentum vel promissionem in aliqua compagnia, imo dabo operam rumpendi eam, et si sciero factam aliquam compagniam, vel sciero faciendam quam citius potero manifestabo D. Comiti. Et quando D. Comes petierit a me consilium dabo ei rectum et fidele, et veritatem dicam. Et rationes, et justitias, et directum omnibus quae pertinent ad Communitatem Rhacusii observabo, et promitto bona fide observare sine faude, et si aliquis de ipsis justitiis et rationibus habet aliquid manifestabo D. Comiti, et si ego de ipsis habeo aliquid quam citius potero Communi reddam, et amplius non tollam. Et *observabo pactum Venetiarum et dabo operam quod ab omnibus observetur.*

Формулы присяги, изложенныя въ остальныхъ 30 статьяхъ, мало чѣмъ отличаются отъ вышеприведенныхъ: во всѣхъ ихъ повторяются выраженія подобныя: «Cum honore D. Ducis Venetiarum», «fidelis ero D. Duci Venetiarum» и т. п.

Ст. XXIV. *De salario Nunciorum* любопытна для исторіи внѣшнихъ сношеній Дубровника въ XIII вѣка: въ ней опредѣлено жалованье и все необходимое для путешествія посланникамъ, отправлявшимся въ Dyrachium, Avolanum, Corfù, Armiro, Arbanum, Dulcignum, Antibarum, Cattarum, Rasciam a Bresqua in antea, in Bresquam tantum vel Anagastum, Popoam, Narentum, Chelmum, Bosnam, Almisium, Spalatum, Tragurium, Jadram, Polam atque Triestum, Venetiam et usque Marchiam Anconitanam и Brundusium usque Vestam.

Почти вся третья книга, именно за исключеніемъ послѣднихъ трехъ статей (59—61), могла также входить въ составъ Статута 1272 года: въ ней говорится о порядкѣ судопроизводства, о судьяхъ, о вызовѣ къ суду, о тяжбахъ дубровничанъ съ иностранцами, о ростовщикахъ, о долгахъ, о лжесвидѣтеляхъ, о довѣренностяхъ и завѣщаніяхъ и наконецъ излагаются начала международнаго права; для насъ особенно любопытны слѣдующія статьи:

XVI—De vocatis per foresterium non possit exire de Rhacusio.

XIX—De placitis inter homines Rhacusii et homines Dalmatiae.

XX. De his quae petuntur in Stanico.

XXI. De foresterio qui aliquid recipit a Rhacuseo. et super hoc vocatur.

XXII. De foresterio qui habet cartam super Rhacuseum.

XLII. De testamentis factis extra Rhacusium.

XLIX. De consuetudinibus inter homines Jadrae et Rhacusii

L. De consuet. inter hom. Rhacusii et hom. de Sibenico, Tragurio et Spalato.

LI. De consuet. inter Rhacuseos et hom. Comitatus Chelmi [1]).

LII. De consuet. inter Rhacuseos et hom. Bossinae.

LIII. De consuet. inter Rhacuseos et hom. Rasciae.

LIV. De consuet. inter Rhacuseos et illos de Genta.

LV. De consuet. inter Rhacus. et Civitates Dalmatiae Super.

LVI. De consuet. inter Rhacuseos et Dominos Sclavoniae.

LVII. De consuetud. inter Rhacuseos et Sclavos.

LVIII. De eo qui vincit Servum vel Ancillam per placitum: Si aliquis homo vel mulier in Stanico vel in Curia Rhacusii, aut in alio loco extra Rhacusium per placitum vicerit aliquem servum vel ancillam, sciendum est, quod ille homo vel mulier potestatem habet portandi ad domum suam illum servum vel ancillam quem vel quam vicerit in placito sine praecepto D. Comitis et Curiae Rhacusii, et sine datio Dni, et D. Comes cum sua Curia secundum antiquam consuetudinem non potest in hoc dare ei contrarium.

LIX. Anno Domini 1369 Indict. VII die 23 maji in Majori Consilio . . . . . statutum et firmatum fuit . . . . (о должникахъ).

LX. Anno Domini 1372. Indict. X. die 17 augusti in Majori Consilio . . . . (idem).

LXI. Anno Domini 1377. die 15 Decembris in Majori consilio . . . . (idem).

---

[1]) LI—LIV и LVI—LVII изданы М. Пуцичемъ, Споменици Српски II, 141—148.

Въ 4-ой книгѣ изложены права собственности (80 ст.), а въ 5-ой говорится о дорогахъ и постройкахъ: (45 ст.) обѣ книги представляютъ для насъ мало любопытнаго.

Только первыя 15 или 16 статей 6-ой книги, содержащія уголовные законы, могли входить въ составъ Статута 1272 года; всѣ же остальныя, излагающія различныя торговыя постановленія, относятся къ XIV вѣку: изъ нихъ особенно для насъ любопытны статьи:

XLI. *De sale.* Qui salem portaverit in Rhacusio, sive sit extraneus, sive civis, discarigare salem ipsum, vel vendere non possit, nisi Communi Rhacusii sine voluntate et licentia D. Comitis, qui si concordare cum Communi non poterit, nec habere licentiam a praedicto D. Comite vendendi salem ipsum alteri, quam Communi possit portare salem ubicumque voluerit extra Rhacusium. Si autem extraneus aliquis sine licentia D. Comitis vendiderit salem alicui Rhacuseo, solvat pro banno ippereperos 10, et perdat salem. Additum est quod quicumque tam Rhacuseus, quam forésterius qui exoneraverit salem in Rhacusio, solvat dictum bannum et perdat salem.

XVI. Quod nullus vendat salem in Rhacusio (sine licentia D. Comitis: дополненія къ предыдущей 1308 г. 6 іюня).

XXI. De his qui vendunt Dalmisianis: Rhacuseus qui vendiderit navem, vel aliud lignum in Dalmisio solvat pro banno ipperperos 100, et perdat pretium ligni.

XXII. De his qui comperant a Dalmisianis (lignum: solvat pro bano ipperp. 25. et lignum illud incendatur).

XXX. De Rhacuseo qui facit injuriam foresterio (пеня платится не иностранцу, а общинѣ).

XXXI. De vino de foris non portando (исключаются графъ, доминиканцы и францисканцы).

XXXVI. De his qui adducunt vinum de foris (теряетъ вино и платитъ штрафу 2 перпера).

XXXVII. De his qui cum vino veniunt in portum Rhacusii (даютъ клятвенное обѣщаніе не продавать вина въ Д-кѣ).

XXXIX. De aceto (воспрещается продажа подъ штрафомъ 2-хъ перперовъ: для домашняго употребленія дозволяется привозить usque ad medium quinquum).

XL. De molza (воспрещается продажа подъ страхомъ пени въ 2 перпера).

XLI. De vino Insularum (Iupanae, Delafodis et Calamottae): позволяется продавать мѣстное вино ad Tabernam и привозить изъ Дубровника не иначе, какъ съ разрѣшенія графа, подъ страхомъ пени въ 1 перпера).

LVIII. De his qui vadunt Dalmisium (sine licentia D. Comitis: solvat pro banno ipperp. 25 quos si solvere non poterit perdat unum oculum).

LIX. De facientibus mercatum (cum Dalmisianis: perdat mercimonia et solvat pro banno ipperp. 40).

LX. De accusantibus quod contraxerint cum Dalmisianis, si non probatur.

LXI. De accusantibus qui faciunt mercatum cum Dalmisianis.

LXIII. De advocatoribus pro Sclavis (Дубровничанинъ не можетъ быть адвокатомъ славянина подъ страхомъ пени въ 1 перперъ и недѣйствительности рѣшенія). Изд. М. Пуцичемъ II 148.

LXIV. De his qui non reddunt redditum Savornae (платятъ вдвое).

LXV. De vino (Stagni et Punctae: 1358. ind. X. 24 octobris: воспрещается привозъ въ Дубровникъ подъ страхомъ потери имѣнія въ Стонѣ или пени въ 500 перперовъ, или же годоваго заключенія въ тюрьмѣ).

LXVI. De poena illorum, qui habent partem in navigio cum forensi, et non habent tot marinarios, quot partes habent in ipso (500 перперовъ).

LXVII. De poena illorum, qui habent partem de navigio cum forensi (500 перперовъ).

Вся седьмая книга, излагающая въ 67 главахъ правила для мореходцевъ, не носитъ на себѣ отпечатковъ позднѣйшихъ добавленій: по своему содержанію, она для насъ любопытнѣе и важнѣе всѣхъ другихъ, ясно свидѣтельствуя объ обширномъ развитіи мореходства у дубровничанъ въ XIII вѣкѣ. За невозможностью изложить заключающіяся въ этой книгѣ постановленія, ограничусь перечнемъ статей:

I. Qualiter Patroni tenentur aptare naves suas.

II. De navibus quae debent habere Scribanum (a modiis 600 sopra).

III. De corredis et affilis navium.

IV. De his qui vadunt Patroni navium.

V. De navibus euntibus in viagium sine mercatoribus.

VI. De damnis quae eveniunt mercibus in navi.

VII. De damnis quae eveniunt navibus in arboribus et antennis.

VIII. De credentia vel concordia quae fit inter Patronum navis et mercatores.

IX. De mercibus non portandis supra coopertum.

X. De Pueris.

XI. De Naucleriis et marinariis volentibus relinquere lignum extra Rhacusium.

XII. De marinariis, qualiter tenentur complere viagium.

XIII. De Nauclerio et marinariis quod non audeant vendere navem.

XIV. De Patronis volentibus vendere navem suam.

XV. De pactis inter Patronum navis et nauclerium et marinarios.

XVI. De Patrono navis, qui vadit cum ea marinarius.

XVII. De expensis necessariis in navi.

XVIII. De faciendo Nauclerio.

XIX. De servis qui vadunt marinarii: Servi qui vadunt marinarii cum navibus vel lignis Rhacusii vadunt pro liberis, et si servus aliquis, qui iret in ipsis navibus, vel lignis marinarius, fugeret, vel captus esset, donec ipsa navis vel lignum veniret Rhacusium pars ejus debet laborare Domino servi, et nihil aliud recipere pro eo, et ita laborare debeat uniali libro si caperetur.

XX. De servis qui vadunt conducti: Sancimus quod omnes servos patronorum navis vel ligni, quos ipsi in sua nave vel ligno ponere voluerint, seu mittere nauclerius, debeat accipere illas pro servis et non pro liberis. Et est sciendum, quod Patroni habent potestatem ponendi in illo ligno servum suum pro conducto, quando illud lignum fuerit paratum, et Nauclerius qui illos servos susceperit habet potestatem verberandi et percutiendi servum vel servos patronorum, et corrigendi eos, cum navis vel

lignum in viagio fuerit: Et si ipse servus vel servi pro ipsis verberibus fugerent et perderentur, sciendum est, quod nauclerius aut communitas ejus nihil tenetur emendare pro servo illo vel servis, verumtamen pars ejus navigare debet, ut dictum est.

XXI. De conducto, qui fugit.

XXII. De termino marinariorum, qui complent non finito viagio.

XXIII. De marinario ad partem qui infirmatur.

XXIV. De marinario ad marinaritiam qui infirmatur.

XXV. De marinario, qui moritur.

XXVI. De discordio super numero partium inter patronos et marinarios.

XXVII. De conducto quod possit esse testis.

XXVIII. De illis, qui volunt dividere lucrum extra Rhacusium.

XXIX. De paraspodia non extrahenda.

XXX. De honorificentia nauclerii.

XXXI. De marinariis captis.

XXXII. De eo, qui capitur occasione pignorum.

XXXIII. De navibus captis a cursariis.

XXXIV. De obedientia debita nauclerio a marinariis.

XXXV. De afflaturis.

XXXVI. De Rhacuseo, quod non possit naulizare lignum foresteriorum.

XXXVII. De mercato quod, fit de naulo et arris.

XXXVIII. De pretiis pannorum, quot esse debent per ballam.

XXXIX. De mercibus, qualiter debeant ponderari.

XL. De mercibus, quae poni debent in navi ad pondus.

XLI. De mercibus, quae portantur in Marchiam: Merces, quae portantur in Marchiam Anconitanam taliter naulizantur, videlicet, quod naulizetur centenarium pro centenario, tam de becconis quam de montoninis, et unum centenarium de cavriolis pro duobus de becconis, et libra 1300 de cera ad pondus Rhacusii pro uno centenario de becconis, et coria cataplati 125 pro uno centenario corium, et unum milliare de lana imbojata pro uno centenario de pellibus, et centum salavinae duplices pro uno centenario coxium.

XLII. De pecunia, quae vadat cum navi.

XLIII. De navibus, quae vadunt cum eutegis.

XLIV. De navibus, quae exeunt de culfo.

XLV. De eutegis, quae debent scribi per scribanum navis.

XLVI. De manifestatione facienda a nauclerio et marinariis patrono.

XLVII. De navi, quae patitur naufragium.

XLVIII. De his, qui recipiunt eutegos intra culfum.

XLIX. De his, qui perdunt de eutegis.

L. De his, qui accipiunt collegantias intra culfum.

LI. De his, qui accipiunt aliquid ad collegantiam, et amittent de eis.

LII. De marinario, qui mittitur cum denariis a sociis suis.

LIII. De his, qui non investiunt omnes denarios.

LIV. De eo, qui ponit in navi rem calumniosam.

LV. De rogantia.

LVI. De strina vel Pedocia.

LVII. De his, qui non habent denarios pro faciendo carico suo.

LVIII. De his, qui projiciunt aliquid de navi in mare.

LIX. De his, qui accipiunt ligna ad naulum sine marinariis.

LX. De his, qui accipiunt barcas ad naulum ad partes.

LXI. De his, qui accipiunt lignum sine licentia patroni.

LXII. De his, qui accipiunt barcam pro vindemiis.

LXIII. De ligno, quod imprestatur alicui sine pretio.

LXIV. De his, qui accipiunt lignum ad vindemiam in certo loco.

LXV. De eo, qui discaricat vinum de una barca in aliam.

LXVI. De eo qui non potest caricare lignum in vindemiis.

LXVII. Sacramentum scribani navium.

Въ восьмой книгѣ собраны различныя постановленія, не вошедшія въ предъидущія книги, какъ-то: объ избраніи судей, объ адвокатахъ и нотаріусахъ, о пошлинахъ и сборахъ, о фальшивыхъ монетахъ (LV и LXXXIV) и вѣсахъ и т. п. (всего 98 статей) [1]. Въ VIII-ой книгѣ, вторая половина которой (съ LII ст.) принадлежитъ XIV вѣку, любопытны для насъ статьи:

[1]) L, LI, LVI, LVIII и LXXIII изданы М. Пуцичемъ Споменици II, 149—154. Тамъ же LV и LXXXIV, 169—171.

L. De barcis non dandis Sclavis et de poena contrafacientium.

LI. De marangonibus et calafatis, ut non vadant laborandum in barcis Sclavorum, et de poena, qui contra hoc faciunt.

LIV. De revocatione datii vini.

LVI. De personis partium Sclavoniae servientibus et complacentibus Communi vel singularibus personis Rhacusii, et de offendentibus (Anno D. 1305. Ind. I, die 19 M. Novembris).

LIX. De justitia facienda de illis, qui occiderint Sclavos.

LXI. De 3-a parte Dohanae danda pro improntis (1309. Ind. VII. Sept. 16).

LXII. De personis partium Dalmatiae Superioris obligatis per cartam in Rhacusio quod teneantur respondere (1309. Ind. VII. Dec. 18).

LXIII. De sale non portando ad loca prohibita (1311. Ind. IX. Mart. 30).

LXIV. De navigiis euntibus in conservam (1311. Ind. IX. Iulii 17).

LXV. De sale, quod fiet in districtu Rhacusii, quo ferri possit (1313. Ind. XI. Martii 11).

LXVI. De Dohaneriis vel Fondecariis, qui stant extra districtum Rhacusii (1316 Ind. XI. Martii 11).

LXXIV. De his, qui se presentant venditionibus et vadant extra Rhacusium (1321. Ind. V. Iulii 14).

LXXV. De his, qui adducunt salem Rhacusii (1322. Ind. V. Iulii 20).

LXXVI. De mensuris non justis (1336. Ind. IV. Ianuarii 16).

LXXVII. De argento, cera et aliis mercantiis ponderandis et ponderibus quolibet anno justandis.

LXXVIII. De armis portandis in quolibet navigio.

LXXIX. De armis cujuslibet ligni, quae arma portare debent.

LXXX. De vino forensi non portando.

LXXXII. De caseo non portando alio quam Rhacusium (1327. Ind. V Martii).

LXXXV. Quod salarium alicujus Ambasatoris vel alterius personae seu officialis Communis Rhacusii non possit pro aliquo debito sequestrari (1338. Ind. VI. Februarii 16).

LXXXVI. Quod nullus Rhacuseus non possit esse Procurator in Rhacusio pro aliquo Cattarino.

XCII. Quod aliquis de Majori Consilio non possit facere beccariam (1342. Ind. X).

XCVII. De carbonosis et aliis transformationibus prohibitis et de poena etc.

На Статутѣ Дубровника видно сильное *вліяніе Венеціи*, а иначе и быть не могло при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ составленъ этотъ Статутъ. Извѣстно, что дубровничане, дабы избавиться отъ тираніи Даміана Іуды, обратились въ 1204 году, по совѣту Петра Бенесы, къ дожу Дандоло съ просьбою прислать имъ въ графы одного изъ венеціанскихъ патриціевъ: желаніе ихъ было исполнено, и Лаврентій Квирини былъ назначенъ графомъ Дубровника. Онъ обязывался управлять страною по старымъ обычаямъ и законамъ заодно съ властелями, въ рукахъ которыхъ оставалась по прежнему вся власть; ему же были предоставлены только особыя почести [1]). Само собою разумѣется, что Венеція, посылая въ Дубровникъ своего графа, разсчитывала управлять чрезъ него страною и мало-по-малу совершенно подчинить ее своей власти: дѣйствительно, мы видимъ, что при преемникѣ Квирини, Иванѣ Дандоло, она беретъ съ дубровничанина Ивана Вереро, отправлявшагося на востокъ, клятвенное обѣщаніе не заходить въ Александрію (in terra Alexandriae vel Egypti non ibit [2]); за тѣмъ дожъ Петръ Ziani, въ апрѣлѣ 1225 г., требуя отъ Дубровника заложниковъ, приказываетъ: «Volumus quoque et mandamus, ut omnia vestra balista quae habetis sine omni delatione nobis dirigatis. Item nobis praecipimus et mandamus, ut in terra inimicorum nostrorum non pergatis, nec cum inimicis nostris faciatis mercatum [3]);» 3-го октября 1226 года воспрещается: «quod nullus homo Venetiarum, nec Venetus, nec forinsecus a modo in antea per se vel suum nuntium per aliquod ingenium audeat recipere in domo suo aliquem Ragusinum neque aliqua mercimonia hominum Ragusii, nisi in prima die vel

---

1) Resti 85—90.

2) Acta Archivi Veneti... collegit J. Joannes Schafárik. Belgradi 1860—1862. s. № DXXV (1224. Julii 16).

3) ibid. DXXVI.

secunda fuerit notum Vicedominis Venetiarum, sub pena lire 30 et soldi 12, et duplum, quantum solverat Ragusinus de ratione mercimoniorum omnium, quorum simplum quantum solvisse deberet [1]); 10 числа тогоже мѣсяца и года дожъ самъ назначаетъ заложниковъ, которыхъ дубровничане должны послать въ Венецію [2]); 6 апрѣля 1227 года дубровничане обязываются за ввозъ въ Венецію товаровъ *de Sclavonia* платить пошлины *quadragesimum*, а въ случаѣ укрывательства вдвойнѣ [3]) . . . Дубровничане вскорѣ замѣтили, къ чему клонятся поступки Венеціи и поспѣшили прогнать Дандоло и избрать въ вице-графы Андрея Добрану, въ 1230 г. [4]). Но съ избраніемъ Добраны начались раздоры властелей, и дубровничане принуждены были въ 1232 г. отправить въ Венецію пословъ съ просьбою прислать къ нимъ снова своего графа [5]). Но на этотъ разъ Венеція стала дѣйствовать осмотрительнѣе и рѣшилась не иначе посылать въ Дубровникъ своего графа, какъ подъ условіемъ различныхъ правъ и привиллегій, стѣснявшихъ политическую самостоятельность и торговлю Дубровника: въ маѣ 1232 года дожъ Яковъ Теуполо предписалъ дубровничанамъ слѣдующія условія:

1) Ragusini semper Archiepiscopum eligent de Venetia . . . Et si D. Dux a D. Papa poterit obtinere, quod Archiepiscopatus Ragusii Gradensi ecclesiae subponatur, ejus electionem praesentabunt D. Patriarche Gradensi, confirmationem electionis postulantes . . . .

2) . . . idem Archiepiscopus jurabit fidelitatem D. Duci et successoribus suis . . . .

3) Clerus autem in anno ter, sc. in Nativitate Domini, in Pascha resurrectionis et in festo S. Blasii, laudes cantabunt in Majori Ecclesia solempniter D. Duci, D. Patriarche, Archiepiscopo suo et Comiti omni anno . . . .

---

[1]) ibid. DXXX. — [2]) ibid. DXXXI. — [3]) ibid. DXXXII. — [4]) Resti 98.

[5]) ibid. 100—101. Cnf. *Chron. Andr. Danduli* p. 347: «Anno quarto Ducatus Jac. Teupoli Ragusini, qui Graecorum et Sclavorum suggestione Venetis hucusque rebellaverunt, missis nuntiis ad subjectionem redeunt, et annuale consuetum tributum et subjectionem ecclesiae suae Patriarchae Gradensi, si hoc a Papa poterit obtineri, et piratis ac Venetorum aemulis inimicari fideliter promittunt» (*Tafel und Thomas*, Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien 1856. II, 307).

4) Habebunt quoque Ragusini semper Comitem et Comites de Venetia, quem vel quales D. Dux cum majori parte sui Consilii eis dare voluerit, qui jurabunt fidelitatem D. Duci et successoribus suis . . . .

5) Jurabunt autem et omnes homines comitatus a tredecim annis et supra fidelitatem D. Duci et successoribus suis; et ipsa fidelitatis sacramenta renovabunt singulis annis decem.

6) Jurabunt quoque fidelitatem Comiti omnes et Comitibus omnibus futuris in perpetuum, salva fidelitate D. Ducis, ad honorem Venetie et salutem Ragusii cum bono et honore ac salvatione Venetie.

7) Et quotiens fecerit Venetia exercitum usque Dyrachium. et a Dyrachio et infra usque Brundusium, et a Brundusio et infra, sicut Venetia faciet, similiter facient Ragusini secundum numerum virorum suorum. Si vero exercitum fecerit a triginta lignis armatis et supra,que debeant transire Dyrachium et Brundusium, facient inde Ragusini tricesimam partem et stabunt in servitio Venetie, usque dum steterit exercitus Venetie.

8) Tollent namque Ragusini de omnibus navibus extraneorum, que illuc applicuerint ad portum faciendum, illam rationem, quam Venetia tollit de extraneorum navibus. Divident illam in tres partes, de quibus unam dabunt Archiepo, aliam Comiti, et tertia sit communis Ragusii.

9) Omnes qui erunt amici Venetie, Ragusini illos pro amicis habebunt; et omnes qui erunt inimici Venetie, Ragusini illos pro inimicis habebunt, et non ricipiunt Cacichios neque Dalmesanos, vel alios corsarios . . . . in civitate Ragusii. Et si Venetie miserint contra Cacichios et Dalmesanos galeas ad offendendum eos. Ragusini similiter tunc mittent ad offendendum eos lignum quinquaginta hominum . . . .

10) Dabunt quoque Ragusini omni anno in festo Omnium Sanctorum D. Duci pro regalia yperperos 12, et communi Venetie . . . yperp. auri 100, et Comiti suo . . . yperp. 400 . . .

11) Obsides autem dabunt Ragusini 12 de 12 parentatibus nobiliorum illius terre . . .

12) Praeterea Ragusini de mercibus Romanie, quas Venetiam apportaverint, dabunt in Venetia communi Venetie quinque pro

centenario; et de mercibus ultramarinis et terre Aegypti, Tunixii et Barbarie solvant quintum; et de mercibus regni Sicilie et Apulie solvent quadragesimum . . . . De mercibus vero Sclavonie in Venetia nihil solvere debeant. Et tantummodo cum quatuor navigiolis a LXX milliariis et infra debent Ragusini Venetiam venire per annum . . . . In Venetiis vero non debeant facere Ragusini mercatum cum foristeriis . . . . [1]).

Такимъ образомъ дубровничане добровольно подчинялись господству Венеціи и тотчасъ же почувствовали всю тяжесть этого господства: въ 1235 году Дандоло былъ вторично изгнанъ и Θеодоръ Кроче и Петръ Болислава были избраны вицеграфами [2]); но не долго они управлялись своими графами: въ 1236 году отправлено новое посольство въ Венецію съ просьбою возобновить договоръ 1232 года и прислать въ Дубровникъ графа; благодаря твердости характера одного изъ пословъ, Матвѣя Бодатича, Венеція ограничилась однимъ только добавленіемъ къ договору 1232 г., а именно: «Item ab Ancona istac per totam riveriam ipsi Ragusini non facient portum, nisi per occasionem tollendi victualia (causa) ducendi Venetias [3]).»

Въ іюнѣ 1237 года прибылъ въ Дубровникъ новый графъ Иванъ Теуполо, сынъ дожа,—на два года [4]). Въ 1252 г. «Ragusini», по словамъ Андрея Дондоло [5]), qui Duci aliqualiter rebellaverunt, missis nuntiis a Duce ad pristinam subjectionem pie recepti sunt». Посламъ Дубровника, кромѣ возобновленія прежнихъ договоровъ [6]), было поручено просить дожа о посредничествѣ въ распрѣ съ королемъ сербскимъ, Стефаномъ Урошемъ. Marino Mauroceni приказалъ своему графу въ Дубровникѣ отправиться къ Стефану Урошу для личныхъ переговоровъ по этому дѣлу; но онъ изъ трусости не исполнилъ приказанія

---

[1]) Мы привели въ сокращенномъ видѣ главныя статьи *Pacti Ragusii* 1232 г., изданнаго сначала Нани, а потомъ Тафелемъ и Томасомъ (Urkunden z. ält. Handels-uud Staatsgesch. d. Rep. Venedig. CCLXXXII. II, 307 sqq.) и Я. Шафарикомъ (Acta Archivii Veneti DXXXV).

[2]) Resti 102. См. также Карано-Твртковича № 2. и Resti 103.

[3]) Tafel u. Thomas CCXCII, 328.

[4]) Resti 104.

[5]) Urkunden z. Gesch. d. Rep. Vened. II, 464.

[6]) Pactum Ragusii A. D. 1252 m. Martii. Urkunden CCCXXI. 464.

дожа [1]) . . . Въ 1265 году Венеція поссорилась съ Стефаномъ Урошемъ изъ-за притѣсненія ея купцевъ, и онъ сталъ вымещать свою злобу на дубровничанахъ и вздумалъ даже посадить въ Дубровникъ своего графа; дубровничане обращаются за помощью къ Венеціи, а между тѣмъ укрѣпляютъ городъ и посылаютъ другое посольство къ самому Урошу: дѣло уладилось безъ вмѣшательства Венеціи [2]).

Таковы были отношенія Дубровника къ Венеціи, до составленія Статута 1272 г., а потому неудивительно, что въ немъ на первомъ планѣ стоятъ интересы Венеціи, вѣрно служить которой обязуются всѣ дубровничане отъ графа и архіепископа до 13-лѣтняго мальчика. . . .

Руководствомъ къ составленію дубровницкаго Статута могъ служить М. Юстиніани венеціанскій статутъ, изданный при дожѣ Яковѣ Теуполо въ 1242 году [3]). Графъ—венеціанецъ, дававшій одновременно двѣ присяги—regere Civitatem *ad usum* et consuetudinem ejus и *malos usus Ragusii diminuire et bonos accrescere*, не затруднялся malos usus Ragusii diminuire и ad honorem Communis Venetiarum et D. Ducis bonos (т. е. венеціанскіе) accrescere . . . Извѣстно, что все государственное устройство Дубровника заимствовано у Венеціи, что многія торговыя постановленія внесены въ Статутъ по договору съ Венеціею; тѣмъ не менѣе весьма трудно опредѣлить степень самостоятельности дубровницкаго статута, хотя нѣкоторыя его статьи прямо ссылаются на *древніе обычаи*: необходимо тщательное сравнительное изученіе законодательствъ Венеціи, Дубровника и разныхъ романскихъ и славянскихъ племенъ, чтобъ рѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно. Начало такому изученію положено Евсевіемъ Салвертомъ, издавшимъ въ тридцатыхъ годахъ въ Парижѣ сочиненіе: *De la civilisation: Venise et Raguse*. Такой трудъ тѣмъ тяжелѣе, что древніе памятники дубровницкаго законодательства — самосто-

---

[1]) Resti 113—115.

[2]) ibid. 121—123.

[3]) Pratica Sommaria Civile et criminale di tutte le leggi, decreti, consegli et ordini del Statuto Veneto. Ampliata in questa 2da editione con l'aggiunta delle leggi civili et criminali, et correttioni degli ultimi SS. Principi — di *Rizzardo Griffo*, Causidico Veneto. Venetia appresso l'herede di D. Zenaro. 1629.

ятельнаго—частію погибли въ пожары 1013 и 1297 г., частью же умышленно истреблены венеціанскими графами . . .

Венеціанское вліяніе, съ особенною силою господствовавшіе въ Дубровникѣ въ XIII вѣкѣ [1]), продолжалось до 1368 года, когда были окончательно изгнаны венеціанскіе графы: оно замѣтно и на первыхъ дополненіяхъ къ статуту 1272 года—*Reformationes* (1335 г. индикт. III, мая 10, при графѣ Николаѣ Фалетро) и *Liber Viridis* (1357—1460 г.). Послѣднее дополненіе къ Статуту 1272 г., *Liber Croceus*, составлено въ 1462 году (до 1574 г.) во время соперничества Дубровника съ Венеціею. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о дополненіяхъ къ Статуту 1272 года, потому что единственное полное собраніе дубровницкихъ законовъ, кромѣ подлинника, хранящагося въ недоступномъ Архивѣ Республики, имѣется у книгопродавца Мартеккини, который, самъ не пользуясь своими рукописными сокровищами, не дозволяетъ пользоваться ими и другимъ. Для насъ доступны только Статутъ 1272 г. въ ркп. франц. библ. № 323 и отрывки изъ дополненій къ нему въ сборникахъ Маттеи и у Червы и Пуцича (*Споменици* II. L. Reformationum 154—158, 171—4, и L. Viridis 158—165, 174—176 и L. Croceus 176—8: о сербахъ и фальшивыхъ монетахъ).

2. *Таможенный уставъ Дубровника* (Capitulare della Dogana grande) 1413 года на основаніи устава 1277 года съ продолженіями до 1674 года—пергаменная рукопись францисканской библіотеки № 321 съ изображеніемъ на первой страницѣ Распятія Христа, какъ мнѣ сказывали, *оригиналъ*, въ чемъ убѣждаетъ насъ соблюденіе различныхъ формальностей при внесеніи въ уставъ новыхъ постановленій, какъ то: точное обозначеніе времени со-

---

[1]) G. Luccari, Copioso ristretto degli Annali di Rausa. Venetia 1605. II, 41: «In questo tempo molti de' nobili lasciate le vesti, che per tutto si chiamano mantelli, si vestirono con maniche a comeo, e misero sul capo le berette tonde, come usano portare i nobili Venetiani, le quali nacquero dal cerchio de' capucci. Presero ancora in gran parte il modo di vivere alla straniera, et attendendo alle mercantie, et all'arte del mare si fecero assai facoltosi. Onde io credo, che da queste institutioni Giovanni di Ravenna chiama Rausa Venetia minore, nel che lo seguita Emanuele Chronista di Harvoje Harvatich Duca di Spalato. Et a me pare che in ciò non habbiano errato, perciochè il nostro governo è poco difforme dal Venetiano».

ставленія и внесенія въ книгу этихъ постановленій, числа голосовъ pro и contra и наконецъ засвидѣтельствованія Секретаря Республики.

Введеніе начинается словами: «Adsit nobis principium Iesus et Virgo Maria;» за тѣмъ слѣдуетъ: «In principium erat verbum etc.;» наконецъ говорится о времени составленія устава: «Ala laude e gloria dela individua trinitade, e dela gloriosa virgine Maria, e de tutta corte triumphante e del glorioso martire miser san Biassio de questa alma citade Ragussi protectore *per lo comandamento del spectabel homo miser Polo de Gondola honorabil rector dela predita citade e del suo menor conselio, exempiado fo questo capitulare dela douana granda delo capitular antico començado nel MCCLXXVII Indictione V nel dì penultimo de Setembrio* siando doanirij nobil homen ser Marino J. de Gradi, ser Zugno de Ranina, ser Simon. Mic. de Resti. e ser Marino J. de Gondola. *Soto l'anno del nostro signor MCCCCXIII. Indictione VI. del mese maio*».

Только первыя 37 статей входили въ составъ устава 1277 года; съ 38 главы начинаются дополненія: ст. XXXVIII. De Catarini mercanti a Ragussa over venienti over naviganti a Ragussa con le mercadantie over cauanti fuora le Schiaue составлена при графѣ Маркѣ Geno на основаніи договора, заключеннаго съ Которомъ въ 1280 году [1]); ст. XXXIX: Sel Catarino abia anda con navilio de Ragussi ad alcuni logi patron de barcha scodi la doana составлена при I. Джорджи, о которомъ упоминается въ актахъ подъ 1289 годомъ; ст. XLIX: Ragusino vendante le mercadantie al Catarino over andante a Cataro con mercadantie paga doana составлена при графѣ Марино Bodoario, о которомъ упоминается въ статутѣ подъ 1305 г.; за тѣмъ слѣдуетъ рядъ статей, помѣченныхъ годами: L—1320 г.; LI—LIV—1326 г., LV—1351, LVIII—LXI—1358, LXII—LXIII—1392, LXIV—1394, LXV—1372, LXVI—1377 г. . . . Слѣдующія 4—5 статей были добавлены, вѣроятно, въ 1413 году: такимъ образомъ уставъ 1413 года составленъ изъ 70 статей, изъ коихъ 37 взяты изъ устава 1277 года. Ст. LXXIII помѣчена 1433 го-

---

[1]) Resti 125—126.

домъ, а LXXIV—1435 г. Статьи LXXV—CIX заключаютъ торговый договоръ Дубровника съ Анконою, заключенный въ 1387 г. Индикт. V. Мая 6-го и возобновленный въ 1436 г. [1]): LXXV—LXXXIX: Questi sono li ordeni como le Anconitani debbiano esser tratadi in Ragusa e in lo distretto in fato de doane e mercadantie; XC—CIX: Questi sono li ordeni como debiano esser tratadi Ragusini in Ancona in fato de doane per pati fati. Вслѣдъ за договоромъ съ Анконою помѣщена грамота дожа Андрея Дандоло къ венеціанскому графу въ Дубровникѣ Марку Сауренцо отъ 7-го сентября Индикта IV (безъ означенія года) озаглавленная такъ: «Che quelli siano tractadi per Veniziani che fanno le façςion et le graveze de Venezia.» За тѣмъ счетъ статей прекращается, но попрежнему статьи озаглавливаются: Ordene sopra le mercantie che pagano quatro. e sie. e. uno per cento 1442 г. Инд. V 21 апр., Ordene che per le lane che si conducono per li forestieri pagar si debia uno per cento 1447 г. 28 іюня и т. д. до 1674 г. 19 іюля: опредѣленіе пошлинъ на panni di Londra и panni fini d'Olanda. Ркп. оканчивается слѣдующимъ постановленіемъ: «Che li Signori Doganieri non possono dar licenza d'imbarcar salumi in alcun luogo del nostro Dominio, nè mandi fanti per assistere all'imbarco di detti salumi per conto della Dogana, ma che tutti quelli che volessero imbarcar salumi debbano condurli qui nel Porto, et ivi fatta la Polizza della Dogana imbarcarli, et non altrove sotto pena del controbando, eccettuati quelli di Tèrpanj, che per esser lontani possano imbarcarli in detto luogo i salumi della propria pescagione, come fin'hora si è praticato.—Che i suddetti Provedimenti durino per tre anni solamente.»

Таможенный уставъ Дубровника 1277—1674 г. представляетъ намъ наглядно развитіе дубровницкой торговли: въ этомъ заключается важность его, какъ источника для исторіи Дубровника, Республики по преимуществу *торговой*. Для насъ особенно любопытны статьи, касающіяся внѣшней торговли; таковы:

III. De foresterj la tella portanti a logi questi.

---

[1]) Resti 343.

IV. De extrahenti a questi logi bonbasge fostagni bochascini couertori e çope.

V. Raguseo non uada lauorar çupe de fuora.

VII. Façanti le çupe a foristiri debiano auanti denunciar a douanirj cha darle esse.

IX. De Ragusini danti a foristiri e mandanti a questi logi la draparia seda cambio ouer altre cosse.

X. De conducenti a Ragussi schiaui e schiaue da vender: Cadaun Raguseo over forestiro abia porta a Ragussi schiauo over schiaua paga a douana per schiauo over schiaua quel over qual abia vendu grossi IV. Açontado ee che se algun schiauo abia porta schiauo over schiaua a Ragussi, quel schiauo cusci se abia uendu al Raguseo come se abia vendu al forestiro, niente paga a douana. Ragussino el qual compra serva over ancilla da schiaua paga a douana grossi quatro per cadaun schiauo over schiaua. Come di sopra dito ee. Quel medemo paga forestiro se abia comprà schiauo over śchiaua da sclauo, *exçeto Venetiani li quali non pagano:* Et cadaun Raguseo abia porta sclauo over sclaua a Ragussi per la cascon da vender sia tenuto dir e manifestar ali douanirj infra tre dì da poi che abia venuto a Ragussi tutti sclaui e sclaue e se non abia manifesta come dito ee paga al comun cadauna volta per bando ypperpero 1-o. Veramente per cadaun sclauo over sclaua qual over quale non abia manifesta paga per bando el terzo più de quelo che pagarave ala douana over ali douanirj. E sia tenuto cadauno pagare douana quel di nelo qual abia vendu sclauo over sclaua: E cadaun chi contra questo abia fato paga el terço più per bando.

XI. De extrahenti de Ragussa sclaui over sclaue eciamdio condute al termino: Ancor cadaun Raguseo over forestiro abia extrato de Ragusa sclauo over sclaua paga auanti chal se parta de Ragussa per cadaun sclauo o sclaua ypp. uno delo qual ypperpero miser lo conte abia grossi quatro. e doana grossi otto. Azontado ee che se algun sclauo abia extrato algun seruo over ancilla de Ragussi, quel sclauo niente paga cuscì al misser lo conte. come a doana, ma Raguseo el qual abia vendu quel sclauo et dito seruo ouer ancilla debia pagar per cadaun servo over an-

cilla ypperp. uno, de lo qual ypperrero misser lo conte e doana habiano como ditto ee: E cadaun chi contra abia fato paga per cadaun sclauo over sclaua ypperpero uno: Azontado ee che tuti forestiri li quali abiano trato sclauo over sclaua da Ragussa qual o quale abiano riçeuuto al anno al çerto termino pagano a doana ypperpero uno, delo qual miser lo conte habia grossi quatro.

XIII. De extrahenti de Ragussa astori torciolli falconi e sparuiri.

XXI. De gabella de olio.

XXII. De Ragusini fuora portanti ouer vendenti ali foristieri sciauine e rasie.

XXIII. De Ragusei portanti cosse de forestiri fuora de Ragussi a questi logi.

XXIV. De Ragussini staganti o sianti fuora de Ragussi portanti cosse sue over de forestiri a questi logi.

XXV. De Ragussini vendenti a foristiri a minuto le merçe calciamenti peliçaria. e oure de oresi.

XXVIII. De andanti al viagio debiano se presentar ali doaniri.

XXIX. De pena generalmente imposta a tuti Ragussini per mare portanti over mandanti mercadantie a questi logi.

XXX. Barche e naviglij andanti a questi logi debiano notificar a doaniri: E barche andante al viagio debiano ala ponta cargar.

XXXI. De pena generalmente inposta a Raguseij portanti per terra mercadantie a questi logi.

XXXII. Andante al viagio per terra auanti che salme faça se presenta a doanirij.

XXXIII. Pena generalmente imposta ali vendenti a forestiri cosse le qual se portano a questi logi.

XXXVIII. De Catarini mercanti a Ragussa over venienti over naviganti a Ragussa con le mercadantie over cauanti fuora le schiaue: Noi Marco Geno Conte de Ragussi con la voluntate del menor conseglio e mazor e con le laudo del pouolo de Ragussi in publica congregaçion assunati per lo sono dele campane como ee de uscança. Statuimo che se Catarino in Ragussa fara alguno mercado con Ragussino de algune marcadantie e cosse e

abia voluto dite mercadantie e cosse extraher over far cavar fora de Ragussi e portar o mandar ali luogi dove abia paga la rasgon de doana quel Raguseo el qual vendera al Catarino dite cosse abia paga a doana de Ragussa de dite cosse ala rasgon de trenta denari veneçiani grossi per cadaun çentenaro deli ypperperi: Exçeto fostagni deli quali paga a doana predita deli denari veneçiani grosso uno per cadauna peça de fostagno. Exçeto drapo de lino delo qual paga a dita doana ala rasgon de denari veneçiani grossi tre e lo terço de grosso per cadaun çentenaro de drapo. Se Catarino abia compra in Ragussa algune mercadantie e cosse de alguno forestiro esso Catarino paga ala dita doana de Ragussi quelo che predito ee se esse abbia porta a logi prediti. *Salvo se abia compra dal Veneçiano alora niente paga* a doana. E se Catarino abia venuto a Ragussi e abia voluto navegar fora de Ragusi con algun navilio esso Catarino paga la rasgon de doana de Ragussi come a paga Raguseo. Se veramente esso Catarino abia navegado con navilio de Ragussi e abia se movesto da Venezia o da Marcha over da alguni logi e abia anda in algune terre per le qual pagasse la rasgon de doana, paga esso Catarino ala doana de Ragussi como dito ee de cosse de qual se paga doana: Noma sel Catarino abia navega con navilio de forestiri e abia anda in terre de Sclavonia liberamente vada e niente paga a dita doana: Se veramente esso Catarino abia venuto a Ragussi con algun navilio cusci de Ragussini come de foristiri con algune mercadantie e cosse e abia volu esse portar o mandar da Ragussi ad algune terre per le qual se paga la rasgon de doana paga esso Catarino la rasgon de doana de Ragussi. *Exçeto Veneçiani con li quali niente se paga a doana.* Salvo se essy Catarini non descargaseno dite mercadantie e cosse in terra alora niente pagano a doana: Noma se abiano fato el porto e abian discarga d'uno navilio in altro in porto de Ragussi pagano a doana de Ragussi como predito ee: E se Catarino abia extrato de Ragussi servo aver ançilla paga quelo che paga el Ragussino.

XXXIX. Sel Catarino abia anda con navilio de Ragussi ad alguni logi patron de barcha scodi la doana.

XLIX. Ragusino vendante le mercadantie al Catarino over andante a Cataro con marcadantie paga doana.

L. Cavante fora de Ragussi le piere cote paga doana.

LI. Raguseo portante mercadantie a questi logi paga tanto per doana.

LII. Forestiro sia tenuto pagar per doana tanto quanto Ragusei pagano in la terra de esso. E se esso abia cavato de Ragussi sie tenuto a pagar come segui (secondo forma del statuto de doana. Victuali exçeti de mente chel taxa).

LIII. Forestiri intra si façanti. o. mercanti mercadantie in Ragussi da ypperp. X. in su sono tenuti dar quel dì in scrito ali doanirj.

LIV. Forestirii intra si mercanti çioe façanti mercadantie in Ragusi da ypperp. X. in su sono quel dì dar in scrito ali doaniri.

LVIII. Dele doane de forestieri çirca mercadantie: Nel anno del nostro signor MCCCLXXXV. nel dì III del çugno: Noi Climento misser de Goçe rector de Ragusi con voluntade del menor e mazor conseglio al sono de campana al modo usato assunati: ordinemo conçosiacossa che per pagamenti de doane de forestieri uxano spesse volte nascer li litigii tra doaniri nostri e forestieri mercadanti che cadaun forestiero el qual abia conduto le merçe a Ragusi abia discarga e esse abia spazato per cadaun modo de conduta e trata pagar sie tenuto tre per centro. e tanto più oltra 3 per centro quanto piu pagato anno nostri Ragusini in çidate e logi de tali forestieri questo provando per un Raguseo: E doaniri abiano libertade tignir se a conduta over a trata de mercadantie per reçever la doana come ali diti doaniri piasgera: *E in predito ordene non si intendono esser ne includano. Veneçiani. Dalmatini. Anconitani. Sclavi* e queli con li quali avemo alguni pati e convençion li quali pati servano se secondo forma de essi ne eçiamdio queli intendono se li quali sono specificati e nominati; Ancora che cadaun forestiero el qual con soe mercadantie vora far *el transito* per Ragussi ad algune parte descargando dentro nela çitade e cavando e non spaçando sie tenuto pagar un per centro. Veramente se vora transito far *a confino appresso Bulgaria: Sclavonia. Çenta. Bosna. Regname de Ungaria.* e ad altri logi tra questi nominadi porti neli queli loghi noi pagamo doana pagar debia quel forestiero tre per çentenaro. des-

cargando dentro e conducendo e cavando como dito ee. Se alguno veramente abia descarga. e dentro abia conduto. e la parte abia spaça. e la parte non abia spaça. per la parte spaçada servasse el primo statuto. E per la parte non spaçada abia logo questo secondo del transito: E piere preçiose margarite. over perle, e iocalia abian se per le merçe se le portate serano ali logi in li quali noi pagamo doana.

LX. De doana del casso çoe de formaio e sevo fuora portato.

LXI. Cauante fuora formaio de Narenti over altruove che a Ragussi portante overo forestiero vendante puneschasge.

LXII. Forestieri portanti panni o fostani, per caxon da vender debia quelo dì dar in scrito ali doaniri e tal cosse compranti per portar de fora paga doana e doaniri vedano quelle cose desligar.

LXIII. Forestieri non comprano in Ragussi sal biava over grassa per portar fuora.

LXIV. De doana da pagar per queli de Rodo (como in Rodo tratanose nostri mercadanti. 1394. Инд. 24 августа).

LXV. Forestieri non façan mercadantie infra si a Ragussi over distreto suo (1372. 28 августа).

LXVI. De panno non da vender a retaglio per forestieri (*exçepto Veneçiani*. 1377. 11 апрѣля).

LXXIII. MCCCCXXXIII a dì XXII de zenar la declaraçion d'uno ordene de forestieri de non vender panni.

LXXIV. La correçion per li Antivarani (1435. 14 мая: siano tegnuti pagar per transito over trata uno per çentenaro).

LXXV—CIX: договоръ съ Анконою 1387 г.

Мѣсто намъ не дозволяетъ указать на многочисленныя,—весьма любопытныя для исторіи внѣшнихъ сношеній, особенно съ Востокомъ, Дубровника,—дополненія къ уставу 1413 года. Въ заключеніе скажемъ, что и на таможенномъ уставѣ Дубровника, особенно 1277 г., видно сильное *вліяніе Венеціи*, въ пользу которой дѣлается много исключеній въ ущербъ національной торговлѣ; эти исключенія встрѣчаются еще во второй половинѣ XIV вѣка; за тѣмъ исчезаютъ, и на мѣсто ихъ появляются даже строгія запрещенія.

Ни Статутъ, ни таможенный уставъ Дубровника доселѣ еще не изданы; изданъ только *морской уставъ*: Regolamenti della Republica di Ragusa per la navigazione nazionale. Ed. 1-a Ragusa 1794. Ed. 2. ibid. 1805. Издано также руководство къ дубровницкимъ законамъ, написанное Николаемъ Буничемъ въ 1671 году: Praxis judiciaria juxta stylum Curiae Ragusanae (Ragusa 1784). Изъ очерковъ дубровницкаго законодательства мнѣ извѣстны: Червы (въ его Prolegomena'хъ in Sacram Metropolim Ragusinam cap. XV: De Politia Rag. Reip. ejusque comitiis ac magistratibus), — М. Бана (Зерцало повѣстнице дубровачке во II-ой кн. извѣстнаго сборника: *Дубровникъ*) и А. Майкова (въ I-ой гл. I-ой части Исторіи Сербскаго языка).

II. *Частное законодательство* — статуты островов Млѣта, Ластова и Корчулы.

1. *Статутъ острова Млѣта* (Meleda) 1345 года изданъ по пергаменной рукописи XV вѣка д-ромъ Венцелемъ въ Archiv für Kunde österr. Geschichts-Quellen 1849. Bd. II. 1—35. Во францисканской библіотекѣ въ Дубровникѣ есть другой списокъ этого статута s. № 951, гораздо новѣе изданнаго Венцелемъ, не представляющій замѣчательныхъ особенностей относительно содержанія, но объясняющій нѣкоторыя темныя выраженія венцелевскаго списка: такъ ст. 12, озаглавленная у Венцеля: De carte de *parchivio* e de donation, въ нашемъ спискѣ надписывается: Sui documenti e scritture riguardanti *le dotazioni* e donazioni; слово dvornik, упоминаемое въ ст. 24, объяснено словами: *Ufficiale del Palazzo*; слово *pudari* въ ст. 34 замѣнено выраженіемъ болѣе вразумительнымъ: *custodi* o *guardiani*, — *fameglio* e *famula* въ ст. 39 — *servi* e *serve*, — *boni homeni* въ ст. 18 — *periti*, *cepo* въ ст. 54 — *carcere*. . . . . Кромѣ того вмѣсто болѣе древнихъ выраженій венцелевскаго списка: C*onte de Ragussi* (ст. 19), *notaro* (ст. 12, 27) употребляются болѣе новыя: *Rettore* и *Cancelliere*. Слово *uignie* въ ст. 18 и 34 замѣнено болѣе общимъ *possessioni*. Въ 35 ст. отецъ семейства названъ *assoluto padrone* всѣхъ имѣній вмѣсто *Signior*, какъ у Венцеля. Въ 54 ст. въ венцелевскомъ спискѣ сказано, что судья не можетъ освободить заключеннаго въ тюрьму *sença magor parte de li çudessi*, а въ на-

шемъ просто— *a parte* (che nessuno di loro (Giudici) possa lasciar veruno dalla carcere) . . . . Судя по языку, нашъ списокъ относится, какъ кажется, къ прошлому столѣтію. Статутъ такъ озаглавленъ:

a) *въ венцелевскомъ спискѣ*: «In nomine domini nostri Jesu Christi Amen. Iste est liber de ordinamenti et dele usançe dela universitade del comun de Melida fate ed ordinate per tuti li homeni di quela isola in publicho regumento delo populo, in lo tempo de Fra Mathia Abbate di Melida in anno Domini M°CCCXLV de lo mese de setembrio;

b) *во францисканскомъ*: «Nel nome del Signore Nostro Jesu Christo: questo è il Libro delle ordinationi ed usanze dell'Università di Meleda fatte ed istituite per ogni Individuo dell'Università e (sic!) di questa Isola di Meleda, registrate ne' tempi di Fra Mattia Abbate di Meleda nel mese di Settembre del MCCCXLV».

Предполагаю статутъ Млѣта достаточно извѣстнымъ послѣ изданій Венцеля и М. Бана (посербски въ III кн. Дубровника. Загребъ 1852. стр. 194—218), чтобы распространяться объ его содержаніи. Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями объ его историческомъ значеніи. Извѣстно, что еще въ 1044 году захлумскій банъ передалъ церковь св. Панкрація на островѣ Млѣтѣ кромскимъ бенедиктинцамъ, которымъ въ 1151 году сербскій князь Десса отдалъ и весь островъ въ пользованіе: такимъ образомъ Млѣтъ перешелъ во владѣніе дубровничанъ чрезъ посредство кромскихъ бенедиктинцевъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется общественное положеніе, занимаемое аббатомъ Млѣта: онъ управляетъ имъ вмѣстѣ съ избираемыми имъ-же самимъ *судьями*; но верховная законодательная власть остается въ рукахъ *народа*, составляющаго *сборъ*. Въ Статутѣ еще не упоминается о *графѣ*: первое упоминаніе о немъ находимъ въ дополненіи къ Статуту 1428 г.; въ 1485 году *Visconte* Млѣта раздѣляетъ съ аббатомъ административную власть, участвуя въ избраніи судей; въ 1488 году упоминается о Маринѣ Гетальдичѣ, *Conte de Çupana e de tre Isole e de Melida*; въ 1499 году избранъ особый графъ для Млѣта. Дополнительныя къ Статуту статьи любопытны тѣмъ, что пред-

ставляютъ постепенное паденіе автономіи Млѣта, которою онъ уже во время составленія Статута пользовался неполнѣ: ст. 19 предоставляетъ недовольнымъ мѣстнымъ судомъ право аппелировать въ Дубровникъ, ст. 28 установляетъ правила для избранія судей, ст. 36 обязываетъ млѣтчанъ праздновать память св. Власія, покровителя Дубровника . . . но еще Млѣтъ управляется сборомъ, аббатомъ и своими судьями; съ назначеніемъ для управленія этимъ островомъ особаго дубровницкаго чиновника (Visconte), роль аббата начинается стушевываться: уже въ 1485 году говорится только о правѣ вмѣшательства (intervegnir) аббата въ дѣла острова и въ ущербъ ему учреждается *намѣстничество* (luogotenenza), въ 1494—1498 г.г. Совѣты Дубровника, Большой и Малый, уже прямо вмѣшиваются въ дѣла Млѣта, а въ 1524 г. всякое участіе въ общественныхъ дѣлахъ отнимается у аббата, и онъ остается при одной только духовной власти. Такимъ образомъ въ первой четверти XVI столѣтія исчезаетъ даже тѣнь самоуправленія Млѣта, которымъ съ тѣхъ поръ завѣдуетъ назначаемый Дубровникомъ графъ, подчиненный сенату Республики.

Всѣхъ статей въ Статутѣ 68; дополненія до 1524 г.

2. *Статутъ острова Ластова* (Lagosta, у Константина Порфир. Λάστοβον De admin. imp. XXXVI) 1310 года изданъ Венцелемъ по пергаменной ркп. XV вѣка съ дополненіями до 1559 г. (?1557? Archiv für Kunde österr. Geschichts-Quell. l. c. 36—76). Во францисканской библіотекѣ въ Дубровникѣ есть другой списокъ (s. № 319) съ дополненіями до 1735 г. Онъ и полнѣе, и вѣрнѣе изданнаго Венцелемъ: въ венцелевскомъ спискѣ всего 58 статей нумерованныхъ, а за тѣмъ слѣдуютъ дополненія въ безпорядкѣ до 1559 г. (вѣрнѣе: 1557); въ нашемъ спискѣ всего 189 статей, изъ коихъ самая поздняя относится къ 1735 г.; нашъ списокъ имѣетъ еще то преимущество передъ венцелевскимъ, что онъ списанъ съ оригинала, какъ видно изъ слѣдующей приписки: «Tutto fedelmente è trascrito, foglio per foglio, e parola per parola come si trova nel Statuto di Lagosta, nel quale non si trova altro,» и имѣлъ практическое предназначеніе. Списокъ Венцеля занимаетъ въ нашемъ 121 статью; за тѣмъ слѣдуютъ дополненія: ст. 122—134, помѣченныя 23 ноября 1601 г., опре-

дѣляютъ положеніе, власть и жалованье графа, порядокъ судопроизводства и предписываютъ мѣры внѣшней безопасности; ст. 135—141 (1602 г. Инд. XV августа 24) ограничиваютъ власть графа однимъ судопроизводствомъ, предписываютъ совершать акты о приданомъ изъ недвижимой собственности *per publica scrittura*, учреждаютъ двѣ тюрьмы—мужскую и женскую, запрещаютъ *сборы* безъ разрѣшенія графа подъ страхомъ 3-хъ лѣтняго изгнанія съ острова для однихъ, а для другихъ шестимѣсячнаго плаванія въ кандалахъ на общественномъ фрегатѣ Республики, и предписываютъ мѣры противъ контробандной торговли; въ ст. 142 (2 іюня 1618) ластовецъ Марино Лука Вукельинъ возводится въ дворянское достоинство и получаетъ пожизненное вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ графство на Ластовѣ; ст. 143—164 (14 февраля 1677 г.) заключаютъ инструкціи графу для управленія островомъ: въ этихъ инструкціяхъ опредѣляется кругъ его дѣятельности и отношенія къ жителямъ острова, учреждается правильная администрація, предписываются различныя мѣры для благосостоянія края (между прочимъ воспрещается жидамъ, отъ которыхъ страдалъ народъ, оставаться на островѣ болѣе восьми дней) и внутренней и внѣшней безопасности и искореняются злоупотребленія прежней администраціи; въ ст. 165 заключается нѣсколько постановленій, помѣченныхъ различными годами: a) отъ 28 января 1597 г. о почестяхъ графу при входѣ его въ церковь, b) 1 декабря 1708 г. объ аппеляціонномъ судѣ, c) 1 и 10 марта 1709 г. о продажѣ вина, d) 13 февраля 1709 г. о праздникѣ св. Власія и церковныхъ церемоніяхъ, e) 9 мая 1709 г. опять о продажѣ вина, f) 13 апрѣля 1715 г. объ обязанности общины оплачивать путешествіе графа въ Дубровникъ и обратно, g) 19 февраля 1716 г. ограниченіе предъидущаго постановленія (если графъ по своей волѣ, до истеченія годичнаго срока, оставляетъ островъ, община освобождается отъ уплаты путевыхъ его издержекъ) и h) 25 іюля 1735 г. (31 параграфъ)—объ обязанностяхъ графа, о мѣрахъ внутренняго благоустройства и о правильномъ судопроизводствѣ; ст. 166: a) 1616 — 12 sacramenti, b) 16 марта 1628 г. о доходахъ Ластова; ст. 167 (1628 г.) — о продажѣ вина; ст. 168 (21 марта 1628 г.) возбраняетъ пребываніе на Ластовѣ иностранцамъ, исключая двухъ случаевъ: 1) если они же-

нятся въ Дубровникѣ и подчинятся его законамъ и 2) если они прежде жили уже много лѣтъ на Ластовѣ; ст. 169 (10 февраля 1628 г.)—о мѣрахъ; ст. 170 (27 декабря 1633 г.) о жалованьѣ графу (=1601 г.); ст. 171 (29 апрѣля 1634 г.): I. Яковъ Свичевичь пожалованъ въ дворяне; ст. 172 (6 ноября 1477) о продажѣ недвижимости; ст. 173 (21 іюля 1635 г.) о вывозѣ вина на Востокъ съ разрѣшенія Сената; ст. 174—183 (1635 г. Индикт. III. октября 30)—противъ злоупотребленій графовъ и чиновниковъ; ст. 184 (1648 г. 6 іюля) дозволяетъ графу временно удалиться на материкъ послучаю вторженія въ Адріатику варварійскихъ корсаровъ; ст. 185 (1645 г. 18 фелраля) запрещаетъ священникамъ вступать въ свѣтскія братства; ст. 186 (1645 г. 18 февраля) о построеніи дома для проповѣдника; ст. 187: a) 1669 г. 6 мая о предоставленіи Петру Фулурису титула почетнаго гражданина (benemeritus), b) 1653 г. Инд. VI. октября 6—противъ небрежности и злоупотребленія мѣстныхъ властей; ст. 188 (1662 г.): опредѣленіе восьмидневнаго срока для подачи жалобъ и назначенія гвардіановъ оцѣнщиками убытковъ на поляхъ и въ садахъ и 189 (2 мая 1654 г.) объ общественной стражѣ.

Островъ *Ластово* принадлежалъ во времена Константина Порфир. грекамъ; поже онъ подпалъ власти неретвинцевъ, а въ 1310 году добровольно подчинился Дубровнику и получилъ отъ него особаго графа въ лицѣ Власія de Sorento, который долженъ былъ управлять Ластовомъ по его законамъ, тогда же собраннымъ и утвержденнымъ Ректоромъ Дубровника, какъ видно изъ самаго заглавія статута: «In nomine domini nostri iesu christi amen. Questo libro e deli ordinamenti et dele usançe dela universitade et delo comun dela ysola de Lagusta facte et ordinate per tutti li homeni dela Universitade de quella ysola in publico arengo de populo. In lo tempo de serbiasio de sorento conte dela dicta ysola per lo nobile et sauio homo miser bartholomio gradenigo honorabile conte de Ragusa le qual usançe et ordinamenti fono conceduti et confirmadi ala dicta universitade et alo comun de Lagusta per lo predicto miser bartholomeo conte. Anno domini MCCCX, Indictione octaua die decimo mensis ianuarii». Хотя Статутъ оставляетъ верховную законодательную власть народному *сбору*, однако автонономіи Ластова нанесенъ уже рѣшительный

ударъ: главнымъ правительственнымъ лицемъ является назначенный Дубровникомъ *графъ*, избирающій трехъ *судей* и *гвардіановъ* съ ихъ начальникомъ *Camarlengo*; графъ имѣетъ свой *совѣтъ* изъ 20 членовъ, — по образцу Малаго Совѣта Дубровника. Ластовцы тотчасъ же замѣтили, что сами на себя наложили руки, и обратились въ 1316 году къ Венеціи съ жалобою на дубровничанъ, лишающихъ ихъ автономіи, прося ее принять ихъ подъ свое покровительство; венеціанцы приняли на себя посредничество въ распрѣ ластовцевъ съ дубровничанами и успѣли ихъ примирить [1]). Въ 1358 г., когда вся Далмація подчинилась венгерскому королю, банъ далматскій присвоилъ себѣ право назначать графовъ на Ластово; дубровничане стали жаловаться королю Лудовику на такое самоуправство далматскаго бана, и король не замедлилъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ Дубровника и приказать ластовцамъ «illum, quem Communitas Ciuitatis Ragusine elegerit pro comite ipsius Insule, *electum benigne recipere et eidem debitam reverentiam et obedientiam in omnibns licitis exhibere*: secus nullatenus facere nostra pro gratia et dilectione (грамота Лудовика венгерскаго отъ 1358 г. у Венцеля стр. 39)». Съ тѣхъ поръ Ластово все болѣе и болѣе теряетъ свою автономію: въ XV вѣкѣ Ректоръ и Малый Совѣтъ Дубровника не довольствуются уже назначеніемъ графа и подчиненіемъ ему меньшихъ властей, но присвоиваютъ себѣ право утверждать избраніе судей и гвардіановъ, а въ началѣ XVI вѣка распоряжаются на Ластовѣ, какъ въ Дубровникѣ: такъ въ 1510 году воспрещаютъ ластовцамъ укрывать бѣглецовъ съ Хвара и другихъ мѣстъ, а въ 1523 году предоставляютъ всякому дубровничанину право гражданства на Ластовѣ. Положеніе графа на Ластовѣ яснѣе всего выражено въ постановленіи Ректора и Малаго Совѣта Дубровника отъ 10 апрѣля 1486 г. «Solum debiati voi Conte impaçarue nel fatto dello ministrare la justitia insieme con li çudexi electi secondo li ordeni et consuetudine de Lagosta et debiate havere el nostro salario dalli çudexi et camarlongo chome fin qua e stato consueto. Et debiati dalli çudexi et da tutta la Università esser honorati et riueriti chome quelli che seti mandati per nui et li quali representati la signoria nostra». Въ 1602 году еще разъ попытались ластовцы освободиться

[1]) Resti 133.

изъ-подъ власти Дубровника съ помощью венеціанцевъ: это возстаніе подробно описано въ двухъ лѣтописяхъ—Мартеккини (Origine della città di Ragusa) и францисканской № 269 (стр. 142—158) и вкратцѣ у М. Басича (Memorie storiche VIII, §§ 13—14). Поводомъ къ возстанію былъ, вѣроятно, законъ 23 ноября 1601 года, обязывавшій ластовцевъ давать графу, кромѣ жалованья въ 200 скудій и 36 грошей, такъ называемый *поклонъ*, возобновить на свой счетъ приходившій въ ветхость дворецъ, содержать гарнизонъ въ крѣпости и т. п.,—хотя дубровницкій лѣтописецъ говоритъ, что «costoro (Lagostani) non ricevero alcun motivo dai Signori per liberarsi da loro, ma stimo *con la gran franchigia concessali dalli Signori di Ragusa resi insolenti, ricchi e superbi*». Во главѣ возстанія стоятъ два богатые священника, Францискъ Ласманъ и Марино Лагутезе, которые вмѣстѣ съ своими родственниками «mostravano infinita aversione al governo Raguseo, non mancando di subornare continuamente gl'Isolani»: они вошли въ тайныя сношенія съ Proveditore Generale della Dalmazia, которому обѣщали при первомъ его появленіи на водахъ Ластова предать измѣннически крѣпость: за 600 дукатовъ были подкуплены графъ Серафимъ Михаилъ Заманья и комендантъ крѣпости Сигизмундъ Петръ Соркочевичь (Sorgo); 10 венеціанскихъ галеръ и 12 длинныхъ баркъ (barche longhe) не замедлили занять островъ; дубровничане обратились съ жалобами на венеціанцевъ одновременно къ Турціи и Испаніи, вслѣдствіе настояній и угрозъ которыхъ Венеція должна была возвратить Ластово Дубровнику въ 1606 году, выговоривъ амнистію возставшимъ. Послѣдствіемъ возстанія было то, что ластовцы потеряли и самую тѣнь самоуправленія и совершенно подчинились Ректору и его Совѣтникамъ, которые могли убѣдиться, какъ опасна для нихъ власть ластовскаго графа, и потому рядомъ постановленій совершенно ее уничтожили: въ 1601 году было постановлено, что въ графы Ластова не могутъ быть избираемы властели моложе 30 лѣтъ отъ роду, что графы не могутъ заниматься торговлею на Ластовѣ подъ страхомъ лишенія третьяго жалованья, что они должны хорошо обходиться съ судьями подъ страхомъ пени въ 100 перперовъ и что на ихъ рѣшенія можно аппелировать проведиторамъ или синдикамъ; въ 1602 году за графами оставлена одна только су-

дебная власть, а въ 1677 г. отнято у нихъ всякое вліяніе на избраніе чиновниковъ: даже начальниковъ гвардіановъ (Capi dei guardiani) избиралъ Совѣтъ Ластова; графъ не могъ безъ разрѣшенія Малаго Совѣта отпустить съ острова своего секретаря; введенъ канцелярскій порядокъ Дубровника, и роль графа совершенно стушевывается при учрежденіи строгаго надъ нимъ контроля проведиторовъ или синдиковъ, избираемыхъ изъ дубровницкихъ сенаторовъ.

Сравнительное изученіе статутовъ Млѣта и Ластова привело Венцеля къ слѣд. результатамъ:

1) оба статута дошли до насъ не въ первобытномъ, а въ позднѣйшемъ видѣ: первыя 30 статей ластовскаго статута совершенно сходны съ первыми 27-го млѣтскаго;

2) языкъ и способъ изложенія въ статутѣ Млѣта древнѣе, чѣмъ въ статутѣ Ластова;

3) сходство первыхъ 30 статей ластовскаго статута съ 27-ю млѣтскаго (въ которомъ недостаетъ ст. 19, 20 и 26) указываетъ не на заимствованія одного изъ другаго, а на общій источникъ происхожденія;

4) оба статута въ первобытномъ видѣ содержали: a) уголовное право, b) опредѣленіе семейныхъ отношеній и c) охраненіе собственности и простѣйшія условія экономическаго быта народа.

3. *Статутъ острова Корчулы* 1213 года съ продолженіями (Reformationes) до 1486 г. изданъ въ Венеціи, по приказанію Іоанна Баптиста Гримано, Proveditore Generale della Dalmazia, въ 1643 году: Liber Legum ac Statutorum Civitatis et Insulae Curzulae, jussu Ill^{mi} Ecc^{mi}que D. Io. Baptistae Grimano Provedit. Generalis Dalmatiae et Albaniae typis editus ducante Serenissimo Domine Francisco Ericeo Venetiarum Principe, atque vigili instante Comitatu D. Federici Molino»—на 44-хъ листахъ Statuti, на 137 страницахъ Reformationes Statutorum. Изслѣдованіе Д-ра Венцеля: «Studien über den Entwickelungsgang des Rechtslebens auf der Insel Curzola» въ Archiv für Kunde österr. Geschichts-Quellen Bd. IV, 511—581, VII, 361—422.

Корчула (Curzula, Κούρκρα—Κίκερ у Константина Порфир. De admin. Imp. XXXVI) находилась во время Константина

Порфир. подъ властью Византіи; позже, въ 992 году, подпала вліянію Венеціи; въ XII вѣкѣ подчинилась Захлуміи, но въ концѣ тогоже столѣтія стала независима; въ 1254 году венеціанскій дожъ призналъ Марсилія Giorgi (Georgius) наслѣдственнымъ графомъ Корчулы; въ 1358 году Корчула перешла подъ владычество венгерскаго короля Лудовика, который въ 1404 г. ввѣрилъ управленіе ею дубровничанамъ; въ 1409 году Хрвоя назначилъ графомъ Корчулы дубровничанина Ивана Гучетича (Ioannes Gozzeus de mandato Harvoje Ducis Spalati Comes Corcyrae); съ 1413 по 1416 г. Корчула принадлежала Дубровнику (грамоты короля Сигизмунда у Венцеля 555—556); наконецъ, послѣ кратковременнаго управленія Владислава Сакеца, Корчула въ 1420 году окончательно подпала власти Венеціи.

Статутъ Карчулы озаглавленъ полатыни и поитальянски:

Haec sunt Statuta et ordinamenta Communis et hominum Civitatis et Insulae Curzolae facta, edita, composita et authenticata per minus, maius et generale Consilium ejusdem Civitatis et Insulae. In millesimo ducentesimo quartodecimo. Indictione secunda, et diebus infra dictum annum correntibus.	Questi sono li statuti et ordinamenti del Commun et homini della Città et Isola di Curzola fatti, dati in luce, composti et authenticati per il minor, mazor et generale Consiglio dell' istessa Città et Isola, nel mille doicento quatordese, nell' indictione seconda, neli giorni sopra 'l detto anno correnti.

Всѣхъ статей 153; изъ нихъ съ 147-ой позднѣйшіе и относятся къ 1387—1428.

Reformationes озаглавлены такъ: «Haec sunt Reformationes Communis Curzulae authenticatae per privilegia Ducalia ex libro papireo in membranis redactae de mandato Magnifici et Generosi D. Stephani M. pro Illustriss. Duce Dom. Venetiarum etc. dictae Comitatis et Insulae Comitis dignissimi».» Всего 201 статья 1403—1486 г.

Венцель полагаетъ, что Статутъ Корчулы писанъ первоначально *поитальянски*, а латинскій переводъ изготовленъ къ изданію 1643 года.

Въ развитіи государственнаго устройства Корчулы Венцель различаетъ 4 періода: 1) древнѣйшій до половины XIII вѣка,

когда Марсилій Джорджичь получилъ право наслѣственнаго въ его родѣ графства на Корчулѣ; 2) періодъ графовъ Джорджичей; 3) періодъ венгерскаго владычества 1358—1420 и 4) періодъ венеціанскій. Объ устройствѣ Корчулы въ первый періодъ Венцель, за недостаткомъ данныхъ, ничего не говоритъ; его изслѣдованіе ограничивается послѣдующими тремя періодами. Сравнительное изученіе статутовъ Млѣта, Ластова и Корчулы привело Венцеля къ слѣдующему результату, которымъ мы и ограничиваемся, отсылая читателей за подробностями къ самому изслѣдованію: «Eine solche Zusammenstellung führt zu dem unzweifelhaften Resultate, dass *die in den drei Inselgemeinden während des Mittelalters in Geltung bestandenen Statuten und Rechtssysteme einer gemeinschaftlichen Wurzel entwuchsen, und dass insofern in den später schon mehr ausgebildeten Systemen eine Verschiedenheit, und theilweise sogar Divergenz bemerkt wird, dies den besonderen Richtungen des Volks- und Rechtslebens auf den einzeln genommenen Inseln und dann dem verschiedenen Cultur- und Bildungsgrade, der auf Curzola viel höher war, als auf Meleda oder Lagosta, zuzuschreiben sei*». (VII, 420).

III. *Акты дипломатическихъ сношеній Дубровника*:

1. *Для исторіи сношеній съ Папами* первый сборникъ актовъ издалъ Колети въ VI-мъ томѣ *Illyrici Sacri: Ecclesia Ragusina cum Suffraganeis*. Venetiis 1800. Кромѣ актовъ, списанныхъ въ Ватиканѣ, Колети воспользовался для своего труда сборниками *Ричепути* [1]) и *I. M. Маттеи* [2]). Трудъ Колети замѣ-

---

[1]) О Ричепути говоритъ Игн. Джорджичь въ письмѣ къ Giusto Fontanini отъ 6 января 1735 года: «Finita questa fatica (Antichità Illiriche) volentieri imprenderei a scrivere dell' *Illirico Sacro*, se il P. Riceputi un tempo nelle sue missioni della Dalmazia raccogliendo dagli Archivii delle chiese, e ondechè ha potuto gli antichi stromenti e memorie antiche non mi avesse sottratto quasi tutto il materiale necessario per riuscire con riputazione, e in soggetto cotanto ampio et importante, sa Ella, che non basta uno scarso ed infelice specilegio (Zibaldone № 265, p. 9).

[2]) Самъ Колети говоритъ, что много матеріаловъ для исторіи дубровницкой церкви было ему доставлено I. M. Маттеи, сборники коего хранятся доселѣ во францисканской библіотекѣ: изъ нихъ мы почерпнули не мало свѣдѣній для исторіи Дубровника. О Маттеи Петръ Бассичь говоритъ слѣдующее: «P. Joannes Maria Mattei ex honesta familia natus est Ragusae die 23 Junii 1714. Adolescens Romam se contulit, ut scientiae Sacrorum canonum operam da-

чателенъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ) это единственная доселѣ *полная* исторія дубровницкой церкви, доведенная до его времени, хотя страждущая иногда недостаткомъ критики; во 2-хъ) это— богатое собраніе актовъ, касающихся нетолько церковной, но и политической исторіи Дубровника. Колети знакомъ также и съ исторической литературою дубровничанъ. Это не компиляторъ, нахватавшій отовсюду безъ разбора нужныхъ ему свѣдѣній, а добросовѣстный изслѣдователь, основывающій свой приговоръ на изученіи источниковъ; въ упрекъ нельзя ему, конечно, поставить того, что иногда онъ ошибался, слишкомъ довѣряя своимъ источникамъ: вспомнимъ, что онъ писалъ въ концѣ прошлаго вѣка, когда познанія о славянскихъ краяхъ были еще весьма ограничены, когда еще не были початы историческою критикою источники для изученія южныхъ славянъ, надъ церковною исторіею которыхъ онъ трудился. . . . Богатство матеріаловъ, собранныхъ Колети возбуждаетъ въ нѣкоторыхъ ученыхъ *недовѣріе*: имъ кажется, будто Колети или его сотрудники *выдумывали* акты, которыхъ имъ недоставало для полноты картины или которые имъ были нужны для подтвержденія предвзятыхъ ими идей. . . . Изданіе ватиканскихъ актовъ Тейнера и изученіе не изданныхъ источниковъ и пособій для исторіи Дубровника могутъ показать, на сколько такое мнѣніе справедливо. . . .

Августинъ Тейнеръ въ своихъ *Vetera Monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia*... ex tabulariis Vaticanis.... (Romae. 1863. Typis Vaticanis. T. I: 1198—1549) издалъ между прочимъ слѣдующія, касающіяся Дубровника папскія буллы:

---

ret, in qua excellens evasit; nam Doctor utriusque Iuris renunciatus fuit. Societatis Jesu amore captus, eam ingressus est die 5 Octobris anno 1738. Expleto perhonorifice studiorum curriculo Ragusam navigavit, et per plures annos Operarii et Missionarii munus exercuit. Extincta Societate una cum P. Joanne Bassegli percommodam domum in suburbio Civitatis habitandam elegit. Multas elucubrationes summa cum eruditione plenas post se reliquit, et non pauca (praesertim opus: Sèrce Prisveto Jesusovo razgledano, zaljubljeno, častjeno, nasliedovano, Rozmišljanjima, Štenjima, Krepostima, Službam, Pjesnima. U Bnecich, u Pritistištu Coleti P. G. 1763) typis mandavit, omnia tamen Sacra et Illyrica. Fuit patriae Historiae et Illyricae Linguae cultor eximius. Professus quatuor votorum, die 2da Februarii anno 1754. Obiit Ragusae die . . . . (1788); sepultusque fuit in Ecclesia Monialium Trium Ecclesiarum Suburbii ante Altare Cordis Jesu». (*Brevis prospectus Iesuitarum Ragusinorum*, qui ab anno 1764 usque ad extinctam Societatem in ea fuerunt. Ms. № 309, p. 318—319). Cnf. Appendini II, 304.

1) *Иннокентія III* 1202 г: Capitulo Ragusino facultas eligendi alium Archiepiscopum propter diutinam ultra quadriennium absentiam eorum Archiepiscopi conceditur (S. № 23, p. 14); 2) *Бенедикта XI* 1304. 31 мая: Пріору доминиканскаго ордена въ Венгріи о томъ, чтобъ онъ разрѣшилъ отъ эпитиміи Marinum de Gote, Marinum de Grose et Junium de Wolcasso ciues Ragusinos qui in Alexandriam accedentes, victualia prohibita Saracenis illarum partium detulerunt et alias habuerunt cum ipsis Saracenis Commercia. . . (№ 172, p. 121); 3) *Григорія XI* 1373. февраля 25: Magistratui et Communi Ciuitatis Ragusinae, ut abstineant a disponendo de ecclesiis et personis ecclesiasticis dictae Ciuitatis contra canonicas sanctiones, et tribuant auxilium et favorem Archiepiscopo Ragusino (№ 396, p. 284); 4) егоже т. г. 24 марта: Ragusinis indulgetur, ut duas naves oneratas mercimoniis non prohibitis ad partes Saracenorum mittere possint (№ 398, p. 285); 5) *Николая V:* 1450. 18 августа: Nobilibus ciuitatis Ragusinae Pontifex concedit, ne quis in canonicum in ecclesia Ragusina, nisi de ipsa Ciuitate oriundus et nobilis sit, infra XX annos recipi possit (№ 579, p. 406); 6) егоже 1453, апрѣля 28: о назначеніи дубровницкаго архіепископа кардинала Якова главнокомандующимъ папскимъ флотомъ въ походѣ противъ турокъ (№ 584, p. 409); 7) *Сикста IV.* 1478, марта 27: Pontifex Rectores, Consilium et Commune Ciuitatis Ragusinae stricte monet, ut infra sex dies de certa frumenti quantitate ab eis intercepti camerae apostolicae satisfaciant, alioquin excommunicati sint et eorum dominium ecclesiastico subjaceat interdicto (№ 682, p. 507); 8) егоже 1479. мая 26: индульгенція всѣмъ, кто будетъ защищать Дубровникъ отъ турокъ (№ 686, p. 515); 9) егоже 1484. мая 3: папа предстательствуетъ предъ сицилійскимъ королемъ о денежномъ вознагражденіи Дубровника за захваченный у него хлѣбъ (№ 694, p. 519); 10) *Юлія II:* 1505, іюля 2: папа убѣждаетъ дубровничанъ содѣйствовать къ выкупу изъ турецкой неволи маркиза Котромата (№ 740, p. 557); 11) *Клемента VII.* 1525, марта 31: Ragusinis confirmatur statutum ab ipsis factum de obviandis scandalis circa commutationes voluntatum testatorum, et impetratione legatorum de bonis male ablatis et incertis (№ 796, p. 586); 12) егоже 1526, февраля 16: V. cancellario et consiliariis ducatus Bri-

tanniae, ut mercatoribus Ragusinis super quibusdam eorum mercibus tamquam Anglorum captis justitiam quamcitius faciant (№ 805, p. 590); 13) егоже 1529, августа 20: уничтожаетъ привилегіи дубровницкихъ францисканцевъ, наносящія ущербъ Республикѣ (№ 828, p. 605); 14) егоже т. г. сентября 23: подтверждается закрытіе четырехъ монастырей (№ 830, p. 606 и 15) егоже 1532, мая 20: о взысканіи съ Мартына дубровничанина должныхъ флорентійскому купцу Лаврентію Чеку денегъ (№ 841, p, 616). Вотъ всѣ сколько-нибудь любопытныя для насъ папскія буллы, касающіяся Дубровника, въ сборникѣ Тейнера: незначительныя числомъ и маловажныя для исторіи, онѣ имѣютъ преимущество передъ изданными Колети только тѣмъ, что извлечены изъ источника, который нельзя заподозрить.

Въ другомъ изданіи Тейнера «*Vetera monumenta historica Sacram illustrantia Hungariam* (tom I. Romae 1859: 1216—1352; tom II. ibid. 1860: 1350—1526)», кромѣ свѣдѣній, сообщенныхъ нѣкоторыми актами, о католической пропогандѣ дубровничанъ на Востокѣ, напечатаны два любопытные для насъ документа: 1) булла *Каликста III* 1457 г. Regi Bosniae, ut Ioannem de Gradis (militem Ragusinum) in Hungariam missum, in itinere per Serviam captum pristinae libertati restitui jubeat (№ 454, p. 290. t. II) и 2) Exemplar treugarum per Barnabam Belay, oratorem Ludovici Regis Hungariae cum Turcis ad tres annos factarum. Адріанополь 13 мая 1519 г. (№ 818, p. 627 sqq.: на стр. 627 и 628 говорится о Дубровникѣ.)

Въ сочиненіи Себастьяна Дольчи—Monumenta historica Provinciae Rhacusinae Ordinis Minorum S. P. N. Francisci notis criticis et chronologicis perpetuo illustrata (Neapoli 1744) издана булла *папы Клемента* Filipo a Ragusio O. M. in Regno Bosnae Vicario отъ 21 апрѣля 1457 г.-касательно освобожденія изъ плѣна Юнія Градича, захваченнаго туркомъ Станчичемъ, подданнымъ боснійскаго короля (§ XX, p. 37).

Вотъ всѣ, сколько намъ извѣстно, изданные доселѣ акты, касающіеся сношеній Дубровника съ папами; перехожу къ рукописнымъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ Церковной исторіи Дубровника (Metropolis Sacra Ragusina) Серафима

Червы. Излагая церковную исторію Дубровника въ связи съ политическою, Черва сообщаетъ много актовъ, списанныхъ имъ въ архивахъ государственномъ и монастырскихъ; мы ограничимся перечнемъ тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ интересъ для политической исторіи Дубровника:

1) дарственная грамота короля Бодина бенедиктинскому монастырю на Кромѣ 1100 г. Индикт. VIII, подтвержденная сыномъ его Георгіемъ и женою Якетою въ августѣ тогоже года (стр. 159—161);

2) указъ Сената о приданомъ и свадебныхъ обрядахъ отъ 13 апрѣля 1235 года (343—349);

3) дарственная грамота захлумскаго бана, Десана, бенедиктинскому монастырю на островѣ Млѣтѣ отъ 25 сентября 1345 г. Индикт. XIV. (стр. 580 и слѣд. Срав. 325—326 и 630 прим. 20);

4) грамота венеціанскаго дожа, Іоанна Дельфино, графу и общинѣ Дубровника отъ 25 января 1357 года Индикт. X, предоставляющая дубровничанамъ право гражданства въ Венеціи (614—617);

5) указъ Сената отъ 16 февраля 1376 г. Индикт. XIV, воспрещающій дубровничанамъ, подъ страхомъ пени въ 500 дукатовъ, торговать съ сарацинами безъ разрѣшенія папы (679);

6) указъ Сената отъ 27 іюля 1377 г. объ учрежденіи карантиновъ на Мерканѣ и въ Цаптатѣ (680—681);

7) грамота королевы венгерской Маріи отъ 11 апрѣля 1383 г. касательно продажи соли (708—710; издана);

8) постановленія Сената отъ 23 мая 1399 г. касательно Приморья, пріобрѣтеннаго отъ Остои Христича 24 октября 1398 г. (780—781);

9) два благодарственныхъ письма къ императору Сигизмунду отъ 22 марта 1432 и 23 февраля 1433 г., содѣйствовавшему къ полученію отъ базельскаго собора привилегіи торговать съ невѣрными (1335—1338);

10) письмо къ кардиналу Іоанну Стойковичу отъ 5 октября 1433 г. тогоже содержанія (1338—1344);

11) письмо къ немуже отъ 25 февраля 1437 г. съ просьбою ходатайствовать предъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ о до-

зволенія дубровничанамъ безпошлинно торговать въ его владѣніяхъ (1392—1394);

12) письмо къ императору Сигизмунду отъ 14 ноября 1437 г. съ извѣщеніемъ о чумѣ, свирѣпствовавшей въ Дубровникѣ три мѣсяца (1402—1403);

13) булла папы Евгенія IV отъ 17 декабря 1443 г. съ требованіемъ пяти триремъ для похода противъ турокъ (1450—1454);

14) отвѣтъ папѣ отъ 10 февраля 1444 г. съ предложеніемъ двухъ вооруженныхъ галеръ и съ извиненіемъ, что Республика не можетъ дать больше (1455—1461);

15) указъ Сената отъ 28 апрѣля 1466 г. о запрещеніи торговать рабами (1658—1659);

16) булла папы Иннокентія VIII отъ 3 іюля 1491 г. съ разрѣшеніемъ торговать съ турками (1939—1940);

17) письмо Сената къ архіепископу отъ 10 апрѣля 1493 г. съ просьбою ходатайствовать предъ папою Александромъ о его посредничествѣ въ примиреніи Дубровника съ императоромъ Фридрихомъ, подущаемымъ султаномъ Баязетомъ (1948—1951);

18) привилегія Фердинанда, короля Аррагоніи и Сициліи, отъ 31 мая 1507 г., на вывозъ хлѣба изъ Апуліи (2001—3);

19) булла Адріана VI отъ 20 марта 1523 г. касательно торговли съ турками (2146—2150);

20) привилегія императора Карла V и его матери Іоанны отъ 3 іюля 1523 г. Индикта XI на вывозъ хлѣба изъ Апуліи (2150—2154);

21) булла Климента VII отъ 31 марта 1525 г., утверждающая изданный Республикою законъ о наслѣдствѣ (2166—2169);

22) письмо къ императору Карлу V отъ 4 сентября 1538 г. съ извиненіемъ, что Республика не можетъ вступаться предъ Солиманомъ за страждущихъ въ Палестинѣ францисканцевъ (2252—2254);

23) письмо Пія V къ королю испанскому Филиппу II отъ 29 іюля 1570 года съ препорученіемъ ходатайства І. Матвѣя Флоріо о помощи Дубровнику противъ турокъ (2488—2491);

24) 3 документа по дѣлу о пребываніи въ Дубровникѣ бандита Цезаря Делла-Марры: инструкціи Гундуличу, отправлен-

ному по этому дѣлу къ неаполитанскому Вице-Королю отъ 27 августа 1581 г. (3881—3883), выписка изъ неаполитанскаго архива (3780) и письмо архіепископа Маттеучи къ епископу Корчулы (3798 слѣд.);

25) письмо Николая Лукича Гучетича къ Ст. Градичу отъ 24 апрѣля 1667 г. о землетрясеніи (3544—3545);

26) письмо Клемента IX къ Лудовику XIV отъ 11 октября 1667 г. съ препорученіемъ францисканца Антонія Прими, отправленнаго во Францію для испрошенія субсидій на возобновленіе Дубровника (3290—3291);

27) письмо егоже къ испанской королевѣ Маріаннѣ, вдовѣ Филиппа IV и матери инфанта Карла II, отъ тогоже числа и года съ препорученіемъ посланника Республики, францисканца Марина ab Epidauro (3291—3293);

28) булла егоже отъ 6 февраля 1669 г., разрѣшающая употребить хранившійся въ неаполитанскомъ банкѣ капиталъ богоугодныхъ заведеній на постройку города (3311—3315);

29) письмо Бенарда Джорджича къ Ст. Градичу отъ 13 февраля 1678 г. о положеніи дѣлъ въ Дубровникѣ (3459—3463).

Въ другомъ сочиненіи С. Червы *Vitae illustrium Ragusinorum* въ числѣ различныхъ документовъ, сообщенныхъ имъ, заслуживаютъ особаго упоминанія слѣд.:

1) Рѣчь произнесенная въ апрѣлѣ 1538 года посломъ Республики, доминиканцемъ Клементомъ Раньиною, предъ папою Павломъ III въ оправданіе сношеній дубровничанъ съ турками (870—874);

2) Письмо папы Григорія XIII къ Ректору и Совѣтникамъ Дубровницкой республики отъ 27 августа 1583 г. въ похвалу Франциску Гундуличу, состоявшему при немъ чрезвычайнымъ посланникомъ (1111) и

3) Письмо кардинала Александра Фарнези отъ 7 сентября тогоже года и тогоже содержанія (1112).

Въ сочиненіи Георгія Бассича *Elogia Iesuitarum Ragusinorum* (Ms. № 309) находятся слѣдующіе любопытные для насъ документы:

1) письмо Ректора и Сенаторовъ Дубровника къ папѣ Пію IV

отъ 13 іюля 1560 г. съ просьбою дозволить Николаю Бобадиллѣ основать въ ихъ городѣ іезуитскую коллегію (p. 2).

2) письмо генерала іезуитовъ, Gian Paolo Oliva, къ Франциску Гундуличу іезуиту (1683 г.) съ препровожденіемъ 1000 дукатовъ для уплаты Дубровникомъ дани Турціи. (116) и

3) два письма ректора и сенаторовъ Дубровника (1684 г.) къ томуже Гундуличу съ изъявленіемъ благодарности за его дѣятельность въ Римѣ на пользу Республики и съ извѣщеніемъ о нападеніи гайдуковъ (119—121).

Укажу еще на нѣсколько любопытныхъ для исторіи сношеній Дубровника съ папами документовъ, найденныхъ нами въ рукописяхъ францисканской библіотеки.

Въ сборникѣ Маттеи (Zibaldone) № 266 помѣщены рекомендательныя письма, данныя папою Піемъ V послу Республики, І. М. Флоріо, къ королю Филиппу II, къ кардиналу Якову Спинозѣ, къ Episc. Conchensi и къ Нунцію Archiep. Resanensi отъ 29 іюля 1570 г., и кардиналомъ Гранвели къ Спинозѣ и къ епископу de Cuenca отъ 28 іюля т. г. (стр. 510—513).

Въ другомъ сборникѣ Маттеи (Zibaldone) № 267 находятся письма: папы Иннокентія XI отъ 6 ноября 1683 г. о побѣдѣ надъ турками подъ Вѣною (стр. 126) и Дубровницкой республики къ Иннокентію XIII отъ 1721 г. съ поздравленіемъ его съ избраніемъ въ папы (535).

Въ ркп. № 942 (стр. 5—6) мы нашли письмо папы Климента XI, отъ 15 сентября 1703 г., къ Ректору и сенаторамъ Дубровника по поводу льготъ, предоставленныхъ дубровничанамъ султаномъ къ уплатѣ дани, а въ ркп. № 957 поздравительное съ возшествіемъ на престолъ письмо Республики къ папѣ Клементу XIII отъ 9 мая 1759 г.

2. По *исторіи сношеній Дубровника съ Византіею* издано только шесть актовъ Тафелемъ и Томасомъ въ Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Classe VI Bd. 1851. Mai-Heft: изъ числа этихъ актовъ три (4—6) обозначены годами и принадлежатъ послѣднимъ Палеологамъ; другіе три (1—3), помѣченныя только мѣсяцемъ и индиктіономъ безъ показанія года, принадлежатъ Ангеламъ: Тафель ихъ относитъ къ слѣдующимъ годамъ и лицамъ:

1) эдиктъ (πρόσταγμα) деспота Арты Эммануила, сына Іоанна Ангела (дяди Исаака Ангела), мартъ, VII индикт. 1234 г., предоставляетъ дубровничанамъ право свободной торговли въ его владѣніяхъ, ограждаетъ ихъ личную свободу и обязываетъ его подданныхъ укрывать и защищать дубровницкіе корабли отъ корсаровъ;

2) эдиктъ Михаила, отца, Ангела-Комнена, незаконнорожденнаго сына Іоанна Ангела Севастократора, іюнь, IX инд. 1206 г. предоставляетъ дубровничанамъ право свободной торговли съ платою 3 со 100 перп. пошлины, обезпечиваетъ неприкосновенность имущества дубровничанъ, умершихъ въ его владѣніяхъ, и воспрещаетъ похищать что бы то ни было съ претерпѣвшаго крушеніе дубровницкаго корабля;

3) такаго же содержанія, только кратче, хоризмъ Михаила, сына, Эммануила Ангела-Комнена, октябрь, XI индикт. 1253 г.

4) хрисоволъ послѣдняго греческаго императора Константина XI Палеолога, іюнь, XIV Инд. 1451 г., разрѣшаетъ дубровничанамъ учрежденіе консульства и постройку при немъ церкви и установляетъ пошлину на ихъ товары 2%;

5) аргировулъ ахаїскаго деспота, Ѳомы Палеолога, іюль, XIV индикт. 1451 г.: дубровничане платятъ 1½% пошлины съ товаровъ, ими привозимыхъ; они могутъ учредить, гдѣ хотятъ, консульства; и

6) аргировулъ пелопоннезскаго деспота, Дмитрія Палеолога, брата императора Константина XI, августъ, XIV индикт. 1451.: дубровичанамъ предоставляется право безпошлинной торговли въ Пелопоннезѣ.

При изданіи греческаго текста приложены объясненіе темныхъ выраженій, генеалогическія таблицы Ангеловъ-Комненовъ и Палеологовъ, факсимиль и снимки съ печатей.

3. Изданію актовъ, касающихся *исторіи сношеній Дубровника съ Венеціею*, положилъ начало Бернардъ Нани, напечатавшій въ приложеніи къ разсужденію De duobus Imperatorum Rasziae nummis (Venetiis 1752) конвенцію 5 мая 1232 года, перепечатанную впослѣдствіи Энгелемъ, Тафелемъ и Шафарикомъ.

Въ изданныхъ въ Вѣнѣ въ 1856 году Тафелемъ и Томасомъ Urkunden sur älteren Handels- und- Staatsgeschichte der Republik Venedig, mit besonderer Beziehung auf Bysanz und die Levante von neunten bis zum Ausgang des fünfzehnten Iahrhunderts—напечатаны: 1) *Pactum Ragusii* a D. 1232. mense Majo (№ CCLXXXII, II Theil, s. 307), 2) *Pactum Ragusii* a. D. 1236. mense junio (№ CCXCII, ib. 328), 3) *Commissio legatorum Ragusii de reconcilianda pace* a D. 1251. die 15 m. decembris (№ CCCXX, ib. 463) и 4) *Pactum Ragusii* a D. 1252. m. martio (№ CCCXXI, ib. 404). О содержаніи этихъ актовъ было говорено выше. Изданіе исполнено со всею тщательностью по рукописямъ венеціанскаго архива.

Въ 1857 и 1858 г.г. професоръ бѣлградскаго лицея, Иванъ Шафарикъ. списалъ въ венеціанскомъ архивѣ, по порученію Общества сербской словесности, акты, касающіеся сношеній южныхъ славянъ съ Венеціею. Онъ издалъ сначала (въ 1858 году) перечень этихъ актовъ, а потомъ сталъ печатать и самые акты въ *Гласникѣ* XI—XV кн., вышедшіе впослѣдствіи отдѣльно: *Acta Archivii Venetii*, spectantia ad historiam Serborum et reliquorum Slavorum meridionalium, collegit et transcripsit Dr. Ioannes Schafárik. Fasc. I Belgr. 1860. Fasc. II ib. 1862. Изъ 556 изданныхъ Шафарикомъ актовъ только 33 касаются Дубровника:

1) 1224 г. 16 іюля: дубровничанинъ Иванъ Вереро даетъ дожу клятвенное обѣщаніе не ходить въ Александрію (№ DXXV);

2) 1225. инд. XIV. апрѣль: дожъ Петръ Ziani требуетъ заложниковъ, воспрещаетъ дубровничанамъ торговать съ врагами Венеціи и пр. (№ DXXVI);

3) 1226. 3 октября: постановленіе о дубровничанахъ, пріѣзжающихъ въ Венецію (№ DXXX);

4) 1226. инд. XV. октября 10: списокъ заложниковъ, которыхъ дубровничане должны послать въ Венецію (№ DXXXI);

5) 1227. 6 апрѣля: пошлины на товары, привозимые дубровничанами въ Венецію изъ славянскихъ земель (№ DXXXIII);

6) 1232. инд. V. май: Pactum Ragusii (№ DXXXV);

7) 1301. инд. XV. сентября 4: отправляются два послан-

ника въ Дубровникъ и ad domines Reges Raxie; Rug. Foscarino, capitaneo galearum Culfi, поручается защищать Дубровникъ (№ III);

8) 1301. октября 8: опредѣляется жалованье и даются инструкціи вышепомянутымъ посламъ (№ IV);

9) т. г. октября 17: посламъ приказывается, до отправленія въ Рассію, посовѣтоваться съ дубровничанами (№ VI);

10) 1302. мая 2: приказаніе помянутымъ посланникамъ помедлить отъѣздомъ изъ Дубровника (№ VIII);

11) 1303. индикт. I мая 11: венеціанецъ Иванъ Суперанціо продаетъ свои галеры дубровничанину Юнію Волкасу (№ X);

12) 1303.: требованіе высылки жалованья бывшему графу Марку Дандоло (№ DXLIII);

13) 1308. Индикт. VII. февраля 19: рекомендательное письмо, данное Марку Истрею къ графу Дубровника, Андрею Дауро (№ DXLV);

14) 1309: жалоба графу Дубровника на жителей Хвара и Брача (№ DXLVI);

15) 130. инд. VIII. февраля 9: графу Дубровника, Варооломею Градонико, по одному частному дѣлу;

16) 1310. инд. VIII. апрѣля 9: графу Дубровника о возвращеніи апулійцамъ судна, захваченнаго у нихъ Петромъ Лоредано (№ DXLVIII);

17) т. г. и инд. іюня 10: графу Дубровника, Вароол омею Градонико, объ измѣнѣ Баямонти Теуполи (№ DXLIX);

18) т. г. и инд. іюня 24: приказаніе графу Дубровника схватить бывшаго капитана Марка Зане и доставить подъ стражею въ Венецію (№ DL);

19) 1345. инд. XV. января 19: Дубровникъ, въ числѣ другихъ венеціанскихъ графствъ (Трогиръ, Сплѣтъ, Шибенико и Паго), обязывается послать третью смѣну войскъ подъ Задаръ (№ XLVII);

20) 1349. марта 30: посредничество венеціанцевъ въ распрѣ дубровничанъ съ сербами по поводу притѣсненія дубровницкихъ купцевъ—снаряжено особое посольство къ сербскому царю

для ходатайства объ удовлетвореніи дубровничанъ и предоставленіи имъ прежней свободы торговли (№ XC);

21) 1316. декабря 5: посредничество Венеціи въ войнѣ Дубровника съ Которомъ (№ XCIX);

22) 1375. инд. XIII. іюля 9: опредѣлено писать Георгію Бальшичу, чтобъ онъ, слѣдуя внушеніямъ дубровничанъ, не стѣснялъ венеціанскихъ купцевъ (№ CXXXVII);

23) 1402. инд. X. іюля 30: опредѣлено отправить въ Сербію посольство, дабы узнать на мѣстѣ, какъ велики потери, претерпѣнныя, по наущенію дубровничанина Марина Градича, домомъ Контарини (№ CCXIX);

24) 1422. января 28: Петръ Полани, Supra-Comes Culphi, отправленъ въ Дубровникъ съ требованіемъ, чтобы дубровничане, съ которыми венеціанцы находятся въ дружественныхъ сношеніяхъ, прекратили возбуждать сербскаго деспота противъ подданныхъ Венеціи въ Далмаціи и Албаніи (№ CCCLIX);

25) 1451. мая 22: отвѣтъ посламъ герцога Стефана, что Венеція не попуститъ, чтобы дубровничане досаждали ей на морѣ (№ CDLXVII);

26) 1451. іюля 17: приказаніе венеціанскимъ властямъ въ Далмаціи своевременно доносить о ходѣ войны Дубровника съ герцогомъ Стефаномъ (№ CDLXVIII);

27) т. г. іюля 27: дубровницкимъ посламъ совѣтуется примириться съ герцогомъ Стефаномъ и удалить изъ венеціянскаго моря (*Culfo nostro*—Адріатика) вооруженную галеру (№ CDLXIX);

28) т. г. и м. 30 ч.: воспрещается дубровничанамъ и герцогу Стефану держать въ адріатическомъ морѣ вооруженныя суда (№ CDLXX);

29) 1452. марта 11: венеціанцы отговариваются войною въ Италіи, что не могутъ помогать герцогу Стефану противъ Дубровника (№ CDLXXI);

30) т. г. и м. 31 ч.: Венеція изъявляетъ готовность пристать, по окончаніи войны въ Италіи, къ союзу съ герцогомъ Стефа- для завоеванія Дубровника (№ CDLXXVI);

31) 1461. августа 8.: ректоръ и совѣтъ Дубровника, жа-

луясь на жителей Хвара, Корчулы и Брача, производившихъ контробандную торговлю виномъ, просятъ, по случаю прекращенія сношеній съ Апуліею, дозволить имъ вывозъ хлѣба изъ Албаніи (№ CDLXXXV);

32) 1463. іюня 28: Венеція обѣщаетъ помогать дубровничанамъ своими галерами въ случаѣ нападенія турокъ (№ DI) и

33) 1518 г. инд. VI марта 7: дожъ Лаврентій Лауредано жалуетъ въ венеціанскіе *кавалеры* дубровничанина Іеронима Матіевича, посланника волошскаго господаря Бессарабы (№ DLV).

Въ изданныхъ въ *Архивѣ юго-славянской исторіи* (кн. V и VI) отрывкахъ изъ дневника *Марино Санудо* 1496—1533 г. напечатаны: письмо дубровницкаго архіепископа къ графу Клузеркуло отъ 30 декабря 1503 г. касательно плановъ папы на Романью (VI, 270) и 2 письма ректора и сената Дубровника къ дожу: отъ 10 мая 1512 о вступленіи на престолъ султана Селима при содѣйствіи янычаръ (ibid. 374) и отъ 23 ноября 1515 г. о крушеніи венеціанскаго корабля у береговъ Дубровника (ibid. 459).

Кромѣ указанныхъ уже нами актовъ, находящихся въ приложеніи къ дубровницкому статуту, въ сборникѣ Маттеи № 266 помѣщены на стр. 747—748 еще слѣдующіе:

3 письма дожа Франциска Фоскари отъ 31 августа инд. III, 1440 г.; 13 мая, инд. XI, 1443 и 10 февраля, VIII инд. 1444 г. съ выраженіемъ благодарности за различныя торговыя распоряженія и за сообщеніе извѣстій съ Востока, — и письмо дожа Лаврентія Лауредано отъ 11 ноября, инд. VII, 1503 г. съ изъявленіемъ благодарности за помощь, оказанную претерпѣвшему крушеніе венеціанскому кораблю.

4. *По исторіи сношеній Дубровника съ западно-европейскими государствами* издано всего только три акта:

1) Указъ сицилійскаго короля, Карла II, Iustitiariis et judicibus regiae Curiae отъ 27 апрѣля 1294 г. объ удовлетвореніи дубровницкихъ купцевъ, Матвѣя Дарши и Петра Ѳомы, за не-

справедливо захваченный у нихъ корабль съ грузомъ (Arkiv za povestnizu jugoslavensku VII, 26);

2) Maria Regina (Hungariae) Civibus Ragusinis privilegium vendendi salis ac vini confirmat. Budaea. 1383. издана Луціемъ (De regno Dalmatiae et Croatiae lib. V, c. III. p. 256) и Кукулевичемъ (Jura regni Croatiae, Slavoniae et Dalmatiae. Zagabriae 1861) и

3) Договоръ дубровничанъ съ австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ 1684 г. изданъ Энгелемъ (Gesch. d. Freyst. Ragusa. Прилож. XII).

Кромѣ актовъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ Статуту 1272 г. и у Червы, упомянемъ еще о слѣдующихъ, найденныхъ нами въ рукописяхъ францисканской библіотеки:

1) Благодарственное письмо венгерскаго короля Сигизмунда, отъ 30 сентября 1403 г., за непоколебимую вѣрность дубровничанъ (Zibaldone № 266, p. 745—746);

2) Рѣчь, произнесенная дубровницкимъ посломъ, Антоніемъ Прими, передъ королемъ Франціи 11 декабря 1667 г. (ibid. 417—418);

3) Рѣчь Андрея Растича въ генуэзскомъ сенатѣ по случаю землетрясенія 1667 года (Ркп. № 312, стр. 212—213) и

4) Письмо императора Карла VI-го отъ 12 ноября 1727 г., отправленное съ посломъ Республики, Ангеломъ Франки, для увѣренія ея въ императорскомъ благоволеніи и готовности покровительствовать ей. (Ркп. № 1003.)

5. Изданіе актовъ, касающихся *исторіи сношеній Дубровника съ южными славянами*, начато Павломъ Карано-Твртковичемъ въ 1840 году: въ его Сборникѣ *Србскіи споменицы* или старе рисовуле, дипломе, повелѣ и сношенія босански, србски, херцеговачки, далматински и дубровачки кралѣва, царева, банова, деспота, кнезова, войвода и властелина (издано иждивеніемъ Е. Θ. Обреновича въ Бѣлградѣ), изъ 180 актовъ только 9 (93, 118, 142, 175—180) не относятся къ Дубровнику. Рядъ актовъ начинается извѣстною грамотою бана Кулина отъ 29 августа 1189

года и оканчивается распискою святогорскихъ монаховъ, отъ 21 іюня 1544 г., въ полученіи такъ называемой *свѣчи одъ Господе дубровачке*. Почти всѣ акты списаны трудолюбивымъ священникомъ Николаевичемъ (нынѣ протопресвитеръ въ Задрѣ) въ Архивѣ дубровницкой республики, хотя и умалчивается объ этомъ по извѣстнымъ причинамъ. Это изданіе весьма важно для исторіи Дубровника по богатству и строгому выбору заключающихся въ немъ матеріаловъ.

Гораздо менѣе важенъ для исторіи Дубровника сборникъ графа Меда Пуцича: *Споменици Срѣбски* од 1395 до 1423 то ест писма писана од Републике Дубровачке Краљевима, Деспотима, Войводама и Кнезовима Срѣбскием, Босанскием и Приморскием (у Београду 1858). Потомокъ знаменитаго дубровницкаго рода, графъ Медо Пуцичь переписалъ, съ разрѣшенія бывшаго губернатора Далмаціи, барона Лазаря Мамулы, съ рукописи дубровницкаго архива «Lettere e commissioni di Levante dal 1395 al 1423» 304 акта на сербскомъ языкѣ, касающіеся сношеній Дубровника съ Сербіею, Босніею и Приморьемъ: къ сожалѣнію, въ нихъ весьма мало важнаго для исторіи Дубровника (едва-ли найдется и десятокъ такихъ актовъ: это тѣ, которые касаются пріобрѣтенія Конавля и притѣсненія дубровницкихъ купцовъ въ Босніи); содержаніе ихъ составляютъ мелкія торговыя и денежныя дѣла. Несравненно важнѣе этихъ актовъ *примѣчанія*, въ которыхъ М. Пуцичь сообщилъ выписки изъ постановленій Сената, книги Reformationum и т. д: такъ на стр. XXVI—XXVII помѣщена Copia juramenti facti domino nostro regi Sigismundo et eidem missi in forma publica cum sigillo Communis. 1396. ind. IV. XXII Februarij (изъ L. Reformationum), на стр. XXIX—XXXI — письмо къ королю Сигизмунду отъ 20 іюля 1409 г. съ извѣщеніемъ о морской побѣдѣ надъ неаполитанскимъ флотомъ,— на стр. IV—VIII (къ стр. 93) инструкціи Марину Кабужићу и Николаю Пуцичу, отправленнымъ послами къ королю боснійскому Остои (отъ 30 марта 1404 г.),—на стр. XV—XVII (къ стр. 243) письмо Ивана Гундулича отъ 23 августа 1415 г. о положеніи дѣлъ въ Босніи, — на стр. XXI — XXVII (къ стр. 278) инструкціи Михаилу Растичу и Николаю Пуцичу, отправленнымъ послами

къ сербскому деспоту 1421 г. — на стр. XXIX—XXXI (къ стр. 293) инструкціи Паску Растичу и Марину Гундуличу (1422—1423), посланнымъ къ королю боснійскому, и нѣк. др. менѣе важныя.

Въ 1862 году издана 2-я книга сборника Меда Пуцича — *Споменици српски*, — заключающая 138 актовъ отъ 1313 до 1466 года, въ числѣ коихъ нѣтъ ни одного важнаго для исторіи Дубровника: они любопытны только для лингвиста. При 2-ой книгѣ два приложенія: 1) постановленія о сербахъ въ дубровницкихъ законахъ и 2) законы о монетахъ.

Monumenta Serbica, spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii, edidit *Fr. Miklosich* Viennae 1858:—изъ 497 памятниковъ 247 касаются Дубровника, изъ коихъ большая часть взята изъ сборника Карано-Твртковича, нѣкоторыя изъ извѣстнаго изданія П. І. Шафарика (Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. V Praze 1851. Listiny: V), а также изъ Гласника и Сербско-далматинск. Магаз.; но около 100 актовъ изданы Миклошичемъ въ первый разъ по рукописямъ вѣнскаго и дубровницкаго архивовъ, списанные имъ самимъ или сообщенные ему Кукулевичемъ и попомъ Иваномъ Данило: №№ 35 (1240 г.), 36 (1240), 38 (1247), 85 (1332), 89 (1333), 109—110 (1336), 142 (1357), 195 (1387), 216 (1395), 220 (1397), 227—228 (1399), 238 (1400), 244 (1405), 245 (1405), 256 (1410), 264 (1418), 267 (1419), 270—275 (1420), 279 (1421), 281—282 (1423), 297—299 (1427), 305 (1429), 323 (1435), 332 (1438), 333 (1439), 335 (1439), 339 (1442), 341—343 (1442), 347—349 (1445), 357 (1450), 365 (1452), 373 (1455), 374—375 (1456), 383 (1458), 385 (1459), 388 (1460), 389—390 (1461), 396 (1464), 397—403 (1466), 404, 407 (1466), 411—432 (1467—1470), 437 (1471), 440 (1473), 441—442 (1476), 444 (1478), 446 (1480), 449 (1481), 450—451 (1483), 452 (1484), 454 (1485), 456 (1451—1487), 458 (1487), 460 (1488), 472 (1512), 473 (1513) и 477 (1520). За исключеніемъ немногихъ, всѣ эти въ первый разъ изданные Миклошичемъ акты весьма важны для исторіи внѣшнихъ сношеній Дубровника; нѣкоторые изъ нихъ касаются сношеній съ Турціею и Албаніею: на

нихъ мы укажемъ ниже; всѣ же остальные относятся къ исторіи сношеній Дубровника съ сербами. Вообще Monumenta Serbica Миклошича есть самый полный сборникъ сербскихъ актовъ по исторіи Дубровника (1189—1566 г.). Прежде изданные акты Миклошичъ провѣрилъ съ оригиналами; обозначилъ вездѣ, гдѣ было возможно, годъ, число мѣсяца и мѣсто написанія акта; при изданіи сербскаго текста онъ сообщаетъ вкратцѣ его содержаніе полатыни; алфавитный указатель облегчаетъ пріисканіе актовъ.

Ради полноты нашего обзора мы должны упомянуть еще объ изданіи Шафарика: Památky dřevního písemnictví Iihoslovanův. v Praze 1851. Изъ 17 сербскихъ грамотъ, напечатанныхъ въ сборникѣ Шафарика, 15 касаются Дубровника; но изъ нихъ только одна № II (отрывокъ) издана въ первый разъ, всѣ же остальныя взяты изъ сборника Твртковича.

6. Найденные нами въ Дубровникѣ *акты, касающіеся сношеній съ Россіею*, изданы въ 1865 г. въ Москвѣ: *Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою Республикою* (Изъ «Чтеній въ Моск. Обществѣ Ист. и Древ. Рос». 1865 г. кн. 3.).

7. По *исторіи сношеній Дубровника съ Турціею* издано нѣсколько грамотъ Твртковичемъ и Миклошичемъ:

Амурата II:	1)	1430 г. (Спом. № 113, Mon. Serb. № 308).
	2)	1442 г. (Monum. Serb. № 339).
Махомеда II:	3—4)	1456 г. (M. S. № 374—375).
	5)	1461 г. (M. S. № 389).
	6—7)	1471 г. (Спом. № 144, Mon. Serb. № 437—438).
	8)	1470—1472 г. (Спом. № 164).
	9)	1480 г. (Спом. № 168, Mon. S. № 447).
	10)	1451 — 1481 г. (Сербско-далм. Магаз. 1849 г. 175. Mon. S. № 448).

Баязета II: 11) 1481 г. (Mon. S, № 449).
12—13) 1483 г. (ibid. № 450—451).
14) 1484 г. (ibid. S. № 452).
15) 1485 г. (ibid. № 454).
16) 1501 г. (Спом. № 173).
17) 1512 г. (Mon. S. № 472).
Селима II: 18) 1513 г. (ibid. № 473).
19) 1517 г. (Гласникъ кн. IV 1852. 220. Mon. S. 476).
Сулеймана II: 20) 1520 г. (Mon. S. № 477).

По содержанію (торговыя привиллегіи дубровничанъ въ Турціи и дань, платимая султану) всѣ эти грамоты важны для исторіи Дубровника.

Если присоединимъ къ представленному нами обзору актовъ еще двѣ грамоты Скендербега (1459 г. Спом. № 148. Monum. Serb. №№ 385 и 386) и одну *Молдавскаго господаря Александра* 1566 г. (Спом. № 160), то будемъ имѣть все, что доселѣ издано. Кромѣ упомянутыхъ выше неизданныхъ актовъ, списанныхъ нами вь Дубровникѣ, въ рки. № 266, стр. 416—7 находится еще *Il Commandamento di Sultan Osman Imperator de'Turchi* indirizzato al Sangiacho di Herzegovina del Ducato di S. Sabba, et a tutti i kadi, che si trovano in detto Ducato 1620 г. о дозволеніи дубровничанамъ и ихъ духовенству свободно отправлять богослуженіе по обрядамъ ихъ религіи.

Въ дубровницкомъ архивѣ хранится множество еще неизданныхъ актовъ (см. Кукулевича Путешествіе по Далмаціи въ Архивѣ югослав. ист. кн. IV, стр. 324—332); но они были для насъ недоступны.

II. Переходя ко второму разряду источниковъ—*сказаніямъ современниковъ (бытописателямъ)*, начнемъ съ *сказаній самихъ дубровничанъ*, а вслѣдъ за тѣмъ укажемъ на тѣ немногія *сказанія иностранцевъ*, которыя намъ извѣстны.

1. *Сказанія дубровничанъ*:

а) *Лѣтописи*. «Древнѣйшія государственныя бумаги большой важности», какъ сказано въ предисловіи къ исторіи Дубровника

Юнія Растича, «хранились въ первыя времена Республики вмѣстѣ съ мощами и государственной казною въ Соборѣ, гдѣ находятся и понынѣ; бумаги послѣдующихъ вѣковъ были отдаваемы на храненіе государственнымъ казначеямъ. Въ Секретаріатѣ же существуютъ во многихъ томахъ постановленія и административныя распоряженія Правителей Республики, именовавшіяся встарину Libri delle Reformazioni, а нынѣ называемыя отдѣльными именами Libri del Minore Consiglio, del Consiglio di Pregati, del Gran Consiglio, delle Commissioni e delle Lettere» [1]). Вмѣстѣ съ важнѣйшими государственными бумагами хранились краткія *лѣтописи*, служившія правителямъ Республики справочною книгою. Эти лѣтописи не дошли до насъ въ первобытномъ видѣ; тѣмъ не менѣе на основаніи сравнительнаго изученія позднѣйшихъ списковъ мы можемъ достаточно вѣрно судить о томъ, каковы были первоначальныя лѣтописи, на какомъ языкѣ онѣ были писаны и къ какому времени относится начало лѣтописанія въ Дубровникѣ. Такихъ списковъ намъ извѣстно пять:

1) Списокъ, сдѣланный извѣстнымъ ученымъ Маттеи (Gian Maria Mattei † 1788) съ рукописи, относящейся, по его мнѣнію къ XIV вѣку. Рукопись, съ которой списывалъ Маттеи, была во многихъ мѣстахъ испорчена такъ, что не доставало цѣлыхъ фразъ, и притомъ сохранилось только ея начало. Она начинается такъ: «In (?*Qui* по ркп. № 251) comenza la edificazion della terra di Raguxa edificata per Re Radoslavo bello fiol del Re Stefano . . . . nato in Roma de stirpe Bosnese per paterna linea, e per linea feminina de Romani, qual fò de stirpe regal de Re Radoslavo chazato per suo fiol Besislavo, come intenderete in prozesi de

[1]) *Chroniche di Ragusa, opera di Giugno Resti, Senatore di Ragusa.* Ркп. франц. библ. № 243 infol. Praef. ai lettori: «le antichissime scritture di importanza appartenenti al publico in quelli primi tempi si depositavano nelli depositi delle reliquie e tesoro publico, dove oggigiorno si trovano; l'altre delli secoli più vicini furono date servar alli signori Tesorieri. Nella Segreteria poi sussistono in molti tomi li decreti e l'operazioni delli administratori della Republica, antichamente chiamati Libri delle Reformazioni, che oggi con disgiunti nomi vengono appellati Libri del Minor Consiglio, del Consiglio di Pregati, del Gran Consiglio, delle Commissioni e delle Lettere». Это предисловіе къ «Chroniche di Ragusa» издано въ 1861 г.: *Pel fausto imeneo del Signor Giovanni Medovich colla Signora Regina de Ivacich.* Zara. Tipografia Demarchi-Rougier in Ottobre 1861. p. 24.

baxo, et questo fò dapoi naximento de Iesu Xp̃o nostro Signor 526». Оканчивается разсказомъ о построеніи церкви св. Маріи (828 г.): «Et ancora donarno due 100 per far fabricar la giexia de Santa Maria, et la dita giexia et sta comenzata per li diti marinari, et resto ano dato li Raguxei ad onor de santa Maria. Qual giexia . . . . (здѣсь прерывается рукопись). Этотъ списокъ, отличающійся отъ другихъ древностью языка, находится въ ркп. франц. библ. № 266: «*Memorie storiche su Ragusa, raccolte dal P. Gian Maria Mattei*», стр. 1—16. См. *приложен. I.*

2) Списокъ д-ра Петра Стуллича, принадлежащій нынѣ его племяннику, книгопродавцу П. Ф. Мартеккини. Подлинникъ, съ котораго списывалъ Стулличь, хранился въ архивѣ Республики. Начинается 687 годомъ: «In Bosna fù una sanguinosa guerra, chi voleva li Duchaini di Albania per esser governati, e chi il Rè Stefano»; оканчивается 1543 г. Языкъ подновленъ. См. *прилож. II.*

3) Списокъ *псевдо-гундуличевъ* въ ркп. франц. библ. № 251: *Annali della città di Ragusa attribuiti a E. Giov. Marino di Gondola* (неосновательно приписаны И. М. Гундуличу, какъ было показано на своемъ мѣстѣ). Этимъ псевдо-гундуличевымъ лѣтописямъ (4° 117 стр.) предшествуетъ списокъ властельскихъ родовъ Дубровника: «Qui sono scritte le casate delli Nobili Gentilhuomeni della città di Ragusa, tanto quelle che sono estinte, quanto che sono vive; e quelle che sono cassate in popolo, e da dove sono, e di che luogo sono venute, messe per Alfabetto». (стр. 3). За тѣмъ слѣдуетъ на стр. 11: «L'anno doppo la Nascita di Christo nro Sig-*re* del 340 Epidauro fù minato, e molte altre città in Golfo. Стр. 13—20 сходно почти дословно со спискомъ Маттеи, только языкъ новѣе и изложеніе нѣсколько подробнѣе; кромѣ того другая хронологія: такъ—основаніе Дубровника отнесено къ 459, а не 528 г. и т. п. Со стр. 20 сходно со спискомъ Стуллича, отъ котораго разнится только тѣмъ, что при описаніи пожара ректорскаго дворца въ 1463 г. (чѣмъ и оканчивается этотъ списокъ) находится перечень всѣхъ властелей, погибшихъ при этомъ случаѣ. См. *прилож. III.*

4) Списокъ франц. библ. № 269 (4° 179): *Annali di Ragusa accopiati da un manuscritto antico dall'anno 800 sin all'anno 1607*. Начинается такъ: «Per tutto s'è sparsa fama, tant'in Albania, quanto per tutta costa di Dalmazia, che a Ragusa è venuto un uomo Santo Illarione, e per sua potenzia ha fatto bruggiare dragone, qual faceva danno a tutti circonvicini, e venivano vedere da tutte le parti Santo Illarione e faceva ad ogniuno carità a far cazar errori dalla sua fede cristiana, e chi non era cristiano, si faceva per tanta humanità e benevolenza di Santo Illarione (800)». Лѣтопись оканчивается 1607 г. на стр. 158.; затѣмъ слѣдуетъ ordo in Libro Reformationum IV. MCCCC. Indictione VIII Die XIX mensis Martis (карантинныя правила по случаю появленія чумы). На стр. 159—178 помѣщены выписки изъ другой рукописи безъ соблюденія хронологическаго порядка:

Стр. 159. L'anno 1400. Furono tagliate le teste per tradimento alli fratelli Carvenichi. . . .

стр. 162. L'anno 1389. S'armarono nell'Adriatico alcuni corsari di Bari. . . .

ibid. L'anno 14. . E. Damiano Giugno di Giorgi ritrovandosi alla corte di Giorgi Despot Duca di Servia con li suoi figlioli nel tempo quando dagli Turchi si fù occupato tutto il stato . . .

стр. 166. L'anno 1378. A dì 17 Maggio fù pubblicata la guerra fra li Genovesi e Veneziani. . . .

стр. 169. L'anno 1485. Vennero nel Colfo le galere del Duca d'Angiò con molti principi e baroni francesi a dannegiar nel colfo Adriatico . . . .

стр. 172—8. біографическія замѣтки о нѣкоторыхъ лицахъ изъ фамиліи Giorgi.

Въ концѣ рукописи помѣщенъ алфавитный указатель. См. *прилож. IV*.

5) Списокъ П. Ф. Мартеккини: *Origine della città di Ragusa estratta da certe scritture antichissime con agiunta di alcune cose più memorabili costumate in Ragusa* (4° 230). Въ первой части этого историческаго сборника помѣщена лѣтопись 525—1607 г.,

коей предшествуетъ разсужденіе составителя сборника объ основаніи Дубровника (340—525 г.),—вторая же часть содержитъ «alcuni costumi praticati anticamente a Ragusa», извеченіе изъ сочиненія Де-Диверсиса «Descriptio Ragusina». Въ концѣ сборника помѣщены дополнительныя свѣдѣнія изъ древней рукописи (aggiunta d'alcune notizie, che mancano in questo libro). Къ сборнику приложенъ алфавитный указатель. Рукопись начинается такъ: «Differentemente si discorre circa l'origine, e fondazione della città di Ragusi, mentre alcuni vogliono, che Ragusi avesse origine della città di Epidauro detta al pr^{te} Ragusa Vecchia» . . . Между языкомъ лѣтописи и дополнительныхъ статей замѣтна чувствительная разница: хотя составитель сборника старался очевидно подновить языкъ списанной имъ лѣтописи, тѣмъ не менѣе ускользнули отъ его вниманія такія формы, какъ morse, comenzorono, sglavo и т. п. См. *прилож. V*[1]).

Сравнительное изученіе пяти извѣстныхъ намъ списковъ дубровницкихъ лѣтописей привело насъ къ слѣдующимъ результатамъ.

1. Всѣ пять списковъ сходны между собою до начала XI вѣка, разница же между ними только въ большей или меньшей древности языка: сходство ихъ не ограничивается однимъ содержаніемъ, но замѣтно также и въ выраженіяхъ; приведемъ для нагляднаго сравненія два-три примѣра:

---

[1]) И. Кукулевичь-Сакцинскій въ изданномъ имъ въ 1859 г. въ Загребѣ Перечнѣ рукописныхъ памятниковъ юго-славянской исторіи (Conspectus Monumentorum historicorum in manuscripto existentium quae ad illustrandam historiam ecclesiasticam ac civilem Slavorum Meridionalium typis vulgari possent) обозначаетъ подъ №№ 3 и 20 два списка дубровницкихъ лѣтописей, хранящихся въ библіотекѣ францисканцевъ въ Дубровникѣ: № 3. Annali ossia Notizie dell'origine della Republica di Ragusa da varii manuscritti antichi. Dall'a. 568—1554 или затеряны, или заглавіе ихъ не вѣрно передано; № 20. Chronici Ragusani antiquissimi Fragmentum (на итал. яз.) — въ сборникѣ Маттеи № 267, стр. 2—3, о договорѣ дубровничанъ съ венеціанцами 1001 года: сходно со списками, обозначенными у насъ подъ №№ 2 и 3. Кромѣ того, въ томъ же перечнѣ показаны хранящіяся въ библіотекѣ Кукулевича: № 2 Annali di Ragusa, copiati da un antichissimo codice che conservasi in Ancona in casa dei Signori Storiani (ab an. 458—1510) и № 25 Cronaca Ragusana dall'anno 1410—1510 con continuazione fino all'a. 1679.

Сп. № I.

a. 695. Vensero a Raguxa li homeni de Duchagini de tera ferma de Chastel Spilan, e de Chastel Gradaz e tuti homeni preseno sue abitazioni in la Custera perche diti homeni forno de la stirpe de Epidauro, queli che son scampati in la ruinazion di Epidauro ruinato per Saragini, et li diti stexeno tanti anni in li diti duo Chasteli soto reame de Bosnesi, et davano sempre obedinzia a lo reame de Bosna; et vedendo che Chastel de Lave se agumentava tuttavia in prosperità se andarono in Raguxa per esser sicuri, et havevano suo Confalone Santo Geno, et Gjenobii et havevano sua munita xtampata da Geno Genobi, qual molti hani corevano per merchato. Et in Chastel di Lave tenevano suo Confalone Sancto Sergio et Bacho, perche Re Radoslavo bello feze giexia prima in Chastel di Lave, et aveva sua munita testa de Re Radoslavo da una banda et de altra Chastel de Lave, qual munita al di di ogi cure in ogni merchao qui a Raguxi et per tuto mondo si po spender per quelo che si spende qui a Raguxi. Quali homeni de Chastel Lave, et homeni venuti de duo Chasteli giurati parenti, compari per sempre son stati infra lori, et . . . volere, et cuxi tuti de duo Casteli sono redunati in dita Custjera, dove al presente Pustjerna.

Сп. № II.

a. 691. Si riducono a Ragusa li uomeni di due Castelli di Terra ferma, cioè di Castel Spilan, e Castel Gradaz, e questi huomini erano d'Epidauro i quali dopo la destruzione di esso fatta da Mori si eran salvati in detti due Castelli, e venuti dai due Castelli fecero le loro abitazioni in Costiera del Monte, e vedendo che il Castel di Lave si aumentava, per assicurarsi si rifugiarono anche loro in quello, et tenevan per Confaloni S-ti Zenobio, e Zenobia, e battevan moneta coll'impronto di due santi, e nel Castello Lave tenevano per Confaloni quali li lasciò il Rè Radislavo bello, S-ti Sergio, e Bacco, e coniavano la moneta da una parte coll'impronto della testa del Rè Radislavo, e dall'altra del Castel delle Lave, quale si spende anche oggi, e cosi li detti uomini ridotti dai due Castelli della Costiera, quale al presente si chiama Pusterna, sono sempre dell'istesso volere con queli del Castel delle Lave.

Сп. № III.

a. 692. Pure venero a Ragusa del 692 tutti li huomini colle loro famiglie dalli due Castelli di terra ferma, uno nominato Castel Spilan, et l'altro Castel Gradaz; e presero per la loro abbitatione la Chustera; li detti huomini venuti da nominati Casteli furono dalla stirpe d'Epidauro, scampati nella ruinazione d'Epidauro rovinato dalli Saracini, quali stettero moltissimi anni in detti Castelli sotto Reame di Bosna, e davano sempre obedienza al Re di Bosna; ma vedendo che il Chastel di Lave si augumentava tutta via in prosperità venero a Ragusa per esser più sicuri e tenevano per loro Confalone San Geno e Genobij; havendo anco la sua moneta stampata di Geno, e Genobij, che per molti anni coreva al mercato; et nel Castel Lave tenevano suo Confalone Santi Sergio e Bacho, et il Re Radoslavo Bello fece p-ma Chiesa in d-o Castello di detti Santi; e quel suo Confalone haveva su la moneta testa di d-o Re d'una banda, e d'altra C. Lave qual moneta oggi di corre per ogni mercato qui a Ragusa, e per tutto mondo si puo spender per quello si spende qui a Ragusa, quali huomini di d-o Castel Lave e quelli venuti da d-i due Castelli, sono stati sempre fedeli un ad altro, ed erano fratelli giurati, compari, e parenti, e stettero sempre fra di loro in pace, e concordia habitando sempre in d-a Chustera, che al presente si chiama Pusterna.

Сп. № V.

a. 691. In questo tempo i popoli di due Castelli Spilan, e Gradaz fabricati in terra ferma discosti dal mare tre miglia residui delle ruine di Epidauro, come di sopra vi è detto, determinaron anche loro ridursi a Ragusi, vedendo che non potevano crescere nè in facoltà, nè in gente, ma si mantenevano con quella povertà, che li suoi precessori, essendo profughi dall'Epidauro, avevano portato; i popoli di questi due Castelli porteano obbedienza alli Rè di Bosna; non ostante però di questi due Castelli sempre hanno mantenuto amicitia, ed apparentarono di continuo con li Ragusei, e si fecero dunque sapere alli Ragusei, e si contentavano di riceverli nella loro Città, aciò come son stati, tutto un popolo, mentre stettero in Epidauro, fossero anche adesso in Ragusa. Qual ambasciata avendo intesa li Ragusei imediate le diedon risposta esser più contenti accetarli nella loro Città, acioche fossero uniti conforme con stati nei tempi antichi, e cosi li diputaron per loro abitazione tutta la Costa, o Costiera del monte inverso Levante, la qual Costiera chiamaron poi Pustierna, et al presente cosi si chiama. In quel luogo dunque fabricaron le case per loro abitazione, e viensero con le famiglie, et averi, con la venuta de quali popoli crebbe molto Ragusi, e si dilatò assai; li sudetti popoli di due Castelli avevan per Confalonieri loro S. Zeno, e Zenobio, et avevan la moneta inprontata con li detti Santi, e questa moneta per molti anni correva per il mercato. Venuti a Ragusa, ed uniti con Ragusei presero per Protettore S. Sergio, e S. Bacco, quali tenevano li Ragusei lasciatili dal Rè Radoslavo Bello, la qual moneta poi, che correva a Ragusa aveva impronto d'una parte la testa del Rè Radoslavo Bello e dall'altra il Castel Lave, qual anche al presente si spende, e cosi anche i popoli di due Castelli venuti a Ragusa resero conforme in tutto e per tutto il voler dei Ragusei.

По сп. № I.

803. Fo acrexjuto mar in alto deli suj termini piu de 3 passa, et in tera di Raguxa fo anegato a lo Castel de Custera puti, et asai dani a fato per tuto pian, dove forno casate pagliale, dove tenevano ostarie, over mercato de qualche cosa vendarescha, et animali grandi, cavali, bovi, vache, pecore, porzi et altri animali, che erano . . . . perche lo mar achrexeva de meza note in giorno di sabato de mese Octubrio, et in quel giorno Santo Ilarion non se trovava in la parte de Raguxa, ma era andato in le bande de Bosna, perche in ogni loco lo azetavano, et homo santo intendendo la inondazion e dano de mare, a chiamato in molte prexe, et venendo trovò lo mar chrexeva, che fo in alto piu di 3 passi, et tuto Castel de Custera, et tute case per Custera era anegato, et pareva tuta via, che mar chrexeva. S. Ilarion li feze S. Croxe, et feze atacar a lite de mar per non crexer piu in alto et feze horazion andando con prozesione pregando Omnipotente de darli grazia de fare tornar lo mar neli termini, et lo mar subito tornò in li sui termini, et la nocte del mar achrexiuto trovaresi in piu lochi segnali maxime soto altar in gjexie soto altar de Santo Ilarione fata una croze de man de Santo Ilarion.

По сп. № II.

803. d'ottobre in mezza notte d'un sabbato crebbe il mare tanto, che anegò molti nel Castello di Pusterna, e fece gran danno delle mercanzie nelle Botteghe, e S. Ilarione, che si trovava in Bossina venne subito a Ragusa, e fece miracolosamente calare il mare.

По сп. № IV.

803. E stato accresciuto il mare in alto delli suoi termini più di tre passa, et in terra di Ragusa fu annegato lo Castello a Costiera posto et altri danni ha fatto per tutto piano dove furono cassette picole, dove tenevano Vostarie, overo mercato di qualche cosa vendaresche, et animali grandi, cavalli, bovi, vacche, pecore et altri animali che erano avanti perche il mar cresceva di mezza notte in giorno di sabatto di ottobre, et in quel giorno Santo Ilarione non si trovava nella parte di Ragusa, ma era andato in la parte di Bosna, perchè in ogni luogo lo cercavano, et homo santo intendendo la sumersione, e danno di mare accresciuto, venne con gran prestessa, et venendo trovò il mar crescieva che stava in alto più di tre passi, e tutto Castel de Costiera con tutte case per Costiera era anegato, et pareva tutta via che mar cresceva. Santo Ilarione li fece tre croce, et una fece atacar a lito di mare per non crescer più in alto, et fece oration andando con procession pregando Dio omnipotente, e dargli grazia di fare tornare il mare nelli suoi termini della notte delo mar accresciuto trovarete in più loghi segnali, massime sotto altar in tre Chiese, sotto altar di Santo Illarione fatta una croce di man di Santo Illarione.

По сп. № V.

803. Mentre il S. Romito si trovava nei confini di Bosna predicando, convertendo la gente alla S. Fede di Gesù X-to nell'anno 803 il mese d'ottobre nel giorno di sabato a mezza notte il mare crebbe tanto alto, che coprì quasi tutto il Castello della Pustierna con somersione di molta gente, ed in particolare dei vecchi, ragazzi, ed animali, che non potendo fuggire restarono sottomersi nel mare, e fece anche danno notabile delle botteghe per la città, il resto del popolo si salvò fugendo verso il monte, e non solo crebbe il mare dentro la città, ma anche nel Borgo, poichè per tutta la Costiera s'alzzò ed andò tanto crescendo verso il monte che era arivato già al luogo ove adesso son le tre Chiese, le quali a tal fine furono poi ivi fabricate, conforme più tosto si dirà. In questo tempo, come si disse, S. Illarione si trovava nei confini di Bosna a predicar, mandarono li sig-ri Ragusei a pregarlo, aciò ritornasse a Rag-a per intercеder apresso Sua Divina Maestà per far ritornar il mare nei suoi limiti, et liberare da un pericolo cosi grande il popolo Raguseo. S. Illarione avendo ciò inteso, imediate ritornò a Ragusa, e trovò che il mare sempre più cresceva. Arivato che fù andò processionalmente con tutto il popolo pregando Idio, che facesse ritornar il mare indietro, e pose tre croci al lido del mare, ed arivando al luogo ove principiò a crescere il mare si pose in ginochioni con tutto il popolo, e faceva orazioni; poi sopra una pietra fece tre volte il segno della S. Croce e restò impresso in quella pietra, e oggi dì si vede, ed imediate il mare ritornò indietro, e la città di Ragusa restò libera dalla sommersion, che il mare li minacciava. Liberata la città di questa inondazione del mare fabricaron alla Pustierna la Chiesa dedicata alla Madonna Ss-a ed in quel luogo ove S. Ilarione fece sopra la pietra viva la croce fecero li Sig-ri fabricar tre Chiese, ed ivi per le preghiere delli Sig-ri Ragusei si ridusse ad abitarci e fù il primo a fabricar sopra quelle tre Chiese, una in nome di S. Ilarione e fù fabricata sopra quella pietra, sulla quale lasciò il segno della S. Croce, anzi questa pietra restò sotto l'altare, et oggi dì si vede la d-a Croce.

813. A Raguxa fò uno prete religioso de santa vita lo quale acompagnava S-t Ilarione in ogni loco, dove voleva andar S. Ilarione. Una volta andando in la parte di Bosna S. Ilarion morise in Bosna, et corpo suo restò in le parte . . . et ogi di si trova suo corpo, dove ogi di fa asai miraculi. Suo compagno prete tornò a Raguxa, et Raguxei hano fato suo plevano, et stava in gjexia de S. Vido, dove al presente arcivescovado, per che li fo fato per uno merchadante Bosnese, la qual gjexia de S-t Vido fo a le parte de Custera, qual giexia fazeva alor mirachuli, et dito plevan fò Arbanese per nome se cjamava Dum Sarg, et viuete Dum Sarg in gran netjeza. Pare per zerte conjecture et scripture, che una caxeta serata, et imbrocata con cjoldi ano trovato in tera soterata, come intenderete per avanti in lo ano de lo milesimo, quandò fò trovata, et pare che per dito Dum Sargi l'esta posta, come sarà decjarito a la sua invenzion.

813. Essendo S. Ilarione in Bossina, ivi mori, e restò il suo corpo, il quale di continuò fà miracoli, ed avendo allevato seco un prete d'Albania d-o D. Sergio, questo venne a Ragusa, e fù fatto piovano della Chiesa di S. Vito, la quale era dove è al presente l'arcivescovato, dove visse lungamente, e per mezzo suo si ebbe il Pannicello del Sig-re, come appare nel processo.

813. A Ragusa fù un Prete Religioso di santa vita, lo quale sempre accompagnava lo Santo Ilarione in ogni luogo, dove voleva andare Santo Ilarione, lo quale mori in Bossina, e corpo suo resto in quelle parti, et ogni di faceva asai miracoli. Suo compagno Prete torno a Ragusa, et Ragusei l' hanno fatto suo Piovano, e stava in Chiesa di S. Vido dove al presente è arcivescovato perche li fù fatto per un Bosnese mercadante, la qual Chiesa di S. Vido faceva assai miracoli; e ditto Piovan fù Arbanese per nome si dimandava Dum Sargi, e visse Dum Sargi in gran vechiezza, pare per certe conietture, e scripture, che una casicetta serrata, e imbrocata con chiodi l'hanno trovato in terra soterrata, come intenderete per lo avanti in lo anno dello millesimo, quando fù frovata, e pare che per ditto Dum Sargi le sta posta come s'era dichiarato alla sua inventione.

Dopo alquant'anni S. Ilarione si portò di nuovo in Bosna per predicare la fede di Xto a quei popoli in se stessi barbari, e condusse in sua compagnia un Prete di nazione Albanese, il quale viense a Ragusa per veder il S. Ilarione, per la gran fama, che di lui si era sparsa per tutto, e deliberò di far la vita in compagnia con S. Ilarione, et i Sig-ri Ragusei avendo vista la di lui santa, et buona vita lo fecere Cap-lo di S. Vito, la qual Chiesa era dove al presente è il Palazzo dell'arcivescovo vicina alla catedrale, ivi faceva una vita molto esemplare. Questo prete si chiamava per nome D. Sergio, stette lungamente in Roma, e per mezzo suo si trovò il Pannicello di Xto come in appresso si dirà. Andò dunque questo Prete con S. Ilarione a predicar in Bosna, ove convertiron molti alla fede catolica, e li battezavano giornalmente, dove S. Ilarione per le gran fatiche, che faceva nell'età avanzata cascò ammalato, et in pochi giorni se ne passò da questa all'altra vita, et il corpo suo fù sepelito in Servia, dove fece, e fà continuamente miracoli grandi, et il suo compagno D. Sergio ritornò a Rag-a alla sua Capella dove tutta la città concoreva a visitarlo, raccomandandosi alle sue orazioni, et molti per mezzo suo ottenevano grazie dal Cielo.

Изъ приведенныхъ нами отрывковъ читатель можетъ убѣдиться, что сходство между всѣми извѣстными намъ списками дубровницкихъ лѣтописей поразительно какъ относительно содержанія, такъ и относительно выраженій; но что слогъ списковъ №№ III, IV и V болѣе растянутъ, чѣмъ списковъ №№ I и II: эта растянутость или болтливость служитъ вѣрнымъ признакомъ позднѣйшаго ихъ происхожденія. Съ XI вѣка разница между списками становится тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ ближе описываемыя событія къ XVI вѣку: списки разнятся не только въ выраженіяхъ, но и въ содержаніи. Откуда же проистекаетъ это сходство и различіе списковъ? По крайнему нашему разумѣнію, другой причины не могло быть, какъ только та, *что до XI вѣка была въ Дубровникѣ только одна лѣтопись, съ этого же времени число лѣтописцевъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ XVI вѣку:* что ускользало отъ вниманія одного, записывалось другимъ; для описанія же событій до XI вѣка всѣ они пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ.

2. Въ самомъ характерѣ лѣтописей замѣчается двойственность: съ конца VIII до XII вѣка лѣтописи отличаются церковнымъ характеромъ, который становится исключительнымъ въ періоды времени 789—843 и 971—1116 г.г.; съ XII-го же вѣка въ лѣтописяхъ не встрѣчается болѣе ни одного упоминанія о чудесахъ,— о монастыряхъ и церквахъ говорится весьма рѣдко, и лѣтописи принимаютъ характеръ чисто политическій, которымъ отличается и начало ихъ. Такая двойственность въ характерѣ лѣтописей указываетъ, какъ намъ сдается, на то, что *первоначально лѣтописцами въ Дубровникѣ были люди свѣтскіе, въ концѣ VIII вѣка лѣтописаніе перешло въ руки духовенства, а съ XII вѣка снова было ввѣрено свѣтскимъ лицамъ,* сначала, вѣроятно, чиновникамъ государственнаго казначейства, а впослѣдствіи секретарямъ Республики; когда же дубровницкая республика получила правильную организацію, когда завелись протоколы Совѣтовъ, лѣтописаніе утратило первоначальный свой офиціальный характеръ и перешло въ руки частныхъ лицъ, интересовавшихся исторіею своего отечества. Что дубровницкія лѣтописи имѣли первоначально характеръ офиціальный, видно между прочимъ изъ того обстоятельства, что онѣ въ числѣ важныхъ государственныхъ бумагъ хранились въ архивѣ Республики.

3. Лѣтописи Дубровника начинаются V—VI в., въ теченіе коихъ отмѣчено только три-четыре событія съ обозначеніемъ годовъ, и эти отмѣтки вращаются около главнаго событія—построенія и расширенія Дубровника; со второй половины VII вѣка число лѣтописныхъ замѣтокъ значительно увеличивается, а въ началѣ IX вѣка встрѣчаются уже такія, которыя могли быть записаны только современникомъ: отмѣчается не только годъ и мѣсяцъ событія, но даже день и часъ; такъ подъ 803 годомъ читаемъ: «Fo achrexjuto mar in alto deli sui terminj più di 3 passa, et in terra de Raguxa fo anegato a lo Castel de Custera puti, et asai dani a fato per tuto pian. . . . lo mar achrexeva *de meza note in giorno de sabato de mese octubrio* . . . .» Всякій легко согласится съ нами, что подобныя подробности могли быть записаны, только современникомъ, а въ такомъ случаѣ необходимо признать *существованіе лѣтописей въ Дубровникѣ въ началѣ IX вѣка*; но есть основаніе предполагать, что *лѣтописаніе началось* въ Дубровникѣ гораздо раньше, *если не въ концѣ VII, то въ первой половинѣ VIII вѣка:* со второй половины VII вѣка появляется въ лѣтописяхъ цѣлый рядъ отмѣтокъ съ обозначеніемъ годовъ такихъ событій, воспоминаніе о которыхъ не могло долго держаться въ памяти народа, но которыя должны были быть записаны если не современникомъ, то человѣкомъ близкимъ къ описываемому времени. Приведу рядъ такихъ отмѣтокъ VII—VIII в.в.: подъ 658 г.: Re Stjepan feze paze, tregua, et union co Raguxei et stete in paze hanni venti (слѣд. это событіе записано не раньше 678 г.) . . . подъ 678 г.: Re Stjepan a roto paxe con Raguxei.... подъ 689.: Viense asai gente in Raguxa con suo avere de Arbania e de parte de Bosna. . . . 690. Fo fato uno muro de maxiera de travi de legname de Chastel de Lave soto burgo per fino per tutta costa a pie de la montagna perfino ala parte, qual se cjamava Custera. . . . 695. Vensero a Raguxa li homeni de Duchagini de terra ferma de Chastel Spilan e de Chastel Gradaz.... 743. Vensero asai gente de Bosna con gran aver. . . . 744. In Raguxa se feze una division tra tutto populo de Raguxa. . . 754. Fo fato un altro castelo a la punta de Custjera de legname. . . . 771. Fo fato primo muro di pietra e calcina. . . 781. Fo fato un muro de pali de Pusterna per tutta riviera. . . . 782. A Raguxi prima

galea e due fuste, e duo arsenale sono fati . . . 783. Furono fate due statue a Raguxa per un segnor Francese Rolando. . . .

4. Всѣ извѣстные намъ списки лѣтописей писаны на итальянскомъ языкѣ; но странное дѣло: въ нихъ встрѣчаются какъ-то случайно и вовсе не кстати не только слова, но даже цѣлыя выраженія по-латыни. Такъ въ спискѣ Маттеи подъ 781 г. читаемъ: Fo fatto un muro de pali da Pusterna per tutta riviera *sub anno Domini 781. Carolus enim regnavit.* Въ спискѣ франц. встрѣчаемъ въ одномъ мѣстѣ начало періода по-латыни, а продолженіе по-итальянски: *Sub anno Domini 1021 incipit ordine potentiae* in mar la pietra gridando maledicendo suo intento. . . . а въ другомъ мѣстѣ цѣлыхъ двѣ фразы по-латыни: *Beatus Franciscus incipit ordinem fratrum Minorum sub anno Domini 1206.—Incipit ordo pauperum dominarum Sanctae Clarae sub anno Domini 1207.* Какимъ образомъ эта латынь попала въ лѣтопись, писанную по-итальянски? Эта странность, по нашему мнѣнію, не объяснима ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что составители списковъ, до насъ дошедшихъ, черпали свѣдѣнія о предшествовавшей имъ эпохѣ изъ *лѣтописи, писанной по-латыни:* передавая содержаніе ея по-итальянски, они по невниманію *переписали* нѣсколько выраженій изъ подлинника вмѣсто того, чтобы *перевести* ихъ. Подтвержденіемъ догадки, что древнѣйшая лѣтопись Дубровника была писана по-латыни, служитъ то, что первоначальное его населеніе было римское, что, по свидѣтельству Вильгельма Тирскаго, въ XII вѣкѣ говорили въ немъ по-латыни и что италіянскій языкъ сталъ вытѣснять изъ общаго употребленія латинскій не раньше второй половины XIV вѣка [1]).

5. Изъ вышеприведенныхъ нами латинскихъ отрывковъ видно, что *первоначальная лѣтопись Дубровника отличалась* такою же

---

[1]) Объ употребленіи въ Дубровникѣ латинскаго языка ученый комментаторъ Милеція говоритъ слѣдующее: «Riflettendo ancora che a Ragusa. . . . si è sempre parlato in latino, come si vede dallo Statuto e Riformazioni, e la metà del Verde, ove la prima volta in italiano del 1380, e dai Testamenti, e dalle donazioni inter vivos, e divisioni, e cento altri Instrumenti, e dai nomi Romani d'huomini e donne nobili, e dal testimonio di Guglielmo Tirio, che nel 12 secolo fù a Ragusa di passo, e dice che nella città si parlava latino». *Alcune annotazioni circa i versi di Miletio Autore del XIII secolo al Padre Bassich della Comp. di Gesù.* Ркп. франц. библ. № 265.

краткостью, какая характеризуетъ древнѣйшія лѣтописи всѣхъ народовъ; болтливость же нашихъ списковъ принадлежитъ позднѣйшему времени, когда лѣтопись начала утрачивать первоначальное свое значеніе и изъ справочной книги становиться книгою для чтенія.

b) *Записки*. Начало имъ положилъ Лудовикъ Черва Туберонъ (Ludovicus Cervinus Tubero, L. Cervario Tuberone).

Родился въ Дубровникѣ въ 1459 году[1]); принадлежалъ по отцу къ извѣстной дворянской фамиліи Червы, а по матери къ знаменитому въ лѣтописяхъ Дубровника роду Кабожичей, понынѣ существующему. Получивъ первоначальное образованіе на родинѣ, онъ былъ отправленъ для усовершенствованія въ наукахъ въ Парижъ, гдѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими познаніями и былъ избранъ членомъ академіи съ прозвищемъ Tubero. По возвращеніи на родину онъ женился на Еленѣ Гучетичь (Gozze, подобно Кабожичамъ, австрійскіе графы), но жилъ съ нею не долго: въ 1484 г. онъ вступилъ въ бенедиктинскій монастырь на островѣ св. Андрея, отстоящемъ отъ Дубровника на 12 ит. миль, а въ 1502 году былъ избранъ въ аббаты монастыря св. Якова (въ получасѣ разстоянія отъ города, супротивъ о-ва Кромы), нѣсколько же позже былъ назначенъ викаріемъ дубровницаго архіепископа, Райнальдо Граціано. Умеръ въ іюнѣ 1572 года. Въ монастырскомъ уединеніи онъ занимался науками и литературою. Его *Commentaria de temporibus suis* въ 11 книгахъ обнимаютъ періодъ времени отъ смерти Матвѣя Корвина до папы Адріана VI (1490—1522 г.). Описывая событія, случившіяся въ Турціи и Венгріи, онъ иногда упоминаетъ и о томъ, что происходило замѣчательнаго и въ другихъ странахъ, но о своемъ отечествѣ, Дубровникѣ, говоритъ весьма мало, и то случайно [2]). Авторъ посвятилъ свое сочиненіе Григорію Фрегепану, архіепископу г. Колочи (Coloniae, quae urbs est Pannoniae inferioris

---

[1]) S. Cervae Vitae illustrium Ragusin. 617—643. *Epitome historica de vita et scriptis Ludovici Cervarii Tuberonis* при дубровницкомъ изданіи Comment. suor. tempor. V—X. Аппендини (Notizie II, 7) ошибочно относитъ рожденіе Л. Червы Туберона къ 1455 году.

[2]) Comm. suor. tempor. 1784. I, 188—208, II, 223.

dicta etiam ad Statuas Colossas ad ulteriorem Danubii ripam a Buda 12 leucis. *S. Cerva* l. c.), сообщившему ему много матеріаловъ для исторіи Венгріи и Турціи. Во времена Сер. Червы во многихъ частныхъ библіотекахъ находились еще рукописныя копіи этого сочиненія подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Ludovici Tuberonis Patritii Ragusini Abbatis Melitensis Commentaria de temporibus suis». Автографъ былъ похищенъ, по словамъ С. Червы, изъ библіотеки Сер. Буйича и проданъ въ Венеціи извѣстному италіянскому ученому Апостолу Zeno за самую ничтожную цѣну (paucis obolis). «Записки о своемъ времени» Туберона были въ первый разъ изданы Аделяріемъ Кревеліемъ по рукописи, хранившейся въ его библіотекѣ: «Ludovici Tuberonis Dalmati Abbatis etc. Commentariorum de rebus, quae tempestatibus ejus in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt, Libri XI». Francoforti impensis Claudii Marnii et Haeredum Ioannis Aubrii 1603. А. Кревелій посвятилъ изданіе этого сочиненія «Strenuo et celebri antiquae Nobilitatis genere Ornatissimo Viro Iohanni a Wustern etc. Domino in Beichlingen, Wiha, Frondorf et Westra etc. Mecenati suo colendissimo». При этомъ изданіи приложенъ подробный алфавитный указатель «rerum et verborum, praecipue memorabilium». Въ посвященіи Кревелій такъ отзывается объ изданномъ имъ историческомъ трудѣ Л. Червы Туберона: «Qua re cum ex unico supra citato Ciceronis loco satis pateat Historiarum, cognitionem humano generi utilitatis plurimum adferre, merito conveniens suus locus, et honor tribuendus iis est, qui in hac palestra, cum conscribendo historias, tum easdem praelis typograficis publicando, magno cum labore desudant, *quorum in numero non postremum* vel mea sententia *locum tenuit Ludovicus Tubero* Dalmata Abbas, qui res gestas et memorabilia, quae suo tempore in ea Europae parte, quam Pannonii et Turcae, eorumque accolae et finitimi incolunt, evenerunt, *summa fidelitate et diligentia recensuit*. Ex his enim ipsius Commentariis tamquam ex divite penu promere, producere, ac uno quasi repetere possumus momento, quae in Hungaria et finitimis locis multis annis ante gesta sunt. Quod si vero hujus Historiae *veritas* aliquibus bilem forsan concitatura esset, ac si Abbas Tubero in referendo suae parti infensior, adversae vero studi-

osior paulo fuisset, et propterea illud conceptum suum odium, vel in authoris nostri cineres, vel in Bibliopolam Cl. Marnium rei litterariae alioquin benignissimum Patronum et Promotorem effundere cogitaret; is velim utrumque benevole excusatum habeat: illum nempe Authorem Tuberonem hac ratione, quod ejus non fuerit extra legum Historicarum terminos evagari, quae sunt ut a Cicerone (de Orat. 2) numerantur, nihil falsi dicere, nihil veri dissimulare, et sine suspicione, vel gratiae, vel simultatis cujusquam scribere, quod si alia rerum gestarum ab ipso memoriae et litteris proditarum fuisset conditio, eandem et pro ingenuo animi candore fideliter fuisset secutus».

С. Черва считаетъ эти похвалы Туберону преувеличенными: соглашаясь съ Кревеліемъ въ важности и достовѣрности «Commentariorum» для исторіи Венгріи и Турціи, онъ старается доказать, что свѣдѣнія объ итальянскихъ дѣлахъ авторъ черпалъ изъ мутнаго источника, что сочиненіе его наполнено клевѣтами на римскую церковь и на папъ и что по этому весьма основательно поступила Sacra Congregatio Indicis, внесши декретомъ 11 мая 1734 года «Записки о своемъ времени» въ списокъ еретическихъ книгъ. Черва обвиняетъ Туберона даже въ потворствѣ *схизматикамъ* и этимъ объясняетъ, почему его записки такъ по душѣ пришлись протестанту Кревелію, котораго называетъ «Romanae Ecclesiae ejusque Pontificum hostis acerrimus»: Кревелій по его словамъ, издалъ Туберона въ пику папѣ [1]). Самъ Туберонъ, по увѣренію

---

[1]) «Sed hae laudes hominis a Christianis institutis abhorrentis, sensu et calamo scriptae, nihil prorsus faciendae cum aequissimo Ecclesiae judicio anno 1734 cautum fuerit ne amplius in manus hominum, qui Religionis et veritatis studio tenentur, perveniret opus ipsum etc. etc. . . . . *Jam enim de Christianis Imperii, de Rebus publicis, de Principibus viris* passim praesertim *de Romanis Pontificibus* Alexandro VI lib. VI et VIII, Julio II lib. IX, Leone X lib. XI et Juliano Medicaeo Cardinali, qui deinde Summus Pontifex dictus est Clemens VII lib. pariter XI *temere multa et a veritate prorsus aliena scripsit.* . . . . Principum hujusmodi ac sanctissimorum virorum defensionem adversus Tuberonem suscipere, nec opus est, cum alii integrae fidei et authoritatis scriptores res aliter litteris mandarint, nec id omnino instituti mei ratio patitur . . . Praeter famam tot Principum virorum atque Sacerdotum et morum sanctitate, et gradus honore illustrium, laceratam et turpiditate aspersam, *id etiam animadverti non ferendum in homine, et nomine, et fidei professione Catholico, quod de Graecis et aliis ejusdem furfuris hominibus ab Ecclesiae capite divulsis, qui vulgo Schismatici audiunt, loquens lib. XI:* hos inter,

Червы, созналъ впослѣдствіи всю ложь сказаній своихъ о папахъ и въ приготовленномъ имъ къ изданію отрывкѣ изъ записокъ *De Turcarum origine, moribus et rebus gestis* онъ совершенно измѣнилъ все, что касается римской церкви; Черва утверждаетъ даже, что Туберонъ рѣшился будто сжечь все свое сочиненіе, стоившее ему столько труда, но что друзья его успѣли заранѣе снять нѣсколько копій съ его автографа и этимъ отклонили его отъ принятаго имъ намѣренія. Не знаю, на сколько можно вѣрить подобнымъ заявленіямъ Червы, который въ фанатической преданности къ Риму счелъ долгомъ своимъ защитить своего предка отъ обвиненій въ отступничествѣ и потворствѣ схизматикамъ; но для честнаго имени Туберона, конечно, сдѣлали несравненно болѣе его современники, съумѣвшіе оцѣнить въ немъ историка *безпристрастнаго* и не зараженнаго религіознымъ фанатизмомъ, и сохранившіе для потомства трудъ его въ первоначальномъ видѣ.

Commentaria de temporibus suis имѣли четыре изданія: первыя два въ Франкфуртѣ на Майнѣ 1603 и 1627 г.г., третье въ лейпцигскомъ изданіи историковъ Венгріи и 4-ое въ Дубровникѣ 1784 г. (ex Typogr. priv. C. Ant. Occhi въ 2 томахъ)

Гораздо раньше былъ изданъ *De Turcarum origine, moribus et rebus gestis Commentarius*. Florentiae apud Antonium Patavinum 1590 (исторія Турціи при Баязетѣ, Селимѣ и Солиманѣ). Этотъ нѣсколько измѣненный отрывокъ изъ Com. de temp. suis былъ изданъ бывшимъ въ Дубровникѣ учителемъ Фр. Сердонатомъ на иждивеніе соотечественника Туберона, Матвѣя Ивановича

---

et Romanae seu Catholicae fidei Professores verborum tantum contentionem esse, quasi utrique pugnarent pro nugis et nihil succi haberent gravissimae illius Catholicorum cum Schismaticis Controversiae, cum constat eos non modo in Romanam Sedem rebelles, ab avito suae gentis in eandem obsequio desuescere, sed in multis a vera Fide et veterum, cum Graecorum, tum Latinorum Patrum praeceptis atque institutis aberrare. Ut autem aliquid etiam ad Tuberonis defensionem addam, ne infensus ei videar, cum praesertim Commentaria haec ejus improbanda quidem censeam Ecclesiae judicio permotus, *at veneratione quam maxima authorem prosequar aliis multis nominibus clarissimum. Scripsit itaque Tubero, quae illi a Gregorio Fregepano Coloniensium Pontifice subministrabantur de Hungaris, Turcis, finitimisque populis, de Pontificibus autem, quos male habuit, rebusque in Italia gestis quaecumque fama vulgabantur, quae saepe falsa pro veris comminiscitur, et ad eum longe agentem vulgi sermone deferebantur*».... *Vitae ill. Rag.* l. c.

Бунича, получившиго въ даръ отъ Евсевія Кабоги спятую имъ съ автографа туберонова копію. Въ посвященіи дубровницкому Сенату Сердонатъ говоритъ: «Qua in re gloriam magnam tulit Ludovicus Cerva Patritii ordinis Civis vester, vir omni liberali doctrina peritissimus, et Divi Iacobi in vestra ista Melitensi Congragatione Abbas, nam praeter quam quod multa ad Monachorum commodum et Patriae ornamentum pertinentia praeclare instituit, et prudenter administravit non pauca etiam ingenii sui monumenta posteris reliquit, quibus sui temporis res gestas complexus est, et claros multos viros immortalitate donavit».

Изъ V-ой книги тѣхъ же Записокъ Туберонъ извлекъ свое разсужденіе *De origine et incremento Urbis Rhacusanae*, посвященное Марію Буничу. Этотъ краткій, но мастерски написанный, очеркъ исторіи Дубровника до занятія Босніи турками изданъ Мих. Соркочевичемъ въ 1790 году (Rhacusii Typis Andreae Trevisan. 6—23). На основаніи выраженія, встрѣчаемаго въ посвященіи, «Turcicis armis per Sirmium vagantibus», Черва относитъ это разсужденіе къ 1520 году.

Commentaria de temporibus suis имѣютъ для насъ значеніе сказаній *современника*, человѣка *высокообразованнаго* и *безпристрастнаго;* къ сожалѣнію, въ немъ мало свѣдѣній о Дубровникѣ, а потому онѣ имѣютъ для насъ второстепенную важность. О безпристрастіи Туберона такъ отзывается *Ign. Giorgi* (Georgius † 1737) въ своихъ «*Adversaria*»: Vir et historicus fuit maximae libertatis, ut ubicumque vitium esset detestandum nulla Principum virorum Majestate detineretur, sed indulgendo veritati magis historicus esse voluit, quam assentator [1])». Припомнимъ, что Фр. Сердонатъ называетъ Туберона «vir omni liberali doctrina peritissimus», что Кревелій ставитъ его въ число первокласныхъ историковъ, прибавляя, что онъ исторію своего времени «summa fidelitate et diligentia recensuit» и что Аппендини, вопреки Червѣ, величаетъ его «дубровницкимъ Саллюстіемъ» [2]). Одинъ

[1]) Ркп. франц. библ. № 312, стр 270—271.

[2]) *Notizie* II, 8: «Quest'opera (Comment.) è un'irrefragabile testimonianza del suo genio, o si riguardi il dovere del vero storico, o l'elleganza dello stile. Da Livio, Sallustio e Tacito apprese non solo la nobile, e maestosa maniera di esprimersi alla Romana; ma contrasse anche l'abito di riguardare con tutta libertà le azioni degli uomini, e di dipingerle con vivaci colori».

Сер. Черва упрекаетъ Туберона въ недобросовѣстности и пристрастіи, справедливо восхищаясь его *слогомъ:* «Verborum delectum, styli elegantiam, gravitatem, et, ut ita dixerim, Romani eloquii majestatem, non est quod desideres in hoc opere, aurea sane aetate scriptum videtur. Utinam iis caetera, quae ad historiam recte scribendam desiderantur, responderent!».

О затерянныхъ запискахъ Фр. Гундулича о трехъ его посольствахъ 1570, 1581 и 1582 г.г. (Commentarius rerum a se in tribus legationibus gestarum) было говорено выше.

Для исторіи Дубровника въ XVII вѣкѣ весьма важны записки Николая Бунича и Стефана Градича.

Сочиненія Николая Ив. Бунича (Bona, род. 1801 г.): *Descriptio Ditionis Ragusanae* (изд. М. Соркочевичемъ въ 1790 г. въ прилож. къ Comment. Туберона) и *Praxis judiciaria justa stilum Curiae Ragusanae* (напис. въ 1671 г. и изд. Карломъ Окки въ Дубровникѣ въ 1784 г.) могутъ служить пособіемъ при изученіи внутренней исторіи Дубровника въ XVII вѣкѣ [1]); но особенно для насъ важны бывшія доселѣ неизвѣстными и найденныя нами въ сборникѣ францисканской библіотеки № 267, его записки о землетрясеніи 1667 года (*Ragguaglio delle cose accadute a Ragusa dopo che fù dal terremoto distrutta l'anno 1667 a dì 6 Aprile*). Эти записки Бунича, прерывающіяся, къ сожалѣнію, на § 20, списаны составителемъ сборника съ черноваго автографа (trascritto dal suo primo sbozzo originale): онѣ важны не только для исторіи Дубровника послѣ великаго землетрясенія 1667 года, но также и для характеристики ихъ автора. По словамъ этихъ записокъ, домъ въ которомъ жилъ Н. И. Буничь съ своимъ семействомъ и который былъ построенъ его отцемъ въ 1639—1640 г., близъ церкви св. Власія, былъ разрушенъ землетрясеніемъ 6 апрѣля, и все его семейство бѣжало въ испугѣ въ Гружъ (Gravosa), откуда по прошествіи трехъ дней, 10 т. мца, было перевезено въ Стонъ къ епископу Петру Луккаричу. 13-го числа Буничь, вернувшись изъ Стона, не замедлилъ принять самое дѣятельное участіе въ спасеніи отъ пожара и грабежа казны и святыни, *подвергая ежеминутно жизнь свою опасности*; вмѣстѣ съ Ник. Бас-

[1]) Appendini 104—108. Engel 25—26.

сельи и Ив. Пе́тр. Джорджичемъ онъ озаботился принять мѣры на случай нападенія турокъ или венеціянцевъ и самъ проводилъ цѣлые дни и ночи на стражѣ въ крѣпости. Когда 17 числа прибылъ къ острову Шипани съ галерою и тремя бриками *Caterino Cornaro*, Provveditore Generale Далмаціи, *къ которому еще въ 1665 году посылала его Республика* (dal quale essendo io stato del 1665 in Dalmazia mandato dalla Repubblica), *онъ какъ самый старшій сановникъ* (e non trovandosi altri nella città di maggior grado), вмѣстѣ съ Власіемъ Bosdari, былъ отправленъ къ нему посломъ молить его о защитѣ и покровительствѣ несчастной Республикѣ. Разсказъ его о претерпѣнныхъ ею бѣдствіяхъ тронулъ до слезъ Корнаро, который, пробывъ въ Гружѣ три дня и лично убѣдившись въ справедливости буничевыхъ словъ, оставилъ Дубровникъ въ покоѣ и послѣдовалъ въ Которъ, откуда донесъ подробно обо всемъ случившемся своему правительству. Избавившись такимъ образомъ отъ опасности, грозившей ей отъ венеціанцевъ, Республика отправила пословъ къ Али-Пашѣ въ Боснію (Марино Николай Гучетичь), въ Римъ, Неаполь и Венецію просить смилостивиться надъ ея бѣдствіями и оказать ей какую-либо помощь; а между тѣмъ для сохраненія внутренняго порядка было учреждено *временное правительство изъ 12 властелей, въ числѣ коихъ былъ и нашъ Nic. Giov. di Bona* [1]). Этотъ разсказъ Бунича, какъ *очевидца* и *современнаго дѣятеля*, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ для исторіи Дубровника 1667 года дополняя во многомъ *донесеніе К. Корнаро дожу Венеціи*, помѣщенное въ тойже рукописи [2]).

При чтеніи этихъ записокъ Бунича рождается самъ собою вопросъ: на сколько онъ въ ней *искрененъ* и *правдивъ*? Встрѣчая въ нихъ безпрестанно выраженія: «la morte mi stava sempre avanti», «corsimo manifesto pericolo della vita» и т. п. мы бы могли укорить автора въ самохвальствѣ, еслибы вся его жизнь, посвященная съ полнымъ самоотверженіемъ на служеніе родинѣ, не ручалась намъ за искренность его словъ. Такъ мы знаемъ, что въ самое трудное для Республики время онъ ѣздилъ дважды посломъ

[1]) Ркп. № 267, стр. 298—304.
[2]) ibid. 307—310.

въ Константинополь и разъ, вслѣдъ за великимъ землетрясеніемъ, когда никто не рѣшался, въ виду неминуемой гибели, ѣхать къ корыстолюбивому боснійскому визирю съ извиненіемъ, что претерпѣнныя Республикою бѣдствія лишаютъ ея возможности выслать ему положенную сумму денегъ,—Буничь добровольно принялъ на себя это трудное порученіе и отправился вмѣстѣ съ Мариномъ Гучетичемъ въ Боснію; но, раздраженный неполученіемъ денегъ, визирь остался глухъ къ ихъ доводамъ и въ ярости заключилъ ихъ обоихъ въ тюрьму въ Силлистріи, гдѣ Буничь, вслѣдствіе долгихъ и всевозможныхъ лишеній, скончался въ 1678 г., утѣшая себя мыслью, что смерть его была искупительною жертвою за отечество. Сенатъ опредѣлилъ увѣковѣчить память о подвигѣ Бунича поставленіемъ въ залѣ Большаго Совѣта мраморной доски съ слѣдующею надписью:

«Nicolao de Bona Ioannis filio singularis prudentiae Senatori, qui difficillimis Reipublicae temporibus gravissima legatione sponte suscepta ad vicinum Bossinae Proregem et ab eo per vim in Silistriam transmissus ibi diuturno in carcere pro Patriae libertate catenatus obiit, morte ipsa, animique constantia immortalitatem nominis in omnem posteritatem promeritus, hoc ex Senatus Consulto monumentum honoris et memoriae positum anno 1678.»

Отъ Бунича осталось также много *стихотвореній* на сербскомъ языкѣ, изъ коихъ только одно о великомъ землетрясеніи было издано въ Анконѣ въ 1667 г., другія же хранятся въ рукописи: поэма Еродіада въ 3-хъ пѣсняхъ, о возрожденіи Дубровника послѣ 1667 г. и сборникъ мелкихъ стихотвореній. Буничь составилъ также *генеалогію* своего рода.

Современникомъ и соревнователемъ Бунича въ дѣлѣ возрожденія Дубровника послѣ землетрясенія 1667 года, былъ Стефанъ Градичь, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, даровитый поэтъ и историкъ. Онъ родился 8 марта 1613 года. Отецъ его, Михаилъ Градичь, и мать Марія Бенесса, происходили изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій Республики. Первоначальное образованіе получилъ на родинѣ, подъ руководствомъ своихъ родственниковъ, іезуитовъ И. Градича и Игнатія Тудизи. Дѣдъ его,

Петръ Бенесса, служившій при Римскомъ дворѣ [1]), вызвалъ его въ Римъ и опредѣлилъ сначала въ семинарію, а потомъ въ Collegium Clementinum. Способный и старательный Стефанъ Градичь еще на школьной скамьѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими энциклопедическими познаніями, а впослѣдствіи пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность своими учеными трудами по различнымъ отраслямъ наукъ. Онъ находился въ перепискѣ со всѣми учеными своего времени въ Италіи, Франціи, Бельгіи и *почти во всемъ свѣтѣ* (et fere in universo terrarum orbe), какъ выражается Черва. Оставаясь постоянно въ Римѣ, онъ былъ избранъ сначала каноникомъ, а потомъ архидіакономъ Дубровника, куда онъ ѣздилъ три раза въ 1643, 1649 и 1662 г.г. По смерти П. Бенессы, былъ избранъ въ 1643 г. аббатомъ св-хъ Козьмы и Даміана въ Задрѣ. Онъ былъ также причисленъ къ Конгрегаціи св. Іеронима Иллирскаго. Въ качествѣ Consultore della Congregazione dell'Indice онъ навлекъ на себя своею либеральностію ненависть іезуитовъ. Въ 1661 г. Папа Александръ VII (кардиналъ Фабій Гизъ), глубоко его уважавшій, назначилъ его помощникомъ директора ватиканской библіотеки. Три года спустя,

---

[1]) Петръ Бенесса род. въ 1586 г., умеръ въ 1642 г. О его службѣ при римскомъ дворѣ Черва говоритъ: «Anno 1623 Romam se contulit, ubi primum a Laurentio Magalotto Pontifici a Secretis, et a Principum Epistolis, Libellorum supplicum Magister jubente Pontifice delectus fuit. Magalotto sequenti anno in Cardinalium numerum relato, et suo adhuc ab arcanis munere fungenti, eodem quo caeperat loco inservire perseveravit. At eodem Cardinali ad Ferrariensem Episcopatum assumpto anno 1628 Benessa Romae restitit, quo loco habitus, quibusque muneribus non constat, verum cum multa doctrinae, prudentiae, industriae documenta dedisset, a Pontifice Urbano VIII acerrimo peritorum hominum et ad quaeque munia aptorum judice, in locum, quem Magalottus obtinebat, subrogatus fuit, ab Epistolis nempe Principum et arcanis. Eo munere fungens vulgo Segretario di stato nuncupatur. Sub finem anni 1632 ejusmodi gradum consecutus est Benessa, nam nono Kal. Januarii ejusdem anni in Nativitatis Christi pervigilio, violaceam more Ministrantium in Romana curia induit vestem, qui jampridem in Pontificiis Aedibus locum habuerat, et epulum. Deinde vero eunti in Germaniam Martio Card. Ginetto cum potestate Legati, ut ajunt, a Latere an. 1636 Benessa comes et principuus Administer a Pontifice datus egregiam Legato navavit operam et cum Cardinali tum Pontifici omnibus in rebus arduis ac difficillimis agendi ejus ratio summopere probata fuit. Varias Benessae temporibus vacantes in Italia Eclesias administrandas Pontifex obtulit, sed qui animum ad hujusmodi regimine alienum omnino gerebat oblatas semper modestissime recusavit». *Viri illustres* I, 323—325. Cnf. Appendini, *Notizie* II, 101—104: компилируя Черву, онъ ошибочно показалъ годомъ рожденія П. Бенессы 1580 годъ, если это не опечатка, вмѣсто 1586 г.

Ст. Градичь былъ опредѣленъ секретаремъ къ Кардиналу Флавію Гизу, папскому легату и племяннику Александра VII, отправленному къ Людовику XIV по дѣлу объ оскорбленіи французскаго посланника римскою чернью: Градичь былъ вторымъ секретаремъ папскаго легата, первымъ же секретаремъ былъ Карлъ Робертъ de Victoriis, предложившій свои услуги безвозмездно и удостоенный по окончаніи миссіи кардинальской шапки, которая по всей справедливости слѣдовала не ему, а Градичу. Въ 1667 году, послѣ извѣстнаго землетрясенія, Градичь убѣдилъ какъ Александра VII, такъ и его преемника Иннокентія IX оказать Дубровнику помощь и содѣйствіе къ его возрожденію. Въ тоже время онъ совѣтовалъ соотечественникамъ построить городъ не на прежнемъ мѣстѣ, а на полуостровѣ Лападѣ, при входѣ въ гавань Гружъ (Gravosa) и, для облегченія этого дѣла, послалъ даже изъ Рима опытныхъ архитекторовъ, каменьщиковъ, слесарей и столяровъ; но его предложеніе, къ сожалѣнію, не было принято только потому, что отъ землетрясенія уцѣлѣли стѣны. Къ этому времени относится нѣсколько сочиненій Градича въ которыхъ онъ или даетъ наставленія для управленія Республикою, или предлагаетъ способы къ увеличенію государственныхъ доходовъ и возстановленію торговли, или же наконецъ защищаетъ права своихъ соотечественниковъ на владѣніе неретвинскими соловарнями отъ посягательствъ турокъ и венеціанцевъ (его переписка съ G. Batt. Nani Procuratore di S. Marco и историкомъ Венеціи). Въ это бѣдственное для Республики время онъ содѣйствуетъ ей и словомъ, и дѣломъ: такъ, несмотря на сопротивленіе анконскаго архіепископа, кардинала Николая de Comitibus, онъ получаетъ отъ папы Александра VII дозволеніе монахинямъ св. Клары поселиться въ Анконѣ и пользоваться тѣмиже доходами, какими онѣ пользовались въ Дубровникѣ; такъ, онъ не только даетъ инструкціи и снабжаетъ рекомендательными письмами пословъ Республики къ разнымъ католическимъ державамъ, но и самъ ѣдетъ въ 1679 году къ Людовику XIV просить его о помощи противъ турокъ, покушавшихся овладѣть Дубровникомъ (визирь Кара-Мустафа); такъ, не только отъ другихъ испрашиваетъ онъ Республикѣ субсидіи, но и самъ удѣляетъ, что можетъ, изъ своихъ скромныхъ средствъ. И признательные къ нему его соотечественники предлагаютъ ему въ 1674 году,

по смерти Фр. Перротти, вопреки закону, архіепископскую тіару съ привилегіею не покидать Рима; но онъ отклоняетъ отъ себя эту честь. Не за долго до своей смерти, случившейся 7 мая 1683 года, Градичь былъ назначенъ Иннокентіемъ XI-мъ директоромъ ватиканской библіотеки (1682). [1]).

Представляя перечень сочиненій Ст. Градича, я остановлюсь только на тѣхъ изъ нихъ, которые прямо относятся къ нашему предмету:

1. De directone navi ope gubernaculi.

2. De causa naturali motus accelerati et aequalibus ejus in discensu corporum gravium ad aequalia momenta temporum incrementis.

3. De loco Galilaei, qui punctum linea aequale pronunciat.

4. De stellae polaris diversa ad oculum, ac in se ipsa est, a puncto verticali et horizontali distantia.

5. Письма объ астрономіи къ кардиналу Григорію Барбадигу.

6. Peripateticae philosophiae pronunciata disputationibus proposita a Steph. Gradio Patritio et canonico Ragusino auspiciis illustrissimorum et excellentissimorum DD. Rectoris et Consiliariorum Reip. Ragusinae.

6. Disputatio de opinione probabili cum P. Onorato Fabri Theologo. Romae typis Franc. Tizzoni 1678.

8. De vita, ingenio et studiis Iunii Palmotae. Romae typis Iacobi Mascardi 1670.

9. Vita, resque gestae Leonis Alatii (библіотекаря Ватикана).

10. Vita Petri Benessae (дѣда Ст. Гради).

11. Relatio Ragusinae Ecclesiae S. Congreg. Concilii oblata.

12. Notizie della Congregazione Melitense fatte per la Republica di Ragusa.

13. Massime politiche pel buon governo della Republica di Ragusa.

14. Ars siue Instituta de Republica administranda ad Iunium Fratrem.

---

[1]) Cerva, *Viri Illustres* 7—42. Appendini *Notizie* II, 138—143.

15. Diatribe antiquitatum Ragusinarum изд. въ 1790 г. въ приложеніи къ Туберону.

16. Orationes latinae. Romae ap. Franc. Tizzoni 1675.

17. Varia poemata inter septem illustres Poetas edita primum Romae, deinde Amstelodomi 1672 ap. Danielem Elzevirium.

18. De laudibus Serenissimae Reipublicae Venetae et cladibus Patriae suae carmen. Venetiis 1675, typis S. Franc. Valvasensis.

Кромѣ этихъ сочиненій и до 2000 писемъ, извѣстныхъ Червѣ, Дольчи и Аппендини [1]), я нашелъ въ библіотекѣ францисканскаго монастыря въ Дубровникѣ еще слѣдующія:

19. Discorso sopra lo stato della Republica di Ragusa dopo il terremoto et incendio della città, e di quello, che sarebbe da fare in quella contingenza, in ordine al sollievo di essa. Ms. № 245, pp. 18—35,

20. Письмо къ Лукѣ Заманьѣ (на итал. яз.) отъ 30 іюля 1672 г. о пріобрѣтеніи Сливна и Посрѣдницы ib. 69—76.

21. Discorso sopra l'augumento delle entrate pubbliche di Ragusa. Ms. № 190.

22. Discorso sopra i sali di Narenta. Ms. № 245 pp. 100—100.

23. Discorso ai Veneziani a favor de'Ragusei. ib. 125 sqq.

Объ этихъ неизвѣстныхъ доселѣ ученому міру сочиненіяхъ Градича скажу нѣсколько подробнѣе:

Въ сочиненіи, обозначенномъ подъ № 19, Градичь, считая бѣдствія, постигшія Дубровникъ наказаніемъ Божіимъ, совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ прежде всего очистить себя покаяніемъ и добрыми дѣлами и отрѣчься навсегда отъ обычаевъ и удовольствій, противныхъ св. писанію и церковнымъ правиламъ, какъ-то отъ азартныхъ игръ и т. п.; за тѣмъ возобновить церкви и монастыри, разрушенные землетрясеніемъ, преобразовать духовенство и увеличить его доходы, исправить законы устарѣвшіе и

---

[1]) Cerva 42—69. Dolci Fasti sub lett. G. Appendini *Notizie* II, 32, 49, 138—144. Engel Gesch. d. Freyst. Rag. 26—27.

несообразные съ духомъ времени, расширить городъ и воздвигнуть сданія по новой системѣ съ меньшими издержками и большею прочностію, учредить вспомогательную кассу для бѣдныхъ и коммерческій банкъ для купцовъ, сдѣлать Дубровникъ единственнымъ рынкомъ для восточныхъ товаровъ, завести фабрики и заводы, улучшить земледѣліе введеніемъ машинъ, обратить особенное вниманіе на разработку мѣстныхъ продуктовъ, привлечь въ Дубровникъ привилегіями и удобствами жизни иностранцевъ, особенноже боснійскихъ купцовъ (построить дотолѣ не существовавшія гостинницы для пріѣзжающихъ) и войти въ дружественныя сношенія съ Венеціею и Турціею, стараясь пріобрѣсти отъ этой послѣдней Сливно, Посрѣдницу и Попово.

Въ письмѣ къ Лукѣ Заманьѣ №. 20 Градичь доказываетъ возможность, легкость и важность пріобрѣтенія Сливна и Посрѣдницы слѣдующими двумя доводами: 1) тамъ нѣтъ ни кулъ, ни турецкихъ жилищъ и 2) эта мѣстность принадлежитъ Милорадовичамъ, продающимъ ее за 2000 дукатовъ; слѣд. турецкое правительство не найдетъ никакихъ затрудненій къ отчужденію этой мѣстности тѣмъ болѣе, что, по причинѣ своей невоздѣланности, она не приноситъ ему никакихъ доходовъ, между тѣмъ какъ Республика можетъ извлечь изъ пользованія этими землями значительныя выгоды, такъ какъ онѣ находятся близь ея границы, Пункты, по рѣкѣ Неретвѣ, и поля Посрѣдницы способны къ обработкѣ, а Сливно представляетъ богатыя пастбища.

Въ разсужденіи № 12 Градичь предлагаетъ слѣдующія средства къ увеличенію доходовъ Республики: 1) основываясь на томъ, что для государства необходимо какъ можно менѣе оставлять денегъ въ рукахъ чужестранцевъ, обязать мурлаковъ, пріѣзжающихъ въ Дубровникъ ежегодно партіями до 500 человѣкъ и получающихъ отъ Республики болѣе 4000 дукатовъ за свои работы, содержать учениковъ изъ туземцевъ, чтобы такимъ образомъ со временемъ совершенно избавиться отъ иностранныхъ рабочихъ; 2) заняться разведеніемъ свиней вмѣсто того, чтобы закупать ихъ въ Герцеговинѣ: дубовые лѣса на Млѣтѣ (Meleda) благопріятствуютъ этому промыслу; 3) прекратить закупку угля въ Герцеговинѣ, а самимъ добывать его на Млѣтѣ, могущемъ доставить его въ изо-

били не только для мѣстнаго потребленія, но даже для заграничной торговли; 4) завести кирпичные заводы и тѣмъ избавиться отъ необходимости привозить кирпичь изъ-за границы; 5) развести пастбища для скота; 6) замѣнить старые венеціанскіе плащи куртками, дешевле стоющими, какъ это уже принято въ Венеціи; 7) уравнять пошлины съ мѣстныхъ и привозныхъ товаровъ; 8) частныя предпріятія замѣнить общественными; 9) прорѣзать полуостровъ Пелешацъ (Sabioncello) каналомъ, чѣмъ облегчится перевозка соли съ Неретвы и увеличится ловля тоновъ; 10) уничтожить jus molendini; 11) замѣнить на монетномъ дворѣ рабочія руки машинами и 12) срыть укрѣпленіе св. Лаврентія (S. Lorenzo), ни къ чему неслужащее и дорого стоющее Республикѣ.

Разсужденіе о неретвинскихъ соловарняхъ № 22 не обозначено въ рукописи именемъ автора, но по слѣдующимъ соображеніямъ несомнѣнно принадлежитъ Градичу: 1) по глубокому сочувствію къ бѣдствіямъ Республики и по самой цѣли разсужденія— примиреніе ея съ Венеціею—видно что авторъ былъ *дубровничанинъ*; 2) выраженія подобныя слѣд.: non mancando nè anco *a Roma* chi se ne ricorda come di cosa con proprii occhi veduta,— come non mancano d'affermar francamente molti sudditti di S. Ser[ta] *qui in Roma*, доказываютъ, что авторъ *жилъ* и *писалъ въ Римѣ*; 3) это разсужденіе *писано въ 1675 году*, такъ какъ, по словамъ автора, прошло 40 лѣтъ со времени посольства въ Венецію Михаила Соркочевича (1645 г.); 4) *слогъ* и самое *содержаніе* этого разсужденія напоминаютъ другія разсужденія Градича и 5) извѣстно что Градичь *дѣйствительно переписывался по этому предмету съ G. Batt. Nani*, Procuratore di S. Marco.

Это разсужденіе важно не только для исторіи вопроса о неретвинскихъ соловарняхъ, но и для исторіи отношеній Дубровника къ Венеціи вообще и въ особенности во второй половинѣ XVII вѣка. Дѣло, по поводу коего оно написано, состояло въ томъ, что венеціанцы вздумали присвоить себѣ богатыя соловарни Чифлука или Габеллы на Неретвѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что дубровничане захватили будто бы ихъ во время войны Венеціи съ Турціею въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія; торговыя суда Дубровника, нагруженныя неретвинскою солью, были конфискованы

далматскими властями, по приказанію Венеціи, не обращавшей ни малѣйшаго вниманія на протесты дубровницкаго сената. Градичь доказываетъ, на основаніи документовъ и показаній какъ герцеговинцевъ, такъ и самихъ венеціанцевъ, давность и непрерывность владѣнія дубровничанами этими соловарнями и неосновательность притязаній Венеціи,—а въ заключеніе представляетъ очеркъ сношеній Дубровника съ Венеціею, выставляя обоюдныя выгоды ихъ дружественныхъ связей и тѣ привилегіи, которыми издавна пользовалась одна сторона отъ другой. Эта вторая половина разсужденія чрезвычайно для насъ важна и въ высшей степени любопытна, хотя и преисполнена преувеличенными похвалами венеціанскому правительству.

Помѣщенное въ сборникѣ № 245 *Discorso ai Venezioni a favor de'Ragusei* безъ обозначенія имени автора также несомнѣнно принадлежитъ Градичу, судя и по слогу, и по содержанію: это—письмо къ венеціанскому сенатору и историку (V. Ecc[za], come principal Citadino, Senatore et Historico insieme della sua Patria), Нани. Въ немъ Градичь укоряетъ венеціанцевъ въ недостаткѣ сочувствія къ бѣдствіямъ сосѣдственнаго имъ Дубровника и убѣждаетъ ихъ, ради собственной ихъ пользы, помочь ему противъ турокъ, стремящихся овладѣть имъ. И въ этомъ сочиненіи, какъ и въ предъидущемъ, есть немаловажныя данныя для исторіи Дубровника того времени, особенноже отношеній его къ Венеціи и Турціи.

Эпоха паденія Дубровника описана М. Бассичемъ, (см. стр. 148—149), а осада его нашими войсками въ 1806 г.—въ двухъ мемуарахъ, изданныхъ нами въ XIII и XVI прилож. къ очерку исторіи сношеній Россіи съ Дубровникомъ (Москва 1865).

c) *Описаній* Дубровника мнѣ извѣстно четыре: первое по времени принадлежитъ *Филиппу де-Диверсисъ*. Онъ былъ родомъ изъ Лукки, какъ показываетъ постояно придаваемый ему эпитетъ Lucensis или de Lucca; кромѣ того онъ самъ неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ называетъ Лукку своимъ отечествомъ [1]). Онъ при-

---

[1]) *Oratio pro funere Sigismundi Imp.* 1437: «Urbem Catholicam *Luccam mihi patriam* . . . . . semper coluit (Sigism.) p. 120 (по ркп. графа Медо Пуцича)». *Copia meae supplicationis:* «*Luccam amantissimam patriam*» . . p. 157.

надлежалъ къ богатой и знатной фамиліи де-Диверсисъ, которая, защищая свободу своего отечества противъ посягательствъ тирановъ, подверглась преслѣдованію, была изгнана изъ Лукки и лишилась всего своего имущества. Какъ горячіе защитники свободы, послѣдовали въ изгнаніе одинъ за другимъ прадѣдъ Филиппа, Иванъ, — дѣдъ его, Николай,—отецъ его, Иванъ, и наконецъ,—онъ самъ. Де-Диверсисъ принадлежали къ либеральной партіи Quartigiani, боровшейся съ партіею Quinigi, старавшеюся захватить верховную власть въ свои руки. Представителемъ партіи Quinigi во время Филиппа де-Диверсиса былъ тиранъ Павелъ (Paulus Tiranus), изгнавшій его изъ Лукки [1]). Филиппъ удалился въ Венецію, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность своими обширными познаніями. Въ іюнѣ 1434 года, вслѣдствіе приглашенія Сената, онъ прибылъ въ Дубровникъ, гдѣ немедленноже открылъ публичную школу для обученія юношества *in scientia et urbanis moribus* [2]). Въ то время въ Дубровникѣ небыло еще общественныхъ школъ, и Филиппу де-Диверсу пришлось и хлопотать объ отведеніи особаго помѣщенія для школы, и составить для нея программу [3]). Трудно было ему одному заниматься обученіемъ болѣе 150 учениковъ, и онъ принужденъ былъ просить Сенатъ о назначеніи ему помощника: просьба его была уважена, и былъ нанятъ другой учитель, занимавшійся преподаваніемъ наукъ въ низшихъ классахъ (vulgares litteras), преподаваніе же въ высшихъ (bonae scientiae) было возложено на Филиппа де-Диверсиса [4]). Кромѣ *artium Doctor*, онъ титулуется также *Orator:* обязанностью его было произносить въ случаѣ смерти кого-либо изъ сенаторовъ [5]) и въ дру-

[1]) *Copia meae supplicationis* p. 157.

[2]) *Descriptio Ragusina.* P. II, cap. VII, p. 27: Ego Ragusium veniens in MCCCCXXXIV de mense Junii, ut juvenes et adolescentulos erudirem in scientia et urbanis moribus, quibus satis atque etiam indigebant, et utinam multi nunc non indigerent, nullum locum disciplinae et eruditionis proprium inveni. . . .

[3]) ib. l. c.

[4]) ib. P. III, cap. VIII, p. 86: De Magistris Juvenum salariatis.

[5]) Въ жизнеописаніи Михаила Бунича 3-го Серафимъ Черва говоритъ, что у дубровничанъ изстари велся обычай, сохранившійся до великаго землетрясенія, произносить надгробныя рѣчи умершимъ сенаторамъ въ присутствіи Ректора, дворянъ и мѣщанъ. Произносить подобныя рѣчи (на латинскомъ языкѣ), въ которыхъ восхвалялись подвиги умершаго сенатора и всего его рода, было обязанностью учителей словесныхъ наукъ. Черва приводитъ для образца два такихъ панегирика на смерть Мих. Бунича и Гауденція Сорочевича. *Vitae illustr. Ragus.* I, 1872—1887.

гихъ особенно торжественныхъ случаяхъ публичныя рѣчи, на что онъ указываетъ словами: «ut jam pluribus mensibus nulla ex me audita fuerit oratio» въ рѣчи на погребеніе императора Сигизмунда (1437 г.). Только крайній недостатокъ средствъ къ пропитанію огромнаго семейства (magna familia utriusque sexus) заставилъ Филиппа-де-Диверсиса поселиться въ Дубровникѣ и довольствоваться ничтожнымъ вознагражденіемъ за труды; лишь только блеснулъ для него лучь надежды возвратиться на родину, онъ покинулъ Дубровникъ и поспѣшилъ въ Венецію, откуда просилъ луккскій сенатъ (8 декабря 1444 г.) о дозволеніи ему возвратиться въ отечество и о возвращеніи ему конфискованныхъ имѣній [1]): результаты его ходатайства неизвѣстны.

Сохранилось четыре сочиненія де-Диверсиса: 1) *Descriptio Ragusina* (по ркп. франц. библ. № 256) или Philippi de Diversis de Quartigianis Luccensis Artium Doctoris eximii et Oratoris situs, aedificorum, politiae et laudabilium consuetudinum inclytae civitatis Ragusii ad ipsius Senatum descriptio (по ркп. Гр. М. Пуцича) . . . confecta A. D. MCCCCXL de mense januarii. 2) Artium Doctoris Philippi de Diversis de Quartigianis de Lucca Sala-

---

[1]) *Copia mea supplicationis* 157. Illustribus et excelsis Dominis Luccensibus cum humili et digna recommendatione humillime supplicat, et supplex exponit Lucсae civis fidelis, utrique Philippus de Diversis de Quartigianis ortus quippe Proavo Ioanne, Avo Nicolao et Patre Ioanne, qui omnes suis temporibus amore libertatis Luccanae exularunt ab iniquis ejus Reipublicae Tirannis et occupatoribus, ac verum gravissima passi sunt usque ad inopiam damna, quod cedem Illustres et excelsae Dominationes, quae in hoc potissimum vigilant, ut hii, qui Gianisiorum praesidia longis temporibus errarunt patriae dulcedinem degustare valeant. Dignentur ipsi supplicanti justo Senatus decreto restituere ea bona suorum olim antecessorum, quae Paulus Tirannus alienavit, ut aliquando facilior sibi pateat in Patriam reditus. Is enim dum modus familiam cum honore mediocri nutriendi offeratur stabilis ardenti animo Luccam amantissimam ei Patriam paratus est repetere, ibique vivere pacifice, et ossa sepulcro recondere. Clareat igitur Ill^{mi} D^{ni} vestra benignitas, ut hunc civem cum magna familia utriusque sexus Civitas Luccana gratissime recipiat, cui Deus suavissimam et perpetuam concedere dignetur libertatem et animorum veram concordiam et unionem. Data Venetiis die VIII Decembris MCCCCXLIV. Philippus de Diversis Artium Doctor. Cnf. *T. Chersa, Degli illustri Toscani stati in diversi tempi a Ragusa.* Padova 1828, p. 10: «Rifacendomi ora un passo indietro, mi rimane a dire che il nostro Dottore, cui forse non seppero cosi piacere i Ragusei, che più non gli piacessero i Veneziani, e cui non accadeva a Ragusa quel che era gli incontrato a Venezia, di andare cioè in dies de virtute in virtutem et de divitiis in divitias (son sue parole), non era forse ancora dieci anni, dacchè era giunto tra noi, che se ne tornò in Venezia. . . . . Ф. де-Диверсисъ получалъ въ Дубровникѣ жалованья 230 скудій. ib. p. 12.

riati inclytae urbis Ragusii *Pro funere Sigismundi* Serenissimi olim Romanorum Imperatoris ac Regis Ill[mi] Regnorum Ungariae et Boemiae etc. defuncti die VIII decembris 1437. Brevis oratio. Per eundem recitata die XX ianuarii 1438 in Ecclesia Cathedrali Ragusii ubi communitas Ragusina ipsius exequias summo et pio studio celebravit Rectore Ragusino existente Prestantissmo Viro Matheo de Gradibus Thesaurario. 3) Phil. de Diversis de Quart. de Lucca Artium Doctoris eximii et Oratoris *in Laudem* Serenissimi Ungariae et Boemiae Regis electi et coronati, ac Ducis Austriae Inclyti, et Moraviae Marchionis, Romanorum Imperatoris *Alberti* oratio edita per ipsum a. D. 1438 die 27 februarii completa Ragusii. и 4) Ph. de D. de Q. de L. A. D. et O. *Pro morte Illustrissimi Regis Alberti* Romanorum, Ungariae et Boemiae Regis, et Ducis Austriae, defuncti die 27 octobris 1439, oratio brevis, per eundem recitata Ragusii die 7 septembris in Ecclesia Cathedrali, ubi fiebant exequiae per Communitatem Rectore viro Nobili Iunio filio Mathaei de Gradibus Thesaurario.

Descriptio Ragusina — статистико-этнографическое описаніе Дубровника, раздѣленное на Prohemium, Tractatus in quatuor partes и Brevis Epilogus ad Inclytum Senatum Ragusinum. Цѣль, съ которою де-Диверсисъ написалъ это сочиненіе, выражена въ предисловіи: «Arbitrabor enim ea ipsa mea descriptione ipsius (Ragusii) famam et laudabile nomen multis saeculis perpetuari, ac in plerosque gratias habiturus, quoniam ejusmodi negotium et rem ab aliis hucusque pertergatam memoriae litterarum tradere curassem non quidem praetio, non precibus, non tui (Senatus) favoris causa, non pompa, non inani gloria, non adulatione meae menti inimica, nec alicujus aut aliquorum complacentia; sed solum tum meo exercitio, tum harum rerum veritate, pulchritudine, et ornatu caeteris scriptura manifestandis, tum denique temporis gratia mihi vendicandi, quod notu tantum modo superest, vel diebus festivis, qui tamen in audiendis divinis officiis, et amicorum conversatione, quibuscum caeteris temporibus esse nequeo, magna cum parte, ac libentius mihi vel habentur, vel consummentur illud vero Logicae, et Philosophiae studio expendere delectat, cujus bonam portionem hac in re consumpsi» (p. 4). Точно также и съ такимъ же стараніемъ защищаетъ де-Диверсисъ свое

безкорыстіе и въ посвященіи своего сочиненія дубровницкому сенату; но какъ-то неохотно вѣрится его заявленіямъ уже потому, что все его сочиненіе—панегирикъ Дубровнику, въ которомъ онъ все восхваляетъ и не находитъ ничего для порицанія. Этимъ заявленіямъ о безкорыстіи противорѣчатъ высказываемыя де-Диверсисомъ въ эпилогѣ надежды на благоволеніе и благодарность Сената: «sibi est omnibus bonis et gravibus viris in bonam partem acceptam iri apto, et tua in me benevolentia, et illorum mansuetudine summopere spero atque confido» . . . а далѣе выражаетъ прямо чаяніе не только *«laudium»*, но и *«praemiorum»*. (p. 114). Это заискиваніе милостей у Сената весьма понятно въ де-Диверсисѣ: онъ имѣлъ большое семейство и весьма скудныя средства для его содержанія. При всемъ своемъ *пристрастіи*, де-Диверсисъ *достовѣренъ*: «In quo quidem,» говоритъ онъ о своемъ сочиненіи, «ea tantum inserui, quae vera scio et palpavi sine alicujus mendacii administratione». Слогъ его тяжелъ, выраженія часто неправильны и несвойственны латинскому языку, хотя онъ и указываетъ на Цицерона, какъ на своего руководителя, и строго обдумалъ слогъ, какимъ ему слѣдовало писать: «Scripsi autem stylo dicendi claro et apto, consuetis usus et domesticis vocibus, quo facilius unusquisque rem hanc intelligere valeat». (p. 6).

Въ Дубровникѣ я нашелъ два списка сочиненій де-Диверсиса: одинъ 4° принадлежитъ франц. библіотекѣ № 256, другой—графу М. Пуцичу (Conte Orsatto Pozza di Zagorie) inf°. Въ содержаніи разницы между ними нѣтъ никакой; но списокъ Пуцича тщательнѣе францисканскаго. *Descriptio Ragusina* раздѣлена на 4 части: 1-я часть De bono situ Ragusii въ 2-хъ главахъ: 1-я De bono situ ratione maritimae et terrestris commoditatis и 2-я De bono situ ratione aeris et affluentia apuarum; часть 2-я De Aedfficiis въ 9 главахъ: 1) De partitione duplici aedificiorum (на общественныя и частныя зданія), 2) De templis sacris extra Ragusium, 3) De pulchritudine, ornatu murorum et turrium et numero januarum Ragusii, et stratis solcatis, 4) De Ecclesiis Ragusii et de templo S. Mariae, 5) De templo S. Blasii et Ecclesiis St. Petri, Laurentii, Andreae, S. Stephani Protomartiris, S. Dominici et S. Francisci et aliis pluribus templis sacris, 6) De aedificiis communibus secularibus, 7) De scolis grammaticae, 8) De Logia

seu Teatro Communi, 9) Quibus auctoribus et magistris fuit conducta aqua fontalis et de molis acendis; часть 3-я De politia въ 17 главахъ: 1) De politia Ragusina, 2) De Consiliis Major. et Minor; 3) De auctoritate et potestate Consilii, 4) De ordine in sententiis appellandis, 5) De duplici principatu, 6—16, de II—XII Principatu, 17. De principatibus temporalibus; часть 4-я въ 21 главѣ: 1) De laudabilibus consuetudinibus, 2) De processionibus, 3) De processione Corporis Christi, 4) De praedicatonibus religiosis, 5) De fidelitate Ragusinorum Sacrae Regali Majestati, 6) De armandis galeis contra piratas, 7) De medicis salaratis (4), 8) De magistris Iuvenum, 9) De arte lanificii, 10) De hiis quae Communitas Ragusina servat in morte et electione novi Regis, 11) De munificentia Ragusii, 12) De tuttoribus pro pupillis, 13) De provisione tempore pestis, 14) De modestia Minoris Consilii, 15) De pacto servandi pacem, 16) De matrimoniis, 17) De ceremoniis observandis in matrimoniis, 18) De opere sociandi et venerandi corpora defunctorum, 19) De reverentia parentibus et aliis, 20) De pedisequis matronas socientibus и 21) De monetis Ragusii.

Изъ представленнаго нами перечня главъ «Descriptionis Ragusinae» де-Диверсиса видно, какъ важно это сочиненіе для исторіи Дубровника; къ сожалѣнію, доселѣ напечатаны только 2, 4 и 5 главы II-й части и 2 й 3 гл. IV-ой части въ Illyr. Sacri t. VI pp. 25—29 Colleti, важныя для церковной исторіи, но представляющія весьма мало интереса для политической исторіи Дубровника, а потому читатели не посѣтуютъ на меня за изданіе наиболѣе любопытныхъ главъ сочиненія де-Диверсиса въ *Приложеніи VI*.

Рѣчи де-Диверсиса представляютъ мало важнаго для исторіи Дубровника. *Рѣчь на погребеніе императора Сигизмунда* (1438 г.)—панегирикъ покойному преимущественно за два дѣла: за борьбу съ турками для защиты христіанъ и за истребленіе ереси гуситовъ для сохраненія чистоты католическаго вѣроисповѣданія. Для исторіи Дубровника имѣетъ какое-нибудь значеніе только слѣдующее мѣсто въ этой рѣчи: «Testis es D-ne Rector Mathea de Gradibus, qui cum virtutibus polleres, et nunc splendeas, tum pro illustribus Principis D-ni Stephani Rasciae Despoti

officiis, tum pro tui ejus (Imp. Sigism.) benignitatem, liberalitatem, prudentiam et complũra in eo laude dignissima videre et nosse meruisti. Testis es Illiricae decus Marine de Restis, vir prudentia Lelio comparande, qui tuae fidelissimae Patriae Ragusinae benemertitũs Rector Ejus Majestatis Regalis seu dignitatis domesticus extitisti. Testatur et vir ille Patricius Martolus de Zamagna, qui pluribus mensibus una cum olim Laurentio de Sorgo apud Illius Serenitatem legationis officio potitus est. Testes sunt nobilissimi Viri Dni Pascualis de Restis Strenuus Imperialis umilis, Mãrinus de Gondola et olim Blasius de Georgio hujus super omnes Regis-Ungariae fidelis Urbis Ragusinae legati, qui non genibus flexis nec stantes verum sedentes humanissime ab eo et auditi et exauditi fuerunt. Affirmat ille laude dignissimus vir Ioannes de Gondola, qui illius plenam mansuetudinem, amorem et dilectionem in hanc Ragusinam Urbem fidei servatissimam vidit, tentavit et denique scivit (pp. 122—123)». Эта рѣчь начинается словами: «Cum solerem, Reverendisime Praesul, Inclite Rector, Viri Religiosi, Doctores Eximii et Patres Conscripti hunc locum dicendi elegantia commodissimum vestrum, et frequentem integerrimorum hominum cetum oratione praefata, et ingenio elaborata dignisimum orationibus, et de moribus, Aristotelicis disciplinis vestro cum consensu saepius occupare, effecerunt onestissimae causae, amicorum consilia, et superiorum exortationes, quae et mandata sunt, ut jam pluribus mensibus nulla ex me audita fuerit oratio (p. 115)».

Въ *панегирикѣ королю Альберту* (1438 г.), по случаю вступленія его на венгерскій престолъ, де-Диверсисъ говоритъ между прочимъ о благоволеніи венгерскихъ королей къ Дубровнику за его вѣрность: «Cum enim felicissime coronatus extitisset, ut toto orbi palam fieret, quam grata et quam cara ei esset haec Urbs Ragusina ac quanti cum faceret singulari dignitate, praecipuo studio, et vigilanti solicitudine illum nobilem Civem Ragusinum olim famosissimum Mercatorem, D-num Aloisium de Gociis ante omnes militia donavit cum amplissima fama, gloria et honore primus hujus almae Urbis dehinc ejus clarissimae stirpis de Goziis». Далѣе говоря о вѣрности дубровничанъ венгерскому королю, приводитъ слова Сигизмунда: «omnes Dalmatini a nobis recesserunt,

at soli Ragusini nobiscum sunt, et fidem inviolatam servant (pp. 139—140)». Панегирикъ начинается словами: «Jubent, Pater Optime, Rector Insignis et Patres Amplissimi, qui dicendi officia posteris nobis summo studio in praeceptis posuere primum a nobis eos qui audituri sunt benevolos, attentos, docilesque praeparandos arte, ingenio et admiranda industria.» etc. (p. 127).

Рѣчь на погребеніе короля Альберта (1439 г.) есть ни что иное, какъ перифразъ предъидущей; новаго въ ней только указаніе на трехъ дубровничанъ, бывшихъ посланниками при дворѣ венгерскаго короля: «Testes sunt multorum tum temporis a se magnanime, potentissime ac celeberrime gestorum vestri spectabiles Cives Ioannes de Gondola, Michael de Restis et Iacobus de Georgiis per id tempus apud Ejus Regalem Majestatem legati et oratores pacificae vestrae dominationis (p. 148).» Начинается рѣчь словами: «Vix quaeo, Reverendissime Pater, Inclite Rector, Vosque Viri Sacri, Doctores Clarissimi, Nobiles onorandi et cives ac forenses amantissimi etc. (p. 144).»

Мы уже упоминали на своемъ мѣстѣ объ описаніяхъ Дубровника Сер. Рацци (3-я кн. его Storia di Raugia 1587—1589), Як. Лукарича (Annali di Rausa 1605) и Н. Бунича (Descriptio ditionis Ragusanae половины XVII вѣка).

d) По заведенному изстари въ Дубровникѣ обычаю профессора словесныхъ наукъ произносили публичныя *рѣчи* въ присутствіи сенаторовъ и гражданъ въ случаѣ смерти кого-либо изъ властелей или покровительствовавшаго имъ государя, а также по поводу вступленія на престолъ его наслѣдника. Такіе *панегирики* погибшимъ и живымъ, конечно, преисполнены лести, но историкъ не можетъ пренебрегать и ими, какъ голосомъ современника, а опытный ученый съумѣетъ отдѣлить ложъ отъ истины. Черва въ жизнеописаніи Михаила Бунича 3-го приводитъ для образца два панегирика на смерть М. Бунича и Гауденція Соркочевича (Vitae illustrium Ragusinorum 1872—1887). Отъ Филиппа де-Диверса, какъ мы видѣли, сохранилось три панегирика: 1) на погребеніе императора Сигизмунда 1438 г., 2) на вступленіе на престолъ Альберта 1438 и 3) на его погребеніе 1439 г.

e) Къ числу сказаній современниковъ слѣдуетъ отнести также *стихотворенія* на событія внутреннія и внѣшнія: нѣкоторыя изъ

изъ нихъ не только изображаютъ состояніе общества и отношенія дубровничанъ къ сосѣдямъ въ извѣстную эпоху, но даже сообщаютъ намъ свѣдѣнія о такихъ событіяхъ и лицахъ, о которыхъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Слѣдуя хронологическому порядку, начнемъ обзоръ *историческихъ стихотвореній* дубровничанъ съ произведеній величайшаго сербскаго поэта Ивана Гундулича (1588—1638).

1. Содержаніе поэмы *Османъ* составляетъ, какъ извѣстно, побѣда Владислава, сына Сигизмунда III, короля польскаго, надъ султаномъ Османомъ въ 1621 году: содержаніе поэмы не важно для исторіи Дубровника, — важенъ *выборъ* подобнаго предмета дубровничаниномъ для поэмы. Въ палаццо Бонды въ Анконѣ подъ портретомъ Владислава читается надпись:

Vladislao Sigismundi Polonorum Regis filio
Scytharum Turcarumque Triumphatori invicto
Gundula familia hospiti suo; ut cujus humanissimam Majestatem
Semel in aedibus aspexit, semper in imagine suspiciat.

Итакъ личныя отношенія Гундуличей къ королевичу Владиславу подали, кажется, первый поводъ къ прославленію его подвиговъ однимъ изъ членовъ этого стараго дубровницкаго рода. Съ другой стороны война христіанъ съ турками представлялась дубровничанамъ дѣломъ благороднымъ и мудрымъ и стала послѣ Гундулича наслѣдственнымъ предметомъ для пѣснопѣній дубровничанъ. Герой поэмы—полякъ, изъ родственнаго дубровничанамъ племени: сознаніе племеннаго родства не ограничивается у Гундулича, какъ у М. Ружича, сербами, но простирается на всѣхъ славянъ, что особенно ясно видно въ его одѣ—*Visini Privedroj Ferdinanda II Velikoga Kneza od Toskane* (изд. Мартеккини въ Дубровникѣ въ 1838 г. и въ загребскомъ собраніи сочиненій Гундулича 1847): поэтъ выхваляетъ Фердинанда II-го между прочимъ за то, что онъ полюбилъ славянскій языкъ, чѣмъ пріобрѣлъ славу во всемъ славянскомъ мірѣ:

Čuj, gdi slave tvoje glasi
Vas Slovinski narod haran,
Obljubio kojega si
Ti besjedu blagodaran (8 строфа).

2. Гораздо важнѣе для исторіи Дубровника риѳмованная хроника стонскаго францисканца Мартына Ружича (Rosa), изданная въ Мадридѣ въ 1638 г. подъ заглавіемъ: *Breve compendium Nationis gloriosae totius Linguae Illyricae*, in quo breviter origo ipsius Nationis ostenditur, extensio ejus copiosa, Reges Fidei Catholicae totius Dalmatiae, Bosniae, Serviae, atque Rassiae, quos habuit. In fine vero sub umbra aquilae magnarum alarum Respublica Ragusina quodammodo moratur. Это, какъ извѣстно, сокращеніе въ стихахъ славянской исторіи М. Орбинича; но къ свѣдѣніямъ, заимствованнымъ у Орбинича, Ружичь присоединилъ извѣстія о современныхъ ему дубровничанахъ, служившихъ въ Испаніи и прославившихся военными подвигами: Проданелли, графахъ Марулино-Сфондрати, Машибрадичахъ, Петрѣ Ивельѣ Охмучевичѣ, Стефанѣ Долисти и Николаѣ Пальмотичѣ. Благодаря этимъ дополнительнымъ свѣдѣніямъ, трудъ Ружича пріобрѣтаетъ важность источника для исторіи сношеній Дубровника съ Испаніею (*De Republica Ragusina* 41 sqq.). Къ хроникѣ Ружича приложена *Epigramma pro Monarchia Hispanica* (59 sqq.), панегирикъ въ стихахъ Испаніи, особенноже графу Оливаресу, патрону автора.

3. Ни одно изъ поэтическихъ произведеній дубровничанъ не имѣетъ такой важности для исторіи Дубровника, какъ поэма Якова Пальмотича-Діонорича «*Dubrovnik ponovljen*», доселѣ, къ сожалѣнію, не изданная и извѣстная мнѣ по рукописи францисканской библіотеки № 25. Все, что мы знаемъ о жизни Я. Пальмотича, ограничивается слѣдующими, сообщенными о немъ свѣдѣніями у С. Червы [1]): «Inter illustres viros, quos istius Patriae et ornamento gens Palmottea, olim nobilissima, procreavit, edixitque, non postremus locus debetur Iacobo, sive uti vulgo appellabatur Iachetto Ioannis filio viro Patritio, et Poetae vernacula lingua clarissimo. Is a teneris Illyricas Musas coluit, et quamvis multis deinceps, et publicis et privatis negotiis distentus, easdem peregrinare secum et rusticare semper voluit, adeoque amicas nun-

---

[1]) *Viri illustres* IV, 1249—1250. Аппендини не прибавилъ ничего къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Червою, по словамъ котораго будто-бы Пальмотичъ умеръ въ 1670 году: откуда Аппендини взялъ подобное показаніе? II, 236.

quam non expertus est. Biennium cum Marino Araneo egit Constantinopoli Reipublicae orator. Romam etiam missus fuit anno 1664 triennio nempe ante maximum, de quo saepe a nobis mentio facta est, terraemotum, ut criminationes, quibus Franciscus Perottus Archiepiscopus in Rempublicam coram Alexandro VII^{0} Pontifice, usus fuerat, dilueret. In iis aliisque quae gessit publicis muneribus, judicii maturitatis, et ad res gerendas peritiae plaeclarum dedit specimen, praesertim vero, quantum his artibus valeret tum ostendit, cum eversam terraemotu Urbem, Remque Publicam barbarorum qui in vicinia sunt insidiis omne genus tentatam consilio prudentiaque cum paucis illis, qui cladi supererant salvam praestitit, et incolumem. Mortem obiit VIII Kalendas Martii anno 1680, supremum Palmotteae gentis germen, nullos enim ex Helena Sorgia conjuge liberos suscepit, nec alius tunc ejus gentis vir supererat. Varia ejus Poemata extant praesertim carmen epicum cui titulus «Ragusium renovatum», libros seu cantus 19 (?) continet, strophas seu carmina 3904. Opus multae eruditionis, resque Ragusinas complectitur, maxime suorum temporum, scitu et memoratu dignissimas; multa enim poetice fabulatur, sed plures quidem carmine, at historice enarrat». Изъ поэмы Пальмотича «Возобновленный Дубровникъ» изданъ только маленькій отрывокъ съ италіянскимъ переводомъ Рафаила Андровича у Аппендини II, 269—271. Полагая, что для читателей, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, будетъ интересно познакомиться поближе съ эпосомъ Пальмотича, передаю его содержаніе по францисканской рукописи:

I. *Pjevanje prvo* [1]). 1. Zaziva spjevaoc Muzu na pomoć. 8. Obraća rieč k'gradjanom. 11. Iza trešnje kupe se Gospoda u Leverin. 25. Besjede najstarijega i svièti. 48. Vade SS. Moći i blago izpod gomilà. 56. Svetkovina naredjena i svetkovana. 66. Nose se u skupnoprohodu svete Moći. 88. Prikaživa se Posvetilište. 118. Spremljivaju se S. S. Moći u Pripovjedaoca. 131. Zavjetovaju Cèrkvu Svetomu Vlasi II. *Pjev. drugo* 1. Rajsko vjeće nada Dubrovnikom. 15. S. Vlasi za Dubrovnik ustaje, ter millos prosi. 42. Odgovor millostivi Božii. 60. Plav iz Iakina vratilase.

[1]) Римскія цифры обозначаютъ пѣсни, арабскія — строфы.

71. Pomorac spovjeda s'kojom srećom kaludrice brodiše. 94. Morska godina. 130. koja bivšise smirila, kopaju mèrtve Redovnice na Otoku. III. *Pjev. treće.* 1. S'ugodniem vremenom upravljaju se kaludrice k' Iakinu. 16. Pomiljaimse Talijanska Krajina. 20. Hitaju Iakin, gdje su primjene i namještene. 26. Lehsandro VII šlje brašna. 47. koga puku djele Gospoda. 56. Dohodi vojvoda s'oružjem iz Napule. 69. Utvèrdjivaju Grad. 84. Razkopaju razorja. 88. Plačna zgoda mladca kî umriè od žalosti. 153. Grad se od puka ponavlja. IV. 1. Pakljeni kralj sèrči se. 7. Kupi zbor nemanski 33. Besjeda njegova i naredbe suproć Dubrovniku. 63. na koga sèrde Turke bune. 80. Poklisari se mole da se harač odpusti. 97. Neman kaimekana razdraživa. 123. a on cara suproć Dubrovčanom. 129. Zloba lakomosti. 137. Kaimekan zopovjeda Poklisarim da se donese blago na Carska Vrata. 148. Bosanskomu Paši da s'vojskom napade na Dubrovničku Dèržavu. V. 1. Bosanski Paša prima Carevu rieč, ter je od nemani obumjen. 10. Kod Sarajeva ogleda skupjene bojne čete. 48. Fatma zaman ustavlja vojna svoga Sulimana od boja. 96. Dubrovčani smeteni s'tezieh glasá zbore kako se oprieti. 113. Pavô sveti pustinjak spovjeda Gospodi Božia naručenja, ter sèrce im razslobodjuje. 155. Izabiru Poklisare k'Caru, k'Bosanskomu Paši, i k'Dalmatinskomu Gjeneralu. 170. S'kojem utaženiem skladno se ugovaraju. VI. Poklisar iduć na Bosnu prispieva na užeženje po pravdi jedne Turkinje. 23. Mehmet Danielašić spovjeda mu uzroke te strašne sudbe. 36. Fakre udana za Andibegom, pomamjena za Šahinom robom nije od njega uslišena. 80. Šahin zaman bieži od nje mâma. 115. Od nje potvoren spremjen ju u tamnicu. 141. Fakre čini s'privarom da Šahin smakne Andibega. 175. Ter ga siluje da je uzme. 196. Radi, da ga vilenica otruje. 218. koja opovjeda sve Fakrine izdaje. VII. 1. Razgovor o ženskieh zločah i krepostih, i od ženidbenih srećah. 63. Poklisar uveden k'Paši klanjamu pozdrave i dare Gospodske. 71. Paša himbeno ter usiono govori. 86. Numu se Poklisar razborično i hrabreno opire. 95. Paša zbori s'Turskom Gospodom. 110. Hercegovski Sandžak nagovara ga da podsiljem Grad osvoji. 149. ali odsvietuje ga Bosanski Teftedar od te odluke mudrom besjedom. 203. Paša se njegovu sviètu pridaje.

208. Budući poslô Poklisara u Novi pada s'vojskom na polje Konavôsko. VIII. 1. Gospoda se s'Mletačkiem Gjeneralom zgovaraju. 8. Spravljaju Poklisare s'haračom k'Otmanskiem Vratima. 11. Čudnovito zaručenje Iakimira s'Ielindom, koju nje muž ubjen u trešnji svietuje da za Iakimirom otide. 31. Bolesti Iakimira s poraza svoje ljubi i dječina. 73. Kâ mu objavljiva da e odredjeno Ielindu da uzme. 98. S'kojom sklapa vjeru. 114. Nu se ona jaduje er Iakimir u Poklisarstvo ide k'Caru. 128. Njegovom se plemenitom besjedom utažuje. 202. Hvale braće Banića. 210. Nikolica Bunić i Jakimir Poklisari sastaju se na Pločah. IX. 1. Uputjivaju se Poklisari, ter Kramar popieva hvale Dubrovnika. 32. U Tursko ulaze. 49. Grede pohodjuju Rašku Cèrkvu gdje je S. Sava. 64. Tèrgovci ih s'bojnicima susretaju, i u Pazar s'mnogom slavom uvodu. 84. Zgoda Miloša Kobiliča na Kosovu napomenjuje se. 102. iz Niša u Planinu Kunovicu gredu. 111. u kojoj je kladenac liečne vode. 118. Plačna zgoda Djevojaká Sofinskieh zarobjenieh. 126. Tužba jedne od njih. 179. Oslobodjene su od Poklisarà 184. koiem jedna spovjeda svoje nesreće. 197. Guse na njih sèrnu. 214. paka na putnike. X. Poklisari razgovaraju djevojke. 13. Njihova bratja ištom duhata kroz liekarie oživljuju. 41. Poklisari traže gusare, ter ih ugledaju gdi se s'putnicim na polju rate. 69. Prispievaju na pomoć. 89. Vèrlina ljuta boja, u komu su gusari pobjeni, tri uhvatjeni. 118. Ulaze Poklisari u Sofiu, gdje su gusari po pravdi stratjeni. 125. Vas puk hvali Poklisare. 130. Muftia u radosti prima djecu izgubjenu. 141. Veselje Sekovića pazeći vjerenicu oslobodjenu. 157. Skladne besjede medju njima. 187. Prosi je u roditelja, ter se pir odredjiva. XI. 1. Kupise na Sofinskomu polju mnoštvo zazvanieh na pirno veselje. 16. Dovedeni su u mnogoj dici i Poklisari. 21. Mladoženja ide s'družinom po nevjestu. 37. S'njome se vjenčaje, ter je vodi pod šatore gdje je spravna gosba. 63. Tanac djevojački. 72. Natjecaju se oružjem konjici u igri. 80. Giambus tanca na konopu. 97. Poklisari darivaju nevjestu, ter se pospieše sliedit put. 105. Zgoda poštene djevojke. 113. I Orfea za Euridićom. 141. Čauši susretaju Poklisare, i prate ih u Drenoplje. 151. Šlju Poklisari Dragomana k'Mehmet Paši Bostandji za obuznat gdje i kad imaju se Caru prikazat. XII. Stari Poklisari zatvoreni svi-

etuju nove da zajaze Turke s'darovima. 18. Poklisara smeće i dogovori. 39. Na Carevu zapovjed Poklisari idu k'Sagari. 42. Gdje im su plemeniti dvorovi pripravljeni. 52 Jašu k'Paši Kaimekanu pod šatore. 72. koji ih usiono prima, ter prieteći pita za blago naredjeno. 87. nu Poklisari razborito odgovorili bivše. 112. Ganut na smiljenje tišije besjedi. 132. Ugovor Dubrovčaná s'Carima, njihovi zakoni, i hitrorazloženje Poklisarsko. 157. Odgovor Kaimekanov, kî razpitiva za trešnjine zgode. XIII. 1. Nikolica Bunić povjeda razsutje Dubrovnika po trešnji i ognju. 7. Čestitosti grada. 24. U sriedu svete Nedjelji na 6 Travnja God. Gosp. 1667 trešnja ori Grad, pomor puka. 49. Razbegnutje živieh. 66. Vèrlina smèrtnoga straha. 74. Izgorjenje Grada razorena. 100. Lupeži pliène Grad opuštjen. 104. Plemići ustaju na obranu. 122. Nevjera bojniká i bezočni neposluh. 136 S'pukom Plemići zbore, ter beru dvanaest Poglavicá (Plemićá) da s'velikom vlasti Dèržavom vladaju. 146. Giamanjić (Zamagna) ustavlja ostatke puka da se ne razbiegnu. 160. Vladika Cèŕkovni s'kaludricam bieži u Talianskū krainu. 181. Mletčići zasjedaju Grad. XIV. Mustaj Paša Kaimekan na spovjedanje nesrećá Dubrovačkieh pobalja se. 18. Njegova milostiva besjeda. 34. Čehaja nagovara Poklisare da kakogod pogode Caru. 45. Sviesni Poklisara odvjet. 57. Rais o istomu blagostivo radi. 87. Vračaju se u Sagaru Poklisari. 91. Predaju s'straha od Cara. 100. K'Bogu se utječu kajanjem, posvetilištem, zavjetim, 110. Smierno njihovo molenje. 132. Teftedar pita harač, 145. nu se opiru Poklisari. 151. čujući poslie da samo ga ima pribrojiti, pogadjaju. 164. Teftedarove kreposti. 176. Besjeda Poklisara Teftedaru. XV. 1. Zazvani idu k'Caru Poklisari. 11. Upuštjeni su prid njega 27. Mudra Poklisara besjeda i plačno moljenje. 64. Smiljiva se Car, ter blago progovara Poklisarim. 73 Ćâs njihova prid Turcim. 85. Glumci Carski slave ih. 97. Od Kapage čuju blage Careve misli i naredbe. 107. Ćauš—Baša zove ih na Carev Lov. 126. na koji idu. 147. Lov počimlje. 160. Sokoli love. 168. Lov od zvieri, na koje i Car poteže. 187. Hèrt klanja zeca ulovjena Caru 196. Rat strašni medvieda s'orlom. 235. Ovoga dobitnika Caru Bostandžija na dar prikaživa. 243. Poklisari su lovom počastjeni. XVI. Na prišastje mrazne zime Car put Filibe odpravlia se, i za

njim Poklisari. 27. kojem je odredjeno boravište u Londasu. 41. Njihova briga o Gradu. 51. Pišu Gospodi što se opravilo. 63. Pakljeni zmaj mèrzeći na sreće Dubrovačke. 91. šlje lakomos na Cara. 130. kâ privaru ostavlja na svoje mjesto. 137. a obujmiva Cara. 153. i njegove sviètnike 164. Carev bies i zapovjedi protiva Dubrovniku, da se donese blago. 187. Sviétnici ukriepivaja ga. 228. Poklisari zazvani i zatvoreni, šlju Gospodi te žalosne glase. XVII. 1. Hude odluke Paše Bosanskoga i sile Turske u Konavlih. 16. Gospoda tri Plemića šlju na obranu. 53. Novljani gusari bjezěći od Mletčića u donju goru. 63. stratjeni su od Konavljana. 73. Jedan utekô doglašiva ti poraz u Novomu. 85. Paša ustaje na osvetu. 93. Konavljani se vitežki opiru. 114. Paša šlje na pomoć svoiem Kjehaju. 139. koji zbija Konavljane u ogradu. 186. Nu Plemić iz Gabrela prêspieva na pomoć. 198. Paša je razbjen od nepoznana Vojvoda. 216. koji u zavrati s'vojskom se iznebiva. 233. Plemići utvérgiivaja sve klance, dajući na znanje te zgode Gospodi. XVIII. 1. Žalos i sprave osvetne Paše Bosanskoga. 15. Misli smaknuti Poklisara, nu je uzderžan od Mule. 63. Gospoda sbore kako se braniti. 73. Zli glasi z Carskieh Vratá smetaju ih. 87. svietuju se s'pustinjakom Pavlom. 94. koji ih razvedriva, ter spovjeda da je S. Vlasi rasuo Turke u Konavlih. 103. Obećava pomoć u napredak, samo da se povrate kaludrice iz Jakina. 135. Gospoda odredjivaju molitve k'Višnjemu, izabiru Poklisare k'Rimu, i k iniem Vladaocim. 154. Davuju na znanje Gjeneralu što se čini. 175. Plač Jelinde za Jakimirom. 219. Pokriepjena k'Bogu se utječe. XIX. 1. Car za iztjerat svoje želje kupi vojsku protiva Dubrovčanim. 23. Kaimekan šlje na Poklisare Teftedara i Čauš—bašu. 32. Besjeda ovoga njima. 49. Hrabren odviet njihov. 90. S. Vlasi goni iz Carskieh Dvorá nemani. 121. slazi u pakao, ter izvodi svezana Muhameta i strah. 148. koga šlje na Kaimekana. 150. a on ulazi k'Caru, komu prieti da ne smeta Dubrovnik. 158. i mùči Muhameta. 168. Skončanje Carevo. 183. Strati Kaimekanovi 222. Car spoznava S. Vlasi. 244. ter naredjiva da se Poklisari oproste, i da se blago ne ište. XX. Starieh Poklisará veselje na te glase, i kad se s'Jakimirom sastaše. Изъ этого подробнаго содержанія 20-ти пѣсней (а не 19, какъ ошибочно показано у Червы) огромной по-

эмы Пальмотича-Діонорича самъ читатель легко усмотритъ, что въ ней *poetice fabulatur* и что *historice enarrat*. Мы ограничимся однимъ только замѣчаніемъ, что Яковъ Пальмотичь, одинъ изъ тѣхъ немногихъ властелей, которые уцѣлѣли отъ землетрясенія 1667 года, самъ, по свидѣтельству Червы, способствовалъ немало возрожденію Дубровника, составляющему предметъ его поэмы; что, по своему общественному положенію, онъ былъ близко знакомъ съ дѣлами своей родины, въ которыхъ лично принималъ не малое участіе: два года онъ былъ вмѣстѣ съ Клементомъ Раньиною посланникомъ въ Константинополѣ и въ это время могъ достаточно изучить и мѣстность, и характеры лицъ, выводимыхъ имъ на сцену при описаніи посольства Николая Бунича († 1678); во время своего посольства къ папѣ Александру VII въ 1663 году онъ могъ познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Римѣ и вообще въ Италіи; очевидецъ страшнаго землетрясенія 1667 года и сопровождавшихъ его обстоятельствъ, онъ *consilio prudentiaque salvam (Urbem) praestitit, et incolumem*: слѣдовательно принималъ участіе во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя были употреблены для возрожденія Дубровника, какъ-то: сношеніяхъ съ иностранными державами и т. п., и о которыхъ онъ говоритъ въ своей поэмѣ.... Однимъ словомъ, предметъ былъ такъ хорошо ему извѣстенъ, что ему не нужно было прибѣгать къ чужой, ненадежной помощи; а самый предметъ былъ столь величественъ, что не было нужды украшать его вымысломъ: но, само собою разумѣется, что не все въ его поэмѣ можно принять за историческую истину, что въ ней есть такія лица и обстоятельства, которыя не принадлежатъ исторіи (таковы любовь Якиміра и Елинды, приключенія пословъ во время путешествія въ Константинополь и т. п.); но эти добавленія придаютъ еще больше жизни картинѣ и служатъ выраженіемъ современныхъ понятій о поэзіи, необходимую принадлежность которой составляли *любовь* и *чудесное* (отсюда разсказъ о чудесахъ Св. Власія). Все существенное содержаніе поэмы—землетрясеніе, пожаръ, набѣгъ гайдуковъ, отъѣздъ монахинь въ Анкону, помощь отъ папы, сношенія съ Венеціею, посольство въ Константинополь—принадлежитъ исторіи; дѣйствія и рѣчи главныхъ лицъ нельзя также считать вымышленными, ибо въ общемъ они согласны съ сказаніями современниковъ; для насъ любопытны также разсказы о

нравахъ и обычаяхъ жителей тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжали дубровницкіе послы: это путевыя замѣтки самого автора. При такомъ взглядѣ на историческое значеніе поэмы Пальмотича-Діонорика мы не можемъ не пожалѣть, что она доселѣ не издана и что наши отзывы о ней основываются на словахъ Аппендини, судьи въ этомъ случаѣ не компетентнаго, какъ не знавшаго языка, на которомъ писана поэма: вотъ почему мы считаемъ своимъ долгомъ сообщить изъ нея отрывки.

«Dubrovnik ponovljen» начинается обращеніемъ къ музамъ:

1. O Božice slavniech gorá
Kâ veseloj u ljuvezni
U vjenašcu od lovora
Pjevaš sa mnom sladke pjesni;
2. Još neumèrlu spravi liru,
Da budemo sad pjevati,
Kô Dubrovnik u nemiru
Silna trešnja shara i skratí;
3. Kôli on véci pak uzrastè
Svoga iz raspa i pepela,
I iz mèrkline kô mu tmaste
Svietlja sinù ćês vesela.

Вотъ начало IX-ой пѣсни: *uputjivaja se Poklisari, ter kramar popieva hvale Dubrovnika*:

1. Mnogo dana' Poklisari
Na Pločami ne čekaše.
Carski harač sa sviem hari
Do bèrzo im tu pridaše.
2. Blagajnici plemeniti
Pomni u take liepe sprave
Da prie budu odpraviti
Njih Careve u Dèržave;
3. Gdi kô se oni upaziše
Spravni u svemu da su veće,
Veselo se odjeliše
Na put mili svoje sréce.
4. Dve stotine bojnieh ljudi
Za obranu Grad im podà
Da ih s'njima druži svudi
Sekno Plemić Voevoda.

5. Kî njihovo glasovito
To djeljenje da počasti
Proslavi ih trieskóvito
Iz pušaka' silnom vlasti.
6. I učini svekolike
Čette munjom da sivaju
Čim junačke puni dike
Bubnji oholi udaraju.
7. Tako se oni put Bèrgata
Uputiše u radosti
Sakrafoči suha od zlata
Sivahu im u svietlosti.
8. A vèrh vitieh kopja' stiezi
Izviahu svud se okolo
Gdi s' njim vjetric blag s' nebesì
Valovito vodi kolo.
9. Puk neizbrojni kî gledaše
Njih djeljenje sred veselja
Čestitos im sgar prosjaše
I drag pokoj od svieh želja'.
10. A za put im razsladiti
Da im dobru kob nariče
Stojan Kramar glasoviti
Popjevati prid njim kliče.
11. On bivši se poklonio
Slavnu Gradu Dubrovniku
Ovaki je glas pustío
U veselju prem veliku:
12. Davori mi, ah davori,
Svietli Grade Dubrovniče,
Tebe trešnja ne obori
Kad ovako čestit niče.
13. Ne izgorje oganj tebi
Plemenite dvore tvoje
Kad ovako svietlje u sebi
Ti ponavljaš sgrade svoje.
14. Od šta da se pod Nebesi
Možeš vîku ti bojati,
Od starina' slavan jesi
I slavan ćeš do viek sjati.
15. Mudra i znana tva Gospoda
Svietom vladat sviem umiu
Višnja krepos svies im podà
Da sve znaju, da sve smiu.

16. Po svietu se još spovjeda
Tvoje ime svietlo toli
Što Despota Gjurgja ne dà
Kad ga iskà Car oholi.
17. U tebi je vazda bilo
Svietlich kralja' utočište
Svak počiva ko tvê krilo
Za svoj pokoj i mir ište.
18. Rasti svietli grade mili
Širi grane tvoje plodne
Po svietu se svud razkrili
Čestitosti pun slobodne.
19. Vazda u tebi radjali se
Slavni ljudi knezovi,
I razumom dičili se
Gospodeći vas sviet ovi.
20. Nije u niednoj svieta strani
Kraja, mjesta, ni dèržave
Gdi se vriedni tvoi Gradjani
Ne nahodi puni slave.
21. Svaka kruna svedj ih prosi
Za hrabrene vojevode,
Er ih vriednos svud iznosi
I dobiti s'njima hode.
22. Sivaj vječnoj u svietlosti
Svietli Grade i čestiti,
Ter tvê srećne čestitosti
Ne svèršili vîk na sviti.
23. Neg da Višnji s'gar ti poda
Da svedj budeš kruna i dika
Od svieh mjestá i narodá
Slovinskoga od jezika.
24. Poklisari vazda tvoji
K' Caru Otmanskom odhodili
I čestitiem u pokojí
Tu primjeni vazda bili;
25. Vratjali se opet k' tebi
S' Carskieh vrata' sred veselja,
Cara imajuć svedj pod nebi
Za svojega branitelja.
26. Da se nitko vîk ne nadje
Ko s'oružjem smie smesti,
Čestitosti sve najsladje
I slobodne tvoje česti.

Мѣсто намъ не позволяетъ сообщить еще отрывки изъ поэмы Пальмотича-Діонорича. «Dubronik ponovljen» одушевленъ братскою любовью какъ ко всѣмъ славянамъ вообще, такъ въ особенности къ сербамъ, страждущимъ подъ турецкимъ игомъ: разоренныя турками сербскія твердыни и мѣста битвъ вызываютъ въ поэтѣ воспоминанія о прежнемъ могуществѣ сербовъ, и онъ съ полнымъ сочувствіемъ передаетъ родныя ему преданія о борьбѣ сербовъ съ турками и о паденіи ихъ царства.

4. Въ VIII-ой пѣсни стр. 202—213 Пальмотичь-Діоноричь такъ воспѣваетъ Николая Бунича, стоявшаго во главѣ посольства, отправленнаго къ султану:

202. U toliko sve spravio
Bieše i Bunić plemeniti
I u brata se izprosio
Da već na put bude iti. . . . .
204. Dva Plemicá glasovita
Oni biehu puni uresa,
Dike i zraka ponosita
Kô dvie sviezde od Nebesá!
205. Jošte prve iz mladosti
Rasli biehu u vladanju,
Svake vriedne od kreposti
I u svakomu pravom znanju . . .
209. Pjesnici oba tako znani
U sva mudra biehu djela
Da im Lovor svedj izbrani
Cavtiaše vèrhu čela. . . .

Николай Буничь (1600—1678), государственный мужъ и писатель, подвергавшій жизнь свою опасности во время великаго землетрясенія и умершій въ константинопольской тюрьмѣ, оставилъ записки и стихотвореніе о катастрофѣ, постигшей его родину 6 апрѣля 1667 года: о первыхъ мы уже говорили; о стихотвореніи же «Vèrhu velike trešnje grada Dubrovnika», изданномъ въ первый разъ въ Анконѣ въ 1667 г., а потомъ въ Danici illirskoj 1841 года № 41, можно сказать только то, что оно, исполненное вѣры въ Провидѣніе,

ограничивается воззваніемъ къ покаянію, оставляя въ сторонѣ самый предметъ, а потому не имѣетъ интереса для исторіи.

5. Вмѣстѣ съ буничевымъ издано стихотвореніе дубровницкаго гражданина и писателя, Варооломея Беттеры († 1712) «Vèrhu velike trešnje grada Dubrovnika», написанное въ томъ же духѣ, но болѣе замѣчательное въ историческомъ отношеніи: въ немъ представлена довольно живо страшная картина землетрясенія и слѣдовавшаго за нимъ пожара. По рѣдкости изданія (1667 г.), сообщаю для образца отрывокъ:

«Kada Trešnja sasma jako
Strese svaku veličinu,
Ter u isto doba tako
Sve od Grada zgrade ukinù. . .
. . . .
Nu nikakav da na sviti
Razgovor nam nie zadosta,
Za tjem oganj htiè spržiti
Silnoj Trešnji što izostà.

Trešnja i oganj prik saviše
Medju sobom s' natjecanja
Obćen poraz uzročiše
I od života i od imanja.

Nù nad sve ino jaoh ovo je
Jad u sèrcu mom nemio,
Što od svega puka nije
Živ neg mao ostô dio.

Oreći se čim njekoga
Zgrade živa ukopaše,
Oganj žeže a nikoga
Ranjen dočim izdisaše.

Tkoli neostà prem po sreći
U nesrećnòj mrtav zgodi,
Usilovan bi bježeći
Priko mèrtvieh da prohodi.

U prohodu ali hudu
Usion se trud imaše,
Pokli pomoć svak zaludu
Zakopaniem dat željaše.

Od kieh jedni vidjahuse
Pod tegotniem zidim mrîti,
A iz dubina' čujahuse
Druzi gorko prem vapiti.

Roditelji puni želje
Da pomože sinku zovu,
A sinovi roditelje
Ištu pomoć na njihovu.

Drag priatelj nada svima
Jad sred sèrca čuti svoga,
Jer slobodit način neima
Priatelja ljubljenoga и т. д.

6. Третье стихотвореніе современника о землетрясеніи, разрушившемъ Дубровникъ въ 1667 году, принадлежитъ Венедикту Рогаччи (1646—1719), извѣстному въ свое время философу, проповѣднику и поэту: *De terraemotu quo Epidaurus in Dalmatia anno 1667 prostrata est.* Ad Cosmum III^{um} Magnum Hetruriae Ducem Proseuticon P. Benedicti Rogaccii e Societate Iesu anno 1678. (Ркп. франц. библ. № 265, стр. 271 слѣд.). Рогаччи не былъ очевидцемъ великаго землетрясенія 1667 г., и, хотя онъ яркими красками и съ большимъ искуствомъ изображаетъ эту страшную катастрофу, постигшую его отечество, мы удивляемся его талантамъ и силѣ языка, но въ тоже время находимъ, что эта дѣйствительно потрясающая картина не списана съ натуры, а создана воображеніемъ автора: черезъ 11 лѣтъ послѣ событія написалъ Рогаччи свою поэму, и впечатлѣніе, произведенное на него разсказами очевидцевъ, не могло быть уже живо, и приходилось многое дополнять своимъ собственнымъ воображеніемъ. Цѣль его — страшною картиною возбудить сострадание въ сердцѣ великаго герцога тосканскаго Козьмы III-го и тѣмъ пріобрѣсти какое-либо пособіе для несчастнаго отечества. Эта цѣль ясно высказывается во всей поэмѣ, которая поэтому очень походитъ на оду въ честь Козьмы III-го.

Начинается словами:

Inclyte Regnantum, quo Lidia sceptra tenente
Per populos laevam funestis cladibus irae

Fortunam haud querimur; quidquid temeraria namque
Illius incursu coeco violentia vertit,
Hoc tua, res duras, indignaque fata jacentum
Commiserans, veteri Pietas in sede reponit
Non secus ac diro metuendum gentibus astro
Saturnum, Jovis excusat clementior ignis,
Et tristes radios acuentem in fulmina cogit
Commodiore Venus flammâ mitescere Martem.

Далѣе поэтъ такъ восхваляетъ Козьму Медичи:

Cosmus magnanimum heroum quam maximus heros
Proferat egregias curas, et vita juvandi. . .
. . . .
Qui tibi magnanimo, Princeps, sub pectore vivit
Ornandi meritos donis, inopesque fovendi,
Ne spatio finitus amor, neque fessus agendo,
Dignus erat certe naturam augere, Chaosque
Si quis adhuc latet, eruere et disponere mundum.

Наконецъ прямо приступаетъ къ дѣлу:

Cosme tuae quaeruntur opes: tu attollere solus
Collapsam potis, et meliori reddere fato. и т. д. (всего 300 стиховъ.)

7. Современникомъ и другомъ Бенедикта Рогаччи былъ извѣстный въ свое время дубровницкій ученый и замѣчательный поэтъ — Стефанъ Градичь (1613—1683), авторъ эпоса: *De laudibus Serenissimae Reipublicae Venetae et cladibus Patriae suae* (Venetiis 1675. Typis Ioannis Francisci Valvasensis). Извѣстно, какое горячее участіе принималъ Градичь въ возрожденіи своей родины, къ несчастіямъ которой онъ старался возбудить состраданіе во всѣхъ католическихъ государствахъ; извѣстно также, что онъ находился въ перепискѣ съ прокураторомъ св. Марка, Бернардомъ Нани, историкомъ Венеціи, по поводу притязаній венеціанскаго правительства на неретвинскія солеварни. Вѣроятно, переписка Градича съ Нани не привела къ желаннымъ результатамъ, ибо онъ обращается въ своей поэмѣ уже ко всей венеціанской республикѣ, противопоставляя счастію и благоденствію ея несчастія своей родины, разрушенной землетрясе-

ніемъ, ограбленной гайдуками и пострадавшей отъ пожара, взываетъ къ великодушію:

His animis, his exemplis, hoc robore freti
Virtutis sua dona plagas diffundere in omnes,
Atque omni assuetae passim de gente mereri
Quae non speramus miseri solatia Cives,
Casibus exhausti cunctis: rerum omnium egeni:
In propriis erans infelix turba sepulcris?
Quemve expectemus mortalem alium praesenti
Cladibus auxillo nostris, lacrimisque futurum?
Quod vos majorum cineres per, et ossa parentum:
Per spem venturae stirpis, famamque nepotum:
Perque Deum, Superosque omnes, et quidquid ubique est,
Quod mortalia pectora habent sanctum piumque
Oramus, foedae cumulas extare ruinae,
Deformesque cicatrices, et signa dolorum,
Quos tulimus: quibus afflicti, stratique jacemus,
Quantum opis in vobis, quam lata potentia vestra est,
Ne sinite, et longos miserorum abstergere fletus.
(стр. 23 и 24 послѣд.)

Въ другомъ мѣстѣ, вслѣдъ за описаніемъ бѣдствій Дубровника, Градичь молитъ венеціанцевъ:

Talibus his populi plagis miserescite fracti,
Auxilioque levate inopes, opibusque juvate.

И далѣе, напоминая имъ о тѣхъ узахъ, которыя связывали его родину съ Венеціею, бывшею для нея «vitae, libertatisque magistra», такъ продолжаетъ:

Non erimus merito indecores, nec parva sequetur
Gloria ab interitu cives, et clave suprema
Servasse, et dirae mersos rapuisse procellae.
Quos aliae haud tanto junctae sibi pignore gentes
Foederis humani communia vincla secutae
Auxiliis fovere suis. Non Luca vetustae
Libertatis honos, non armis clara virisque
Gens Ligurum, non Roma potens, non fortis Iberus,
Non quae magnanimo regnatur Hetruria Cosmo
Avertit placidas nostris a fletibus aures.

Съ такою же цѣлью т. е. чтобы побудить къ оказанію помощи бѣдствующему Дубровнику, написана Градичемъ ода къ папѣ Александру VII: *De Alexandro VII P. O. M. Ode* (ркп. франц. библ. № 1,983).

8. Къ числу поэтовъ-современниковъ, воспѣвавшихъ великое землетрясеніе 1667 года, принадлежитъ также властелинъ Корчулы — Петръ Канавеличь, авторъ трагедіи «Мука Господинова» (1663 г.), одной эротической пѣсни и трехъ историческихъ поэмъ: *Trešnja u Dubrovniku*, *Dubrovnik slobodjen od harača na Blagdan S. Vlasi 1695* и *Iovan Sobieski*. Въ рукописи № 15 францисканской библіотеки стр. 151 и слѣд. находятся: Razlike Pjesni skladane po Gosp. Petru Kanaveliću Grada Korčule Vlastelinu ki sloviaše oko Godišta 1680. Ovi Pjesnik o/genise Gragh-kom Dubrovackom od kuće Antizza; ime jom bi Catta, koja se drugi put udala za Dolfina Vlastelina Mletačkoga. На стр. 159—171 помѣщена *Trešnja u Dubrovniku*. Это стихотвореніе написано Петромъ Канавеличемъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него землетрясеніемъ 1667 года, въ формѣ посланія отъ Дубровника къ Сигизмунду Гундуличу (?):

51. Nù želja je mâ najveća
Da u pjesni pišeš tvoje
Sigismundu Gunduliću
Sve odluke ove moje.
52. Reci njemu, ako ikada
Spjevat bila e tva požuda
Sad je vrieme, spjevaj sada
Gorki uzrok moieh trudá.

«Землетрясеніе въ Дубровникѣ» Канавелича по языку, стоитъ выше, стихотвореній на эту же тему Бунича и Беттеры, но для историка оно не представляетъ никакой важности по безхарактерности описанія:

1. Crna sestra biela dana
Bieše sjeni svê prostrla
A u snu dugu ukopana
Počivahu tjela umrla

. . . .

5. Crkve Bogu posvécene,
Djevičanski sveti Dvori,
Sve ostaše obracéne
Vrhom do dna, dnom do gori.
6. Po ulicah svega Grada
Vidjeh puke na sve strane
(Srce mi se jaoh pripada)
Prie neg mrtve ukopane.
7. I u strahu, i u smeći
Gledajući smrt na glavi,
Ah jeli tko vapeći
Da se u pomoć nam objavi.
8. I nebieše, jaoh, nitkoga
Da njih težke tužbe čuje,
I nevolju puka moga
U potrebi pomiluje. и т. д.

Столь же мало любопытнаго представляетъ для историка «*Dubrovnik slobodjen od harača na Blagdan S. Vlasi 1695*», извѣстный мнѣ по рукописи франц. библ. № 74 (стр. 843 и слѣд.) и изданный въ *Зорѣ Далматинской* 1846 г. Послѣ обращенія къ Кліо, которую поэтъ ниже называетъ вилою, слѣдуетъ:

«Živi, živi po sve vîke
O Dubravo meni ugodna,
I uzmnožaj časti i dike
Listjem, cviećem, voćem plodna.
Tebe ruka milostiva
Sveta Vlasi dèrži i hrani
Tebe ona oživljiva
Tebe čuva, štiti i brani.
Ako na dan pričestiti
One slavne uzpomene
V kî občiš ti častiti
Blagdan ruke tej blažene,
Blagodarno tebe uresi
U veselju, u radosti,
Sviem liepotam s' kojieh jesi
Slavna od davnje tvê starosti и т. д.

Въ 1850 году дубровницкій книгопродавецъ Мартеккини издалъ эпосъ Канавелича «*Iovan Sobicski*», вызвавшій, вѣроятно,

письмо къ поэту короля польскаго отъ 1687 года, напечатанное въ «Далмаціи» за 1845 г. № 4: къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни поэмы Канавелича, ни письма Собѣскаго.

9. Въ 1683 г. Петръ Богашиновичь, сначала парикмахеръ, потомъ секретарь ластовской общины, поднесъ своему соотечественнику Петру Ричарди, графу Лики, находившемуся въ австрійской службѣ, поэму въ 3-хъ пѣсняхъ, (а не въ 2-хъ, какъ ошибочно показано у Аппендини II, 239) — *Obkruſcegnie Becia Grada od Zarra Mahmetta i Karamustafe Velikoga Veziera* (издано 3 раза: u Linzu kod Gašpara Freišmida 1684 (?), u Padovi kod Ios. Sardi 1685, u Mletcih kod Bart. Occhi 1703). Это слабое въ литературномъ отношеніи произведеніе Богашиновича любопытно для историка. Въ посвященіи Prisvietlomu i Plemenitomu i svake Ciasti dostojnu Gosparu Petru Bernardu Ricciardi Velikomu i Viekovit[mu] Kneſu Like Ces. i Kragl. Svietniku (отъ 4 ноября 1683 г.) поэтъ говоритъ: «Ne po momu ſnagniu, ma s'pomochi Priviscnega stavih se sloſciti u Piesni Obkruſcenie slavnoga i cestitoga Becia grada od Kara-Mustafe velikoga Veziera, poslana od Sultana Mehmeta, ſa u gniemu moch pribivati, i podloſciti sve Kàrstianske Dàrſciave pod svoju vlas; kojemu Svemoguchi Gospodin Bog tegga nedopusti» и т. д. Первая пѣснь начинается такъ:

O umrli na svem sviti
Pogledajte Božie vlasti
Kômće u ništa učiniti
Tašte hude oholasti.

Подтвердивъ свою мысль примѣрами изъ св. Писанія, поэтъ продолжаетъ:

Numi reci Care objesni
Na kê strane? kud se spravljaš?
Slušajući sviet nesviesni
Tkomu u ruke oblas davaš?

Гонитель христіанъ, великій визирь Кара-Мустафа убѣждаетъ султана отправить войско для завоеванія Вѣны; семь лѣтъ употреблено на приготовленія къ войнѣ: собрано въ Бѣлградѣ 1.300.000 воиновъ; малочисленное австрійское войско (7.000 венгерцевъ

и 9.000 итальянцевъ), подъ предводительствомъ Будьяни, охраняетъ переходъ черезъ Дунай; но въ первой же битвѣ Будьяни измѣнилъ, и турки направляются къ Вѣнѣ; императоръ Леопольдъ удаляется въ Лцнцъ, откуда взываетъ о помощи къ христіанскимъ государямъ; папа Иннокентій проповѣдуетъ крестовый походъ, а между тѣмъ турки осаждаютъ Вѣну, защищаемую Штаримбергомъ (Štarimberg), котораго Кара-Мустафа старается склонить къ измѣнѣ; осажденные дѣлаютъ вылазку и убиваютъ 15.000 турокъ; назначается приступъ;

Ali pomoć od Krstjaná
Skupila se sva zajedno
Od Česara kâ je zvana,
Sjedinjena sva uredno.
Glavu od svieh Česar stavi
Svietla Kralja Poljačkoga
Da on vojsku svu upravi
Za slobodu Grada svoga.

Въ войскѣ находятся два дубровничанина:

Gunduliću plemeniti
Svietli Grada Dubrovnika
S' oklopnicim nastoj i ti,
Bit' u boju slava i dika.
Vece puta' ko se vlada
U mnogomu vojevanju
Tako čini da i sada
Tvâ hrabrenstva nepristaju.
O Ricciardi Vojevodo
Od Hrvatah glasovitieh
Bog ti Višnji snagu podô
Bit u broju od dobitnieh.
I Dubrovnik mjesto rodno
Budeš s' bojom proslaviti,
I Česaru da ugodno
Tvê hrabrenstvo bude biti.

Восьмичасовое сраженіе подъ Вѣною; Турки бѣгутъ, ихъ преслѣдуетъ Иванъ Собѣскій и освобождаетъ изъ турецкаго плѣна 400 христіанскихъ дѣвицъ; императоръ вступаетъ въ свою сто-

лицу. . . Поэтъ обращается къ обратившемуся въ бѣгство великому визирю и къ измѣннику Текели; въ Римѣ празднуютъ освобожденіе Вѣны отъ нашествія невѣрныхъ и прославляютъ подвиги Ивана Собѣскаго:

Slavna Kruno i čestita
Polonie svieh livada'
Tvâ je slava vjekovita
Veća ima biti od sada.
I da Višnji s' gara s' Nebi
Svom pomoći da uzbudeš
Snagu uzdrži napried tebi
Zmaja svega da dobudeš.
I da otjeraš s' našieh strana'
Za počinut u slobodi
I da vjera od Krstjana'
Po njegovoj zemlji hodi.

Вторая пѣснь начинается похвалою героямъ войны, Ивану Собѣскому, герцогу Лотарингскому, Штеримбергу и хорватскимъ и дубровницкимъ вождямъ:

Od Hrvatske kî države
Od jezika Slovinskoga
U viernosti puni slave
Za uzvišenje Carstva tvoga.
. . . .
Veselise Dubrovniče
Dobriem glasim: imaš znati
Da porodom tvîem se diče
Slavni Niemci i Hrvati.
Mačem brani, prsim štiti,
Da si nebi ockvèrnila
Sin tvoj jedan plemeniti
S' Niemcim Orlu svietla krila.
Drugi u boju prem nemilu
S' njim Hrvata' družba draga.
Šječe i tre Tursku silu
Pod Orlovu vlas podlaga.
Ova dva su uspomena
Od hrabrenieh množ viteza'
Koji u stara još vremena
Špagni biehu od uresa.

Kî po moru biele plavi
    Spravne od boja vladahu,
    U dobitju i u slavi
    Čas pred Kraljim svaku imahu.
Dubrovnička sva država
    Kê porodi vojevode,
    Od kojieh je bila slava
    Vladajući kê narode!
Tebi se ima vjenac viti
    Dubrovniče kî si dika,
    I u slavi imaš biti
    Slovinskoga od jezika.
Ṇie moć jezik na ovem svieti
    Gunduliću slave dati,
    I Ricciardi kî će izrieti
    Kâ li penna upisati?
Toće pisat' od vas bolje
    Krvim slave neizrečene,
    Knjiga vam je ravno polje
    Britki vam su mači penne.
Vi ste slava Dubrovnika
    Koji vas je porodio
    Sad u boju prem veliku
    Česar vas je uzvisio.
O Ricciardi prihrabreni
    Nie pjevôca nać pod Nebi
    I svi da su sjedinjeni
    Slave izrieti nie moć tebi.

Преслѣдованіе турокъ до Бѣлграда; поэтъ хвалитъ храбрость хорватовъ, перастинцевъ и которянъ; султанъ, узнавъ объ участи, постигшей его войско, посылаетъ убійцъ къ Кара-Мустафѣ; его удавили.

Третья пѣснь. Весною слѣдующаго года возобновляются военныя дѣйствія противу турокъ: ихъ изгоняютъ изъ Венгріи, а флотъ осаждаетъ Санта-Мавру и Превезу. Поэма оканчивается видѣніемъ: *Kraljica Slovinskoga jezika*, описывая гибель своего царства, возбуждаетъ христіанъ къ войнѣ съ турками:

Bog vas Višnji u tom dobu
    Svieh ujedno sjedinio,
    I pogansku hudu zlobu
    Pod vlas vašu podložio.

A krstjani pristat neće
Bez pristanka molit Boga
Da dobitja naprieđ veće
Dopustit' vam bude mnoga.

Изъ сообщеннаго нами содержанія поэмы Богашиновича, изданія которой очень рѣдки, читатель можетъ видѣть, на сколько она любопытна для историка. Мысль описать осаду Вѣны турками была возбуждена въ Богашиновичѣ, какъ кажется, подвигами Гундулича и Ричарди, двухъ знаменитыхъ его соотечественниковъ, находившихся на австрійской службѣ: Франциськъ Гундуличь служилъ сначала въ Испаніи, а потомъ въ Австріи, гдѣ достигъ до фельдмаршалскаго достоинства (умеръ въ 1700 году 68 лѣтъ отъ роду); [1]) Бернардъ Ричарди служилъ при императорахъ Фердинандѣ III и IV и Леопольдѣ I и за военные подвиги былъ пожалованъ въ наслѣдственные графы Лики (въ Хорватіи, неподалеку отъ Синя): [2]) слава Гундулича и Ричарди составляла, по словамъ поэта, славу Дубровника, доставившаго различнымъ государствамъ столько знаменитыхъ людей. Кромѣ дубровничанъ, въ освобожденіи отъ турокъ Вѣны участвовали хорваты, перастинцы и которяне, соплеменники Богашиновича. Герой поэмы — Иванъ Собѣскій, король родственнаго дубровничанамъ польскаго племемени. Въ поэтѣ видно сознаніе національнаго единства всѣхъ славянъ, и *Краљица словинскога језика* не напоминаетъ-ли намъ *Дочь славы* Коллара? Содержаніе поэмы — война христіанъ съ турками—наслѣдственное достояніе дубровницкихъ поэтовъ, завѣщанное имъ авторомъ *Османа*. Сочувствіе къ австрійцамъ объясняется тѣми отношеніями, въ которыхъ стояли къ нимъ дубровничане во времена Богашиновича: въ 1684 г. былъ заключенъ формальный договоръ, по которому Леопольдъ I обязался защищать независимость и самостоятельность Дубровника, перешедшаго подъ его покровительство. Сказано теплое слово и о папѣ, духовномъ главѣ католическаго міра и первомъ благодѣтелѣ Дубровника. Такимъ образомъ поэма Богашиновича вѣрно изображаетъ отношенія дубровничанъ къ другимъ народамъ, особенно

---

[1]) Appendini II, 192.
[2]) ibid. 194.

родственнымъ: въ этомъ и заключается ея историческое значеніе.

10. Въ ркп. франциск. библ. № 265, стр. 281—297, находится стихотвореніе: *Ragusa Pestilentiae Victrix* Divis Blasio et Philippo Benitio Propugnatoribus Carmen in aula Collegii Ragusini dictum ab Authore *Thoma Maria Baldassini* Aesinate e Societate Iesu in eodem Collegio Ragusino Rhetorices Professore et ab eodem dicatum Illmo et Rev^{mo} Domino Joanni Vincentio Lucchesini Patritio Lucensi atque Archiepiscopo Ragusino anno 1691. Какъ въ посвященіи, такъ и въ самой поэмѣ (въ 416 стиховъ) Балдашиновичь приписываетъ избавленіе Дубровника отъ чумы молитвамъ архіепископа Луккезини къ Св. Власію и Филиппу Beницію: это одно изъ тѣхъ безжизненныхъ риторическихъ упражненій, которыми славились въ свое время іезуиты. Вотъ какъ передаетъ самъ авторъ содержаніе своей поэмы:

«Egresso ab Inferis Bello, Fames et Pestis, quas fingimus Belli sorores ad Plutonem adeunt iratissimae, quod non et sibi perdere genus humanum, facta ad superos via, dudum contigerit. Facultate tandem extorta, paratis sociis atque armis instructae irruunt in eam oram, quae citra Saum sita vulgo Bosnia appellatur. Ubi secundum cujusque vires damnum atrociter damno cumulant ad miserrimum usque populorum caedem. Ad haec Pestis eventu laeta montem conscendit: unde innumeram dolorum et mortium circumspectans turbam, faustissimam hanc nostram Rempublicam limis intuetur illaesam, atque hastae jactu aggreditur iracundiori.

Interea Praestantissimus hujus Ecclesiae Antistes Ioannes Vincentius Lucchesinus in portum invehitur, qui, ut littus attigit, pro Reipublicae incolumitate Deo, divisque Blasio et Philippo Benitio preces allegat: iis auditis summus rerum omnium arbiter Deus utrimque ex coelestibus imploratis, ut praesto Reipublicae forent, accersitum demittit. Non longe ab hac urbe amberant ambo, cum excepto irruentis hastae fragore, Benitius face armatus in hastam procurrit et cremat Incendio. Tandem ut universa Respublica secura in posterum foret, finium atque Urbis ambitu lustrato in Navim, qua recens fuerat Sapientissimus Antistes faus-

tissime advectus ascendunt. Unde Philippus, relicto sui amoris, et collati in Rempublicam officii permiro sane monumento, ad Superas Beatitatis sedes, Blasio duce, revolavit».

Поэма начинается такъ:

Pervigiles animos, praesentia Numina Divum,
Tartareasque acies, et Averna frementia late
In mortale genus, devotaque tecta Tonanti,
In turres, Epidaure, tuas, cano. Pandite sacros
Pierides Musae latices, Heliconia templa,
Aoniumque nemus. Vestrum est resonantia rura,
Argutamque docere viam, cantusque movere,
Vatis et emerita praecingere tempora laura.

11. Славившійся въ свое время ученостію, іезуитъ Иванъ Луккаричь (1621—170), оставилъ по себѣ между прочимъ нѣсколько историческихъ стихотвореній: 1) Carmen in ortu Principis Hispaniarum ad Philippum IV. vers. 376. 2) Carmen de Regina Maria Stuarda coelesti se pabulo reficiente. 3) Leopoldi Austriaci Hungariae et Bohemiae Regis in Romanum Imerator. electio vers. 455. 4) Sereniss. Principi Ferdinando Austriaco Leopoldi I Imp. primogenito filio Genetliacon. vers. 232. и 5) Mariae Stuartae Schotorum Reginae carcer et mors. vers. 786. Ни одного изъ этихъ произведеній Луккарича, упоминаемыхъ Аппендини [1]), намъ не случалось видѣть.

12. Аппендини [2]) упоминаетъ также въ числѣ сочиненій извѣстнаго въ свое время учителя риторики въ Неаполѣ и проповѣдника, іезуита Михаила Мондегаи (1657—1716) неизвѣстное намъ стихотвореніе: *Carmen, cui titulus, Marianna Hispaniarum Regina* (Ex Typogr. Jac. Raillard 1697).

13. Въ *матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою Республикою* (Москва 1865 г.) нами издана ода іезуита Игнатія Градича «*Plam Sieverski*» 1710 г. (стр. 74—89), объ историческомъ значеніи которой см. тамъ-же стр. 15. Отсюда она перепечатана въ сборникѣ «Dubrovnik» за 1867 г. стр. 173—180.

---

[1]) Notizie II, 136—138.
[2]) ibid. 136.

14. Извѣстный своими учеными трудами, млѣтскій аббатъ, Игнатій Джорджичь (1675—1737), о которомъ мы говорили уже на стр. 127—135, написалъ *De laudibus Austriadum Epinicium* въ 4 книгахъ, изъ коихъ сохранились только двѣ первыя въ ркп. франциск. библ. № 506: Augustissimo Caesari Carolo Austriaco hujus Nominis Sexto, Invicto, Pio, Felici, Suis Auspiciis, ductuque Seren[mi] Principis Eugenii a Sabaudia duobus maximis proeliis Turcarum Triumphatori duobus annis, duorum regnorum Daciae Messiaeque post munitissimas Urbes Themesvarium Taurumque perdomitas Expugnatori, et tam grandibus initiis ad totius Orientis Imperium auspicatissime Proludenti Epinicium quatuor Libris comprehensum canit et consecrat D. Jgnatius Georgius Abbas Melitensis. Вотъ подробное содержаніе двухъ сохранившихся книгъ:

Liber I. Belli motus et causae. Argumentum.

Post pacem cum Gallis initam anno Domini MDCCXIV Augustisima Domus Austriaca (quam hic, ut exinde Romam quoque, et Graeciam sub Heroinae Icone recognoscimus) a bellis omnibus quiescebat. Eam Roma adire fingitur vicino periculo excitata, quod Acmetes Turcarum Imperator, fracta fide ac Peloponeso occupata, Corcyram quoque ad Maris Adriatici fauces sitam, proximamque Italiae insulam acerrimo exercitu circumstetisset. Dumque argumenta et causas enumerat, quibus Arma Austriaca exciret in hostem occidentalibus Chrustianis ferociter imminentem, grande momentum quoque attulit Graecia, sui Peloponesi excidium luctuosa oratione deplorans: ita ut, sicut Roma Austriacam providentiam in Turcas, sic ipsa armaverit miserationem. Quocirca alteri sese defensatricem Austria, alteri vindicem spondet: nequaquam tamen prius arma capere constituit, quam a superis (unde semper omnis spes Austriacae felicitatis) auspicia ad bellum consiliaque accersierit. Proinde alato curru in Coelum subvehitur; regnorum, quae sibi obtemperant Divos Patronos tutelaresque praecipuos allocutura.

Liber II. Auspicia Praesagiaque. Argumentum.

Septem Divorum, qui praecipuo patrocinio adsunt Caesari septena Palatia adscribuntur in septem stellis, quae Currum Septem-

trionalem efficiunt, collocata: eo praesertim consilio ut Caroli regnis, quae septemtrionibus subsunt irretorto oculo invigilantes, favores quaque suos ac beneficia non obliquo limite derivarent. Henricus Primus Imperator cum Cunegunda conjuge tuetur Hermaniam, Archiducatum Austriacum; Leopoldus, Vencislaus Boemiam; Ungariam Stephanus, Emericus atque Elisabetha; omnes ab Ecclesia in Sanctis annumerati. Eos adit Austria Heroina, jucunde suscipitur, et ex Henrico, ob Caesaream dignitatem caeteris praestantiore, consilium capit auspicandae expeditionis in Turcas, auditque futuri belli faustissima praesagia. Tum ab eodem simulque a divo Leopoldo in aedes ducitur, armis Heroum Germanicorum qui Christo olim militaverant, exornatas. Laudat Henricus bellicam virtutem Germaniae, atque exinde dat Austriae ex illo coelesti armamentario dona Serenissimo Principi Eugenio deferenda; nempe Ensem suum quo Italiam tutatus est nec non Caroli Magni Clypeum quo Romanum Pontificem Imperiumque contra barbaros late protexerat; itemque Galeam et Loricam Leopoldi, eximii antiquitus inter Austriacos Principis qui expugnata in Oriente Ptolemaida Foeniciae Urbe Turcas olim multis cladibus profligarat. Itur inde in nobilissimam Aedem, ubi Austriacorum Caesarum animae in exemplaria Regum futurorum inibi sepositae cotinebantur. Nihil corporeum ibi: omne ornamentum uni cogitationi expositum: et dumtaxat Angelici Spiritus, sine figmento corporum, et sola spirituali specie praediti, Palatii interiora decorabant. Laudatur hic praecipue Leopoldus Caroli Pater: jubeturque hinc Austria haurire coelestem vigorem, omnesque sibi virtutes inhabitantium Caesarum per miram quandam imperceptibilemque insinuationem inhoatus, in Carolum transfundere. Quae demum in terras rediens, dum ex aëre super Germaniam delabitur suppositis populis animos inflammat ad bellum, et arcano illapsu aspirat mirificam fortitudinem.

Содержаніе поэмы, на сколько можно судить по дошедшимъ до насъ двумъ книгамъ, не представляетъ ничего любопытнаго для дубровницкой исторіи. Прославленіе Австріи Джорджичемъ объясняется тѣми отношеніями, въ которыхъ находился къ ней Дубровникъ въ его время. Главный предметъ поэмы — война

съ турками—составляетъ, какъ мы выше замѣтили, наслѣдіе, завѣщанное дубровницкимъ поэтамъ знаменитымъ Гундуличемъ:

> . . . . Disperde profani
> Templa Macometis, vanaeque Oracula Mecchae,
> Eripe Othomanis captivum legibus Orbem:

съ такими словами обращается Джорджичь къ Карлу VI.

Поэма начинается такъ:

> Haec sors Austriadum est, primique in fronte Rodulfi
> Imposita a Superis: ut nullo cederet unquam
> Turbine diva domus; sed per luctamina fati
> Duceret a gravibus majora augmenta periclis.
> Damna vicem lucri subeunt: dant vulnera palmas
> Caesaribusque ipsae gaudent prodesse ruinae.
> Neu repetam veteres pallentia saecula fastos;
> Tu Carolum Solimane fuga, tu vulnere coeco
> Fernandum Gustave ruens, tu dire Memetes
> Auxisti Leopoldum, Asiae dum robore toto
> Tentatam Ungaricâ pensasti clade Viennam и т. д.

Странно звучитъ въ устахъ И. Джорджича величаніе Карла VI *полубогомъ* (semideus), которое не разъ повторяется въ его поэмѣ . . . . Историческія примѣчанія облегчаютъ разумѣніе этого произведенія Джорджича.

15. Тотъ же самый предметъ избралъ другой извѣстный дубровницкій поэтъ Викентій Петровичь (1677—1754) для своей поэмы: *De recuperando Orientis Imperio post receptam Albam Graecam anno 1717.* Ad Potentissimum Invictissimumque Imperatorem Carolum VI-um (ркп. франц. библ. № 265, стр. 599—624). Это образцовое въ литературномъ отношеніи произведеніе Петровича, мечтавшаго о возстановленіи Карломъ VI византійской имперіи, не важно для дубровницкой исторіи. Поэма начинается такъ:

> Tu quoque Caesareis, Tauruni arx alta, triumphis
> Accedis, numerumque immensis laudibus auges.
> Magnanimi Eugenii, quem jam videt alter orantem
> Annus, et innumeri (superet modo vita) videbunt.

Ut tibi prisca redit facies! delapsaque collo
Vincla tuo Getici migrant in colla Tyranni!
Ut laeti Superum caetus, dum diruta templa,
Et veteres repetunt aras, pietasque, fidesque,
Et bona Libertas, et divite copia cornu
Victorum late ad plausus, et festa turbarum
Murmura, certatim summis labuntur ab astris
Aëra per liquidum, rutilaeque per Iridis arcum!
Ut tua dejectis per propugnacula Lunis
Caesareae volucres longa insidere coronâ
Sanguineisque rubent rostris, hostique minantur!
Restat, ut (Austriacus ripâ quando Ister utrâque
Labitur) invictis etiam Byzantion armis
Impiger Eugenius quatiat. . . . .

Въ поэмѣ всего 712 стиховъ.

Гораздо важнѣе для насъ упоминаемая Аппендини [1]) поэма тогоже Петровича *о посольствѣ Владислава Букіи къ Кара-Мустафѣ*, читанная поэтомъ въ дубровницкой академіи degli Oziosi въ присутствіи роднаго брата героя поэмы и вызвавшая у слушателей слезы сожалѣнія о потерѣ такаго мужа *invictae fortidunis*. Это произведеніе Петровича намъ неизвѣстно.

16. Власій Боличь (1717—1756), іезуитъ, славившійся въ свое время глубокимъ знаніемъ древнихъ языковъ (онъ читалъ въ Collegio Romano греческую словесность), замѣчательный лирическій поэтъ, написалъ между прочимъ оду герцогу беррійскому: *Duci Bituricensium Panegiricus* (ркп. франц. библ. № 265, стр. 585—598) въ 20 строфахъ. Начинается такъ:

Gratia Djs Superis: quorum sub numine floret
Gallia. Borbonidûm gemina domus inclyta prole
Aucta viret rursum; quamvis transmisit Olympo
Nuper, Aquitanae gentis quem sceptra manebant
Regalem puerum, ah! nimium properantibus astris
Aeternâ meritam frontem redimire coronâ и т. д.

---

[1]) Notizie II, 149.

Эта ода, прославляющая Лудовика XIV и его сподвижниковъ, оканчивается обращеніемъ къ Дубровнику:

Talia prompserunt Divino carmine Musae:
Illyrico Latiae venientes littore Musae;
Quâ rate multivolâ Tyrios ab origine Cadmos
In patriâ nunc prisca refert Epidaurus arenâ:
Illa et Romanis quondam aucta colonia signis,
Quâ Ragusa novas arces sibi libera struxit,
Gallorum invicto, plaudens Respublica, Regi.
Vos facite o Superi! et Superum tu maxima, Virgo,
Regnatrix: quam laeta orbi, Latioque, tuaeque
Lutetiae, augusti fuerunt exordia partus;
Tam laeta aspirent regalis stamina vitae
Nestoreos annos visura, sacrosque Nepotes.

Эта ода, какъ видно изъ слѣдующей помѣтки, написана за два года до смерти поэта: «Undecimo Kalendas Novembres die sancto Hillarione sacra MDCCLIV Gravosii prope Ragusium». Затѣмъ прибавлено переписчикомъ: «Obiit Blasius Bolichius e Soc. Jesu, hujus Carminis scriptor XIV Kalendas Martias paulo post horam vigesimam. A. D. MDCCLVI».

Неудивительно, что Боличь выбралъ для своей похвальной оды Лудовика XIV: этотъ король былъ особенно расположенъ къ дубровничанамъ, изъ коихъ Бандури и Божковичь пользовались большими почестями во Франціи.

17. О похвальной одѣ Петру Великому Стефана Ружича († 1770 г.) нами сообщено въ *Матер. для ист. дипл. снош. Россіи съ Рагузск. Респ.* (стр. 16—17), гдѣ и напечатана самая ода (стр. 90—113).

18. Иванъ Францискъ Соркочевичь (1706—1771), замѣчательный законовѣдъ и государственный человѣкъ, проживиій нѣкоторое время въ Вѣнѣ при своемъ двоюродномъ братѣ, епископѣ Францискѣ Іосифѣ Гундуличѣ († 1773), посланникѣ дубровницкой республики, написалъ по словамъ Аппендини [1]), *похвальную оду Евгенію Савойскому* на сербскомъ языкѣ: намъ она неизвѣстна.

---

[1]) Notizie II, 247—248.

19, Въ сборникѣ стихотвореній Себастьяна Дольчи (1699—1777), о которомъ мы говорили уже на стр. 142—145, находится *Mariae Theresiae Romanorum Imperatrici Epigrama* (ркп. франц. библ. № 301: P. Sebastiani Dolci a Ragusio Ordin. Min. de Obs. nonnulla Epigramata ex schedis Vincentii Righi exscripta): маленькое стихотвореніе о войнахъ Маріи Терезіи.

20. Такогоже содержанія *Pjesan od Kraljice Magjarske Marie Teresie* епископа Мерканы, Ансельма Каттича (1754), находящаяся въ ркп. франц. библ. № 273, стр. 233 и слѣд. Марія Терезія съ помощію венгровъ и славянъ возвращаетъ себѣ царство. Начинается такъ:

Još ni Zore, ni biela Danka
    Ni Danica pomolila zdraka,
    Ni Vlašići Goru nadkitili,
    Ni Volari vole uhvatili;
Knjigu piše Duka od Baviere,
    Ter je šalje Kralju Francuskomu,
    A za malo priatelju svomu:
Kùpi vojsku svietla kruno moja,
    Ròbi, pali sela i gradove
    Sve do Beča Grada bieloga,
    Podložimi dušmanina moga и т. д.

Вотъ какъ описываетъ Каттичь хорватско-чешское войско и его подвиги:

Tries' hiljad' Hèrvata' Iunaka'
    Sve Djetića' i mladih Momaka',
    Prid njima je Erdeliću Bane
    Od Hèrvatske ruke Generale.
. . . .
Dvadeś hiljad' Boemać Iunaka'
    Kako jedna kita dîvojaka'
    Prid njima je Glatkoviću Bane
    Koji-no se čuje na sve strane.
Zapjevala iz gorice Vila
    Lipo ti je pogledati bilo
    Èrvaćane sive sokolove,
    Trepeću im krila pozlaćena
    Za kalpakom kita vezligjena.

Kad su bili k' Beču bielome
    Gledale ih su Beča dîvojke,
    Gledale su, ter su govorile:
    Liepieh konja', liepšieh junaka'!
    Tu se vojske vina ponapiše
    Kraljici se svojoj pokloniše.
Odtole se zdravo podigoše
    Pjevajući, odpjevajući,
    Vince pijuć, konje igrajući.
Ide jedna gori u Slesiu
    Trieś hiljad' Hèrvata' Junaka',
    Prid njima je Erdeliću Bane.
Kudagodjer oni prolaziše
    Ondar živi oganj žežiaše,
    Kud njihova ćorda dopiraše
    Ondi cèrna kèrvca prolivase.
Iztjeraše Kralja od Prusie,
    I njegove vojske izagnaše,
    A Bratamu rane dopadaše.
Nije Lova, gdje nije Sokola,
    Sve širuje gdje raste Topola,
    Nije brata što ne rodi Majka,
    Nad Hèrvata i nije Iunaka.

21. Въ *матер. для ист. дипл. снош. Россіи съ Раг. Респ.* нами изданы двѣ оды извѣстнаго дубровницкаго поэта Бернарда Заманьича (1735—1820): [1]) одна *на взятіе Очакова* (стр. 132—

---

[1]) О жизни Б. Заманьича до сихъ поръ не было обнародовано никакихъ свѣдѣній, а потому считаю своимъ долгомъ сообщить здѣсь выписку изъ сочиненія Петра Басича (Prospectus Iesuitarum Ragusin. ркп. франц. библ. № 309, стр. 328—329): «P. Bernardus Zamagna ex Nobilium Familia natus est Ragusae die 9na Novembris anno 1735. Societatem Iesu Romae ingressus die 24 Novembris an. 1753, ibi studiorum omnium curriculum summa cum laude explevit. Linguae non solum Latinae, verum etiam Graecae egregiam dedit operam; atque in prima summus evasit et Poeta et Orator. Extincta Societate in Hetruria domicilium fixit. Ibi Homeri Odysseam Latine expressit, eamque Petro Leopoldo Magno Hetruriae Duci dicavit, ac Typis favente doctissimorum hominum judicio edidit. Ex Hetruria Mediolanum versus profectus est. Mediolani perhonorifice acceptus fuit, atque in ea Urbe Graecae Linguae Cathedram honestissimis conditionibus obtinuit. Ibi novum specimen suae eruditionis dedit; caeteras enim inter elucubrationes (Echo, Navis Aerea, Elegiae etc.), quas in lucem edidit, Hesiodum Latine versum, atque doctissimis Notis illustratum procudere curavit (перечень его сочиненій у Аппендини II, 178). A Mediolano Ragusam versus navigavit, ibique obiit die 2da Aprilis anno 1820, aetatis 85to et in sacello Cathedralis Ecclesiae

133), а другая *Александру I* (стр. 155). Въ библіотекѣ францисканцевъ въ Дубровникѣ найдены еще мною неизданныя четыре написи *Наполеону I* по случаю наименованія Мармона герцогомъ Дубровника, двустишіе:

Clara quidem semper fueras Ragusa; sed almo
Marmontis fies nomine splendidior (Ркп. № 273, стр. 11).

---

sepultus requiescit. Іезуитъ Іосифъ Петруччи и д-ръ Лука Стуличь сочинили слѣдующія написи на гробъ Бернарда Заманьича (у Басича, стр. 330 и слѣд.):

Bernardo. Zamagnae. Domo Ragusa.
Vetere. Et. Inlustri. Genere.
Quem. Societas. Jesu.
Magnae. Spei. Adolescentem.
Libentissime. Susceptum
Eduxit. Ad. Gloriam. Artium. Optimarum
Pius. Vixit. Ann, P. M. LXXXV.
Latinae. Et. Graecae. Linguae. Peritia
Nulli. Sui. Temporis. Secundus.
Homeri. Odysseae
Hesiodi. Theocriti. Bionis. Et. Moschi
Metricis. Interpretationibus
Aliorumque. Carminum. Edictorum. Copia. Et. Elegantia.
Clarissimus
Quo. Florente. Aetate. Rhetore. Doctissimo
Sena. Et. Mediolanum
Socio. Eruditissimo
Celeberrima. Sapientum. Virorum. Collegia. Gloriantur.
Idem. Post. Suum. In. Patriam. Reditum
Gravissimis. Muneribus. E. Republica. Functus
Et. Latinis. Carminibus
Ad. Extremam. Usque. Senectutem
Excolendis. Publicandisque
Civium. Suorum. Utilitati. Gnaviter. Consuluit.
Gloriam. Impigre. Adauxit.
Decessit. IV. Nonas. Aprilis. Anno. M. DCCC. XX.
Josephus. Petruccius. E. Societate. Jesu.
Sodali. Veteri. Et. Amico.
B. M. F. C.

Bernardi Zamagnae Tumulus
Auctore. Josepho. Petrucci. Societatis. Jesu.

Smyrnaeum. Ascraeumque. Siracosiumque. Poetas
Quum. Scite. E. Graecis. Verterit. in Latios
Post. Obitum. Merito. Supremaque. Fata. Zamagnae.
Tempore. Tam. Longo. Fama. Superstes. Erit.
Quam Longo. Ascraei. Et. Smyrnaei. Tempore. Vatis
Quam. Longo. Vivet. Musa. Syracosii.

Epigramma in laudem Napoleonis:

O Thamesi, Dîs cede; vident jam volvere Parcas
Martia ut Europen Gallica jura regant?
En etiam Imperii caput ipsum Moscua, celsas
Fulgere per turres signa inimica videt;
Atque Scythes genibus minor accidit , et sua fata
Horrescit laevâ nata ave Petropolis.
Pacem utcumque ora; nulla est res ardua tanto
Victori: coelum, si volet, ille petet.

(Ркп. № 855. Срв. изданную нами оду императору Александру I).

Defuncto Zamagna, dum in Sacello Cathedralis Ragusinae Ecclesiae tumulari debuerat, Dominus Lucas Stulli Medicus Physicus hoc ad aeternam rei memoriam Monumentum in Tubo plumbeo inclusum, una cum ejus corpore apponendum curavit.

Corpus. Conditum.

Sacerdotis. Bernard. Petri. Zamagnae.

Hic. Rhacusae. ortum. habuit. IV. Idus. Novembris. MDCCXXXV. Parentibus. Petro. Zamagna. Reipublicae. Ragusinae. Senatore. gravissimo. et. Maria. Cabogia. nobilissima. et. rari. exempli. foemina. Nactus. mentis. vim. acerrimam. ingeniumque. suavissimum. ab. ipsa. Adolescentia. osor. ineptiarum. litteris. disciplinisque. omnibus. quibus. Juvenes. informari. solent. in. patria. eruditus. est. Quum. per. aetatem. licuit. Societati. Jesu. nomen. dedit. in. qua. Romae. solemnia. vota. nuncupavit. In. politioribus. Litteris. Raymundum. Cunichium. in. Philosophia. et. Mathesi. Magistrum. Rogerium. Josephum. Boscovichium. Concives. suos. in. Theologia. Gasparum. Segoviam. et. Hyacinthum. Stopinium. Doctores. suae. quemque. Disciplinae. per. ea. tempora. Principes. audivit. tantisque. Doctoribus. se. dignum. praebuit. Dum. Loyolianum. Institutum. mansit. Adolescentibus. artibus. optimis. et. pietate. imbuendis. egregiam. navavit. operam. Rhetoricam. et. Philosophiam. in. Collegio. Romano. hinc. senis. in. Collegio. Nobilium. tradidit. dissoluta. Societate. Mediolani. Eloquentiam. et. Graecas. Litteras. publice. professus. est. Mariae. Theresiae. Augustae. Petro. Leopoldo. Magno. Hetruriae. Duci. et. Ferdinando. Insubriae. Gubernatori. Archiducibus. Austriacis. acceptissimus. extitit. a. quibus. et. muneribus. et. honoribus. amplissimis. exornatus. fuit. Graecae. Latinaeque. Linguae. elegantias. colluit. quam. qui. maxime. Homeri. Odysseam. Hesiodi. Ascraei. opera. omnia. Theocriti. Moschi. et. Bionis. Idyllia. ita. Latine. vertit. ut. iis. qui. ante. fecerant. palmam. praeriperet. nullam. novae. laudis. eadem. in. palestra. spem. posteris. reliqueret. et. viris. Principibus. inscripta. Typis. vulgavit. Hisce. et. pulcherrimis. de. Navi. Aerea. et. de. Echo. Poematibus. atque. aliis. operibus. lucubratissimis. quae. Augusti. Aevo. exarata. videntur. per. universam. Europam. magnum. sibi. nomen. comparavit. et. Patriae. famam. auxit. Quadragesimo. nono. aetatis. anno. Rhacusam. redux. Civibus. doctrinam. mire. probavit. suam. quum. ibi. studia. quae. ab. ineunte. adolescentia. adamaverat. enixe. ad.

И *A Napoleone Magno Galliarum Imp. et Italiae Rege Augusto Marmontio Supremo Gallicarum copiarum in Dalmatia Praefecto, Insignito Ducis Ragusae titulo Endecasyllabi:*

Gentis Illyricae, Ragusa, ocella
Et cara Aonisin, quid ah moraris
Cuncta laetitiae explicare signa?
Sat flesti misero in metu ruinas,
Et casus varios periculorum,
Quae ferus tulit hostis immerenti
Igne, caedibus, ac malis rapinis.
Ille en Napolao, novum relucens
Saecli sidus uti, arbiterque rerum
Augusto e solio videns jacentem
Erexit pius, et dedit Patrono,
Qualem si faciles Deos rogasses,
Ipsa vix poteras tibi impetrare.
Namque strenuus atque liberalis
Et est officiorum amans, et aequi
Quam qui maxime, et artium bonarum
Assector validus, per et disertus!
Utque uno omnia jam tenere verbo
Possis, spemque animo novam inchoare,
Hic Marmontius est. Tuus vocari
Dux magis velit, hoc honore mactus,
Laudum Iudice ab optimo optimorum;
Quam fama celebrari agi et perora;
Quod late Italiam, et fluenta Nili
Marte terruerit sequutus arma
Invicta ad Batavosque, Noricosque,

---

mortem. usque. excoluerit. Legatus. a. Senatu. Rhacusino. ad. Summum. Pontificem. Pium. VI. negotia. difficultatibus. magnis. impedita. explicavit. Honorem. Stagnensis. Episcopatus. quem. Ei. idem. Senatus. virtutis. ergo. contulerat. ob. insignem. modestiam. abdicavit. A. Nicolao. Bani. Archiepiscopo. nostro. suae. Dioecesis. Vicarius. renunciatus. fuit. in. quo. munere. obeundo. dignitatem. et. prudentiam. exemplis. adseruit. Lyceo. Ragusino. quoadusque. stetit. studiosissime. diligentissimeque. praefuit. Cultor assiduus. pietatis. enituit. religione. in. Deum. vir. urbanarum. facetiarum. lepore. longe. praestans. singulari. comitate. cunctos. excepit. praesertim. suos. Plurimam. vel. apud. exteros. famam. indeptus. ab. eruditissimis. viris. incolis. advenisque. doctrinae. et. honoris. causa. domi. invisus. est. Diutinum. molestum. morbum. forti. hilarique. animo. pertulit. Agens. annum. LXXXV. moeror. et. luctus. suorum. amicorum. et. universae. Civitatis. placidissimo. exitu. decessit. IV. Nonas. Aprilis. M.D.CCC.XX.

Atque ipsum hunc procul ad sinum Adrianum.
Utrique eja igitur repende grates,
Teque morigeram exhibe, ac utrique
Responde obsequio, parique amore
Pignus pro merito, et decus futura,
Dum Marmontiadum genus vigebit,
Quod servent utinam augeantque Divi
Fastos per memores perenne in aevum!

(Ркп. франц. библ. № 594).

Историческія стихотворенія Заманьича и послѣдующихъ поэтовъ вѣрно изображаютъ колебанія дубровницкаго общества, въ эпоху крушенія республики, между Франціею и Россіею: отъ единовѣрной и могущественной въ то время Франціи дубровничане чаяли своего спасенія; обманутые въ своихъ надеждахъ, они обратились къ единоплеменной Россіи; но уже поздно . . . [1]).

22. Стихотвореніе Якова Якшича объ осадѣ Хвара (Lesina) русскими войсками 2 мая 1806 года издано мною въ *Матер. для ист. дипл. снош. Россіи съ Раг. Респ.* стр. 155—158.

23. Яковъ Беттондичь написалъ слѣдующее небольшое стихотвореніе *U došastju Bana Marmontića*:

Srećna dana i vesela!
U svoj Marmont grad uljezá,
Hrabrenoga tač' Viteza
Svak da glasi slavna djela.
On je ov, ovi, kî pun dike
Pripieva se po svem sviti,
Kôm se spravlja zadobiti
Dični vjenac lovorike.
S'djelim milost čim stekô je
Velikoga od Česara;
Dubrovniče, tvoj sadara
Nazivat se Ban obrô je.

---

[1]) Желающіе познакомиться съ этимъ предметомъ поближе, пусть обратятся къ изданнымъ мною Матеріаламъ для ист. дипл. снош. Россіи съ Раг. Респ и къ сочин. Соркочевича (Duc de Sorgo): Fragments sur l'histoire politique et littéraire de l'ancienne République de Raguse. Paris 1839.

Ne iskâ zemlju obilniu,
Ni bogatih vlast Dêržava';
S'bistriem umom er poznava
Da bogatstva himbu kriu.
Vlast uzima Dubrovnika;
Dar milosti podjeliva,
Čast i viernost gdi pribiva
Od minutih davnih vîka'.
Jak ljustura tam' biserna
Svoe za podat sjajne plode
Kût izbire čiste vode,
Bieżeć mora jaz navierna.

(Ркп. франц. библ. № 273 стр. 15).

24. Наконецъ Матвѣй Соркочевичь написалъ слѣдующее двустишіе на изгнаніе французовъ изъ Стона (*Galli e Stagno ejecti*).

Ite hinc, o Galli; non haec propugnacula furum:
Rhacusa haec primo furibus opposuit.

Кромѣ этихъ историческихъ стихотвореній дубровницкихъ поэтовъ, имена коихъ извѣстны, въ рукописяхъ Францисканской библіотеки найдено мною еще нѣсколько другихъ безъ обозначенія именъ авторовъ:

25. *Visce dara Cestitoga Zarra scto ucini Prisuietloj i Prijsuarsnoj Gospodi Republiche Dubrouacke godiscta 1695* (Ркп. № 460) начинается такъ:

Putnik trudan dugha od puta,
ſa utiehu nach trudima
Suhoj traui pósred skuta
Leſce, à pak tu ſadrima и т. д.

Освобожденіе султаномъ Дубровника отъ уплаты дани приписывается чуду Св. Власія:

Ah Mustafa glasouiti
Zarre od Zara, sad po tebi
Od ouegha chtie pod nebi
Istina se sfuietu odkriti.
. . . .

Dubrovackoi ti Gospodi
    Dugh tissuchia na stotine
    Blaghodarno oslobodi
    Josc dare da im ine.

. . . .

Vlasi suete, Paraz ki si
    Dubrounika slauna Grada
    Od ouoga u/rok ti si
    Blaghodarna dara sada.
Er dan ù isti kad se slaui
    Uśpomena ruke tuoie
    Dubrouniku tad se obiaui
    Dan kij noch mu otìro ie.
Dubrounice uspomenu
    Ne /abudi sueza ouegha;
    Dokle er kami na kamenu
    Slobodan chiesc /ciuiet s'gniegha.

26. *De Navali Pugna Venetos inter et Pyratas Lybicos prope Epidaurum et Ragusium A. 1751* (ркп. франц. библ. № 273, стр. 195)—сатира, написанная по случаю столкновенія между двумя венеціанскими галерами и двумя триполійскими судами близъ Цавтата [1]), начинается такъ:

Quid juvat Actiacos olim memorare triumphos?
    Nescio quid Venetum nunc mage classis habet.
Vos ego Nereides Epidauri e gurgite testor
    Servastis venetas Thracis ab igne rates.

Оканчивается:

Ergo quis vicit? Leo, ubi est victoria? Cras est.
    Nam pugnasse hodie, cras superasse sat est.

27. *In Turcas Oratio* написана по случаю крестоваго похода, объявленнаго Піемъ V, въ которомъ приняли участіе Испанія и Венеція (1571 г.), какъ видно изъ слѣд. стиховъ:

Militiae robur Veneti, Pius atque Philippus
    Misere in pugnam classe valente vìres.

---

[1]) M. Bassich, *Notizie* XI, § 1 (ркп. № 891).

Ода начинается обращеніемъ къ Богу:

O Pater omnipotens, qui verbo cuncta creasti,
Et solo nutu quaeque creata regis.
Aspicis, ut diro latret fera bellua rictu
Ausa tibi titulos fingere et umbra Dei.
Heu vocat arvorum Dominum Othomanica pestis
Quorum aditum primus crimine clausit homo
Insuper imperium totius tibi arrogat orbis
Sanguineoque gregem territat ense tuum.
Dat pacis leges populis iratus Olympo
Rursum foedifrago rejicit ore datas.
Foedera nil prosunt, non illum Numina tangunt,
Sub pede Solimus fasque piumque tenet.
Nec mora, nec requies populo datur ulla fideli
Imminet exitio nocte dieque virum. и т. д.

Описывая страданія христіанъ въ Турціи, поэтъ говоритъ:

Sumpsimus arma tua pro Religione redempta,
Ne tua pellatur prorsus ab orbe fides.

Ода оканчивается молитвою къ Богу о дарованіи побѣды во славу Его и на пользу христіанъ:

Noster erit fructus, gloria tota tua.

(Ркп. № 265, стр. 409.)

Вслѣдъ за этою одою помѣщена другая *In magna navali victoria* — о побѣдѣ, одержанной христіанами надъ турками въ Архипелагѣ 7 октября 1571 г.:

Gaudeat coelum, exhilaretur orbis
Quisquis et Christum colit, ora solvat
Laetus in laudes, resonetque laetis
Vocibus Aether. и т. д.

28. Въ ркп. франц. библ. № 72 помѣщены два историческія стихотворенія: *S. M. I. Ad. Majestatem Augustissimae Imperatricis Mariae Theresiae Reginae Hungariae etc. de laudibus Leopoldi Dauni Epistola* и *Ode. Laudat ejusdem Reginae constantiam occasione belli, quo petita est a Francis, Borusso et Bavaro simul.*

Въ посланіи поэтъ сравниваетъ Леопольда съ героями древности (Фабіемъ Кунктаторомъ, Сципіономъ и Юліемъ Цесаремъ) и находитъ, что онъ выше ихъ, потому что имъ приходилось бороться съ *варварами*, а ему съ *образованными* народами. Говоря о побѣдахъ надъ королемъ прусскимъ, поэтъ выхваляетъ доблести своего героя: умѣренность, справедливость, человѣколюбіе и отсутствіе честолюбія. Начинается такъ:

Inter tot plausus, quos terris omnibus una
Vox ciet, et Daunum concors ad sidera tollit
Adriacis Regina plagis sermone pedestrî
Musa venit, studioque Ducis temeraria, vellet
Adjungi numero; и т. д.

Вотъ начало *оды Маріи Терезіи*:

Qualis nivali vel Rhodope super,
Summove dorso fertilis Algidi
Tellure radices profunda
Supposuit Jove digna quercus; и т. д.

29. Въ тойже рукописи находится ничѣмъ не замѣчательная ода: *Rempublicam Belgii Foederati*, quae cum maritima sit, et maritimis praecipue polleat opibus, alloquitur sub allegoria navis occasione belli, quo petita est a Francis anno 17. . . Hortatur ad electionem Ducis, quem Belgae Stathalder dicunt, et simul ad concordiam, ex quibus illi deinde omnia prospera praecatur et praecinit. Начинается такъ:

O Navis referent in mare te novi
Fluctus: ecce iterum turbineâm impiger
Ventorum dominus sollicitat domum;
Hi facto velut agmine
Incumbunt pelago, pars vada fervidi
Imis concutiunt caerula sedibus,
Pars coelum agglomerant nubibus, et polis
Horrendo tonitru fremunt. etc.

30. Намъ остается сказать еще о двухъ стихотвореніяхъ о Наполеонѣ I:

1. *U hvalu Napoleona Velikoga* (Ркп. № 273, стр. 17).

Glasovit něko tač s'dobiti bojne jes
A neke čestit tač'služi mu sreća i čes;
I u miru tko vlada blaženo Dèržave
Razlikih naroda', koji ga svud slave.
Veliko ime taj steče rad krieposti
Kâ ne bi na sviet taj vîk s'takom mudrosti;
Darove dieli tim obilnom rukome
Slugami viernim svîm kê dari zlatome.
Po svietu ti slovi slobode cieć mile
Kû tužniem ponovi od robstva sred sile,
Nû Cesar Velji sad pritječe slavu svim,
Kô sunce siva kad zviezdami nad inim;
Er u sviem sve što se napose skupilo.
U njemu sad tò se sve u jedno slučilo.

2. *Bonaparte tentando di riparare alle perdite fatte nella Russia, coll'insidiosa riconciliazione con Pio Settimo, mette il colmo alle prporie sventure.* Sciolti (ркп. № 719)—представляетъ обратную сторону медали. Начинается такъ:

Già il fiier cosacco de terror sull'ali
Stragi, incendî menando, alte ruine,
La Vistola passò: lasso, confuso
E spettacol d'orror fino a se stesso
Gli fugge inanzi trafelando il Franco
Duce sconfitto, simile a bifolco,
Che, visti sotto all'indomabil furia
Di rigonfio torrente irne travolti
Il tugurio, l'ovil, la greggia, i campi,
Alto in suo cuor ne geme, e al minaccioso
Corno che arretro incalzalo ruggendo
Ratto si toglie, pallido, tremente
Scampo cercando alla diserta vita. etc.

Поэтъ оплакиваетъ паденіе своей родины и бѣдствія Далмаціи:

Di libertà, d'onore orrendo zelo
Ai già abbattuti manovinti figli

L'orsa in petto raccende: odi fracasso
Di sutterranei fulmini improvvisi,
. . . , ...
. . . . Gioventù infelice!
Chi non piange tuo fato? Ah! nô; del Cielo
Quivi pietà è il morir: si miserandi
Sovrastan casi a chi fuggío la morte.
. . . .
Povera Francia, sventurata Italia,
E tu Dalmazia mia, che pur si strema
Sei di cultori ti vedrai di nuovo
Dal sen stappar le più robuste braccia,
E le vietate vie, l'orme ancor calde
Del sangue de' fratelli, i figli tuoi
A premer torneranno. E qual v'accieca,
Popoli vili, d'un tiran già vinto
Fantasma di pietade, o di spavento,
Che da voi, da voi stessi non s'affretta
La pace, ch'ei ricusa ? . . . . и т. д.

Оканчивается изображеніемъ плачевной участи Наполеона:

. . . . da'sudditi deserto,
Odio del Cielo, obbrobrio delle genti,
Esul, ramingo, senza trono e tetto
Quell'uom si giace, spaventoso esempio
Ai secoli a venir di quel furore,
Onde anco in terra sovra i Rè tiranni
Suol vendicare i tradimenti Iddio.

Вотъ всѣ извѣстныя мнѣ историческія стихотворенія дубровницкихъ поэтовъ-современниковъ; позднѣйшихъ обработокъ историческихъ сюжетовъ много, но онѣ не принадлежатъ сюда.

2. *Сказанія иностранцевъ* о Дубровникѣ могутъ быть раздѣлены на три отдѣла:

a) *Сказанія византійцевъ.* Основатели Дубровника, епидавритане и салонитане, въ качествѣ подданныхъ Византіи, находились съ нею въ сношеніяхъ не только посредственныхъ, чрезъ византійскихъ префектовъ, но, по всей вѣроятности, и непосредственныхъ: нельзя предположить, чтобы они вовсе не посѣщали столицы имперіи, къ которой принадлежали. Съ III вѣка начинается

движеніе германскихъ и славянскихъ народовъ, которыхъ часто смѣшивали между собою византійскіе историки, въ области В. Р. И., и византійцы не могли оставаться равнодушны къ занятію ихъ владѣній варварами, захватывавшими одну провинцію за другою: появившись впервые въ Далмаціи въ III вѣкѣ, они въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ вѣковъ не разъ опустошаютъ ее, разрушаютъ города и въ началѣ VII вѣка, при Гераклiѣ, окончательно въ ней утверждаются. Жители главныхъ греческихъ городовъ Далмаціи, разрушенныхъ варварами, Салоны и Епидавра, основываютъ *Рагузу*, впослѣдствіи ославянившуюся и прозванную Дубровникомъ. Византія не была въ силахъ спасти отъ погрома варваровъ отдаленную Далмацію, греческіе жители которой, не смотря на то, не прерывали съ нею своихъ сношеній, какъ видно напр. изъ посольства дубровничанъ къ императору Василію въ 867 г. При непрерывности сношеній Далмаціи съ столицею имперіи, византійскіе историки могли получать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ этой области.

Первымъ изъ византійскихъ историковъ, сообщившихъ свѣдѣнія о Дубровникѣ, былъ Константинъ Порфирогеннетъ (905 — 959), слабохарактерный и неспособный императоръ, но плодовитый писатель. Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи *Объ управленіи имперіею* (De administrando imperio, φιλοπόνημα), написанномъ въ наставленіе его сыну Роману, онъ сообщаетъ драгоцѣнныя для насъ свѣдѣнія объ основаніи Дубровника епидавританами, о разрушеніи Салоны славянами и переселеніи салонитанъ въ Дубровникъ (Corpus Script. Hist. Byz. Const. Porphyr. De admin. Imp. v. III, c. 29, p. 127; cap. 30. p. 141 — 143); объ осадѣ Дубровника сарацинами въ 867 г., о посольствѣ дубровничанъ къ императору Василію Македонянину, о походѣ Патриція Никиты въ союзѣ съ далматинцами въ Италію и объ очищеніи Адріатики отъ сарацинскихъ пиратовъ (ibid. 130 — 131), и разрушеніи Епидавра (ibid. 136—137) славянами и о дани платимой дубровничанами захлумскому и требинскому банамъ (Cap. 33. p. 160). Извѣстія о нашествіи сарацинъ и походѣ въ Италію повторены Константиномъ Порфир. въ двухъ другихъ его сочиненіяхъ *Объ областяхъ римской имперіи* (De Thematibus, περὶ θεμάτων Lib. II, th. 11.

Русскій перев. М. 1858 стр. 30) и въ *Житіи и дѣяніяхъ Василія Македонянина* (ἱστορικὴ διήγησις τοῦ βίου καὶ τῶν πράξεων Βασιλείου τοῦ ἀοιδίμου βασιλέως стр. 38). Кромѣ свѣдѣній историческихъ, у Константина Порфир. есть также свѣдѣнія географическія о городахъ и островахъ, впослѣдствіи вошедшихъ въ составъ дубровницкой республики, съ этимологическимъ объясненіемъ названій нѣкоторыхъ изъ нихъ; такъ *Рагуза* происходитъ отъ λαῦ, praecipitium, Λαουσαίοι зн. praecipitium insidentes, *Конавле* значитъ будтобы по славянски ἁμαξία и т. п. Пристрастіе къ корнесловію обще Порфирогеннету съ другими византійскими историками.

Свѣдѣнія о Дубровникѣ могъ получить Константинъ Порфир. отъ самихъ дубровничанъ, посѣщавшихъ Константинополь и пользовавшихся особымъ покровительствомъ византійскихъ императоровъ (вспомнимъ, что Василій и Константинъ подтвердили въ 980 г. *старыя* привилегіи дубровничанъ): со словъ ихъ онъ записалъ преданіе объ основаніи Дубровника, сходное съ внесеннымъ въ дубровницкія лѣтописи; отъ нихъ онъ могъ узнать и о положеніи Дубровника и о дани, которую онъ платилъ захлумскому и требинскому банамъ за пользованіе ихъ землями: эти свѣдѣнія, на столько же положительныя и опредѣленныя, насколько теменъ разсказъ объ основаніи Дубровника, носятъ на себѣ отпечатокъ современности. Такоюже опредѣленностью и отчетливостью отличается разсказъ Порфирогеннета о посольствѣ дубровничанъ къ Василію Македонянину и о походѣ противъ сарацинъ; но здѣсь можно предположить другой источникъ — *византійскій*: Константинъ Порфирогеннетъ, спеціально интересовавшійся дѣяніями Василія Македонянина, описанными имъ въ особомъ сочиненіи, воспользовался, вѣроятно, не только устными преданіями, но и *письменными памятниками*, архивными дѣлами. Сказаннаго достаточно для опредѣленія *степени достовѣрности* повѣствованія Константина Порфир. о Дубровникѣ. (*О Константинѣ Порфир.* и его *сказаніяхъ о славянахъ* см. мою диссертацію: *Сказанія иностранцевъ* (VI—X в.) *о бытѣ и нравахъ славянъ*. Спб. 1861. стр. 23—28).

Сказаніе Константина Порфирогеннета о посольствѣ дубровничанъ къ императору Василію Македонянину и о походѣ противъ

сарацинъ повторилъ Георгій Кедринъ (1185—1195) въ своихъ *Лѣтописяхъ* (Σύνοψις ἱστοριῶν. Corpus Scriptor. Histor. Byzant. ed. Bonnae 218 sqq.). Лѣтописи Кедрина составлены большею частію по предшествовавшимъ ему историкамъ, изъ коихъ на нѣкоторыхъ онъ самъ указываетъ въ предисловіи (ed. Bonn. 3—6); заимствованія изъ Льва Дьякона указалъ Газе (Praef. ad Leon. Diacon. ed. Bonn. XXI, XXIII. Notae p. 404, 428, 484, 512 . . .); сказаніе о Дубровникѣ взято цѣликомъ изъ Константина Порфир. безъ всякихъ прибавленій, а потому мы не считаемъ нужнымъ останавливаться долѣе на Кедринѣ, въ лѣтописяхъ котораго имѣются однако свѣдѣнія о славянахъ, неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ (*Guillelmi Xylandari* Augustini in Georgii Cedrini Annales Praefatio Heidelbargae 1565. Ed. Bonn.XI—XVIII).

Тоже самое сказаніе Константина Порфир.—объ осадѣ Дубровника сарацинами и о походѣ въ Италію повторилъ еще раньше Кедрина, но только въ сокращенномъ видѣ, аѳонскій монахъ Іоаннъ Зонара (1118 г.) въ своихъ *Лѣтописяхъ*, доведенныхъ до смерти Алексія Комнена (Ιωάννου τοῦ Ζωναρα χρόνικον. Parisiis 1686. p. 169—170.).

Аѳинянинъ Лаоникій Халкондила, занимавшій сначала довольно важный гражданскій постъ въ Константинополѣ, а потомъ вступившій въ аѳонскій монастырь, оставилъ въ сочиненіи своемъ *О турецкихъ дѣлахъ* 1298—1463 г. (De rebus Turcicis, Λαονικου Χαλκονδιλου Αθηναιου ἀποδείξεις ἱστοριῶν δέκα. Ed. Bonn. p. 539—542) любопытное сказаніе о войнѣ Сандала Гранича съ дубровничанами въ 1463 г. за то, что они дали убѣжище у себя его женѣ и сыну; при этомъ онъ говоритъ о мѣстоположеніи Дубровника, объ его богатствѣ, нажитомъ торговлею, о великолѣпіи дубровницкихъ построекъ, хвалитъ его законы и благоразуміе жителей. Сказаніе Халкондилы, который могъ получать свѣдѣнія о Дубровникѣ отъ его купцовъ, пользовавшихся при послѣднихъ Палеологахъ большими привилегіями, часто посѣщавшихъ Константинополь и имѣвшихъ въ немъ своего консула, не можетъ быть заподозрѣно въ недобросовѣстности или обличать въ авторѣ незнаніе дѣла: сказаніе Халкондилы согласно съ другими источниками и не заключаетъ ничего имъ противорѣчащаго.

β. *Сказанія арабскихъ географовъ.* Изъ нихъ мнѣ извѣстны только:

1. Сказанія Абу-Абдаллахъ-Магомеда, по прозванію *Аль-Эдриссп*, посѣтившаго въ 1154 году Сицилію и написавшаго для короля Рожера II географическое сочиненіе: *Забава любителя, странствующаго по разнымъ краямъ земли.* Въ этомъ сочиненіи, написанномъ по разсказамъ путешественниковъ и по собственнымъ наблюденіямъ автора, говорится, что *Рагорза* (Рагуза), находящаяся на краю Кроаціи, населена далматинцами и что ея жители, храбрые и мужественные, имѣютъ военный флотъ (Géographie d'Edryssy trad. par. *Jobert*. О жизни Эдриси см. *Reinaud*, Géographie d'Aboulféda t. I.).

2. Сказанія *Якута*, Абдаллахова сына, по прозванію Шихабъ-Эддина, книжнаго торговца и путешественника († 1229), сообщающаго въ своемъ «Словарѣ мѣстъ» о славянскихъ поселеніяхъ на островѣ Сициліи. «Есть также въ Сициліи мѣсто,» говоритъ Якутъ, «называемое *Саклабъ* и *Харретъ-усъ-Сакалибе* (пригородъ или улица славянъ)». Этотъ *славянскій пригородъ* составлялъ, по словамъ тогоже географа, *многолюднѣйшую* и *важнѣйшую* часть столицы Палермо: «въ немъ находится *гавань* и источники текучей воды». Въ кварталѣ *Ибнъ-Саклабъ* (сынъ славянина), по словамъ Якута, помѣщалась *большая часть рынковъ* (*Reinaud*, t. I. *Charmoy*, Rélations de Madsoudy etc. въ Mémoires de l'Académie des sciences de SPb. 1833. VI série. Sciences politiques t. 2. livr. 4. и *Frähn*, Ibn-Foszlans Berichte u s. w. SPb. 1823.).

Итакъ это были *торговыя* поселенія славянъ, — но какихъ именно? Зная, что дубровничане съ IX вѣка находились въ сношеніяхъ съ южною Италіею, гдѣ получили въ XII вѣкѣ право гражданства; зная, что это былъ по преимуществу торговый народъ, что они повсюду заводили свои факторіи и что доселѣ существуетъ въ Сициліи городъ *Рагуза*, я не сомнѣваюсь, что подъ славянскими поселеніями у Якута должно разумѣть *дубровницкія*.

γ) *Западно-европейскія сказанія* о Дубровникѣ, за исключеніемъ венеціанскихъ, совершенно еще неизвѣстны ученому міру; а между тѣмъ, по давности и обширности сношеній дубровничанъ съ итальянцами, испанцами, французами и англичанами, слѣдуетъ

предполагать, что въ литературахъ этихъ народовъ найдутся со временемъ болѣе или менѣе подробныя сказанія о Дубровникѣ. Мои поиски въ испанской литературѣ не увѣнчались доселѣ никакимъ успѣхомъ: просмотрѣнные мною нѣкоторые испанскіе историки XVI—XVII в. (Morales, Mariana, Antonio de Herrera, Mendosa и нѣк. др.) не говорятъ ничего о Дубровникѣ, хотя дубровничане участвовали въ то время во всѣхъ войнахъ Испаніи въ Африкѣ, Европѣ и Америкѣ. Время не позволяетъ мнѣ продолжать мои поиски, и я долженъ пока ограничиться извѣстными мнѣ *венеціанскими сказаніями*, болѣе другихъ важными для исторіи Дубровника. Считаю нужнымъ напомнить предварительно читателю, что Венеція постоянно предъявляла притязанія на господство въ Дубровникѣ, подкрѣпляя эти притязанія между прочимъ ссылками на исторію, которую преднамѣренно искажали ея писатели; въ позднѣйшее время, когда эти притязанія устарѣли и не могли болѣе имѣть мѣста, замѣчается въ венеціанскихъ историкахъ застарѣвшая ненависть къ Дубровнику, который они стараются чернить при всякомъ удобномъ случаѣ. Печатая въ приложеніи къ настоящимъ изслѣдованіямъ разсужденіе Себ. Дольчи, «Libertas perpetua Ragusina», въ которомъ онъ подробно разбираетъ сказанія венеціанцевъ о Дубровникѣ, я ограничусь краткими по этому премету указаніями.

1. Венеціанскій дожъ, Андрей Дандоло (до 1354 г.), въ своей *Chronicon Venetum a Pontificatu S. Marci ad annum usque 1339*, изданной Муратори въ XII томѣ Scriptor. rerum Italicarum (Mediolani 1728), говоритъ объ отношеніяхъ Дубровника къ Венеціи въ XII—XIII в.: въ XXIV части 15-ой гл. IX кн. (стр. 294) Дандоло разсказываетъ о возмущеніи Дубровника противъ Венеціи въ 16-й годъ правленія Витале Микеле, объ усмиреніи его силою и о возвращеніи дубровничанъ подъ власть Венеціи (1156+16=1182): все это выдумано Дандоло, ибо извѣстно изъ другихъ источниковъ, что Дубровникъ только въ 1204 году, по изгнаніи Даміана Іуды, обратился къ Венеціи съ просьбою прислать имъ своего графа, какъ объ этомъ было говорено выше. Какъ понимать слова Дандоло о возмущеніяхъ Дубровника противъ Венеціи въ 1232 году при дожѣ Яковѣ Теуполо (Lib. X, Cap. V, pars IX, p. 347) и въ 1251 году при Марино Мавро-

чено (ib. cap. VI, p. VI, p. 360), читатель самъ усмотритъ изъ сказаннаго нами выше о венеціанскомъ вліяніи въ Дубровникѣ (стр. 164—168). Болѣе можно довѣрять свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Дандоло о нападеніи короля Рассіи на Дубровникъ при дожѣ Яковѣ Контарино (1275 г. ib. cap. IX, p. 391) и о защитѣ Дубровника венеціанцами: свѣдѣнія эти согласны съ другими источниками, съ которыми разнятся только въ показаніи года. У Дондоло же есть свидѣтельство о томъ, что Дубровникъ, въ числѣ другихъ городовъ Далмаціи, призналъ надъ собою власть (*subjugatur*, вѣрнѣе: покровительство) византійскаго императора Эммануила Комнена (Lib. IX, cap. XV, pars XIX, p. 292).

2. Марино Санудо, въ своемъ *Дневникѣ* 1496—1533 г., отрывки изъ котораго изданы Кукулевичемъ въ V и VI кн. Архива юго-славянской исторіи (Rapporti della Republica Veneta coi Slavi Meridionali), сообщаетъ не только свѣдѣнія о сношеніяхъ Дубровника съ Венеціею, но и акты, сюда относящіеся (V: стр. 45, 122; VI, 226, 227, 246, 247, 260—262, 270, 347, 348, 356, 374, 376, 389, 399, 400, 401, 409, 435 и 459). Дневникъ Марино Санудо, отличающійся простотою изложенія фактовъ и тѣмъ имѣющій преимущество предъ венеціанскими исторіями, не представляетъ по своему содержанію особой для насъ важности.

3. *Luca di Linda*, въ изданномъ имъ въ Венеціи въ 1664 году и посвященномъ Эрц-герцогу Фердинанду-Карлу сочиненіи «Le relationi et descritioni universali et particolari del Mondo», сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи Дубровника въ его время, объ отношеніяхъ его къ Турціи, объ управленіи и о правахъ и обычаяхъ дубровничанъ (Della Republica di Ragusa p. 640—643); разсказъ его отличается рѣдкимъ у венеціанскихъ писателей безпристрастіемъ.

4. Сенаторъ Михаилъ Фоскарини, *въ исторіи Венеціи 1669—1690* (Historia della Republica Veneta. Venetia. Per Combi et La Noù. MDCXCVI. Посвящена дожу Франциску Морозини), говоритъ о вступленіи Дубровника въ 1687 году подъ покровительство австрійскаго императора, изъ опасенія близкаго сосѣдства съ венеціанцами, занявшими Кастель-Ново (кн. VI, стр. 345—346).

5. О томъ же самомъ предметѣ мы имѣемъ болѣе обстоятельное сказаніе сенатора Петра Гарцони (Istoria della Republica di Venecia in tempo della Sacra lega contro Maometto IV e tre suoi Successori Gran-Sultani di Turchi. 4-ta impress. Venezia appresso Giov. Manfré. MDCCXX. въ 2-хъ частяхъ, изъ коихъ первая, изданная въ 1705 г. и посвященная дожу Лудовику Мочениго, повѣствуетъ о событіяхъ 1661—1700 г., а вторая, изданная сначала въ 1715 г., а потомъ въ 1719 г. и посвященная дожу Ив. Корнаро, описываетъ событія 1685—1714 г.): онъ говоритъ, что дубровничане, испуганные занятіемъ венеціанцами Кастель-Нова, Зубцевъ и Царины, обратились къ императору Леопольду съ просьбою о покровительствѣ и въ тоже время сносились съ турками во вредъ Венеціи, что было причиною разрыва между двумя соперничествовавшими республиками, разрыва, окончившагося, при посредствѣ австрійскаго двора, ихъ примиреніемъ (т. I, кн. XII стр. 567—578). Кромѣ того у Гарцони есть еще любопытный разсказъ о сношеніяхъ дубровничанъ съ турками-дульциньотами въ 1696 г., имѣвшихъ цѣлью предупредить ихъ объ отправленіи Венеціею флота для блокированія Дульциньо (т. I, кн. XII, стр. 681). Гарцони, подобно Фоскарини, сообщая не подлежащіе сомнѣнію факты, старается выставить Дубровникъ въ самомъ неблагопріятномъ видѣ.

Вотъ всѣ извѣстныя мнѣ сказанія венеціанцевъ-современниковъ о Дубровникѣ: быть можетъ, и весьма вѣроятно, найдутся еще другія, которыхъ въ настоящее время я не знаю. Сюда не относятся историки-компиляторы, каковъ напр. Сабеллико, авторъ хроникъ съ основанія Венеціи до конца XV вѣка (Marco Antonio Sabelico, Chroniche che tractano dela origine de Venetia e del principio dela cita e de tutte le guerre etc. безъ означенія года и мѣста изданія), повторившій свѣдѣнія, сообщенныя Дандоло и другими историками, коихъ онъ не называетъ, объ отношеніяхъ Дубровника къ Венеціи со временъ дожа Urseolo (Decha prima, libro IV, p. XXXII; ib. libro VII, p. LIV; ib. libro VIII, p. LXVI; ib. libro X, p. LXXXII; Decha II, libro III, p. CIX). Гораздо важнѣе для насъ *Генеалогіи венеціанскихъ патрицієвъ*, въ числѣ коихъ были и дубровничане (напр. *Ragogio* и *Renier*. См. Ilirske porodice u Mletačkom plemstvu. *Arkiv za povestnicu jugosla-*

vensku. kn. I, 1851, стр. 50). Изъ такихъ генеалогій мнѣ извѣстна одна, въ которой говорится впрочемъ только о фамиліи Реньеръ (Pars I, p. 23): *Famiglie patrizie venete*, divise in tre classi, la prima di quelle che compongono la Patrizia Nobiltà Veneta, e che esistono, ed anno Domicilio in Venecia;—la seconda, di quelle che esistevano prima del serrar del Maggior Consiglio e che dapoi s'estinsero;—la terza, di tutte le Sovrane, Pontificie, e Principesche, agregate alla medesima Nobiltà (упоминается: *Cernovicchio* P. II, 45, *Cosazza* ib. 47). Il tutto ristrettamente cavato da una Cronaca Manoscritta in 4 vol. inf° reale, esistente nella pubblica Libreria di Venezia. (In Venezia 1774. presso Giuseppe Bettinelli).

Примѣчаніе. Сказаніе о Дубровникѣ падуанца Палладія Фуска половины XV в. (*Palladii Fusci Patavini De situ orae Illyrici* apud Lucium p. 454) приведено нами въ своемъ мѣстѣ. Что же касается до Діоклейца (*Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum* въ прилож. къ Лучичу 28—302), то онъ представляетъ весьма мутный источникъ: смѣшеніе сказаній дубровницкихъ лѣтописей съ византійскими (толкованіе Константина Порф. слова Рагуза стр. 292) заставляетъ сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи Діоклейца, а разсказъ о сожженіи Дубровника Самуиломъ Болгарскимъ (стр. 295) и о завоеваніи Дубровника и построеніи въ немъ замка Бодиномъ (стр. 300) доказываетъ, что сочинитель небрежно читалъ дубровницкія лѣтописи и не былъ хорошо знакомъ съ мѣстностью. Басня же о томъ, что епидавритане до прихода Павлиміра скитались по горамъ и лѣсамъ, принадлежитъ фантазіи автора.— Лучичь (Ioannis Lucii De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex. Amstelodami apud Ioan. Blaev. 1668) не принадлежитъ сюда: разсказъ объ осадѣ Дубровника сарацинами 867 г. (lib. I. cap. XIV, p. 40) взятъ изъ Кедрина, гл. Quomodo Dalmatae Venetorum tutelam consecuti sint (lib. II, cap. IV, p. 69—73) изложена по Дандоло и Сабелико. Собственно Лучичу принадлежитъ только сообщеніе молитвы за дожа венеціанскаго (lib. II, cap. VI, p. 75) и письма венгерской королевы Маріи къ дубровничанамъ 1383 г. (lib. V, cap. III, pp. 256—257).

ГЛАВА III.

Мы разсмотрѣли всѣ извѣстные намъ, большею частію неизданные, источники дубровницкой исторіи. Считаемъ умѣстнымъ сказать еще нѣсколько словъ объ ученой ея обработкѣ.

1. Гебгарди, въ своей *Geschichte von Ungarn* (Leipzig 1781, Bd. III, ss. 803—866), представилъ первый опытъ ученой обработки дубровницкой исторіи; но трудъ его не имѣетъ въ наше время никакого научнаго значенія: изъ всей исторической литературы Дубровника Гебгарди знаетъ только сочиненія Туберона и Луккарича, которымъ вполнѣ довѣряетъ, какъ почти единственному своему источнику; только послѣднія страницы его историческаго очерка Дубровника, повѣствующія о событіяхъ 1667—1763 г., представляютъ самостоятельный его трудъ: свѣдѣнія, весьма скудныя, объ этомъ періодѣ дубровницкой исторіи, заимствованы Гебгарди изъ какого-то мутнаго источника, на кототорый онъ не указываетъ: сравнивая повѣствованіе Гебгарди съ дошедшими до насъ мемуарами дубровничанъ эпохи упадка Республики, мы убѣждаемся, что въ немъ мало исторической правды. Вотъ почему мы считаемъ излишнимъ останавливаться съ большею подробностію на сочиненіи Гебгарди.

2. Большою, хотя незаслуженною, извѣстностію пользуется у насъ сочиненіе Ф. М. Аппендини, *Notizie istorico-critiche sulle antichità, storia e letteratura de' Ragusei* (Ragusa 1803. 2 vol.) Піаристъ Ф. М. Аппендини [1]), призванный изъ Венеціи въ Дубровникъ для воспитанія юношества, задумалъ написать для него исторію дубровницкой республики по имѣвшимся у него подъ руками пособіямъ и въ тоже время снискать расположеніе сенаторовъ дубровницкихъ прославленіемъ доблестей ихъ предковъ, поставляе-

[1]) Біографія его написана А. Казначичемъ, *Sulla vita e sulle opere di F. M. Appendini.* Ragusa 1838.

мыхъ имъ въ назиданіе молодому поколѣнію: эта двойственность въ направленіи Аппендини ясно отразилась на всемъ его сочиненіи—съ одной стороны онъ преслѣдуетъ будтобы только пользу юношества, ввѣреннаго его попеченію, и вслѣдствіе этого—весьма скромныя его заявленія объ его трудѣ,—тогда какъ съ другой стороны у него проявляются совершенно иныя замашки—уронить въ глазахъ читателей всю историческую литературу Дубровника и возвысить себя. «Gli scritti di questi letterati (Tuberone, Orbini, Luccari, Ragnina, Razzi, Resti, Banduri, Giorgi, Cerva, Dolci) essendo o mancanti di ordine e di buona critica, o non pigliando di mira, che soggetti distaccati e partiali di antichità e di storia etc»: изъ этихъ словъ Аппендини видна цѣль его—доказать, что до него Дубровникъ не имѣлъ еще удовлетворительной исторіи и что этотъ недостатокъ онъ восполняетъ своимъ трудомъ. Съ другой стороны, когда коснется только дѣло—указать на источники, изъ которыхъ онъ извлекаетъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія, онъ отговаривается или тѣмъ, что эти источники и пособія дубровничанамъ общеизвѣстны, а иностранцамъ не доступны, а потому и перечислять ихъ онъ считаетъ излишнимъ, или же совершенно уклоняется отъ всякой критики, заявляя, что онъ пишетъ не ученое сочиненіе, а руководство для юношества. Итакъ, какъ же смотрѣть на эти «Notizie storico-critiche»,—какъ на самостоятельный ученый трудъ или же какъ на простую компиляцію для школъ? Указывая на недостатокъ системы и критики у своихъ предшественниковъ, на отсутствіе у нихъ филологическаго направленія, на разработку ими только отдѣльныхъ вопросовъ древностей и исторіи Дубровника, Аппендини предлагаетъ читателю свои «Историко-критическія свѣдѣнія о древностяхъ, исторіи и литературѣ дубровничанъ», соединивъ так. обр. въ одномъ сочиненіи критическую разработку древностей, исторіи и литературы. Съ перваго взгляда, особенно же послѣ заявленій самого Аппендини, всякому покажется, что Notizie istorico-critiche—трудъ самостоятельный и оригинальный; на оригинальность больше всего бьетъ авторъ; но въ чемъ же состоитъ эта оригинальность?

Во 1-хъ, въ его филологическомъ направленіи. На стр. IX Аппендини говоритъ какъ легко дался ему, итальянцу, сербскій языкъ: въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ изучилъ его до такой степени,

что могъ свободно читать дубровницкихъ поэтовъ! [1]) Изученіе сербскаго языка привело его, какъ онъ заявляетъ на стр. X, къ тому убѣжденію, что славянскій языкъ есть праотецъ языковъ греческаго, латинскаго и нѣмецкаго, и эту идею онъ намѣренъ былъ провести въ своемъ большомъ сочиненіи «о происхожденіи языковъ и народовъ Европы»; но, въ ожиданіи мецената, который взялся бы издать это сочиненіе, онъ счелъ не безполезнымъ, а по своей должности необходимымъ, напечатать трудъ свой о Дубровникѣ, дабы подготовить Европу къ воспріятію его великой идеи, долженствовавшей произвести переворотъ въ наукѣ.

Во 2-хъ, Аппендини заявляетъ свою оригинальность въ вопросѣ о времени учрежденія въ Дубровникѣ епископской каѳедры и о томъ, что, по разрушеніи Салоны, Дубровникъ былъ единственною митрополіею Далмаціи и зависилъ только отъ папы: Аппендини, вопреки Червѣ и Колети, относитъ учрежденіе дубровницкой епархіи ко временамъ папы Захарія, къ 741 г. Но на повѣрку оказывается, что это мнѣніе Аппендини также оригинально и самостоятельно, какъ и его филологическая система: съ самымъ безстыднымъ самохвальствомъ онъ приписываетъ себѣ труды Джорджича и Милетича, къ которому поэтому особенно благоволитъ. Вотъ до какой степени былъ самостоятеленъ и оригиналенъ Аппендини въ наиоригинальнѣйшей части своей книги; чтоже касается до другихъ вопросовъ, то въ рѣшеніи ихъ онъ уже нѣсколько скромнѣе, хотя и не показываетъ, по принятому имъ правилу, откуда что̀ заимствовалъ. На сколько мнѣ позволяетъ мое знакомство съ дубровницкими историками, я могу замѣтить, что̀ все разсужденіе объ Епидаврѣ заимствовано у Джорджича, о независимости Дубровника отъ Венеціи у Червы, Колети, Растича, Туберона и Петра Стуллича, матеріалами коего, по собственному сознанію, онъ не мало воспользовался, — о законодательствѣ у Червы, Луккарича и Матвѣя Бенессы, историческій очеркъ Дубровника написанъ преимущественно по Растичу съ дополненіями изъ Луккарича и

---

[1]) По словамъ людей, помнящихъ еще Аппендини, его познанія въ сербскомъ языкѣ были весьма ограничены. Напечатанный въ его книгѣ итальянскій переводъ отрывковъ изъ дубровницкихъ поэтовъ принадлежитъ не ему, а другимъ лицамъ, на которыхъ онъ иногда указываетъ, а «Сербская грамматика» похищена имъ, по увѣренію Мартеккини, у его дяди Стуллича.

нѣк. друг.; наконецъ весь II-ой томъ, за весьма малыми исключеніями, составленъ по Джорджичу, Червѣ, Г. Басичу и Дольчи, съ трудами которыхъ я могъ справиться, а также по Амвр. Раньинѣ, Берн. Гетальдичу и Амвр. Гучетичу (Gozze), трудами коихъ, до насъ не дошедшими, онъ пользовался, по собственнымъ его словамъ (II, 5). При этомъ замѣчу, что не только матеріалы для біографій, но даже отзывы о писателяхъ и государственныхъ людяхъ заимствованы Аппендини у его предшественниковъ, особенно Червы и Дольчи, хотя онъ и говоритъ, что мнѣніе свое онъ основываетъ на изученіи произведеній, а не на отзывахъ писателей.

Въ 3-ихъ оригиналенъ Аппендини въ системѣ изложенія: онъ обѣщаетъ строго-ученую систему, а выходитъ, по крайней мѣрѣ въ I-мъ томѣ, страшная путаница, отсутствіе всякой системы: I-й томъ представляетъ собраніе отдѣльныхъ монографій объ Епидаврѣ, объ исторіи дубровницкой церкви, о законахъ и правахъ, о торговлѣ и наконецъ краткій историческій очеркъ: системы я не вижу ни какой, потому что нѣтъ общей путеводной идеи. Что касается II-го тома, то въ немъ изложеніе толковѣе, хотя и здѣсь нѣтъ строго-научной системы, такъ какъ за историками и антикваріями слѣдуютъ государственные дѣятели, за ними поэты и прозаики, писавшіе по-латыни, по-итальянски и по сербски, и наконецъ великіе люди, посѣщавшіе Дубровникъ. Гдѣ же эта строго-научная система, которой нѣтъ у предшественниковъ Аппендини и которую онъ обѣщаетъ въ своемъ предисловіи? Рѣшительно не вижу.

«Notizie istorico-critiche» представляютъ сборникъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о Дубровникѣ, заимствованныхъ у лучшихъ историковъ и въ этомъ заключается все ихъ достоинство. Книга Аппендини составляетъ необходимое пособіе для всякаго, изучающаго исторію Дубровника уже потому, что нѣкоторыя изъ дубровницкихъ сочиненій, которыми онъ пользовался, до насъ не дошли.

3. Трудомъ Аппендини первый воспользовался Энгель, для своей *Geschichte des Freystaates Ragusa*. Wien 1807. Достоинство ея состоитъ въ строго-систематическомъ изложеніи главныхъ фактовъ дубровницкой исторіи, и въ этомъ отношеніи это един-

ственное въ своемъ родѣ сочиненіе. Энгель, со свойственною нѣмецкимъ ученымъ способностію къ систематизаціи, умѣлъ подмѣтить главныя явленія въ исторіи Дубровника и по нимъ раздѣлить ее на періоды: 1) Ragusanische Vorwelt 2473 г. до PX.—656 по Р. Х., 2) Дубровникъ подъ покровительствомъ сербскимъ и византійскимъ 656—1204 г. 3) Д. п. п. Венеціи 1204—1357, 4) Д. п. п. Венгріи 1357—1527 и 5) Д. п. п. Турціи 1527—1806. Касательно такого раздѣленія на періоды я замѣчу только, что *подъ сербскимъ покровительствомъ* Дубровникъ никогда не былъ, а находился 1172—1192 г. *подъ покровительствомъ сицилійскихъ королей*, что не принялъ Энгель въ соображеніе при обозначеніи періодовъ. Изложенію дубровницкой исторіи предшествуетъ *Введеніе: предварительныя свѣдѣнія объ исторической литературѣ Дубровника.* Въ I отдѣлѣ говорится объ *источникахъ* (Quellscriftsteller) по большой части на основаніи Аппендини и Дольчи; самъ авторъ зналъ только Tuberone, Razzi и Luccari. Во II-мъ отдѣлѣ—*иностранные изслѣдователи дубровницкой исторіи* (Ausländ. Bearbeiter der Ragusan. Gesch.): Гебгарди и Аппендини. Въ III отдѣлѣ упоминается о книгахъ, въ которыхъ встрѣчаются свѣдѣнія объ исторіи Дубровника: Колети, Воткинсъ и нѣк. др. При книгѣ 13 приложеній, изъ коихъ для насъ важны: 9-ое объ аудіенціи дубровницкихъ пословъ въ Константинополѣ въ 1804г.—разсказъ очевидца, 11-ое Дневникъ путешествія дубровницкихъ пословъ въ Константинополь въ 1792 г., сообщенный Энгелю австрійскимъ консуломъ въ Ливорно, Раячевичемъ, и 12-ое Договоръ Дубровника съ Леопольдомъ I 1684 г.; остальныя же приложенія были прежде изданы: 1-ое и 3—7 *Бернардомъ Нани* (De duobus Imperatorum Rassiae nummis 1752), 2-ое и 10 Сер. Рацци (Storia di Raugia) и 8-ое Аппендини; наконецъ въ 13-мъ приложеніи находимъ описаніе нѣсколькихъ дубровницкихъ монетъ изъ вѣнскаго мюнцкабинета. При книгѣ приложены изображеніе Дубровника и двухъ монетъ.

На сочиненіе Энгеля нельзя смотрѣть, *какъ на ученый трудъ*, хотя онъ и говоритъ въ предисловіи, что пишетъ не компиляцію, а «eine *aus neuen* in der deutchen litter. Welt *unbenutzten Quellen* geschöpfte ächte Darstellung der merkwürdigeren Bege-

benheiten Ragusa's (III—IV)». Источники, которыми онъ первый изъ нѣмцевъ воспользовался, суть: Tuberone, Razzi, Coleti и Appendini и двѣ-три рукописи, сообщенныя ему Раячевичемъ и графомъ Аялою, бывшимъ долгое время дубровницкимъ посланникомъ въ Вѣнѣ; Луккаричь, изъ котораго онъ также много извлекъ, былъ извѣстенъ Гебгарди; кромѣ того, онъ пользовался Лучичемъ (Lucius), діоклейскимъ пресвитеромъ и венеціанскими историками. Источниковъ въ собственномъ смыслѣ слова, лѣтописей и актовъ, онъ, какъ самъ сознается, не могъ имѣть. Единственную самостоятельную и поэтому важную для насъ въ исторіи Энгеля часть составляетъ описаніе событій, совершившихся на его глазахъ, конца XVIII и начала XIX-го столѣтія: свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ онъ могъ получить отъ графа Аялы и Раячевича.

4. Въ тридцатыхъ годахъ *Eusèbe Salvèrte* издалъ въ Парижѣ любопытное сочиненіе: *De la civilisation: Venise et Raguse.* Онъ сравниваетъ цивилизацію венеціанскую съ дубровницкою и во многомъ отдаетъ предпочтеніе послѣдней. Сочиненіе это, оригинальное по мысли, а не по содержанію, вызвало произведеніе *Герцога Антонія Сорго: Fragments sur l'histoire politique et littéraire de l'ancienne République de Raguse et sur la langue Slave.* Paris 1839. Это — послѣднее историческое сочиненіе дубровничанина временъ Республики. Герцогъ Антоній Сорго былъ сенаторомъ и послѣднимъ посланникомъ своей Республики въ Парижѣ: онъ присутствовалъ при послѣдней ея агоніи, употреблялъ всѣ усиліи спасти ее и, не успѣвъ въ этомъ, рѣшился сказать ей послѣднее слово надгробное. Его *Origine et chute de l'ancienne République de Raguse* запечатлѣно раздирающею сердце грустью о паденіи Республики. Въ немъ есть драгоцѣнныя свѣдѣнія, важность которыхъ увеличивается тѣмъ, что сообщены лицемъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Республики въ эпоху ея паденія; впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что Сорго иногда увлекается и, желая оправдать Республику, говоритъ неправду о другихъ, какъ это было уже мною замѣчено въ статьѣ о сношеніяхъ Россіи съ Раг. Респ. стр. 23. Въ двухъ другихъ статьяхъ, *Sur la ville de Raguse* и *Lettre à Mr. Eusèbe Salvèrte,* Сорго представляетъ краткій очеркъ исторіи дубровницкой образованности.

5. Матвѣя Бана, Zèrcalo povèstnice Dubrovačke въ альманахѣ: *Dubrovnik*: cvèt narodnoga knjižtva 1849—1852: четыре статьи, посвященныя исторіи дубровницкой образованности: ученыхъ достоинствъ онѣ не имѣютъ, а представляютъ сводъ того, что уже извѣстно изъ другихъ сочиненій по этому предмету— дубровницкихъ и иностранныхъ; цѣлью автора было пробудить въ сербахъ воспоминаніе о славныхъ дняхъ его родины и сдѣлать ее снова центромъ литературнаго движенія на славянскомъ югѣ: это было въ 1848 году, въ эпоху пробужденія славянскихъ народностей въ Австріи, пробужденія, отозвавшагося и въ Дубровникѣ, гдѣ въ то время образовался литературный кружокъ изъ братьевъ Пуцичей, Казначича, Водопича, Свиловича и братьевъ Бановъ, кружокъ, издававшій альманахъ *Дубровникъ* и политическую газету *L'avvenire* съ литературными еженедѣльными прибавленіями *La settimana*; чрезъ посредство перваго, издатели дѣйствовали на сербовъ, а чрезъ вторыя на итальянцевъ и поитальянившихся далматинцевъ.

6. Несравненно выше всѣхъ предъидущихъ сочиненій стоитъ трудъ А. Майкова, *Исторія сербскаго языка* по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. М. 1857 г., въ 1 гл. I части котораго представленъ историческій очеркъ Дубровника. Считая неумѣстнымъ говорить здѣсь о научномъ значеніи труда г. Майкова вообще, мы остановимся только на первой главѣ его диссертаціи, посвященной исторіи Дубровника. *Главнымъ основаніемъ и источникомъ* служили автору, по собственнымъ его словамъ, *памятники, писанные кирилицею*; но онъ пользовался и *другими источниками тамъ, гдѣ связь грамотъ прервана или гдѣ самихъ грамотъ недостаточно для объясненія лицъ и событій въ нихъ встрѣчающихся.* (стр. 59). Главный источникъ автора грамоты, изданные Твртковичемъ и Шафарикомъ,—пополнился въ настоящее время сборниками Пуцича и Миклошича, вышедшими въ свѣтъ одновременно или нѣсколько позднѣе сочиненія г. Майкова. Что касается до *другихъ источниковъ*, которыми пользовался нашъ ученый, то они состояли по преимуществу изъ сочиненій Аппендини и Энгеля, которыя онъ дополняетъ свѣдѣніями, заимствованными у Луккарича, Орбинича (въ русскомъ

переводѣ), Туберона, Ранча (по Орбиничу) и Лучича; если къ этому добавить *статутъ Млѣта*, изданный Баномъ, *статутъ Крька*, *винодольскій законникъ*, *Душановъ законникъ*, изслѣдованіе Рейца и статью о дубровницкомъ законодательствѣ Бана, то мы исчерпаемъ всѣ имѣвшіеся у автора источники. Но *достаточны ли эти источники* для удовлетворительнаго рѣшенія предложенной себѣ авторомъ задачи? Главными изъ второстепенныхъ источниковъ были для г. Майкова: Аппендини и Энгель. Въ большей части случаевъ онъ ограничивается однимъ Аппендини, которому вѣритъ на слово, что онъ пользовался *всѣми* предъидущими историками и притомъ пользовался *весьма осторожно* (стр. 80, прим.); еслибы г. Майковъ имѣлъ возможность сравнить Аппендини съ предшествовавшими ему историками, то, конечно, не отозвался бы о немъ такъ выгодно. Непонятно, какимъ образомъ авторъ могъ въ одномъ мѣстѣ (l. c.) назвать Энгеля *простымъ компиляторомъ*, а въ другомъ говорить объ его *разысканіяхъ* (стр. 88)! И Аппендини, и Энгель, какъ мы видѣли, *компиляторы*, и довѣрять имъ не слѣдуетъ: таковы главные изъ второстепенныхъ источниковъ автора; о другихъ читатель найдетъ наши отзывы въ своемъ мѣстѣ. Конечно, нельзя винить г. Майкова въ томъ, что онъ не пользовался недоступными ему рукописными или составляющими величайшую библіографическую рѣдкость (Рацци) историческими сочиненіями; но мы можемъ поставить ему въ вину, что онъ не воспользовался изданіями статутовъ Млѣта и Ластова и изслѣдованіемъ о корчуланскомъ статутѣ Венцеля въ общедоступномъ изданіи: эти статуты, для объясненія государственнаго строя Дубровника, несравненно полезнѣе тѣхъ, которыми онъ пользовался. Недостатокъ и неудовлетворительность источниковъ привели автора къ *ложнымъ заключеніямъ* и возбудили въ немъ *сомнѣнія*, разрѣшить которыя онъ былъ не въ силахъ. Разсмотримъ главныя изъ нихъ.

Говоря *о внутреннемъ составѣ* Дубровника и объ отношеніи славянской стихіи къ римской, г. Майковъ утверждаетъ, что Дубровникъ *ославянился въ X вѣкѣ*, что въ XI *говорили* въ немъ *по сербски*, что на этомъ языкѣ *писанъ статутъ о-ва Млѣта* XIV вѣка. «Тѣмъ не менѣе», прибавляетъ авторъ, «жители далматскихъ городовъ помнили или, лучше, *старались вспомнить*

свое римское происхожденіе, какъ и дѣйствительно впослѣдствіи видимъ, что они *тѣснятъ славянскій языкъ* . . . Въ Дубровникѣ въ 1472 г. запрещенъ былъ въ совѣщаніяхъ сената славянскій языкъ и вмѣсто него принятъ латино-рагузинскій (стр. 155)». Странно, какъ Дубровникъ, ославянившійся уже въ X вѣкѣ, вздумалъ въ XV-мъ вспомнить свое римское происхожденіе и тѣснить славянскій языкъ? Да при томъ еще въ такую эпоху, когда онъ былъ свободенъ отъ романскаго т. е. венеціанскаго вліянія и достигъ высшей степени благосостоянія при совершенно независимомъ положеніи! Далѣе г. Майковъ утверждаетъ что «*самое сильное господство итальянской стихіи въ Дубровникѣ проявилось въ XV и первой половинѣ XVI вѣка. . . . Съ половины XVI, въ XVII и слѣд. ст. опять восторжествовала славянская народность.* (стр. 158).» Какъ не удивиться такому колебанію Дубровника между славянщиной и итальянщиной! Дубровникъ четыре раза перемѣнилъ народность! Явленіе безпримѣрное въ лѣтописяхъ человѣчества! Но такъ-ли это было въ самомъ дѣлѣ? На чемъ основаны доводы г. Майкова? О славянизаціи Дубровника въ X вѣкѣ онъ говоритъ со словъ Шафарика, объ употребленіи сербскаго языка въ Дубровникѣ въ XI вѣкѣ со словъ Луккарича, статутъ Млѣта XIV в. изданъ Баномъ по сербски: вотъ на какихъ основаніяхъ построена система о господствѣ славянской стихіи въ Дубровникѣ X—XIV в. включительно; въ XV в. г. Майковъ замѣчаетъ явленіе совершенно противное: славянскій языкъ изгоняется изъ сената, слѣд. снова взяла верхъ итальянская стихія; въ половинѣ XVI вѣка начинаетъ *разцвѣтать великолѣпная дубровницкая поэзія,* что немыслимо при господствѣ итальянщины; слѣд. необходимо предположить, что Дубровникъ опять возвратился къ прежней славянской народности. Таковы основанія системы г. Майкова. Посмотримъ на сколько они выдерживаютъ критику. Могъ-ли Дубровникъ уже въ X вѣкѣ ославяниться? Отвѣчаемъ: нѣтъ. Въ X вѣкѣ славянская стихія въ Дубровникѣ была ничтожна: область его ограничивалась небольшимъ городскимъ округомъ, заселеннымъ епидавро-салонитанскими выходцами; къ нимъ присоединялись мало-по малу итальянскіе и славянскіе поселенцы; но они приходили не массами, а отдѣльными семействами, а слѣд. не могли имѣть вліянія на первоначальныхъ

жителей Дубровника, а должны были сами подчиниться ихъ вліянію. Только съ конца XI вѣка начинаетъ расширяться область Дубровника на счетъ славянъ; въ первой половинѣ XV вѣка сдѣлано послѣднее территоріальное пріобрѣтеніе. По мѣрѣ расширенія дубровницкой области славянская стихія въ немъ усиливалась; впрочемъ ея вліяніе сдерживалось тѣмъ, что во вновь пріобрѣтенныя земли посылались дубровницкіе чиновники, управлявшіе ими по ихъ обычаямъ, измѣненнымъ согласно потребностямъ Республики, изъ мѣстныхъ же жителей избирались только мѣстныя низшія власти: при такомъ порядкѣ дѣлъ скорѣе эти земли могли поитальяниться, чѣмъ Дубровникъ ославяниться. Тѣмъ не менѣе со временемъ различіе между Дубровникомъ и позднѣйшими его пріобрѣтеніями должно было изгладиться: въ половинѣ XVI вѣка уже несомнѣнно преобладаніе славянской стихіи надъ итальянскою; но вліяніе славянщины замѣтно уже въ концѣ XIV вѣка, когда впервые вводится славянскій языкъ въ администрацію; эта первая попытка оказалась неудачною: славянскій языкъ не былъ еще до такой степени развитъ, чтобы выразить всѣ понятія римской образованности дубровничанъ, и вотъ въ 1472 году изгоняется славянскій языкъ изъ сената и замѣняется латинскимъ, а впослѣдствіи итальянскимъ, который остается языкомъ правительства до самаго паденія Республики. Но если итальянскій языкъ былъ языкомъ науки и правительства, то сербскій—языкомъ семейственнымъ, языкомъ домашняго очага и дружеской бесѣды, и объ его усовершенствованіи до того заботились дубровничане, что закономъ воспретили женщинамъ изучать иностранные языки: подъ такимъ вліяніемъ разцвѣла дубровницкая поэзія, по языку славянская, по духу итальянская. Таково было отношеніе этихъ двухъ стихій въ Дубровникѣ, на сколько возможно прослѣдить по имѣющимся у меня источникамъ. Сказанное нами подтверждаютъ письменные памятники съ 1100 года, свидѣтельство Вильгельма Тирскаго XII вѣка объ употребленіи въ Дубровникѣ латинскаго языка и наконецъ исторія. Свидѣтельство Луккарича, писателя начала XVII ст., страждущаго недостаткомъ критики,—объ употребленіи сербскаго языка въ Дубровникѣ въ XI вѣкѣ, не имѣетъ для насъ никакой важности. Статутъ Млѣта писанъ первоначально не на сербскомъ, а на итальянскомъ языкѣ, какъ

было сказано выше. Употребленіе сербскаго языка въ сношеніяхъ съ сербскими владѣтелями (памятники восходятъ къ концу XII вѣка) не доказываетъ еще, чтобы въ Дубровникѣ этотъ языкъ былъ общеупотребителенъ: напротивъ извѣстно, что на службѣ въ Дубровникѣ постоянно находился *Cancelliere delle lettere Sclavonesche*, переводившій на латинскій и итальянскій языки грамоты сербскихъ владѣтелей и писавшій имъ отвѣты на томъ же единственно понятномъ имъ языкѣ; притомъ же древнѣйшія грамоты сопровождались латинскимъ переводомъ, а въ протоколы вносились не иначе какъ съ такимъ же переводомъ. Порча собственныхъ именъ также ничего не доказываетъ: въ памятникѣ на итальянскомъ языкѣ употребляется итальянская форма, въ памятникѣ сербскомъ томуже самому имени дана форма болѣе сообразная съ духомъ сербскаго языка. Утверждать, что съ XVI-го вѣка, Gondola, Palma, Bobali, Ghetaldi, Sorgo и т. п. переродились въ Гундуличей, Пальмотичей, Бобаличей, Гетальдичей, Сорկочевичей и т. п. и на основаніи этого перерожденія утверждать о торжествѣ славянской народности въ Дубровникѣ нелѣпо, и удивительно, какъ у насъ еще держатся подобнаго рода доказательства! Съ того самаго вѣка (XV), съ котораго, по убѣжденію г. Майкова, началось самое сильное господство итальянской стихіи въ Дубровникѣ, пробуждается славянская народность и все сильнѣе и сильнѣе предъявляетъ свои права, и въ половинѣ XVI вѣка одерживаетъ наконецъ рѣшительную побѣду надъ итальянщиной, пустившей глубокіе корни со времени венеціанскаго господства XIII—½ XIV вѣка: это паденіе итальянщины подтверждается лучше всего законодательными памятниками, которые, очищаясь мало-по-малу отъ венеціанскаго мусора, проникаются все болѣе и болѣе славянскимъ духомъ и достигаютъ наконецъ такой степени совершенства, что возбуждаютъ удивленіе безпристрастнаго ученаго, сравнивающаго ихъ съ венеціанскими законами, послужившими имъ первообразомъ (*Сальвертъ*): славянская мягкость и человѣколюбіе заступаютъ мѣсто венеціанской суровости и аристократической гордости. Появляются наконецъ литературныя произведенія, проникнутыя сознаніемъ славянскаго единства.

Отношенія Дубровника къ Венеціи, Венгріи и Турціи изображены также неудовлетворительно. Авторъ руководствовался

при изложеніи этихъ отношеній скудными показаніями грамотъ и сочиненіями Аппендини, Энгеля и Туберона. По памятникамъ, изданнымъ Тафелемъ, сборнику И. Шафарика и историческимъ сочиненіямъ дубровничанъ, отношенія ихъ къ венеціанцамъ представляются довольно ясно: призывая къ себѣ венеціанскихъ графовъ, дубровничане не помышляли о зависимости отъ Венеціи и, когда замѣтили, что венеціанцы стремятся къ совершенному подчиненію ихъ своей власти, изгнали венеціанскихъ графовъ и уничтожили всѣ привилегіи въ пользу венеціанцевъ. Вступивъ въ 1358 г. подъ покровительство Венгріи съ сохраненіемъ полной независимости своихъ дѣйствій, дубровничане въ тоже самое время сносились съ турками, которымъ стали платить дань съ 1416 г., а не съ 1359 г. (Майковъ 88), какъ видно изъ лѣтописей: «1416. I Ragusei *cominciarono* a pagare al Turco Pajasit il tributo di ducatti 500 all'anno». Отношенія Дубровника къ Турціи отличались отъ отношеній его къ Венгріи тѣмъ, что первой они платили дань, а второй посылали подарки и отдавали разныя почести, первой оказывали различныя услуги *тайно*, дабы не возбудить противъ себя ненависти христіанскихъ державъ,—а второй—*явно*, но только въ такихъ случаяхъ, когда требуемая услуга не могла озлобить турокъ. Правда, дружба съ Турціею стоила Дубровнику дороже дружбы съ Венгріею или сосѣдними сербскими землями, но за то и приносила больше выгодъ: она отдавала въ ихъ руки торговлю на всемъ турецкомъ востокѣ. Если турки и *вмѣшивались во взаимные переговоры и счеты* Дубровника *съ послѣдними представителями сербскихъ владѣтельныхъ домовъ* (стр. 170), то не по другой причинѣ, какъ по праву завоеванія: такого рода вмѣшательство весьма обычно и законно и примѣры его совершаются на нашихъ глазахъ. *Турки разрушали то, что дубровничане строили безъ ихъ позволенія* (l. c.): такой общій выводъ сдѣлалъ г. Майковъ изъ грамоты № 164 Сборника Твртковича, выводъ вовсе не логическій: султанъ приказалъ разрушить построенный дубровничанами городокъ или укрѣпленіе на Неретвѣ, и былъ правъ это сдѣлать потому, что Неретва принадлежала ему, а дубровничане пользовались только правомъ откупа неретвинскихъ солеварень. Если бы турки дѣйствительно присвоивали себѣ право разрушать то, что дубровничане строили безъ ихъ позволенія, то, конечно,

они разрушили бы прежде всего укрѣпленія, построенныя въ разныхъ мѣстахъ дубровницкой республики для защиты отъ турецкихъ набѣговъ; но этого не видимъ. Напротивъ, турки позволяютъ дубровничанамъ заводить факторіи во многихъ городахъ Имперіи и строить при нихъ дома, фабрики и даже церкви. Дубровникъ находился подъ турецкимъ покровительствомъ *не до своего паденія*, а до *1684 года*, когда *поддался Австріи*, имѣвшей съ тѣхъ поръ своего министра-резидента при Республикѣ (Foscarini и Garzoni); но сношеній съ Турціею онъ не прерывалъ до самого французскаго занятія, 1806 г.

«*Вѣроятнѣйшее* учрежденіе дубровницкой архіепископіи относится къ 1076—1121 г.» (стр. 60), утверждаетъ г. Майковъ на основаніи Энгеля (стр. 90). Почему же г. Майковъ предпочелъ показаніе Энгеля, къ которому приближается и Рацци (980 г.: его повторилъ Бандури), показаніямъ всѣхъ другихъ историковъ? Энгель не ученый изслѣдователь, а компиляторъ; и уже поэтому не слѣдовало ему довѣряться. Возможно-ли предпочтеніе какого-нибудь Энгеля Гундуличу, Растичу, Джорджичу, Тудизи, Дольчи и др., которые единогласно относятъ учрежденіе дубровницкой архіепископіи до 741 — 752 г.? Сомнѣваться въ существованіи буллы папы Захарія, которую имѣлъ въ рукахъ Гундуличь, невозможно уже потому, что ссылки и указанія на нее встрѣчаются въ позднѣйшихъ буллахъ Бенедикта VIII (1023 г.) и Целестина II (1143 г.); но если бы и этого не было, неблагоразумно предпочесть Энгеля и Рацци (котораго, впрочемъ, г. Майковъ знаетъ только по имени) судьямъ болѣе компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, каковы вышеозначенные мною историки.

Вотъ главныя ошибки по исторіи Дубровника, замѣченныя мною въ диссертаціи г. Майкова; о мелочныхъ промахахъ и недосмотрахъ говорить не стану: онѣ неизбѣжны въ такомъ обширномъ трудѣ, каково сочиненіе г. Майкова. Замѣченные нами въ его очеркѣ исторіи Дубровника недостатки проистекаютъ почти исключительно отъ *скудости источниковъ*, которыми онъ пользовался; но можемъ-ли мы его винить въ томъ, что онъ былъ лишенъ возможности пользоваться рукописными сокровищами дубровницкихъ библіотекъ?—Не будучи въ состояніи оцѣнить по достоинству компиляціи Аппендини и Энгеля, г. Майковъ, слѣдуя

общему мнѣнію, слишкомъ имъ довѣрился; а грамоты, главный его источникъ, оказались недостаточны для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которыми онъ задался: лучшая часть его главы о Дубровникѣ та, въ которой онъ слѣдуетъ однимъ грамотамъ (о законодательствѣ Дубровника), хотя и здѣсь мы желали бы болѣе осторожныхъ выводовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Лѣтописи Дубровника по списку Маттеи 526—828 г.

Principio della cronica la più antica di Ragusa, scritta, per quanto pare, nel XIV Secolo, ricopiato da un Manoscritto molto antico e consumato.

In comenza la edificazion de la terra di Raguxa edificata per Re Ra- 1*)
doslavo Bello fiol del Re Stefano. . . . . nato in Roma de stirpe Bosnese per paterna linea, e per linea femenina de Romani, qual fò de stirpe regal de Re Radoslavo chazato per suo fiol Besislavo, come intenderete in prozesi de baxo, et questo fò da poi nascimento de Jesu Christo nostro Signor. **526.**

Fò edificata una torre sopra le ripe del mare per Rè Radoslavo Bello; a la tore o vel chastelo pose nome Chastel Lave, significa dito Romano fortezza; in la qual tore a posto 50 fioli de li Baroni Bosnesi per stagio de la sicurtà de la sua persona, et soi Baroni venuti con Rè Radoslavo de Roma, et a posto tutto suo avere, reliquie sancte, le qual a portato con secho de Roma, zioè Santa Petrunjela, Santa Domitjela, Sancto Nereo, Sancto Achileo e Pangrazi, capo et mano, et pede de Sancto Sergi et Bacho, et molte altre reliquie sante; pezi due de Lignum Domini, *qual son ogi di a Sancto Stefano a la Pusterna* et feze Giexia de Sancto Sergi et Bacho in dito Chastelo perchè fò suo Confalon.

527. Fò sotomeso tuto regname in uno ano pazificante lo Re Radoslavo de Bosna perche lo regname ad esso sucjedeva et altro non era ezeto lui; et per tal cagione tutti l'azetavan per suo Signor pazifico.

528. Fò venuto Radoslavo Re a la fiumara de Unaa per pasar per andar a la marina a lo Chastel de Lave per pigljar tuto suo haver et sue reliquie, et volendo pasar sopra li zerepi, volse la sua desventura, li zerepi si reversarono; et se anegono tuti con Re Radoslavo. Intendendo per lo paese la sumersion del Re Radoslavo, queli de Castel de Lave remaseno per se, et tutti altri per lo paese, chi era remasti Conti over Chastelani, ogniuno remase Signor sopra tal paese et tuto Regname de Bosna se divise per tanti Signori Chastelani, perchè non fò piu erede, a chi spetava la heredità delo paese, et cuxi tutto paese remase in se diviso, et parjechi Romani remasero in Bosna Signori, et *ogidi si trova de la linea Romana in dicto* 2
paese de Bosna de queli, li quali sono sxa (? qua?) venuti con Re Ra-

*) Цифры, стоящія на поляхъ, соотвѣтствуютъ нумераціи страницъ подлинной рукописи.

doslavo de Roma. Per tuto paese de Bosna, Arbania, Dalmazia, Harvazia comenzorno far infra d'esi la guera, ogniuno volendo far Signore, perche non fò più la linea a chi spetava lo regno; et chi era più potente si meteva in magior guera, et oprimeva uno al altro, et chi era meno scampava con suo havere a la marina, chi in quà chi in là, chi in Castel de Lave, per modo che li ano fato intorno del Chastel uno borgo fato con le masjere.

528. Forno venuti molti homeni Bosnesi in Chastel de Lave, et infra se medesimi fezeno una union pazifica, a star soto l'obedienza de li magiori, che seran electi per lo governo, et cuxi se fezeno come li cursari et andavano de note arobando per le vile robe, bestiame, et altre cose, che li pareva a lor spartir fra se medesimi, et altre per la salvazion de la tera.

529. Forno venuti molti homeni de Bosna con suo aver, et etiam molti Romani, queli che son posti in governo di Casteli, tere, vile, conti, Naredbenizi, et questo per esser chazati de Bosna de li signori più potenti; et stete guera tra li Bosnesi hani 24. Et in tuto tempo di hani 24 Raguxa si augumentava tanto de homini, quanto de haveri.

553. Comenzorono prima guera de li Raguxei a li Bosnesi et esendo intrata la Oste dentro paese de Bosna, fezero asai guasti, et ruinamenti; ma Ragusei a la fine forno roti, et chazati de Bosna vituperosamente.

657. Fezesi primo Re Stjepan da poi la sumersion del Re Radoslavo Bello. Soto suo regno tre parti de Bosna se sotomise, et fezesi gran Signore tuto da Leso fino Gorize in Dalmazia, et . . . . . Dalmatia de marina, tanto de tera ferma quanto de li scogli, e tutte valle, solamente Chastel fato per Re Bello Radoslavo in lo qual se agumentava tuti homeni che vengono de Bosna, tanto queli che sono chazati, quanto queli, che hano fato qualche delito, ogni homo o desperato o chativo, over quelo che non poteva trovar loco per sua habitazion e de altro non vivevano ezeto de ladrozia, che fazeano per teritorio de Bosna.

658. Re Stjepan feze paze, tregua, et union co Raguxei et stete in paze hani venti. Et Raguxei in suo paese forno tenuti come frateli, et infra loro
3 si fezeno gran amizizia, frateli giurati, compari. Et parevano Raguxei in lo suo paese de Bosna homeni savj, sagaci, inteligenti, per tuta via venevano a la giornata li homeni maritimi, et proprjo avevano piu pratica, e sagacita, che Bosnesi, et per tal caxon stimavano Raguxei homenj savj et prudenti, et pratizi forno remasti in lo governo, et in la corte de Re Stjepan servendoli fidelmente.

687. In parte de Bosna se fezero per tuta Bosna garbugli per chaxon perche parici homeni Bosnesi volevano Duchagini de Arbania per suo Signore, et a Re Stjepan fezeno gran ruinamento per suo paese de Bosna a chi fazeva tagliar capo, a chi squartar, a chi impichar; et tuti queli, chi volevano Duchagini per Signor, fugiva chi in paese de Duchagini, chi in Chastel de Raguxi, et ogniuno, chi son venuti in Chastelo, sono venuti soto fede, et salvo conduto. Et tuti non ano voluto dare a Re Stjepan li dixe homeni, et per tal caxone Re Stjepan a roto paxe con Raguxei, perche domandava queli homeni sui traditori per voler li amazar, et mai Raguxei non hano volesto dare, et per tal caxone hano roto paze in fra loro.

687. Re Stjepan feze gran hoste, et havendo adoso de Ducagini per modo, che fezero una grande occisione tra lori; et Duchagini restiò in campo perche Re Stjepan fo ferito de lanza soto mamela senestra; e tornando Re Stjepan in suo paese, morise; et morendo vense Re Radosav de le parte de Harvazia, et aquistò tuto reame de Bosna, perche Radosav fo valente de sua persona . . . . volenti Zaratini, perche magior parte volevano Re Radosavo che altro Signore, perche Re Stjepan non aveva nixuno de la sua stirpe.

688. Re Radosavo feze oste grande perche era Re de Bosna e de Harvazia, et era gran Signore, et andò adoso de Duchagini, perche haveva parte in paese di Bosna, et per suspeto che aveva partisan in paese di Bosna, andò far guera con lui per modo che fezeno grande oczision tra loro: alfin remase Re Radosavo victorioso, et Duchagini fo amazato, et Arbania oltra Leso fo presa per Radosavo, et molti altri paesi: Chasteli, Scutari, Diverso Schardio et Aleso, perchè Aleso fo de le bande de Levante, qual fo de Duchagini.

689. Vense asai giente in Raguxa con suo avere de Arbania e de parte de Bosna, perche parici erano de Bosna partixani de Duchagini, et volsero salute de non star ali periculi per non esser acuxati.

690. Fo fato uno muro de maxiera, de travi de legname de Chastel 4
de Lave soto burgo per fino per tutta costa a pie de la montagna per fino ala parte, qual se cjamava Custera; e questo per che tutta via tenevano homeni de ogni bande tanto per mare quanto per tera de Arbania et de Bosna.

695. Vensero a Raguxa li homeni de Duchagini de tera ferma de Chastel *Spilan*, e de Chastel *Gradaz*, e tuti homeni preseno sue abitazioni in la *Custera* perche li diti homeni forno de la stirpe de Epidauro ruinato per Saragini, et li diti stexeno tanti ani in li diti duo Chasteli soto reame de Bosnesi, et davano sempre obedienzia a lo reame de Bosna; et vedendo che Chastel de Lave se augumentava tutavia in prosperità, se andarono in Raguxa per esser sicuri, et havevano suo Confalone Santo Geno et Gjenobii, et havevano sua *munita* xtampata de Geno Genobi, qual molti hani corevano per merchato. Et in Chastel de Lave tenevano suo Confalone, Sancto Sergio et Bacho, perchè Re Radosavo Belo feze Giexia prima in Castel de Lave Sancto Sergi et Bacho, perche aveva suo Confalone, et aveva sua *moneta* testa de Re Radosavo da una banda, et de altra Chastel de Lave, *qual moneta al di de ogi cure in ogni merchao qui a Raguxi et per tuto mondo* si po spender per quelo, che si spende qui a Raguxi. Quali homeni de Chastel Lave, et homeni venuti de duo Chasteli giurati parenti, compari per sempre son stati infra lori, et . . . . volere, et cuxi tuti de duo Chasteli sono radunati in dita *Custjera*, dove al presente *Pustjerna.*

743. Vensero assai gente de Bosna con gran aver, perche Re Radosavo era signor tirano, viveva a modo suo; et eziam vensero de Murlachi da baxo sopra Narenta, più Catunari, fra li quali era uno capo sopra tuti, et venseno con grande multitudine de bestiame de diverse raxon; et a tali ano dato per pastura la montagna de Santo Sergio, perchè era montagna

de Santo Sergio pjena de boscame, che non se vedeva che da tanti ani zjelo, et se fezevano travi per case, tanto legname era in dita montagna.

744. In Raguxa se feze una division tra tuto populo de Raguxa, perche fino a quel di erano tuti come un povolagio in una vila. Queli che erano più richi erano capi, e governatori cuxi, come la nazion Bosnese vivevano a modo suo, triunfavano de bere e de mangiare. Ogni fameglia teneva suo santo, chi Santo Sergi, chi quelo, chi questo; et stavano come paesani. Et dopo che sono venuti homeni de ogni Vulasi (Valachi o Murlachi inferiori) de quela hora comenzarno far modo di spartir ogni generazion per se: Perche parici Vulasi esendo richi de avere, d'oro, d'argento, bestiame et altre cose: fra li quali erano molti Chatunari, che ogni uno se stimava come Conte, et ogni uno avea soi Naredbenizi (direttori). Chi era governator de cavali, chi alo bestiame grande, chi alo menuto, chi ali porzi, chi servia a la ordinazion de la casa, chi stava a comandar ali diti subjeti. Pur era uno sopra tutti qual si chiamava Chatunar grande, et era della stirpe Pecorale, perche si chiamavano cuxi per nobiltà, tanto erano richi de bestiame macxime pecore. Quali diti Catunari fezenó fare uno sboro (Consiglio o Parlamento) et per suo chaso fezeno spartia de populacio in tre parti: in una parte Gintilomeni: in altra populani: in terza servidori; perchè tanti servidori erano venuti de Vulachia con bestiame, che erano gran quantità de homeni, et ad ogni uno pareva vila cosa esser chiamato come queli pastori. L'altra parte erano servidori come spenzatori, come queli che atendevano ala casa, et ali chavali, et servidori de la persona del suo signor, li quali erano pochi. La terza parte erano fati gentilhomeni, perchè erano in prinzipio assai de homeni che erano venuti de ogni parte del mondo maxime de Albania et de Bosna, perche non eran scampati de nazion baxa, ma hano scampati homeni di conto, queli, che sono stati o capitanj o Conti, over qualchuni Signori Naredbenizi fati. . . . deli Signori . . . . et erano de linea de homeni di conto piu che la . . . . et per tal caxo ano spartito ogni generazion da se per si cuxi, *come ogi si trova.* Gentilhomeni chi erano fati tali erano governatori de la terra, et altri offizj, et tuti gentilhomeni intravano in sbor over in Consegl generale, et altri non. L'altra parte de populani vol dir *pol vilani* (la mità del vilano) perche quei vilani erano lori anche da baxa condizione, ma alcuni in case de gentilhomeni, et per tal caxo son beneficiati, quali fazevano come guardiani . . . Persone Chnexari, over altri soto obedienzia dei gentilhomeni, perche erano molti e molti gentilhomeni richi, et atendevano tali ali triunfi, ale chaze, et ognuno teneva uno over duo famiglie de la governazion, de sua persona, perche uno governava cavallo, lo altro spalvjero, e tali crescevano de quali ixivano povulani, zoè di dir mezo vilano benefiziato per lo Signor, e de queli povulani ixivano homeni de ben, a li quali se davano fiole bastarde de gentilhomeni per sue moglie; et de quel giorno in qua mai non se ha potesto trovar minimo gintjelomo de pigliar sua moglie de stirpe populana ne de populo, meno che alcun populano mai nixuna gentildonna, ma sempre son stati separati tanto sangue gentil tanto sangue de populo. Et per tal caxo Raguxei ano fato tra lori de mariare sue fiole, over tor per soi fioli fiole di gentilhomeni dalmati over arbanesi, da Raguxa in Levante per costa di marina 500 miglia, et in Ponente si-

militer 500 miglia: perchè era quella volta assai gentilhuomeni a Raguxa, et avevano molti gentilhomeni asai fioli over fiole, et non potevano maritar a Raguxa, perche tra lori erano parenti, et se guardavano uno del'altro in 15 gieneration, come a modo de Bosnesi, e peŕ niente non volevano dar ai suoi servi, ma davano ali Dalmatini et Albanesi, et per le terre maritime, e de stirpe gentilhuomeni, e per tal caxo Raguxei son stati sempre amator et benevoli zircumviziǹi per caxon del suo parentado.

754. Fo fato un altro Castelo a la punta de Custjera de legname, et intorno con le maxiere per non poterli bruxar; e questo per caxo de la paura de Mori, et Saragini, perchè Saragini et Mori venevano in Colfo con le galee et fuste, et fazeano asai dano et ruinamenti.

771. Fo fato primo muro di pietra e calcina per tuto intorno cominciando de Castel de Lave per tutti Grebini (rupi o scogli) dalla parte in marina et per tutto piede monte soto burgo per fin a tutta riviera fino Castel de Custiera. Et fornito il muro ano fato nome alla terra Ragoxa in lingua latina, perchè tutti uomini sono stati homeni radunati de più paesi, et altro modo in lingua schiavona Dubrovnich perche era tutto dubrava 7 (selva) per tutto, tanto per montagna de St. Sergio, quanto per tutta costa, et per la terza opinion, perche primo edificator che fo Re Radosavo bello, qual edificato Castel Lave. Et in quel anno fecero far guardie per tutti i luoghi de muri, ali quali luoghi per muri metevano de populo menudo, et populo fazevano pur andar a vistar queli che fazeano guardie per muri, et sempre se fazevano tre Capitani gentiluomeni, quelli che attendevano per governar guardie de muri e de castelli fezero separar, zoè de Castel de Lave, et de Castel de Custjera meter Castellani per guvernatori. Et poseno nome alla terra Raguxa over Dubrovnich a lo Castel de Lave, perche era forse fato per Re Radosavo bello vocabulo, over dito romano Lave id est forte. Alo Castel de Custjera Castel Pustjerna, perche pochi erano in custjera, per tal caxon fò posto nome Pustjerna (quasi deserto) perchè fezero cave over conche per cisterne, perche da lòntano si portava aqua in barche in botti, et in altri vasi al pagamento, et in tal tempo asai de cisterne sono fatte per Pustierna.

781. Fo fatto un muro de pali de Pusterna per tutta riviera (sub anno Domini 781. Carolus enim regnavit) dal mar fin' a terra ferma, fino paso dove si passava in Raguxa, perchè non si poteva passar exzepto per uno ponte in Raguxa perchè per tutto pjan era paludazo, fango, et passava l'aqua marina per tuto pjan fino mezo miglio inver Ponente.

782. A Raguxi prima Galea e due fuste, e duo arsenali sono fati per reduto dela Galea, e che due fuste per Corsari Sarageni, perchè venivano scosamente, et fazeano grande dano per tutto Colfo.

783. Furono fatte due statue a Raguxa per un segnor Francese Rolando, qual fò victorioso qui apresso Raguxa djedro Locrema circa dieci miglia over preso uno Corsaro deli Saragini per nome Saragino *Spuzentè* — Qual statua fece Orlando de tuti duo: Le sue statue feze far dove fo ponto, per lo qual si passava a Raguxa, perche li feze a quel loco, perchè in colfo non si poteva abitar per caxon sua, e lui si fece al ponte perche fo liberator dela nostra patria Raguxa. Et statua de Swardo-duxzi (puzzolente) Saragin fo fata ale porte de nostro Arsenal per caxon, perchè li Raguxei

an ajutato Orlando con la Galia, e con duo fuste. Qual Raguxei prima vittoria an fato con ajuto de Orlando. Da quel di poche volte sono stati Sa-
8 ragini in Colfo perchè la sua po . . . . . . **789.** vense uno dracone de Levante una cosa maravigliosa, et intraj nela speluniza de Epidauro, qual fazeva asai dani, et ruinamenti per tutta costa, et per Dalmazia, et Arbania; devorava´ puti, bestiame, e tal volta dava mal alle femine et homeni; et avea in più lochi abitazione et cuxi stete anni tredexi, che non si poteva ridrovar modo per amazarlo, e pensavano li homeni di Raguxa desabitar terra de tanto mal che fazeva dracon ali puti, homeni, femine, bestiami, non poteva andar omo niuno solo for della terra, et zeto accompagnati con le arme e lanze longe.

802. Vense uno Romita de la parte de Levante, il quale aveva nome Ilarion, qual gionse in prima a la fiumara in Vren, et li apreso fiumara· feze una casetta pizula de maxera, dove lui solo poteva abitar et copri dela frascata. Li homeni, che stavano in duo Castelli Spilan et Gradaz vedendo esser fatto tal Casetta, chredevano eser de zerti pexscadori, andarono a veder, et trovarno dito Remita, alo qual li dixono, che non stesi la per caxon de dragone, perche verà et ve amazara, perche per tuta questa costa a fatto assai danni, ruinamenti, devora puti, bestiame, homeni e donne trovate sole et niun de noi non potremo andar de notte fuori di terra de Raguxa, over de questi duo Castelli de Gradaz et Spilan; et se andaremo acompagnati et armati con le lanze longhe. Sicchè levatevi de qua, et andate in terra de Raguxa, over andate con nòi in Castel per fin'a domani. Qual calugjero over Romito li rispose: io non ho paura di dragon, ne insidie diaboliche, ma in ogni loco io poso star senza alcuna suspenzion et nocimento di dragon, et le áltre cose insidie diaboliche. Et se voi volete, che vi fazo morir et sofogar tal dragone, volete chreder ali comandamenti de Jesu Christo et ali soi prezepti. Andate ali Raguxei in terra, et dite tute le parole che avete inteso de mi. Questi tal homeni, che son stati al parlamento con Eremita, fazevano befe dele sue parole, digando: come lui po far morir, over sofogar dragone? Noi con tanta moltitudine di gente non potemo far morir. Et andando tuti per la via diseno tra loro: questo Romita sera domatina devorato. Et come domatino se feze giorno chiaro andorno de nuovo a veder lo Romita, et quando erano venuti apreso sua
9 Caseta, chiamorno il Romita Ilario. Qual intendendo Ilarion chridar li homeni ixite fora et respose: che volite di me? Li homeni diseno, semo venuti per veder gran miraculo, se sete vivo o morto, perche noi avevamo pensato et tenuto zerto, che serite devorato sta note. Qual romito Ilarion, rispose: o doncha voi non date fede a Jesu Xp̃o, che io con autorità sua poso far morir e sofogar tal dragone? Andate a Raguxa et dite ali guvernatori de Raguxa, che se volno chreder a la fede de Jesu Christo, e ali sui prezepti, che vi voglio liberar de la obsidion de Dragon. Custori udendo le parole de Ilarion, et vedendo eser remasto vivo senza alcuna obsidione de dragon, et vedendo da giorni tre, che dragon non apariva in niuno logo per tute contrade fezeno infra se zerto ragionamento, posia eser ogni cosa; forse questo Eremita farà morire lo dragone, andamo a Raguxa, et diremo tuto questo, che abiamo visto et abiamo parlato con lui, e quelo che lui a dito. Et andando a Raguxa, subito andarono ali guvernatori, et contarno

tuto per ordine, come è venuto fa giorni tre, come a fato una pizula Ca-
seta, et noi avemo dito tuto quelo, che patixeamo noi de dragone, et ave-
mo dato a saper, che devorava puti, homeni, femine et bestiame: et lui
nixuna . . . . non fo ma dize: se volite chreder a Jesu Christo, e ne sui
comandamenti, farà liberar in nome di Jesu Xp̃o. Quali guvernatori fezeno
far uno Consiglio e mandorno tre homeni savii, che faziano venir a Ra-
guxa, azò li intendiamo la sua voluntà, perche vol dir, che noi volemo
chreder a Jesu Xp̃o et ali suoi comandamenti: noi semo dela fede de Jesu
Christo, et noi tenemo tuti prezepti dela fede de Jesu Xp̃o. Andate et fa-
tevi venir a Raguxa. Qual homeni tre savii ali chavali con molti homeni
servitori e gionsero dove la casetta de Eremita, et tre savii vedendo el
conspecto de Eremita, la pareva conspecto de uno sancto homo, a lo qual
comenzarno parlare digando: donde sete venuto? quel respose: io son ve-
nuto deli deserti de parte de Levante, et sono mandato de Jesu Xp̃o per
liberarvi dalle insidie diaboliche . . . . dragone con questo, se voi volete
chreder in Jesu Christo et ai sui comandamenti. Quali tre savii resposeno, 10
dizendo: Noi semo de la fede Xp̃iana et credemo Jesu Xp̃o, et noi se go-
vernamo per li sui comandamenti, et prezepti. Qual Ilarion li respose, e
dixe. Ben vero tenite fede Christiana ma a modo vostro, ma se vuolite far
et chreder la vera fede Christiana, et baptizar per ordine, io ve farò libe-
rar dalle obsidie diaboliche, et far morir dragone. Quali tre savii pregorno,
che venga Ilario a Raguxa a parlar con li rectori dela terra, che se averia
de charo a parlar con voi. Qual Eremita dise: andate voi et dite tute le
mie parole, et tornate da me con verità di tuto quelo volite, et io de questo
loco non me vojo partir, ma starò qui, et venite quanta gjente venite (vo-
lite?), che vi farò menar qui in la mia chaseta, et qui in la mia chaseta
farò bruxar. Questi tre savii andarono con presteza a la terra di Raguxa,
et fezeno risposta a li guvernatori, quali guvernatori fezeno far gran con-
segljo, et in consegljo deliberano andar da dexi savii per eser con lui per
far tuta sua voluntà, et ogni cosa a modo suo. Con li quali djegi savii ven-
sero homeni più di mile persone, et come forno gionti apreso la casa de
Romita, fezeno parlamento con Eremita, ali quali homeni savii pareva lo
aspeto de Eremita uno Santo homo, alo qual davano tuta fede, et eser obe-
dienti a tuti sui comandamenti, queli che per lui serà comandato. Qual
Romita feze scampar de la sua caxeta una Chroze fata de legno, et feze
far ingjenochjar ali gjenozi tuto populo, et in prima a fato, che ogni uno
feze dir uno Pater-noster, et una Ave Maria . . . . Pregando Dio, et poi
tre volte chridar: mjesericordia: et poi feze comandar de darli una barca
pizula con quatro homeni per andar con lui in Epidario (Epidauro) ala
bocha dela chava de speluncha. Queli fezeno dar li homeni queli quatro,
che volno andar con lui in Epidauro con gran paura andavano, ma homo
sancto li confortava dizendo: non avite dubitazion ne suspeto, che vi faca
alcun male, et andando in una barca, et come forno arivati a isula de Epi-
dauro ixito fora solo Romita, et andete verso speluncha. Pareva a tuti
queli quatro omeni, che sempre è stato ala deta speluncha, ma sempre te-
neva Chroxe in man sue. Et come fu apresato ala speluncha chrido: per 11
virtù de Jesu Xp̃o a voi, dragone, vi comando, che debiate uxir fora man-
sueto, benigno, senza ofensione de nixuno, et soto obedienzia mia servo de

Jesu Xp̃o. Qual serpente ixito fora mansueto, obediente, come se foxe agnelo, et Romito homo sancto desligò sua zentura, et li ligò intorno dela gola delo serpente, et djedro si li menò a la marina: poi Eremito intrò in la barcha, et lo serpente tirò drjedo la barca untando per mare, et come arivato a quela banda apreso fiumara in terra ferma, dove fo caseta de Eremita, li feze comandamento alo serpente, che entrase dentro nela caseta . . . in prima feze meter dentro la frasca deli ramicjeli di li arbori, et fezeli bruxar et arder in presenzia de tuti homeni. Poi come era fata finizion de dragone li feze far una predicha, mostrando, che questo dragone le insidie de djavolo, et in eso incorporato diavolo, qual di fato per tempo antico adorato dali Epidavrini in Epidauro in questa speluncha. Et io sono venuto aposta de lo deserto de Arabia per liberarvi dele sue grande insidie. E demostrò tuta fede Christiana, e tuti prezepti dela Santa Madre Giexia, et li erori de Raguxei, che fano et fezeno per baptizār, et rednizar (ordinare) ognuno de li erori, perche Raguxei tenevano fede Christiana, ma chredevano a li indivini, a le incantatrize, a li insonii, a le posloxche (. . . . . . .) davano fede ale cjavonize (fatuchjare) et de tuti erori fazeva tuta via prediche, et andava per tuti lochi intorno de lo paese per Bosna, Vlachia, e revoltava de fede Grechexca in la fede Christiana, e per tuto se levò la fama tanto in Arbania, quanto per tuta costa de Dalmazia, che a Raguxa è venuto un homo santo Ilario, et per sua potenzia a fato bruxare Dragone, qual fazeva dano a tuti circumvizini, et venivano veder da tute le parte Santo Ilario, et fazeva ad ogni uno carità a far . . . . . de la sua . . . . . fede Christiana . . . . . Christiano et fazeva . . . . et benivolenzia de Santo Ilarion . . . . dove fù fata in prima sua chaseta poi
12 fezeno in steso loco Gjexia de S. Maria. Et Raguxei per tante preghjere, che ano fato intorno de Santo Ilarion ano removato de *Gravoxa* li apreso la tera, *dove sono al presente tre Gjexie*, quali 3 Gjexie Santo Ilario ha fato et comenzato primo loco zoè Giexia de S. Ilarion, Santo Chlemente, San . . . . ad onor de santa Trinità et stete lì, ma de quel loco andava per tute le parte intorno a visitar, et far baptizar, et altri documenti boni.

803. Fo achrexjuto mar in alto deli sui terminj più de *3 pasa*, et in tera de Raguxa fo anegato a lo Castel de Custera puti, et asai dani a fato per tuto pian, dove forno casete pagljole, dove tenevano ostarie, over merchato de qualche cosa vendarescha, et animali grandi, cavali, bovi, vache, pecore, e porzi, et altri animali, che erano . . . perchè *lo mar achrexeva de meza note in giorno de sabato de mese Octobrio*, et in quel giorno Santo Ilarion non se trovava in la parte de Raguxa, ma era andato in le bande de Bosna, perchè in ogni loco lo azetavano, et homo santo intendendo la inondazion e dano de mare, a chaminato in molta prexa, et venendo trovò lo mar chrexeva, che fù in alto più di 3 passi, et tuto Castel de Custera, et tute case per Custera era anegate, et pareva tuta via, che mar chrexeva. St. Ilarion li feze tre Croxe, et feze atacar a lite de mar per non chrexer più in alto, et feze horazion andando con prozesione, pregando Dio Omnipotente de darli grazia de fare tornar lo mare neli sui termini, et lo mar subito tornò in li sui termini, et la nocte del mar achrexiuto trovaresi in più lochi segnali maxime soto altar in 3 Giexie soto altar de Santo Ilarion fata una Chroze de man de Santo Ilarion.

813. A Raguxa fò uno prete religioso de santa vita lo quale acompagnava St. Ilarion in ogni loco dove voleva andar S. Ilarione. Una volta andando in la parte di Bosna S. Ilarion morise *in Bosna*, *et corpo suo resto in le parte . . . . et ogi di si trova suo corpo*, *dove ogi di fa asai miraculi.* Suo compagno prete tornò a Raguxa, et Raguxei hano fato suo plevano, et stava *in Gjexia de S. Vido. dove al presente Arcivescovado*, perchè li fo fatto per uno merchadante Bosnese, *la qual Gjexia de St. Vido fo ale parte de Custera*, qual Gjexia fazeva alor mirachuli, et dito Plevan fo arbanese per nome se chjamava Dum Sàrg, et vivete Dum Sàrg in gran netjeza. *Pare per zerte conjecture et scripture* che una caxeta se- 13
rata, et inbrocata con chjoldi ano trovato in tera soterata, *come intenderete per avanti in lo ano de lo milesimo*, *quando fò trovata*, et pare, che per dito Dum Sàrgi l'esta posta, come serà decjarito a la sua invenzion.

815. Fo re Stjepan in Bosna, et era gran amico de Raguxei et fazeva gran bene ad ogni Raguxeo, intendendo relazion delo Plevan Dum Sargi, che era de bona vita, et era compagno de St. Ilarion, mandò per lui grande multitudine de cavali, et gjente, et sui Baroni per venir da lui solamente per poterli veder azjò li intendese le cose miraculose, che fazeva St. Ilarion, et etiam a veder lo Plovan Dum Sàrg perchè aveva bona fama de la sua vita. E quel Prete non voleva andar, ma per tante preghiere de li Raguxei fezeno andar, et con lui andorno per acompagnarli asai gentilhomeni per far grato a lo Re Stjepan de Bosna, perche fò grande amico de Raguxei. Et esendo arivati in Bosna de lo Re Stjepan, forno azetati tuti come che foxeno venuti da Dio del zielo, et steteno con Re Stefano uno messe, poi pigljati comiato et lo Re Stjepan voleva retenir, de non darli partirse. ma voleva far una Giexia a modo suo per far dom Sargi . . . . et mandò con lui uno suo Barone per fare far una Gjexia a Raguxii Santo Stefano per devozion sua, aziò li fazian fare, che pregano Iddio e Santo Stefano per la sua sanità et prosperità, per lo suo reame. Et suo spenditore stete a Raguxii ani duo a *fabricar St. Stefano dove al presente è in Pusterna:* qual Gjexia costo ip̃pi raguxei n° 6000. — et pose in dita Gjexia uno prete suo parente de Dum Serg Stoicho una persona de bona vita, et li feze una casa per sua stanzia, dove stava tuta via ale orazion.

816. Mara Regina de Re Stiepan mandò a Raguxa ali Raguxei uno presente de argjento glama, qual argjento fezeno meter pjù reliquie sante in dito argjento *qual ogi di son parte in dita Giexia a Santo Stefano. parte a Santa Maria. perche de St. Stefano forno portate asai de reliquie, quando fo edificata S. Maria. perchè dapoi asai tempo fo fabricata Sta Maria.* Qual Regina Mara fò de stirpe Romana ixita de queli de 14
Chroze per linea feminina.

817. Re Stjepan se amalò et la Regina feze voto a visitar Raguxa con Re Stjepan, et esendo sanato Re Stjepan feze gran preparamento con gran multitudine . . . . . avanti di se mandò Ambascjatori . . . . come de amico per poter intrare la Persona sua, Regina, Corte, con Baroni, et Regina Maria con sue donzele tante quante volno Raguxei. Ali quali Ambaxadori fezeno risposta de azetarli come suo amico et sua Corte et sui Baroni, et Regina Mara con le sue donzele et altri soi de la sua oste che stagano djedro le montagne a li sui confini, perchè li Raguxei non avevano più de

Teritorio suo exzepto de St. Jacobo de Vixgniza sina Gravosa, per fino zime de montagne de St. Sergi, et tuto fò de regno de Bosna.

817. Vense Re Stjepan con tuti sui homeni a Ragusa, qual gjente fezeno restar in Breno, e in Canal con cavali a pascular. Et lui vense con Baroni et con sua Corte, Regina con sue donzele, et fezeno voto a St. Stefano per lui fabricato: dove si stima aver donato per la lemosina ali preti, ale Prixerdnize (Bizocare) et a molte persone povere più di ducati 2000, et de più donò ali Raguxei, Breno, Vergato, Zoncheto, Ombla et Vale de Malfo, et in tute vile feze far Gjexie de St. Stefano tute de una grandeza ad onor de St. Stefano, e per memoria, che se sapja eser stato Re Stiepan a Raguxa con soi Baroni, et la Regina Mara, et lasò asai reliquie Sante a Raguxa et argento per ponerli in argento, et acciocche se sapia perche raxone voleva bene Re Stiepan et Regina Maria ali Raguxi, perchè Regina Maria è nata de stirpe Romana de queli, che son venuti con Re Radosavo Bello de Roma, de li quali son remasti in Bosna. Et Regina Mara pare che fo parente con zerti gentilhuomini per linea feminina con queli de Chroze. Et dita regina voleva ben a Raguxei, et per caxone de Regina Maria Re Stjepan voleva bene, perchè ogni bene che se poteva fare per Regina Maria, et per Re Stjepan, non mancava a far la lor voluntà.

15 **818.** Re Stjepan fo morto in suo paese, et Regina Maria remasta senza erede; dove a Raguxa fo fato grandisimo coroto (scoruccjo). Prima tuti de regimento sono andati in sua Gexia a St. Stefano con prozesione portando una imagine fata coperta con un covertor negro, et cavalli tre negri tuti coverti de negro de lanze tre spiregate in terra davanti suo letto. Fezeno andar zerte donne chritando et pjanzendo: et cuxi fezeno obsequio come se foxe Signor de Raguxa; et questo perche asai beni a fato a corpo de Raguxei, etiam et a spezial persone. Et stete di longo per tuta Ragusa pjanti coroti più di duo mesi.

819. Fo venuto Regina Mara a Raguxa per abitazion et portò gran quantità de avere, argento, oro, et vestimenti, zoè altre cose de valore. . . . . asai homeni Bosnesi per acompagnarli, et molti son rimasti a Raguxa. Qual regina Maria donò a la Zità de Raguxa de argento de glama lire 200, qual glama de argjento li Raguxei ano posto per salvazion sua in deposito. Et Regina Mara impetrò dali Raguxei, che li degjeseno Gjexia de St. Stefano fabricata per Re Stjepan suo marito, che se feze Monacha Prixchadniza, over Bizohara, et feze asai beni a la dita Giexia de St. Stefano, e retene chiave de reliquie qual erano, ma ela portò più reliquie e repose. La qual Regina Mara vedendo muri di Zità di parte de Locruma esere fate di maxera, feze fare 3 calzinare per far calzina, et feze fabricare col pietre et calzina da Castel de Custjera fino porta de St. Margarita, perche li allavo a St. Margarita feze far una *Giexola al nome de St. Margarita*, perche ela portava nome Margarita zoè Mara et in dita Giexia a posto una sua matrona vecia per governar dita Gexia, et *al di presente sono Bizochare.*

827. Regina Mara morise a Raguxa, et le cjave de le reliquie lasò a uno suo parente de Chrose, che lui de linea in linea governaseno, et che fazino pregar Dio per l'anima sua, et per suo marito . . . .

827. la mesa per Re Stefano, et per Mara sua Regina . . . . venseno
grande oste et campo soto Raguxa per domandar a Raguxa aver de Re-
gina Mara, et fezeno guasto per vila. Dove Raguxei mandorno presente de
boni vini, come ali amizi, ribole, et malvasie: quali Bosnesi vedendo vini 16
delicati et soavi, dolzi, li bevevano senza rispeto; et Raguxei di note ixitano fora per modo che tagliorno a peze la magior parte de lo campo, et altri che erano romasti parici erano presi, et parte sono scampati et a grande vituperio sono vituperati. Queli, quali sono stati presi per presoni, sono lasati soto suo sachramento de mai più non venire a far male ali Raguxei, ma sempre eser fideli amizi a Raguxei.

828. Raguxei fezeno grande oste per andar in Bosna a combatere, et fare guasti ruine, et potendo prender qualche castelo, vila, per aquistar in Bosna qualche provinzia. Tanto fezeno guaste ruine, et menarno asai de quantità de Bosnesi, perche erano Provodazi (Guide) Bosnesi.

828. A Raguxa in Gjexia de *Santa Maria* de Castel de Lave fo donata una imagine grande di Santa Maria depinta a la grechexa per una nave Veniziana venuta da Levante, qual avuto fortuna, et in fortuna . . . . arivati, et Contadi due. 100 per . . . . . Giexia ad onor de Santa Maria depoxta . . . . . et avendo fato voto, volse ventura . . . . Esendo la matina la Nave se trovò soto grebini (rupi) soto Castel de Lave, et esendo apresati soto di Castelo di Lave la fortuna zesò, et restorno in bonaza. Vedendo li marinari et Patron de la Nave che era zesata la fortuna mutarno opinione de non voler dare dita imagine, et andarno di longo; et navigando di note vense una furia di vento garbino per modo tanto grande sciopo per mezo e dete la popa; et la matina se trovarno soto Castel de Lave. Chredevano eser per anegati, e da matina chredevano eser scorsi in pju xjuso di Levante. Tuti chridavano misericordia; et come si feze giorno cjaro, si trovarno soto dito Castelo de Lave. Vedendo Patron e marinari gran miraculo subito exiteno fora tuti de nave scalzati, et tuti in camixa portando la imagine de Santa Maria. *Si trova al presente tal imagine al dito Castel de Lave.* Et ancora donarno ducati 100 per far *fabricar la Gexia de Santa Maria:* et la dita Gjexia e sta comenzata per li diti marinari, et resto ano dato li Raguxei ad onor de Santa Maria. Qual Giexia. . . . .

Zibaldone II^{do}

Memorie storiche su Ragusa, raccolte

dal

P. Gian-Maria Mattei.

(Рки. францисканской библ. № 266.)

II. Лѣтописи Дубровника по списку Стуллича 687—1543 г.

687. In Bosna fù una sanguinosa guerra, chi voleva li Duchaini di Albania per esser governati, e chi il Rè Steffano. Del partito dei Duchaini alcuni furono ammazzati nel campo, ed alcuni fuggirono, parte de' quali si ricoverò in Ragusa. I Bosnesi li domandarono dai Ragusei, ma i Ragusei non volendoli dare, li fù intimata la guerra dai Bosnesi.

Nel detto anno Rè Stefano unì un grande esercito, ed andò contro i Duchaini in Albania, i Ducaini restarono nel campo, ed il Rè fù ferito mortalmente soto la mamela sinistra col colpo d'una lancia, non lasciando erede dopo di se. Il Re Rodoslavo di Croazia fatto un esercito di valenti uomini venne in Bosna, e si impadronì di qual Regno.

688. Essendo due partiti in Bossina uno per Radoslavo, l'altro per i Duchaini, Rodoslavo radunò le truppe ed andò in Albania contro i Duchaini, i quali sconfisse, e li occupò tutte le loro Città, eccetto Alessio.

689. Molti fugirono da queste guerre a Ragusa tanto da Albania, quanto da Bossina, portando i loro averi.

690. Fù fatto un muro di macerie con travi, e legname dal Castel de Lave sotto il borgo fino al piè dela montagna alla porta di Custiera, e questo perchè a motivo delle d[te] guerre abbondava di gente.

691. Si riducono a Ragusa li uomini di due castelli di Terra ferma, cioè del Castel Spilan, e Castel Gradaz, e questi uomini eran d'Epidauro i quali dopo la destruzione di esso fatta dai Mori si eran salvati in detti due Castelli, e venuti dai due Castelli fecero le loro abitazioni in costiera del monte, e vedendo che il Castel dele Lave si aumentava per assicurarsi, si rifugiarono anche loro in quello, e tenevan per Confaloni S[ti] Zenobio e Zenobia, e battevan moneta coll'impronto di due Santi, e nel Castello Lave tenevano per Confaloni quali li lasciò il Rè Rodislavo bello, S[ti] Sergio e Bacco, e coniavano la moneta da una parte coll' impronto della Testa del Re Rodislavo, e dall' altra del Castel dele Lave, quale si spende anche ogi di, e cosi li detti uomini ridotti dai due Castelli della Costiera, quale al presente si chiama Pusterna sono sempre dell' istesso volere con queli del Castel de Lave.

743. Venne assai gente da Bossina nel Castel di Lave fugendo dalla tirannia del Re Radoslavo, e ne venero anche dei Murlachi da Narenta con gran moltitudine d'animali, deli quali fù capo Chatunaro, e li fù dato per i pascoli il monte di S. Sergio, quale era tutto coperto di boschi, i quali servivano per uso delle case, e per il legname con cui si fabricavano.

744. Li abitanti di Lave e Custiera e li Chatunari fecero ordine fra di loro, e divisero le famiglie in primati, popolani (mezzo villani), e villani, e cosi governandosi rettamente crebbero da bene in meglio.

754. Fu fatto un altro Castello nella Costiera ala Ponta di legname ed intorno di megera a riguardo del fuoco, e ciò per paura de' Mori i quali di continuo con Galere e fuste venivano nel Golfo.

771. Fu fatto il muro con pietra e calcina cominciando dal Castel de Lave per li Grebeni da parte del mare fino al Castel di Costiera, e finito il muro fù imposto il nome al paese Dubrovnik dale selve, ed in Italiano Lachusa per esser sotto di questo un lago, e furono creati tre Gentiluomini per custodia dele mura con titolo di Capitanj, e i villani messi alle guardie, e si fecero molte cisterne per la Città a motivo dela scarsezza d'acqua.

781. Fù fatta una palata per tutta la riviera del mare di dentro fino al Castello dele Lave.

801. Si trovò l'Eremita St. Ilarione in Epidauro, quale bruciò il dracone, che infestava quei contorni, e nel detto anno i Ragusei per averlo più vicino fabricarono le tre Chiese di S. Ilarione, di S. Clemente, e di S. Giorgio, ed il Sto Eremita fissò li la sua abitazione facendo molto profitto nel popolo.

803. d'Ottobre in meza notte d'un sabato il mare crebbe tanto, che anegò molti nel Castello di Pusterna, e fece gran danno delle mercanzie nelle botteghe, e S. Ilarione che si trovava in Bossina venne subito a Ragusa, e fece miracolosamente calare il mare.

813. Essendo S. Ilarione andato in Bossina, ivi morì, e restò la il suo corpo, il quale di continuo fa miracoli, ed avendo allevato seco un Prete d'Albania d[to] D. Sergio, questo venne a Ragusa, e fù fatto piovano dela Chiesa di S. Vito, la quale era dove è al presente l'arcivescovato, dove visse lungamente, e per mezzo suo si ebbe il Pannicello del Signore, come appare nel processo.

815. Essendo amico de' Ragusei il Rè Stiepan di Bosna, et avendo sentito la santità di D. Sergio, mandò a Ragusa molti Baroni, per pregarlo acciò venisse da lui; ma lui non volle farlo, e finalmente a gran preghiere de' Ragusei andò dal Rè, e ritornò poi subito a Ragusa, e dietro a lui il Rè spedi un commeso a Ragusa, il quale per divozione fabbricò la Chiesa di S. Stefano in Pusterna, e spese per Ragusei 6000, e fù posto in d[ta] Chiesa per Piovano un parente di D. Sergio a nome Stoicho, quale pregava Dio di continuo.

816. Maria Regina di Bossina del Re Steffano mandò molte sacre reliquie e gran quantità d'argento per metter le dette Reliquie, le quali furono poste in detta Chiesa di S[to] Stefano, e si trovano anche al presente.

817. Il Rè Steffano sendosi ammalato fece voto, se guariva, venir a Ragusa per visitar la sua Chiesa, e guarito mandò gli Ambasciatori de quei signori pregando, che lo volessero ricevere, e li fù risposto che eran contenti dela sua venuta, ma che gli uomini non entrassero nella terra loro, salvo lui, la Regina, e la loro corte.

Venuto il Rè Steffano ai confini di Ragusa, restarono i suoi intorno a Bergato, ed entrato il Rè, e la Regina nel loro paese, fecero le sue divozioni e distribuirono ai poveri più di p. 2000. Il Rè fù molto onerato dai Ragusei, e perciò li donò Breno, Vergato, e Ombla e la valle di Malfo, in tutte queste per sua memoria fabricò la Chiesa di S. Steffano, et lasciò

molte reliquie e argento per custodia di esse. Ed il Re Steffano voleva bene i Ragusei, perche la Regina Marra era nata dalla famiglia nobile di ✝ce (Croce) Ragusea, per linea feminina.

818. Mori il Rè Stefano, e i Ragusei li fecero fare l'essequie.

819. La regina Marra rimase senza erede, e venne a Ragusa con tutto il suo tesoro, e fecesi Pizocarā nella Chiesa di S. Steffano fatta dal suo marito, e portò moltissime reliquie, le quali tutte pose in argento, e donò ai Ragusei 200 libre d'argento con oro, ed alle sue spese fece fare il muro con calcina intorno a Ragusa dal Castel di Costiera, e fece la Chiesa di Sta Margarita, e mise le bizocare, che stanno il giorno d'oggi.

827. Mori a Ragusa la Regina Marra, e lasciò grande denaro per comprar case, e possessioni per donare la Chiesa di Sto Steffano, e instituire il beneficio, e la chiave delle reliquie lasciò alli suoi parenti della Casa Croce.

Il dto anno venne un grande esercito de' Bosnesi sotto Ragusa per domandare il tesoro della Regina Marra, e fecero grande danno, e vedendo questo i Ragusei li mandarono gran quantità di robe comestibili e vini. I Bosnesi appressi dal vino furono assaliti di notte da' Ragusei, e molti uccisero, molti presero vivi, e una picol parte salvò la vita. I presi furono per qualche tempo ritenuti, poi lasciati in libertà, con aver giurato di non venir mai più a danni di Ragusa.

828. I Ragusei radunato un grande esercito andarono in Bossina per guastare, e rovinare, e pigliar qualche castello con scorte de Bosnesi, e dopo aver fatto gran rovina tornarono.

Il dto anno venendo da Levante una Nave veneziana fù sopraggiunta da un temporale, e fecero voto, se si salvavano fabricar una chiesa in onor di Nostra Signora nella prima terra su cui arrivavano, e spender in quella p. 100 e metter dentro una palla col imagine di Nostra Signora, quale era dipinta alla Greca, e cessata la burasca si trovarono sotto la Rupe del Castello di Lave. Smontati portarono con divozione il dto quadro nel castello, e cominciarono a fabricare la dta Chiesa nel Castel di Lave, accanto alla capella de Sti Sergio e Bacco, ma non essendo bastati i dti p. 100 la Signoria la terminò.

831. Si fece tregua tra i Ragusei e Bosnesi per 50 anni, e fu conchiuso che durante la tregua ogni anno in segno d'amicizia il Rè di Bosna donasse ai Ragusei 50 Bovi, 500 animali minuti, 200 somme di grano o farina, ed un cavallo bianco; et Ragusei al Rè 14 braccia di panno di grano, et un mantello alla Bosnese, ed ora i Ragusei sono impiegatì in molti magistrati del Rè di Bossina. Fù pure stabilito con i Albanesi che gli uni agli altri debban dare il soccorso in guerra con 500 uomini pagati durante la guerra.

842. Venne a Ragusa una grossa Nave Veneta con molti Signori Pellegrini delle parti di Tramontana, e da Ponente, quali fezero grandi elemosine, ed alcuni di loro restarono in essa Città.

843. Tornò la sopradetta Galera dal Sto Sepolcro, ed era dentro un prete Albanese D. Gio: et avendo egli sentito la fama di D. Sergio, andò da lui, e portolli una cassettina serrata, pregandolo che la conservasse, ed al suo ritorno gliela dasse. Il detto D. Sergio tenne molti anni presso

di se la detta casetta, poi la mise sottera, ma non ritornò più il prete Giov: a prenderla: Onde d^{to} D. Sergio nel morire, rivelò al suo successore il secreto, ed avendo il d^{to} successore dopo alcuni anni fatto il conto dell' evo di esso prete Giovanni, che doveva esser morto, andò dalla Signoria, e li rivelò il secreto. Gli fù dato in sequela l'ordine di disotterrare la detta cascetta, e di vedere, cosa si trovava in essa, ed aperta la cassettina trovò il Pannicello del Signor coll' autentica. Allora i Signori Ragusei portarono processionalmente il d^{to} Pannicello nella Chiesa di S. Simeone, e li assegnarono per ornarlo X pp̃ri all' anno.

871. Furon grandi discordie in Bossina per la successione alla corona dopo la morte del Rè, e duraron 17 anni, ma finalmente venne un Signore da Croazia, Berislavo, e fecesi Signore di tutta la bassa Bossina.

872. Vennero a Ragusa molti Baroni, e Signori di Bossina, molti de' quali furon fatti Nobili.

971. Vennero nelle tenute di Ragusa da Venezia 35 galere, navi 35, barcasi 30, fuste 12, facendo vista di andar a Levante per prender alcune isole e Castelli, e praticavano con i Ragusei all' esteriore amichevolmente, e di volte cercavano come occuparli il territorio, ed essendo venuto in quel tempo ai Ragusei il presente dei animali di Bossina, donarono quasi tutti ai Veneziani come a loro amici, e venendo di notte per occupare il paese, trovavano un Capitano vecchione con molti uomini alla guardia, ed essendo nella Chiesa di S. Steffano per Piovano un Prete a nome Stoico di santi costumi gli apparve di notte S. Biaggio in forma d'un vecchio Vescovo, dicendoli: Dite ai Ragusei, che io finora li ho guardato dall' insidie dei Venetiani, che loro ancora si guardino in appresso. Referitosi questo al Governo, furono dapertutto messe le guardie, ed una notte venendo al solito i Venez^{ni}, molti furono uccisi, ed il resto fugì alle Navi. Vedendosi cosi scoperti, sciolsero verso Levante. Fù allora che i Ragusei presero per loro Protettore S. Biagio, ed in suo onore li fabricaron la Chiesa nella Piazza, nella quale furon spesi 13.000 ip.

972. Si fabricò una Torre ap̃po S. Biagio in 3 mesi per paura dei Bosnesi e Veneziani, nella quale si andava per il ponte, la quale costò ip̃pri 5000. e nella stessa abitava il Rettore, che si faceva per un anno colli suffragii dei Gentiluomini.

975. I Veneziani tolsero ai Ragusei di robe e mercanzie il valore di ip. 25.000, e portarono a Venezia. I Ragusei mandarono a Venezia per Ambasciatori E. Givo de Mainir, e E. Filippo de Sorenti per domandare le cose sud^{te} ma non ottennero nulla, e le robe furon messe in controbando. Allora i Ragusei fecero un ordine di non traficar più coi Venez^{ni}, e si voltarono a Sicilia, e con loro fecero molti belli patti, che si conservano fin ora.

980. L'Imperator di Constantinopoli fece grande amicizia coi Ragusei, perchè aveva bisogno deli suoi marinari, avendoli i Venez^{ni} nel Arcipelago fatto gran danno coll'armata. Fece anche egli radunare le truppe, e mandò un suo Calogero dal Monte Santo per Am̃bre a Ragusa, con una lettera in Greco del tenor seguente.

L'Imperator di Conp̃li Cesare terzo, servo di Dio, nato di stirpe Romana, amico dei amici e de buoni Cristiani, Imperator del Imperio di

Conpli, e della Natolia, Rassia, Prusia, Agiancia, Georgiani, Germania, Persia, Amasia, Lectina, Romania, Bulgaria, Slovigne (Slavonia) fino al fiume Slava, over Drava *ultra* Danubio sotto circolo di Tramontana, alli Signori Ragusei salute, pace e tranquillità, Dio vi dia. Pensando la vostra unione e buona congregazione per lo onnipotente Dio ampliata, et in sua divinamente composta, e più giudizj, e divini pronostici dalli miei savj fatti esser vostra Ragusa aumentata, che Dio dia che la sustenga nelle mani sue conservata, e li nostri malivolenti siano destrutti per sua iniquità, malevolenza e malignità, li quali con iniquità hanno pensato debellarvi, e loro pessimi per voi sono stati vergognati, e convinti, li quali sono li a voi propinqui nel angolo del Culfo, et a me hanno provocato alla sua debellazione, e distruz^ne^, e cosi io mando il mio Michele Calogero per esser con voi, e componer la vostra e nostra amicizia usque in finem.

Il Calogero presentata la lettera sud^ta^ espose dicendo, L'Imperator domanda 80 uomini per governo dell' armata, la qual vuol mandare in Golfo alla debellazione de Veneziani e domanda tre uomini savj per Consilieri al Cap̃ dell' Armata, senza i quali non possa eso Cap̃ fare cosa alcuna, e così i Ragusei li diedero.

Avendo inteso i Veneziani questa unione mandarono gli Ambasciatori dai Ragusei per rimoverli dall' Imperatore promettendoli pagar il tolto. Li Ragusei non mancarono di parola all' Imp̃re, e furono amici de Veneziani.

981. Entrarono nel Golfo 80 vele dell' Imp̃, e vennero nello stato Raguseo, ed erano navi grosse assoldate 25, gallere 12. gallere quimquereme 12, fuste 25, brighentini 6: il loro Cap̃ fù Teodoro Grecho barono di Constantinopoli. I Ragusei li diedero 80 uomini e 3 savj per uome E. Sime Barba, E. Bonde de Bisto, E. Sergi de Catena, ed andarono verso Venezia in Istria a Pola, e li Veneziani li mandarono 3 Ambasciatori con carta bianca, e furono restituiti all' Imp̃. tutti i Castelli in Levante, i danni, e spese, e per spesa dell' armata mezzo millione d'oro ed ai Ragusei per loro danni ducati 25,000. Ed i Veneziani pensano che questo danno li fù cagionato dai Ragusei, ed hanno fatto legge secreta di ricordarsi ogni Venerdi sopra le molestie recateli dai Ragusei.

997. Sono presi alcuni mercanti Ragusei dalle Gallere Veneziane con argenti e cere, che andavano nel Regno, e fù fatta legge a Venezia, che non possono condurre cera se non in Venezia. Li Ragusei maudarono a Venezia E. Jaco de Luccari, E. Dobro de Ribiza, li quali furono trattenuti a Venezia ne li fù data l'udienza vedendo questo gli Ambasciatori, esposero in publica piazza la loro ambasciata, e tornarono a Ragusa. Indi fù fatta legge, che nessun mercante Raguseo possa andar a Venezia colle mercanzie, se non in Puglia, dove erano ben accetati, e privilegiati.

1000. Vennero a Ragusa gli Ambasciatori Veneziani per trattar la pace e patuirono in tempo di guerra ajutare l'uno l'altro con una Gallera, e li Ragusei donar ogni anno ai Veneziani tre caratelli di Ribola, e tre di Malvasia, e due Ginee, e li Veneziani donare ai Ragusei 14 braccia di scarlato e due bovi salvatici.

1001. I Ragusei fecero guerra per tre anni col Rè di Bosna, e perdettero molta gente.

1012. Fù portato a Ragusa il corpo di S. Biaggio da un Greco, e li furon donati ducati 500.

1016. Il giorno della Resurrezione tolsero i Ragusei il Castello di S. Nicolò che era per mezzo Ragusa, ultra il paludazzo, fabbricato dal Rè di Bossina per assedio di Ragusa, e ciò coll' intelligenza del Capitano del Castello, il quale avea nome Vuk Gradinich, e perciò fù fatto nobile di Ragusa, e la sua famiglia è ora quella di Gradi. I Ragusei in memoria di tal liberazione per voto ogni anno il giorno della Resurrezione vanno processionalmente in S. Nicolò, ed il Castello fù spianato, e fù fatto un muro di macerie e di pali intorno al detto castello, e fù ingrandita la Città ultra il palludo, ed il medesimo fù atterato ed ivi si fece la piazza.

1017. I Ragusei fecero pace col Rè di Bosina per molti anni trafficando in Bosina con gran guadagno.

1018. Avendo sentito i Ragusei d'essersi preparati i Veneziani con una flotta per venire a fabbricare un castello sulla rupe vicina alla città dove è adesso il castello di S. Lorenzo, i Ragusei in pochi giorni fabricarono il castello sulla rupe stessa nominandolo S. Lorenzo, ed essendo pochi giorni dopo venuta l'armata de' Veneziani con pietre quadrate e calcina cotta per fabbricare il detto castello, lo trovarono già fatto e munito dai Ragusei, perciò proseguirono il loro viaggio verso Levante ove fabricarono per alcuni scogli dei Castelli, e levarono ai galeotti un quarto del salario come fanno anche ogidì per aver fatto la spesa per i detti materiali innutilmente.

1116. Il Rè Luigi d' Inghilterra e la sua Regina essendo andati al S. Sepolcro in una nave Veneziana, e ritornando dopo essere entrati nel Golfo, le assalì una gran burrasca, e credevano di dover perire. Il Rè però e la Regina fecero voto di fabricar due chiese e spender in esse cento milla ducati per ciascuna e fabbricarle una nel suo paese, e l'altra nel primo dove approdassero, dopo poche ore arrivarono allo scoglio di Lacroma, ed ivi subito sbarcati segnarono il luogo per fabricar la detta chiesa. Avendo ciò sentito li mandarono 12 gentiluomini con regali e lo invitarono in città al allogio, il quale venuto fù ricevuto con gran festa e li Ragusei lo supplicarono, che fabricasse la chiesa in Città; lui però fabbricò a Lacroma una chiesa, ed un monastero ad onore di S. Maria e lasciò il denaro per le messe da celebrarsi il giorno della Purificazione. Lasciò poi il Rè un suo commesso per fabricar la chiesa in Città, la quale fù fatta in cima della Piazza e fù dedicata a Santa Maria, e fù fatta Catedrale, e furono spesi ducati 80,000, e ducati 20,000 furono dati ai Ragusei per fare gli ornamenti della medesima, e si fece la fabrica 44 anni, e fù compita nel 1160. Dovendo partire il Rè da Ragusa li diedero una gallera, la quale lo sbarcò nella Marca d'Ancona.

1122. Fù menato da Venezia il primo Rettore di Ragusa che durò 20 anni la prima volta, e li seguenti si mutavano ogni tre anni, vivendo tirannicamente, e volendo usurpare i beni de Ragusei. Questi sono i loro nomi: E. Marco Dandulo, E. Tristan Ponte Storto, E. Marino Contarini, E. Giovanni Tiepolo, E. Piero Molin, E. Giacomo Desodoro, E. Marco Giustiniani, il quale il primo ordinò a Ragusa lo Statuto, E. Marino Badoer, E. Bartolo Gradenigo, E. Lodovico Morosini, E. Filippo Giustiniano, E. Paolo Trevisano, E. Biagio Zeno, E. Baldoino Delfin, E. Niccolò Faliero, E. Pietro

Tiepulo, essendo Conte a Ragusa fù fatto suo Padre Doge a Venezia, e nel suo tempo fù accresciuta la Città di Ragusa, cioè il Sesterio di S. Biagio, E. Marco Giustiniano un' altra volta, E. Andrea Venier, E. Marco Zeno, E. Marino Dandolo, E. Marco Badoer un altra volta, E. Marin Maurozeno, E. Mauro Zeno, E. Marin Zendini, E. Andrea Deauro, E. Giacomo Condulmer, E. Marino Badoer, il qual avendo fatto il suo reggimento di 6 anni fù fatto Doge a Venezia, E. Benedetto Falliero, E. Pietro Ral, E. Andrea Marcello, E. Andrea Deauro un altra volta, E. Bartolo Gradenigo, E. Paolo Morosini, E. Gulielmo Giustiniano, E. Lodovico Morosini, E. Cristoforo Zeno, E. Andrea Cavelli, E. Filippo Bilegno, E. Giovanni Foscari, E. Pietro Zeno, E. Giacomo Morosini, E. Marco Soranzo, E. Trifon Contarini, E. Giovanni Delfino, e E. Marco Sosurazan.

1142. I Ragusei guerreggiavano coi Bosnesi, ed i Veneziani mandarono a Ragusa 500 fanti, i quali invece di giovare erano insofribili, i Ragusei mandarono i detti soldati a Narenta contro i Bosnesi dove furono tagliati a pezzi, ed allora i Ragusei licenziarono i Rettori Veneziani, ed allora cominciarono a fare per Rettori i nobili Ragusei per mesi 6, ed il primo fù E. Pietro di Ragnina.

1147. Si fece la pace coi Bosnesi, e molti vennero ad abitare a Ragusa con molto oro ed argento.

1161. Fù fatta una croce d'argento nella Chiesa di S. Maria d'orata, e due figure intorno che costò ducati 6000.

1182. Cominciarono a farsi i Rettori di Ragusa d'anno in anno con salario di perperi 300.

1249. Ai 2 7bre, furono tre fratelli Pietro, Lorenzo ed Andrea del luogo detto Gianich vicino a Cattaro, i quali furono martirizzati e sotterati in ripia nel deserto in un gran fosso sopra un monte dove stettero anni 88. Questi Santi essendo apparsi ai Cattarini acciocchè venissero a prendere i loro corpi, ma questi non diedero retta. Uno venne a Ragusa e contò questo a Ragusei. Questi subito armarono una gallera e mandarono con essa molti religiosi. Questi venuti al luogo indicato doppo aver levato una gran congerie di sassi, trovarono li tre S. Martiri, i quali portarono nella gallera, e portatili a Ragusa li riposero fra le sacre reliquie.

1251. Fù fabricata una Chiesa in piazza dai mercanti Ragusei ad onor dei detti S. Martiri che costò ducati 1200, e la signoria promise ogni anno ai 7 di Luglio di fare portare processionalmente i loro corpi alla detta Chiesa.

1253. Fù gran guerra tra i Ragusei ed i Bosnesi, ed i Ragusei perdettero molta gente ed averi, e durò 4 anni.

1257. Si fece la pace coi Bosnesi, ed il Rè diede molti privilegii ai Ragusei.

1260. Fù fatto Conte a Ragusa un nobile della casa Giuda, lo quale avendo compito un anno di Rettorato, colle sue ricchezze fece ellegersi per un altro anno e si fece tiranno a Ragusa, il quale avendo un suo genero mercante a Venezia, e questo avendo sentito la tirannia del suo suocero, con intelligenza dei Ragusei domandò dai Veneziani un Rettore, il quale col detto genero del tiranno si portò a Ragusa in una gallera dove arrivati, avendo il Rettore Giuda sentito d'essere arrivato il suo genero

lo invitò con sopracomito ai pasti e dopo qualche giorno il sopracomito invitò il Rettore alla gallera a desinare, essendosi portato a tal mottivo Giuda nella gallera fù fatto prigione e restò a Ragusa un Rettor Veneziano, vedendo questo Giuda, si am̃azò battendo colla testa alle tavole della gallera: questo fù nel 1263 ed i Rettori Veneziani si mutavano ogni 5 anni.

1272. Fù una gran fame a Ragusa e venne un albanese mercante con gran quantità di sorgo e di miglio e poi fù fatto per tal motivo nobile Raguseo e fù detto di Sorgo.

1279. Vennero a Ragusa mercanti Bosnesi, con gran quantità d'argento mescolato con oro, il quale secretamente fù portato e venduto a Venezia per puro argento non sapendo potersi separare, e questo durò 7 anni i Ragusei poi scoperto questo facevano guadagno di 200 per %.

1293. Fù a Ragusa mortalità grande per il mal mazucco.

1320. I Ragusei diedero il primo tributo all'Imperator di Constantinopoli di ducati 500 per essere liberi per tutto il suo paese, e lui li diede molti privilegii.

1333. Essendo un gentiluomo Cattarino Buchia della corte del Rè di Bosnia, e suo secretario per suo mezzo il Rè donnò ai Ragusei Stagnio, e Ponta, e per tal mottivo i Ragusei fecero nobile esso Bucchia e suoi discendenti. I Ragusei poi fecero murare Stagnio, e fare due Castelli, et altre fortezze, e spesero ducati 12.000.

1334. Avvendo i nemici dei Ragusei mal informato il Rè di Bosnia, che i Ragusei non potevano difendere Ponta e Stagnio mandò a Ragusa gli ambasciatori per riprenderle, ed i Ragusei avendoli menato a Stagnio, e fatto vedere le fortificazioni tornarono indietro, ed il Rè per tal causa mandò a Ragusei per ajuto della fabrica di Stagnio cento libre di peso d'argento e cento d'oro.

1348. Fù a Ragusa una peste crudelissima e morirono della nobiltà 137, del popolo 300 e del popolo minuto 7000, ed allora per divozione fù fabricata la chiesa di S. Biagio in piazza come al presente si vede, la quale essendo stata fatta piccola in questo tempo fù ingrandita il quale sempre ha conservato questa città dalle insidie dei nemici, e la peste durò un anno.

1349. Venne a Ragusa il Rè e la Regina di Bosnia, per visitare le chiese, e fece molte limosine e donni grandissimi di perle, ed argento, il qual Rè impetrò dai Ragusei il dazio dei pesci ed altri dazii per le monache, e dei sali moggia 500 di Stagnio.

1351. Il Rè di Bosnia domandò dai Ragusei gentiluomini giovani, e li furono mandati 3 savj, i quali ebero grande autorità nel suo regno.

1355. Morì il Rè di Bosnia a 18 di 7b̃re, e nel detto anno i Genovesi presero Costantinopoli, e tornò di nuovo nelle mani dei Greci Imperatori coll'ajuto di Hotmanbegh genero dell' Imperatore.

1357. Passarono i Turchi da Natolia in Romania, e fabricarono una fortezza in Gallipoli, e cominciarono ad infestare i confini di Scisman Rè di Bulgaria, ed in un anno lo debellarono e lo uccisero in guerra e presero Adrianopoli.

1361. I Ragusei guereggiarono con Voifar Voinovich Barone di Bossina. Nel detto anno da Alessandria fù portata la pesta a Ragusa, e durò

un anno. Nel detto anno ai 15 Gennaro fù ucciso Despot Ugliesca, e Vukascin suo fratello nella guerra con i Turchi.

1363. Fù peste a Ragusa per 3 mesi.

1368. Il Rè Ladislavo di Ungharia venne con grandissimo esercito contro i Veneziani fino a Mestre e brucciò e li fece gran danno ed i Veneziani li mandarono due Ambasciatori, e li resero tutte le terre per Dalmazia, e li diedero il tributo annuale di ducati 12.000 e dodeci falconi, e botti 30 di malvasia, e pezze 4 di scarlato.

Il d[to] anno per commando del medesimo Rè Ladislavo di Ungharia furono liberati i Ragusei dai Rettori Venez[ni]. Per tal motivo in Venezia fecero molti privilegj ai Ragusei, e li Ragusei si posero sotto la protezione di Ungharia. E dal detto tempo portano il suo stendardo, e hanno donato al Rè ogni anno ip. 500 senza obbligo, e fù concesso ai Ragusei che sempre l'arzago d'Ungheria sia in ajuto dei Ragusei.

1369. Molte terre in Dalmazia furono donate ai Ragusei dal Rè di Ungheria, quali tennero molti anni.

1370. Ebbero guerra i Ragusei con Nicolò Signore di Bosna, e poi fecero pace con lui.

1370. 29 7bre arse a Ragusa la parte di Gorisete, e per tal rovina, che fù grande, li Ragusei vollero desabitar Ragusa, ed andar ad abitare in Calabria, dove li era concesso il loco dal Rè di Puglia, che fino al giorno d'oggi si chiama de Ragusei ed in quel tempo essendo a Ragusa un gentiluomo di casa Volcasso, e per non lasciar partir li Ragusei parti fra li gentiluomini perperi 40 m., e per tal causa non si partirono da Ragusa.

1371. Molti Bosnesi venero habitar a Ragusa con gran richezze, e sono li primi del popolo.

1378. Il Rè Vladislavo d'Ungheria andò con grande esercito contro i Veneziani, e brucciò Mestre, e volle atterrare Venezia, e questo perchè i Veneziani, li avevano tolto molte terre a Frivoli, e li accordarono le terre, e li pagarono le spese.

1379. A 17 Maggio fù intimata la guerra fra i Veneziani e Genovesi, ed i Ragusei si unirono con i Genovesi, e fù l'armata dei Genovesi gallere 25, fuste 12, navi grosse 40, e fù Capitano Luciano Doria, et i Ragusei gli diedero due gallere con i Capitani Ser Matteo di Giorgi, e E. Marino di Bodaza, e li Veneziani ebbero gallere 40 e navi 12 col Capitano Generale l' Vittor Soranzo, entrando l'armata dei Genovesi nel Golfo col scirocco, l'armata dei Veneziani stava a Cigala, ed a S. Pietro di Neve. I Genovesi una mattina assaltarono i vascelli Veneziani dove perirono dei Veneziani 3500 ed andarono a fondo tre gallere, e due navi, e dei Genovesi pochi meno ed avendo incalzato il scirocco favorevole ai Veneziani fugirono verso Venezia. I Genovesi inseguendoli andarono nel porto Cioza. Vedendo i Veneziani l'armata dei Genovesi ivi unita empirono di sassi due grossi barchi per serare la bocca del Porto. Tal preparativa fù scoperta ad un sopracomito Raguseo da un Veneziano suo amico ed avendo informato il General Genovese non gli prestò fede. Vedutosi questo dai Capitani Ragusei sotto pretesto di voler riparare le loro gallere dall'aqua presero licenza ed andarono a Ravenna. Il giorno seguente fù effetato dai Veneziani quanto fù detto, e l'armata Genovese restò serata nel Porto. Dopo

alquanti giorni i Genovesi resisi a mottivo della fame furono tagliati a pezzi.

1380. I Veneziani per vendicarsi dei Ragusei mandarono alcune gallere e brucciarono il territorio di Ragusa, e quello di Narenta allora soggetto ai Ragusei. I Ragusei domandarono ajuto in Bossina ed essendo venuti molti uomini a Malfi presero due gallere Veneziane e fecero prigioni tutti gli uomini, quali i Veneziani riscattarono per ducati 15 m. i quali denari furono dai Bosnesi, ed allora fecero tregua i Veneziani con i Ragusei per anni 10.

1381. Fù fatta pace fra i Veneziani ed i Genovesi per mezzo del Rè Vladislavo d'Ungheria, il quale morì l'anno seguente ai 14 di Settembre.

1383. Fù fabricato il Castello di Ban Stanich. Il detto anno vennero in Golfo due gallere Francesi sotto la condotta di Tristan, e Carlo a danno dei Ragusei, ai quali fecero gran danno. I Ragusei gli andarono dietro con tre gallere e li raggiunsero vicino a Curzola e li presero le due gallere e li fecero prigionieri. Tra di essi vi furono dei Signori di rango, i quali furono trattati secondo la loro condizione, ed ivi stettero prigioni mesi 8, e furono presi ai 27 7bre, i quali col giuramento d'amicizia furono lasciati.

1384. Morì il Ducca Gioanni a Bari di Puglia.

1385. Carlo Rè di Francia passò per Italia in Ungheria per farsi Rè d'Ungheria, dove dopo un anno fù amazzato (a 7 Febbraro 1386.)

1388. Furono rotti gli Ungheri dai Bosnesi in Bosina in Bilecia da Vojvoda Vukoevich, che aveva 1700 lance dove v'erano 20,000 Turchi li quali quasi tutti perirono.

1389. 17 Giugno. Il gran Turcho Amurato in Cossovo Poglie attaccò la battaglia col Rè di Bossina, Despot Lazar, Vuk Brancovich, e Vlatko Vukoevich Voivode, e perì il gran Turco, ed il Rè, ne vi fù vittoria.

1391. 15 Maggio. Fù portata la peste da Roma a Ragusa, e morì gran quantità di persone, avendo durato mesi 6. Elio di Saraca gentiluomo Raguseo Arcivescovo 27 Febraro. Vennero a Ragusa Voivoda Sandagl, Voivoda Stoico, e Paolo Radanovich, dove si tratennero 5 giorni, e li furono donati 240 ducati.

1394. Morì il Gran Turco Mehmet, e fù fatto a suo luogo Pajasit.

1398. Ostoja Rè di Bossina vendette ai Ragusei le Terre nuove, e li volle donare altro paese, ma i Ragusei per riguardi non l'accettarono.

1399. Erano a Stagno uomini scismatici, e tenevano i callogeri. I Ragusei misero i Frati Francescani della congregazione di Bossina, e per questa rimozzione diedero ai callogeri del Monte Santo perperi 500 quali denari è rimasto in uso di dare ogni 3 anno ai detti callogeri. Dopo 50 anni furono mutati i Minori Osservanti.

1400. Il Rè Vladislavo d'Ungheria, ed il Duca di Borgogna intimarono la Guerra a Pajasit Turco, ed essendo vicini al Danubio d'inverno il Duca solo senza aspettare gli Ungheri, e scender da cavallo i suoi attaccò il Turco e fù rotto, restando prigioniere. Fù condotto avanti Pajasit, il quale lo fece porre a cavallo, e frustarlo, indi si riscattò con ducati cento milla. Fù rotto poi anche il Rè d'Ungheria, e scampò con pochi paroni in Albania per Bossina dove i Veneziani gli diedero una gallera, quale lo con-

dusse a Ragusa, ove stette mesi quatro. I Ragusei lo trattarono magnificamente spendendo per i doni ducatti 15,000. Indi armarono due gallere colle quale andò a Sibenico indi a casa sua, e mantenne sempre l'amicizia ai Ragusei.

Il detto anno fù peste a Ragusa, e durò due anni, e morirono gentiluomini 560, e gentildonne 207, e del popolo 4600.

1401. Fù scoperto un tradimento il giorno di 40 Martiri, e fu tagliata la testa a molti cittadini, e furonò uccisi 4 gentiluomini Karvetichi Niccolò, Lovrizza, Simone e Mihoc.

1409. Voivoda Sandagl Hranich di Bossina vendette ai Ragusei la mettà di Canale dalla parte di Levante, e fù piantato un pilastro per confine, per ducati 16,000.

1416. I Ragusei cominciarono a pagare al Turco Pajasit il tributo di ducatti 500 all'anno per potere praticare nel suo paese. Nel detto anno fù portata la peste a Ragusa da E. Paolo di Gondola. Il detto anno morì Pajasit, e li successe Amurat.

1422. Stiepan Despot incarcerò tutti i Ragusei nel suō paese, molti acciecò, ed a molti tagliò le mani, e fece altra crudeltà, e li tolse in robe e denari ducati 30,000.

1423. Fù divisa la contrada di Canali fra i Ragusei, e Raosao Pavlovich.

1424. Il Governo tolse dalle mani della batessa di S. Simeone il Pannicello, che tagliava, e dava per divozione atteso, che cresceva, ma avendo dato alla Regina di Bosina, che era scismatica, non crebbe.

1427. I Ragusei comprarono l'altra metà di Canali da Raosao Pavlovich per ducati 20,000.

1430. Del mese di Maggio. I Ragusei combattono a Trebigne con Raosao Pavlovich perchè li faceva danno.

1433. Morì Sandagl Hranich Paron di Bosina. Si cominciò a fare il panno a Ragusa da Pietro Pantella Fiorentino.

1437. Fù peste a Ragusa da Ser Marino di Resti Rettore.

1438. Fù condotta l'acqua da Gionchetto a Ragusa per un canale di miglia 8 da un Napolitano per nome Onofrio, e fù pagato ducati 8 milla, e furono spesi in tutto ducati 12,000.

1441. Ghiuraj Despot fù cacciato dal suo Dominio da Amurat, e venne in Albania nelle sue terre per andare a Costantinopoli perchè l'imperatore di Costantinopoli gli era parente per parte di moglie, ed essendo in Albania i suoi suditi trattarono con Turco per darglielo nelle mani. Avendo lui avuto questo sentore fugì a Ragusa con tutto il suo vallore di ducati 80,000. Indi il Turco mandò a Ragusa un sglavo per domandare dai Ragusei il med^{mo} promettendoli di darli il territorio da Bojana fino a Cattaro, e liberarli dal tributo, ma i Ragusei li negarono.

1442. Ghiuraj Despot avendo preso consiglio cogli Ragusei andò in Ungheria colla famiglia, e portò ip. 40,000, ed il resto lasciò a Ragusa in deposito; andarono con lui E. Damian Giorgi, e E. Pasquale Giugno di Sorgo, e molti altri, ed essendo venuti in Ungheria tolse a soldo Janco Voivoda con molti Ungheri e venne nel suo paese, gueregiò col Turco, e ricuperò il suo.

1443. Detto Ghiuraj fece pace col Turco. Morì al detto anno Vladislavo Rè d'Ungheria, e la Regina restò gravida e Janco Voivoda governò il Regno finchè partorì la Regina. Il Turco Amurat il detto anno avendo pace colli Ungheri, con Ghiuraj Despot, e coll' Imperator di Costantinopoli, ne avendo con chi guereggiare in Romagna deliberò di andare in Amasia a triomfare, e lasciò in Adrianopoli suo Figliuolo Mehmet col Consigliere Mahmut Angelovich, e lui andò in Atolia.

1444. I baroni d'Ungheria fecero consiglio per mandare in Polonia Mateo Ban Raguseo per cercare per Rè d'Ungheria Vladislavo fratello di Casimiro Rè di Pollonia, e non aspettare il parto della Regina, il quale accettò.

Fecero poi consiglio gli Ungheri di andare contro il Turco per cacciarlo da Adrianopoli, che ogni giorno avvanzava, e mandarono ad invitare Ghiuraj Despot, il quale avendo prima giurato di non voler combattere contro il Turco non volle finchè il Papa non li impose, e così si esibì ai Ungheri di venire.

Il detto anno fù ordinata la crociata da Christiani contro i Turchi, e gli Ungheri si posero in ordine per terra, e quando furono nel viaggio Ghiuraj Despot non volle venire. I Veneziani diedero gallere 40, Genovesi navi grosse 30, Papa gallere 30, ed i Ragusei gallere 2 delle quali fù sopracomito E. Giupano di Bona, e E. Marino di Giorgi, e venuti nel Arcipellago conchiusero di serrare i passi al Turco perchè non possa da Natolia venire nella Romagna. Gli Ungheri ridussero in gran strettura i Turchi in Adrianopoli, un una notte Amurat passò con grande esercito da Natolia in Romagnia per il passo, che custodivano i Veneziani. Fù ordinato il combatimento nella campagna di Varno, e furono deputati per comandanti Janco Vòivoda, e Zarni Mihalglio, e che il Rè non entrasse nel campo. Il Turco comminciò a perdere, e vedendo questo i baroni persuasero il Rè ad entrare in battaglia, il quale fece urtare col esercito nei steccati del Turco dall' altra parte, e fù rotto l'esercito del Rè. Janco Voivoda non sapendo niente tornò dalla battaglia, e trovò l'esercito Unghero rotto, fù inseguito dal Turco, e fù rotto anche esso, e tornando fù fatto prigione da Ghiuraj Despot.

1445. Il Gran Turco Amurat avendo rotto gli Ungheri, ed impadronitosi della Romagna aggiunse al tributo de Ragusei ducati 500.

1448. Il Turco si impadronì di molte terre in Romagna.

1449. Morì Amurat e li successe Mehmet. Detto Mehmet gravò i Ragusei di tributo ducati 500 in tutto 1500.

1450. Ai 2 7bre fù preso dai Ragusei un corsaro per nome Torretto con sette compagni quali furono tutti appiccati.

1451. 25 Giugno. Stiepan Herzegh intimò la guerra ai Ragusei, e si accampò sopra Bergato indi a 30 detto i Ragusei uscirono a combattere e furono rotti. Primo Luglio. I Ragusei fecero la taglia a Stiepan Herzegh di dare a quello, che lo amazzasse o glielo dasse vivo ducati 10,000, ed una casa a Ragusa, ed una possesione di valuta di ducati 3000, e farlo gentiluomo Raguseo. I fratelli Vlatchovichi cominciarono a procurare questo per guadagnare la promessa, ma avendo scoperto questo ai 7 Luglio fuggì

via per non essere amazzato dai suoi, e per paura fece la pace con i Ragusei.

1452. Aprile. Furono a Canali due scismatici Bogdan e Ratco suo figliuolo, i quali facevano gran rovina, e furono menati a Ragusa, ed appiccati. Furono fatti gentiluomeni a Ragusa tutti i Vlatchovichi, e li furono date due case.

1453. 29 Maggio. Il Gran Turco Mehmet prese Costantinopoli, e lo mise a sacco facendo schiavi gli abitanti. A detto anno Giorgio Schender Begh fù scacciato dai Turchi dal suo paese d'Albania, e fugì con la sua famiglia in Puglia. In questo fù molto ajutato dai Ragusei. Il detto anno il gran Turco Mehmet radoppiò il tributo ai Ragusei facendosi pagare ducati 3000 all'anno. Il detto anno fù spedito dalla Porta uno sglavo con ottanta cavalli a Ragusa per la differenza, che i Ragusei avevano con Stiepan Herzegh, ed avanti di lui si accordarono.

1454. Li Turchi levarono a Ghiuraj Despot tutta la Despotia, lasciandoli solamente Smederevo. Il detto anno venne da Puglia a Ragusa in un gripo Giorgio Scenderbegh, e fù chiamato a Castel nuovo da Stiepan Herzegh ma non volle andare non fidandosi, ed i Ragusei in una gallera lo menarono in Albania suo paese a Redoni.

1455. Morì Ghiuraj Despot in Smederevo, e restò in suo luogho suo figlio Lazaro Despot.

1456. Il Gran Turco fù rotto a Belgradi dagli Ungheri.

1458. Il Gran Turco aggiunse al tributo dai Ragusei ducati 2000.

Il detto anno il Gran Turco Mehmet prese Smederevo, e Lazaro Despot fugì in Ungheria. I Ragusei mercanti furono ivi molto daneggiati.

1459. 7 Giugno. Un Raguseo a nome Iurai Cresman portò a Ragusa il braccio destro di S. Biagio, e li fù donata una casa a Ragusa di ducati 1000.

1460. Entrò nel regno d'Ungheria il Rè Matiasc, e per forza d'arme si fece Rè.

1462. Morì Alfonso Rè di Puglia, ed entrò nel Regno di Napoli Ferdinando. Nel detto anno tutti i mercanti Ragusei nel paese Turco furono pigliati, e tenuti per schiavi per pochi giorni, poi furono lasciati senza danno.

1463. Il Gran Turco Mehmet pigliò tutta Bosina, ed il Rè Tomasc col suo esercito fù ucciso sotto Blagai. In questo tempo furono rovinate molte case a Ragusa per fortificare la Città perchè il Turco di Bossina venne sotto Ragusa fino a Sutisca, ed ai cavalli cadevano i ferri dai piedi, e vedendo questo miracolo tornò indietro. I Ragusei domandarono dalla Christianità il soccorso, il quale gli fù mandato, tolti i soli Veneziani.

ai 8 di Agosto. Si brucciò il Palazzo del Rettore a Ragusa a ore 18 del giorno, e si brucciarono gentiluomini 4, ed altri cittadini 104.

1464. Fù peste a Ragusa e durò 3 anni.

1466. ai 9 Febbraro. Venne a Ragusa Stiepan Herzegh e Pasian, e Bosco Jagn, ed Ivanisc Vlatkovich, e Sarko, e Fadia suoi fratelli per nome degli Ungheri, e venne anche uno sglavo del Gran Turco; ivi communicarono fra di loro alquanti giorni, indi partirono. Dopo la partenza loro venne per le parte d'Ungheria a Ragusa un nobile Raguseo E. Giugno

Marino di Giorgi, recando notizie, che i sudetti erano venuti per esaminare, se potevano occupare la città di Stagno per conto del Re d'Ungheria.

detto anno. Morì a Castel Novo Stiepan Herzegh, e li successe Vlatko suo figlio.

1467. Vlatko Herzegh si maritò in Puglia, e la sua moglie venne da Barletta a Ragusa in una gallera Ragusea, la quale li condusse poi a C. Nuovo, e i Ragusei spesero nel trattarlo ip. 1000, e finchè visse fù loro amico.

1471. 23 Febbraro. I Turchi guastarono Canali, perchè i Ragusei non volevan pagare di tributo più di ip. 3000, ma costretti poi pagarono i restanti ip. 2000, indi li fù cresciuto il tributo fino a ip. 8000. I Ragusei per paura del Turco Mehmet scavarono il fossato alle Pille.

1474. Março Gagrizza Cittadino Raguseo stando a Vallona aveva trattato per tradire Stagno, ed essendo venuto a Ragusa fù strangollato, e gettato dietro Lacroma.

1475. Il Gran Turco Mehmet prese Scutari ai Veneziani.

1476. Fù aggiunto dal Turco Mehmet ai Ragusei di pagare il tributo in tutto ip. 10.000.

1479. Givan Pripcinovich, e Cristoforo suo figliuolo cittadini Ragusei tradiron della patria condotti da Costantinopoli, e comprati per ip. 3000 furono uccisi in prigione.

Fù ridotto il tributo a ip. 13.000.

1480. 5 Aprile. I Turchi saccheggiarono la contrada di Canale, perchè pretendevano che i Ragusei gli avessero promesso ducati 3000 di tributo di più all'anno per averli dato i detti traditori quel chè gli avevano promesso per una sol volta, e così seguitarono a pagare ip. 13.000, e mandarono due Ambasciatori alla Porta E. Gioanni di Palmotta, e E. Giacomo Pietro di Bona, i quali ricuperarono gli uomini condotti da Canali andando per il paese con uno sglavo. Il detto anno fù ridotto il tributo a ip. 15,000, e fù fatto il patto, che i Ragusei vendano i sali per le scale cioè a Castel Nuovo, Rissano, Ragusa, Narente, e che diano la metà del ritratto al Turco, questo fù a tempo di Mehmet.

1481. 22 Aprile. Morì Mehmet, ed alli 24 Maggio li successe Pajasit suo figlio. Il detto anno ai 22 Giugno furono fatti gli Ambasciatori a Ragusa per mandarli a Pajasit per rallegrarsi della sua creazione con dono di ducati 5000.

Ai 12 7bre tornarono gli Ambasciatori da Costantinopoli, i quali furono ben accetati dal Turco, e li ridusse il Tributo a 12,000 ducati. Gli diede grazia che le robe dei Ragusei, che morissero in Turchia siano libere; che paghino per il paese il dazio di mezzo per cento; che nel paese Turco i Ragusei possano amministrare la giustizia fra di loro, e che al Tribunal Turco non possano testificare contro il Raguseo meno di 12 Hogge, e due Cristiani. etc. Ai 15 ottobre fù peste a Ragusa da E. Nicollo di Giambiagio Ragnina, e durò 3 anni, e morirono fra nobili ed il popolo 2082.

1482. Fra Giorgio M. O. Raguseo portò a Ragusa la mano destra di S. Gioanni Battista. Il detto anno i Veneziani fecero guerra al Duca di

Ferrara, e presero Pollesine e Frivolli, e se i Ragusei non soccorrevano colle vettovaglie i Ferraresi, i Veneziani avrebbero presa Ferrara.

Il Duca di Calabria figliuolo del Rè Ferdinando venne nel Golfo coll' armata per ajutare i Ferraresi, e furono prese molte gallere ai Veneziani, che restarono a Ferrara, e poco mancò, che il Duca di Calabria non prese Corzola.

1483. Vlatko Herzegh fugì da Castello Nuovo, ed andò in Ungheria del mese di Marzo. Fù fatta pace fra i Veneziani e Ferraresi, e restò presso i Veneziani Pollesene.

1484. Avendo i Veneziani terminato che le barche Ragusee non possano navigare in alcuno luogo Veneziano, i Ragusei allora cominciarono a navigare fuori Golfo con navi grandi non avendo avuto fino a quel tempo, che barche piccole. Il detto anno gli Ambasciatori Ragusei menarono da Costantinopoli E. Nicolò Marino di Resti al quale fù troncata la testa nel Palazzo per avere contrattato con certi Turchi per Stagno ed alli suoi figli fù fatta pena dela vita che non possano star nei luoghi di Levante.

1485. Fù presa Vienna e molti Castelli attorno da Matiasc Rè d'Ungheria.

Il detto anno vennero 3 fuste Siciliane a danno dei Ragusei e vennero fino a Grebeni e presero 3 nobili E. Marino Nico di Gradi, E. Nicolò Frañco di Tudisi, e E. Savino Marño di Menze, ed altra gente n° 75. Armarono intanto i Ragusei una galera, che li andò dietro in Puglia, e prese due fuste, fugendo la gente in terra, nelle quali ricuperarono due gentiluomini, e molte altre persone, e presero tre uomini delle fuste, che erano venuti a spiare, e la terza fusta fugì in Sicilia, a d^ti 3 uomini fù levata la vita a Grebeni.

1489. Fù murato il tetto avanti il Palazzo a Ragusa, e fatto in Piazza il muro dell'Arsenale.

1490. Morì il Rè Matiasc di Ungheria, e gli Ungheri non vollero accettare Jagn suo figlio, e mandarono in Polonia per cercare per Rè Vladislavo fratello di Alberto Rè di Polonia, e Jagn fugì da Ungheria.

1491. Fù fatta la sala del gran Consiglio sopra il Fondico a Ragusa. Il detto anno fù peste a Ragusa, e durò tre mesi. Allora furono mandati in Ungheria gli ambasciatori E. Stefano Marino di Zamagna, E. Francesco Giovanni di Sorgo, e E. Stefano Gianni di Gozze all' incoronazione del Rè Vladislavo, e portarono a Ragusa lo stendardo del Rè Matiasc di vallore di ip. 600, e furono accetati dal Rè onorevolmente.

1492. Venne in Bosina Pajasit, ed i Ragusei temendolo mandarono a domandar soccorso da Vladislavo d'Ungheria quale li mando 108 tarasi di ferro, ed Ungheri 150 promettendoli, se farà di bisogno, che anche lui verrà in persona contro i Turchi.

1493. Morì a Napoli il Rè Ferdinando, e fù fatto al suo luogo il suo figlio Alfonso.

1494. Furono mandati all' incoronazione dal detto Rè gli Ambasciatori E. Francesco Simon di Giorgi e E. Stefano Giugno di Gradi, e furono ben accetati.

1495. Fù mortalità a Stagno e durò 6 anni, e morivano di febre, e morirono 30 nobili Ragusei, ed altri uomini 800.

1496. 28 Ottobre. Essendo radunato il gran Consiglio di Ragusa per creare il Rettore a ore 17 fù un terremoto teribile, e dietro a questo un altra volta dopo alquanti giorni replicò, che cascarono molte case.

1499. Lodovico Duca di Milano mandò a Ragusa all' altare di S. Biagio per divozione due paramenti forniti, e due fornimenti d'altare tutto di punto d'oro, perchè il detto altare era fatto dai suoi antichi.

1500. Fù peste a Ragusa e durò due mesi, fù portata dai Romeri del mese di Maggio.

1501. Venne una fusta Turca da Vallona in Golfo a danno dei Veneziani, e prese sotto Lacroma un barcaso Veneto con carico e lo menarono avanti il porto di Ragusa. I Ragusei donarono alla fusta ducati 200, e lasciarono il barcaso, gli uomini ed il carico in pace. Sentendo questo i Cattarini armarono tre fuste, e vennero avanti il porto di Ragusa domandando la fusta, che si era rifuggiata nel porto, ma i Ragusei non la vollero dare. I Turchi vedendo, che non potevano andare per mare, si partirono per terra, ed andarono a Castello, e la fusta restò nell'Arsenale piccolo.

1502. E. Cipriano Pietro di Luccari si maritò a Corzola e perdette la nobiltà. Il detto anno si maritò Vladislavo Rè d'Ungheria, ed i Ragusei gli mandarono due Ambasciatori E. Vito Clemente di Gozze, e E. Marino Nicollò di Ragnina, e portarono i doni duccati 1000.

Il detto anno furono presi 10 Ebrei a Ragusa, i quali avevano ammazzato una donna vecchia e buttato nel fosso sotto Bergato, e questo gli avevano fatto per levarli il cuore per fare maggie, acciò i Ragusei si ucidessero fra di loro, e fù con loro Maestro Musco medico Raguseo ebreo, e questo confessarono al tormento, ed il Medico fù ammazzato in prigione, e gli altri Ebbrei furono cacciati da Ragusa.

Il detto anno Papa Alessandro mandò da Roma a Ragusa un breve che ordinava, che i Cannonici debbano andare nel coro colle cotte, e portare le giamfarde per terra.

1504. 7 9bre a un ora e mezza di notte fù a Ragusa un terremoto terribile.

1510. Furono prese due navi Ragusee cariche di mercanzie a Zerigo nel porto da due gallere veneziane. Per tal mottivo mandarono gli Ambasciatori a Venezia E. Dragoe Simon di Gozze, e E. Lorenzo Nicollò di Ragnina, i quali furono accettati molto bene, ed i Veneziani spedirono in Levante un Segretario E. Niccolò Stella per ricuperare le dette robbe, e renderle ai Ragusei, ed andò con lui E. Girolamo Alligretto di Gradi.

1520. ai 17 Maggio. La festa dell' Ascensione furono a Ragusa 18 scosse di terremoto, e rovinarono molte case, e molte donne morirono per paura. Per questo motivo i Ragusei fecero voto di fabricare una chiesa in onore dell' Ascensione vicino al S. Francesco. Il detto anno ripetè un altro terremoto grandissimo nel dì della Ss. Trinità.

1527. Fù gran peste a Ragusa, e durò due anni, e morì gran quantità di gente nella Città e nel territorio.

1533. Fù peste a Ragusa, e durò mesi 6, e morì gran quantità di gente.

1538. ai 28 Ottobre.

Fù preso Castel Nuovo dall' armata di Andrea Doria, il quale pose dentro 4000 Spagnoli per guardia, i quali facevano a Canali gran danno ai Ragusei, e per tal motivo i Ragusei fecero rovinare tutte le fabriche intorno alla Città di Ragusa lontano un miglio per paura dei Spagnoli.

1539. Venne in Golfo l'armata del Gran Turco col Cap. Barbarosso per prendere ai Spagnoli Castel Nuovo, e venne nel Canale di Cattaro del mese di Luglio, ed assediò Castel Nuovo, finalmente lo prese nella vigilia dell'Assunzione, e tagliò a pezzi gli Spagnoli che trovò dentro.

1543. del mese di Maggio.

Si brucciò la munizione fra le mura del porto e si brucciò un gentiluomo e 5 uomini, che lavoravano la detta munizione.

(Списокъ Д-ра Петра Стуллича; ркп. П. Ф. Мартеккини.)

III. Отрывокъ изъ списка лѣтописей Псевдо-Гундуличева 1441—1463 г.

Annali della città di Ragusa attribuiti a E. Giov. Marino di Gondola.

1441. Ghiuragh Despot di Bosna dal Gran Sig^re^ Murat Begh Celebia fù scacciato, che andò in Ungaria, e di la poi anno seg^te^ del 1442 venne a Ragusa con tutto il suo avere, e menò seco tutta la sua fameglia per andarsene a Costantp̃li perchè fù la sua moglie di linea e casa Rusini di Cerasi greci parenti di sua moglie, da dove poi partì, et andò in Antivari in Albania per ivi stare come nelle sue terre, perchè dalle Bojana sino a Cattaro erano terre di sua signoria, e stando così in Albania trattarono li suoi sudditi nascostam^te^ di darlo nelle mani di Gran Turco; ma lui inteso ciò scampò, e dinovo venne a Ragusa con una galera et una fusta alle spese di Ragusei portando con lui per 80 mila ducati d'oro; all'hora Gran Turco mandò un schiavo a Ragusa per dimandare Ghiuragh Despot con tutta la sua fameglia promettendo alli Ragusei di liberarli dal tributo, e di più donarli tutto lo suo avere con tutte le sue terre di Bojana sino a Cattaro; ma li Ragusei risposero, che più presto darebbero tutta la Città di Ragusa con le mogle e figlie loro, che d^o^ Ghiuragh Despot, e sua fameglia, stante l'havevano dato il salvo condotto, e la fede nostra, e con tal risposta d^o^ schiavo partì via. Poi d^o^ Despot hauto il consiglio dalli Ragusei andò in Ungaria con tutta la sua fameglia e portò seco la metà del suo avere per poter levar gli Ungari al soldo per andar contro il Gran Sig^re^ lascando altra metà in deposito a Ragusa, e andarono con lui S. Damiano di Giorgi, S. Pasqual Giu^o^ di Sorgo e molti altri Ragusei popolani, alle spese sue.

1443. Gionse Ghiuragh Despot in Ung^{ria} e prese al suo soldo Janco Voievoda, per andar in Servia a scacciare li Turchi dal suo paese, e scacciarono Gran Turco di Smederovo, e di tutti gl' altri lochi di d^{o} Ghiuragh Despot, e fece gran benefizi alli Ragusei.

Fù fatta la pace per sempre fra Gran Turco e Ghiuragh Despot assieme con gl'Ungari, e alhora fù Janco Vojevoda Governatore supremo dell' Ungaria, perchè era morto Vladislavo Rè d'Ung^{ria} e la Regina sua consorte restò gravida, e gl'Ung^{ri} nolsero vedere, ed aspettare lo parto della d^{a} Regina; ma il Gran Turco Murat Begh Celebia havendo fatto la pace con detto Despot, Janco Vojevoda, e con Cesare di Costantinopoli, ne havendo con chi guereggiare nella Romania, e che non possedeva altro che Andrenopoli deliberò d'andare in Amasia per trionfare, e lasciò in Andrenopoli per Sig^{re} Mehmed Celebia suo figlio lassandoli per suo Consigliere Mehmed Angelosich, e lui andò in Natolia.

1444. Fecero conseglio tutti li baroni d'Ungaria e terminarono di mandare Matko Ban Raguseo in Polonia per chiamare Vladislao fratello del rè Chasimiro di Polonia per lo rè d'Ung^{ria} non volendo gli Ungari a— spettare lo parto della Regina, la quale vedendo ciò mandò li suoi Ambasc^{ri} a Ragusa per dolersi di sud^{o} Matko Bán dicendo che lui faceva tutto questo, e che era sua mena essendo persona di grande autorità appo gli Ung^{ri}, li Ragusei resposero alla d^{a} Regina con scusarsi che loro non potevano comandare e lui ancor che sia Raguseo, e Cittadino loro per esser esso barone in Ungaria, e che non haveva alcuna cosa sua in Ragusa, ne casa ne pos^{ne}, ma che della sua gioventù era andato per servitore della Santa Corona d'Ung^{ria}, e tutto il suo stato è in Ung^{ria} e per esser lui richo e potente barone non li potevano essi comandare. Et venne detto Vladislao di Polonia per lo rè d'Ung^{ria} et immediato fù accetato da tutti li baroni per lo rè loro; e fecero consiglio, in cui terminarono d'andare contro li Turchi per cacciarli d'Andrenopoli e suoi lochi e ricercarono a Ghiuragh Despot che venisse con loro con la sua gente, e lui li rispose di non poter mai andare adosso de Turchi che haveva fatto pace con loro e dato il giuram^{to} a non combatter mai con Turchi, all hora gl'Ungari li risposero con la nova mandata d'Ambasciatori, dicendo che il Pontefice romano l'assolverebbe di questo guiram^{to} e mandarono a Roma et il Pontefice li mandò un suo breve a Ghiuragh Despot assolvendo facoltà che liberam^{te} potesse entrar in legha con gl'Ungari contro il Turcho per cacciarlo via di Romania, perchè tuttavia si augumentavano li Turchi apprimendo poco a poco li Signioretti in Romania; et in questo medessimo anno fù ordinata la chruciata per li Cristiani contro li Turchi, li Ung^{ri} si posero per terra in ordine, e quando furono nel viag^{o} Ghiuragh Despot non volse venire; li Venetiani diedero galere n° 40, li Genovesi navi grosse n° 30, il Pontefice galere n° 30; li Ragusei galere n° 2 delle quali furono per Sopra-comiti S. Giupan di Bona, e S. Marino di Giorgi; et unitasi tutta l'armata vennero in Arcipelago dove fù fatto consiglio di scrare tutti li passi al gran Turco Murat Begaccio d'Anatolia che non possa passare in Romania per dar ajuto alli suoi; e cosi furono fatte le guardie d'ogni natione guardando con la armata il suo passo; et approsimandosi gl'Ungari e li Turchi s'attrovavano in gran stretezza in Andrenopoli; ma havendo ciò inteso il Gran

Turco Murat Begh non si seppe come in una notte passò in Romania d'Anatolia per il passo che guardavano li Venetiani con grande e poderoso esercito, quale la mattina seguente fù visto detto esercito turchesco in Romania; che percio lo Cristiani restarono sbigottiti tutti; e fù ordinata la battaglia nella campagna di Varno, e deputarono che Janco Vojevoda, e Zorni Mihailo entrassero nel fatto d'armi, e che il Rè d'Ung^{ria} stette de fuori sopra; e mentre li Turchi combattevano hebbero la peggiore; e vedendo questo li baroni ung^{ri} si ponevano in confusione, dissero allo rè, che anche esso entrasse nella battaglia, perchè altrim^{te} l'honore della vittoria saria stato d' Janco Vojevoda, e cosi gl'Ungari lo farebbero rè loro; et ad esso manderebbero via; all'hora il rè d'Ung^{ria} si lasciò a queste parole persuaso, et urtò con il suo esercito nelli tabori, o trinciere turchesche, ove dalli Turchi fù rotto, e straccasciato; cio non sapendo Janco Vojevoda e nel ritornare dalla battaglia trovò l'esercito ungaro rotto, e dissipato, et il Gran Turcho in campagna. Onde fù assalito anche esso e rotto di modo che li Christiani scamparono via, e Janco Vojevoda nel ritornare restò prig^{ne} in Smederevo da Ghiuragh Despot.

1445. Il Gran Turcho Murat Begh havendo rotti gl'Ung^{ri} e fattosi forte in Romania aggiunse alli Ragusei il tributo di ducati mille ogni anno che di p^{ma} pagavano li ducati cinquecento.

1448. Detto Gran Turcho Murat Begh Celebia occupò molte terre in Romania, che erano da quei signori.

1449. Di novo aggionse alli Ragusei detto Gran Turco che ogni anno li dovessero pag^{re} per lo tributo ip. 1500, e cio l'aggionse Mehmed Celebia, dopo la morte di Murat Begh.

1450. A dì 2 di Set^{bre} fù menato a Rag^{a} un corsaro ferrato con sette suoi compagni, quale faceva gran male alli Ragusei, e tutti furono impicati alli 4 di Set^{bre} in giorno di Venerdi e si chiamava Fereto venuto fuor di Golfo.

1451. A dì 25 di Giug^{o} venne Stiepan Herzegh con suo esercito per campeggiare con li Ragusei, e furono posti li suoi padiglioni sopra Vargatto, e la guerra si appizzò per ambasciatori suoi.

Alli 10 di Setbre si fecce grida a Ragusa chi amazzasse Herzegh Stiepan, overo chi lo menasse vivo a Ragusa, che per premia habbia 15 m. ducati 15,000 e che sia gentiluomo a Ragusa, e li sia data una casa et una posess^{e} di ducati dua mila in perpetuo e di più ip. 300 ogni anno durante la sua vita.

1452. Addì 30 Giug^{no} fù rotta l'armata di Ragusei in Vergatto da Herzegh Stiepan, e morsero nella pugnia molti gentilhuomeni, e populani con altra gente; et alli 7 di Luglio d^{o} Herzegh si levò col suo campo intesa la sud^{a} taglia per non esser amazzato, o preso vivo dalli suoi, giache li fratelli Vlatchovichi suoi figliastri volevano dar vivo d^{o} Herzegh nelle mani di Ragusei, ma scopertosi questo fatto, esso scampò via e pregò li Ragusei che revochassero il sud^{o} taglio, e che in appo viverebe con loro in pace, e da amico; questo stesso anno si portarono in Ragusa sud^{i} fratelli Vulatkovichi, e furono fatti gentiluomeni Ragusei con donativo di contanti, una casa in Poliana Uliza, con altra in Luciariza et una posessne a Zuppana; poi del mese d'aprile fù preso a Canali Boghdan Murlaco, et Ratko suo

figliolo, e condotti a Rag[a] furono subito impiccati, perchè facevano gran ruine in Canali nel giorno di Martedi, e fù Rettore e Giuppan Mattia di Bona.

1453. Adì 29 Mag[o] Gran Turco Mehmed Begh Celebia prese Costantipoli mettendolo a sacco e tutta la gente prese per schiavi, il med[mo] anno Juan Scheder Begh fù scacciato da Turchi del suo paese d'Arbania et scampò con tutta la famiglia in Puglia a cui lo Ragusei diedero gran aiuto; all' hora d[o] Gran Turcho, raddoppiò il tributo alli Ragusei facendoli pagare ogni anno ducati tre mila. Del mese di Luglio venne a Ragusa un Turcho primario della Porta con 80 çavalli per la differenza di Herzegh Stiepan per Canali, qual Turcho poi decise e fece la sentenza che la Contrada di Canali fosse di Ragusei e questa sentenza si trova in un Hagetto Turchesco in Thesoreria.

1454. Li Turchi presero tutto il paese a Ghiuragh Despot, solamente li restò la città di Samandria con attorno li suoi giardini. Gridò la pace Herzegh Stiepan per tutto il suo paese e torritorio con li Ragusei in perpetuo. Venne Ivan Schender Begh di Puglia con un grippo in Ragusa, e stette in Gravosa e di Gravosa andò Zautat, da dove fù chiamato da Stiepan Herzegh che venisse a Castel novo, ma esso non volse andare, perchè non si fidava in lui e li Ragusei lo menarono nella loro galera in Arbania a Redoni suo paese.

1455. Giuragh Despot morì in Samandria, cioè in Smederevo, et in suo luoco restò il suo figlio Lazzar Despot.

1456. Li Ungari alli 28 di Luglio nel giorno di Giovedi ruppero sotto Belgrado cioè Biograd, il Gran Turco con gran strage di Turchi.

1457. Il Gran Turcho fece crescer il tributo alli Ragusei con farli pagare di più ogni anno ip. 5000.

1458. Mehmed Celebia Gran Turco prese la Città di Smederevo con li suoi belli giardini e Lazzar Despot fuggì in Ung[ia] all' hora li Ragusei ebbero gran danno con la presa di d[a] Città delle loro mercanzie che ivi avevano.

1459. Adì 5 Giug[no] fù portata la mano destra di San Biagio Martire nro Confalone a Ragusa, da uno Raguseo chiamato Ghiuragh Cresman, e li fù donata una casa di valuta di ducati mille; e quel giorno li Ragusei fecero per legge che fosse festegiato lo d[o] braccio all'honore di S. Biagio con alzar il stendardo per franchigia.

1460. Fù fatto rè d'Ungaria Matiasc figlio di Janko, e venne in Budim con gran allegrezza e con molta compagnia, e Suiloevich fù fatto Govern[e] di tutta l'Ung[ria] e fù confermato da tutti li baroni con tutto lo populo d'Ung[ria] : ciò li sortì perchè entrò gran armata con esso lui, e per esser favorito della sua madre.

1462. Il rè Ferdinando entrò nel Regno di Napoli dopo la morte del Rè Alfonso; in questo anno per coman[o] di Mehmed Celebia Gran Turco furono fatti tutti li Ragusei prigioni per tutto lo paese di Turchia, che poi l'anno seguente furono tutti lassati in libertà senza alcun danno.

1463. Fù presa tutta Bosna con le fortezze dal Gran Turco Mehmed Celebia con la morte di Rè Toma di Bosna havendo hauto la rotta sotto Blaghai; parim[e] questo istesso anno li Ragusei fecero abbattere intorno la

Città nel Borgo tutte le case, giardini, tintorie, tabaccarie, muraglie, tagliar alberi tanto alle Pille, a Gravosa, e Plocce per paura che il Gran Turcho voleva venir a pigliar Ragusa; ma tornò indietro miracolos^{e} da Sutieska, giacchè tre volte il suo cavallo scapuzzò, et in tutte le d^{e} volte si sferrò, che fù lo gran miraculo da Dio e S. Biagio che lo atterò giacchè a Ragusa si facevano continue processioni con pianti, e preci da tutto il popolo, cioè donne, huomeni, putti e per tutti li monasteri non si sentiva altro che grandi devozioni con lacrime e penitenze straordinarie; all' hora li Ragusei spedirono gli ambasciatori per tutta la Cristianità dimandando ajuto e soccorso, dove il Sant^{mo} Papa, Re d'Ung^{ria}, et il Rè Ferdinando li diedero ogni ajuto, solo i Veneziani restarono con silenzio senza porli alcun minimo ajuto. Ma sopra questo male successe un'altro che si abrugiò lo palazzo Rettorale a hore 18 alli 8 Agosto e morsero dicisette gentilhuomeni, ciò è l'retroscritti.

S. Gio: di Giorgi.
S. Nicolò Mlascovich.
S. Nicolò Schemia.
S. Nicolo M^{r} di Giorgi.
quali furono dell'ètà
e li rimanenti giovanetti
S. Michele Paolo di Pozza.
S. Paulino Marino di Bona.
S. Nicolò Fran^{o} di Giorgi.
S. Gio: Lorenzo di Ragnina.
S. Michele Mr de Bosigniolo.
S. Piero Ragnina.
S. Dobrasso Teodoro di Bisica.
S. Marino Domenico di Menze.
S. Biagio Andrea di Bobalio.
S. Giug^{o} Michele di Caboga.
S. Simone de Lucari.

e delle gentildonne in numero di quattro, et altri povillani cioè populani n^{0} 104 e il Rett^{re} S. Giugno M^{o} di Gradi, e la sua moglie fù Ligniuscia e questo istesso anno Mehmed Celebia Gran Turcho si impadronì di Metellino Isola con molte altre in Arcipelago; e la isola di Siro li si fece tributaria di pagarli ogni anno per lo tributo gli 12 m. dico dodeci mila. In questo tempo li Veneziani si mossero contro lo Turco, e posero tutto il loro potere et armarono galere n^{0} 45 fuste 25 e fecero un . . . . . .

(Ркп. франц. библ. № 251.)

IV. Отрывокъ изъ списка лѣтописей францисканскаго 1500—1544 г.

Annali di Ragusa accopiati da un manuscritto antico dall'anno 800 sin all'anno 1607.

L'anno **1500.**

Fù per tutto mondo una sicittà per tutt'estate et a Ragusa furono aperte 219
molte cisterne ascose per antichi.

Fù preso Milano e tutto suo territorio per lo Rè di Francia e li Ve- 220
netiani, et Ludovico et Ascanio Cardinal frattel di Ludovico hanno presi vivi, e furono menati in Francia e secondo fù fatto fra loro hanno spartito lo stato di Milano, et a Lodovico et Ascanio hanno provisto in Francia per suo vivere pur stando per prigionieri.

Fù a Ragusa peste portata da Roma per li rumieri di mese di Maggio, 221
in duo mesi fù stropata caciando via tutti di sospetto a Meleda in palazzo sotto bona guardia, et fù andato di spesa ducati 1500 del comune.

Fù preso Modon per forza di gran turco Passait Begh dalle mani de 222
venetiani, et tutti homeni trovati in ditto Modon sono tagliati per fil di spada, et Coron si è dato sopra fede di non far alcun mal, et cosi hà oservato la promessa, solum hanno donato duo garzone per suo uso di più principali di terra di suo paese.

Furono fatte 3 curarie li turchi di Varhbosnie e di ora per tutto paese 223
di Dalmatia da Scibenico fino a Zara, et una volta in Friol, dove hanno fatto assai guasti, et hanno menato assai bestiame, et homeni, putti, femine, i quali uno terzo non è rimasto per i vilagi, et parechi sono periti alle terre, quelli che habitavano nelle montagne alle possession sue, et erano molti di buona casa.

Fù Duca Valentino fiol di Papa Alesandro Cardenal, et in cardenalato 224
cinque anni stato, et in ditto millesimo fù rinunciato lo suo cardinalato, et andò in Francia per pigliar mogliere una fiola d'uno barone cugina di Rè di Francia, la qual donzella non hà voluto pigliar per suo sposo, e tornò di recavo in Roma facendosi Capitaneo della ventura, e fù posto Capitaneo della Corte Romana con favor di Rè di Francia, et prese Furlì in villa Pesaro, e Rimino, e molte altre terre in Lombardia, et castelli.

Fù liberata Pisa da tutto in tutto della servitù de fiorentini, et sotto 225
governo di suoi per se si governa in comune.

L'anno **1501.**

Furono intrate certe galere venetiane in golfo di Narta di notte, et 226
hanno brugato arsenal di gran turco in golfo di Narta et 20 galere fornite, e fuste 7, et molta munition di ornamento di galere, et 6 galere hanno cavato fora di golfo di Narta, et a Venetia sono mandate per haver onor, et laude capitaneo general.

227 Fù del mese di Luglio fù venuta l'armata de venetiani galere 30, nave 15, d'avanti il porto di Voiusa, et certi brighentini per poter intrar in fiumara di Voiusa con barche delle nave, e con schifi di galere, e con brighentini, e furono intrati all' alba del giorno in la fiumara per far bruggiar le galere, et fuste, et arsenale come a Narta et intrando dentro Sangiaco Mustabegh di Valona si hà ascoso nelle salve con 5 millia turchi, et vedendo, che sono intrati dentro, andò alla bocca di Voiosa per non dar uscire fuora alle ditte barche, schifi, e brigentini, et stando alla bocca fece pigliar quasi tutte barche, schifi, e brighentini, e quelli puochi che hanno scapulati di man de turchi, tutti s'hanno reversati, perche era gran marisino et ponente, e si stima fra anegati, e morti sono mancati di 1500 persone fra li altri vivi che hanno presi più di 2500 persone, fra gl'altri è stato pigliato un capitaneo della nave grande, et duo sovracomiti delle galere, e 18 gentilomeni venetiani, osintil di pope (?), et tutti hanno mandato alla via di porta a gran turco, et similiter hà mandato li nasi tagliati di tutti homeni morti per maggior laude, e vittoria che hà fatto.

228 Di Luglio fù presa città di Durazzo per tre Sangiachi turchi da man de Venetiani senza far alcuna battaglia, che dice che sono stati chiamati per li cittadini, perche erano tutti cittadini fuora alle possessioni per cagione, perche di Luglio fù gran febre in la Città, et tutti cittadini sono della Città assaltati, acciò non possino entrare in la Città, et cosi fù tolta a man salvo senza battaglia, et a nissuno non hanno fatto alcun male, ma ogni uno è servato in suo stato.

229 Di Marzo fù intrato Vicerè in Napoli di francesi venendo per mar e per terra senza alcuna battaglia, e per cittadini napulitani sono accetati cosi come se fossero stati sempre in reame di Napoli, et lo rè Federico di Ragona andò con due galere, et con sua famiglia, et suo havere alla volta dell'isola d'Isca, et ali subtra (?) di castel di Lisca hà lassato la sua famiglia, et lo suo havere, et con sua persona hà andato in Francia alla presenza dello Rè di Francia per umiliarse, e vedendo fù accetato per lo Re gratiosamente, e li fù provisto per suo viver, overo per suo stato ogni hanno che abbia d'entrata scudi 60 millia che fanno ducati Venetiani 57750, et così restò in Francia.

230 Di Marzo fù intrato gran capitaneo del Rè di Spagna in Reame di Calabria secondo la convention del Rè di Francia et Rè di Spagna, et Taranto fù assediato per ditto gran Capitanio, perche Duca di Calabria fiol del Rè Federico di Ragona non hà voluto dar pacificamente mà la reparava con man armata combattendo con lui.

231 Di Luglio viense da ponente una gran armata del Rè di Francia, e del Rè di Spagna, e di Portogallo per pigliare tutto Reame di Federico Rè di Ragona, et spartir secondo hanno fatto convention frà Rè di Francia, et Rè di Spagna, cioè Calabria fino a monte di Santo Angelo a Rè di Spagna, e di Napoli in ver ponente, e di monte di Santo Angelo in ver ponente in Abruzzo a Rè di Francia, et così anno spartito.

232 Di Ottobre hanno andato tutta armata del Rè di Francia, e di Rè di Spagna, e di Portogallo alla volta di levante, et l'armata de Venetiani per sachegiar, e far danni alli turchi, et sono arrivati all' isola di Metellino sotto la città di Metellino, et hanno fatto reparo per le bombarde a bom-

bardar Metellino, et in un giorno hanno buttato una gran quantità di muri per terre tanto che in giorni 8 hanno fatto buttar li muri una gran quantità, per modo che tutti francesi si hanno apparechiato per dar agma (?), et cosi hanno fatto ordenamento per dar battaglia, da una banda francesi e spagnoli, e de portogallo, e dall'altra banda venetiani, et così fù fatta l'agma per li francesi, ma li venetiani non volsero dicendo che la gente venetiana non è per far agma, perche non hanno le armadure per dar agma, e di più li venetiani hanno fatto lasciar certe fuste, e schirapi di turchi allo passo dove erano le galere venetiane alla guardia, et vedendo gran capitaneo dell'armata francese tradimento de venetiani puoco mancò che non fece morir uno providitor de venetiani con uno stocco dando con la punta, e li fù dato in ginochio della gamba, et molti sovracomiti fece bastonare, et poi subitto si fece levar con tutta sua gente, et artiglieria, et bombarde, et andò alla volta dell'Isola di Cervi, e fù gran vento di borra appressandosi all'isola di Cervi, li scontrò vento di ponente garbino una gran fortuna per modo che in un che duo nave più grande di tutta armata se rompero alla ponta d'isola di Cervi, et tutti homeni si annegò con tutta artigliera, e munitione, et poi se ne andò alla volta di Cicilia per fare refrescamento della misa, et arrivò in porto di Mesina, e stette li uno mese, poi andò alla via di Taranto, dove cominciò a dar battaglia a Taranto, et alla fine fecero tregua per fino che haveva altro del suo padre Rè Federico di Ragona, et hanno posti 4° mesi di termine.

Adi 13 Novembre viense una fusta di turchi da Valona per far danno 233 alli venetiani, et all'alba del giorno arivò sopra porto di Ragusa, et stando così fora del porto li vidde una vela in mar drio Lacroma, et andò alla via di ditta vela, et li pigliarono senza battaglia, la qual vela fù de venetiani carica di formento, et di biave, dove fù menata sopra porto raguseo, et vedendo li ragusei tal cosa, subito hanno mandato duo gentilomeni per poter lassar lo ditto barchusso, tanto fù al fine, che hanno donato 200 ducati, et lo barchusso fù lassato con tutta gente, et fecero intrar in porto la fusta, et non li dettero uscir più fora del porto, et subito fù mandato uno corriero per terra suso a Cataro per li catarini, come è una fusta di turchi in porto di Ragusa, et l'altro giorno furono venute due fuste, et un barghentino per pigliar la fusta de' turchi, et viensero sopra porto di Ragusa domandando la ditta fusta, dove li ragusei hanno risposto di non darli, mà faranno risposta alli venetiani, et così stettero 4° giorni sopra porto non havendo che da mangiare, ne da bevere, ma morivano di fame, et hanno dimandato dalla Signoria di Ragusa, che li dasse qualche sacco di biscotto per poter campar la vita fin à Cataro, e li fù donato per amor di Dio 6 sacchi di biscotto, et andarono alla volta di Cattaro, e la fusta de turchi andò alla via di Castel novo, e da Castel novo alla via di Valona.

Di Novembre li Ragusei hanno fatto 7 ambasciatori in un movimento, 234 perche così fù occorso caso fortuito cioè primo Ambasciatore a Venetia per cagione di fusta di turchi E. Danielo Nicolò di Resti, a Cataro E. Piero di Menze, in Valona per ditta fusta a Mustabegh E. Stefanno Mar° di Volze, a gran turco alla Porta E. Gio: Natal di Saraca, e E. Simeon Elia di Bona, a Napoli a Vicerè del Rè di Francia E. Pietro Jacomo di Lucari, a Gran

Capitaneo del Rè di Spagna, E. Vito Clemente di Gozze, e da tutti semo ben accettati secondo fù conclusion dell'ordine fatto in Conseglio di Pregai per comisione data alli ambasciatori.

235 Per fino tutto anno fù fatta la stima delle spese fatti per li gran Signori quello ch' è occorso in far guerre cominciando del cominciamento di movimento della guerra del Rè di Francia del 1495. per fino 1501. cioè in anni 7 in prima Rè di Francia hà speso ducati 3 millioni, Rè di Spagna hà speso ducati 1½ million, li venetiani hanno speso 4 millioni di ducati, Imperator un million di ducati, Signor Ludovico di Milano hà speso 3 millioni di ducati, et lo stato di pisani in la guerra francese, et in la guerra fiorentina hà speso un million di ducati, fiorentini hanno speso frà dono a Rè di Francia con pisani in tutto 3 millioni di ducati, Casa di Ragona hà speso in prima guerra e seconda in tutto 3 millioni di ducati, et lo stato di altri Signori, e Signoretti di Lombardia e per Toscana si stima haver speso in tutto 3 millioni di ducati, in tutto fù spesa fatta per li Signori, Signoretti cristiani come apar di sopra facendo somma in tutto 21½ millioni di ducati, et alla fine nulla hanno fatto, gran turco hà fatto le spese se stima hà speso 5 millioni di ducati, et pur lui hà fatto qualche cosa come si vede che dal 1498, ha rotto la pace con venetiani, et le spese che hà fatto con utilità li fù tornate come si vede primo apresso Lepanto, Modon, Coron, Durazzo, e Redoni, et Poli, Zanto, Zefalonia.

L'anno **1502.**

236 Fù lassato di prigione Sig^r Ludovico di Millano, e Sig^r Ascanio cardinal fratello di Ludovico, che lo ditto Sig^r Ascanio possa andar dove meglio li pare e piace, ma Sig^r Lodovico è posto sotto guardia, e che non si possa partir fora la presenza del Rè di Francia, ma che sempre sta alla presenza del Rè di Francia, et per suo vivere l'è provisto che abbia d'intrata ogni anno sessanta milla scudi, perche molti sono di opinione che ogni cosa quel che fù, et quello che vol fare lo ditto Rè di Francia senza conseglio del ditto Lodovico non vol far, ma tutto si consiglia con ditto Lodovico, poi che ogni giorno duo volte vol parlar secreto con ditto Ludovico.

237 Fù a Ragusa un gentilomo di Ca' Lucari E. Cipriano Piero Lucari, lo qual si hà maritato a Corciola, per cagion di maritation hà perso la nobiltà di Ragusa tanto offizij e beneficij di tutti consegli, perche è ordine chi non hà di stabile ducati 800 a Ragusa, che non si puo maridar for di Ragusa.

238 Di Marzo fù intrato gran capitaneo del Rè di Spagna in lo castello di Taranto, perchè così hanno fatto in frà lori, col passo che li aspetta fino di Marzo se per caso non haverà altro di suo padre di Rè Federico di Ragona, et cosi fù lassato in ditto Castello, et lui si partì con una galera alla volta d'Isca dove la famiglia di Ragona.

239 Fù di Marzo quando cominciarno far garbugli frà francesi, e spagnoli per lo paese di Puglia, perche li francesi non si contentavan di quel che fù consegnato in Abruzi, perche tutto valor che si trovava in Puglia erano tolto li spagnoli, e per tal cagione fù fatta gran ucisione sotto la tela in Puglia tanto di francesi quanto di spagnoli, et al fin hanno spartito la intrata della lane per la mità.

Di Giugno fù impicato Sinco di Radogna Bunosa barbiero, perche hà 240
venduto tre pugliesi a Choza, et l'ordine è a Ragusa chi facesse vender qualche cristiano, over qualch'un altro per man di Raguseo, che debbia riscatar de recavo di man di turchi in frà un mese et rescatando che allo ditto si debbia cavar li occhi tutti doi, et se per caso non riscatasse in ditto termine di uno mese, che tal si debbia impicar per la gola, e questo fù intravenuto per avanti 14 come apar di drio, fù padre di Luca picin primo, lo qual fù impicato per simil cagione.

Di Giugno fù cacciato dalle sue terre, e luoghi Sig^r d'Urbino per lo 241
Duca Valentino, e poco mancò che non fù preso vivo, ma di notte scampò alla via di Venetia.

Fù di Giugno, quando viensero quatro fuste da Corfù mandate da Ca- 242
pitan Generale a star in territorio raguseo, et far cercar ogni nave, barcuso, et pigliar controbanto, dove pigliavano ad ogni uno delli vassali ragusei la misa, presenti delli patroni, et tutto ciò, che potevano pigliar, et parechi ragusei hanno tolto le sue mercantie, si stima haver tolto in tutto ducati 4000, et li ragusei stanno a guardar ogni cosa portando pacienza come impotenti.

Di Luglio fù venuto un Legato di Roma a Venetia dello Santissimo 243
Papa Alessandro per armar 5 galere in ajuto di Venetiani, alle spese del Papa, et passò in Levante contra i turchi.

Di Luglio furono fatti a Ragusa Ambasciatori per mandar in Ungaria 244
alle nozze del Rè Vladislavo d'Ungaria E. Vito Clemente di Gozze, E. Marino Nicolò di Ragnina, et furono ordinati li presenti duo boccali con duo bacili, e 12 piadine, et 12 taieri, et 12 scudelle, et 12 salieri d'argento, in tutto si stima del dono ducati 1000, et di più hanno portato per anni 9 di incenso quello debanno dar ogni anno ducati 500 che sono ducati contati 4500, perche della sua incoronazion non hanno mandato nulla, et per provision d'Ambasciatori, famigli, cavalli, per altre spese, perchè hanno andato in grippi 7, fino a Segna per cagion perche erano fuste 4 venetiane intorno del territorio raguseo, le quali facevano mal alli ragusei.

Adi 5 d'Agosto furono presi 10 giudei a Ragusa, perchè trovarono una 245
donna povera degolata in la caverna alle Plocce sopra le vigne di E. Marin Giugno de Gradi alla via per la quale si và al Vergato, li quali giudei erano tormentati in Senato, et hanno confessato, che per man loro le stà degolata, e fù con loro Maistro Moseo Medico giudeo, lo qual stava e stantiava a Ragusa, e lo ditto Maistro Moseo confesò che con lori era stato di consiglio, et per suo conseglio hanno fatto degolar, et hanno buttato in mar drio Lacroma, et 4 vivi hanno fatto arder sopra uno solare, et Maistro Moseo Medico le stà amazato alle ore 3 di notte per cagion perchè dubitavano, che non fosse domandato dai turchi, et domatina lo suo corpo morto hanno arso insieme con quelli 4 giudei vivi alle Plocce sotto Santo Antonio, et tutto polvere delli ditti giudei hanno racolto, et hanno buttato in mar, et altri giudei sono lassati caciando fori dello territorio raguseo alli confini di Turchia, et alli 11 di Agosto furono arsi, e caciati fori delli confini ragusei.

Adi 15 Agosto fù giubileo a Ragusa et durò giorni uno e mezzo, cioè 246
cominciando di vespero alla vigilia di nostra Donna, cioè alli 14 di Agosto

per tutto giorno alli 15 di Agosto, et per avanti durava ogni anno una volta all'anno in giorno di Pentecoste fino che sarà vivo Santissimo Papa Alessandro, lo qual iubileo costa ducati 500 con tutte spese.

247 Adi 15 Agosto fù impetrato uno Breve a Roma di Santissimo Papa Alessandro che li Canonici Ragusei siano tenuti a star in Coro in Chiesa alli officij in le cotte, e debbiano portar li scapulari fodrati con vaeri, sotto pena di esser scomunicati, et privati di beneficio canonicato.

248 Di Settembre quando fù tornato S^r d'Urbino con favore de cittadini, et la parte del Duca Valentino furono cacciati via d'Urbino.

249 Di Novembre fù fatto accordio fra Duca Valentino, e S^r d'Urbino, che Sig^r d'Urbino li lasciasse Urbino, et tutto suo Urbinato a Duca Valentino, et che fosse Sig^r d'Urbino fatto Cardinal in Roma, et provisto per suo stato di viver come Cardinal in Roma, e cosi furono tutte parti contente.

250 Di Novembre fù gran garbugli per tutta Italia guerregiando Duca Valentino, et oprimendo le terre per tutta Toscana, et per tutta Marca, et molti Signoretti, et capi delle parti sono amazati et degolati.

251 Di Decembre fù in Puglia gran garbuglio delle guerre in fra francesi, e spagnoli, pur francesi erano più potenti, e restarono francesi in campagna.

L'anno **1503.**

252 Di Gennaro furono presi in Puglia gran quantità di pecore per li spagnoli, e furono menate a Manfardonia, et a Barletta, e vedendo i francesi tal cosa li fecero ruinar parte grande di fiumara per la quale passavano li spagnoli.

253 Fù gran carestia in Puglia per tutto di formenti, e di vini, che valeva una tumina di grano duo terzi del ducato, e lo vino valeva un quinquo raguseo vinti grossi ragusei, over mezzo ducato, e si portava li vini, e grani da Ragusa per tutta Puglia.

254 Di Genaro fù tolta Sinigaglia, e messa in sacco due volte da Duca Valentino, e li ragusei furono molti ruinati perche erano in Sinigaglia poste le sue robbe credevano esser sicuri, et Duca si fece Sig^r di Sinigaglia.

255 Di Genaro li anconitani volevano mandar tutte sue femine gentildonne a Ragusa per paura del Duca Valentino, perche haveva gran sospetto del Duca Valentino acciò non venisse in Ancona per non far qualche despiacer.

256 Fù di Genaro presi tutti capi della parte d'Ursini, e Colonesi per Duca Valentino, et parechi furono degolati, e strangolati, et tutto stato suo, castelli, e fortezze d'Ursini le stà tolto, et lo ditto Duca Valentino in Lombardia, in Toscana, in Marca, et in Abruzzo parte s'ha fatto Sig^r con favore del Rè di Francia.

257 Per tutti paesi del mondo fù grande carestia di grano, e di altre biave, che con gran affanno si potevano cavar li formenti, et altre biave, perchè furono gran preparamenti di guerre italiche, et etiam con li pagani, et a Ragusa gratia dell'Onnipotente Iddio fù gratia di Dio, tanto di vittovaglia quanto di grani, et altre biave, valevano grani a grossi 7 lo capello, et in altrove un terzo del ducato, et mezzo ducato.

258 Li pugliesi portavano da Ragusa li grani, et altre biave, et vini, ove, galine, formaggi, onsi (?) sottili, tele, miele, et molte altre cose in Puglia, perchè era gran carestia per amor delle guerre fra li francesi, e spagnoli.

Fù fatto a Ragusa gran providimento di far raccoglier tutti grani tanto 259
di mercanti, quanto di altri privati per man della Signoria, et in fondico si metteva ogni giorno stara cento per vender alli suoi cittadini, e contadini, et per tutte porte furono posti gentilomeni per guardia per saper lo conto, e chi portano, e per dove, perchè non si lasciava di fora se non con bulettini di officiali deputati per la Signoria.

Fù mandato Ambasciatore da Ragusa in Sicilia allo Vicerè E. Piero 260
Jacomo di Lucari per domandar li grani per Ragusa, e fù dato libertà per far dono secretamente allo ditto Vicerè tanto quanto li pareva di duo millia ducati in giuso per poter caricar li 8 naviglij che erano andati, e duo nave in Cicilia, perche le tratte erano serrate, et non fù modo di poterli havere ne caricare, perchè fù guerra per tutto mondo, et non lasciavano grani di Cicilia.

Adi 9 Feb° al dì di quadraginta martiri fù a Ragusa gran allegrezza 261
per tutto popollo perchè furono venute di Cicilia cariche due caravelle di formenti, et hanno portato buona nova, che Vicerè hà lasciato caricar a Ragusei 8 caravelle e duo nave per Ragusa per summa di 30 millia ducati, et alli altri paese non fù lassato eccetto per Ragusa, perche fù mandato Ambasciatore in Cicilia con doni, e con patti che hanno ragusei con ciciliani per antiquis, e questo fù gran miracolo al dì di quadraginta Martires, ma per avanti furono molti, e molti, e li ragusei li fanno gran riverenza in ditta festa ad honor di Santi quaranta Martiri, perchè fù in nostri antichi rivelato tradimento, e da quel giorno a Ragusa si fece gran honore in ditta festa.

Adi p° Marzo venero a Ragusa in giorni 8 cariche caravelle 8, e duo 262
nave migliara 20 di grani, et la Signoria di Ragusa hanno tolto tutti li grani, tanto suoi che hanno venuti, quanto grani di mercanti a grossetti $7\frac{1}{2}$ lo cupello, e che si venda per man di Officiali 3 deputati per Conseglio di pregai, i quali grani parte sono posti in fosse stara circa mig^a 8, et resto che se venda in fondeco, lo qual grano di mercanti si diè pagare alli mercanti per tutto Novembre, così fù preso in Consiglio di pregai, et questo fù fatto perchè fù carestia per tutto mondo di fame.

Vennero a Ragusa da diversi loghi per domandar grani, cioè d'Anti- 263
vari, da Budua, da Cataro, da Castel vecchio, da turco, da Corciola, da Lesina, e per tutta Dalmazia fino a Zara, e per tutta Puglia da cavo d'Ottranto fino per tutta Puglia, Abruzzo, Marca fino Urbinato in Romagna, e davano a ogni uno la quantità secondo li pareva per sotisfano a tutti.

Adi p° d'Aprile fù portata peste da Puglia di Barletta all'Isola di Ca- 264
lamotta per uno barchuso forestiero, et morise 7 fra homeni e donne alla ditta Isola, e fù fatta provision per modo che cessò per fina per tutto Aprile et a Giupana s'amorbò d'Alessandria.

Adì 20 Aprile fù amorbato di peste in Canali d'intorno di Noza uno 265
di contrada di Canali in logho chiamato Covacichi, e s'apizò in loghi 5 per Canale, cioè in Covacichi, in Vinograni, in Paveglie bardo, in Dorsciocevichi, in Scopie, et fù bandita la contrada di Canali di tutto in tutto fino per tutto 21 di giugno, et furono radunati tutti amorbati da tutti loghi da Canale in uno logo, cioè fra le Plocizze e Dorsciocevichi sopra la Chiesa di Santo Piero et fù dato buon ordine per tutta contrada di Canale facendo bona

guardia, et non darse meschiare uno con altro, e tutte robbe che se amorbano li fecero bruggiare, e fecero pagare dalla Comunità di Ragusa.

266 Di tutti loghi intorno di Ragusa fù gran mortalità di peste per tutta Turchia, per tutta Puglia, et a Ragusa facevano grande providimento di non lassar intrare a Ragusa qualche uno amorbato tanto per mare, quanto per terra, et si stima hanno speso in le guardie da 8 Aprile per fine tutto X̃bre in tutto ducati tre millia, e di più a Ragusa si fece gran elemosine, e voti di processioni per liberarne di tal crudel mortalità di peste.

267 Di Maggio li spagnoli con svizeri furono usciti con la sua oste da Barletta, e da Manfardonia, et andarono alla campagna a combatter con francesi, e alla campagna di Canosa li fecero apizar la guerra et fù gran mortalità di francesi, e spagnoli, si stimano esser morti d'una banda, e dell' altra 5 millia persone, pur spagnoli restarono alla campagna, et andarono alla via di Napoli dello Reame li spagnoli per pigliar Napoli, et lo suo territorio, et alli 11 di Giugno fù presa Napoli di Reame delli spagnoli, ma castel non poterono haver pur francesi si hanno radunati in castel di Napoli con tutta sua artigliaria, et stetero in castel fin per tutto Giugno, et alli 3 di Luglio fù preso castel novo di Napoli, et li francesi furono lassati vivi, et andarono a Gaeta di Francia, et stettero li aspettar ajuto di Francia.

268 Adì 19 di Giugno fù a Cataro gran mortalità di peste, et si stima esser morto in 5 giornate più di 400 anime, poi s'hanno sparsi tutti contrade di Cattaro, restò solo providitor con soldati sano senza alcuna malattia, ma per li poderi morivano di peste tuttavia di gran quantità, et li ragusei hanno dato alli ditti di Cataro per sua sovention gran quantità di biscotto, et formenti perchè morivano di fame più che di peste.

269 Di Giugno fù a Ragusa venuto parechi giorni gran quantità di pegola, et fù venduta utro uno di pegola a gross. 5, e grossi $5^1/_2$, et a grossi 6, di lire 100, e di lire 120, e di lire 130 si stima esser venuto in giorni 15 di pegola somma 1650, et questo perche a Cataro fù peste et in altri loghi.

270 Di Luglio fù fatta pace fra gran turco, e venetiani.

271 Di Luglio fù per tutta Turchia grande mortalità di peste tanto per le terre, quanto per le contrade in loghi, e castelli fino li confini di Ragusa, et li ragusei hanno messo per tutti posti di Turchia le guardie per non dar intrare in li confini di Ragusa, tanto alli suditti de turchi, quanto alli nostri ragusei, quelli che vengono dalli loghi amorbati, ma dano lo suo confine in li loghi di Turchia.

272 D'Agosto fù liberato tutto Reame di Napoli dalla potentia de' spagnoli, et francesi furono tutti cacciati via for dello Reame di Napoli solamente di Gaeta perchè hanno menato socorso da Francia per mare nave, e galere circa 45 vele, e tre millia francesi.

273 Fù di Luglio et Agosto a Ragusa gran mortalità di febre, et mal di flusso, che non si potè trovar rimedio, e chi si medicava con li medici, e con spiciaria tutti morivano, ma chi si medicavano con buon governo senza medici di dieci uno non morivano, et la sua medicina fù chi si amalava di flusso, si medicava con vino rosso, e con buon pane arostito sù la brasa, et fece bona suppa con poco di mastice, et polvere di zenzero, o chi ha-

veva mal di febre magior sua medicina fù a bever lattè agro meschiando con aqua fresca, et così fù trovata la reparazion di tal male, et li medici li suoi libri sono messi in casse per quanto dura questa malatia.

Di Luglio fù venuto soccorso a Vicerè francese da parte di Francia in 274
lo Reame di Napoli, et cacciar gran capitaneo spagnolo da Napoli, lo qual gran Capitaneo spagnolo li fece riparo a S. Germano, et spagnoli con gran quantità di gente armata, e li francesi si ritirò sotto Roma dicendo per cagion, perchè Papa Alessandro morì in questo tempo.

Di Luglio fù morto Papa Alessandro in Roma, e suo fiol Valentino 275
Duca si serò in Castel Santo Angelo, et stette parechi giorni chiuso, poi fù dato castel a Concistorio d'apostolica sedia.

Di Decembre fù creato Papa Innocentio, et stette in papato mesi uno 276
e mezzo et fù attosicato, et la sua morte fù subitta.

Di Decembre furono cacciati francesi di Reame di Napoli di tutto in 277
tutto, perche fù battaglia a santo Germano con spagnoli, et spagnoli restarono vincitori.

Di Decembre, e di Genaro 1504 li Venetiani hanno tolto parechie terre 278
per Lumbardia sotto suo dominio, cioè Faenza, Imoli, Furli, Val di Lamona, et parechi altre terre e castelli.

L'anno **1504**.

Di Genaro fù preso dalla potentia delli venetiani in Marca Urbino, 279
Pesaro, et molte altre terre da poi la morte del Duca Valentino.

Adi 7 di Novēbre a hore 24, et a hora $1\frac{1}{2}$ di notte fù grandissimo 280
terremoto a Ragusa.

L'anno **1505**.

Per fino 1509 li venetiani stettero in prosperità pigliando per tutta 281
Lumbardia, ed imperio Romano, et per tutta Marca, Puglia, Calabria, et altri loghi, che si facevano gran monarchi del mondo.

Adì 3 Febraro fù la fortuna del mar in nostro golfo di Ragusa, et rompè 282
assai barche.

Adì 22 Febraro fù una borra teribilissima la qual assai parapetti gittò 283
in terra dal Revelino delle Plocce, et più altre cose.

L'anno **1509**.

Fù messa la parte in pregai a Venetia per consegliarse sopra nave de 284
ragusei, et le sue mercantie massime d'Alessandria, et carisie punente (?), dove fù interlassato, et indatiato.

Adi 14 Maggio fù fatto battaglia in Lumbardia in Geredada d'una banda 285
della liga Rè di Francia, Rè di Spagna, papa, imperator, et molti altri Signori lombardi e punentini, e dall'altra parte li venetiani, dove fù lo campo di francesi 35 millia fra cavalli, e pedoni, e di venetiani 60 millia fra cavalli, e pedoni al fin restarono li francesi vincitori per modo, che morì del campo di venetiani 25 millia et cavalli senza numero, e di francesi circa tre millia, il più sforzo morì di francesi fanti a pie e cavalli pochi, et fù quella volta una gran tempesta grandine, et ira di Dio, che non si potè dar ultra, dove si dice, che in giorni tre si ha dato tutta Lombardia cioè Crema, Cremona, e in Gerada più castelli, Bergamo, Peschiera, et tutto Trivisano, Friol, Istria, et tutto altro resto di Lombardia, solamente Mestri, et corpo di Venetia, et a Venetia fù tradimento.

L'anno **1510.**

286 Fù aparita in Ragusa un'aparition fogal adì 17 Genaro avanti un'hora d'alba di giorno, la qual fù grande d'uno miglio, et grossa $^1/_2$ miglio, lo qual venne da parte d'ostro in ver tramontana, e venendo con una furia si fermò sopra la montagna d'Osonik fermandose fermo, poi si parti dello ditto fol . . . . una parte, come se fosse testa di fo . . . la qual testa partendosi si spezzò in mille pezzi, pareva che tutto mondo si brugiava, il qual resto che restò si fece imagine d'una croce grande, come se fosse fatta in crosetta due galere, e così restò in uno chiaro fino a uscita del sole.

287 Fù aparito in Lesina in una casa in borgo da un schiavon un crucifisso insanguinato per modo che usciva sangue da tutte piaghe, che fù una cosa stupefatta, et furono stati homini tutti di Lesina con procession, et fù portato in Chiesa di domo con tanti pianti di lacrime, poi domani una chiesa di nostra Donna si ruinò per terra per se stesso, la qual chiesa fù appresso di quella casa in la quale era lo crocefisso, poi seguite in fra un mese o dui si levarono tutto popolo minuto sopra gentilomeni, e furono stati amazzati parechi, et altri caciati via, e poi restarono tutti la università che gentilomeni non si trovavano, eccetto tutti comuni popolazzo.

288 Furono prese duo nave dalli ragusei cariche di robba mercantile in porto di Cirigo per le galere 7 venetiane candiotte senza battaglia, in le quali nave furono panni, savoni, ogli, et li dazi per mità, et altra mità in valando non volendo dir la verità alle donne, e per tal cagione si stima esser morbati con ditte galere, ma se hanno dato come putti, o vero come se fossero donne, dove se stima valor in ditte nave di conto di ragusei 30 millia ducati, e di fiorentini similiter altri 30 millia ducati.

289 Furono fatti Ambasciatori a Ragusa per mandar a Venetia per fatto delle duo nave, e per mercantie E. Dragoe Simon di Gozze, et E. Lorenzo Nicolò di Ragnina, li quali furono ben accettati, e la gratia furono fatta per consiglio di pregai di mandar uno Secretario venetiano per tutti luoghi e terre dove furono portate le robbe tanto a Candia, a Napoli di Romania, a Zanto, et a Corfù, quanto in altri loghi, et che lo ditto Secretario possa far constringere tanto persone di sovracomiti, galeotti et altri, et le cose stabile di far vender, et suplir alli danni tanto de ragusei, quanto alli altri forestieri, lo qual Secretario per nome si chiama E. Nicolo Stella, et con ditto Secretario le stà mandato in nome di ricuperare le cose di ragusei E. Ironimo Aligretto di Gradi allo qual è dato la provision secondo dichiaraza lo consiglio di pregai.

290 L'arte di lana fù venuta a manco per cagione perchè in ditta arte di lana furono capi di bottega homini cativi, ghiotoni, e ladri assassini, per modo che facevano panni di trista sorte, che d'ogni panno si perdeva duo ducati, et in ciascun logho lo panno raguseo non si poteva vendere di tanta trista condition che in se haveva, et parechi cavi di botega hanno faliti, et le sue cose stabile sono vendute, l'entrate di vino non si poteva vendere a Ragusa peggio che in Stagno, over in Ponta, over in altri loghi delli suoi territorj, et fù abondanza d'ogni vetovaglia a buon mercato per cagione perchè li denari non si trovano per man di popolo minudo, e tutti artisani manuali vanno domandando per amor di Dio.

In Alessandria furono ritenute 5 navi di ragusei con mercantie adi 19 Settb̃e tutti mercanti furono posti in prigione in Alessandria insieme con paroni, dove si stima esser di valor di ragusei 30 millia ducati, et similiter in barati, nave 4 dove si stima la valuta in baratti di cose mercantile 15 millia ducati, e questo fù la cagione perchè furono prese tre nave francese cariche di mercantie da mori di Malgarbini vassali del Soldano per li Rodiotti dove si faceva la stima di valuta esser presa 50 millia ducati, et altra cagione perchè furono prese 50 vele del Soldano in golfo di Giazza per armata di gran maestro di Rodi, et per tutte quelle bande del Soldano in ogni logo dove si trovano mercanti tanto ragusei, quanto venetiani et catalani, et altra nation cristiana tutti sono messi sotto la guardia tanto mercantie quanto persone, et sepolcro di Cristo fù messo in sacco scovando tutto suo valor tanto argenti, astai (?) et altre robbe, et guardiano dello sepolcro fù stato crucificato sù la croce martirizando giorni tre di continuo perchè rivela lo suo haver ascoso per lori, dove fù rivelato ascosti sotterrati 4 millia ducati contai, et in Sacristia fù trovato d'argentaria valuta di 5 millia ducati, delle quali nave 5 ragusee in Alessandria uno si rompè per fortuna, e due furono lassate per cagione acciò si debanno portar li ambasciatori di gran Soldano li frati dello sepolcro di Cristo, cioè a Rodi due, et in Francia due, per far render le cose prese tanto delle mercantie, quanto dell'armata, et questo fù la sua liberation delle ditte 2 nave adì 22 di Decembre, et altre due nave sono rimaste in Alessandria sotto la guardia per fino che altro si faccia di providimento haver liberation. 291

L'anno **1511**.

Adi 15 Feb° viensero più galere venetiane a Ragusa da Levante, le quali son state in ponente alla guardia francese, e mal menate di tristi tempi fortunali senza arbori, vele, antene, remi, et altri mancamenti li quali galere hanno domandato dalla Signoria di Ragusa per imprestito come amici, dove in pregai fù stato concesso per imprestar tutto quello che è di bisogno, et questo hanno fatto la Signoria di Ragusa come buoni cristiani, et veri amici di render ben per male, perchè in tutte nostre cose sempre venetiani sono stati inimici come si vede ogi dì, e sempre hanno veduti li ragusei mal volentieri, et dove hanno possuto far male, non se hanno sparegnato, ne oggidi di far male e peggio che hanno possuto fare, et le ditte galere furono state arivate in Cicilia per poter haver, e fornirse di vetovaglia per sua misa, e furono state caciate con bombarde come inimici lontano al tratto di bombarda, dove la Signoria di Ragusa tanto sapeva far segretamente che di notte portavano vini, biscotti, et altre suventioni di vitovaglia per modo che galere 13 furono satiate, e fornite di tutti suoi bisogni di vitovaglia per la Signoria di Ragusa. 292

Di Genaro fù arrivata una nave biscaina con carisie di mercanti ragusei, e bazariotti vassalli de venetiani in porto di Malfo, dove tutte carisie furono scaricate a Ragusa de ragusei, e parte de ciciliani, ma le carisie de bazariotti non volsero scaricare, perchè pensava gabar et involar il datio di Ragusa, et stando così più di giorni 20 non volendosi partir di porto di Malfo per sua disaventura, e per sua disgratia viensero galera una, et fuste 4° di turchi, et andarono in Malfo per prenderli, dove det- 293

tero battaglia giorni 3 piantando bombarde in terra per tal modo tutti di nave furono sbigottiti, et al fine furono presi dove furono lassati certi marinari della ditta nave per mezanità della Signoria di Ragusa, li quali marenari erano feriti, smacati, chi da saette, chi da schiopetto, chi da bombarda, chi da questo, chi da quello, et venendo a Ragusa ditti marinari furono posti alla vostaria (vorestaria?) tutti, et la Sig^{a} ordinò far spesa, et ordini delle medicine, per modo che furono tutti sanati, et stettero più di mesi 2 alle spese della Signoria di Ragusa, et tutti furono vestiti, et mandati chi in Puglia, chi a Cicilia, chi in quà, chi in là pur dove voleva, e pensava andar, li furono mandati tutti alle spese della Signoria di Ragusa, si stimava haver speso delli denari di Signoria in garbuglio della nave più di ducati 1000, et poi la nave andò via con tutte vele de turchi alla volta di Valona, si stima la preda di robbe mercantile delli mercanti in ducati 5 millia, et la nave con suo argazzo ducati 3 millia, che sono valuta ducati 8 millia.

294 Fù fatta preda per tre fuste turchesche in barcusi 5 grandi richezze sopra Valona alli giudei, li quali scampavano da Puglia, dove si stima haver tolto di valuta di ducati 200000 fra contanti, ori, argenti, robbe di conto delle quali si potè far denari.

295 Di Giugno tornò Santissimo Papa Giulio d'Italia da Bologna per andar a Roma, dove gionse a Ravenna, e da Ravenna a Ancona, e poi alla volta di Roma se ne andò con 3 cardinali et altri 8 furono mandati avanti lui, et questo perchè non fù vittorioso.

296 Di Luglio fù fatto Consiglio per Imperator et Rè di Francia, et altra lega che Santissimo Papa Iuliano debba comparir alla citation per tutto Decembre in Bologna, over in Vicenza, over a Mantova, altramente che debia provedere alla sedia papale, et similiter Santissimo Papa citarono Imperator e Rè di Francia a Roma sotto pena di scomunication.

297 Di Aprile viensero fuste 3, de-turchi di Valona, e furono presentate a Ragusa, e poi andarono a Lagosta, e stettero giorni 10 dove fecero guasto a Susciaz di animali 1500, et mandarono un gentilomo per refar tal danno, dove volevano far pagamento con lini, li quali furono presi dalli pugliesi, ma non li volsero accetar, per non esser intrati in scandalo, e poi andarono alla volta di Puglia sotto Piesciza, dove fecero guasto, et ruina assai, ma puoca gente furono presi.

L'anno **1512.**

298 Di Maggio fù scambiato gran turco Pasait Begh violentemente con favor di gianizari, et fù posto in suo logo suo fiol Selim Celebi, e di Luglio andò gran turco Pasait Begh for di Constantinopoli per andar verso Andrianopoli circa duo giornate, si stima esser morto della desperatione overo attosicato dal suo fiol Selim.

299 Di Maggio fù in Lombardia gran occision di gente spaguola, et gente venetiana per oste francese si stima esser morto in 3 volte sotto Bergamo, Ferara e Ravenna più di 70000 milla persone, et in Bergamo fù stimato haver messo a sacco tre millioni di ducati, et a Ravenna un millione di ducati.

L'anno **1513.**

300 Fù gran turco Selim andato a combattere in Natolia con suo fratel

Ahmet soltan Celebi, et venendo appresso Bursia tutti dui campi se stettero, e volevano cominciare a combattere, viensero parechi turchi dallo campo di Ahmet Celebia, et al fine li dettero in man li suo frattello ligato, et non fù alcuna battaglia, et subito fù fatto far strangolar Ahmet Celebia con doi suoi figli.

Furono stati presi un fiol di Ahmet più maggior con 3 suoi fioli, et 301
tutti fece ammazar in consiglio del suo palazzo in sua presentia in Constantinopoli.

L'anno **1514.**

Come Selim fù resto appresso Massia gran turco.

L'anno **1515.**

Gran turco Selim fece una gran oste per tutto suo paese per andar a 302
combatter in Levante con Ali-soffi, et andò giornate 40 per deserti per esser insieme con Ali-soffi, et quando furono insieme fecero battaglia per modo che una banda e l'altra se amazarono che non rimasero che poi restò pur alla campagna gran turco Selim, per modo che si stima esser vincitor.

L'anno **1516.**

Adì 21. Marzo fù morto Rè Vladislavo d'Ungaria. 303

Gran Turco Selim fece gran oste per tutto suo paese et andò con sua 304
persona a combatter con soldano di Caire per modo che fece gran ocisione per tutto lo paese, e soldano morì della disperazione, dove si fece gran turco Selim Signor di Caire dello paese del soldano.

Fù gran mortalità di peste per tutto paese di Turchia, et parechi gen- 305
tilomeni ragusei morirono di peste in Turchia, et molti mercanti popolani, et popolo minuto in detto paese.

L'anno **1520.**

Adì 17 Maggio a hore 11 fù a Ragusa un terremoto terribilissimo, il 306
quale disrupò gran quantità di case di gentilomeni, et popolani, et fù ammazzato in Chiesa di Santa Maria Maggiore un homo alla morte Scartisir, et uno forestiero fù ferito et in la Città di poveri homeni furono ammazati per le case ben 70 altre persone, qual terremoto fece danno dentro alla città delle case, et chiese ben si stima 100 millia ducati, et per le ville ben altri 50 millia ducati, che in tutto sono 150 millia ducati, qual terremoto durò continuamente un anno, et mesi 8, che non fù terremoto ma flagello di Dio.

Fù morto Selim gran turco adi 19 Agosto, e fù fatto suo fiol Suliman. 307

L'anno **1521.**

Gran turco Suliman Sultano fece gran oste per tutto suo paese, et 308
andò con sua persona a combatter con Rè d'Ungaria, et oprimer le sue terre, et suo paese, dove pigliò Biograd adì ultimo di Agosto alli patti che lasciasse li Ungari quelli che erano dentro, e di poi tutti decapitò, e li pigliò tutto paese di Sriem, et molti altri castelli.

L'anno **1525.**

Adi 9 di Giugno per la relazione d'una certa donna di Tarpagn fù sco- 309
perto tradimento di Gioanni fiol di Chimo di Tani, lo qual trattava con certi Cacichi, cioè Gargur e Stiepan Clauscichi, Tadia Vladislav Heracovich, Marian frattello di Varsalco tradir la città nostra di Stagno al Sangiacco di Herzegovina per nome Mehmet fiol di Ali-begh Micai-begovich, et questo

suo trattato fù scoperto per una donna di Cacichi a un homo di Vruchizza, et ditto homo fece relazion allo nobil homo E. Marin Matteo di Getaldi tunc tempore Capitaneo di Tarsteniza, et lo ditto Capitaneo comunicò tal cosa con la Signoria di Ragusa avisandoli il trattato di maligno tradittor, et lo suo scelerato animo, fù preso in consiglio di pregai d'intrometter ditto Gioanni di Tani, et mandarono nobil homo E. Marino Stefanno di Giamagna la Signoria a Stagno con una barca ben armata per intrometter ditto Gioanni di Tani, atento che sua residenza era a Stagno perche in Stagno faceva mercantie, et aveva parechi grippi, saisie, e barcosi et molte altre cose stabili haveva aquistato in ditto Stagno, et stava assai bene, e non se guardava dai contratti illeciti, et usuratici, et così adì 10 di Giugno fù preso in Stagno ditto Gioanni, e menato a Ragusa in forza, et quam primum fù presentato alla Signoria, fù interogato quanto tempo, che tu sij stato in Cacichi, lui rispose sono anni dui, che non son stato in Cacichi, ne veduto nessuno di Cacichi, e pur erano testimonij parechi homeni da bene, e gentilomini in qual tempo haversi trovato in Stagno quando ditti Michlenscevichi erano visti in Stagno praticar in Casa di detto Gioanni, et a questa negativa sua fù terminato per eccelso Consiglio di pregai di darli tortura, due volte fù tirato alla corda senza scosarli, in quella volta non confessò nulla, et lo tenevano in preson molto tepidamente, e senza stretture delle guardie era opinion di molti homeni più tosto per lassarli, ch'altrimente.

Quid accidit adi 28 di Giugno uno frate di santo Francesco per nome frate Sisto parti dal Monasterio di Santo Jeronimo di Slano, per trovarsi alla festa di Santo Pietro in Popovo loco chiamato Savala, perchè gran moltitudine di gente si racoglie alla festa di S. Piero doman che adi 29 di giugno alla festa di San Paolo ditto frate Sisto fù invitato a dir la messa in un castel chiamato Hutovo, et fù invitato a disinar in casa d'uno homo da ben di ditto casal per nome Pettar, e come usanza alla tavola si parla, e rasona di molte e varie cose per modo, che fù parlamento in ditta tavola della intromessa del ditto Gioanni di Tani, e chi diceva una cosa, e chi un altra, al fine domandarono allo fratte Sisto a voi padre che ve par, lassaranno Giovanni di Tani, o non, il frate rispose a me par, che li lassaranno attento che non è in colpa; all'hora si levò un giovine, che era in tavola, per nome Nicola Clarich di Cifluc usò dire come lo lassarano e l'è in colpa, io con gli miei occhi ho visto ditto Gioanni, dove fù a parlamento con li ditti Cacichi apresso alla bocca di Narente, cioè questi di passati attorno Santo Giorgio prossimo passato dui giorni avanti, overo dui da poi, precise non si ricordava della giornata, et ditto fratte Sisto tornando da Popovo a Slano queste parole in secreti disse a Bartolo Natal di Nale, tunc tempore Cancilier in Slano, et ditto Bartolo li disse a E. Conte E. Gioanni Natal di Saraca, et E. lo Conte preditto per una sua lettera di netto puntualmente dette aviso alla Signoria di Ragusa, et Signoria scrisse per una lettera a predetto lo E. Conte, che dovesse trovar una persona cor cervello, e quella mandar con prestezza a Cifluco a trovar ditto Nicola si affatigasse venir a Ragusa, et presentarse alla Signoria, andò prefato E. Conte pregò allo sopraditto frate Sisto, che lui si affatigasse andar fin a Cifluc a trovar ditto Nicola, e pregarli che si dovesse affatigar andar a Ra-

gusa, et se il ditto Nicola non vorà venir a Ragusa, che debbia investigar da lui, quali Cacichi sono stati a parlamento con Gioanni di Tani, e dove son stati in colloquio, e se sà di che hanno ragionato, e che parole son state frà loro, ditto frate Sisto non volendo andar havendo rispetto al Sacerdotio suo, et poi molte preghiere, et altercation con ditto frate s'offerse di andar, e così andò per terra fino a Cifluc, e trovò ditto Nicola Clarich allo quale Nicola con grande instanza pregando il ditto frate Sisto, che dovesse andar a Ragusa a presentarsi alla Signoria, lo ditto Nicola si scusò di non poter andar al presente a Ragusa per amor delle racolte che li hanno addossato, allora frate Sisto li richiese, che particolarmente li dovesse dire come lui sà, che Giovanni di Tani sia stato a parlamento con li Cacichi, e dove è stato tal parlamento, e se sà di che hanno parlato insieme, allora ditto Nicola li disse, io con un'altro giovine in uno zopolo alle Mladine in Narente andassimo a pescare, eccoti un bergantino ben armato veniva da basso, e dentro Cacichi sopradetti, e di Stagno vogava una barchetta allo ieran (?), e due remi per banda, e dentro in detta barchetta era Gioanni di Tani, e come si gionsino si salutarono di barchetta, et poi uscirono Cacichi in terra, e Gioanni uscì con loro in terra, e lassarono marinari dentro in le barche, e io gia non conosceva Gioanni di Tani, e disse al miò compagno chi è quello con li Cacichi, il compagno mi rispose quello è Gioanni di Tani, et così usciti in terra ragionavano trà loro, e parlarono più d'un'ora, e poi quelli Cacichi intrarono in sua barca, et andarono da basso, et Gioanni di Tani intrò in sua barchetta, et andò verso Stagno, interogato del tempo, disse ut supra, interogato del logo, disse a Mladine alla bocca di Narente, interogato di che hanno rasonato, rispose che non sà quello che hanno parlato tra loro, queste formali parole riportò frate Sisto allo prefato E. Conte di Slano, et E. lo Conte prefato per una sua lettera puntualmente dette avviso alla Signoria di Ragusa, et così ditto Gioanni di Tani fù menato in sala, dove eccelso Consiglio di pregai era racolto in presenza sua li fù ditta lettera letta di E. lo Conte di Slano, alla quale cominciò ditto Gioanni vacilare, come se fosse fuora di se, et quell' istante fù preso in lo eccelso Consiglio di pregai di darli scossi cinque della corda; allo quinto scosso expiravit senza alcuna confession, et il corpo suo in sacco vestito alla tavola unda (?) dalli bastasi (?) fù portato, e sotterrato a Santo Antonio delle Plocce in sepultura di traditori, et per sentenza dell'eccelso Consiglio di pregai li sono confiscati li suoi beni mobili e stabili in comun di Ragusa, e questo modo vadano tutti li traditori. Doppo la morte sua fù mandato una persona da ben in Cacichi uno di loro affirmato tutto di sopra, et Nicola Clarich udita persona da bene a usato a dir di smenticarse a dir quando mi interogavi prefato di Gioanni di Tani, cioè quando si spartirono le barche al fiume di Narenta, Gioanni disse a quelli Cacichi tenite modo a far presto quella faccenda.

L'anno 1537.

Adì 18 Marzo fù gran fame a Ragusa, e carestia di formento, e li va- 310
leva un cupello grossetti 20 e 30, e li ragusei mandarono quatro nave in Levante in volta per formento, e quando viensero a Ragusa sotto Lacroma, viensero tre galere, venetiane, e li pigliò le ditte quatro nave e li menò dietro di poppa, le ditte nave per menarle a Venetia, e li Ragusei arma-

rono la nave di Tomaso di Brailovich di Giuppana, e mandarono un gentilomo per capitanio sopra la nave E. Marino Benedetto di Gondola per pigliare di recavo (nuovo?) le nave prese, e quando viensero apresso, cominciarono a tirar delle canonate e così viensero nel porto di Ragusa.

L'anno **1554.**

311 Alli 17 Luglio viense l'armata di gran turco vele 160, capitaneo loro era Curcu-rais dove stettero a Isola di $^1/_2$ (Mezzo) da mezzo giorno insino mezza notte, e da poi andassero in mare verso Bieste, et fù sacheggiato, et menato da tre millia persone, et la terra fù brugiata.

(Ркп. франц. библ. № 269, стр. 95—141.)

V. Отрывокъ изъ списка лѣтописей Мартеккини 1602—1607 г.

Origine della città di Ragusa estratta da certe scritture antichissime con agiunta di alcune cose più memorabili costumate in Ragusa.

1602. In 21 p^{i} di Lug^{o} si scoperse a Lagosta un tradimento, o sia ritezione che machinavano alcuni preti Lagostani di consegnare l'Isola di Lagosta al Generale dei Veneziani in Dalmazia onde questi avevano 30 uomini dalla parte della Confraternità di Lagosta acciò lui o venisse o mandasse barche armate da giuto (?) che al arivo di quelli vi rivolcerebbe il popolo, e li consegnarebbe il Castello cun tutta l'Isola di Lagosta; costoro non ricevano alcun motivo dai Sig^{ri} per liberarsi da loro, ma stimo con la gran franchigia concessali dalli Sig^{ri} di Rag^{a} resi inslenti ricchi e superbi. Cominciarono arrivare calzo (?), fù scoperta questa loro machinazione percosse in questa forma due preti Lagostani capi di questa solevazione, uno si chiamava prete Francesco Lasman, e l'altro prete Marino; dicendo un giorno diversi Lagostani, che piglino le chiavi del Castello, e si impadronischino di quello sino alla venuta dal Generale con l'armata. Questi discorsi loro furon intesi da alcuni pescatori di Gravosa, che erano lì apresso, e così questi racontarono del tutto al Sig^{r} Conte di Lagosta, che fù E. Sarafino Michele di Zamagna e poi trasferito a Ragusa rifirirono il tutto alli Sig^{ri}. Ma il Conte senza aspettar altri ordini da Rag^{a} interissa la cosa, che si machinava andò con molti uomini de nostri e con destrezza prese le chiave del Castello dal Lagostano, ed entrò con tutti nel Castello, e lo serò per alquanti giorni e pose sopra le murale bandiere di S. Biagio. Intanto alli 5 di Lug^{o} li Sig^{ri} di Ragusa preintesi li sud^{i} tratti perversi dei Lagostani con solecitudine grande, il giorno di Giovedì spedirono tre Nobili cioè E. Trojano Lambriza di Cerva, E. Niccolino Sebastian di Menze, e E. Aloisio Natal di Saracha con 600 uomini radunati de' diversi luoghi

dello Stato verso Lagosta, con più di 15 barche, i quali il giorno di domenica ben per tempo la mattina, che fù alli 8 di Lug^{o} arivarono a Lagosta ed imediate presidieron il Castello, e tutta l'Isola da tutte le parti, in particolare dove si vuol far lo sbarco che sono in 3 o 4 luoghi. Intanto il giorno seguente, che fù lunedi alli 9 di Lug^{o} arrivarono due galere Venete e due barche cariche di Albanesi, i quali vedendo alzato lo stendardo di S. Biagio sopra il Castello e le nuove fortificazioni presidiate e guarnite di gente, che facevano strepito con archiebuci ed altri armi, poichè erano nel Castello più di 300 persone, e così pure in tutti i porti gente armata e tutto lo scoglio in armi, si ritirarono indietro verso Curzola. Con queste galere erano da 70 ribelli Lagostani, e Luhscia capo di loro. Il Generale di Dalmazia stava a Meleda nel porto Palazzi con 5 galere il quale avisato del seguito si trasferì ancor lui a Curzola fremendo di rabbia per non esserli riuscito il colpo. Minacciava di fare cose grandi, ma arrivati da lui l'ambasciatori mandati dai Sig^{ri} che furono E. Marino Rafael di Gozze, e E. Tomaso di Gondola avendolo con parole umane ragionevoli persuaso, che Lagosta dall'antichità è stata sempre soggetta alla Repub^{a} di Rag^{a} e così essersi mantenuta sin al presente ne mai l'antecessori della Repub. di Venez^{a} si sono ingeriti nelle nostre Isole, si quietò. Si lamentava però il Generale d'un Lagostano, chiamato Luhscia, il quale era venuto con cattivo tempo a Curzola, e poi come fece miglior tempo si partì verso Lagosta; trovava pretesti che nell'Isola di Curzola avesse perso dissevi di no (?), ma scarsi di cattivo tempo, e poi venuto a casa sua a Lagosta e subito fatto venire dette barche relazione di questi Sig^{ri} a difendere l'Isola contro nemici. Il Generale stete tre giorni a Curzola, e poi partì verso Cattaro, e li Amb^{ri} nostri rittornarono a Rag^{a}. Il Generale arrivato avanti il Porto con le 5 galere, salutò la Città e li Castelli li resero il saluto, e li furon mandati li presenti i due ambasc^{ri} cioè, E. Girolamo di Cerva, e E. Dunich di Caboga alli quali disse il Generale, non voglio più travagliare Lagosta, ne ingerirmi in quell'Isola per esser vostra. Ma partite da Lagosta le galie Venez^{e} e le 12 barche i 3 nobili incominciarono ad indagar e formar processo per ritrovar i delinquenti, et ogni uno gridava e si lamentava dei sud^{i} due preti; cioè prete Francesco Lasman e prete Marino; dicendo che questi con loro nepoti e parenti mostravano un odio indicibile contro i Rag^{i} e non mancavano di continuo far sedizioni per tutta l'Isola contro li Sig^{ri} di Rag^{a} stimolando la gente a solevarsi contra, onde li sud^{i} nobili fecero prender questi due preti come capi della ribelione e sul fine di Luglio li mandarono incatennati a Rag^{a} dove furono esaminati per sapere i complici, e li fù fatta la sentenza della morte, e così martedi alle 13 ore d'Agosto furon strangolati in prigione, cioè in quelle due di pelago ad ora di notte, confessati prima e communicati, e poi uno ad uno furon portati nel cataletto da due soldati con una lanterna avanti nella chiesa di S. Luca, che sta appresso le Porte delle Plocce et ivi sepeliti nel sepolcro di traditori.

In questo medesimo giorno cioè alli 13 d'Agosto del 1602 ore 16 fù strangolato un frate di S. Franc^{co} come si dirà in appresso; alli 14 d'Agosto fù fatta grida da un riviero a suono di tromba, che tutte le facoltà tanto mobili come stabili di tutti i Lagostani che sono stati ribelli ed infedeli

alli Sig^{ri} di Ragusa siano presi in fisco e se qualche d'uno dei ribelli ammazzasse un'altro ribelle possa ritornare in Lagosta, e non sia privo, e se qualche d'un altro ammazzasse alcuno dei ribelli li sian pagati per ordine dei Sig^{ri} scudi 300 per ogni Lagostano.

Alli 15 detto fù mandato con una fregatina un manigoldo a Lag^{ta} per strozzare, e tagliare le teste ad altri Lagostani ribelli che erano presi e ritenuti in forze dai nob^{i} sud^{i} che erano mandati dal Senato per capi come si disse di sopra, e con la detta fregatina si mandò farina ed altre cose bisognevoli per detti nobili, e per i soldati, che erano con loro. Sabato alli 17 d'Agosto fù terminato il Pregai, che E. Niccolino Sebastiano di Menze debba ritornare da Lagosta per dare raguaglio e distinta relazione di quello che hanno spenso contro i ribelli e quelli che sono rimasti a Lagosta per esser inscritti al presente 430 persone, e fù terminato oltre il prender in fisco i beni dei ribelli che i altri debbano pagar in appresso i gabelli di vino, ogli, pesci, come pagano tutti li altri sud^{ti} dello stato di Rag^{a}.

Lunedi alli 19 d'Agosto prima che partisse da Lagosta per ordine suo e dei suoi colleghi fù impichato il nipote di prete Marino avendoli fabricato le forche di legno sopra il monte appresso il Castello e poi posto sopra un travo slanzato dalle mura del Castello e lasciato così pender a vista di tutti.

Questo nipote di prete Marino quando fù preso il sud^{o} prete Marino, e prete Fran^{sco} mentre li mandarono legati per imbarcarli verso Rag^{a}, gridava: non dubitate Barba vi vendicarò tutti e spanderò tanto sangue di tutti questi regenti ed in particolare dei nobili tagliarò tutti a fil di spada, come fecero i Turchi dei Spagnoli in Castel Nuovo, così farò poi fra poco tempo di quelli Rag^{i}.

Martedi che fù ai 20 d'Agosto E. Niccolino Sebastian di Menze arrivò da Lagosta a Rag^{a} e condusse seco 6 Lagostini rebelli, i quali furono subito incarcerati e con quelli una donna pregna (?) fù condotta e posta nelle stanze in Città dove sono altre stanze di Do^{e} che chiamano in Lihsvich telo bucine.

Il 21 d'Agosto E. Niccolino fù introdotto nel Consiglio di Pregai, in qual diede distinta relazione di tutto quello che è seguito dachè partì da Rag^{a} verso Lagosta, e li rapresentò tutte quelle opere insieme con li altri coleghi fin al presente giorno; li presentò il processo fatto sopra li delinquenti e con altri a Lag^{a} un casa di prete Marino presa in fisco, che era come un palazzo e perchè si disse che li 6 Lagostini condotti da E. Niccolino fossero capi dei ribelli, si trovò esser loro innocenti, ma i loro figlioli esser stati ribelli, e perciò fù terminato che questi fosser lasciati dalla carcere, ma però che siano a Rag^{a} per soldati e che non possino più andare a Lag^{a}, e che durante la loro vita possino goder l'entrate delle case e possessioni loro, ma dopo la morte i figlioli di questi non possan più goderli, ma vada in fisco il tutto. Finalmente intesa la relazione di E. Niccolino Menze delle cose seguite a Lagosta, fù terminato in Pregai, che lui non ritorni più a Lag^{a}, così pure che ritorni tutta la milizia restando solamente 60 soldati, di quali 40 debbano servire di guardie dell'Isola, quali debbano stare nel Castello con due caporali e 20 soldati con due capo-

rali, che debbano stare àlla guardia del Castello e del cap^{an} il quale fù certo E. Sigismondo Pietro di Sorgo, e che il d^{o} cap^{o} non possa uscir fuori del Castello per 6 mesi, e che faccino buone guardie li soldati tanto per l'Isola quanto per li monti e nel Castello. Al cap^{o} furono assegnati 30 grossetti al giorno, e 25 scudi al mese; alli caporali g^{ti} [1]) al dì ed alli soldati g^{ti} 5 al giorno, e che il Conte che fù E. Serafino Michele di Zamagna debba stare nella casa grande di prete Marino strozzato, e che i due Giudici rimasti a Lagosta cioè E. Trojano Cerva e E. Luigi Saraca ritornino con il loro Canceliere e tutta la soldatesca che erano 400 eccettuati 60 soldati in più soli e 4 caporali che dovevano restare per guardie dell'Isola, del Conte e del Capitanio.

Dei ribelli erano fuori più 35 ai quali furono confiscati le possessioni, case et altri mobili così pure a quelli che furon giustificati.

Alli 27 d'Agosto ritornarono a Rag^{a} Trojano Cerva e E. Luigi Saraca, con tutta l'armata di 15 fregate e barche che furono parte dell'Isola di Mezzo, da Slano, d'Oratto, da Ponta e Pegliesaz, parte di Breno, e di Gionchetto, ed anno delle Città in (?) tutti li sbiri e barabanti, i quali ritornarono cun grandi soni e salvi, avendo liberata l'Isola di Lagosta dai ribelli.

Le due possessioni dei Tesorieri della Procura di S. Biagio che tenevano prete Marino, e prete Francesco Lasman Pasqualichevich furono date una al prete Lionino Giovine Lagost^{no} e l'altra a Giano pure Lagostino. Queste due possessioni sono grandi: ogni una rende a cento e cinquanta ducati, et a sud^{ti} preti fù confirmato questo judizio dal Vicario di Arciv^{o} poichè non era ancor creato nuovo Arciv^{o}. I Lagostani fedeli al Principe, che si erano venuti con i nobili a Rag^{a} furono licenziati liberi con le possessioni, e beni loro, e partirono verso Lagosta l'ultimo d'Agosto che fù sabato e fù dato ordine alli 60 soldati rimasti per guardia dell'Isola, et a 3 Lagostani, che vendessero le possessioni confiscati e mettessero nei magazeni per conto del publico. Queste vendemie si fecero il mese di 7bre e si dice che furono raccolti 23 migliara di vino. Si dice che il Vice Rè di Napoli avesse fatto un proclama, che tutti i Lagostani che si trovassero nel Regno di Puglia, o capitassero in questi luoghi senza la patente o cordicello di esser fedeli, e non ribelli della Repub^{a} di Ragusa fossero presi ed incatenati e poi impicati.

Il p^{o} di 7bre furono venduti all'uomini d'Ombla 2 tratte per 60 scudi, e due barche dei ribelli, una che era più piccola si vendette per 25 scudi, e la comprò E. Marino Raf^{le} di Gozze, e l'altra tratta con la barca più grande fù venduta per 60 scudi.

Alli 15 d'Ottobre fù terminato che delli 60 uomini ossia soldati lasciati a Lagosta per guardia ritornino 20 a Rag^{a} e li altri 40 restino sino all'altro ordine e cosi fù fatto. In questo mentre il Generale Venez^{o} della Dalmazia insieme con li ribelli fugitivi da Lagosta [2]) di tentar ogn'arte per poter sorprendere L'Isola di Lag^{a} insieme con il Castello, onde un giorno all'improvviso comparve con 10 galere e duodici barche lunghe di Albanesi, prima però della venuta loro venero alcuni Dalmatini, ed un di loro disse che il Castello sarà preso, perchè il Conte Seraf^{o} ed il Cap^{o} Sigis-

---

[1]) Цифра пропущена въ ркп. — [2]) Пропущено сказуемое: comminciò?

mondo l'avevano venduto per 600 ducati e 30 presero e perciò quando le guardie nostre stavano al erta del Castello videro attacate le scale alle mure, onde li guardiani avisarono Sigismondo dicendoli con cativo tempo i nemici hanno posta la scala sopra le mura, e sono gli due contrati dentro, cosa fecero, rispose con superbia: lasciali becco cornuto, non fate più guardie e così col suo consiglio fù preso il Castello, e furon procettati i nobili cioè il Conte ed il Cap° i quali si disse che gustevano con denari, e con robbe, che li furono donati dai Lagostani; tuttavia il Conte Serafino di Zamagna fù privo di nobiltà et al Sigismondo Pier di Sorgo fù fatta sentenza di stare 3 mesi in prigione e sia privo di nobiltà, officii e beneficii, et non altro.

1606. I Sig^ri^ [1]) alla Corte del Gran Turco a lamentarsi contro li Venez^i^ che li usurparono ed occuparono l'Isola attinente alla Repub^a^ di Rag^a^; onde l'anno 1606 il mese di febrajo fù la gran minaccia che di continuo faceva al Bailo il Gran Turco, il quale fece un dì mettere in forte a Costantinopoli, e mandò un Ciausc a Venez^a^ minaciandoli così pure Ifrenis Governatore di Millano e General del gran Eserc^to^ si protestò alli Venez^i^ se non restituivano ai Sig^ri^ l'Isola di Lagosta, che venirebbe col armata del Rè nel Golfo ai danni de' Veneziani onde li Sig^ri^ Veneziani vedendo Bailo in forte, e minaccie del Gran Turco e del Governatore di Milano terminarono in Pregai di restituire ai Rag^i^ Lagosta, con patti però, che li Sig^ri^ Rag^i^ per questa volta perdonassero ai Lagostani delinquenti e se in appresso mancassero, li castigassero, e così diedero ordine al Generale, che ritornasse con 10 galere e 12 barche d'Albanesi e consegnasse alli Ragusei l'Isola, dove furono mandati per ambasciatori E. Girolamo Cerva, e E. Giorgi e Gozze per ricever l'Isola di Lagosta, e fù mandato per Conte E. Domenico Giorgi, e per Castellano E. Jacomo Elia di Bona, e diedero 30 soldati al Conte e 80 al Castellano per custodia. Ma considerando li Sig^ri^ che per guardia del Castello si spendeva ogni anno da 3 a 4 milla d^i^ in Cap^i^ e soldati, e poi ogn'uno, gridava, siete troppo cieci e di poco senno, o Signori, dai Lagostani non avete alcun utile e poi volete farsi tributarii loro, con mantenere a spese vostre presidiato il Castello e l'Isola; onde il mese di Mar° del 1607 fecero venire a Ragusa tutti i Lagostani che erano mal affetti e sospetti, i quali venero in numero 28 e furono ritenuti a Ragusa, e poi mandarono più di 100 persone tra muratori et altri manuali con ordine di demolire il Casteilo fino alle fondamenta, le due cisterne che erano nel Castello e gettare le pietre nel mare acciò non restasse alcun vestigio, e di più mandarono da 600 persone con armi acciò i Lagostani non ardissero di moversi per impedir la demolizione del Castello.

Nell'istesso giorno che furon esiliati i due preti Lagostani cioè alli 13 d'Agosto, come accenài di sopra, del 1602 a ore 16 fù strangolato un prete di S. Fran^co^ il quale alli 9 d'Agosto fù preso nella bottega del suo fratello Ivan Sartore. Questo uomo si chiamava Fr. Ierolamo figlio di Vincenzo Sartore Jegiupac. Costui fù impicato che faceva amore con due monache di S. Chiara e che di notte s'alzava per le mura e per il canale, che conduce l'acqua alla fontana grande, e veniva alle porte, che con loro

---

[1]) Пропущено: вѣроятно, hanno mandato ambasciatori.

s'intendeva. Di queste due monache si dice, esser statà una figliola di E. Simone Matteo Benessa, e l'altra figlia di E. Marino Antonio di Pozza. Questo frate fù dunque preso, come dissi di sopra, alli 9 d'Agosto, voleva appunto altra partire con un naviglio verso Ancona con lettere di Radagli, et d'altri per li preti Lagostani e per altre molte cose, machinazioni del Radagli; e stando per partire allora aveva un sachetto di robbe ed una valigia posta da Piero Sartore in casa sua. I Sig[ri] furono avisati della sua partenza. I ministri sapeva ogni uno, del Frate Ierolamo il sachetto, e la valigia fù presa e portata dagli Sig[ri] e lui non accorgendosi del suo fatto, potendo fugire si era fermato in botega da Ivan Sartore suo fratello per far modo, e così fù preso in quella botega da Maroie Manuglie con 40 soldati e menato in prigione nella segretezza, e fù posto nella carcere, onde confessare il suo delitto, e se avuto seco altri compagni, ma lui non volse maj confessare cosa alcuna, alora era Rettore E. Vladislavo Marino di Bona, il quale ogni dì radunava li Pregai per terminare cosa si dovesse fare di costui. Fù preso Ven[ti] alli 9 di Agosto ed il primo giorno, che fù martedi per ordine di Pregai a ore 16 fù strangolato nella prigione e poi a l'ora di notte fù portato da due soldati nel cataletto con una lanterna avanti nella Chieza di S. Carlo, che sta appresso le Porte della Città per andare alle Plocce ed ivi fù sepolto.

Nell'anno 1400 fù scoperto alli 9 di Marzo un tradimento grande che minaciavano contro la Repub[a] di Ragusa alcuni nobili concittadini, i quali avevano machinato di usurparsi altro (?) dominio della Città di Ragusa concorer far perdere tutta la nobiltà, come si scriverà più a basso.

Questi furono E. Niccolo e E. Jahusin di Zamagna, Fradi Cervettichi, e Lauriza e Simon di Bodachia fratelli, e Mihoc Kudieglina e molti altri pelisari, e beccari che erano congiurati con sud[ti] nobili.

Questi dunque di Zamagna erano uomini sediziosi e facevano grandi soperchierie tanto in publico come in quieto, confidendosi delle compagnie dei scolari scelerati e quelli sempre avevano presso di se, e specialmente dei nobili giovani, ai quali davano ogni favore, a fare qualche scandalo, minacciando ad uomini e persone da bene, con tenere sempre appresso di se un squadrone di giovani scellerati per mostrarsi favoriti contro le persone da bene, ma vedendo che le facoltà non bastavano a fare tanti conventicoli, onde cercavano di poter aver intelligenza con qualche potentato e cosi terminarono di convocare in sua compagnia alquanti Bosnesi persone signalate, i quali venendo a Ragusa potessero ajutarli ed eseguire i loro perversi pensieri. Dopo questo mandarono un messo con lettere a (Vladislavo Vladisavovich) Vukascia Vladissaglich di Trebigne, un altro nunzio mandarono in Popovo con lettere a Vlatko Vucetovich Conte di Popovo, che questi dovessero venir in un certo tempo sotto le mura della Città, di più mandarono i due nunzii in Bosna da Voievoda Stipan Milloslavich che lui in persona dovesse venire a Ragusa con 300 persone, e non potendo egli venire che venga il suo figliolo Andriasc con li sud[i] 300 uomini. Il giorno fra di loro deputato un altro messo fù mandato a Mittar Marcovich che anco lui venisse con li altri 300 uomini in persona, a tempo debito acciò tutti insieme si trovino sotto Ragusa offerendoli il sacco della Città di Ragusa, lasciando solamente per se la Città per governo di quella. Questa

intelligenza passavano tra di loro, ma un giorno che fù li 9 Marzo, trovandosi alle Plocce sotto la Chiesa di S. Antonio un plebeo di buon parentado, per nome Nikscia Preslicich, del quale venne un homo da Trebigne, e lo dimandò dove potrebbe trovare Nikscia, e lui rispose io son Nikscia, così li consegnò la lettera, la quale lui lesse ed avendo in quelle trovato cose proditorie, imediate la portò nel Consiglio Minore, la qual letta ed intesa dai Signori subito fecero ritenere i fratelli ed altri sopranominati, alli quali con gran vituperio fecero tagliar la testa, e li loro corpi stettero 3 giorni buttati in terra sotto la statua d'Orlando in piazza, e di poi puzzolenti furon sepeliti nella Chiesa di S. Francesco appresso la porta per dove si entra nel Chiostro, dove ogi si vedono due sepolture una contigua all'altra, ambe coperte di mattoni. e perche questo tradimento fù scoperto il giorno di quaranta Martiri, i Sig[ri] fecero voto di solenizar tal giorno con processione di S. Biagio, ad onore di sud[i] gloriosi 40 Martiri, i quali furono intercessori, che la Città di Ragusa fosse liberata dall'opressione, che machinavano i scelerati tradittori alla propia Patria. 121—133.

(Ркп. П. Ф. Мартеккини.)

VI. Philippi de Diversis de Quartigianis Lucensis Artium Doctoris eximii et Oratoris Situs, ædificiorum, politicae, et laudabilium consuetudinum inclitae civitatis Ragusii ad ipsius Senatum descriptio incipit.

Incipit Prima pars, videlicet de situ, et hoc terrestri, et maritimo.

Cap. 1.

De bono situ ratione maritimae et terrestris commoditatis.

8 Solunt optimarum civitatum situs institutores, fundatoresque Urbium situ terrestri, et maritima commoditate gaudere, quorum alterorum urbs carens multis incomoditatibus. Eis enim duobus facile auxilia consequit, et fructus, et, merces, nec non et ædificiorum materia, qua plurimum urbs quæque indiget tam eis propria, quam externa legione, seu remotis nationibus omni cum facilitate ad eam feruntur, et animalibus et navibus conducuntur. Hiis cum modis exuberat Ragusium, nam et terræ particeps, unde quotidie propriæ regionis incolae adventitiique, quadam fere incredibili copia concurrunt, equis et aliis animalium speciebus conducentes, et humeris propriis bajulantes, quæ usui hominum tum ad vivendum, tum ad mercendum commoda sunt et utilia. Nam urbis propinqui sive Ragusinis, sive aliis magnatibus subditi, ferunt et conducunt olera, flores, fructus suis temporibus recentissimos, pullos, ova, sues, lepores et cætera hujusmodi victui animantium debita, remotiores vero, mel, piscem, tabulas, carbones exustos, rudes, pelles, barcar. cohopertoria, quæ *celegas* appelant, lignea instrumenta

pro pane pinsando, pro pannis lineis lavandis, pro optoribus, et denique multa animalia, quorum carnibus homines vescuntur. Cæteri vero terra venientes, qui ut plurimi mercatores existunt, aurum, argentum, plumbum, cremexinum, et piper, ceram et alia multa maximi valoris ex Andrenopolis urbe, ex Rassia, ex Nova monte presertim et ex Bosna. Habet etiam commodum maritimum civitas Ragusii, quo plurima bona adipiscitur. Nam cum sit multarum gentium copiosa, nequeatque incolas propriæ regionis terræ nascentibus, aut iis, quæ itinere terrestri conducuntur alere, aut ædificiorum materia nancisci, navibus dictim advehuntur frumenta, mileum, ordeum et legumina, oleum, carnes salsae, et pisces, oleæ, nuces, poma, castaneæ, caseus, aromata, confectiones, medicinæ, laneæ, panni, linum, vasa ramea, vitrea et terrea, coralia, sal, et demum innumeræ fere merces, ac plurimi ducati aurei: ex Italia florentissima et omnium bonorum fecundissima puto ex Venetiis, Marchia, Apulea, Abrutio, ut ex Fermo, Pensauro, Recanato, Ancona, Arimino, adque loca ex Tuscia, et maxime Florentia, multæ merces vehuntur, quæ Ragusii expeditionem habent; ex Manfredonia, Ortona, Licia, Armanis, Baro, Barulo, Trano et etiam Neapoli, ex Sicilia, ut Palermo, seu Panormo, ex Siracusiis et cæteris urbibus Siciliæ, ex regno Aragonum, ut ex Barcellona, et Valentia, et aliis locis ejus regnis, ex Grecia ut ex Arta, ex Patrasso, Aulona, et multis aliis regionibus, afferuntur etiam ligna, trabes, lapides, latera, clavi, ferrum, cæmentum, tegulae et reliqua quæ sunt ædificiorum materia. Quin a parte terrestri bona et mercatura conducunt, ex Ragusio trahunt sal copiosissime, pannos laneos, bombicinos et sircos, vasa vitrea, et alia multa pro victu et lucro perutilia. Qui vero mari aurum, argentum, plumbum, cera, pelles, piper, telas, coralia secum deferunt, et ducatos aureos, unusquisque videlicet pro ut eidem utilius et salubrius, seu commodius videatur. Hoc igitur primo optime sita est urbs Ragusii, nunc ad alia transeamus.

Secunda Pars.

De ornatu et amplitudine ædificiorum.

Cap. 3.

De pulchritudine, ornatu murorum, et turrium et numero januarum Ragusii et stratis soleatis.

Urbs Ragusii montibus et mari circumdata, quo ab inimicis tutior 17
fierit, murorum grossorum, et alte levatorum fortissimo vallo est munita. Turres frequentes, et cætera pro fortitudine, civiumque securitate oportuna ordine summo statuerunt et ædificaverunt ipsius possessores; habet portum catenis ferreis grossis clausum, quem intrare nulli licet, nisi prius obtineatur a dominis licentia. Qui in eo portu intra scilicet catenas fuerint, privatos, aut violentiam non timent. Quatuor ejus sunt januæ fortissimæ, quarum duarum exitur vel intratur per terram, duabus vero aliis per mare.

Platea vero urbis lata decenter incepta amplitudinem civitatis existentis ad modum conchæ longhæ lateribus tota soleata est. Sunt omnes viæ principales, quo pacto Venetiarum calles et viæ soleatæ cornuntur. Hanc urbem cum multum ornent ædificia pulchra et magnifica, maxime tamen honore et commendatione digna efficiunt ædificia communia de quibus dicendum est. Eorum quædam, ut prius distinctum est, divinis cultibus, quædam autem communitatis operibus decreta sunt. Prima initio, secunda deinde scribam.

Cap. 6.

De ædificis communibus secularibus et primo de Palatio.

24 Sicut in urbe una principalis domus Divinorum requiritur a qua cætera Sanctorum templa dependeant, ita inter ædificia communitatis unum est necesse ut habeatur principale Palatium, ubi Præsidentis urbis sit mansio, et conveniat regentium multitudo, et jura reddantur ac deliberationes consiliativæ fiant. Cum igitur in anno 1435 nocte qua immediate Festum S. Laurentii Martiris sequitur Ragusii palatium latum et amplum quod antiquitus Castrum fuerat cum aliquibus turribus ignis consumpsisset, et omnes fere munitiones, et arma cuncta, quæ pro defensione urbis, et ornamento galearum ibidem conservabantur omnibus illis impedimentis defensivis, armativisque, in paucissimis mensibus liberalissime, pulcherrime ac magnificentissime renovatis, et abundantius reformatis. Statuit regimen Ragusinum Palatium id magnificentiori structura reædificari, expensis non parcendo, nec majorem partem prioris Castri, quam ignea flamma non consumpserat usque ad solum planum præter in (?) Prothomagistro quodam magistro Onofrio Iordani de Lacana regionis neapolitanæ. Muri fiunt lapidibus vivis egregie laboratis, et sculptis ornatissime, cum architectis magnis fundatis super columnis altis et grossis, quæ ex Curcula per mare vectæ fuerunt. Sunt illarum columnarum capita, seu summitates magno studio sculpta. Sunt quinque columnæ grossæ integræ, duæ autem alteræ medietates una cum turri affixa, altera alteri: in prima sculptus est Aesculapius artis medicinæ reparator, id persuadente singulari Poeta et litterarum doctissimo Nicolao de Laziris nobile Cremongese viro procul dubio magni ponderis, et inter doctos dignum ejus meritum apparebat, qui ut suæ patriæ dissessionibus paululum cederet, Cancellariatus Ragusii onus gerere, et pati disposuit, ac nunc patitur. Hic enim cum scivisset, et suis litterarum studiis didicisset, Aesculapium Epidauri quod nunc Ragusium dicitur oriundum fuisse summo studio elaboravit ut impulseretur illius simulacrum, cui epitaphium metricum muro infixum edidit. In quadam columna introitus Palatii sculptum videtur primum æquum iuditium Salomonis. In quodam angulo januæ principalis habetur Rectoris injuria audientis similitudo. In introitu minoris consilii, de quo postea fiet sermo est quædam justitiæ sculptura tenens breve, ubi sic legit *Jussi summa mei sua vos cuicumque tueri.* Erit in eo palatio aula magna quædam pro contensu omnium nobilium Ragusii in Senatu Generali ubi consiliativæ futurorum deliberationes capiuntur. Erit locus pro Consilio Rogatorum, et pro minori consilio. Habitatio

pulchra d: Rectoris, sedes pro Consulibus, qui jura civilia decernunt, et pro judicibus dantibus pænas scelestis. Habebunt et locum proprium Scribani, qui Notarii dicuntur, et ii qui Cancellarii nuncupati sunt. Erunt loca pro lictoribus, pro fascibus, pro captivis recludendis, et vitiosis torquendis, pro armis, impedimentis, et cæteris tutativis, et armativis munitionibus conservandis. Et multa alia in ipso erunt, quæ describere non volui, quia dum scripsi, acta fiebant, et solum quidam Architecti super columnis fundati cernebantur; sed quæ fienda fuerant a Protomagistro Collegii. Hinc Palatio adheret domus quædam Communis quam Fonticum appellant, divisum quidem per solaria et cameras inferiores ubi locatur et venditur et olada et legumina. Ei autem contiguus est Arsenatus Galearum domus in qua triremes pulchræ et biremes reparent, quibus armatis cum opus fuerit utcumque Ragusienses vel ad honorandum aliquem magnum Principem vel ad Piratos libentius Ragusiensium navigia ditissima depredantes capiendos vel expellendos, aut demum in metu et timore tenendos. Ipsi Arsenatui, seu domui custodis ipsius, qui admiratus divitorum proximus est locus Gabellæ ponderis omnium mercantiarum, quæ cumulatim æquilibris venduntur. Hinc ad locum, qui dicitur Gabella, seu doana grandis, est quædam via lata, sed unitur architecto qui quandam januam olim urbis cooperit. Est et alter locus ibi prope, qui spongia vel potius mercantiarum extimatio, quæ in ballis extraferuntur, communi nomine ab omnibus nuncupatur. Hanc domum antiqui struxerant amplam cum cisterna, et cameris, et porticibus semotam quidem a vicina ut advenarum hospitium existeret. Hæc sunt ædificia communia conjuncta quodamodo principali palatio, de quibus satis dictum sit, cum ad alia communia ædificia deinceps peragendum judicarim.

Cap. 7.

Descriptio loci disciplinæ scolarum, videlicet Grammaticæ.

Quoniam quæque civitas duobus presertim crescit, servatque, et defen- 26
ditur armis scilicet, et prudentia, qua sine nullum regnum, nulla civitas, nulla denique domus perstare potest, et servari. Post loca principatus Reipublicæ et armorum visum fuit mihi dignum fore, ut locum disciplinæ describerem quem in hunc locum servavi, non ut quis credat me arbitratum fuisse pluris arma estimanda, quam rerum et ingenii prudentiam quoniam sunt foris arma, nisi fuerit consilium domi. Nam communi omnium philosophorum sententia — *Prudentia vires superat* — At cum Palatium ut caput urbis existat, cui ædificia nominata conjunguntur per unius alteri adhæsionem id cum his descripsi. Et nunc scholas doctrinæ et disciplinæ describam quoniam pulchrum est ædifitium et ornatum eo loco. Ego Ragusium veniens de 1434 de mense Junii ut juvenes et adoloscentulos erudirem in scientia, et urbanis moribus, quibus satis, atque etiam satis indigebant, et utinam multi nunc non indigerent, nullum locum disciplinæ et eruditionis proprium inveni, quoquis ope non potui non admirari, ob famam urbis istius, quæ per orbem amplissima est. Tuncque ratione honoris et famæ Ragusinorum, qui ejus loci carentia scientiarum parvi pensatores videbantur,

nec non etiam mei, ac post me futurorum magistrorum scientiæ et scolarium commoditate dominis Ragusinis diligenti cura persuasi quo constituerant proprium aliquem locum decentem. Ex quo cum eo tempore exaudiendum me duxissent, eorum consiliis approbantibus decretum fuit ut quædam domus quondam armorum sedès, doctrinæ cederet, et disciplinæ eruditionis, ac prudentiæ habitaculum efficeretur. Sicut autem olim Athenis Areopagus locus disciplinarum, et nunc in almis litterarum studiis Italiæ scolae docentium remotæ sunt a strepitu qui studio inimicatur, ita ista ipsa domus circumquoque vicinis caret. Bina ibidem sunt solaria, seu pavimenta, unum infra ubi quædam camera cum ornatissimo scabello provecta ætate auditoribus deputata. Alterum supra ubi cujusvis ætatis adolescentuli docentur. Existat eo loco cathedra magistralis alta et magna, laboratisque lignis ornata, circa quam reponuntur libri in quibusdam videlicet quatuor baucis cum clavibus aptis. Sunt deinde sedilia scolaribus apta, et scamna super quibus legitur, et scribitur. Capax est id solarium quod desuper tabulis pavimentatum est discentium CLX apte sedentium, fenestris magnis tribus supergaudet, quibus lucet et illuminatur domus. Si flaverit auster difformis sospitati, defenduntur scholæ a menibus civitatis. Sin vero borreas frigidissimus, adversus ejus frigiditatem clypeus est extimatio mercaturarum superius nominata, et bonæ fenestrarum januæ. Ambo solaria sunt lateribus pavimentata. Studetur autem in superiori, ne quovis pacto impediantur vel docentes, aut discentes strepitu, qui interdum fit ab ementibus sal quod sub scholis venditur, et partitoribus onerum in platea morantibus. Hujuscemodi rumor paulisper derogat mea sententia ejus loci aptitudini.

Cap. 8.

Descriptio logiæ sive teatri Communis.

28 Quoniam vero unicuique urbi convenit aliquem locum communem habere, qui sit curarum quotidianarum remedium, et quo simul apte conveniant viri graves, et nobiles. Ideo struxerunt antiqui nobiles Ragusini quandam logiam seu Teatrum in medio plateæ satis latam et longam fere quadram quæ circumdata quodam introitu, et exitum duplicem habet. Intro circum circa sunt sedilia lapidea tabulis cooperta illo murillo adherentia. In hoc cum esset aperta cælo, est quædam alia Logiola tabulis velata cum alio murilo circum cui in orbe extant similiter lapidea subselia cum tabulis, hæc quæ coopertaram habet quadris lapidibus albis et rubeis est soleata, in summitate videlicet in muro, et trabibus figunt magnates tabulas cum eorum armis, et præsertim Francigenæ et Anglii, ac Teotonici Principes Ragusio transeuntes ad Sepulchrum Sanctum Domini. Altera non tecta lateribus quadris soleata est mediantibus, quibusdam lineis lapidum virorum latis unum palmum. Circum istam communiter exterius venduntur olera. Deambulant et sedent et invicem ratiocinantur in ea de more et antiqua consuetudine nobiles Ragusinii et advenæ. Reliqui vero raro eam adeunt. Quare quidam alterius non considerantes eam consuetudinem vitio arogantiæ sæpius damnant. Hi tales si meas confutationes aut responsiones

quibus in hac re usus fui viva voce cum Venetiis in tempore pestis aliquando audirent, aliter dicendum judicarent. Nolim vero hic eas annotare, cum ea post res laude magna sit commendando, ne qua altera pars vituperetur. Quoniam hujusmodi igitur confutationes plenæ fieri nequeant sine forte aliquorum insignatione potius tacere institui. Coruptione enim naturæ res ista in angustam seu ut verius loquar in tantam insolentiam adducta est, ut in vestibus creditur nobilitas, dignitas et honor, non autem in virtute aut bonis moribus, aut meritis parentum, quod reprobant omnes de vita humana et nobilitate rectis sermonibus sanzientes. Dictum igitur sit de Logia in qua etiam luditur ad Schicos (?) et aleas, præsertim in nemori, deinceps et ultimo hujus partis loco de aquæducta et fonte dicendum est.

Tertia Pars.

De politia Ragusina.

Cap. 1.

De politia Ragusina.

Dicendi ordo postulat ut de politia Ragusina recte a legislatoribus 34
instituta jam loquar. Id cùm plene a me fieri non confidam (est profecto res gravissima) id dum mediocriter fecerim, sat fecisse me omnes nolim intelligantur. Ut igitur prosequar, prima videndum censeo, quo nomine appellandum sit regimen Ragusinum in communi; deinde de principatibus spiritualibus qui civitatem oportent, singularis fienda erit mentio pro quorum p^{mo} diligenter est advertendum, quod omnis civitas regitur aut ab uno, aut a pluribus. Si ab uno aut ille est rex, aut tyrannus, primus dicitur principatus regalis habens liberam et plenam potestatem, et curat continuo communem subditorum utilitatem. Si virtuosus fuerat rex, qualem decet esse regem; secundus vocatur tyrannus omnia ad ejus commoditatem retorquens, spreta omnium subditorum utilitate. Si vero regitur a pluribus, aut illi sunt pauci, aut multi: si pauci aut eliguntur virtute, aut divitiis et potentia: primus virtuosorum, seu optimorum principatus aut potestas dicitur: hi multitudinis bona omni cura solicitant. Secundus paucorum tyrannis est qui communia multitudini eis propria diversis modis efficiunt. Si autem regnant multi virtuosi, comuni nomine politia dicitur. Et est politia eorum principatus, qui natura sunt liberi, et fere æquales ubi principantium, et subjectorum commutatio fit eorum æqualitate, pluresque in vero aut diversis officiis regentes instituuntur habentes potestatem cohortatam legibus et statutis civitatis. Si vero populi tota multitudo principetur dicitur democratia, id est populi potestas. Dehinc est intelligendum, omnes, qui Ragusium incolunt, partiri in advenas et cives, sumendo civem largo modo, cum proprie is solus civis dicitur, cui inest potestas communicandi in principatu consiliativo et judicativo. De advenis, cum non sint pars urbis prætereo, lucra enim tantum Ragusii merantur, civium autem

quidam exteriores, quidam interiores sunt. Primi agricolae et navigantes, colentes agros vineos, ortos, et cætera hujusmodi ex quibus vitæ fornimenta parantur. Hi recte sunt quales esse debent agricolæ, qui et navigant, oportet enim esse eos robustos corpore, et debiles ingenio, et pusilanimes nequeant adversum Civitatem insidias aut seditiones excogitare aut exequi. Sunt tamen prompti vitam effundere et periculis se submittere ad jussum regentium, ut patriam defendent, quod quidem satis mirandum videtur. Interiorum alii vero clerici, alii mercatores, alii artifices. Primi, et ultimi regimini civitatis non præsunt. Clerici enim divinis cultibus vacant, quorum santiente Apostolo Paulo non interest sæcularibus negotiis misceri. Artifices vero, et lanifices, fabricatores domorum, aurifices, lapicidæ, fabri, cerdones, et cæteri mechanici eorum artibus intendunt. Mercatorum alii plebei, alii nobiles appellantur. Primorum quidem sunt infimi dicti per Ragusium infima vendentes, ut ova, gallinas et hujusmodi. Quidam mediocres appellati comardarii, vendunt et emunt caseum, carnes salsas et recentes et talia. Quidam supremi aurum, argentum, plumbum, ceram, triticum, coralia, piper, pannos lanæ, serici et auri, ac bombicis, cremesinum, et hujusmodi multi valoris mercaturas operantur emendo et vendendo. Quæ omnia agunt etiam nobiles, quos mercatores supremos appello, tametsi aliqui ex redditibus tantum vivant, qui tamen pauci sunt. Horum nobilium cura, et officium est præter mercantias urbem regere, augere, et conservare, ac loca Reipublicæ ragusinæ subjecta, cujusmodi sunt Stagnum cum omni ejus districtu, qui usque ad caput Cumanum extenditur, Insulæque Lagustæ, Meliteæ, Jupanæ, Mediæ nec non et Canalia, quorum pertinentiæ cum Cattaro confines existant. Mirabitur forte quispiam, quo pacto nobiles dixerim mercatores, quoniam nobilitas mercaturæ contradicit. Is velim sciat territorium Ragusii tum sua sterilitate, tum gentium grandi copia parvi admodum introitus existere, ut nemo nisi aliis perdives fuerit ex possessionibus cura et familiari vivere possit, quare per opus est mercantiis invigilare, in quibus et græcos sermones immitari videor, a primis anguiculis educant filios patres familias, qui si dicere licet in divitiis felicitatem, et omnem virtutem in earum agnitione, et avara cumulatione sitam credere videntur, et judicare quod si sic esset, omnes Sancti nostræ fidei, et omnes prisci Philosophi, et sapientes, quoniam opes spreverunt, infortunati infelicesque fuissent, cui nec antiqui gentiles, nec vivi fideles unquam assenserunt. His præmissis, ut scitur, quo communi nomine dicendus sit Ragusii principatus, scire interest urbem Ragusii tributum certum annuatim exhibere Sacræ Majestati Regali Ungariæ cum elevatione certis temporibus Serenissimum Regem Ungarie Dominum confitendo. Si igitur hoc precise consideretur non dubium est, quin principatus Ragusii regalis sit nuncupatus, qui omnibus præstat dum virtuosus Rex existat. Sed quoniam ea Sacra Majestas vel gratia vel pactis neminem Suo nomine rectum mittit, regalis proprie dici non debet, nisi reductive. Nam hi mercatores, qui nobilitatis titulo gaudent urbis omnimodam gerunt potestatem. Consiliantur quidem de futuris suis ballotis, præsentia disponunt et ordinant. Præterea vero inditiorum suorum ordine, et propriis statutis discernunt et judicant. Quare potius quinimo vero dici debet Principatus politicus, qui ut in prioribus dixi, est liberorum potestas, et æqualium principantes in subditos, et subditos in principan-

tes convertens æqualitate, pluribus unum officium cum potestate artata exhibens, intra ordinum, et statutorum urbis, et Patruum sanctiones. Quæ quidem omnia hujus descriptionis membra in regimine seu principatu Ragusina liquido patent. Omnes siquidem Ragusini Patres æquo jure liberi sunt. Quidquid officium sive parvum sive magnum ut in pluribus tribus saltem committitur legibus, et ordinibus limitatum. Quæ omnia quo aptius intelligantur ad particularia devenire opportet.

Incipit ultima pars de laudabilibus consuetudinibus Ragusii.

Quarta pars cæteris prestantior.

Cap. 1.

De laudabilibus consuetudinibus.

Quem ad modum omne quod est dividitur in silabam, et accidens, crea- 67
tum et increatum, rectum et iniqum, laudabile et vituperabile, divinum et humanum, ita omnis hominis consuetudo est divina vel singularis: de laudabili consuetudine loquor. Dicturus igitur de consuetudinibus Ragusinis laudabilibus, quæ divinum cultum attingunt primo, postea de sæcularibus loquar. Communis et laudabilis consuetudo marium et feminarum est solertissima cura singulis diebus sancta templa cum domo exierint adire in quibus Dei officia et missarum oblatio, seu celebratio dictim exercentur, dicuntur et offeruntur, vel a sacerdotibus sæcularibus, vel religiosis mendicantibus, quibus mox est utriusque sexus ut primum perfecit missa super calice offerre unum grossum et medium quod profecto nullibi in Italia æque generaliter tanta largitione seu elemosina fieri vidi et audivi. Vivunt quippe ex hujusmodi oblationibus quotidianis complurimi sacerdotes, qui aliter victus et vestitus commoditatem non habent, benefitio firmo carentes ignorantesque quid sequenti die ad victum habituri sint. Dominicis diebus adventus domini in crepusculo canitur missa Beatissimæ Virginis Mariæ in Ecclesia Cathedrali, cui intersunt multæ personæ admodum devotæ; tempore quadragesimali in eadem Eclesia meridiei cantatur missa, cui nobilium et bonorum, seu dicitim plebeorum utriusque sexus pars plurima interest, tametsi manemissam summissam audierint, illa autem perfecta pransum itur. Cum fere omnes matronæ tam nobiles quam plebeæ post primum partum, seu tempus competens primo partui, et si steriles fuerint omne quasi tempore velata capite indicant tempore devoto quadragesimæ, nullam vel antiquam, vel juvenem videres capite discooperto incedentem. Sunt autem studiosissimæ divinis adesse officiis, et indulgentias visitare præsto omnis omni labore itineris saxosi, vel montuosi præ ceteris dominabus, quas ubilibet viderim. Ferunt tamen omnibus temporibus quædam matrimonii insignia ab utraque aure pendentia aurea, vel argentea auro velata, qua cerellas latine, Obozi slave nominant, non sunt autem auribus fixa, sed ponuntur, et removentur ad libitum, ligantur autem quodam ar-

gentea catenula, quæ firmatur in velamine capitis, quod Risuletum dicunt. Circulos istos potissimum in signum conjugalis copulæ gerunt, quoniam plurimæ inuptæ viles tamen anulo utuntur. Ferunt tamen et anulos plures magni valoris. Sumptuose namque ornantur a sponsis hoc exigentibus urbis abundantissimis divitiis. Hæc modica sint de communi omnium Ragusinarum devotione, et laudabili divinorum consuetudine. Nunc dicam laudabiles mores senatus, primo circa Dei cultum, deinde circa conservationem pacis et tutelæ civitatis, et honorificentias forensium.

Cap. 5.

De fidelitate laudabili Ragusinorum Sacræ Majestati Regali Ungariæ.

77 Fidelitatis Ragusinorum constantiam quam Sacræ Majestati Regali Ungariæ continuo servarunt quis non enarabit? Etenim postquam illi altro se recommiserunt, Venetis eos deferentibus, nunquam quovis turbine alterum caput aut Dominum, vel optaverunt vel quesiverunt cum tamen a multis aliis principibus molestati fuerint qui eis pollicibantur quæque pacta facturos, quin immo ab omnibus se, et fidelitatem suam propriis, et prestanti animo viriliter defensarunt, prout sæpius ego ipse notavi in ea oratione, quam de electione et coronatione Serenissimi olim Regis Alberti composui. Sed tum uno verbo laudem maximam complectar universa siquidem Dalmatia membrum pulchrum Regni Ungariæ vel cui superata, aut etiam voluntarie ab obedientia Regni extirpata est, nisi sola Civitas Raguseorum quæ adversum cunctos inimicos regni illius potentissime se ipsam conservavit. O quam laudabilis et perpetua memoria digna est ejusmodi fidelitatis servandæ consuetudo, qua urbs in honore et statu, et divitiis augetur.

Cap. 6.

De salutari et celeri consuetudine armandarum galearum contra piratas cum tribus exemplis.

77 Prior fidelitatis perseverantia, et commendata consuetudo digne postulat, ut eam sequatur armandarum galearum velox et memoranda immo admiranda provisio, quæ consuetudine quodam observatur, maxime ad capiendos vel fugandos aut etiam perterrendos piratas, qui ardenti cupiditate navigia Ragusinorum expoliare nituntur cum aliis sulcantibus culphum Venetorum ditiora sciantur. Nam cum alia ligna maritima communiter vehant triticum, et alia blada, et alias parvi valori mercaturas, hæc ragusina transferunt aurum, argentum, ducatos aureos, et cæteras res maximi pretii, et parvi oneris indigentes minimo loco conservativo. Necessitate ergo ac provisione celeri utuntur, quæ vix credi a non videntibus potest. Armant enim uno die unam triremem, in duobus duas, in tribus tres, et eas expediunt, qua in re digna ratione obstupebit omnis lector qui non viderit. Quam ego qui ab oculis meis vidi in eam considerationem veniens mirum

in modum obstupesco et tamen verum est. Cupis rei plura exempla audita, et actu a me visa possem adducere, sed asserente domino nostro Jesu in ore duorum vel trium consistere omne verbum, duo audita, et unum visum apponam, quæ meo judicio plenissimam fidem omnibus legentibus faciant, et generabant decorem. Narrant siquidem antiqui patres ragusini, et in scriptis veraciter reperitur quod cum Illustrissimus Andagaviæ dux Regnum Siciliæ occupaturus annus Dm̃ 1383 die mense Decembris mitteret aliquos suos barones armorum capitaneos, et militantium imperatorem quo conducerent saltem armatorum in equis decem millia, datis sibi multis denariis et jocalibus pene infinitis vendendis, inter quas fuit una pars videlicet duodecim corónæ regalis olim Regis Lodovici, cujus partis extimatio fiebat tum mille ducatorum, illi existentes numero 80 navigantes cum una trireme et una fusta, seu bireme per illiricum mare, ligna ragusinorum capere, et depredari inceperunt, arbitrantes ragusinos vel non audere, vel etiam non posse ipsos se tueri et injurias ac damna vendicare, et inter cæteras barcas unam Venetii venientem multis bonis onustam ceperunt in Zuliana, et expoliaverunt, ac captum fecerunt quendam nobilem Ragusinum cui nomen erat Aloisius de Pozis. Hæc igitur scientes Ragusini nobiles spreto cujusvis potentis timore in triduo tres triremes armarunt, et expediverunt munitas gentibus armis biscoto illis tribus diebus velociter facto, et aliis rebus classi opportunis. Fuit autem ejus classis capitanus Dux et Imperator quidam nobilis animosus vocatus Matheus de Georgeis pater eorum qui de Zamana dicuntur. Et quamquam eo die tempestas vigeret maritima, foretque solemnis dies festus nativitatis Dm̃, tamen Senatus decreto eo die ex portu cui remigantium extincte fuerunt illos per omne culphum usque Venetias die noctuque insecutare donec eosdem invenissent. Sicque favente Deo, qui superbis semper resistit, galleam et fustam illorum, et illos magnates viriliter in festo Epiphaniæ rapuerunt, et Ragusam reduxerunt liberantes civem suum et cæteros suos subditos ab illis prius captos, et reficientes damna spoliatis. Cætera vero bona in illis et fusta reperta portionabili conditione divisa fuerunt, illis qui in triremibus militarant. Captivi remanserunt numero LXXX computatis magnatibus ipsis, et eorum nobilibus, et servitoribus. Principalium nomina hic infra scribam. Primus vocabatur Dñs Petrus de Cram, cujus sanguis erat ex regibus Franciæ, secundus Dñs Tristanus da Roja, tertius Dñs Joanes de Ruel, quartus Dñs Lodovicus de Montegaudio, quintus Dñs Petrus de Corona, sextus Dñs Cholocratus de Chaleville, septimus Dñs Arnoldus de Chrichilimberg, octavus Dñs Robertus de Relle, nonus Dñs Philippinus de Linier, decimus Dñs Ioannes de Vev, undecimus Dñs Gottifer, duodecimus totus pauper miles. Alii duodecim milites, et magni Principes erant famosi gentis armorum ductores, cum quibus erant alii nobilissimi viri et inter alios duo præstantissimi scutiferi, quorum unus dicebatur Joannes de Neteville scutifer Regis Franciæ, secundus vero Chons de Riciath natione allemanus. Quomodo autem hi liberati fuerint dicam tametsi proposito meo non sit necem (?) rem hanc ulterius prosequi. Hæc illorum captivitas audita a Principibus primum induxit Sanctissimum Romanum Pontificem Urbanum VI, ut procuraret eos habere, sperans illis mediantibus plurima commoda consequi, et tamen eo habere non potuit. Scripsit, et misit legatos Serenissimus rex

Franciæ pro ipsorum liberatione, voluitque Ragusinis centum, ac etiam ducenta millia ducatorum elargiri. Procuravit ille Illus[m] Dux Andagaviæ, qui post illorum capitionem pauco tempore vixit. Intercessit Serenissimus Rex Carolus tunc rex Ungariæ dissidens (?) a Ragusinis ut relaxarentur. Legationem destinarunt Veneti et Illustris Princeps Dñs Barnabas de Vicecomitibus Dñs Mediolani. Multique alii urbis Principes et Dñi quorum omnium per rationibus, precibus ac voluntatibus Ragusini volentes morem gerere naturam, et laudabili deliberatione statuerunt, ut illi libere absolverentur, dumtaxat Serenissimus Francorum Rex ad Sacra Dei Evangelia juraret, nullis temporibus se aut suos Ragusino Principatui, vel cuiquam Raguseo nocituros ob eam illorum captivationem. At cum moris ejus Sacræ Regalis Majestati non existat jusjurandum factis scripturis in aliquo eventu præstare liberatio eorum per annum fuit producta. Demum juravit tamen ne tot viri præstantes amplius paterentnr propriarum domorum exilium, quod cum præstitisset jusjurandum, quod cæteri omnes intercessores præstiterunt, liberi ad propria remearunt secum ferentes perones crudos dictos sclave opanche quibus loco satularium utuntur rustici Ragusini, cum aureis tamen ligaminibus, quæ quidem calciamenta ut res novas ad partes Franciæ detulerunt. Hac in re tria laudabilia Ragusinorum gesta considero. Primo eorum animositatem, qua multorum potentiam magnam spreverunt. Secundo ipsorum liberalitatem fere incredibilem qua summum prætium pecuniarum prudentissime neglexerunt. Tertio fortissimam constantiam, qua jurare coactus est Illus[m] Rex Franciæ præter morem ejus Sacræ Regalis Majestatis. Satis et prolixe digressus sum, sed jam ad institutum revertor. Alterum exemplum armandarum galearum exemplo huic additur auditum quidem a me. Audivi namque quod in 1408 cum Sacra Majestas Regalis Regis Ladislavi, seu Venceslavi Dominatoris Regni Apuliæ cæteras Dalmatiæ fere omnes occupasset urbes desiderio Regni Ungariæ ad quod plurimum aspirabat, sperans Serenissimum Regem et dominum Romanorum semper Augustum Sigismondum ex ipso Regno evellere posse, ipseque Rex Ladislaus nullo ingenio posset fidelitatem Ragusinorum corrumpere, credens vi et molestiis eos supponere, quinque triremes completas nocitum, et predatum insulas, et loca Ragusinis subjecta ardenti corde transmisit. Tunc Ragusienses inproponit fidei servandæ Sigismundo qua primum quatuor triremes et duas biremes armarunt potentissime, quarum capitaneus fuit Andreas Martili de Saltio nobilis quidem ut intellexi magnanimus verus Cristala (?) et devotus elemosinarius multum, qui cum his visitaret Sanctum Sepulchrum Dñi Jesu illius similitudinem Ragusii in domo propria studuit ædificare, et extra urbis mœnia apud quodam ejus tunc pulchrum viridarium, ubi sæpius sacerdotes congregans eos honore Salvatoris nostri poscebat. Hæc ipsa classis animos militantium in galeis Regis Apuliæ perterefecit, et ita perterefecit ut terga dare Ragusinis sibi saluberrimum putarint. Fugientibus et fugatis eis qui deinceps reverti non præsumpserant salvata est Reipublicæ Ragusinæ libertas et fidei constantia Tertium exemplum quod meis oculis vidi et ultimum sit hoc, nempe currentibus annis 1436 de mense Novembris, quidam singuli piratæ cum duabus fustis seu biremibus apud portum Torculæ pauca via distantem a Segna, plures barcas Raguseas, et præsertim duas Venetiis venientes, predati sunt in quibus invenerunt ducatorum

aureorum 1014; et quingenta aureos et plures, quos omnes sibi appropriaverunt cum multis aliis jocalibus, pannis magni pretii usque ad summam ducatorum 20, quibus acceptis versus Siciliam navigarunt. Tunc res hæc Ragusinis auditis die dominico circa horam missarum aperte fuit patefactum, unde immediate congregato consilio legem armandi duas galeas decreverunt. Sicque eo die electus est classis Capitaneus quidam Nicolaus de Georgeis filius olim Mathæi qui Francigenas cepit, Supra-comitus autem Benedictus de Gondola ambo quidem cauti, prudentes et animosi. Armarunt autem eas in duobus diebus, et ad illos insequendum emiserunt, tametsi fuerit necesse illas calcare et sæpe palmare (?) ac biscottum fieri facere, et homines ex insulis et ruribus vocare, quæ omnia simul biduo perfecta vidi atque cognovi. Erat tunc Ragusii vento resistente videlicet austro classis chomertii Alexandriæ seu Baruti Venetorum cujus capitaneatu potiebatur quidem Venetus nobilis cui nomen Leonardus Contareno, vir gravis, et dives valde. Erat autem cum eis reverendissimus Dn̄s Cardinalis Cypri Patruus siquidem Regis. Hi et alii omnes in illis galeis navigantes in incredibilem admirationem ea armandi celeritate impulsi sunt. Quis profecto non miraretur et stupefieret? Fuit classis, sed piratas illos non invenit, tamen unam biremem aliorum piratarum, qui dimissa ea per terram fugierunt, secum Ragusium conduxit. Erat autem nova magna armis et remigio bene munita, et 12 Ragusini nautæ vi remigantes in compedibus videlicet libertatem consequti sunt. Plura possent alia exempla adduci, sed hæc satis meum propositum confirmant; quare de hiis ampliorem processum minime fieri oportet.

Cap. 8.

De magistris juvenum salariatis [1]).

Quia juvenes hiis asuesci ad quæ appetitu vehuntur politiam maxime 85
sedit, immo palam corrumpit et destruit; propterea sanxerunt divini sapientes legislatorem qui bonum commune totius civitatis intendit, præsertim oportere, ut curet bonam disciplinam et dispositionem juvenum post tertiam ætatem quæ finitur in principio quinti anni. Cum enim anima nostra sit tamquam tabula rasa, ut habuerit, tales cives habet civitas quales docentis doctrinam susceperint. Nam imaginem nulli ceræ impressam inducata (?) retinebis. Hinc multi Patres acerrime redarguuntur, qui sui commitant filios futuros suorum, et Reipublicæ bonorum et status hæredes ac possessores administrant resque sumant doctrinam, qualem accipiant non curantes. Sed quid hæc loquor? Ostendentes igitur ut ad institutum redeam cives nobiles Ragusini a se per multum adolescentes moratos optari laudabile more unum grammaticæ peritum stipendio communi tenebant, qui exceptis paucis donis, gratis omnes civium filios edocebat, et salariatorum, postquam vero ego, vel Dei permissione vel astris inducentibus vel etiam quodam inani spe mihi data Ragusium salariatus veni, ubi secus quam crede-

[1]) Начало этой главы испорчено въ бывшемъ у меня спискѣ. Не имѣя возможности провѣрить съ подлинникомъ, хранящимся въ Римѣ, и не желая на основаніи однихъ догадокъ исправлять текстъ, я оставилъ безъ измѣненій чтеніе списка графа Пуцича.

rem et sperarem profecto actum est. Cum solus omni Civitati sufficere non possem, alius quidem salariatus fuit illis, ut vacaret, qui vulgares litteras optant et ego studio bonarum scientiarum vacantibus invigilarem, quod actum perfectum fuisset mea spe, qua confidebam plures litteras Ragusinos efficere non essem fraudatus. Quæret forsan quis doctus, quid honoris aut divitiarum aut laudis susceperim a Ragusinis quibus ut subservirem florentissimam Venetiarum urbem contradicentibus omnibus amicis viris profecto gravibus heu reliqui, ubi diligebar, colebar, et in dies de virtute in virtutem et de divitiis in divitias cum honore admodum crescebam. Istarum rerum inquisitor dubius velim remaneat. Nam non meas fortunas scribo, sed Ragusinorum laudabiles consuetudines. Quare patiatur quæso qui talia quærit, dum vitæ meæ rationem et sucessum aut etiam hominum merita a me pro studiis meis recepta latius quis describet.

Cap. 9.

De arte lanificii fundata Ragusii auctore Petro Pantela.

87 Artificum copias, et populi multitudinem urbem oportere nemo dubitat, tum urbis defensione, tum necessitatis victus, et vestitus auxilio, et ammonitione (?). Hinc invigilare convenit, ut urbs quæque eo artificio præcipue decoretur, quo gentes innumeræ juste ad urbem vocentur, ultro veniant, ibique propriorum operum sudore quieto animo vivant. Hoc quidem pacto urbs et populi beantur. Cognito itaque summo suffragio quod ars lanificii videlicet pannorum civitatibus conferat. Nam concurrunt multæ personæ ad urbem cum absque utriusque sexus magna multitudine hominum ea fieri non possit ut ipsa intelligentibus liquet, statuerunt eam artem Ragusii supplantare. Cognoverunt enim multitudine gentium adveniente introitu Communitatis augeri, ac domorum affictus, et vini optimum pro vendentibus, futurum precium, et multos alios arifices, ad urbem venturos. Sed quoniam ejus artificii Lombardi sunt bene docti, idcirco duo fratres unius matris legittime geniti, et duorum patrum videlicet Paulus Businus, et Petrus Pantela Placentini ut id artificium Ragusii fundarent inventi sunt, quibus ut rem utiliter, et cum diligentia conficerent, hæc infrascripta commoda Ragusini contraxerunt, concesserunt eis de bonis ærarii communis per quinque millia decennio ab ipsis tenenda sine aliquo redditus vel utilitatis gravamine, cum quibus artem initiarunt et radicibus fundaverunt. Fuitque expensis Reipublicæ extra jannarum Pillarum domus quædam magna ædificata cum tinctoria, et purgo deorsum, superius autem videlicet in primo solaria sunt habitationes thalami et totius artis loca distincta per cameras, sub velamine vero domus sunt claustra pro pannis extendendis, et secandis, cum opus est. Hanc domum decem annis gratis habuerunt, et totidem annis tanquam cives quoad expeditionem, et gabellas civitatis pro pannis a se factis tractati fuere. Sed quia ille Paulus brevi tempore vixit, omnis ordo et fama ac profectus ejus rei Petro attribuitur, qui domum illam ordinavit, et eam possedit, et artem omnes edocuit, est enim ejus artificii peritissimus, unde in brevi fuit ditatus, vineas emit, domos proprias fabricavit, multas barcas et naves conquisivit, et finitis decem annis pecunias communitati restituit et civilitati perpetue Ragusinæ ipse cum Filippo et Bartolomeo de Sylva

suæ sororis filiis gratissime donatus est. Hinc evenit multos advenisse urbem multis aliis artificibus abundasse, vel amplissimam famam per universum orbem sibi vindicasse tantaque multitudo personarum crevit in urbe ut Ragusini dicere eam unam ex causis aptisse, quibus invigilatum est aquæductui. Sicut ergo Placentiæ quidam hujus Petri patruus vocatus et ipse Petrus aureis litteris in libro lanificum, seu mercantiarum scriptus est, quia primus eam artem illic fundavit ita perdignissimum foret, ut hic Petrus non solum litteris auri scriberetur in libro mercaturæ, verum digne statuenda sibi esset in medio urbis statua quædam marmorea in sempiternam tanti beneficii quod civitati contulit laudabilem memoriam. Non enim a sæculo auditum est, in Illirico lanas pecudum Valentiæ aut Iortoxæ pannos efficere, quod eo auctore nunc habetur Ragusii, et ita habetur ut annuatim restantur quatuor millia pannorum laneorum quorum artificio miram consequuntur commoditatem omnes cives Ragusini, sive fuerint nobiles sive plebei, sive divites sive pauperes, sive masculi sive feminae et ut multa simul colligam inde lucrantur advenæ et terrigenæ. Affluit multis artificibus Civitas, quæ introitus gabellarum id propter lanificium amplissimum eligit; et cives qui ex redditibus possessionum vivunt plurimum gaudent. Quare laudanda usque et semper est hæc artificum pertinax dilectio, qui in Ragusinis nobilibus invenitur. Hac quidem dilectione et eorum principatus, et totius urbis magnificentia duos bonos tubetos, duosque tibicines quos dicunt pipharos, unum depictorem, unum mareschalum equos ferripendentes, unum artificem, unum loricarum magistrum, unum palistos (?) facientem, unum barbitonsorem, unum funificem et alios multos artifices stipendio communi rettinent; tametsi si alii ejusmodi mecanici artifactores Ragusii commorentur qui privatis solutionibus vivunt licet non æque commode ac priores, quibus præter communes pecunias licitum est et privatas recipere, sicque urbs ragusina artificum operibus copia magna exuberat, quibus sat dixisse videor.

Cap. 10.

De hiis quæ comunitas ragusina servat cum Illus Rex Ungariæ moritur et etiam in novi electione.

Dignum fuisset post pertinacem Ragusinorum fidelitatem collocasse 89
commendabilem eorum morem quem servant diligenter, cum quis eorum Dn̄s rex Ungariæ moritur, et alter defuncti loco rex legittime eligitur et creatur. Sed armandi celeritas adversum predones maritimos, medicorum et docentium adolescentes digna commemoratio, et artificum utilissima provisio meum scribendi propositum paulisper distraxerunt, unde tametsi prius dicendum hac de re fuerit tamen acquiescet hoc in loco reponi: nec mihi idcirco subirascetur, dumtaxat sua commendatione non careat. Sed quoniam novi regis electio fieri non consuevit nisi altero jam mortuo, primum sciendum est quod cum Ragusinis firmiter constat Regem Ungariæ ipsorum dominum periisse omnes lugubre vestiunt, prohibetur tubarum, et tibiarum sonus, quoad novus rex creatur, vel saltem duobus mensibus. Fiunt in Ecclesia Cathedrali ipsius exequiæ funerales sumptibus non parvis communitatis. Nam eliguntur tres nobiles quibus cura ejus rei et expensa

committitur. Ili diligenti studio in medio templi tabernaculum coopertum veluto altum parant, quod in longitudine et latitudine universum cereis ardentibus illuminatur, similiter et totus chorus; desuper statuunt item per latitudinem trabes cum cereis accensis. Sed super tabernaculo aptatur discus in forma, et locum barræ, ubi stat corona aurea, ensis Regalis, et cætera regiæ majestatis insignia; invitantque oratores, qui infra missam funeralem, quam celebrat urbis Præsul vitam, mores et gesta Principis defuncti enumerant et collaudant. Accedunt omnes mendicantes et monaci, qui cum canonicis et sacerdotibus omni officio illi divino intersunt; omnibus assignantur candelæ ardentes in manibus, sex unciarum quælibet, nec defit thus copiosum. Hæc omnia cum parata sunt ad templum concurrunt, et Senatus mandato veniunt D. Rector, et cæteri omnes nobiles, qui senatum ingrediuntur bini quidem. Nam coram atrio ad sonum campanæ magnæ congregantur omnes cum vestibus nigris, hoc statuto, ut nemini liceat inde abire nisi completa absolutione, quæ fit a Dño Archiepiscopo, sed hoc propter nobiles, alii fere cuncti cives utriusque sexus, pueri, adolescentes, juvenes, viri et matronæ et senes denique adsunt; nec operiunt apoclicæ nisi post prandium cum stetur usque ad tardam horam meridiei in exequiis venerandis, commoventur porro animi satis, atque etiam satis compassione: nec fuit dimittenda oblatio pecunialis, quam singuli sacerdotes eo die pro defuncto Rege celebrantes recipiunt de bonis Communis. Cuique enim propria præbetur oblatio, cujus auxilio ipsa die vitam nutrit; diceres rem devotam, et summæ fidelitatis, at sinceri amoris præstans est firmum indictium. Hujus rei testes multi dici et enumerari possent, sed ne longius me verum testem offero, qui id bis fieri vidi primum pro morte Serenissimi olim Imperatoris Sigismondi ac Ungariæ et Boemiæ Regis Ill^{m} cui defuncto decembris die octavo anno D. 1437 in Possonio Ragusini exequias celebrarunt die 20 jannuarii 1438, secundo pro Serenissimi Principis Alberti morte Romȧnorum, Ungariæ et Boemiæ Regis Ill^{m} et Austriæ Ducis Inclyti, qui cum exterminio Turcorum invigilaret diem suum clausit extremum octobris die 27. 1439. Hujus venerandissimæ exequiæ æqua priori expensa, sed meo et aliorum multorum judicio primis ordine superiore qui adsistentium prudentia factus fuit, celebratæ fuerunt die 7 decembris ejusdem millesimi, quarum utrisque interfui, et post orationem uniusdam Magistri Blasii Sacræ Paginæ Doctoris ordinis Prædicatorum rogatus ego cum totius Senatus plano consensu et ardenti me audiendi desiderio perorarvi. Hæc sunt quæ in funeribus regalibus servant. At cum novus Rex eligitur, deponuntur lugubres vestes, pulsantur tubæ et tibiæ. Fiunt processiones per urbem universam solemnes, letatur omnis populus, dantur dona novam vera fide ferenti illi videlicet qui Regales litteras primum attulerit. Eliguntur, et mittuntur, legati ad novi Regis Sacram Majestatem cum muneribus et tributo dumtaxat debeant, qui nomine totius Senatus Ragusini privilegiorum et pactorum atque gratiarum confirmationem petunt, et fidelitatem constantissimam et obedientiam perpetuam Suæ Sacræ Majestati spondentes profitentesque, clementissime consequuntur. Quæ omnia solertisime facta oculis meis conspexi, cum electus, creatus, et coronatus fuit ipse Serenissimus rex Albertus de cujus obitu prius facta est mentio. Habuit qui litteras regales presentavit multa dona, et singulares honores,

sed præsertim auri ducatos centum. Legati fuerunt Joannes de Gondola vir quidem annosus, Michael Marini de Restis, et Jacobus de Georgeis qui munera pulchra et tributum debitum ferentes, quæque voluerunt benignius impetrarunt, quinimo militiæ honore, si assensissent, ipse Ill^{m} Rex libenti animo Pragæ donasset eosdem, qui incredibili fere amoris affectu recepti ab eo, et decorati fuerunt, cum fidelissimorum suorum legatione potirentur. De quo satis dictum sit.

Cap. 11.

De munificentia communitatis Ragusii ut venerentur forenses largitione.

Sed quis tacebit Principatus Ragusini munificentiam laudabilem apud 92
cæteras nationes inusitatam? Quis illam liberalitatem non admirabitur? Cum enim mari et terra quotidie transeundo adveniant multi notabiles viri et interdum Principes in eorum quemlibet hac liberalitate, et munificentia utuntur Regimini Præsidentes. Nam juxta adventitii conditionem ei rerum comestibilium, quæ per id tempus exiguntur, dono commune largiuntur sive fuerit venetus nobilis, (cuique enim veneto nobili singulari donant, cum Ragusium tangit transiens) sive francigena, sive sclavus, sive cardinalis, sive alter quovis prelatus aut etiam rex, vel marchio, vel aliquis princeps pertranseunt, namque intereunt prelati, reges, duces et marchiones, et alii multi Cristianorum principes, domini, et barones, militesque ituri Jerusalem ad Sanctum Dm̃ nostri Sepulchrum. Nullus ejusmodi conditionis vir sine munere Ragusio abit. Vidi ego reverendissimum Dum Cardinalem Cypri, Marchionem Ill^{m} Brandiborghi, Excelsum unum Ducem Austriæ, et multos alios prelatos, et principes, barones, milites et viros suorum locorum famosos, transeuntes, non quidem uno tempore, quorum cuiquam tam ampla, tam pulchra, tam sumptuosa data sunt munera, quibus in maximam admirationem omnes id cernentes considerantesque, et in stuporem adducuntur. Sed quid dicam de sclavis nuntiis quidem dominorum circumstantium? Quorum quisque, tametsi sæpius in anno veniunt, amplissimo dono decoratur, nec tantum eis fiunt victus expensæ, verum illis venientibus de bonis ærarii gratis tribuuntur panni, aromata, tritica, piper solidum, et confectiones quod secum deferunt. His præsertim civitas Ragusina quædam extat fertilis vinea, cujus fructus colligunt omni tempore, cum gratum eis sit. Hac munificentia multos adipiscuntur commoditates et urbis bonam famam Ragusini. Nam liberalitate et justitia præcipue amantur, laudantur homines, et quadam reverentia ab omnibus, et ubiqui excoluntur et venerantur.

Cap. 12.

De tutoribus qui fiunt pupillis et conservatoribus rerum advenarum morientium Ragusii.

Pupillorum, orphanorum atque delirantium cura singularis Ragusino- 94
rum silentio prætereunda non est, cum pietatem, sanctimoniam, et morem laudabilem sapiat. Nam si qui remanserint patribus urbi, vel utroque parente,

nec sint ætate maturi, aut etiam si quis lascive antiquorum suorum bona et indigne consumere judicantur et si quis vel infirmitate aut senio delira-ret non habens fideles dispensatores suorum bonorum, illis autem illi quam primum senatus minor tutores constituit qui bonam curam habeant bono-rum sibi commissorum, nec possunt electi tutores renuere nisi solverint ip-pera XXV pro pæna. Pro utilitate vero pupillorum et aliorum quibus tu-tores instituunt, communitas quamquam non egeat illorum pecunias in se recipit, tribuens portiones seu lucrum quinque pro centum annuatim, et cum fuerint adulti, si voluerint eis restituuntur numero omnes eorum pæcuniæ, quod summe laudandum judico. Sicque si contingat quemvis advenam inte-statu mori, illico Senatus minor aliquos conservatores fideles bonorum de-functi constituit, qui illa conservant dum hæres illius aut venerit, aut nuntium pro illis accipiendis miserit. Tenentur autem qui tutores, aut con-servatores fuerint omnium bonorum sibi commissorum inventarium regimini præsentare, cum non valeant de illis quidquam pertractare, nisi quantum eis fuerit ab senatu concessum. Hic modus si in multis italicis urbibus servaretur, multi quidem qui paupertate gravantur, opibus exundarent. Hoc igitur pacto utilitati civium invigilant.

Cap. 13.

De laudabile provisione quæ fit tempore pestis invalescentis, et fuga fere omnium.

95 Quoniam vero accidit interdum pestem epidemiæ per officiales casa-mortæ non posse illorum auctoritate ex urbe depelli, laudabilissimus Ra-gusinorum mos est, statim omnes pueros, adolescentes juvenesque utrius-que sexus ab urbe removere. Hii enim infectione aptiores videntur et sunt. Et demum ne tota urbs pereat, cumque nullum epidemiæ salubrius reme-dium ipsa fuga inveniatur juxta medicorum sententiam, qui aiunt fuge cito longe, et tarde revertere; decernunt quasdam novas leges nonnullis nobili-bus, qui stipendio communi conducti remanent toto tempore cladis urbem et Rempublicam gubernaturi. Habent equidem arbitrium et auctoritatem totius generalis Consilii ortatam (?) tamen multis novis decretis. Illis ergo comissa Republica, cæteri eunt ad loca saniora qui proxima, qui remota. Remanentes abire non possunt, pæna capitis et omnium bonorum suorum; conducuntque homines custodientes januas, muros et plateam civitatis pro-visione communi. Si quid grave aut periculosum Reipublicæ accidit, illico nobiles et plebei qui extra sunt ad portum conveniunt providendo opportu-nis negotiis, et re ipsa poscente capitis abjecto periculo ingrediuntur, et datis ordinibus recedunt. Cum autem possunt exterius providere cladi se non exponunt et sapienter; quod ut maxime clareat, quid acciderit in peste, quæ viguit annis Dm̃ 1437, describam latius, quamquam id tetigerim cum de dis-positione æris locutus sum. Eo tempore decem nobiles gubernaturi civitatem, remanserunt, quorum novem infra quindenam periere morbo. Supervixit au-tem inter eos senior quidam nobilis ætatis annorum 53 vocatus Marinus de Restis, vir quidem fidelis, prudens, boni consilii, vigilans saluti Reipub-licæ, amator forensium, Christicola Catholicus, et optimus civis; defuncta

tamen illius conjuge. Plebei stipendio urbem custodientes pari casu morbi omnes fere ceciderunt, sicque civitas destituta videbatur, quæ res acerrima hiis qui foris erant nobilibus patefacta eosdem coegit consilium in Malfo, et Daxa convocare, ubi statuti sunt tres nobiles scilicet Jupanus de Bona cum duobus, amator recti et honesti, qui mille homines stipendiarios manere jusserunt extra urbis mænia, ut urbem utrinque super montem custodirent; duæ naves quælibet cum centum bellantibus ante catenam seu portum ancoris tenebantur, cum his duæ biremes armatæ, et aliqua barcasia per mare urbem circuibant: præter hæc omnia singulo die accedebant tres nobiles, quilibet scilicet cum cymba sex, aut octo ante catenam portus commorabantur, intus solo illo laudabili sene totam urbem indefesse gubernante. Illi tamen semper petenti additi sunt jam remoto morbo, sed respuentibus civibus, ita celeriter reverti alii quidem nobiles qui una cum eo principabantur et rempublicam gubernarunt, donec universitas nobilium introivit. Istis igitur modis et salutaribus remediis et prorvisionibus hactenus sese urbem et libertatis dulcedinem laudabiliter servarunt, et a peste tutati sunt. Ea autem omnia tum vidi tum etiam audivi; meoque judicio salubrius illi nomen defunctis (?) salutis et securitatis, conservationisque urbis provisum fuit, quam anteriorum nunc alias leges, alias provisiones, et multa decreta perpetuo his casibus observanda, ut audio statuerunt, quæ ad decimum principatum deinceps spectabunt, nec hic ea fuerunt inserenda quoniam de hiis tantum nunc loquor, quæ consuetudine, et non statuto perpetuo servantur. Consideret modo velim quisquis duxerit hæc omnia diligenter advertenda, et necessaria asserat opportet nil hac in re consultius fieri posse.

Cap. 14.

De modestia minoris Consilii et Rectoris cum audiunt virum gravem.

Arrogantiæ crimen summa cura vitare, et humanitatis, ac modestiæ spe- 97
cimen et amenum speculum omnibus viribus amplecti, sapientum sententia, et natura duce non decet modo principantes, verum summopere, et grandi vigilentia opportet, illa enim hodie iram, indignationem, inimicitias, lites, discrimina, infamiam, et omnia denique mala in suos possesores tumidos ac veneficos sine connotatione, et dubio convertit, et accumulat. Mansuetudo autem et modestia animos hominum ad se allicit, iratos placat, amorem inducit, reverentiam trahit, inimicitias admovet, lites sedat, discrimina frangit, famam bonam vindicat, honore præcipuo decoratur, et illarum sectatores singuli laudant, colunt, et omnibus bonis digna ubique prædicant. Ragusinus itaque minor senatus illa animadvertens raro quemquam virum gravem utpote doctorem, aut alicujus principis legatum, nisi prius rectore invitante sederit apud Rectorem, consuevit audire, aut ei responsa præbere, quo affectibus eorum humanitatem ostendant, et foris animorum moderationem ostendent, cognoscanturque illos errare qui Ragusinos superbos predicant. Itidem laudabiliter servat ipse Dñs Rector cum solus sedet, cujus etiam tanta est urbanitas, ut cuique seu nobili seu mercatori seu forensi qui transiens digne eundem reverentia capitis et oris salve veneratur, pari officio benigne correspondeat, quod profecto mansuetudinis clarissimum exemplum judico.

Cap. 15.

Quo pacto pacem suam servant et imperium suum Ragusini sine bello.

98 Et ut aliquando Principatus politici Ragusini laudabiles consuetudines concludam omnium præstantissimam postremo reservavi. Cum enim pace et concordia interiori et extrinseca nil magis regna urbes et oppida auget conservet, et tutatur, ampliori copia multiplicet opes communes et privatos præsertim in urbibus mercaturæ deditis. Cumque exitus seu finis belli pax ipsa probetur quam ut homines habere queant sæpius arma movent, omni studio, omni cura, et omni sollicitudine vigilant Ragusini pacem et concordiam cum omnibus tenere laborantes quoad possunt ingenio, pecuniis et patientia ne ad bellum et defensiones deviantur. Salubrius profecto, recte arbitrantur quoque modo pacem habitam servare, quam fractam, et injuriis damnisque lacsesitam reposcere. Nam cum Ragusinis confines existant quidam Bosnenses Dñi dicti Voivodæ, id est duces (quoniam Ragusina Respublica opulentissima scitur) interdum eorum aliquis, vel malitia vel superbia, vel fatuitate, vel potius pecuniarum amore cupiditate, dissidium et pacis corruptelam expetere videtur (ejusmodi enim homines appetitui magis quam rationi subserviunt) quod cum pullulare sentiunt, illico antiqua eorum consuetudine modos omnes, vias quasque et cautiones cum eorum consiliis minori et Rogatorum, majorique si opus est adhibent, ut illius appetitui efficiant et omne scandalum amoveant. Mittunt legatos, qui bonis verbis persuadendo, muneribusque largiendo tum illi turbato, tum consiliariis, quibus planius credere videtur animum placant, appetitum temperant, et pacem atque amicitiam corroborant. O laudabilem morem qui utinam a principibus et dominiis, et communitatibus italicis servaretur; non equidem tantis Italia turbulationibus foret afflicta. Id a Ragusinis cum antea fieri audissem, postea opere facto cognosci præsertim cum quodam potenti Dño Voivoda Stephano qui satis et plusquam satis palam minabatur, et jam pene copias paraverat adversum eos ipsos qui prescriptis modis intantum illius appetitum quietarunt, ut nil novitatis secutum sit; qua laudabili quiete firmata, cuncti forenses Itali in admirationem adducti fuerunt. Hinc aliam non inferiorem addere dignissimam judicavi. Hæc est illa qua cum pace, et tranquillitate nullis armis, nulla demum violentia aut fraude populos et regiones dominorum circumstantium suo subdunt dominio illis quidem dominis dantibus et volentibus. Nam cæteris nationibus fere omnibus bello, potentia, ferro, armis et fraudibus earum imperia auxere laborantibus hæc communitas ragusina pacifice et amice suas ditiones ampliaret. Emerunt siquidem Canalia, Terras novas, Slanum, et alia multa loca sumptibus communis ærarii, diviseruntque eorum locorum possessiones nobilibus et plebeis cuique portionem condignam assignando et hujusmodi possessiones et quæ sunt in puncta Stagni nulla causa vendi possunt, nisi ut filiæ nubant; et tamen est necesse ut habeatur gratia specialis a consilio majori. Queret forte quis, quare illi Domini vendunt? Respondebo amore et benevolentia magna et longa quam .cum eis servant omni tempore Ragusini nobiles. Et merito eis complacere nituntur et debent cum in omni eventu cujusvis infortunii dum non agatur adversum salutem Reipublicæ Ragusinæ,

urbs ipsa sit illorum cuique portus tranquilissimus, tutissimus et requies certissima. Qui enim in Civitate habitat, aut inimicos non timet, secure vivit, et sine capitis aut rerum periculo: etiam inimicum suum si fuerit in urbe oculis intuetur. Unde apud Sclavos proverbium exortum audivi; illos asserere: cum lepus, quem insequuntur venando, locum tutum ingreditur, Ragusium ivit. Verum si quis alteri pæcuniæ debitor fuerit, creditore jus suum petente, et consequente, francus non est, quinimo cogitur ut creditori solvat sicut dignum et justum est. Nolunt enim suam urbem aut esse aut dici refugium seu speluncam latronum, at potius domum justitiæ, et fontem rectitudinis, et æquitatis. Nam ubi justitia deest, diu durari non potest: possem plures alias laudabiles consuetudines regiminis Ragusini describere, quæ satis declararent eos et bello, et pace optimis moribus fungi. Sed quoniam etiam præter meam opinionem libellus iste plurimo excrevit sui mores communiter descripti velim sufficiant, quorum introitu et firma observantia perpetuas laudes sibi vindicant patres Epidaurii. Sequitur ut pauca dicam de consuetudinibus conjugalibus et funerum, et aliarum quarundam rerum, qnæ paucæ sed laudabiles erunt et videbuntur.

Cap.' 16.

De laudabili more nobilium qui nec assumunt uxores plebeas, nec plebeis nobiles tradunt.

Consuetudo antiquissima Ragusinorum pertinaciter cum summa virtute 101
observata, atque nunc servatur et dum Ragusium regnaverit observanda circa rem uxoriam, seu copulam conjugalem, quæ matrimonium aut conjugium dicitur apud omnes sanæ mentis viros, et rerum naturam considerantes similitudinem, quæ marum inter conjuges requisita amplissimis laudibus extollitur et commendatur. Nam cum in uxore deligenda mores, ætas, genus, forma et opes ea de re scribentium sententia spectari debeant quæ inter genus amores plerumque trahi videmus maxime considerari opportet: indignum iudicant Ragusini nobiles dominas viris cum plebeis conjungi. Hæc inventum est usque in hoc tempus quempiam nobilem Ragusinum sponte plebejam in uxorem, aut matronam proavis claram plebejum hominem in maritum, vel illius forma vel opibus, vel quavis dignitate delegisse, quod equidem commendatione dignissimum est. Cum enim solertissima cura pax et concordia et morum proportionata similitudo viri, et uxoris sit perquirenda, nonne sæpius rixæ et lites ob parentum nobilitatem aut ignobilitatem inter conjuges oriuntur si præsertim uxor ignobilis et maritus vir clarus existat, et e converso: unde dicitur vis recte nubere, nube pari. Num ne si quispiam avaritia, vel corporis pulchritudine, aut qua alia ratione uxorem ignobilem duxerit filiis a se gignendis dedecus et pudorem comparíat. Quæ si recte proverbio dici cognoscimus tales futuros filios qualem uxorem delegeris, quis dubitavit filias matre ignobili a proavorum meritis degenerare? Semina namque bonitatis, vel malitiæ maximam partem terræ vel sterilitate, aut fecunditate ubi jacta fuerint sibi vindicant. Adde quod maxime dissentiunt clarorum, et ignobilium mores, victus honestus, pudicitia, et cætera talium cumque expertissimum sit infantium naturam a boni-

tate nutricum lactentium amplam dependentiam habere, quid in eis fieri credendum est, cum difformi materno in utero concipiuntur et nutriuntur? Quare concludere licet, cum morem Ragusinorum, quo filii ad virtutem merito incitantur claritate proavorum, patrum et matrum et rixarum causa removetur ab omnibus viris gravissimis singularem, et præcipuam commendationem promereri. Conjunguntur tamen matrimonio mulieribus nobilibus aliarum urbium ut Duradii, Cattari, Spoleti, Jadræ, Tragurii et cæterarum Civitatum nobiles Ragusini, qui illarum urbium viris claris et nobilibus eorum filias et sorores nuptiis legittime nectunt. Conviviis proinde, et nuptiarum gaudiis nobilium non intersunt plebei, exceptis salariatis, qui cum eorum uxoribus sive advenis sive terrigenis, ut plurimum sponsas committantur, eodemque officio plebejorum nuptiis non adsunt nobiles. Servatur autem hic ritus in matrimoniis seu affinitatibus contrahendis. Nullo pacto quis juvenis aliquam sibi in uxorem tribui postularet ne nubens excluderetur. Qui igitur filias aut sorores nubiles habuerint, hii generos vel leviores, seu seriores expostulant, et alicujus medio affinitatem confirmant. Biennio vel triennio, vel interdum quadriennio, seu etiam quinqennio sponsus ac sponsa jurati permanent maxime ob immaturam uxoris ætatem. Nam cum sunt decem vel undecim annorum aut duodecim jurantur, et promittuntur, marito autem sociantur anno quintodecimo vel sextodecimo et inde supra. Datur sæpenumero sponso pridem dotalis pecunia vel tota, vel ipsius pars, qua cum mercaturæ vacat, et ejus opes augere laborat, licet interdum aliquibus longe secus eveniat; dum jurati vivunt, raro sponsus suis oculis sponsam intuetur, tametsi in domo soceri sæpius concitetur et illuc adeat. Sic enim moris est tam apud nobiles quam populares, qui eos ut magistros et dominos imitantur.

Cap. 17.

De ceremoniis quæ servantur quando traducitur uxor.

104 Postquam dictum est de genere uxoris, quod attentissimo spiritu quærunt Ragusini nobiles, relictis aliis, quæ exiguntur in uxore, de modo eam traducendi dicere constitui, qui est iste. Octo diebus prius quam traducatur Sacrista Sillariæ post Evangelium decantatum expulsa alta et clara voce nuntiat populo talem virum octava die sequenti uxorem ducturum talem Dominam, nominans utriusque nomina, et cognationem quod quisque laudabiliter et catholice servat ut quicumque scierit aliquid optare, quominus fieri possint legittimæ nuptiæ id manifestare festinet, dicunt autem illum diem nuptiarum fermentum, quoniam eo die fermentum pinsant ex quo panis nuptiarum conficitur, tuncque sponsus festat et suis consanguineis opulas, et convivium præbet. Antiqua consuetudine die fermenti sponsus omnibus fere nobilibus, si nobilis fuit, et medicis, magistro scholarum, cancellariis omnibus, et ratiocinatoribus solebat vineis tractare quartam partem, et vini duas phialas munifice delegare, quinta vero die sequenti vel etiam octavo, cuilibet nominatorum unam galinam electam, carnes suines congelatas, et vinum pari vice. At nunc perpauci id servant nisi fuerint prædivites. Cæteri enim nec omnibus mittunt nec bis elargiuntur. Postergant (?)

equidem præsertim plures salariatorum, qui litteras profitentur, et tanta una dona transmittunt. Qua in re videor videre quod sicut homine sanescente avantia (?) juvenescit ita etiam sublimiore illa ratione status Reipublicæ miseriam magis excolat. Nam tametsi primus mos foret sumptuosior, et prodigalitati propinquus, secundus vero moderatior, et forte consultior et liberalitati vicinus; indignum tamen est litterarji ordinis viros postponere. Hujus rei testes sunt multi salariati, et ego qui simul id sumus experti, et in dies actu ipso experimur. Mane traductionis accidit unus ex notariis Communitatis cum duobus testibus sponsam interrogatum, an in talem virum ut in suum legittimum sponsum consentiat, quæ quidem ut moris est sponsarum vel voce demissa, vel inclinato capite, quod interdum ab assistentibus matronis manibus capitis sponsæ positis curvatur, assensum præbet; deinde accidit sponsus, præcedente uno puerculo, qui ceream accensam manibus gerit, et eam annulo aureo desponsat, nulla penitus salute facta, nisi voce depressissima. Apponitur autem sponsæ capiti scilicet corona argentea auro tecta, et lapidibus pretiosis ornata in signum virginitatis, qua commissa per copulam carnalem deponitur corona, qua nisi virgines coronantur. A tergo autem pendet quoddam pollicum (?) siricum diversorum colorum quod antiquitus stragula vestis dicebatur, id quadam catenula argentea nectitur, ubi tenet dextram manum chiroteca coopertam, unam vero sub veste quidam celat. Quidam adolescentuli et juvenes ac matronæ et virgines nobiles ex parte sponsi tubis et tibiis sonantibus mittuntur ut sponsam conducant, dominæ vero sanguine sponso conjunctiores sponsæ capiti, hoc est super illa corona, coronulas seu serta sirica apponunt, et eam osculantur, quæ cum e domo patris itura est benedictionem Habramæ, Isave, et Ioab audit prius a sacerdote Patre animorum ejus domus, deinde ab avo, si avus est, postea a patre vel patruo, deinde ab avia, si fuerit, et demum a matre vel matertera. Incedit autem media duarum matronarum sanguine sibi vinctarum, quas Bahizas vocant; hæ enim eam docent, quæ tunc servanda sunt, in lectum collocant et de mane illam exurgent. Quædam pedisequa suæ vestis, quæ Guarnabanum antiquitus vocabatur, caudam longam facie pene usque ad terram inclinata, idest ceruna (?) brachiis defert. Ea namque cauda tunc brachio a sponsa geri nequit, nec esset decens ut fertur. Omnes qui, aut quæ partem sponsi decorant præcedunt, et hii hæque epulas paratas edunt nuptiarum; sponsam et ejus parentes decorantes sequuntur, et jejuni, jejunæque domas proprias repetunt. Avus aut pater sive patruus sponsæ seu ejus propinquior eam medius duorum veratiorum sociat usque ad januam sponsi, et cum perduxit eam in tutum portum, revertitur; cum receditur a domo paterna itur ad Ecclesiam S. Mariæ, ubi sponsa apud altare majus missam audit genibus flexis; offertque ducatum unum, et quisquam infra sacerdoti celebranti. Sponsa dum it ad conjugem sæpius gradus sixtat (?) inclinato capite modestissime salutans, qui eam speculantur. Solebat ei mel dari esum ad januam sponsi, et butirum ut sciret eligere bonum, et reprobare malum, eratque in ingressu januæ vas plenum lacte, aut aqua supposita lacte, quod sponsa cum pede ingrediens effundebat, ut indicaret a se in ædem fere bonorum temporalium copiam; dabatur et sibi in limine cereus ardens quem ferebat ipsa usque ad locum suæ sedis. Hanc (?) autem pauci servant eas cerimonias quæ gentilitatem sapiunt. In convivio non co-

medit sponsa, quoniam prius in domo paterna bonis cibis, et postea in camera reficitur. Die traductionis adsunt nuptiis amici, et necessarii seu consanguinei sponsi, et altera die accedunt pater et mater et cæteri consanguinei sponsæ, ibique cominantur (?), animadvertentes quid nocte præcedente actum sit de filia, an scilicet salva sit. Octava vero die acceditur ad quem parentum, qui præstans convivium ei sumptuosum efficiant. Credo per id tempus abunde sponsi et ejus domus conditiones laborent enarrare suis parentibus, datur item ipsi solus (?) depicta cum lana alba, et cerulea et fusca, et digitarium argenteum pro suendo, ut frustra tempus non exponat, imo filet et suat aliquando. Hæc omnia servant adhuc populares suo modo. Si quis eum ordinem recte consideravit, in ipso cognoscet honestatem, venustatem, solatium, gaudium et festivitatem, atque nuptias admodum sumptuosas; de quibus dixisse sufficiat. Si, addidero, viduum viduam duceret in crepusculo, omissis prioribus solemnitatibus. Sed si viduus virginem traduxerit, cæremoniæ omnes servantur, excepto uno, nam tubarum sonus non præcedit eos qui ex parte sponsi præeunt, sed solum sponsam et suos; si vero vidua a non viduo ducatur, servantur priora, excepta corona virginitatis, et ad missam accessu.

Cap. 18.

De opere pietatis sociandi et venerandi corpora defunctorum.

107 A nuptiis ad opus et morem pium defunctos humandos comitandi congruus, et decens est transitus. Nam proverbio dicitur in nuptiis et funere amicos dignosci, quod sibi id velle videtur eos qui sincere amicantur prosperis gaudere, et adversis ac se ipsum et ultra tristari. Cadaver Ragusinum nobilis viri, vel mulieris non pestiferum (nam id a paucis sociatur) et destitutos mores socians veneratur Dñs Rector, cum fere omnibus nobilibus, quos prosequuntur cives et mercatores plebei, et plurimi artifices, matronæ nobiles matronas, et virgines plorantes capillis super humeros sparsis sociant, tenent, et ortantur. Ferunt autem feretrum nobiles ætatis contiguæ defuncti non quidem humeris, at vi manuum. Plorantes mulieres in orbe feretri stant, et incedunt se decapillantes, et projiciunt capillos super cadaver, cujus manus et faciem sæpenumero osculantur, cum illi ipsum deponunt quo paululo requiescant. Unde sicut sponsæ interdum stant in via salutantes qui ipsas speculantur, sic funus aliquando deponitur ut id viventes interdum complectantur. Humato ipso Dñs Rector cum moribus dolentibus it ad Ecclesiam Cathedralem, et secum alii nobiles, ibique aut urbis præsul, aut aliquis frater mendicantium prædicans vitam defuncti aut defunctæ commendat, et ex parte turbatorum gratias agit. Tunc vero sociantur dolentes omnes usque ad domum, ubi sunt simul comedentes, et sedentes usque ad tertium diem, quando post prandium eunt bini ad logiam ubi sedent aliquamdiu. Dominæ vero dolentes a mulieribus ad aliam domum seorsum a masculis conducunt, ubi fit similiter ab aliquo mendicante mortui laudatio, et virorum quædam exortatio. Ibi sunt pluribus diebus lacrimantes, et uno conviventes. Sunt quædam mulierculæ inopes doctæ quendam modum ploratus qui non intelligentibus cantus videtur; hæ precio accepto

funus præcedunt eum conquerendi seu plorandi ritum alta voce exprimentes. Hæc omnia in funeribus popularium fiunt excepto quod Dn̄s Rector non comitatur, licet alii nonnulli nobiles interdum interesse dignentur nec itur ad ecclesiam Cathedralem qua in morte nobilium tenditur. Funeribus tamen medicorum, scribanorum seu cancellariorum et aliorum salariatorum alicujus pretii intersunt Dn̄s Rector et cæteri fere omnes nobiles. Hæc de pietate Ragusinorum in defunctis breviter perstrinxi et sat sunt.

Cap. 19.

De reverentia quam certis temporibus anni filii et filiæ, nepotes et neptes exhibent suis majoribus.

Scriptum est honora patrem et matrem, ut sis longævus super terram. 109
Et exposcunt boni mores, ut nostros majores natu veneramur. Hinc Raguseorum mos est laudabilis, ut in festis principalibus filii emancipati, et filiæ nuptæ, nepotes, neptesque parentibus, patruis, materteris, et aliis necessariis ætate majoribus reverentiam exhibeant singularem et pacis osculum priusquam pransum accedant. Festa autem principalia intelligo Nativitatem et Resurrectionem Dn̄s Jesu et ejusmodi.

Cap. 20.

De pedisequis quæ matronas sociantes eas præcedunt in via, cujus contrarium fit in Italia.

Omnes qui bonos mores sapiunt matronis euntibus cedunt, id circo in 109
Italiæ partibus ancillæ quæ pedisequæ appellantur post earum dominas eunt. At Ragusii cum gens fere omnis (exceptis nobilibus et civibus plebeis, divitibus, et artificibus aliquibus, et italicis qui reverentiam dominabus præbent) sit omnino a bonis moribus aliena, nec advertat quo pacto incedat, aut currat per urbem, aut cui obviat, aut quam personam offendat. Matronæ omnes Ragusinæ, et advenæ ibidem habitantes familias præmittunt, quæ recto nomine pedisequæ dici nequeunt, cum pedisequa dicitur pedes dominæ sequens, at præcedunt hic dominas. Qua in re matronarum prudentiam non possum non laudare; laborant enim pro earum salute. Nam si quis belluæ ad instar iens aut currens offensurus esset matronam, primum percutit ancillam, qua percussa, vel ille rusticus matronæ cedit motus voce, aut repugnantia famulantis, aut etiam ipsa domina, immorigerato illi, ne pari verbere pulsetur, cedere studet, unde alterutro modo salva e manibus rustici evadit.

Cap. 21.

De triplici moneta ragusina, et modo vendendi comestibilia minutim qui servit commoditati omnibus, sed maxime pauperibus.

Postremo dicere dignissimum judicavi de triplici moneta Ragusina, et 110
modo quo comestibilia venduntur minutim communi omnium, sed maxime

pauperum utilitati, et commoditati plurimum serviente. In omni equidem recte ordinata civitate favori, et acto victui eorum, qui gravantur inopia, magna sollicitudine invigilatur. Nam ipsorum major est multitudo. Et quia moneta in plures partes divisibilis admodum utilis est et necessaria omnibus, sed præcipue inopibus, id circo Ragusii laudabiliter triplex funditur, seu sculpitur, vel insignitur moneta, prima et secunda argentea, tertia vero est ramea; prima dicitur grossus valoris trium solidorum venetorum, in cujus una parte imago est Dei, et in altera Sancti Blasii protectoris urbis. Supra grossum majoris pretii nulla est moneta Ragusina, nisi ducatus aureus Venetus vel alterius dominii. Secunda dicitur medianinum, quia medius grossus est, valoris unius solidi cum dimidio veneti: in hujus uno latere sculpta seu impressa cernitur capitis Dñs Jesu figura, in altero S. Blasii. Hæ duæ monetæ per universam Bosnam tanquam bonæ, ac sunt expenduntur pretio, ac valore Ragusino. Tertia moneta ramea est, quam Folarum dicunt; in istius una parte R, in altera caput hominis videtur insignitum ad imaginem antiquarum monetarum ramearum, quas reges seu imperatores Constantinopolis, seu Romani antiquitus fundabant, earum namque grandis abundantia Ragusii esse solebat, et expendebatur. Hac nulla minoris valoris moneta habetur, triginta enim grossum cambiunt, quindecim medianinum, decem autem computantur pro uno solido veneto. Hæc est commodissima omnibus habitantibus Ragusii et præsertim egenis, qui dictim emunt res necessarias victui minutim. Nam, ut modus laudabilis vendendi comestibilia describatur, habens triginta folaros emet panem, carnes, olera, oleum, vinumque tale, quale cum fuerit vini copia, venduntur equidem omni tempore bona vina, minus bona, et tristia, quodque pretio suæ bonitatis vel malitiæ, minutim dico. Quod ut clare pateat. Ecce fit panis venalis quatuor folarorum, carnium castrati libra venditur decem folarii; et interdum duodecim et similiter agnorum; bovum autem, hircorum, pecudum, caprarum, et arietum octo, et interdum decem, quarum libram, et libros macellatores unicuique vendere consueverunt juxta emptoris voluntatem. Sed olera, ut caules, blites (?), lactuiæ (?), petroselivum, ruta, rucula (?), salvium (?) etc. et ejusmodi fructus in fasciculis feruntur, venduntur que a rusticis; illorum autem fasciculorum unus venditur uno folaro; similiter scopæ mirteæ, unde fit ut quilibet, cujusvis ætatis olera et tales fructus optime sciat, et possit absque dolo vendentis emere, qui ementi deligendi sibi grata tribuit libertate. Poma vero et pira recentia, et vetera, fabæ recentes, ficus, caricæ, nuces, avellanæ (?) amiedola (?) et hujusmodi fructus numero minutim venduntur. Potest enim emendi in singulo horum fructuum unus folarus. Oleum similiter folaro venditur uno, duobus, tribus, et sic ultra, quare sæpius mulierculæ pauperes in sero emunt oleum uno obulo aut duobus in lucerna ut noctu vigilent laborando vel etiam in paropside aut ferculum condant. Sicque ac quoque venditur et sinapicus sapor, limones, arantia, cucumeri numero vendunt, et quisque unum solum emit cum appetit. Et ut brevis sive tanta est hæc commoditas, quæ dici aut excogitari possit. Partitoribus rerum ejusmodi edibilium pueris quidem singula vice, qua aliquis eorum ad domum mittitur unus folarus traditur. Sed nunc est dimittenda lignorum venditio? Non certe, cum sit commendabilis, et fructuosa; lignorum salma (?) interdum multa, interdum pauca, secundum vel lignorum copiam aut aeris

temperiem, et distemperiem uno grosso emitur, qui est pretium et tribus, aut quatuor obulis, qui dantur portitori. Eunt autem ipsi ligniferi onusti humeros lignis per urbem clamantes et querentes emptorem, quare inopes non opportet, ut ab operibus suis devient necessitate lignorum. Querantur autem illi ligniferi, more camelorum, qui extenduntur in terram, ut com mode valent onus apponi, deinc aliorum consilio elevantur. Ancillis quæ vitiosissimæ sunt ut recte commemorat Joannes Ravenas vinum posui (?) non conceditur, nisi in festis paschalibus, et tunc parce. Si qua fugerit a domino preco publicus eam publice de mandato Dñi Rectoris, qui id jubet ad preces patroni, proclamat, et tunc nemo eam presumit retinere. Carceratur et liberatur pro patroni voluntate. Cum datur triticum molendinario, ut farinam adducat quidam officialis communis triticum ponderat, et demum cum apportatur farina, qui si fuerit æquivalentis ponderis ad plus deficientibus duabus libris solvitur molendinario pro quoque stario grosus unus. Si vero duabus plures libres defecerint condamnatur duodecim folari pro qualibet libra ultra duabus, pro quibus nullam pænam incurrit. Possem plures alias consuetudines describere, sed quoniam principales abunde descripsi, quibus opusculum hoc meum longius quam instituissem auctum est. Plura nunc scribenda mihi non fuerunt. Sufficiant ergo hæc quæ de laudabilibus consuetudinibus Ragusinis notavi officio meo ad laudem omnipotentis Dei, qui Ragusinis nobilibus, et civibus plebeis opes multas sua pietate concessit, et in dies elargitur. Unde omnes qui possunt domos magnificas ædificant, vestes sibi, et suis dominabus pomposas, et honestas siricas, et laneas efficiant, dominarum indumenta lapillis, margaritis pretiosis, argento et auro ditissime ornantes. Convivia inter se sumptuosa gaudentes perficere sæpius consueverunt, et pauperibus præsertim sacerdotibus pie auxiliantur ut cum eis Deus usque participare dignetur ejus summam pietatem, et clementiam, suæque bonitatis clavum, quo cuncta mirabili ordine reget et conservat.

VII. Отрывки изъ исторіи Дубровника Николая Раньины.

(Изъ ркп. франц. библ. № 228.)

1461. L'anno [1]) di Christo 1461 con li muri novi si cominciò circondar la Città di Ragusa da parte di Ponente, cioè gli antimuri con molte degne fortezze, et bastioni verso lo monte delli muri d'intorno dalla tramontana et cavorno li fossati. L'anno di Christo **1462.** Tutti li mercadanti Ragusei furono in Turchia costretti, et legati per tutto lo paese del Turco per ordinazione di Sultan Mehmed Imperatore, poi per la divina bontà tutti furono lassati et liberati senz'alcun mancamento alli 15 d'Ottobre. Una

[1]) Metr. Sacra. T. V, p. 1612—1615.

delle cagioni fù perchè Giugno Drago di Giorgi haveva fatto grandissime prove contro lui nell'esercito Ungaro, e perciò Mehmet mandò a cercarlo alla Republica, ma li fù risposto, che era fuori del paese, onde fece legar tutti li mercadanti, e tolse le loro facoltà, ciò egli riferì a Nicolao Simon di Bona mandatoli Ambasciatore. L'anno di Chisto **1463** furono fatte gran ruine, et guasti intorno de tutta la Citta de Ragusa, di case, giardini con tutto lo Borgo per paura di Sultan Mehmet Imperatore de Turchi, quale era venuto con tutto lo suo esercito nel Regno di Bosna, per opprimerlo et li Ragusei havendo la nova, che haveva animo il Turco de opprimer la Città di Ragusa, lo quale drizzato lo suo esercito pervenne fin a Sutiesca, aviatosi verso Ragusa, questi ricorendo a Dio con limosine, processioni, orazioni, et ordinarono la vigilia del Corpus Christi, onde tornò il Turco, perchè prese cattivo augurio, essendoli tre volte scapulato il piede al cavallo fermandosi, voltò il suo cammino indietro. Havendo poi fatto intender agli ambasciatori, che voleva tutto il territorio, et lasciava la Citta libera i Ragusei dopo molti consulti, non trovando riparo fecero entrare nel Pregai tutti li vecchi, e Nicolo Serafino di Bona, che non era di Pregai suggerì la risposta al Turco, cioè, che se voleva il territorio loro havrebbero data la Città al Rè d'Ungaria, qual risposta havendo udito il Turco, et vedendo la laro disperazione promise di lasciarli la libertà. Poi cercò dalli Ambasciatori che Santo havevano, et havendo udito S. Biagio volle la sua imagine, che fù spedita da Ragusa et disse Mahometo, che appunto quel uomo l'haveva minacciato in Sutieska di farli romper l'osso del collo, se non lasciava Ragusa. Ma i Ragusei non quieti per la risposta mandarono da molti Principi cercar ajiuto. Il Papa Pio II li promise ajiuto con la Crociata, anzi havendo radunati molti ministri de Principi et il nostro Legato, che fù Nicolò Serafino di Bona, per consultare, et havendo il Bona sentito portar tutti con gran confidenza, e spartir l' Imperio Ottomano rise, e poi per comando del Papa disse, che non occoreva tanto promettersi non havendo ancor messo il piede fuori: l'espose l'indole del Turco, et il modo del loro combattere, et sugerì, che non era altra maniera per superarlo, che mandar il Rè d'Ungaria con gran esercito per terra, et per mare le potenze unite con un sol capo che dirigesse, qual discorso fù approvato da tutti, ma a poco il Pontefice morì, et suani tutto l'aparecchio, et diede lo stendardo a Ragusei per mano dell arcivescovo, che era di sua nazione. Ferdinando rè di Napoli antico amico li favorì e soccorse. Mattìa Rè d' Ungheria similmente. I veneziani non dieder risposta. Il Duca di Milano artiglieria con armamento e gente. Poi havendo inteso, che il Papa, *l'Imperatore*, il *Rè di Napoli* (не правда!), Duca di Venezia con maggior parte de Signori d' Italia erano in Ancona per la Crociata all'impresa de Turchi crearono sei del Consiglio dei Pregati per mandare Ambasciatori in Ancona (см. прим. 1.) per offrirli la città con tutti i possibili provvedimenti di vettovaglia, gente, arme, e denari, ma non andarono gli ambasciatori, perchè morì il Papa, e tutti li Principi ritornarono a casa[1]). Creati

[1]) Sex legati electi fuere, non qui Anconam se conferent, sed qui obviam irent Pontifici ad Insulam Vratnik, quatuor qui venetorum duci occurrent, duo autem Anconam missi fuere qui Pontificem Ragusium usque comitarentur. Hi mortuo Pontifice statim redierunt. *Cerva* Notat. 21, p. 1648.

furono tre savii della guerra per consiglio de Pregati, alli quali fù data libertà di condurre gente al soldo d'ogni luogo, in breve condussero 2500 fanti, et stavano sulle mura aspettando il Turco ch'era venuto nella provincia d'Onogactie, et personalmente aveva destinato l'impresa, dove alla festa del glorioso corpo di Christo, che fù alli 9 Giugno, fatta la processione con lagrime et singulli (?) pregando Dio che rimuova lo flagello dalla Città. Intanto venne un Turco segretamente mandato dal Basa di Romania ammonendo, che dovessero mandar Ambasciatori, quali mandati placarono Mahometo, et questi lasciò liberi tutti i mercanti; l'accompagnarono fino a Steniza dove lasciati, il Turco andò verso Andrianopoli.

1466. L'anno [1]) di Christo 1466, venne a Ragusa Messer Zugno Damiano di Zorzi d'Ungheria in 12 giorni, et cinque cavalli li seguitarono per via, per dar notizia alli regitori come Pacan, et Rosgon, Jagnusc, Stefano Herzegh, con altri Vlatkovichi dovevano essere a Rausa per dar a saper la loro venuta per certa convenzione loro con li Turchi, ma se potessero pigliar Stagno, ovvero la Città di Ragusa per la corona d'Ungheria, non si sariano sparignate, per la qual cosa se non fosse della notizia al tempo questo sarebbe a gran pericolo della presa e questo fù del mese di Gennaro perchè medemo dì della sua venuta, trenta galie Veneziane vennero all'Isola di Mezzo, et per tutto questo, che fatto aveva per liberare la sua partia, per uno piccolo peccato fù condannato in carcere, ma tardi poi fù liberato per lo Ungaro Ambasciatore. Del detto anno nel giorno della domenica ai 9 di Febbraro venne a Ragusa Stefano Herzegh, Pacan, e Rosgon, Janusc con Ivan Vlatkovich, Xarko et Tadia con 50 Ungari, quali furono a parlamento con uno sclavo venuto dalla parte del Gran Turco, per la accordazion fra loro, dove non fù conclusa cosa alcuna, quali tornarono nelli paesi loro senza conclusione alcuna, quali davano intendere fingendo andar alla volta di Turchia, et si fecero molti provedimenti per la guardia della Città, et la gente, che per tutte le guardie fosse separata, a ciò non fossino da alcun traditi.

1485. L'anno [2]) di Christo 1485 fuste tre di Maltesi vennero in territorio di Ragusa nel mese di Settembre per far danno ai Ragusei, et acostandosi allo scoglio di Grebeni incirca tre miglia inver Ponente da Ragusa, presero li molti huomeni che venivano a Ragusa con i barcusij loro, et presero tre gentilhuomeni Ser Marino Nicolò de Gozze, ser Nicolò Francesco de Tudisio, et Ser Marino Savino de Menze, et una Signora Gentildonna, vedova di Ser Tebaldo di Menze, di popolani et villani di circa 75 persone quali spartiti steseno fino al mezzogiorno, del che intesosi per li Signori di Ragusa subito fù armata una galea, sopra la quale fù Capitanio Messer Andrea Nicolò de Cerva, la quale fino al vespero fù andata et sapute le fuste, che li Ragusei avevano armato la galia all'impresa loro si

---

[1]) Metr. Sacra. T. V, p. 1653—1654.
[2]) Metr. Sacra. T. V, p. 1894—1897.

partirono alla volta di Lagosta, et arrivate nel porto, et avvisate della galia partirono alla volta di Tremedi con vento sirocco molto afforzato, et la galia seguendoli alla ventura tutta la notte hebero gran fortuna et una delle dette fuste all'alba di giorno arrivò a Tremedi in quella era Ser Marino Nicolò di Gozze, quale lassato sopra il sacramento di tornar indrio, avendo finto, aver si fatto il voto quella notte visitar l'ecclesia di Tremidi, per la causa della fortuna passata, et lassato intro nell'ecclesia predetta e non volle tornar più alla fusta, benchè molto fù domandato, ma li calogeri non vollero darlo. Poi si parte alla volta di Biesti avendo scoperto una delle sue conserve, datasi il segno aspettar un altra fino la Terza sotto monte, e ivi arrivato non trovò alcuna, andò a Monopoli, e l'altra fusta, nella quale era Ser Nicolò Francesco di Tudisio scoperta la galia de Ragusi apresso a Matinata subito fece la volta verso la fusta, quale credevano, ch'era la galia Veneziana, non fecero stima, ma appressata al tiro della bombarda, e conosciuto esser loro adversa, detter con la fusta in terra, e tutti scamparon nella Montagna di Sant'Angelo, et poi la fusta voida (?) fù presa, fora de Ragusei prigioni, et stando così tornarono con quei compagni, per veder lo seguito della fusta loro, non credendo esser la galia Ragusea quasi tutti furono presi, et esaminati delle sue conserve dissero aver spettato tre giorni un'all'altra con segni ordenati, et partiti poi verso Monopoli trovarono una valle cinque miglia largo con vento di greco levante andando con vele imbrogliate, credendo esser sue conserve, benchè la galia vogava avente di terra, et la fusta appresso, finalmente accertata esser la galia Ragusea subito dette la volta per modo che fuggì in terra sotto Monopoli, poi tutti gli uomini fuggirono fora, menando la fusta nel porto, et per tal modo furono salvi. Poi sopra eziam quella fusta, nella quale trovarono 5 uomini inferrati. E la terza fusta arrivò in Sicilia con Ser Antonio Savino di Menze, quale si riscattò con ducati 100. Similmente tutti gli altri furono riscattati. Poi la galia tornò con vittoria a Ragusa, menando due fuste seco, et tre di quelli huomeni furono alli Grebeni impiccati, et altri per innocenti lassati, per esser eziam loro per forza menati. Quali fuste poi furono menate a Stagno piccolo per guardia.

1496. L'anno [1]) 1496, ai 28 di Novembre essendosi radunato il Consiglio Maggiore per crear il nuovo Rettore per il mese di Decembre, nel qual consiglio furono congregati 208 gentiluomini et avendo creato il nuovo Rettore Ser Teodoro di Pietro Prodanelli, fra le ore 17 e 18 fù grandissimo terremoto, si credeva che la terra si aprisse, era Rettore nel Palazzo ser Stefano Gradi, repplicò d'inverno con rovina di tutti, e fuggirono l'acque vive dalle cisterne, e condotti, onde vi fù gran penura d'acqua.

1499. L'anno [2]) di nostra salute, 1499, Bajazet destinò l'armata contro i Veneziani per alcune differenze avendo questi preso alcune navi turches-

[1]) Metr. Sacra. T. V, p. 1989—1990.
[2]) Metr. Sacra. T. V, p. 2006—2007.

che in Marca fece gran danni ai Veneziani. Ivi il Bassa Achmet Denovich disse a Turco che i Ragusei gli erano contrari, et in lega con i Veneziani, et produsse la lettera dei Ragusei scitta ai Veneziani, ma gli Ambasciatori conobbero, che era contrafatta, fecero venir da Ragusa altra lettera, ed il Turco conobbe dal carattere e dal sigillo, ch'era supposta. Il bassà fù presto per molti eccessi strangolato.

1509. L'anno [1]) 1509, i Veneziani rìvocarono tutti gli ordini fatti contro i Ragusei navigli del 1484, perciò avevano necessità delle navi Ragusee, e li fecero molti privilegi, perchè erano scomunicati per il fatto di Ferrara, e niuno li voleva praticare.

1510. L'anno [2]), 1510 ai 7 di Gennajo un ora prima di giorno apparve in cielo un gran fuoco con un tuono, come se fosse di bombarda, e poi si disfece in molti pezzi e pareva che tutto il mondo ardesse, in un tratto del suddetto fuoco si fecero tante croci e questo durò finchè si fece chiaro giorno.

1510. L'anno [3]) 1510 naui 5 Ragusee furono ritenute in Allessandria ai 19 di Settembre cariche di diverse robbe, et tutti li mercadanti con li patroni delle navi furono incarcerati, stimandosi la robba per valuta di Duc: 30,000 de Ragusei. Medesimamente le navi Veneziane ritenute in Ragusi per comandamento del Soldano d'Eggito per la cagione che l'armata di Rodo aveva preso tre navi Francesi cariche de Mori, e Malgarbini suditti del Soldano per valuta di 50,000 Duc., e per avanti furone preso 50 vele del Soldano in golfo di Chiozza, dalla predetta armata, per tale cagione tutti i mercadanti, Veneziani, Catalani, Ragusei, e d'ogni altra nazione trovati per tutto il suo paese furono ritenuti e presi. E il sepolcro di Cristo fù messo a sacco pigliando tutto il suo avere e il guardiano di quella chiesa fù esaminato per il tesoro ascosto finalmente rilevò 4000 Duc: nella sagrestia e 5000 Duc. in ricamati et argenteria. Finalmente due navi in Alessandria furono lasciate per cagione che fossero mandati due Ambasciadori di Soldano con due frati del Santo Sepolcro in Francia per farli restituire le robbe prese alla sua armata. A dì 22 del mese predetto una delle restanti fù rotta in porto, e due restarono sotto la guardia fin'all'altro provvedimento, ovvero liberazione a lor concessa per il Soldano.

1513. L'anno [4]) 1513 i Veneziani di nuovo privilegiarono i legni Ragusei, che portavano le grasse a Venezia, che non pagassero alcun dazio, perchè erano scomunicati dal Papa Leone per alcuni cartelli della chiesa, che non volevano restituire.

---

[1]) Metr. Sacra. T. VI, p. 2058. — [2]) Ibid. T. VI, p. 2058. — [3]) Ibid. T. VI, p. 2065. — [4]) Ibid. T. V, p. 2075.

1517. L'anno [1]) di Christo 1517 i Ragusei mandarono due galere e due navi in Levante per pigliare un corsaro Spagnuolo con un galione armato con il quale pigliava i navigli Ragusei che li capitavano nelle mani e il suo ridotto faceva nell'isola di Corfù, e per quel contorno non offendendo nessuna altra nazione; salvo i Ragusei, e si domandava D. Pietro della Castiglia. Al quale in primo li Ragusei fecero taglio di D. 2000 et ducati cinque al mese durante il tempo della sua vita, e che potesse introdurre due fuorusciti per omicidio chi lo amazasse, delle quali galere et navi fù capitano M. Michiele Nicolò di Bona, et andati cercandolo, ma il corsaro quando di ciò ebbe la nuova se ne fuggì all'Isola di Rodi, benchù una sua conserva capitando s'affrontò con dette navi. Finalmente la nave fù presa, ma la gente fuggì in terra con la barca, col Capitanio de essa, che era fra Ignazo francese Cavaliere di Rodi, e suo Compagno Lazzaro Spinosi. E perchè il detto barcaso fù pigliato, con detto Lazzaro con alquante persone e tutti furono messi in mare cuciti in vele. Poi l'armata di là partita venne fino a Rodi cercando il predetto corsaro, finalmente non essendo trovato tornarono a Ragusa, menando con loro 34 persone, le quali furono tutti impiccati per la gola per diversi luoghi atorno a Ragusa, nella quale impresa etc.

1521. L'anno [2]) 1521, la Signoria di Ragusa fece bando a tutti li mercadandti Ragusei, che nessuno ardisse andar negoziar in Turchia, ne per sua mano, ne sotto mano di forestieri sotto pena di Duc. 500, e di ribellione per causa, che il Gran Signore Sultan Solimano voleva alterar il dazio, che paghino 5% per le robbe che estraevano dal suo paese, mentre che al solito pagavano 2%, la qual cosa poi s'accomodò per mezzo dei Ambasciatori che gli furono mandati per tal effetto, perchè tutte le nazioni pagano di dazio delle mercanzie 5%.

1527. Nell'anno [3]) 1527 stando a Gravosa il regimento venne nuova da più luoghi come l'armate di Saraceni, e Mori erano per entrare nell' Adriatico se ne fecero restar alcune navi de Ragusei, che si trovavano ne porti loro. Finalmente havuta la nova certa esser entrate le fuste, e arrivate nel porto di Molunta con 24 vele, dove avendo preso certe persone del Contado di Canali e avendo havuto la nova lo regimento congregato il consiglio ordinarono, che ogni cittadino s'avesse a salvar nella Città e i contadini sopra i monti. Lo regimento tornò a Ragusa lo giorno seguente ai 9 di Giugno, che si celebrava la festa di Pentecoste. Finalmente conclusero di mandar l'armata contro i nemici, et in due giorni furono armati 10 legni grossi, due galie, et una fusta con 18 brigantini in tutto vele 31 bene armati. Sopra la detta armata fù ordinato Capitano Marin Stefano di Zamagna, sopra le galee Stefano Nicolin di Gondola ed Antonio Andrea di Benessa, con li quali furono in compagnia due galie de Veneziani con Gi-

---

[1]) Metr. Sacra. T. VI, p. 2116. — [2]) Ibid. T. VI, p. 2145. — [3]) Ibid. T. VI, p. 2186—2187.

rolamo Canaletto quali etiam andarono seguendo i Saraceni, et quelli havendo notizia vera dell'armata de Ragusei si partirono dal porto predetto, insalutato (?) hospite fuggirono, et arrivati circa 10 miglia vicino a Durazzo fù concluso nel consiglio de nostri nobili all'armata tornar indietro per cagion del sirocco, e guardar il territorio loro, l'ottavo giorno, cioè ai 18 Giugno senza alcun sospetto di morbo.

1529. L'anno [1]) di Cristo 1529 Francesco Selvano di Macerata Notaro, e Cancelliere di Ragusa, et Segretario della Signoria, quale si trovava continuamente nelli negozij secreti della Reppublica, si mise ad avvisare i Veneziani, et il loro Doge Andrea Gritti degli affari del pubblico con lettere, il che fù scoperto, et fù chiamato dai Reggitori, et mostrateli le lettere scritte di sua mano, et perchè haveva ritenuto, et rubato denari pubblici, et privati depositati in mano, lo fecero mettere in prigione, dove fù decapitato, et ucciso con una cetta in capo da traditore a dì 19 Maggio.

1537. Nell'anno [2]) 1537 havendo inteso che Solimano armava contro Carlo V e Ferdinando Ungaro suo fratello ricordandosi (Filippo Trivultio Arcivescovo) delle ingiurie ricevute de Spagnuoli nello sacco di Roma, et perchè i Trivultii erano sempre stati al servizio de Francesi posposto il sacerdozio s'impegnò, che lettere del Turco in Francia et de Francesi al Turco pasassero per le sue mani per via di Venezia per mano del suo Legato. E perchè i Ragusei non consentivano, anzi l'esortavano, che desistesse da tale impegno, otenne lettere da Solimano, che vietava a Ragusei ingerirsi negli di affari di Trivulzio riguardo all'agenzia ch'aveva de Turchi, per ciò li convenne tacere, e dissimulare. E nel 1537 le lettere mandate da Venezia al provveditor dell'armata furono intercette a Canali ai 5 di Giugno, il tenor delle quali era il patto, e lega fra l'Imperadore, e Veneziani contro i Turchi, per ordine di Pietro Domenico di Pozza, et furono rubate ad instanza di Trivultio arcivescovo, quale subito le mandò in Constantinopoli all'Ambasciatore di Francia. Il coriere andò a Cattaro a lamentarsi al provveditore quale avvisò i Reggitori di Ragusa, dove fù subbito intramesso detto Pietro esaminandolo come la cosa era passata. Quale facendoli saper mandarono il corier a Costantinopoli per rihauere le lettere et per altra via avvisarono a Venezia essere loro innocenti, ai quali i Veneziani risposero, dover loro talmente castigar il delinquente ch'altra volta non facesse simil tratti. Pietro Pozza fù sentenziato star per due anni in carcere privato di tutti gli offizi, ed benefizi per tutta la vita (40), ben chè gli fù data la grazia dopo anni 25 cioè l'anno di Christo 1562.

1538. L'anno [3]) 1538. In questo tempo sucessero a Ragusa molti homicidii, fra gli uomini discordie, et dissensioni alla giornata, onde per

---

[1]) Metr. Sacra. T. VI, p. 2204. — [2]) Ibid. T. VI, p. 2230—2231. — [3]) Ibid. T. VI, p. 2234.

obviare a tali scandali, et mancamenti la signoria impetrò dal Papa la conferma, che occorrendo qualche omicidio a Ragusa, overo nel suo distretto con animo disposto il detto homicida non abbia Ecclesia alcuna per rifuggio della sua persona, nondimeno occorsa la morte d'alcuno casualmente habbia solamente per rifuggio la Ecclesia consacrata, qual ordine fù confermato, e proclamato in pubblica loggia a dì 19 di Maggio.

1538. L'anno [1]) 1538. All'isola di Mezzo 16 galere de Papa al primo di Luglio arrivarono, delle quali era il generale Patriarcha d'Acquileja Gentilhuomo Veneziano, della casata Grimani. Con 4 delle dette galere si parte il generale per Levante, e dodici galere col provveditore restarono, alle quali la Signoria mandò tre nobili con presenti, e doni di valuta di Ducati 100 quali furono molto bene accarezzati offerrendogli assai. Poi passarono a Ragusa vecchia, dove stettero 2 giorni. E perchè gli huomeni dell' isola di Mezzo non ardivano praticar per la marina dubitando, che detto provveditor non li metesse al remo dell'armata, et il provveditor per levarli di tal sospetto fece con la trombetta far una grida che ognuno poteva liberamente praticare senza sospetto alcuno con i soldati e marinari dell'armata, et per maggior sicurtà loro drizzò la bandiera di fede. Quei huomeni assicuratisi servivano di tutti i bisogni all'armata. Finalmente il provveditore coll'armirante dell'armata vista la conversazione degli isolani con li suoi soldati, acciocchè tutti fossero presi con inganno senza alcuna battaglia ordinarono, ch'al suono della trombetta tutta la gente dell'armata fosse fuora alla ruina, et sacco dell'isola, dove alle 16 ore del giorno primo impeto fecero 500 soldati con archibugi mano messero a sacco tutte le robbe, et le persone menando prigioni circa 150 fra li quali si trovarono quattro nobili Ragusei col loro Conte, e 14 vecchi padroni di navi, qual sacco durò fino alle 2 ore di notte, e si stimò il sacco fra oro e argento per valuta di D. 6000. Poi la mattina seguente tutta l'armata si levò alla volta di Levante, la qual cosa intesa dalla Signoria di Ragusa, mandarono 2 nobili verso il Generale, M. Biagio Valentino di Sorgo, e M. Hieronimo Paolo di Gradi, per aggravarsi del detto fatto, quali giunsero nel porto di Molunta et appresentatisi narrarono al Generale tutto il sucesso, il che inteso restò molto confuso. Subito fece far la grida, et pene di forche, che tutte le robbe del sacco li fossero rappresentate, ma della pena non sicurando nessuno, benchè le robbe di poco valore gli furono appresentate e le di maggior valore furono nascoste. Solamente 1 corona d'argento, la qual fù spogliata da un romano nella Chiesa di S. Maria di Biscione, et veduta dal Generale disse noi andiamo invocando il nome della Vergine Maria in nostro ajuto contro gli infedeli, et lui la va spogliando, et subito quel uomo fece appicar per la gola. E un altra volta fece il Generale il bando che tutti le robbe saccheggiate li fossero rappressentate sotto pena delle forche in termine di due hore, quali per paura presentarono di molte robbe et denari con argenti lavorati, et furono restituite, et carigate sopra un naviglio et mandate a Ragusa, et furono anche liberati detti nobili Ragusei

[1]) Metr. Sacra. T. VI, p. 2249—2252.

con tutti gl'isolani, eccetto alcuni pochi, i quali erano atti a remigare, i quali furono retenuti, come altri tolti all'isola di Calamotta e di Giuppana e da Ragusavecchia, con promessa di far loro buona compagnia e di pagarli. E scrisse alla Signoria una lettera amorevolissima condolendosi del caso sucesso senza sua comissione, et volontà et promettendo che nel ritorno suo da Levante piacendo a Dio avrebbe soddisfatto appieno tutto il danno fatto dalla sua gente. Il naviglio poi delle robe fù mandato allo Isola di Mezzo é ciascuno ripigliò le sue robbe.

1544. Nell'anno [1]) 1544, Panfilio Arcivescovo, venne a Ragusa al fin di Maggio, ma entrò in Città ai 11 di Giugno, che fù domenica delle Pentecoste. Al monastero della Croma stette 5 giorni avanti d'entrar nella Città sempre accompagnato da nobili, poi con barca venne alla riva delle Plocce, e sbarcato si vestì del Pontificale, dove vennero per incontrarlo con la processione tutte le religioni, alle quali seguitava il Rettore con tutto il minor Consiglio, qual incontrossi con lui appresso la Chiesa di S. Giovanni, et ivi salutandosi tornarono con esso verso la porta della Città dove all' entrare fù salutato dai soldati con schioppi, e dalle navi in porto con artiglieria, di poi venuti alla Piazza lo salutarono con artiglieria alla Doana, e così seguendo verso la Chiesa Cattedrale, dove l'arcivescovo lasciato il Rettore sulla solita sedia passò più oltre in coro, et ivi si pose a sedere. Dipoi fatte le cerimonie con l'orazione e divozione finita dal coro, s'assentò alla sedia solita appresso il Rettore alla man dritta sopra un scagno li posto, et per aversi riscaldato lasciò il piviale con tutti li paramenti d'adosso et ivi sedendo dal pubblico maestro di scuola in nome della Republica con una bella orazione in sermone latino fù ricevuto, comendandolo molto in quel suo sermone, e prima allegando la sua nobiltà, virtù e santità, dippoi diede lode et onore alla Republica e magistrato. Finita l'orazione fù accompagnato dal Rettore e Consiglieri al suo Palazzo et ivi pigliata licenza ogn'uno per sua via tornò a casa.

VIII. Отрывки изъ сочиненія Ser. Razzi: La Storia di Raugia.

La Storia di Raugia scritta da F. Serafino Razzi. Lucca 1595.
(Всего 184 стр.)

Fine del Libro Secondo.

Ma lasciando hora di più oltre dire delle cose più antiche di quella Illustrissima Republica di Raugia: e venendo alle cose moderne, e dei tempi nostri: e passando dall'anno 1547 di nostra salute all'anno 1570 diciamo che la bontà, e la cortesia dei Raugiei benissimo sperimento l'Illu-

---

[1]) Metr. Sacra. T. VI, p. 2321—2322.

strissimo, et Eccelentissimo Signor Marco Antonio Colonna, quando l'anno predetto 1570 del mese di Dicembre, tornando dall'armata cristiana, in cui teneva titolo di generale del Papa, cioè della santa e felice memoria di Pio quinto: e comandava altresì all'armata del Catolico Rè di Spagna: fù assalito da così gran fortuna, che non potendosi, ne con forze, ne con ingegno, o arte alcuna ajutare, scorse (essendo notte) con la galera sua, et urtò in terra, nel piccolo porto di Soburno, lontano dalla Città di Ragusa tre miglia. Imperochè i contadini, et habitatori di quella valle, consapevali dell'animo dei loro signori, et esecutori della loro pia volontà, senza guardare alla picolissima fortuna, corsero a gara ad ajutare sua Signoria Illustrissima et entrando nelle fortunose onde, con le loro forti braccia lo trassero fuori di quelle salvo, e sicuro al litto. Et havendo di ciò dato aviso al Senato in Raugia, subito di bella mezza-notte furono mandati alcuni gentil'huomini con cavalli: i quali l'istessa notte lo condussero, et accompagnarono in Raugia. Dove dimorando alcuni giorni, fù con molta cortesia, et amorevolezza trattato: e sovvenuto apresso di quanti per se, e per le genti gli facia di bisogno. Onde detto generoso Signore, e d'animo veramente e di sangue Romano, non cessò ma fino che visse di celebrare, in ogni occasione, che gli si porgeva, e di predicare i beneficj dai Raugei ricevuti, e di dimostrarsene ancora in ogni loco, opportunità grato. L'Ecellentissimo parimenti Signore Isforza Palavicino, Governatore generale degli eserciti Veneziani, può egli ancora far certa fede della cortesia, e benignità dei nobili Raugei. Imperochè separato per fortuna dalla compagnia del prefato Signor Marco Antonio, quella stessa notte, che fù alli 29 di Dicembre, scorse con tre galere, sotto lo scoglio della Croma, con evidente periculo di perire, e di fare naufragio: se detti Signori con indicibile charità non l'havessero soccorso, e salvato. Imperochè senza guardar alla gran tempesta del mare, et alla gran furia dei venti, i quali haveano cagionata la maggior fortuna, che mai ne per memoria si ricordasse ne per libri si legesse, esser istata nell'Adriatico golfo, tolte alcune grosse barche delle loro navi: e postivi sopra i più periti, che all'hora fussero nel porto, tra marinari, gli mandarono subito a soccorrer dette tre galere. E perchè non era possibile per all'hora tirarle in porto; le fermarono, e stabilirono di maniera con canapi, et ancore da loro portate (non essendo i loro propri arnesi bastevoli) che puotero, Dio grazia, resistere alla fortuna del mare, e salve conservarsi. Havresti veduto, quella notte, piene le mura della città verso il mare, et il litto d'ogni intorno di torcie accese, et altri luminari: acciò le galee in mezzo alla fortuna scorgessero dove si trovavano, e si sforzassero di non accostarsi ope fosse stato periculo di rompere, e fare naufragio. L'Illustrissimo Rettore parimente, et il minore consiglio, tutta quella notte stando insieme raccolti nel publico palazzo, vegliarono per provedere con sollecitudine, e commandare, e ordinare quanto faceva di bisogno, per mare e per terra, in salute e servizio di così nobili personaggi: E se bene per soccorrere altrui, sentirono detti signori Raugei, non mediocre danno alla loro Republica esser avvenuto, per la perdita che si fece da loro in quella notte, di due navi cariche di grano: tanto non dimeno fù l'allegrezza che hebbero d'havere salvati quelli Illustrissimi personaggi, che non segno de dolore, o mestizia alcuna, la mattina

nei volti loro si conobbe: ma tanta letizia, e tranquillità: quanta s'havessero detta notte conseguito, e fatto guadagno di qualche ricco tesoro. Cotanta suole essere la giocondità che dietro si porta, nelle persone magnanime il ben'operare. Le due navi predette perirono, perocchè essendo andati i loro più periti marinari in ajuto, e soccorso delle prefate galere, crebbe tanto la fortuna nell'assenzia loro, che rotte le gomine, e sorpate le ancore, le cavò fuori del porto, non ci essendo essi padroni, che le soccoressero, et alidendole, e percotendole al più vicino, e petroso litto, le ruppe, e fracassò con la effusione, e spargimento del grano, e con la morte d'un gentil'huomo, e di molti marinari.

Ma che diremo voi dell'animo invitto, e della pietà Christiana, dimostrata dagli stessi Illustrissimi Signori Raugei, quando quasi nei medesimi giorni, il magnifico Francesco Trono, con la sua galera, seguitato con molta furia da un Capitano di Corsali, e da molti vaselli di Barberia: non vedendo altra via di scampare, s'indirizzò con tal empito nel porto di Raugia, che rotte con la testa, e prua della galea, la catena di ferro, che serrano il ponto, dentro di quello si salvò. Ne volle il prefato Senato giammai concederla ai sopranominati Corsali, che per ragione di leggi loro, la richiedevano. Ma hora acquietandogli con buone parole: hora placandogli con humili preghiere: et hora spaventandogli con moderate minaccie; et alla fine saziandogli con i propri denari, per ragione di pietà Christiana, la salvarono: e sovvenero benignamente altresi di quanto a lei faceva di bisogno. E se bene dappoi ne patirono alcuni travagli, per le molestie poi date da quei barbari allo stato, et isole loro, e specialmente alla Badia, e monastero dei Monaci negri de S. Benedetto, nell'isoletta della Croma, essendo che i perfidi, e malvaggi la saccheggiassero, et in buona parte la rovinassero: non di meno sentirono sempre maggiore piacere di quella buon'opera fatta, nella salvagione dell'anime di detta galera del Trono, che di quale si volesse danno temporale, contra la volontà loro, seguito in detta isola, e scoglio della Croma. Narromi, non ha molto, in questo proposito un'amico, qualmente il Senato Raugeo, per mezzo degl'ambasciatori suoi si risenti in Costantinopoli appresso il Gran Turco, della insolenzia usata al detto monastero loro della Croma da quel Capitano de Corsali, Carocoscia, come vogliono alcuni, nominato: contra ogni dovere. Concio sia cosa chè nel porto loro si dia sicuro ricetto, e salvamento a chiunque (cosi Turco, come Christiano) che amichevolmente ci viene. E mi riferiva l'amico Raugeo, come il Gran Turco, ne prese tanto disgusto, che volle, in pena del delitto, et ingiuria fatta a caloro, che tributarj gli sono, e fedeli amici, che cotale Capitano fosse dato in potere degli stessi oratorii Raugei; acciò ne facessero quanto a loro fosse piacciuto. E qui anche si palesò, e conobbe meglio la magnanimità dei Raugei: e la destrezza insieme degl'ingeni loro: poscia che havendo havuto nell'arbitrio loro detto offensore della propria loro libertà, fattogli un'amorevole avviso di non più offendere gl'amici del suo gran signore, gli donarono la vita, e libero in pace ne lo mandarono. Nel qual fatto si conciliarono maggiormente la grazia del Turco, e provvidero insieme nell'avvenire ai casi loro. Peroche detto capitano fù poi sempre parziale difenditore dei Raugei: ne diede mai più molestia all'Isole, e territorj dello stato loro. Ma come potremo noi passare con silenzio

l'atto singulare di pietà Christiana, usato dalla Republica Raugea: quando ultimamente l'armata turchesca s'accostò alla loro Città? Imperoche intendendo come le galere di quella erano piene di schiavi Christiani di diverse età, così donne, come huomeni, presi per l'isole, e terre marittime, suggette ai clarissimi Signori Veneziani: e considerando quanto danno potesse risultar a quell'anime, quando fussero istate menate in cattività: spedirono alcuni gentil'huomeni, e li mandarono sopra dett'armata. Dove fatto una scelta di fanciulli, e di fanciulle, dell'erario proprio li riscattarono. E condotti nella Città, e distribuitigli per le più honorate case: a poco a poco gli vennero rimandando alle patrie loro. E molti ancora ne restarono in Raugia, per non si trovare che havessero padri, o parenti: e furono e sono nella vera nostra religione, e timor divino, quasi propri figlioli, bene istrutti, et allevati. In somma nelle passate guerre tra gl'infedeli, e christiani: e singolarmente in quella ultima tanto segnalata, la quale poi si finì il giorno di Santa Justina, tra Lepanto, e la Zeffalonia, l'anno 1571 alli sette d'Ottobre: quando ritrovandosi il mondo quasi in due parti diviso: e che stava ogn'uno sospeso aspettando chi dovesse il dominio, e monarchia di lui conseguire: Raugia sola se ne vivea di mezzo, spettatrice, et amorevole degl'uni e degl'altri. Di maniera che in detta Città (come in piazza comune, e come in sicuro rifuggio di tutti) s'essercitavano l'usate mercanzie, anzi maggiori che negl'altri tempi. Et a lei con somma concordia, e pace, venivano di tutte le nazioni mercanti: e quivi insieme conversavano attendendo ciascuno ai propri suoi negozii. Onde, in guisa d'una nuova Arca di Noe, Raugia all' hora si ritrovava in porto di sicurezza, ripiena di si variate genti, et altramente tra loro nimiche, e differenti di lingue, d'habiti, e di religione: mentre che fuori ogni cosa, dal di luvio (per così dire) della guerra, pareva che stesse per esser somersa: quinci la lega di tre si gran potenzie raccogliendo eserciti per terra, e per mare: e quindi opponendosi l'orientale tiranno, con non minore ardimento, e forze, e nella terra, e nel mare istesso. Non si può ancora non attribuire a grand'honore, di quella Illustrissima Republica, e Città, quello che poscia in lei si trattò dopo la lacrimosa per i Christiani perdita della Golletta in Africa. Imperochè desiderando l'imperatore de Turchi di rihavere alcuni sangiacchi, et altri suoi huomeni, rimasti prigioni delli Spagnuoli nella giornata di Lepanto; et il Rè Cattolico altresì bramando di riscattare intorno a sessanta nobili personaggi, rimasti in potere dei Turchi, nella sopranominata perdita della Golleta, e di certo nuovo forte, e balluardo fabbricato vicino a quella: tra i quali nobili personaggi singolarmente veniva nominato il Signor Gabrio Cerbellone, malagevole pareva che fusse il ritrovare un luogo comodo, sicuro, e comune agl'uni. et agli altri per fare detta permutazione. Ma come fù loro nominata Raugia, senza punto pensarla, amendue le parti, consapevoli della multa bontà, sincerità, e fede di detto Senato, accettarono benvolentieri il luogo. E così furono dall'una, e dall'altra parte, quasi in un tempo medesimo condotti i prefati prigioni; e fù fatta la sopranominata permutazione, senza disturbo alcuno; anzi con molta soddisfattione d'ambe le parti. Le quali soddisfatte, e contente dell'equità, et amorevolezza dei Raugei, alle patrie loro, allegre, e gioconde se ne ritornarono. Ma che diremo noi, passando dall'azioni comuni, e benefici niversali, all'amorevolezze, e be-

neficj particolari, che adoperano, e usano, i nobili Raugei, alli quali soli appartiene il governo della loro Città, verso i loro vasalli? Questo certamente possiamo voi affermare, per comune testimonianza di tutti loro, che non mai per tempo alcuno gl'anno fatto pagare, gravezza o imposizione veruna. E come nell'altre cose ancora, di maniera gli trattano, che si pare che gli siano piuttosto fratelli, che vasalli. Dio buono, con quanta prontezza, e sollecitudine gli provedono eglino di quanto fù loro di bisogno, et eziandio d'avantaggio? Imperochè sebene il paese è sterilissimo, concio sia cosa che, da vino in poi, non produca roba per un mese dell'anno, sempre non di meno viè copia d'ogni cosa necessaria. Conducendo eglino con danari dell'erario pubblico, sopra le proprie navi, d'Albania, di Sicilia, di Puglia, e d'altronde, fromento in abondanza, e dispensandolo poi mese per mese, con grand'equità, a chiunque v'ha di bisogno. E così dell'olio ne trajettano in tanta copia, che continuamente per tutto l'anno, se ne veggono sul publico mercato le botti a minuto vendibili. Di modo che se bene non hanno i nobili Raugei ampie campagne, che loro diano il grano; ne ameni colli, e spiagge vestite d'olivi in abondanza tale, che somministrino loro l'olio necessario: hanno non dimeno invece di queste cose, nell'ampiezza del mare tante loro navi. L'una delle quali tal'hora, senza esporsi al pericolo dei soverchi asciutti, o pioggie, o venti, o animali, o grandini, o altre cose, le quali sovente ne tolgono le riccolte della terra, porterà alla sua nobilissima, et perciò richissima Città, ducento, trecento, e mille carra di grano, o vero botti d'olio, secondo che farà loro di bisogno. Della copia delle carni d'ogni sorta, non accade parlare a lungo: ma basta di dire, che ella è tanta, sominiştrata dai propinqui Morlacchi, et da altri vicini popoli, tal'hora (siccome riferiscono) la pelle dell'animale stesso venduta, ha rin francato il prezzo di tutto l'animale. Dell'abondanza dei pesci ottimi, vi non sarà sospetti, sapendo Raugia esser per più della metà bagnata dal mare, che gran copia, e d'ogni sorta ne genera. I pomi d'ogni maniera sono dalle circonstanti ville, e giardini, eglino ancora in tanta copia prodotti prugne, fichi, poponi, mele, pere, et altri, che sempre la piazza, secondo le stagioni, di ciascheduna sorta ne' piena. Ma lasciando da banda queste cose minime, diciamo che non si trova forse oggi dominio, e Republica, in cui i vasalli siano con maggior mansuetudine retti, e governati, et in cui i Principi, e Rettori sostenghino, per beneficj dei sudditi loro maggiori fatiche, e pericoli quanto nel dominio, e nella Republica degli Illustrissimi nobili Raugei. O felice, e bene avventurata Città che sempre, dalla prima origine, e fondazione circa mill'anni sono, è perseverata Cattolica e divota alla Santa Chiesa Romana. E se bene ella è posta sui confini dei Maomettani infedeli: e de Scismatici Greci, non però mai alla d'alcuna macchia d'heresia, è stata (Dio grazia) infetta, o notata. Anzi sene sta nell'antica sua sincera religione, e fede, che da Tito discepolo di S. Paolo, prima le fu predicata. Ti benedica, e li prosperi sempre più la divina Maestà, Raugia mià, e ti conceda quanto brami, e desideri, nella sua accettevole grazia, et amore. E fino a qui, benigno lettore, abbiamo in questo secondo libro dell'istoria di Raugia, narrato con brevità, quanto progresso ella habbia fatto dall'anno 1400 fino ai presenti tempi, e quanto varie cose le siano avvenute, e come nostro Signore per grazia sua, e per intercessione dei

Santi di lei prottetori, l'habbia d'ogni male guardata, e conservata fino al presente giorno, libera, catolica, ricca, et amata, e riverita da tutti i buoni: e da tutti i principi rispettata, a favorita. Resta che hora, nel terzo libro, diciamo del suo sito, delle sue lodevoli usanze: del suo territorio, delle sue isole, e dell'altre sue grandezze et commodità. E sia benedetto il Signore Iddio nei doni suoi. Amen.

Libro Terzo.

Raugia, sola Città nella Dalmazia, oggidi libera: edificata sulla riva del mare Adriatico, et a pie di un altissima montagna; tiene, per mio avviso, sembianza d'una qualche Aquila, o altro Augello che stando coi piedi in terra, alzi amendue l'ali alla destra, et alla sinistra. Imperochè dalla porta orientale all'occidentale, che è la longhezza sua, ella è di sito piano. Ma al mezzo giorno, e verso il mare, come anche a settentrione, e verso il monte, ella di maniera s'erge, et innalza su per due coste, overo colline; che per via alle dette strade, e berghi distesi per lato su per amendue le coste, conviene ascendere, come per tante scale fatte di pietra. Vero è che la colina verso il mare, dove prima fù edificata la Città, è molto maggiore, e più popolata: che la costa verso la montagna. La figura sua, come dal soprastante monte benissimo si può comprendere, più al tondo ovato, che al quadro inchina. Et il porto, vicino alla porta orientale, pare, che con due quasi bocche di grauchio, per due baluardi, che quinci, et quindi lo guardano, venga serrato, oltre alle due catene di ferro, che perpetuamente la notte lo chiudono e quando anche faccia di bisogno il giorno. E bagnata Raugia, quasi per la metà del circuito suo dal mare. Le muraglie sue tutte sono di pietre quadre, con merli, et automurali, e fosse assai bene profonde, dalla banda di terra, e verso il monte. Al porto, cioè verso oriente, e le terre turchesche, tiene due fortissimi baluardi, e d'artiglierie munitissimi; e verso ponente, oltre a certi torrioni benmuniti, tiene sopra d'un altro scoglio un fortissimo Castello detto S. Lorenzo, in faccia della marina e guardia comodissima della Città. Fà Raugia (come dicono) intorno a 10 m. fuochi, onde donando (come si suole) a ciaschedun fuoco, almeno 3 anime, l'uno per l'altro, ella verrà a contenere intorno a 3 m. anime. Le porte sue continuamente sono guardate da soldati Ungari, e la notte altresì si fanno perpetue guardie d'ogni intorno per le mura della città dalla plebe, e dal popolo, a vicenda, e per vigilie. Et in certa loggia sulla piazza, sempre le notti fa soggiorno un corpo di guardia dei prefati soldati Ungari. I quali dal senato sono benissimo trattati, per la loro fedeltà, e sempre al mezzo del mese, tirano le loro intere paghe, e salarii. Gl'edificii, e casamenti sono oggidì, tutti quasi di pietre quadre, e molto commodi. Le strade sono tutte lastricate; e fuori delle due che conducono dal duomo alla piazza; e dall'una porta all'altra sono stretissime, di maniera, che incontrandosi tall'hora in alcune di loro, due gentildonne con quei loro portamenti ampli, e larghi, e con quei cerchi alle vestimenta da piedi, che anco oggidì s'usano in Italia, con difficoltà si possono dare il luogo l'una all'altra. Vi si vede ancora, andando dal duomo verso il monastero di S. Tommaso, una strada tutta coperta, essendoci sopra edificate case con le

loro testudini, e volte, onde quando accaggia andare per quella banda ad alcun morto, si lasciano tutte le croci alla piazza del Duomo, non si potendo per la basezza sua portare per quella contrada detta in lingua loro Postierna. Tiene Raugia pochissimi orti dentro alle mura; ma tutta è ripiena d'edificii. Fuori poi della Città, e sulla riva del mare, ella tiene di belissimi giardini, e palaggi, con fontane e boschi d'aranzi. Nel che pare che ella gareggi, e con Genova e Napoli, Città anche elle marittime. Il palazzo dell'Illustris° Rettore è molto bello, e magnifico, con una superba loggia davanti all'entrata, e sulla piazza: e con altre poi loggie, e bei vederi sopra il porto, e verso la marina: e con un capevole cortile, sul piano dell'udienza, del minor consiglio. E con una regia, et ampla sale del consiglio maggiore. Vedesi poco lontana da questo palazzo, sull'istessa piazza una chiarissima, et abondantissima fontana d'acqua dolce condotta, come altrove s'è detto dall'amena valle di Giunchetto. Et un'altra somigliante, anzi maggiore e più commoda per lavare, se ne vede alla porta di ponente: tutte due di molto ornamento, e di grand'utilità alla città et al popolo. Tiene Raugia 47 chiese; benche da 4 o 6 in poi, l'altre si possono più tosto dire capelle, o vero oratorij, che Chiese, essendo elleno picciole: ma imperò ben fatte, e ben'adorne. Sono in Raugia due soli Conventi di religiosi, uno di S. Francesco, alla porta di ponente, in cui stanno padri osservanti zoccolanti: e l'altro di S. Domenico, alla porta di levante in cui stanzano da 25 in 30 padri, pur'osservanti. Amendue sono belli, e comodi, con fontane, con giardini, o vero claustri d'aranci, con belle chiese, e con ricchi altari. I monasteri delle monache in Raugia sono 8: 5 dell'ordine di S. Benedetto, alla cura dell'arcivescovo, 2 di S. Francesco alla cura dei padri loro: et uno di S. Domenico governato parimenti dai padri di dett'ordine. Fuori poi della Città, e vicine, sono due badie di S. Benedetto negro, l'una nell'isoletta della Croma, in cui stanzano padri Italiani: e l'altra in terra ferma, e sulla riva del mare, detta S. Jacopo, habitata da padri schiavonii Et alquanto più lontano, fuori della città, verso ponente, sono due altr. conventi religiosi, uno nell'isoletta di Daxa de padri zoccolanti, e l'altro a Gravosa dei padri di S. Domenico. Non tiene Raugia hosterie, ne meno costumano i Raugei di alloggiare alcun forestiero nelle case loro, ancora che amico gli sia. Ma più tosto gli procacciano in casa apparata quanto gli bisogna. I passaggieri, che sono per lo più barcaruoli, dormano nelle loro navi. I religiosi vanno ai due conventi. I Turchi di bassa mano dormano fuori dello porto all'aria nuda, quando i tempi lo permettono: o vero in certe humili case, fatte per ciò fare dal Senato, quando siano i tempi contrarj. Ma i Turchi di conto hanno dentro alla Città, presso al Palazzo dell'Illus° Rettore un honorevole casamento: dentro di cui sono dal publico pasciuti. Come anche quando ci viene alcuno Ambasciadore di Principi Christiani, per Constantinopoli, o altri luoghi, è provveduto dal Senato di vitto, e d'allogiamento nel Convento di S. Domenico, in certe camere da basso, e separate dall'habitazione de frati. Dove i PP. di S. Francesco R. tengono, in quello scambio per tutto l'anno in certi loro magazzini, i migli et altri fromenti del commune.

Sono gl'habitatori di Raugia distinti in tre ordini, cioè in gentilhuomeni, in cittadini da loro popolani detti: et in plebei. I gentilhuomeni,

compresi hoggi dì in 29 casate, delli quali tre fatta menzione di sopra, et ai quali soli appartiene il governo della Città: vestano con mantelli longhi all'usanza di Firenze: ma imperò con berette tonde alla Veneziana. Dicesi dal volgo, che essendo iti a Firenze, per pigliare la forma del vestir loro, da quella Città: la presero quanto ai mantelli, ma essendosi scordati di pigliar la forma altresì delle berette, come furono a Venezia accorgendosene per non tornare a Firenze presero la Veneziana. I senatori non di meno di consiglio minore, in alcune solennità, vestono totalmente alla Veneziana, con toghe dai maniconi: et il Rettor Illustrissimo veste sempre di rosso, e di ricchi drappi; foderati l'inverno di pelli di martore, e di cervieri. Quando esce fuori di palazzo, va sempre accompagnato col minor Consiglio, i quali sono da dodeci senatori eletti per un anno: e lo precedono parecchie copie di ministri vestiti di rosso; e la musica di flauti, di trombe, et altri instrumenti. E tenuto il Rettore ad accompagnare ogni gentilhuomo, o gentildonna, che muria nel mese suo alla sepoltura con toga nera. E quando egli non possa, o per la vechezza, o per altro impedimento: manda in iscambio suo, uno del minor consiglio, con la toga nera da rettore e con tutte l'altre insegne sue.

Non attendono i nobili Raugei ad arte veruna; ne di seta ne di lana; come in qualche altra Città, per loro stessi lavorando: ma lasciando cotali esercitii ai Cittadini e popolani vivano per lo più di loro entrate; e di guadagni che facino tenendo parti sulle navi, e con coloro che di lana, e di seta lavorano. E facendo altresì venir mercanzie di Levante per Italia: e di quelle d'Italia rimandando in Costantinopoli, in Alessandria: per la Bosina, per la Grecia, et altri paesi del Turco per i quali tutti sicuramente traficano. I popolani poi, et i cittadini sono padroni di navi tengono botteghe aperte per diverse Città d'Italia: vanno in propria persona per l'altrui provincie a mercatantare, il che, se non dirado, fanno i Nobili. Non si vedono a Raugia tumultuose corti d'avocati, di procuratori, o di notarii. Non ruote di giudici, non palagio di podestà. Ma dall'istesso senato, ciascun anno, sono istituiti alcuni nobili, sopra le cause civili, et alcun altri sopra le criminali. I quali giudici, senza che siano dottori, secondo le loro leggi, e statuti senza tante spese che tal'hora si fanno in avvocati, e procuratori, risolvono il guisto e fanno il dovere a ciascheduno. E se diffetto alcuno tal'hora si cometterà in questo affare, nelle cause civili: perocchè nelle criminali come si può dalle narrazioni, nei precedenti libri fatte, sono più rigorosi e meritevolmente. Quando ocorra in Raugia, alcuna sedizione, o tumulto popolare, overo alcuno incendio sogliono comettere la guardia delle due porte principali ai due conventi a quelle vicini: cioè la guardia della porta di levante ai Frati di S. Domenico, e la custodia di quelle di Ponente a quelli di S. Francesco Zoccolanti: somministrando loro armi il Senato, e quanto fa di bisogno. E la guardia della porta che conduce al mare et al porto, viene comessa ai Reverendi Signori Canonici del Duomo, e loro Clero. E così attendendo i Religiosi alle predette custodie rimane più libertà ai nobili di provvedere, e di socorrere nell'altre parti della Città a quanto faccia di bisogno, per sedare e quietare i tumulti, e custodire la loro Città da tradimenti.

Come habiamo tocco et accenato di sopra, Raugia per sua cortesia, e

liberalità dona ricetto, e lautamente pasce quanti Ambasciatori di Principi passano per lei. E similmente, quante galere Vineziane vengono fuori, e davanti al porto loro (che dentro essendo armate non le lasciano entrare) sono dal Senato presentate, di certo numero di scatole, e di candele di cera bianca: d'un castrato, o due, e d'alcuni fiaschi di vino: e più o meno cose, secondo la qualità dei personaggi che sopra vi navigano. Il R. P. Don Eusebio Caboga, pure gentilhuomo Raugeo, e monaco dell'istesso ordine S. Benedetto: Padre di santa vita, d'ottime lettere, il quale altresì scrive queste istesse istorie di Raugia, ma latinamente, e come io avviso con altr'ordine.

Somma di tutta l'entrata comune et ordinaria della Città di Raugia, secondo un computo, non moderno ma antico: contenuto nelle sottoscritte quattro somme, cioè:

1. Dall'entrata di Raugia ducati	39.765
2. Dall'entrata di Stagno ducati	1.830
3. Dall'entrata di Canali ducati	560
4. Dall'entrata del Sale di Stagno ducati	15.900
Ella vera a essere di . . . D.	58.085.

Se bene si è raccolto, e secondo (come si è detto) un computo antico.

Tutta l'uscita annuale, secondo un computo antico è di ducati trentasette mila, dugento novanta: onde sarà maggiore l'entrata, intorno a venti mila ducati.

Dessi nel primo luogo notare, come quanto da noi qui si è scritto intorno all'entrate, uscite annuali della Città di Raugia, tutto si è retratto dalle memorie fatte della sua Città, dal Signor Nicolo di Ragnina, Gentilhuomo, e senatore di nominanza, il quale, non ha molt'anni, che in buona senetù, e molto meritevole della sua republica, se ne andò a miglior vita.

Deesi nel secondo luogo notare, come per mio avviso, non annoverò, ne pose nel suo libro, il Signor Nicolò prefato, tutta l'uscita intera, ma solamente le principali partite. E per darne un esemplo, egli non disse cosa alcuna della condotta, che si fa ciascun anno, d'un predicatore d'Italia per la Chiesa Cattedrale, il quale incomincia per ogni Santi, a predicare tutte le feste e poscia la quaresima ogni dì nel qual condotta deve il Senato spendere intorno a trecento ducati.

Terzo è da notare come altresì il Signor Nicolò pose in quel suo computo dell'uscite annuale alcune spese, le quali oggi non sono nella Republica Raugea come (esempli grazia) la spesa dei quatro mila ducati, nella milizia nuova: la quale come io stimo, dovette essere nel tempo della lega dei Principi Christiani contro il Turco, intorno all'anno 1570 quando la santa memoria di Papa Pio V a richiesta delli istessi signori Raugei mandò loro il Signor Saporosso Matteucci, colonello, a guardia della città loro: che in detto tempo mantenendosi con buona grazia dambedue le parti neutrale: et agl'uni et agl'altri dava nell'occorrenza sicuro ricetto.

Quarto è da notare come dell'entrate parimente, alcune oggidì sono mancate se non in tutte almeno in buona parte: come quella dei dieci mila ducati nel calisee d'Inghilterra: le quali non ci vengono più, se non con

gran pericolo, e risico, per cagione della guerra, tra gli Spagnuoli et Inglesi e rappresaglie, che fanno gl'uni all'altri, e come altresì del dazio delle robbe d'Alessandria: le quali dopo chè i Christiani persero Cipri, non ci vengono così frequenti come prima facevano.

Quinto è da notare, e faremo fine a queste narrazioni, col divino ajuto, come il presentare il tributo annuale al Gran Turco, si come da due gentilhuomini, (cioè più volte cotal carici dalla loro Republica hanno havuto) mi è state riferito, usano di dire queste parole formali cioè: Felicissimo, Potentissimo, Invitissimo Cesare, Patrone dall'Oriente all'Occidente, siamo venuti Ambasciatori mandati dal Signor Rettore e Gentilhuomeni di Raugia, con il tributo solito. Il quale habiamo consegnato alla vostra felice Porta, appieno e senza mancamento alcuno. Preghiamo Iddio per la vostra lunga vita, e felice stato. E che vi siano raccomandati il Signor Rettore, e Gentilhuomeni Raugei, veri affezzionati tributari e divoti servitori della Subblimità vostra.

Dicono queste poche parole in lingua propria schiavona e lo interprete, che l'anno 1588 sicomme riferirono gli stessi ambasciatori, era un giovane Luchese, le interpreta e dice al Gran Signore in lingua turchesca; e senza aspettare altra risposta, perrochè non la danno con parole, ma solamente col fare alcun segno con la testa, fatte le dovute riverenze, senza mai voltargli le spalle, se ne escono fuori della camera di lui. Ne si ricordano, che mai alcuno dei gran Turchi habbia risposto parola, se non Solimano, avo credo di questo, o bisavo, il quale disse una volta sola, in tutto il tempo che egli regnò (ista bene). Narrano come prima che siano amessi all'audienza, e presenza di lui, egli fa loro fare due vesti di veluto, fino in terra: e di quello poi vestiti, che loro sono, entrano nella camera imperiale di lui, tutta di finissimi tapeti coperta, quanto al pavimento, e con uno poi richissimo frangie d'oro sopra la tavola che gli sta d'avanti, essendo le pareti, tutte di detta camera nude di panni, e di cortini: e solamente dipinte d'istorie, e gesti dei famosi huomini, et heroi di casa Ottomana. Et agguingono, come con gli Ambasciatori Raugei non usano quei Ministri, e camerieri, sotto specie d'honore, vietando che non facessero violenza alcuna al loro gran Signore, et insieme riccrcando se havessero arme alcuna offensiva, copra di loro ascosa. Ma confidando nella bontà loro lassiano entrare alla libertà. Ese il Gran Turco si degna tal hora di dare a basciare la mano egli non la da se non coperta dalla veste propria. E quando occorra trattare cosa alcuna, con detti ambasciatori, la tratta per mezzo d'alcuni de suoi baroni, overo Bascia. Partano detti Ambasciadori che portano il tributo ordenariamente del mese Aprile, dopo la Pasqua, e sogliono ritornare del mese di Novembre onde si trattengono in Constantinopoli molti mesi. L'anno 1587 alli 19 di Novembre si ritrovò autore a vedere dopo il vespro entrare nella Città li due ambasciadori che ritornavano di Constantinopoli. Precedeva un Gianizzero sopra d'un bel cavallo turco, seguitavano i due Ambasciatori a copia, su due cavalli con covertine di drappi turcheschi e dopo loro molti servi tutti a cavallo, vestiti alcuni di paonazzo et alcuni di rosso, con 4 o vero cinque banderuole, sopra certe lunghe haste, con molto popolo dietro. Furono condotti in Senato dove riferirono in pubblica audienzia, quanto loro ocorreva da dire in comune, riserbando

l'altre cose al Consiglio minore. I cariaggi e l'altra gente minuta, con alcuni schiavi da laro, secondo il solito liberati, furono condotti in certo luogo, fuori della Città, acciocchè quivi facessero la quarantana per la suspizione che vi era di peste. Qual gianizzero è dato loro di mano in mano, dai governatori e sangiacchi delle Provincie, quanto all'andare tanto al tronare, per guida, guardia, e sicurezza nel lungo viaggio di 25 o 30 giornate, che fanno per terra turchesca, fino in Constantinopoli. Viaggio più breve assai, che non sarebbe a ire per mare, dove si costeggia la Macedonia, l'Albania, e la Grecia tutta, e si naviga tutto l'Arcipelago, cammino più lungo e più pericoloso.

IX. Chroniche di Ragusa. Opera di Giugno Resti Senatore di Ragusa.

(Ms. № 243.)

1358. Ma sopra [1]) tutto si crearono quatro Ambasciatori per andare dal Rè Ludovico in compagnia d'Elia Saraca Arcivescovo di Ragusa, e furono Pietro Ragnina, Giov. Bona, Giov. Pietro di Gondola e Giov. di Cerva. Questi partiti da Ragusa, et arrivati in Vissigrado, dove trovarono quel Rè con tutta la Corte, ebbero l'udienza, e trattarono con esso, e con li ministri in ordine alle commissioni per aver la protezione di quel Regno, e dopo d'essersi convenuto di tutti li patti alli 11 di Maggio fù radunato in presenza del rè Ludovico il Consiglio Generale del Regno d'Ungaria, nel qual intervennero Nicolò Arcivescovo Collocense, Cancelliere, Segretario del Regno Stefano Vescovo Netriense, Pietro Vescovo Bosinense, Vladislao detto Vesprimiense, e Tomaso Vescovo Sirmiense, Nicolò Palatino d'Ungaria, Andrea Voivoda di Transilvania, Giovanni Knis Bano della Dalmazia e Croazia, Saustacchio Bano di Slavonia, Maestro Zivanni, Maestro Tomaso Regis, Maestro Nicolò, Maestro Privesci, Maestro Gio. di Neleta, Maestro Nicolò di Sacz, e Maestro Gio. de Palatisch, tutti dottori di legge e consiglieri attuali del Rè. Ivi introdotto Elia Arcivescovo con li quattro Ambasciatori giurarono non soli essi in nome della Reppublica, e di tutto il popolo di Ragusa, ma anche il Rè con tutto il Conseglio in nome del Regno d'Ungaria alli S[ti] Evangeli d'osservare, ed adempire con punctualità e fedeltà tutti li patti, et convenzioni fatti, le quali dal secretario furono lette ad alta voce, nel preambolo si conteneva che il Ludovico Rè d'Ungaria, e la Republica di Ragusa, non indotti non istigati da alcuno, ma di loro vera buona, e gratuita volontà, per trattato libero fatto, e conchiuso s'obbligavano osservar li seguenti patti della Republica di Ragusa: sia sotto la clientela di Ludovico e del Regno d'Ungaria, e del figliuolo del Rè, che doveva ereditar il Regno, e in mancanza dei suoi figliuoli, del suo nipote figliuolo del Duca Stefano suo fratello; che al Rè presente et alli suoi suc-

---

[1]) Libro VI, p. 177—179.

cessori nel Regno si abbino a cantar le lodi nella Chiesa Cattedrale di Ragusa tre volte l'anno; che per segno di clientela la Reppublica si serva dell'insegne e vesilli regii tanto per terra che per mare nelli navigli; che volendo il Rè Ludovico o qualcheduno de suoi successori entrar nella Città di Ragusa, la Reppublica sia tenuta riceverlo con cento persone, e darli due pranzi e due cene; che la Repub^{a} sia obbligata dar al Rè ogni anno J. 500 d'oro; se il Rè facesse armata marittima, la Repub^{a} debba dar a spese proprie da trenta galere in su, una galera a servirlo per tutto il tempo, che l'armata del Rè galere regie stesse in mare, e pure se il Rè facesse armata delle galere in Dalmazia a spese di quelle Comunità, li Ragusei in tal caso siano tenuti dare ogni decima galera; che il Rè Ludovico con tutto il Regno, sia diffensore della Republica di Ragusa contro tutti, che volessero molestarla; che il Governo della Città e Stato di Ragusa tanto in terra ferma, quanto nell'isole in qual si voglia modo e con qual si sia titolo ora posseduto con l'entrate d'essa Città, e Stato siano in podestà assoluta delli patrizii a regger, governare, comandare, disporre liberamente, et ad arbitrio delli predetti Patrizii secondo le proprie leggi; che il Rè Ludovico, con il Consiglio del Regno, debba confermare tutto quello, che la Repub^{a} possedeva in terra quanto in mare; che se alcuno Ungaro avesse liti con alcun Raguseo e Raguseo con Ungaro, l'attore sia tenuto andar cercar il Giudice, et il Foro del reo, eccettuato, se li Contraenti si trovassero nel luogo dove fosse celebrato il Contratto, perchè allora l'un' e l'altro sia tenuto risponder inanzi al guidice di quel loco, a riserva però che queste cose non debbano servarsi nelle città della Dalmazia, in terra di Chelmo, Bosina, e Zenta con li quali la Republica aveva certi patti speciali convenuti con quelle città, e provincie dell'antichità; che se il Rè Ludovico avesse discordia col Re di Rassia, e con i Veneziani, li Ragusei possano liberamente praticar con le loro mercanzie tanto in Rassia, quanto in Venezia, e similmente li sudditi di quelli a Ragusa. Il contenuto in questi Capitoli tanto il Rè col regno d'Ungaria, come la Republica di Ragusa dover avere perpetuamente tutti e singolari, rati, grati, fermi, tener osservar adempir e non contrafar. L'istrumento di questi patti fù fatto, e segnato nel mese di Luglio del medesimo anno fù portato a Ragusa da Pietro Vescovo di Bosina, nunzio regio, dove in presenza sua fù giurato d'osservarsi da tutto il governo con grandi solennità et il nunzio avendo adempito quanto gli era concesso, partì via di Stagno accompagnato da quattro Nobili a tal'effetto destinati dal Senato.

1373. Aveva [1]) la Republica mandato ambasciatori in Ancona per confermar gl'antichi patti, ma il Cardinal di Bologna, che era allora legato Apostolico non permise, che si confermassero per sempre, ma a tempo, la qual cosa seguì colla volontà di questa Comunità li cittadini della quale ricercarono l'ambasciatori a riferir alla Republica, che essa Comunità procurerà li patti siano fermati, per un tempo indeterminato, purchè la Repub^{a} da parte sua operi al fine proposto, il che essendo alli Ragusei molto a proposito pregarono il Rè Lodovico scriver lettere di raccomandazioni per il Pontefice, per legato di Bologna per Guglielmo Cardinale, come fece, e

[1]) Ibid. p. 203—206.

le mandò con Natale Vescovo Buduense, con ordine, che per tal fatto potesse trattar a nome suo con che fosse di bisogno, e ciò con buon successo, perchè per mezzo di questo prelato li patti furono confermati dover durare in perpetuo senza prescrizione di tempo. Ma se in un paese s'ampliava il commercio, v'eran di quelli, che in altra parte procuravano scemarlo alli Ragusei. Li Veneziani quatro anni inanzi avevano proibito, che li Ragusei a Venezia, non potessero, ne vender le proprie robbe alli forastieri ne da questi comprare, ma debban fare tutti li contratti con sudditi Veneziani, la qual cosa era contraria all'antiche consuetudini tra Veneziani e Ragusei, e di più dopoche questi licenziarono il Conte Veneziano, quel Governo non osservando il privilegio, come si disse, dato a Ragusei, esser riconosciuti come Cittadini di Venezia. Avevano imposto nuovi dazii per li Ragusei soli, e non ebbero curta la vista, perchè con ciò restrinsero il commercio alli Ragusei, giacchè a questi non compliva mercantare e l'ampliarono alli propri sudditi, perchè loro non pagando niente a Ragusa in conformità degli antichi patti, avevano il comodo di estraer le proprie maniffature per via di Ragusa con tanto vantaggio senza ingerenza d'altra nazione, e da ciò provenne che una gran quantità di mercanti Veneziani concorresse a Ragusa con fare un infinito traffico di quella nazione, ma il Senato di Ragusa non vegliando sempre con attenzione pari al dovero indagava le maniere più proprie per dilatar il commercio delli propri Cittadini, stimò bene di far una legge, che a Ragusa li forastieri tra di se non possano negoziare, ne far contratti sotto pene gravissime, stimandosi questo uno mezzo per risponder con adeguate proporzioni alle novità Veneziane, e per rifare con usura il danno, che si pativa nell'allontanamento delli mercanti di Venezia. Ricevettero male i forastrieri questa innovazione, e li mercanti Veneziani subito notificarono a Venezia, quel governo scrisse a Ragusa, che molta maraviglia la legge ultimamente fatta a Ragusa gli avesse apportato quale ogni un s'aggravava, per ciò era ricercata la Republica restar contenta di rivocare e ridurre il negozio alla pristina libertà e che li sudditi Veneziani commoranti a Ragusa, e quelli che per passo andassero, fossero bene ed onoratamente trattati. La Repub[a] subito per risposta diede un manifesto delle proprie ragioni fatto in forma di lettera diretta al Governo di Venezia: che a Ragusa tutti li mercanti forastieri, e particolarmente li Veneziani erano bene ed onoratamente trattati, come anche per il passato sempre s'è fatto, ma che circa la nuova legge non s'è potuto far dimeno per la conservazione, et augmento della Città, e Stato di Ragusa, con tutto che sino a quel tempo sia stata libertà ad ogni uno di negoziare, come meglio li pareva, il che s'era scoperto molto dannoso, e pregiudiziale alli Cittadini di Ragusa, che però di necessita bisognava venir a una tale proibizione, la quale essendo fatta comunemente a tutti li forastieri, era pregato il Dominio Veneto conpiacersi non aggravarsi d'una legge ne lamentarsi di quello, che in una Città libera, licitamente e giustamente s'è potuto fare tanto più, che nella stessa Città di Venezia si trovano simili et altri ordini più stringenti, e di continuo si fanno nuovi e riforman li vecchi per conservazione del bene publico e la Republica di Ragusa non aver potuto fare cosa migliore che pigliar per norma del proprio Governo il metodo tenuto da un Senato prudentiss[o] e giustissimo come è riputato quello di

Venezia. Non s'acquietarono li Veneziani di questa risposta, e come si riputavano per potenti a raguaglio de Ragusei volevano che dalli stessi offesi fosse portato rispetto alli loro interessi per ciò terminarono di levar totalmente il negozio alli Ragusei e lo pubblicarono il giorno della vigilia del Natale, con un bando, che sotto gravissime pene li Ragusei non possano estraer da Venezia ne introdur alcuna sorte di mercanzie. Ciò intesosi a Ragusa, e quanto il Governo Veneto aveva operato, parve alla Repub[a] far il medesimo, onde nel gennaro seguente fù terminato, che passato quel mese Veneziani non possano portar a Ragusa, ne estraer effetti di questa Citta sotto pena di contrabando tanto al Veneziano quanto a qualsivoglia persona, che con lui avesse fatto mercato, e perchè li Veneziani mostravano tanto odio contro di Ragusei per esser questi confederati con Ludovico antico lor avversario, la Republica portò le sue doglianze a quella Corte, e scrisse lettere al medesimo Rè ricapitateli per mezzo di Biagio Radorano proprio Cittadino e di poi per mezzo d'Andrea Gondola Cavaliere del Spron d'Oro, e di Pietro suo fratto ambidue favoritissimi e molto amati dal Rè. Li Veneziani non potendo tollerare d'esser ribattuti dalli Ragusei con tanto spirito e vedendo che questi in cambio di domandar perdono avessero preso la massima di ricever piùtosto che dar soddisfazione, non mancarono di travagliarli, e cercar modi d'opprimerli, sapendo che li Ragusei per il passato avessero avute discordie con Altomano, e con li Cattarini, e questi con li Balsi, immaginarono di poter facilmente indur quelli baroni in una lega, però mandarono alcune galere con un Ambasciatore alli Balsi, et al'Altomano per trattar a danno de Ragusei proponendo venir con l'armata delle lor galere, e li Balsi, e l'Altomano facendo un esercito per terra unitamente assaltar Ragusa e Cattaro sperando, che con facilità si sarebbero espugnate, se gli uni per terra, e gli altri per mare le combatessero, et esse espugnate, Cattaro con le sue dipendenze dovesse restar alli Balsi, Stagno e Ponta all'Altomano, e Ragusa con li vecchi territori alli Veneziani. Ma perchè li Ragusei per li molti interessi, che avevano in quelle due corti avevano fatti molti confidenti nell'istessi consigli di quelli baroni appena promossa la proposta furono notiziati di tutti li sentimenti Veneti, e la Republica subito lo fece sapere al Rè d'Ungaria, il quale scrisse lettere pressanti a quelli due principi, protestando che ad ogni piccola mossa lui in persona sarebbe venuto con un esercito per difesa di quella Città, onde che pensassero bene non far con il Veneziani trattati contrari alli di lui interessi. Tanto fù bastante per convolger tutta l'idea Veneziana, perchè quelli baroni non volsero imbarazzarsi in un trattato con li Veneziani dal qual dovessero ricever danno sicuro, e nessuno guadagno, e la Repub[a] volendo assolutamente esser sicura di non avere che temere dalla parte del mare s'industriò tanto, che ridussi Giorgio Balsi venir personalmente a Ragusa, e siccome tutti li Slavi nell'amicizia hanno il cuore bubrico, non fece misterio di comunicar al Governo quanto dalli Veneziani s'era ideato a danno della Republica, e di quanto era stato ricercato, e di poi con un trattato solenne confermò gl'antichi patti stati fra la famiglia di Balsi, e la Repub[a], e fece nove convenzioni per confermare sempre maggiore l'amicizia, con che il Senato dalle di lui procedure restò contento.

1389. Fece[1]) un trattato con li Corzolani, che poi non trovo per qual causa non avesse avuto l'effetto, promettendo li Corzolani prender per Conte suo un nobile di Ragusa a loro beneplacito et elezione, che il Conte abbia quattro servitori, il suo salario sia di J. 300 d'oro l'anno pagatili in tre rate dalle comunità di Curzola, e le regalie, e li terreni attinenti al Contado siano d'essa comunità, che essa possa far statuti con onore e buon stato della Rep^a^ di Ragusa, che ogni volta che la Repub^a^ armasse una galera, li Corzolani siano tenuti dare vinti uomini al remo, e da una galera in sù, uomini trenta a soldo loro, ma il vitto li debba esser somministrato dalla Republica come gli altri, che occorendo alla Republica mandar gente della Città o dalle isole a Stagno li Corzolani siano tenuti mandar trenta uomini a spese loro, ma se fossero li trenta nelle galere nel medesimo tempo siano obbligati mandare soli dieci, che la Repub^a^ sia tenuta levargli d'ogni angaridio della Corona d'Ungheria, e che loro siano sottoposti con fedeltà alli Ragusei, che li siano conservati gli ordini, et usanze civili e criminali, che siano trattati benignamente nel stato de Ragusei, e fuori in comprar, vender, e mercantare, e tutte l'altre cose, come li propri Cittadini di Ragusa, e che loro siano con li Ragusei il medesimo, che siano sovvenuti di Biade, come Cittadini, et isolani, che siano ajutati, e difesi d'ogni gente secondo il potere, e forza ragionevole della Reppublica.

X. Отрывки изъ сочиненія Игнатія Джіорджича:

Rerum Illyricarum sive Ragusinæ historiæ

Pars P^a^ Liber II.

Vetus Illyriorum Piratica.

Cap. I.

Peracturus de ingenio moribusque veterum Illyriorum, nollem sane qui legerit, requirat in antiquissima gente, bellisque et contentionibus obstinata, cultiorum temporum animos, eisque merita exigat, ad normam severæ virtutis. Fatum fuit iis sæculis contigisse, quibus cruda mens, et immanis corporum vigor in pretio: leges, modestia, æquitas, liberalia studia ignava habebantur. Græcia tum temporis effera maximam partem, atque impolita, et peregre tantum per latrocinia celebris, ea parricidia, incestus et scelerum portenta ludebat, quæ etiam nunc horremus in scenis. Ast ubi saevo

[1]) Libro VII, p. 227—228.

tandem externa mitiori commercio junxit, ac undequaque collectas, egregias artes in semet transtulit, auxitque; tum enim vero, receptis Græcorum Coloniis, non parum eruditæ barbaræ nationes, atque in primis Italia: verumtamen a natura, atque a diutino usu insitam ferociam, brevi ac penitus dediscere non potuerunt. Diu primæva feritas mansit, nec nisi per modicos gradus expulsa est. Omne in ferro gentium jus, fortunæque, quas gladio fecissent. Certare, vincere, exuvias referre, prædas evertere, nobilitas putabatur, meliorque erat qui fortior. Romanorum utique Aborigines hujusmodi virtutem, moremque jactant verbis Remuli Maroniani [1]):

Canitiem galea premimus; semperque recentes
Comportare juvat prædas, et vivere rapto.

Sed omnium præclare in rem nostram Thucydides: [2]) *Et Græci* (inquit) olim et Barbarorum *quicumque in continente maritimi erant*, *quique insulas incolebant*, *ubi cœperunt crebrius alii ad alios navibus transire*, *ad latrocinia conversi sunt*, *Ducibus non tenuissimis...... Atque adorti urbes muro vacantes, vicatimque habitantes diripiebant*, *et maximam victus partem hinc comparabant*: *quod illud opus nondum pudori esset*, *quinimo gloriam quandam afferet.* Itaque (signa illo quo grassandi ratio laudi ac gloriæ data est:) multo quidem in cæteris eminebat *Piratica*, sive ardor ille et audacia, levibus navigiis in remota littora, et exigua classe in vastissima regna inferendi raptus, vincula, terroresque. Profecto Jupiter, ac Neptunus hac arte divinitatem promeruisse feruntur, et trecenti alii quorum involuta fabulis facinora in cælum extulit vetustas.

Satis constat, Piratica apprime valuisse Illyrios, toto Adriatico Ionioque mari, atque ultra Peloponesum classibus discursantes, nec littoribus modo, sed clausis quoque urbibus formidolosi. At postea quam triumphato Gentio rege, in Provinciam a Romanis redactum est, non paucis jampridem Græcorum oppidis consitum Illyricum; cultioris gentis commercio, ac studiis accedentibus, quam cito damnata barbarie ferociaque in meliorem ritum effloruit. Ut palam esset, non indolis, sed temporum vitio fuisse imputandum, quod bellicosa ingenia, animique mortis contemptores, impotenter sese atque immodice agendo, in quandam speciem feritatis desciverint. Schimni Chij (qui sub eam ætatem nempe ad annum V. C. sexcentesimum, ante Chr. centesimum fere et quinquagesimum scripsit) testimonium habe [3]).

Terras deinceps adjacentes proxime
Illis Pelagones et Liburni possident....
Porrecta deinceps Illyris quamplurimas
Gentes coercet: nam frequentes admodum
Extare turbas hominum in Illiride ferunt.
Pars obtemperat regiæ potentiæ,

---

[1]) Virg. Aen. Lib. IX, vers. 612—3.
[2]) Thuc. in Procm. interp. Valla.
[3]) Schim. in Not. oræ mar. interp. Holfren.

Pars legibus ajunt suis. Piissimos
Eos, ferunt, justosque et hospitibus bonos
Civilem amare societatem maxime,
Studere vitæ ac moribus cultissimis.

Verum non inique crediderim Schimnum loqui duntaxat de gentibus in ora maritima constitutis. Nam et ipse et instituta navigantium, littorales regiones....... in suo Periplo seu........ describit, et interiora Illyrici ex Annalibus liquet tardius exuisse barbariem: ferocissimis accolarum Pannonibus [1]), Thracibus [2]), Dardanis [3]), in finitima gente retus (?) suos, atque exempla miscentibus.

Itaque si qui forte Scriptorum citeroribus sæculis Illyricum, Dalmatiamque barbaram appellavere, id vel per imprudentiam (nam qui nisi temere, plusquam viginti Romanorum, totidem Græcorum Coloniis cultam Provinciam eo convicio notassent) vel de mediterraneis tantummodo partibus dictum accipe: vel Illyrios ideo barbaros interpretare, quod Græci non essent. Sic Plautus [4]) Romanum Poetam Nævium, sic semetipse barbarum dixit. Sic contermini cognatique Illyriorum Macedones Romanos palam barbaros apud Plutarchum indigitant. At vero putidi sunt, ne quid asperius dicam, Vagenscilius, aliique adversus Fragmentum Petronii in Urbe Illyrica Tragurio circa An. Dni. MDCLXIV repertum, obtrectatores, qui hodiernam etiam Dalmatiam barbaram editis libellis deblaterarunt: quibusque semet nuper sucrenturiavit (?) nescio quis *Peniculus*, vel *Saturio*, *Christiniados ascaules* (?) in luculento quodam Epigramatum libro interque Appollinis execrationes evulgato [5]).

Illyrios *feroces* Salustius, et Vellejus: *bellicosos*, Thucydides, Cicero et Livius ajunt: at Octavianus Cæsar, vires eorum animosque non uno ipsemet discrimine periclitatus, præ ceteris gentibus *bellicosissimos* prædicat apud Appianum. Piraticam plerosque eorum strenue privatim exercuisse, apertum est. Terrestribus præterea incursionibus assuetos, Thracibusque non dissimiles fuisse, tum Polibius innuit, tum Curtius docet, ubi: *Illyrios* (ait) *et Thraces rapto vivere assuctos (Alexander cum Dario ad Issum congressurus) aciem hostium auro purpuraque fulgentem intueri jubebat*, *prædam, non arma gestantem. Irent et imbellibus fæminis aurum viri eriperent* [6]).

Sed enim, tametsi prædando atque invadendo insueverint, eorum in ipsis olim privatis latrociniis fidei quædam species, et in dividendis pro portione praedis distributiva, quam vocant justitia, non sine aliqua laude (præ Græcis ac reliquarum gentium prædonibus) memoratur. In exemplo est Bargulus, e gente *Parthenorum* [7]) vetustissimus latro: cujus opes non tam

---

1) Ora Bosnesi.
2) Bulgari oggidi.
3) Al presente Rassiani.
4) Plaut. in Asin. Id in trinum. Pomp. Festus. Plut. in Pyrr.
5) Capellarius in Epigr.
6) Salust. in Frag. Vellei Volum. post. Thuc. L. IV, Cic. lib. V, Epist. Liv. lib. XLIV. Octav.-Aug. Apud Appian. in Illyr. Polyb. in Frag. Curt. Lib. III.
7) Popoli ora nello stato di Ragusa, dei quali son parte gli abitanti del monte Bargulo oggidi Bergatto.

armis, quam hujusmodi aequitate comparatas memoriæ prodidit Theopompus Chius, et ex eo Cicero [1]), dum inquit: *Quin etiam leges latronum esse dicuntur, quibus pareant, quas observent; et Bargulus Illyricus latro, de quo est apud Theopompum magnas opes habuit et multo majores Viriatus Lusitanus..... Cum igitur tanta vis justitiæ sit, ut ea etiam latronum opes firmet, atque augeat, quanta ejus vim inter leges, et judicia et instituta Reipub. fore putamus?*

Opportunis legibus prædandi licentiam temperasse, nil mirum fuit, quando quidem plerasque eorum incursiones, bella potius, privatim de illius ætatis more gesta, quam latrocinia censeri decet. Facultate a regibus accepta, privati duces magnis classibus, nec exarmatos, ac rapinis expositos mortales, verum prævalidis oppiis metuendos, clausos munitosque invadebant, contenti, ut videtur, si successus deesset, retulisse famam non vulgaris incæpti. Ne vero, ut bella sint justitiam et fecialium jura exigas: etenim raro illa tempestate (sicut e scriptoribus passim constat) susceptæ ex justitia expeditiones, sed bellica plerumque fraude, ac præterea inuita sævitia, avaritia, libidine conficiebantur: bellumque non nisi institutis aliquod militaribus gubernatæ multitudinis latrocinium fuit.

Duo Illyriorum facinora ad manum sunt. Polibius [2]) alterum, alterum Pausanias [3]) narrat. Ingens classis in Corcyreos et Peloponesios ibat. Pars ex itinere Dyrachium digressi, conjurant e vestigio nobilissimam, ac copiosissimam urbem per insidias capere; nam etsi in Illyrico sita, suis tamen legibus et libertate vivebat. Proinde portum subeunt, se commeatu defectos simulant, cibaria sibi praetio dari, et quam natura communem fecit omnibus, aquam rogant; si noti compotes fierent, confestim, longeque abscessuri. Annuunt Dyrachini et modo arma ne deferant, urbem ingredi, et quæ libitum esset, prolato argento comparare patiuntur. Nec mora plurimi oppidum ineunt aquatores; et ubi ventum intra mœnia, nudatis repente ensibus, quos in aquariis vasibus occultaverant, insiliunt, trucidantque custodes, porta potiuntur, accurentes e navibus socios admittunt, magnamque partem mœnium occupant. Cives, quorum primo percuterat animos . . . . paucorum adeo vasta tentantium, et inopini facinoris successus, ubi se tandem collegere, statim in unum conglobati magno impetu pro aris, focisque pugnant. Ultima desperatione inflamatos, turmatimque ruentes in ferrum, non sustinuere Illyrii, sed mænibus impune egressi, soluta classe navigavere Corcyram: et mox oppugnatum aliquandiu oppidum, devictis Achæorum, Aetolorumque navibus, quæ ad solvendam obsidionem advenerant, in deditionem accepere.

Oppidum *Methonæ* (Homerus [4]) *Pedasum*, recentiores *Modonem* dicunt) ad *Coryphasium* [5]) promontorium inter *Pylum* [6]) et *Coronem* [7]) in antiqua Messenia conditum, latus Pelapponesi occidentale claudit. Huc Illyrii, subacta *Thesprotia* [8]) totam Græciæ latitudinem emersi, non multis navibus applicant; quodque Methoneus ager felix vitibus (unde et ab Ho-

---

[1]) Theopomp. ap. Cic. Lib. II, Offic. — [2]) Polib. Lib. II. — [3]) Pausan. in Messen. — [4]) Homeri Illiad. IX. Pausan. loco cit. — [5]) Al presente Capo di sapienza.— [6]) Navarino nella Morea. — [7]) Corone nella Morea. — [8]) La parte dell'Albania moderna in facia a Corfù.

mero audiit Πήδασος ἀμπελόεσςα) simulant merces afferre, nobili vino permutaturi. Ubi nonihil vini comportatum est ab oppidanis, Illyriis pellicere eos in fraudem studentes, et emunt sedulo quantum Methonei voluerunt, et suarum vicissim mercium illis copiam faciunt, si collibuisset comparandarum. Augebatur in gente cupida tam facili et insperati quæstus ardor: et postea quam altero die crevisset negotiatorum numerus, lucroque onusti rediissent ad suos; cognitæ utilitatis illecebra multo plures ab urbe, ipsasque fæminas excivit. Tum enim vero affluentem prædam insidiatores conspicati, ex adverso alii, quamplurimi e lateris exoriuntur: utque prævalidis corporibus sunt, sibi quisque captivum, seu marem seu fæminam corripiunt, navigiisque imposito toto Ionio sub oculis Græciae domum ferunt Methone exausta civibus, ac prope in solitudinem redacta.

Nunc vero, quo tempore id actum sit disquiramus: nam ex inde maxime Piratæ Illyrii cæperunt apud scriptores in memoria esse. Hanc Methonæam direptionem in idem fere tempus incidisse quo Teuta imperante tentata est supradicta Dyrachii expugnatio, et paulo antequam in Illyricum Romani primo transfretavere idem Pausanias [1]) docet: narrans Illyrios in Messeniam, Methonemque delatos, ex quo Thesprotos oppresserant, tunc temporis ob mortem Deidamiæ, Epiri regum (ut Polyænus [2]) refert) ultimæ in libertatem relictos. Iustinus [3]) Deidamiæ mortem (quam tamen ipse Laodamiam vocat) in eundem annum videtur reiicere, quo Demetrius II Macedonum rex decedens a vita regnum Antigono Dosoni pro suo adhuc impubere filio administrandum tradidit. Demetrio autem fato functum eo circiter anno testatur Polybius [4]), quo primum adversus Teutam Illyricum bellum initum est a Romanis ad an. VCDXXIV ante Chr. CXXIX.

Itaque Methones depopulationem ipsum Polybium innuere puto, ubi regnante Teuta Illirios omnem Epirum (cujus pars Thesprotia) expugnato primario ejus oppido *Phœnice*, cum armis percursavisse, Messeniosque, quorum urbs Methone invasisse commemorat. Adjicio locum. *Deinde* (Teuta) *parata classe exercitum priore non minorem emittit: facta ducibus potestate, ut pro hostibus populos omnes haberent. Prima expeditio in Ellæorum et Messaniorum fines suscepta est*, *perpetuis Illyriorum incursionibus*, *obnoxios* [5]).

Posthac autem unquam (nisi siquando per vim terroremque potentiorum) a maritimis excursionibus cessatum est. [6]). Devictæ Teutæ lex posita a Romanis fuit, ut abstineret suos a piratica, sed Scherdiletus et Demetrius Pharius, reges intermissam confestim restituerunt [7]). Rursus per Romanos victores cohibiti quievere aliquandiu donec *Palarii* [8]) exorirentur et *Vardæi* [9]) populatores Italiæ [10]). Ex inde jacentem piraticam erexerunt *Corcyrei* [11]) et *Melitenses* [12]) sub Octaviani tempóra. Pacatum dein mare usque ad *Narentanorum* dominium. Id per Venetos eversum non

---

[1]) Pausan. in Messen.—[2]) Polyæn. Stratag. — [3]) Iustin. lib. XXVIII. — [4]) Polib. lib. II. — [5]) Polib. Lib. II, interp. Casaub. — [6]) Polyb. et Appian. — [7]) Polyb. et Dion. — [8]) Abitanti di Sabioncello e della Punta nello stato Raguseo. — [9]) Popoli tra i fiumi Zetina e Narenta. — [10]) Appian et Plin. — [11]) Isolani di Corzola.— [12]) Isolani di Meleda sudditi a Ragusa.

multo post suscitavere *Dalmatii* sive *Almissani.* Mox Illyrii cum Japidibus mixti, quos *Uscocos* appellabant: donec tandem tuta piratica, ab Illyriis Christianis divis omnibus, nostra ætate damnata, in ea parte Illurici maritima, quæ Turcis subest, nimirum in *Olchiniatis*, *Taulantiis*, et *Amantinis* consedit: quos nupero vulgatoque vocabulo Dolciniatos et [1])....

Leges et consuetudines Illyriorum generatim et Politia.

Cap. VI.

Consuetudinarias, quas ajunt, leges (mores scilicet usu et consuetudine receptos) cum communes aliis, tum proprias, veteres Illyrios (ut reliquæ nationes extra Græciam) habuisse, indubitate existimandum est, scriptas non item; religionesque, ceremonias, judicia, bella jure gentium temperasse, ac more majorum. Vivum (?) insuper jus Reges: et Principum accedebant arbitria: quod hi et cæteris consultiores censerentur, ut auscultare velis, et potentiores ne nolis. Romana quoque exordia hisce ritibus stetisse Pomponius [2]) indicat, ubi ait: *Et quidem initio civitatis nostræ populus sine lege certa, sine jure certo primum agere instituit, omniaque manu a Regibus gubernabantur.*

At vero non inficiasserim, scriptas quoque leges, in Illiricas Respublicas, Dyrrachium Appoloniamque, multo antequam Romæ instituerentur, illatas. Quandoquidem, cum utraque Corinthiorum colonia foret, verosimillimum est, eas conscriptas suæ Metropoleos a conditoribus accepisse. Corintho autem non defuisse iura patria, eamque jampridem a Legumlatore Phidone luculentis fuisse constitutionibus firmatam, compertum est ex Aristotele in libris Politicorum [3]). Nam Respublicæ (cum inter plures neutri quam facile conveniat, perinde ac in regno, ubi penes unum ratio atque arbitrium est) certa, conspicuaque decreta (quæ non aptius quam scripto tabulisque commendata et conspiciuntur, et perstant) deposcunt, quibus se omnium concorditer aptent consilia, congruantque.

Appoloniam Strabo dixit optimis fuisse legibus temperátam. Ab optimatibus rectam, liquet ex Aristotele [4]). Verumtamen illam ad Corinthiorum instituta, ordinationes quoque aliarum urbium, quæ sibi utiles essent, adjecisse, argumento est lex ad Lycurgi, et Lacedemoniorum normam exactam, quam Aelianus [5]) usam tradit: nimirum extraneis hominibus urbe interdicendi, ne peregrinum consortium bene institutis civium moribus officeret.

Epidamniorum, sive Dyrachiensium Rempublicam primo tributim ac democratice rectam: mox in optimates, patresque recidisse, apud Aristotelem [6])

---

[1]) Appian. Sabel. et Dand. Thom archid cap. XXVII. Hist. Sal. et Script. apud. Lucium Lib. IV. Cap. IX. Minut. in Hist. Uscoc. et Sagred. etc.

[2]) Pomp. Jurisc. L. necessarimi di orig. Iur.

[3]) Arist. Pol. Lib. II Cap. IV.

[4]) Strab. Lib. VII. Arist. IV, Politic. Cap. IV.

[5]) Aelian. Var. Hist. Lib. XIII.

[6]) Arist. Lib. V. Pol. Cap. I et IV.

legimus; adnitente quodam a civibus, qui a sui generi patre magistratum gerente affectus injuria sibi omnes praesenti civitatis statui infestos in factionem accivit. Plutarchus [1]) eorum decretum affert, ad vitandas seditiones latum nam ex reliquæ Illyricæ gentis, ferocis ingenii hominum, qui græcis legibus non vivebant, commercio periti, ac cives sui in patriis moris, institorumque labem novas res molirentur; eos ab accolarum usu posita lege abstinuerunt. Verum ne contrahendarum, ac permittendarum mercium emulumento destituerentur, cautum fuit: ut quotannis vir omnium probatissimus deligeretur, qui apud Illyrios privata ac publica unus gereret, et ex ea procurandi ratione Πωλητὴς seu *Venditor* appellaretur. Deinde laxatis diuturnitate legibus potestatem omnibus (ut Aelianus [2]) refert) suam in urbem migrandi, peregrinandique fecere: unde procedente tempore in omnem licentiam, luxuriemque perdite itum: quod ita Plautus [3]) testatum reliquit:

Nam ita est hæc hominum natio Epidamnia,
Voluptarii, atque potatores maxumi:
Tum sycophantæ, et palpatores plurimi
In urbe hac habitant: tum meretrices mulieres
Nusquam perhibentur blandiores gentium
Propterea huic urbi nomen Epidamno inditum est,
Quia nemo ferme huc sine damno divortitur.

De regio inter Illyrios moderamine hæc habet Schimnus [4]):

. . . . *Frequentes admodum*
Extare turba hominum in Illyride ferunt.
Pars obtemperat Regiæ potentiæ,
Pars alia servit unius libidini,
Pars legibus vivit suis. . . . . . .

Hoc est, Illyrii partim Regibus, partim per dynastias divisi Regulis subsunt, partim se solis publice reguntur. Porro plures eodem tempore in Illyrico regnasse Justinus [5]) asserit, Magnum narrans Alexandrum adoloscentem adhuc, ferroque a Philippo patre petitum, sese ad Reges Illuricos exulem contulisse. Legimus quoque in Livio, et Appiano [6]) Demetrium Pharium eodem tempore ac Pincum reges. Regulos ad hæc partem antiquam obtinuisse manifestum est ex Arriano [7]) qui Clyrum Bardilei filium, dominantem quidem asserit, sed regem non vocat cum Glauciæ alioquin secum contra Macedonas fæderato annuat regium nomen. Artetari Illyrici reguli a Perseo Macedone per insidias interfecti regnante Illyriis Gentio, meminit Livius [8]). Hos autem sub clientela majorum regum, sive Illiricorum, seu Macedonum, exhibito vectigali obsequioque, ut solet egisse, non obscure docet Arrianus [9]). Neque enim Clitum Bardilei ab Alexandro Macedonum rege

---

[1]) Plut. in Prob. — [2]) Aelian. Var. hist. Lib. XV. — [3]) Plaut. in Mencelm. Act. II, Sc. I. — [4]) Schimn. in Perip. — [5]) Iust. lib. VII. — [6]) Liv., lib. XXII, Appian. Illyr. — [7]) Arrian., lib. I, Exp. Alex. — [8]) Liv. Lib. XLII. — [9]) Arrian. l. cit.

defecisse asseverasset, si ejus dynastiam omnino liberam, suique juris putasset. Addo insuper, hereditarium fuisse ab initio Illyricum Regnum. Affirmat aperte Stabo [1]) post Cadmum regem ejus posteros in Illyriis regnasse. Dein regnaturus deligebatur, et quisque fortior, dignorque imperium, in virtutis mercedem inibat. Constat e Diodoro et Arriano [2]), qui Clitum rege genitum, ajunt, post mortem patris, nonnisi regni partem, et sine regio nomine habuisse. Ad ultimum denuo hereditoria successione gubernatum fuit. Nam testatur Polybius Pleurato Argonem filium successisse: Pineum Argoni Appianus: itemque Livius regnum alterius, Pleurati Gentio filio datum [3]).

Victus et convivia.

Cap. VIII.

Thracum, et Macedonum morem, qui etiam in Alexandro culpatur, viguisse inter veteres Illyrios, large immodiceque potandi, non unus scriptor ostendit [4]). Utique duo reges ab eo vitio non temperarunt, maritus Teutae Agron, et Gentius: quorum alter, testante Polybio, ex inusitata vinolentia in pleuritim incidit, alteri intemperantia vini ferociam ingenii succedens abjicitur a Livio. Exstant Hermippi verba apud Athenæum de veterum Illyriorum convivandi ritu ita scribentis [5]): *Illyrii cenant bibuntque sedentes, mulieresque ducunt in conventus, pulchrumque arbitrantur eis, ut provocent quemcumque contigerint ex præsentibus: ipsæque viros agunt ex symposiis: et omnes male vivunt, ventremque zonis latis cinguntur, ubi bibunt. Quod quidem primum mediocriter faciunt cum vero vehementer bibunt zonam semper magis contrahunt.* Hact.

Cum graeco caream exemplari, utarque Natalis Comitis versione, qui et ipsemet candide fatetur, de alicubi Græcam sententiam non assequi: apertumque sit considerantibus, cum passim involvere potius sensum, quam reddere; ego quoque meliori duce destitutus necessum habeo cum interprete cæcutire. Quid enim illa provocatio muliebris contactus? In venerem, an ad bibendum? Illyrios ne male vivere dixit, quod nequiter inter se atque improbe, an quod incommode inordinateque in conviviis degerent? Incertum illud, quod fæminae e symposiis viros agant: suspectum vero, quod distento ventri, cum laxari zonæ solent, eas contrahant. Admoves itaque lampadem ex Aeliano [6]), qui convivalem hunc morem ad unum crimen redigit, illudque per cultiores Europæ provincias nostra ætate honestissime pervagatum: nimirum quod hospitibus, alienigenisque permiserint cuilibet in conviviis feminæ libere propinare in locum ῾Ου διαπεφεύγασὶ δε νῦν τὴν τοιαύτην αἰτίαν ᾿ϋδὲ Ιλλυριοὶ: ἀλλ᾽ ἐκεῖνοι γε προσειλήφασι κἀκεῖνο τὸ ἐπὶ-

---

[1]) Strabo, lib. VI.
[2]) Diodor., lib. XVI. Arri. l. cit.
[3]) Polyb. lib. II, Appian. in Illyr. lio Der. V.
[4]) Polib. lib. II. Arthen. lib. X, cap. XII, Aelian. lib. IV, par hist. Liv. lib. XLIV.
[5]) Hermip. lib. II, rer. Philipp apud. Arthen. lib. X, cap. XIV.
[6]) Aelian. Var. Hist. lib. III.

κλημα ὅτι ἐφεῖται τοῖς ἐν τῷ συνδείπνῳ παρȣ̃σι ξένοις προπίνειν ταῖς γυναιξὶν ἕκαστον ἐὰν βȣ́ληται κἂν μηδὲν προσήκει ἡ γυνὴ αὐτῷ. *Neque hodie Illyrii declinarunt hanc culpam, sed sibi eam quoque famam comparaverunt: quoniam licet apud ipsos, ut præsentes convivio hospites propinent, quisque si libeat, fœminis, etsi nullatenus ad ipsum pertineat mulier.*

Id tamen reor Græcos autores de Græcis potissimum in Illyrico Colonis loqui: nam et bibacitas Græciæ vulgatissima est, et qui se vino obruunt græcari dicuntur. Plauti locum de Epidamniorum luxu et vinolentia antea proposuimus: et notum est cum pugnacibus animis, duraque indole (qualis aliquorum Illyriorum erat) ægre voluptuosam inertiam consuescere posse. Cæterum vini, ac peportationum amorem totu antiquo Illyrico non invitus annuerim. Quandoquidem nunc etiam, qui intus a littore degunt, tenacissimi vetustatis Dalmatæ, priscæ intemperantiæ non obscura indicia ferunt. In nativis carminibus, quibus Croiovichios, Huniadaś, Scanderbecos, clara his regionibus nomina, inelaborate ruditerque celebrant, nunquam eos minus meri inter contubernia exsiccasse jactant, quam profudisse hostilis sanguinis in acie. Bellico ardori ac violentiæ omnino impares credunt abstemios. Si pro quolicunque officio debeatur militibus strena, neutiquam pro obsonio, sed pro vino comparando eam rogitant putantes id convenientius esse fortibus viris: et cibos cum bestiis communes vinum homini proprium naturam fecisse.

Eorum luxum in victum notari apud neminem veterum scriptorum inveni: et talem Illyriorum frugalitatem dapesque fuisse olim conjicio, quales finitimorum Illyriis Thracum describit Xenophon [1]). Sed utut (?) de dapibus fuerit, certe convivii ritus, quo Seuther rex Thraciæ ex cepite (?) Xenophontem, tantum non ad unguem congruit cum eo, quo rusticani etiam nunc in Illyrico epulas instaurant suas, cum ad operam alicubi agrestem frequentes conveniunt. Hæc sunt Xenophontis verba. Ἐπεὶ δὲ εἰσῆλϑον ἐπὶ τὸ δεῖπνον, τῶν τε Θρακῶν οἱ κρατιστοι, τῶν τότε παρόντων: καὶ οἱ στρατηγοὶ καὶ λοχαγοὶ τῶν Ἑλλήνων, καὶ εἴτις πρεσβεία παρῆν ἀπὸ πόλεως; τὸ δεῖπνον μὲν ἦν καθημένοις κυκλῳ. Ἐπείτα δὲ τρίποδες εἰσηνέχθησαν πᾶσιν. Οὗτοι δ' ὅσον εἴκοσι κρεῶν μεσόι νενεμημένων, καὶ ἄρτοι μεγάλοι προσπεπεροναμένοι ἦσαν πρὸς τοῖς Κρέασι. Κέρατα δὲ οἴνȣ περιέφερον, καί πάντες ἐδεχόντο. *Postquam autem ingressi ad cœnam sunt præstantissimi, qui aderant, Thracum, et Imperatores Tribunique Græcorum, Legatique siqui erant ex urbibus, consederunt in orbem ad epulas. Tum vero lebetis* (?) *tripodes fere viceni, illati sunt pleni carnium distributarum: et panes magni adnexi erant carnibus. Cornua vini in orbem ferebantur singulique accipiebant.* Haec ipse.

Nonnullæ aliæ in veteri Illyrico consuetudines.

Cap. IX.

Corpora notis compungere Illyriis ac Thracibus (sicut et reliqua multa) commune fuit. Strabo [2]) de Japidibus loquens populis hæc habet; Ὁ δ' ὁπλισ-

[1]) Xenoph. lib. VII, di Cyri exp.
[2]) Strab. lib. VII.

μὸς Κελτικὸς: κατάςικτοι δ'ὁμοίως καὶ τοῖς ἄλλοις Ἰλλυριοῖς καὶ Θραξὶ. *Armatura Japidibus Celtica: compuncti sunt notis corpora, similet ac reliqui Illyrii et Thraces. Adijcit autem Herodotus*[1]*): Solemne Thracibus esse, ut in nobilitatis indicium* (idem de Illyriis sentio) *frontes ejusmodi punctibus insigniant: puram frontem præferre ignobile judicatur.* Sed latius hanc artuum absignationem explicat Mela de Agatyrsis agens populis, quos Virgilius pictus, Herodotus *Thracum imitatores affirmat*[2]). Habe verba: *Agatyrsi ora artusque pingunt ut quisque majoribus præstant, ita magis vel minus: cæterum iisdem omnes notis ita ut oblui nequeant.* Putaverim ergo, nec forsitan temere, Agatyrsos, Thracos, Illyriosque, ea industria pictus fuisse, qua nunc quoque in Illyrico atque alibi, militum maxime, nautarumque variegata brachia videmus. Compungunt acicula cutem, inscriptæque, quam volunt, effigiei, quo magis conspicua sit, pigmenti fucum inducunt. Sic eo subeunte compunctam imaginem notæ indelebiles imbibuntur.

Prudentissimam legem Henetorum, quos superiore Libro inter veros germanosque Illyrios (invitis Scriptorum non ultimis) reposuimus, Herodotus[3]) laudat in Euterpe. Maturas virgines quotannis congregabant, et circumsistente virorum frequentia, singularum formam auctionabantur per præconem. Ut quæque pulcherrima vendebatur quam maximi, deteriorem speciem par prætium sequebatur. Mox adhibebantur fidejustores, ut liceret emptas adducere; neque enim licebat, antequam emptor ei satisdedisset, sese eas rite in matrimonium accepturas. Summam e formosarum adictione conflatam, omnium in turpiorum nuptias collocabant. Et enim iis qui dotatam fæditatem ducere vellent, addebant non sine mercede domesticum supplicium. Sic naturæ vitio medebatur prudentia, et non voluptati modo, sed emolumento reipublicæ inserviebat pulchritudo muliebris.

Non absimilem morem apud Thracos, Illyriis Henetis conterminos, Solinus et Pomponius agnescunt, quem tamen Sabellicus[4]), aliique decepti ambiguo nomine transferrunt ex Illyrio in Henctos, Venetosve in intimo Adriatici positos: ajuntque ritum hunc veterem in collocandis publice Virginibus Venetiis in urbe Adriatici maris regina ad hanc diem coli. At enim vero et de Illyricis Henetis, Thraciæ Missiæque confinibus, Herodotum dicere, antea definitum est: et apud hodiernos Venetos nulla formosarum auctio, sed tantum providentissimæ Reipublicæ pietas eminet, honestati puellarum pauperum, publicis opibus consulendi. Ut vero haud negem, id esse Henetæ vetustis superstes vestigium, non mediocre inde documentum accipio, Henetas ex Illyrico, et ex confinis Thraciæ, non ex Asia in Adriæ intima adductos, incoluisse, ac cognominasse Venetiam: a quibus inductae consuetudines nondum in ea regione absoleverunt.

Quod olim mulierculae Racusanæ, nunc de plebe viri calendis in Maiis in festo D. Philippi et Jacobi honore choræas, thiasosque vetustissimo de more celebrant, bachantes ad tibiam, hominemque circumducentes foliis

[1]) Herod. lib. IV.
[2]) Pomp. Mela lib. II. Cap. I. Virg. lib. IV. Aeneid. Herod. lib. IV.
[3]) Herod. lib. II.
[4]) Solin., lib. XV, Mela, lib. II, Sabell. in Exempl.

herbisque obsitum, et prorepentibus de frondium involvere innoxiis anguibus horrentem: non abs re utique arbitror acceptam antiquitus de Thracibus esse, Macedonibusque consuetudinem. Atque hæc Baccho primum dicata orgia (religionem demum superstitionem reformante, immutanteque aliqua tempore) nunc in Divorum cælestium honorem antiqua simplicitate usurpantur. Plutarchus [1]) sufficit conjectationi argumentum, ita de sacris hujusmodi in Macedonia vigentibus narrans: *Mulieres* (Macedonicæ) *Orphicis omnes Bacchicisque orgiis antiquitus obnoxiæ, Clodonesque et Mimalones cognominatæ, multa Edonidum et Thressarum germana perpetrant. Hujusmodi furorem præ cæteris affectans Olympias (Alexandri mater) solemnibus bacchationibus barbaricum superaddens horrorem, magnos angues cicuratos thiasis addebat, qui sæpenumero ex hedera, et mysticis cunis proserpentes, hastasque mulierem et serta circumplicantes, viros perterrebant.*

Vetustissima Illyriorum superstitio.

Cap. XI.

Cui tandem Illyriorum aborigines se Deo addixerint, quamque religionem coluerint, non una responsione afferendum est, nam singulæ propenendo gentes singulis superstitionibus alligabantur. *Hyllos* [2]) populos (qui primores fere ad occidentalem plagam Illyridis sunt) Herculi atque Hyllo, Indigetibus Diis litasse, verosimillimum videtur a quibus sese ortos iactabant. Schimnus [3]):

Hyllo sanginis quidem Græcanicæ
Quorum autor Hyllus gnatus Herculis fuit.

Siculotas [4]) Dianam veneratos, argumento est delubrum Deæ vetus, quod Tabulæ Peutingerianæ ad fauces *Salonitani* sinus exhibent [5]). Ditis item patris, Proserpinæque seu libere sacris, per Syracusios in Illyricum advectis cultum una cum *Issensibus* [6]) adhibuisse conjicio. *Autariatæ* [7]) Thracibus proximi, non male putantur eorum religionibus immixtis, Bacchum Mavortem atque Orpheum coluisse. Ad Narone fluvio adusque Ceraunias montes (quæ *Enchelliarum* [8]) pervetustæ gentis regio est) Cadmo primo regi, ejusque conjugi Harmoniæ divini honores habebantur, præsertim apud *Parthenos*, qui nunc *Burnenses* et *Canalitæ*, in Ragusana ditione appelantur. Templum ejus prope saxa Cadmæa, quas *caulas Canalitanas* vulgo dicimus, dimidiæ diei navigationi, vel triginta milliarum inter-

---

[1]) Plut. in Alex. vita.
[2]) Popoli abitanti da Capoleste quasi fin'a Traù.
[3]) Adi. Cap. VIII, lib. I. Schim. in notit.
[4]) Popoli da Traù fino al fiume Zettina.
[5]) V Cap. IX, lib. I. Tab. Georg. Antiquæ a Iour. Peuting. repertæ V. Cap. XIV. lib. I.
[6]) Isolani di Lissa.
[7]) Popoli dal fiume Drina fin'al monte Scardo, e confini della Rassia.
[8]) Antichissimi popoli dal fiume Narenta fin'ai monti della Cimara.

vallo ab *Arione* fluvio (qui nostratibus *Ombla* est) distantem tradit hoc testimonio Scylax: *A Narone ad fluvium Arionem diei navigatio est; post Arionem fluvium dimidii diei cursu Cadmi et Harmoniæ saxa sunt, templumque, procul ab Arione fluvio apud Ceraunia non minor cultus, ubi eorundem sepulchrum esse putabatur, ut scripsit Periegetes, ejusque versor Avrienus* [1]):

Illyris ora dehinc distenditur, hicque periclis
Sæpe carinarum famosa Ceraunia surgunt:
Tum pro repentis qua sunt vada turgida Nerei,
Harmoniæ et Cadmi sustentat gleba sepulchrum.

A Narone ad *Drilonem* venerationem Cadmi videtur producere hisce versiculis Nicander [2]):

Ἰριν Θ᾽ ἧν ἔϑρεψ Δρίλων, καὶ Νάρονος ὄχϑυ,
Σιδονὶυ Κάδμειο ϑεμαίλιον, Αρμονίηςτε.
Irion, quam Drilon, Naronque aluere virenti
Margine, ubi Cadmi templum sedet, Harmoniæque.

Dyrachium, et *Appolonia*, Græcæ Coloniæ non tam Cadmum, quam Græcorum numina adoraverunt. Appollinem in primis Appoloniatæ, quem urbis perhibebant autorem qua de re id distichon affertur a Pausania [3]):

Urbis Appollineæ sunt hæc monumenta, comatus
Phœbus quam ad Pontum condidit Jonium.

Greges quoque Apollini sacros præcipua eos religione custodiisse, vulgatum est ab Herodoto [4]): ita ut illis in antro quodam urbi adjacente stabulantibus excubaverint singuli in singulos annos delecti viri, et inter populares divitiis ac genere præstantissimi. Acantem insuper fluvium qui Appolloniam allabitur, grata veneratione sunt prosecuti: quod sub ejus auspiciis crediderint aliquando felici successu imminentem patriæ hostem debelasse. Val. Maximus [5]) ita facti memoriam tradit: *Exinsperato enim* (Appolloniatæ) *superatis hostibus, successum suum in omen acceptum referentes, et tunc Acanti ut Deo immolaverunt.*

Dyrachini Neptuno immolasse, a quo per Dyrachum filium conditi; maxime autem Herculi, quo incola aliquando suo gloriabantur, non improbabile ex Appiani auctoritite censemus [6]). Ejus verba accipe. *Rex barbarorum Epidamnus urbem supra mare condidit, quæ ab ipso nomen assumpsisse creditur. Hujus ex filia nepos Dyrrachus, Neptuno genitus, ut quidam perhibent, portum ubi adjecit, qui Dyrrachium appelatur. Deinde cum fratres adversus illum bellum gererent, Hercules et Erythia rediens, pro telluris parte in eos depugnavit. Quamobrem Dyrrachini, veluti telluri eorum ex parte incolam fuisse autumant, Dyrrachum non utique inficiantes, verum ad Herculem, tanquam ad Deum per prius inclinantes. Hact.*

---

[1]) Fest. Avien. Interpr. Circuit. Orb. Dionys.—[2]) Nicand. in Theriac.—[3]) Pausan. in Eliac. interp. Amasæo.—[4]) Herod. in Calliope.—[5]) Val. Max., lib. I, Cap. VI.—[6]) Appian. lib. II, bel. civil.

Vetus Idioma Illyriorum.

Cap. XII.

Quodnam antiquitus idioma usurparint Illyrii, antequam tot Græcorum Coloniæ regionem impleverint, ut in re ab omni memoria destituta, haud satis tuto disseri potest. At si aliquo est inclinanda opinio, non aegre illuc delabor ut sententiam, Celtica fuisse usos, vel quod idem est Schutica dialecto, quæ ipsa est hodierna Slavonica. Hanc Iustinus antiquissimam Europæ innuit. Hanc indubitatum est in confinis Illirici apud Mysas, et Thracas, Scytarum progeniem, a vetustate viguisse. Etenim *Sica*, seu ut Græci efferunt ςίκη *Sicchie*, Thracum et Illyriorum (de quo Cap. III disseruimus) communis gladius, cæsim feriendo idoneus: et *Bria* [1]), quæ oppidum in sublimi (ut olim usus ferebat) situm significat, Thracica (Strabone teste) vox; Schuticam (quæ nunc Slavonica est) linguam manifeste resipiunt. Adderem Amazonibus, Thressisque fæminis usitatam in acie *Securim* [2]) quamq. *Sekyram* etiam nunc Slavi dicunt, et alia hujusmodi non parvum multa nomina; sed horum verborum analecta aptius congeremus in Slavicis.

Macedonum itidem linguam (quam aliam a Græca ipsis addicit Curtius) certe haud verosimilius opinatus ero, quam si Schuticam affirmavero fuisse, et cum vicinis Illyriis, Thracibusque communem. Argumento est vocabulum *Aspeto*, quod apud ipsos (Plutarcho prodente) [3]) magnum, vel conditione sublimi aliquid significabat, quæque adhuc ab Illyriis Slavicum Schuticumque sermonem exercentibus modico disciplinæ profertur *Uspeto*. Fovet aliquatenus opinioni ipsa quoque vocum inter Macedones, Illyriosque non absimilis pronunciatio. Nimirum narrat Plutarchus in Problematis, Macedones in loquendo solitos elemento *Phi Beta* substituere, ita ut non *Philippum*, sed *Bilippum* enunciarent. Quod adhuc passim præter cæteros, usurpant nostræ ditioni Ragusanæ campestres homines, at ob simplicitatem (ut sæpe dictum est) suam, haud facile veterum vitium mutationibus obnoxii.

Post Græcorum convictum et contubernia, Illyrios Græca aio, seu non absque suæ linguae permistione, locutos: reapse in verborum prolatione aberrabant a Græcis, unde et κεκριγότες aut *stridule loquentes* ab Aristophane vocantur [4]). Dein sermonem Romanum cum novis colonis, ac dominatione accepisse. Tandem per irruptiones Gothorum, Schytarumve ablegata peregrina dialecto, antiquum Illyricum idioma fuisse in pristinam possessionem restitutum.

Novus sermo commercio inducitur, sed convictu facillime. Non ideo tamen credendum est Græcos Colonos suæ linguæ, utpote in magna æstimatione habitæ, tenacissimos, collocato inter Illyrios domicilio, barbaram potius dialectum accepisse quam intulisse suam. Nunc quoque supersunt

---

[1]) Oggidi Brigh. Strab. lib. VII.
[2]) Græce Σάγαριν quam Schuticam esse vocem asserunt Glossæ Cur. lib. VI.
[3]) Plut. in Pyrrho.
[4]) Aristoph. in Avib.

Græca urbium nomina, *Pharus*, *Tragurium*, *Corcyra*, *Epidaurus*, *Dyrrachium*, *Apollonia*, *Dioclea*. Quidquod hominum cognomenta, quæ vetustas non abstulit, Græcanico ore sese imposita propria significatione fatentur? Apud Appianum [1]) *Pineus* ἀπὸ τῆς πινυτῆς, *a sapientia:* apud Polybium *Pleuratus*, ἀπὸ τῶν πλευρῶν, *a laterum firmitate: Teuta*, ἀπὸ τȣ̃ τευτάζειν, *a sedulitate: Demetrius*, ἀπὸ τῆς Δήμητρος, *a Cereris religione*, originem ducunt: *Agron*, quasi ἄγριος, *ferox*, *Scerdilaides* vel *Cerdilaides*, quasi Κερδαλέος, *astutus*, nominatur. Livii, *Gentius*, *Plator*, *Epicadus*, *Olimpio*, a *nobilitate*, *latitudine*, *sollicitudine*,, *olympo*, quæ Græce γενναιότης, πλάτος, ἐπικῆδος, ὄλυμπος efferuntur, nomen habent. Arrianus, *Glauciam* et *Clitum*, Diodorus *Bardileum* et *Pleuriam* græcæ appelationis Illyrios memorant [2]). At vero tot nomina, licet Græcum etimon exerte offerant, linguam sane illam, et peregrinam, nec perceptam penitus indigenis fuisse, ipsa quarundam vocum (quas iamiam protulimus) non satis ad Græcam puritatem accidens inflexio, elatioque demonstrat. Interlucet insuper meræ quædam Schyticæ reliquiæ: ut cum in Livio Illyricum hominem legimus, cui vocabulum *Belo*: in Dione urbem *Settoriam*: in Appiano *Prominam*, quod ipse *Pomonam* dicit: in Strabone et Polybio ferocissimos Illyriorum *Sardiæos:* in Plinio *Rathanæum* oppidum, in Peninsula situm, quæ quoniam in accumen excurrit etiamnum ab incolis Rat Schytica nuncupatione appelatur [3]). Vocum etiam (quæ Greca origine, in Illyrico nostra ætate supersunt, a supervenientibus Slavis, sive Schyticis nationibus non exclusæ) serieim adscribo. Multo plures erant ad manum, sed ne prolixitas fastidio verteret non pauca præcidimus. Θεμέλιον, *fundamentum*, Illyr. *Temegl.* Λίριον, *lilium*, Illyr. *Liir.* Λίτρα, *libra*, Illyr. *Litra.* Τράπεζα, *mensa*, Illyr. *Tarpeza.* Κράλης καὶ Κράλαια, *rex et regina*, Illyr. *Kragl* i *Kragliza.* Ἔγκος, *contus*, Illyr. *Lienka.* Δοῦρα, *ligna*, Illyr. *Durva.* Πλόος, *per mare itio*, Illyr. *Plov.* Πτερὸν, *penna*, Illyr. *Pero.* Ὄκος, *oculus*, Illyr. *Okko.* Πίνειν, καὶ Εςίεν, *edere ac bibere*, Illyr. *Pitti i jesti.* Δερεῖν, *excoriare*, Illyr. *derati.* Δουπεῖν, *sonitum edere*, Illyr. *Upiti* Τρηγᾶν, *vindemiare*, Illyr. *Targati.* Βάλλειν, *jacere vel dissuere*, Illyr. *Vagliati.* Τρέχειν, *currere*, Illyr. *Tarkati.* Βρύειν, *pullulando exilire*, Illyr. *Vritti.* ἑφὸς, *suus*, Illyr. *sfai.* Χιλιάδες, *millia*, Illyr. *Hiliade.* Πιλόμενος; *interrogatus*, Illyr. *Pitan.* Πέντε, *quinque*, Illyr. *pet.* Δεσπότης, *dominus*, Illyr. *Despot*, etc.

D. Hyeronimus [4]) ad suam usque memoriam Græcum idioma Parthenis, sive Epidaurensibus (in Illyrico aut superiori Dalmatia populi sunt) proprium ac gentile fuisse docet, ubi de dracone per Hillarionem apud Epidaurios concremato sic loquitur. *Duxit illum ad Epidaurum Dalmatiæ oppidum, ubi paucis diebus in vicino agello mansitans non potuit abscondi, siquidem draco nimæ magnitudinis, quos gentili sermone Boas vocant, ab eo quod tam grandes sint, ut boves glutire soleant omnem*

---

[1]) Appian. Illyr. Polyb. lib. II.
[2]) Arrian. lib. I. Exp. Alex. Diod. lib. XV. Bibl.
[3]) Liv. Der. V. l. IV, Dion. Cass. Appian. Illyr. Strab. l. VI, Polib. l. II, Plin. lib III, Cap. XXII.
[4]) Hyeron. in Hillar. vit.

late vastabat Provinciam. Quamquam *Boa,* tum e Græcia, cum e Latio nomen sumpsisse potuit, nam *Bos* latinum, Græcis Βοῦς est; certe quidem Hyeronimus id vocabulum latinum esse negat [1]). Qui enim in suis voluminibus haud semel Latinos suæ linguæ populos dixit; cum peculiari hic gentilique Epidauriorum sermonem *Boam* appellatam tradat, non obscure videtur testari aliam eos linguam quam Romana in usu tunc temporis adhibuisse, unde *Boæ* appellatio profecta est. Neve id nomen Schyticum, Slavicumque arbitrere: diu enim ante Hieronymum, diu ante Slavorum in Illyricum irruptionem Græci, Romanique scriptores *Boæ* agnovere vocabulum. Itaque *Boa* a Græco descendit nomine βοῦς, quod *vaccam* significat, nam autor est Plinius [2]) eam vaccarum lacte augescere dum inquit. *Faciunt his fidem in Italia appelatæ Boæ in tantam magnitudinem exeuntes, ut Divo Claudio Principe occisæ in Vaticano solidus in alvo spectatus sit infans Aluntur primo bubulis lacte succo, unde nomen traxere.* Nec absimile vero etiam foret *Boam* Græcæ dictam, ἀπὸ τοῦ βοάειν hoc est a *mugiendo;* siquidem pervulgatum est apud agrestes Dalmatas, id genus Dracones, ad pelliciendos in insidias boves, mugitum solos inter serpentes imitari.

Ultra quoque Hieronymi ætatem non de nihilo autem cum Græca lingua in Illyrico fuisse processum, ut etiam advenienti Romanæ haec antiquior dialectus non omnino decesserit. Quippe quo anno Rhacusa urbs condita est, in ejus ædificationis historia clarum Græci idiomatis monimentum reperio. Testem adnota Porphirogeniti [3]) locum: Ὅτ τὸ κάστρον τοῖ Ῥαυσίυ οὐ καλεῖται Ῥαούση τῇ Ρωμάιων διαλέκτῳ, ἀλλ᾽ἐπεὶ ἐπάνω τῶν κρημνῶν ἵσταται, λέγεται Ρωμαὶοισι ὁ κρημνὸς λαῦ. Εκλήθησαν δὲ ἐκ τοῦτυ Λαουσαῖοι ἤγυν οἱ καθεζόμενο εἰς τὸν κρημνὸν. *Quandoquidem castrum Rhacusii non appellatur Rausa novæ Romæ idiomate: sed quod super præcipitia sit constitutum, dicitur Græce præcipitium Lav. Vocati autem sunt idcirco Lausæi, nimirum in praeruptis locis sedentes.* Hæc ipse.

Feminæ Illyricæ.

Cap. XX.

Quid si feminæ Illyricæ viris reliquarum gentium fortiores? Miram ac invidiosam rem protuli. At enimvero Mamertinus [4]), homo Gallus, et in forti gente natus, nec inidoneus alienæ fortitudinis judex, id palam audiente Roma, et utroque Principe pronunciavit: quamvis fortasse in Diocletiani gratiam nonnihil exagerate, certe experientia teste non falsa in ejus dicta in Genethliaco ad Diocletianum, et Maximianum, quorum alter Dalmata, alter Panno. *Non enim in otiosa aliqua, deliciisque corrupta parte terrarum nati, institutique estis; sed in his provinciis, quas ad infaticabilem consuetudinem laboris et patientiæ, fracto licet opposito hoste, armis ta-*

---

[1]) Hier. Præf. in III Com. Hierem et in Cap. VI Kach et in Ep. ad. Sophron.
[2]) Plin. lib. VIII, Cap. XXIV.
[3]) Porphirog. P. II de Admin. Imp. Cap. XXIX.
[4]) Mamert. in Geneth. ad. Diocl. et Maxim.

men semper instructus limes exercet: in quibus omnis vita militia est: quarum etiam feminæ cæterarum gentium viris fortiores sunt.

Is in rusticanis feminis etiam nunc superest vigor: urbanæ vero luxu enervatae, peregrinæ elegantiæ ac vultui student. Cæterum multis compago membrorum in arma, non in delicias facta: vivida fere omnibus constitutio, et succi plena; statura vel commoda, vel procera: pugnax ingenium: ita ut (siquæ desides, flaccidæque sunt) in ipsorum robur, atque indolem non-natura pecasse videatur, sed ex alienis moribus accersita corruptela. Jampridem vero, multo ante Mamertini tempora agrestes Illyrici feminas in exemplar firmitatis extulerat Varro [1]) (Lib. II, de Re Rust. ubi agitur de uxore pastori danda) siquidem scripserat. *Sed eas mulieres firmas esse opportet, non turpes: quæ in opere, ut in multis regionibus, non cedant viris, ut in Illyrico passim videre licet. Dein infra: Nam in Illyrico hoc amplius. Prægnantem sæpe, cum venit pariendi tempus, non longe ab opere discedere, ibique enixam puerum referre, quem non peperisse, sed invenisse putes. Componit exinde hisce mulieribus Romanas inquiens. Quæ ostendunt fetas nostras, quæ in conopæis jacent dies aliquot, esse mucidas, et contemnendas.*

Congruit Varronianæ narrationi, quod urbani adhuc Dalmatæ miramur in pagis sæpe enim usu venit, ut feta rustica, lignis ad multam diem in monte cædendis, nec dum defatigata, dum redit imposita humeris ingenti strue, infantem, aut geminos, ne fasce quidem deposito, in via enitatur: collectosque, quod ante se pendet, præcinctorio, limbisque ad zonam adductis, porro defferat ad maritum. Fit etiam (quia Rhacusanæ matronae de veteri instituto numquam, nisi muliebre famulitium adhibent) ut ancillæ lecticas sæpe vastis dominabus plenas viriliter subeant, ac longe ferant; stupentibus ad novum vehendi ritum, et lecticariarum duritiam advenis, qui primo conspexere sarcinatas.

Quod autem agrestes in Illyrico puellas, eo quod incustoditæ vagarentur, non satis pudicæ egisse, inibi artum Varro; nisi ex coniectura loquitur, certe vix credendum puto, cum ea corporum animorumque simplicitate, ac laboriosissima vitæ tollerantia, luxuriem consuescere potuisse, quæ molles animos atque inertiam quærit. Cum cæteroqui in Italia sub corruptissimam Domitiani ætatem memoret Martialis [2]):

Grandes proborum Virgines colonorum.

At forte scriptor, qui suo ævo inter tot custodias, religionesque Vestales Romæ Virgines intutas ab ea contagione viderat, et Pontificis Maximi uxorem inter Bonæ Deæ sacra corruptam, conformari menti suæ nequaquam potuit; qui campestribus Illyriorum mulierculis sine custode aberrantibus, posset impune, ac sine corruptela constare comercii libertas.

Sed præcipuum muliebre robur (ut inquit Anacreon [3]) pulchritudo ac forma est. Hanc femellis rusticanis annuere videtur idem Varro, dum conjuge pastoribus pulchellas quærit et firmas, quales in Illyrio rusticæ sunt.

---

[1]) Var. l. II. Rei Rust. Cap. X. — [2]) Mart. L. V. — [3]) Anacr. in Ob.

De venustate veterum urbanarum (præterquam quod testimonio sunt, eorum a regibus, ut alibi docuerimus, Amynta, Macedoni Philippo, Pyrrho, et muliebri elegantiæ addictissimo Demetrio Polyorce expertia conjugia) specimen quoque addo in epigrammate, sive elegiæ fragmento, quod duabus Illyricis sororibus inscriptum, repertumque cum Cornelii Galli Elegia, quae incipit: *Non fuit Arsacidum* etc. Demetrius Gaza concinnavit, sed meo animo non plane restituit. Ego vero quale Flavius Eborensis in suis Anecdotis affert tale trado.

Γεντία, ἥδε Χλοή, κοῦροι Διὸς ἀγλαὰ τέκνα
Χείρετε, *matris amor deliciumque meum.*
Ne vero inter vos a diis certate sonores,
Utrius alba magis, vel minus atra cutis.
Hoc unum certate, suos magis urat amores,
Altera nonne oculis, altera nonne genis.
E Beronicæo detonsum vertice crinem,
Retulit esuriens Græcus in astra Coron.
Gentia rapta tibi fiat coma protinus astrum,
Et regat Illyricos certior ursa vates.
Cum quatit et caudam Junonius explicat ales,
Mille oculos, gemmas mille decorus habet.
Ἡδὺ γέλασα Χλοή *huc illuc flectat occellos,*
Hinc illinc videas curere mille faces.

Parergon subijcium, quando de Illyricis feminis incidit pœtica mentio, Antipatri nimirum Macedonis Hexasticon, Cleonicem Illyricam puellam dum ad sponsum navigat, in Hellesponto submersam splendide deplorantis. Extat autem Antologiæ Lib. I:

Αἰεὶ θηλυτερῃσίν ὕδωρ κακὸν ἐλλήσωοντος,
Ξαῖνε Κλεωνίκης πένθεο Δυῤῥαχίδος
Πλῶε γάρ ἐς Σηςόν μετὰ νυμφίον ἐν δεμελαίνῃ
Φορτίδι, τὴν Ἕλλης μοῖραν ἀπεπλάσατο
Πρῶ δειλάιη, σύμεν ἀνὲρα Δηίμαχος δὲ
Νύμφην ἐν παύροις ὠλ´σατε σαδίοις.
Anne nocens semper Nyfis erit Hellespontus?
Plange Cleonicen advena Dyrrachidem.
Nigra vecta rati Sestum, sponsumque petebat,
Cum reperit sortem, quam tua Phrixe soror.
Quondam Ero infelix sponsum, nunc Democle sponsam
Perdere in his brevibus heu potuistis aquis!

XI. Prolegomena in Sacram Metropolim Ragusinam ad illustrandam Ragusinæ Provinciæ Pontificum Historiam necessaria edita a Fratre Serafino Cerva.

Caput Dec. Tertium.

Ragusini sine libertatis jactura in Magnorum Principum tutela fuere.

Ragusinam civitatem, licet suis moribus Cives vivere, jam inde a conditæ Urbis exordio instituissent, in Romanorum clientela fuisse certum est, non quod a Romanis Imperatoribus illuc Prætores mitterentur, qui jura populo darent, aut Cives aliquod clientelare munus illis persolverent, quo subjectionem profiterentur, sed cum Epidaurii essent, et Salonitani, a Romanorum colonis orti, Romanorum etiam agri Incolæ, Romanos rerum Dominos liberioris clientelæ officiis venerabantur. Præcipua autem hujusce obsequii causa fuit, ut sub eorum præsidio tutelae agentes, hostium indique adorientium incursiones facilius declinarent, aut saltem, uti ad Romanum pertinentes Imperium, opportuna ad propulsandos hostium impetus subsidia obtinerent. Verum facto cum Saracenis virium periculo, et audacia paulatim in animum inducta, nec videri amplius Romani Imperii clientes voluerunt. Itaque imperante Michaele Amorensi an: 827 cum cæteri Dalmatiæ populi in libertatem se vindicarunt, Ragusini etiam nulli se potestati morem gerere professi sunt. Juvat Porphirogeneti hæc narrantis verba in medium proferre [1]). «Anno 827 Michaelis Amorensis Balbi secordia, qui Dal-«matiæ oppida habitabant, sui juris extiterunt, neq. Romano Imperatori, «neq. cuiquam alteri subjecti, itidem finitimæ illis gentes, Chrobadi, Servi, «Zachulmidæ, Tribunioti, Diocletiani, Pagani excussis Romani Imperii «habenis, liberi suisq. non alienis usi legibus fuerunt».

Iterum tamen a Saracenis vexati sub Basilio Macedone, ut suppetias contra hostem consequerentur, in Romanorum, seu Græcorum fidem, et clientelam se contulerunt, an: 867, vixeruntq. constanter sub eorum tutela, etiam dum Carolus Magnus [2]) Occidentis Imperator rerum in Dalmatia potiebatur ad an: 1172, quo ad Gullielmum Northmanum [3]) hujus nominis I cognomento bonum Siciliæ Regem sese converterunt. Enim vero Græci, Venetiq: per idem tempus inter se dissidebant, et hostiliter invicem infectabantur. Ragusini igitur, ne Venetos, gentem quasi finitimam, infensos haberent, pro Emanuele Græcorum Imperatore, Gullielmum Venetorum ami-

---

[1]) De Admin. Imper. Cap. 21.

[2]) Carol. Magn. Dalmat. non tamen maritimas ejus urbes in potestate habuisse multis narrat Lucius Lib. I, cap. 15, pag. 50 et 91.

[3]) Gundula ex publicis monument. ad an. 1172.

cum, rei suæ tutorem appellarunt. In Northmanorum fide perseveraverunt, usq. dum Tancredum notum, Rogerii filium [1]) jam Siciliæ Regem (utpote Constantiæ Henrici VI Cæsaris conjugis legitimæ heredis, injuria inauguratum) Romanus Pontifex Cælestinus III anno 1191 solio deturbandum censuit. Hujusmodi enim Siciliæ Regni vices in causa fuere, ut Ragusini anno 1192 missis oratoribus Dobroslavo Rado, et Marino Isaaci Angeli Græcorum Imperatoris tutelam reposcerent. Duodecim non amplius annos postrema hac vice in Græcorum tutela fuere ad annum scilicet 1204, quo a Latinis capta Constantinopoli, Græcorum res conciderunt. Græcorum igitur patrocinio destinatis, sub Venetorum, qui maxime Ragusinæ urbis imperium affectabant, tutelam confugere placuit. Et certe per annos circiter 40 hac vice, iterum vero a Damiani Judæ tirranide liberati, ab anno scilicet 1260: per annos 98: in Venetorum-tutela fuere alia, atq. alia pro temporum; rerumq. varietatem morem illis gerentes. Tandem vero in Hungarorum clientela concesserunt anno 1358 a Ludovico Rege eximio benivolentiæ testimonio excepti, multisq. beneficiis, ac praerogativis donati [2]). In Hungarorum fide, ac clientela egerunt ad annum 1526; quo alter rex Ludovicus Solimani armis excisus interiit, Regnumq. pro majorem partem in Turcorum potestatem venit. Quod ipsorum etiam Turcorum tutelam non semel implorarint Ragusini, prætermitto commemorare, cum eos coluerint, colantq. nunc etiam ægre quidem, et in necessitate, non ut eorum opera malevolorum vim a se propulsent, sed ut ab eorum se insidiis eripiant, et barbaram gentem, ac Christiano nomine maxime infensam, quibuscumq. possint, invito quamvis animo officiis demereantur. Finitimi principes Rassiæ præsertim, et Bosniæ Reges dum res eorum florebat Ragusinorum clientelam maxime affectarunt, suæq. tutelæ præsidium, non semel illis obtulerunt, et Ragusini nunquam adduci potuerunt, ut eis hac in parte morem gererent, id enim statutum illis, ac deliberatum semper fuit, ne vicinis Principibus libertatem suam cederent. Porro Ragusini tot gentium diversis temporibus clientes, semper tamen liberi, suiq. juris fuere, quod infra Lucæ a Linda aliorumq. autoritate, multisq. argumentis demonstrabitur.

Caput Dec: Quartum.

Ragusini nunquam non liberi Venetos aliquando Prætores habuerunt.

Sub Græcorum, Siculorum, Hungarorumq. tutela liberos fuisse Ragusinos certa res est, neq. in dubium a quocumq. hactenus vocata. Verum Veneto nomini multum debet Ragusina respublica, ab ipsis enim leges, quibus nunc etiam res suas administrat accepit, ab ipsis civilis vitae cultum, et morum elegantiam didicit, ab Venetis regendi rationem hausit, artemq. qua per tot saecula libertatem suam satam tectam custodit. Beneficia, quae Venetis accepta refert Ragusina Respublica Stefanus Gradius V. C. his versibus commemorat [3]).

---

[1]) Hæc narrat Roch. Purch. in Chronol. Reg. Sicil. pag. 23.
[2]) In Elia Saraca Pontif. plura ad rem invenies.
[3]) In Carmine de laudibus Reip. Venetæ et cladibus patriæ suæ.

«Non nova inexpertae quaesitum munera dextrae,
«Venimus ad benefacta rudes, sed grandibus olim,
«Affecti meritis, amplis et honoribus aucti.
«Gens Venetae sese Ragusia gentis alumnam
«Jactat, et hac vitae, libertatisq. magistra
«Florentem vixisse diu, legumq. severo
«Assuevisse jugo: vestra illa exempla secuta.
«Distulit in cunctas late commercia terras:
«Docta ratem levibus coelo duce credere ventis
«Et pulchro gaudere opibus sudore paratis:
«Docta suas sceleri poenas, sua praemia laudi
«Ad vestri simulacra fori decernere, honorum
«Alternare vices, certis plebisq. Patrumq.
«Ordinibus cives distinguere; deniq. totam
«Ad vestros sese mores effinxit, et ultro
«Vestrae habitu vestis cultus mutavit avitos.
«Quin etiam sociam gremio excepistis amico
«Nostram urbem, et raro notae decorastis honore.
«Sic gaudent clari Lacedemonae matre Tarenti
«Moenia: sic antiqua Tyros Cartaginis altae
«Nobilis audivis genitrix: sic prole frequenti
«Sicanios Ephyre tractus, sic fortibus almae
Joniam late populis auxistis Ahenae etc.

Caput Dec: Septimum.

De monetis.

Atq. in primis de Ragusinis monetis mihi agendum. Igitur Paulimirus rex uti supra demonstratum est Ragusinis cudendae pecuniae potestatem fecit. Nummus aereus permissu Regis cudi caeptus, ad nostram aetatem usu fuit, verum ac paucis ab hinc annis, eo signari desiit, et pene absolevit. Ex altera autem parte regis effigiem, ex altera urbis prospectum exhibebat. Obolus, quod parva esset moneta, sive etiam follarus, ut in Reformationum Codice, vulgo minza, appellabatur.

Procedente tempore, auctaq. divitiis fortunisq. Civitate argentei nummi signari caeperunt, ex quibus hyperperus, cujus adhuc usus vetustissimus est Ragusii nummus, a Graecis ut puto acceptus nam Ὑπέρπερον teste Mauro [1]) monetae genus est, qua vox apud Graecos valde ignitum denotat. Jesu Christi Salvatoris ex altera, ex altera Divi Blasii imaginem, uti et caetera vetustiva urbis numismata, exhibet. Antiquum ejus valorem ignoramus et ab anno 1272 denariis 12 aestimari caepit, quod ex Statutorum libro [2]) constat, ubi sic legitur. «Sancimus quod amodo in antea duodecim denarii «grossi currant pro uno hyperpero, et centum viginti milanenses pro uno

[1]) Maurus in Hierolexico V. hyperperon.
[2]) Statut. lib. 8, cap. 16.

«hyperpero, et nullus dictos follaros pro uno hyperpero valeat refudare «sub paena unius grossi pro hyperpero». Saeculo autem XIV statutum, ut ex uncis 11 argenti, et una aeris fierent hyperperi 14. Ex S. C.[1]) ea de re editum, et in Legum Codicem relatum: «Eodem anno 1337 die 16 Octobris «in Majori Consilio captum est, quod moneta quae deinceps facienda est, «ad evitandum incommodum, et damnum Civitatis Ragusii, quod occurrebat «quotidie propter carentiam monetarum, debeat fieri, et cudi hoc modo, «videlicet quod in quibuscumq. unciis 11 de argento debeat poni et «infundi una uncia de ramo, ex quibus 11 unciis argenti, et una rami de«beant fieri tales grossi, qui intrent in qualibet libra hyperperi 14, et «quod quilibet grossum valeat follaros 30, et grossi 24 pro ducato cursum «habeant.» Num valde imminutus est hujusmodi nummus, et jam imminui caepit eodem saeculo, ut ex hoc S. C.[2]) constat. «Anno Domini 1370 In«dictione VIII die 21 Novembris. In Majori Consilio captum, et firmatum «fuit de faciendi elaborare grossos de lugo argenti consueto de hyperperis «18 pro qualibet libra de stampa consueta».

Grossus, seu denarius argenteus nummus 30 obolos seu follaros ragusinos contninens percuti cæptus est sæculo XIV ut ex allatis S. C. patet.

Ad commodiorem populi usum idem denarius in duos nummulos, seu mezzaninos divisus fuit, et quilibet mezzaninus medium denarium pendebat, quod ex hoc discimus S. C.[3]). «Anno Domini 1370 Indictione 8 die «21 Novembris in Majori Consilio captum est. In faciendo laborari mezza«ninos argenti, quorum duo debeant valere grossum unum, quorum mezza«ninorum 36 debeant esse ponderis unius unciae». Igitur ex argento, aere, ut supra infecti libra denarii 168: primum fiebant, deinde 216: et mezzanini 432.

Grossus triplex, quem Artilucum vocant, Civitatis Rigae nummus est, et Ragusii anno 1592: signari caepit Sigismundi Tert. Poloniae Regis permissu, adeoq. ejusdem regis et nomen exhibet et imaginem, alius ejusdem valoris grossus cujus antiquior videtur origo D. Blasii signatur effigie.

Follaros Ragusinos 30 continet denarius, ut supra dictum est, dum autem Follari 60 putantur in denario, Catharenses follari intelliguntur, quod ex hujusmodi S. C. manifeste apparet[4]). «Anno Domini 1400 indictione 8 «die 9 mensis Decembris tempore nobilis viri D. Nefichi de Gundula ho«norabilis Rectoris Ragusii in Majori Consilio etc. captum etc. de bandizando «Folaro de Catharo, quod ammodo in antea non expendantur, nec current «in Ragusio, nec districtu Ragusii, nisi duo de ipsis folaris pro uno folaro «Racusii».

Olim etiam soldinus argenteus nummus in usu erat, qui proscriptus fuit hujusmodi S. C.[5]): «Anno Domini 1332 die 15 Decembris in Minori «Consilio captum etc. quod nulla persona, tam civis, quam forensis audeat, «aut praesumat modo aliquo vel ingenio dare, vel expendere, seu in aliquo «pacamento computare in civitate, vel districtu Racusii monetam argenti, «quae vocatur soldinus sub paena perdendi dictam monetam. Et quicumq.

---

[1]) Reform. pag. 12, cap. 4. — [2]) Reform. pag. 32, cap. 4. — [3]) Reform. pag. 32, cap. 5. — [4]) Reform. pag. 23, cap. 5. — [5]) Reform. pag. 9, cap. 2.

«daret dictum soldinum pro mezzanino, perdat ipsum, seu ipsos soldinos, «quos daret, vel expenderet pro mezzaninis, et insuper condamnetur pro «quolibet soldino grossum unum de Venetiis». Aereus tamen solidus adhuc adhibetur, quorum sex unum faciunt denarium, et quilibet quinq. continet follaros.

Olim denarii 24 ducatum continebant, uti supra dictum est, deinceps 40 denarii pro ducato haberi caeperunt, quod nunc etiam in usu est, dicebaturq. ducatus aureus. Verum nummus hujusmodi qui denarios 40 continet, et jam usum habet, sucut etiam scutatus nummus 36 denarios continens, et medius scutatus continens 18 denarios hujus saeculi initio cudi caepti sunt, nam antea commentitia numismata erant. Paucis autem ab hinc annis nummi 60 denarios continentes vulgo follari, alii Divi Blasii, alii Reipublicae Rectoris imaginem ex altera parte exhibentes, ex altera Reipub. insignia signari caeperunt. De iis nihil omnino, cum nulla eorum in commentariis nostris mentio.

Placet hic nonulla de adulterinis nummismatibus ex legum codicibus in medium proferre, atq. in primis legem latam, qua proscripti fuere atq. interdicti, quae hujusmodi est [1]): «Anno Domini 1294 nos Marinus Badoarius Miles Comes Ragusii cum voluntate Minoris, et Majoris Consilii, et «laudo populi congregati sonitu campanarum more solito videntes, quod «follari falsi in magna quantitate per civitatem quotidie discurrebant, et de «foris multi etiam deducebantur, unde damnum, et contrarium omnibus «generaliter accidebat, nolentes hoc amplius tolerare, sed ipsam falsam «monetam consumare penitus diligenter, statuimus, et firmamus, quod nulla «persona debeat de aliquibus partibus ducere in Ragusium nec ejus dis«trictum follaros falsos sub paena, et banno hyperperorum centum pro «quolibet, et qualibet vice, et ammittendi ipsos falsos follaras quod si sol«vere non poterit, perdat manum dexteram, et accusator, qui contrafacien«tem accusaverit, habeat medietatem dictae paenae, si per ejus accusam « poterit veritas reperiri. Item, quod aliqua persona non debeat in Racusio, « nec in suo districtu expendere, nec uti falsos follaros, sub paena, et banno « unius denarii, pro quolibet falso follaro, et quilibet possit accusare contra«facientem, et habeat medietatem dictae paenae, et ille cui datum fuerit «falsum follarum, teneatur incontinenti accusare illum, qui dedit illi fal«sum follarum, et habeat in hoc credentiam, per totam diem sequentem. «Idem quod tabernariae si domino, vel padrono vini falsos follaros appor«tabunt, teneatur ille patronus, seu dominus incontinenti ipsos falsos folla«ros consumare, et tabernaria ipsa eidem domino bonos follaros assignare «teneatur. Et ut haec omnia bene observentur, volumus, quod omnes de «Majori Consilio et omnes officiales communis per sacramentum teneantur «accusare contrafacientes et habeant medietatem paenae. Teneantur etiam «dicti de Majori Consilio, et officiales sacramento ubicumq. viderint, et in« venerint grossos falsos non existentes de argento incidere. Ipsos volumus «cognosci pro falsis follaris
« Stamenos de Dirachio, et Romania.
« Follaros de Armenia novos, et veteres.

[1]) Reform. lib. 8, cap. 55.

«Follaros falsos de petiis de rame sine litteris, et figura.
«Follaros incisos.
«Follaros qui dicuntur capuciae, et generaliter omnes follaros novos factos, «et facturos in formam veterem.»

Alio deinde S. C. statutum, ne quis audeat pecuniam Racusinae similem cudere gravissimis in delinquentes paenis indictis. En ipsum S. C.[1]): «Anno Domini 1337 Indictione 5, die 6 mensis Decembris. Item statuimus, «et ordinamus, quod nulla persona cujuscumq. conditionis audeat, vel prae-«sumat modo aliquo vel ingenio per se vel per alium in Civitate Ragusii, et «suo districtu, seu alibi facere, seu fieri facere aliquam monetam similem, seu «in illo conio, seu lege quae est illa, quae fit in Racusio per Comune sub paena «de Hyperperis centum pro quolibet contrafaciente, et qualibet vice, quam-«vis esset illa bona, sicut est illa, quae fit in Racusio, et quilibet possit «accusare contrafacientem, et habeat medietatem paenae, et quicumq. frau-«deverit, seu falsificaverit, seu fecerit, seu fieri fecerit similem monetam, «et pejoris argenti, comburatur, ita quod moriatur. Et si accusator inde «fuerit habeat de havere Comunis hiperperos centum, et si per ejus accu-«sam veritas poterit reperiri, et quicumq. contrafecerit de dicta moneta, «vel alii quocumq. modo de ipsa acceperit, amputatur sibi manus dextra, «ita quod a brachio penitus separetur. Et quicumq. trabochaverit de dicta «moneta usq. in quinquaginta hiperperos solvat Comuni hyperperos de-«cem, et si trabochaverit a quinquaginta hyperperis perdat quartum.» Huic statuto hujusmodi additamentum factum fuit, et in legum codicem relatum[2]): «Anno Dominicae nativitatis 1394 die 27 Mensis Maii Nos Cle-«mens Marinus de Gozzis Rector Ragusii cum nostro Minori, atq. Majori «Consilio, et cum laudo populi in publica concione sono campanae more «solito congregati, bono publico detrimentum patienti salubri remedio suc-«currere cupientes, additione laudabili praescripto statuto de falsa mo-«neta duximus statuendum. quod quilibet noster officialis, et quaelibet alia «persona Civitatis, et nostri districtus teneatur, et debeat sub vinculo sacra-«menti rumpere omnes grossos falsos, qui pervenient ad eorum manus, si «noluerint accusare illum, vel illos a quibus habuerint illos».

Cum autem tot legibus, propositisq. paenis nihil obstantibus, peregrini, atq. adulterini, cum veris, probisq. nummis promiscue adhiberentur, nova lege veteres confirmante, ita publico commodo cavet Senatus[3]). «Anno Domini «1403 Indictione 12, die 14 Junii. In Majori Consilio etc. capta fuit pro-«visio infrascripta etc. Cum moneta follarum Civitatis nostrae Ragusii ape-«titu insatiabili hominum, qui portaverunt illos de diversis partibus mundi «contra ordines nostros sit mixta cum follaris falsis in maxima quantitate, «volumus, quod pro bono comuni remedium adhibeatur, ut dicta moneta «falsa consumetur. Statuimus igitur, et ordinamus, quod de caetero in Ra-«gusio, districtu, tenutis, et pertinentiis Ragusii nullus follarus expendatur, «nec currat, salvo follarus nominatus Capuza, antiqua cum testa, omnes «autem follari alii non currant, nec expendi possint aliquo modo cum illis «modis, et paenis contentis in statuto antiquo scripto in Lib. 8. cap. 55, «quod incipit: nos Marinus Badoarius, quod statutum firmamus, et volumus,

---

[1]) Statut. lib. 8, cap. 84. — [2]) Ibidem. — [3]) Reform. pag. 33, cap. 2.

«ut inviolabiliter observetur. Item in dicto Consilio captum fuit etc., quod «consiliarii nostri qui sunt et qui per tempora erunt teneantur omni anno «primo die mensis currentis cridare facere in Lodia magni comunis alta «voce praeconia ordinem supradictum, et statutum superius notatum, donec «per praesens consilium fuerit aliud provisum».

De aureis nummis, quos cudendi potestatem ab Hungariae Regibus Ragusini accipere nihil addam, cum nunquam, nisi ad certos usus, et ad donandos bene de Republica merentes viros hujusmodi nummismata Senatus signari voluerit.

XII. Libertas perpetua Ragusina ab omni jure Veneti dominii asserta et vindicata.

Dissertatio critico-chronologico-historica Albini Esadastes de Vargas.

Ea quo summo litterarum splendore et studiosorum maximo commodo ars inventa tipographica, nullo saeculo tot fuere libri editi, quod hoc postremo, sed nullus quoque liber tot praeconiis ac laudibus exceptus, quo ille de *Veneta litteratura* Marci Foscarini, Venetiarum Ducis anno 1703 defuncti. Ut ommittam Josephum Farsetium canentem de hoc libro in suis latinis carminibus «Vivent illa die tua candidiora volumina» ita de ipso Dominicus Michelerius in sua funerbi oratione, nempe, quum in Ecclesia B. Io: et Pauli Marco Parentatum: «Continuo pererobuit scriptoris fama, nec per Italiae «oras tantum sed trans Alpes, et ultra maria. Cultae nationes editam hi«storiam adquirere, perlegere, ad caelum tollere. Galli et Angli tantae rei «auctorem in praetio habere; illud laudare palam, illi per epistolas gratulari». Nec minori eundem librum prosequitur laude Franciscus Leoni pub: Patavinus profesor in sua critico-historica dissertatione *de scholastica hominum catholicorum theologia;* clamat eum «Disci abunde ex opere, quan«to mentis acumine, et quanta paeteritarum rerum memoria suus poleat «auctor, semet in eo per legendo intimo rationis sensu fuisse in admiratione «raptum, et nihil hujusce generis diligentius, nihil potuisse illustrius scribi» Num laudes has Marci mereatur liber, viderint alii, quod de nostro Tuberone pag. 265 et urbe nostra pag. 220 scribit ipse, mea interest examinare; Tuberonem quidem colorat ita «Tuberone Cervante, Patritio «Raguseo, scrittore il più mordace, e malevolo, che giammai avesse il nome «veneziano, ma che è di molta scienza commendato .dal Buxornio Com«ment: super Tacit., annali da Cristoforo Besoldo Polib. lib. I. C. 11, e da «Giuseppe Scaligero confut. Fab: Bord; scrisse Commentaria de temporibus «suis con l'ajuto di Gregorio Frangipani Vescovo di Colocza in Ungheria, «e la sua storia uscita dalle stampe di Francfort l'anno 1603 fù proibita «li 11 Maggio 1734»; *Deus* bone, quot sphalmata hic! *Ludovicus Cerva* sive *Cervarius* haud *Cervante* cognominabatur; Abbas Congregationis

Melitenis monachorum nigro-Benedictorum; neque erat Ragusinus Patritius; Coloccnsi Antistiti de Frangipanibus, Georgii, non Gregorii nomen; hic libri mecenas, nequaquam adjutor studiorum fuit Tuberoni; proscripti tandem Tuberonis Commentarii die 17, minime 11 Maii. At in urbem nostram pejora Marcus, nam de Jacobo Lucario, qui annales nostros anno 1605 tipis edidit, haec habet: «Il Lucari non merita fede nelle cose Veneziane, men-«tre nulla egli dice della Signoria, che i nostri acquistarono in Raugia del «998, benchè ciò sia manifesto per testimonianza del Dandolo col 230, e le «annatazioni al Codice ambrogiano registrino persino il nome del Rettore «mandato. Omette altresì la soggezzione di detta Città seguita nel 1232, «della quale non è da dubitare, posciacchè non solo il Dandolo col 347 la «stabilisce appertamente, ma si conserva tuttavia l'originale instrumento di «essa, e Nicolò Contarini lo riporta intero nell'ottavo libro della sua storia «M. S che va per le mani di molti»: Laudat quidem Ratium alterum annalium nostrorum scriptorem, inquiens: *Ebbe sotto gli occhi documenti sinceri*, nihilominus hujus eum redarguit criminis: «Egli attacca la 2da dedi-«zione di Ragusa del 1122, e dicè che durò essa 30 anni, ma pecca chia-«mando congedo quello che è qui ribellione». Ab homine, qui ex Cicr: Phil: 3 scit, nullum esse casum pro dignitate, et libertate patriæ non terrendum; verba hæc non perturbato haud deglutiendo stomacho *signoria rebellione suggezzione* etsi et cl. Farlati in prolegomeno sui Illirici Sacri plenis pronuntiet buccis «hoc anno Ragusium se Venetis dedit.» Primum itaque animadvertamus, quænam fides Dandulo adhibenda sit, ipsomet Foscareno judice, ac teste. In judice sui operis ipsum sic pingit. «Dandolo (Andrea) «si allontana dal Sagornino in più luoghi 108. 119. № 910, come anche «dalla Cronaca di Zonone Abate del Monistero di Lido 110 № 14, da «quella di Domenico Nino 110, dall'Anonimo Altinate 113 № 24. dallo «scrittore della Traslazione di S. Nicolo di Mira 113, 114 № 27. e forse «dai Memoriali di Manilio Giorgi 115 № 30. da Pietro Calo 117 da Ma-«rino Sanudo il Vecchio 118, 119. № 40. da una Cronica Anonima 119.» Quoniam vero quæ in nos Dandulus, recoquit ea ipsa Sabellicus; quid de Sabelico idem Marcus sentiat, merito subjungo: «Sabellico (M. Ant°) «narra seccamente alcuni fatti 147 № 123. Non tollera la lettura delle «Cronache 137 № 8. Censurato da Leone Albocci 197 № 259. Vide po-«chi annali nostri e non curò gli stranieri 204 № 289 scrive la storia in «fretta 232. Si fonda sopra gli annali di poca autorità 232 № 15. Non in-«daga l'origine, ne le circostanze delle cose 233 № 18. Piacque per l'elo-«quenza; quanto al restante fù disapprovato dagli uomini detti 234 № 22». At si Dandulus ab historicis, qui ante ipsum res venetas scripsere, toties longe est, si Sabellicus hic scriptor, qui Marco videtur, me hercule nescio, cur eos ex tripode loqui arbitramur, cum nostram vellicant perpetuam libertatem ab omni jure Veneti Dominii, nostramque modo deditionem, modo asserunt subactionem. Historiæ leges ex Cicerone 2 de Orat: sunt, nequid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat, ne qua suspicio gratiæ sit, ne qua simultatis. In utroque autem quod manifesto falsa est gestarum rerum peristasibus, earumque originibus prorsus absona; quam impotens erga Venetos studium, et gratia? Neque quis dicat, me huic ipsi suspicioni, utpote Raguseum hominem, esse obnoxium, enim vero quamquam mihi pat-

ria Ragusium, nil ei debeo praeter nudum solum; semperque minus dilexi illam, quam veritatem. Pure me ad profitendam ipsam ne dum a voluntate, sed ab indole animi naturaliter comparari, at Ragusii me neque volentem neque nolentem natum esse, negabit nemo. Potius ergo *Philalethus*, quam *Albinus Esadastes;* magisque *Cosmopolita* quam Raguseus, dicar. Sed quorsum ista? Nisi evidentissime demonstravero, a Venetis scriptoribus dum de Ragusio agunt, puta et pura idola mentis proferri, et absurdi monstra, seu rationis entra (?) incredibilia, occinatur tunc Vindiciis magi fætidum illud fatulli scomura in Annales Voluici; *Annales Voluici* etc: Fecimus quidem græcis Imperatoribus, ceu veneti ipsi, olim *Vectigales*, item Hungariæ regibus, ceu universa Dalmatiae, et ideo Archiepiscopis nostris eundi ad Dietas Regni jus et privilegium. Conatus tamen omnis Senatus Veneti semper clarimus, nec ipse unquam ita imperitavit Ragusio. ut esse sui juris desierit, etiam sub Venetis Rectoribus: sit interim:

Caput. I.

Ragusium se dedisse Venetis sub Petro Urseulo II, testimonio Danduli et Sabelici. Ipsorum commentum castigatur ab Joanne Lucio. In hujusmodi deditionem momenta plura. Jo: Bapta Veri nihil de ipsa in suis Annalibus. Quid Leander de Albertis. Rei gestæ vera ex Orbino narratio. Ortho. et Ursus legati; neque Ortho Ursus Comes Ragusinus. Tria pro coronide postulata.

Ragusium se Venetis dedisse sub Petro Urseolo II nihil certius apud Venetos, ut ita innuimus ex Marci Foscareni libro: «Nulla egli dice (nempe «Ratius noster in annalibus) della Signoria, che i nostri acquistarono in «Raugia del 998 benche ciò sia manifesto» Probant id Andræe Danduli auctoritate; confidentissime enim narrat ab Urseolo VI sui Ducatus anno subjugatam fuisse Corusrensem Urbem, quæ vulgo *Curzola*, et eversam insulæ *Tadestine* (ut habet codex ambrosianus) vel *Phariæ* (juxta codices alios) Civitatem; vivis tamen conservatis Civibus, clementia ducis pacis amatoris: Subdit Dandulus «Hoc peracto Victor Princeps. S. Maximi Ec«clesiam reciprocavit. Illuc Ragusiensis Episcopus cum suis, conveniens, «eidem Principi Sacramenta omnes facientes obsequia multa dederunt» Mutat Sabbelicus Episcopi vocem in eam Antistitis, non ignarus fortasse, haud Episcopum, sed Archiepiscopum, et quidem Vitalem I nobis ad eos annos fuisse; caeterum Decs. lib. II. eadem narrat, quin inculcat magis; «jub«et inermibus parci mitissimus Princeps; Urbeque jussu ejus eversa con«tinuo a Pharo ad D. Maximum est transmissum; ubi Ragusini legati cum «suo Antistite occurrunt; seque nescios Urseolo, Venetoque nomini dedunt» Ambos hosce scriptores hic nugas nugari bene monet Jo. Lucius lib. de Dalm.et Croat. Regno c. 4 l. II; narrat enim ab eis non de Pharo, aut Phariæ urbe, quæ Italici *Lesina*, neque de Tadestine *Lagosta* dicitur sunt intelligenda. Hoc loci tamen vel Lucius castigandus. Codex mihi prae manibus ab ipsomet sub die 25 Martii 1669 dona missus Jaderam ad Hieronymum Crisogonum P. V. Doctorem, ed ad dictum c. 4 in margine gravis

in eum querela adnotatur, quod Dandulo, et Sabellico Corusrensem mentientibus pugnam diem non dixerit, post visas ducales litteras ad se Corcyra missas, ex quibus clare constat inter urbem et Urseolum nihil asperitatis, aut dificultatis ea accidisse occasione. Et quidem Corusrenses pugna cum iis, quæ idem narrat Lucius nequit componi. Refert Urseoli filium Constantinopolim a patre missum paulum ante rediisse cumulatum muneribus, neque subactum ab Urseolo, tunc fuisse Dalmatiam, sed dumtaxat in tutelam receptam, nihil demum ab ipso actum, insi consentientibus Basilio, et Constantino Imperatoribus, qui inter Bulgaricas seditiones quum non possent paci, at quieti Dalmatorum adversus Naronensium incursiones consulere, id muneris eidem commisere, maxime adeo (ut habet Dandulus), pene omnes Dalmatini populi convenerint, suosque internuntios Venetias miserint ad implorandam contra Narentinos opem». Quamvis ergo Urseolus Ladestinum oppidum solo equaverit, ubi praecipuum Pharentorum receptaculum, qui vicinis infesti populis, Venetisque maxime obnoxii ab ipsis enim præter navigantibus vi exigebant seorsum, frustra publica lege interdictum, eum tamen Corcyram impugnavisse aut hanc quidem Classi fortasse obstitisse, crediderim nunquam, sed quidquid de hoc, Ragusina nil falsius deditione. Ad eos annos non exiguae Ragusii vires, adeo ut Cedronus relatus ab eodem Lucio l. 2 c. 9 disserte asserat «Saracenos qui grassationnibus et incendiis oram ve- «xabant Illyrici, Indic. XV anno m. 6540. ch. 1033 a Ragusinis et Nichep- «horo Patricio Naupli Præfecto, Caranteni filio, male multatos majorem «navium partem amisisse et domum redeuntes naufragio in Siculo mari periisse.» Itaque si facile . . . . dedisset Urseolo ipsum obsidenti, dedit distanti adeo, ut nil de sua, vel deditione vel subactione cogitanti? Addo quod ad id temporis Graeco foederabannur Imperio; ideoque ad annum 868 a sex supra 30 Saracenis obsessi triremibus per nuntios Constantinopolim missos opem ab Imperatore et expostulavimus, et obtinuimus ut idem Cedrenus refert, et ex ipso Calmetus in № Univ. l. 88 pag. 393. Jam vero cum nihil perageret Urseolus nisi ex Imperatorum placito, anilibus referenda fabulis, quæ de nostra commiscuntur, deditione rerum Venetorum scriptores. Bene de hoc nec unum quidem verbum Jo: Bapta Veri in Venetis analibus; Leander vero Alberti sub finem libri cui titulus *Descrizione di tutta l'Italia* hæc dumtaxat: *accetto in amicizia Ragusa*, sed neque ad amicitiam statuendam missi ad Urseolum una cum archiepiscopo Legati, sed ad repetendam navim, quam prædivitibus onustam mercibus sua Classis intercæperat, quin legatis injunctum, coram Archiepiscopo monerent Ducem, ne retenta præda hujusmodi iram Imperatorum, a quibus peramanter suspiciebatur Ragusium, concitaret. Veram rei gestæ historiam dat Maurus Orbinus lib: de Slavorum origine pag. 186: «Ma la cagione «(ita ipse) dell'andata dell'Arcivescovo e dei nobili Ragusei ai Veneziani «è stata questa. Imperocchè essendo i Veneziani in guerra co Narentani, «Pietro Orseolo Doge di Venezia mandò dieci navi a guastare i confini dell' «inimico, e mentre queste vanno ad eseguire l'ordine dato loro s'incont- «rano in una nave ragusea assai grande carica di mercanzie con alquanti «mercatanti Narentani, e dandole assalto la presero. Del che sendo venuta «nuova a Rugusa, dal senato furono mandati subito alquanti Nobili coll' «Arcivescovo, a quali fù dato l'ordine, che prima pregassero i Veneziani,

«che non avendo occasione alcuna di ritenere le cose loro, volessero la-«sciare andare libera la detta nave, et vedendo, che ciò non ruisciva, che «allora in presenzà dell'Arcivescovo loro protestassero di voler ricorrere, «o quelerarsi all'Imperatore di Costantinopoli; col quale (come si è detto) «erano confederati; e alla fine fare tutti gli sforzi possibili per avere il suo. Questa è stata dunque la cagione, perchè i Ragusei a quel tempo man-«darono alcuni loro Nobili coll'Arcivescovo, e non per sottomettersi e di «liberi farsi servi altrui.» At clamat Marcus Foscarenus ut in Pref° diximus, «che le annotazioni ambrogiane registrano persino il nome del Ret-«tore mandato.» Quod pariter a Sabellico asseritur L. 1 Dec. 1: «placuit in «singulas novæ Provinciae urbes novos magistratus mitti, ferunt Ottonem «Ursum Ragusium, atque in urbes alias alios, quorum nomina vetustas «abolevit missos». Dignum patesco operculum. Cæterorum nomina concitum interiere prorsus, nobisque injuria temporis, ac vetustatis sublata sunt secus Ragusini, triumque aliarum Dalmatiæ Urbium quas commemorat Sabellicus? Ego vero ajo post regressum Ducis Urseoli ad Venetam urbem missum non fuisse ad nos Ottonem Ursum in Comitem, sed Ottonem et Ursum in internuntios sive oratores tote id probat in suis ms. Annalibus Junius de Restis Cl. Senator noster Anno 1735 defunctus; testaturque se in publico tabulario sive (ut ipse scribit) ad *reliquias* instrumentum legisse, quod inter Ottonem et Ursum, Venetos nuntios, nostramque fuit urbem societatis, neutrique commercii gratia confectum. Imo mihi vetustissimas Chronicas M. S. in quae (excribam vel ipsos apices) hæc a me leguntur: «In questo istesso anno 1001 viensero da Venezia li Ambasciadori a Ra-«gusa per trattare la pace, e concordia, acciò li mercanti in apresso pra-«ticassero le loro fare; e fecero patto fra di loro, a tempo di guerra dar «un ad'altro una galera in ajuto contro li nemici, e li Ragusei donar alli «Veneziani ogni anno 3 caratelli di vino Ribolla e 3 di Malvasia, con due «Cavalli bianchi, et li Veneziani alli Ragusei braccia № 14 di scarlatto di «grana, e due bovi salvatici, e fece un ad'altro a un breve per parte con Bole «pendenti.» Tradent omnes hos nuntios fuisse Othonem et Ursum: ast hæc, et alia abigamus documenta Venetorum fautores dicant sollummodo nunc in instrumento quod adhuc extat donationes Lacrumensis scopuli factae Monachis S. Benedicti anno 1012 Veneti Comitis non esse nomen, si datus ab Urseolo nobis comes fuisset? Sed ibi inspicimus Judices Ragusii subscriptos, secus Comitem Ideo nunc usque ad anuum 1122 in publici Tabularii libris nullum prorsus legeremus Venetorum Comitum monumentum? Sed ita est nec ipsum reperirunt. Tandem obliteratis absumptisque scripturis omnibus, atque codicibus non clamarent Numismata, Ragusinam Urbem olim fuisse sub Venetorum jure? Sed non in uno Marco supersunt vetustissima neque in illis aut D. Marci stemma aut Venetiarum nomen bene vero vel SS. Sergi et Bacchi, vel M-m Zeni et Zenobiæ, posterioribus vero annis S. Blasii superscriptio et effigies.

Caput. II.

De Ragusina D. Laurentis arce perridicula Venetorum fabulla. Annus quo ipsa a nobis exstructa. Comites Veneti ultro advocantur Ragusium. Quandonam et cur dimissi. Marcus Foscareno nobis perperam innuit rebellium notam.

Ex narratis in antecedenti capite cuique manifestum, Venetos scriptores, (maxime dum de Ragusio nostrisque rebus agunt) solere fabulari; nulla tamen risu dignior eorundem fabulla quam ea de nostri D. Laurentis arce. Refert ipsam cl. Apostolus Zenus in Vonianis Additionibus tom. 2, Dist. 57, pag. 25, № 26, et si quis alius referret, fidem vix darem. «Di lui (inferius «eum nominat) racconta un fatto singolare Marco di Marco Barbaro nel «libro 3 Genealogico delle nostre famiglie, che io tengo M. S. in foglio «pag. 129. 2 ed in questo: Fantin Micheli q^{m} Maffio fù fatto Capitano ge«nerale in golfo di 23 galie del 1424. Dicesi che costui in una notte fece «fare appresso di Ragusa un Castello detto *Malpaga* e pagò galeotti. Poi «giunto a Venezia persuase alla Signoria che tutti li salariati de na«vigli armati perdessero la decima nel disarmare, e così asservasi fino al «presente, che li tutti mesi si fanno di giorni 33 e quando li galiotti pas«sano inanzi ad esso castello sempre con ignominiose parole lo bestemia«no e li traggono legni e sassi e per ciò li discendenti del detto Fantin «sono detti Micheli Malpaga». Ita Zenus, quapropter si olim Fanazzarius in Venetiarum laude poetice cecinit, Romanam Urbem condidisse homines, Venetam *posuisse* Deos, quid de hac arce D. Laurentis sacra, et spatio unius noctis a Venetis constructa, nisi id fatendum? Quin Veneti id fabulantes notæ ipsorum liberalitati summe injurii sunt; quandoquidem mira remigum militumque in ædificando celeritas meliori debuitcongiario (?); neque perpetua decimatione stipendii ab illis munerari. Res autem accidit ita. Non anno 1424, sed vel 1032 ut vult Razzius in annalibus, vel 1038 ut plura Chronica M. SS. habent, abauditum Ragusii, parari Venetos ad hanc arcem construendam; maxima hinc consternatione eorundem adventus præventus est; et ex trabibus tabulisque late illitis, et calce compactis non jam arx præsens, sed quædam arcis species fuit erecta. Negligentiam remigum culpantes Veneti, tam ipsos, quam milites contracto multavere stipendio; ut in Chronico Jo: Marini de Gundula ego lego: «Nel 1038 fù fabbricato il Cas«tello di S. Lorenzo in due mesi soli; e ciò perchè li Veneziani venivano «fabbricarlo nel luogo med^{o} portando apparechiato a ogni cosa nelle galere, «e nelle navi. Venuti lo ritrovarono fabbricato, perciò decimarono le paghe «de galeotti, e andando in levante fabbricarono due Castelucci». Noscatur ex ungue leo; et ex hac fabella colligantur cætera scriptorum Venetorum commenta. Ut ut sit; noster Razzius, et nostra fere omnia affirmant Chronica, nobis olim Venetos fuisse Comites, sive Rectores; et de his ante non multas dies brevem ego absolvi diatribam. Causam ob qua ipsos prima vice accivimus, satis incerta est, incerta pariter eorum nomina; si primum postremumque excipias: nam ille Marcus Dandulus, iste Petrus Molinus. Ultimus hic nominatur clare in litteris Anastasii 4 datis kal. augusti anni

1153, ipsi enim et Andreæ Archiepiscopo gratias S. Pñfex reddit ob synodi Praesidem ab Eugenio 3 suo prædecessore missum ab eisque benigne susceptum, et habitum munificentissime tam in Razzio quam in Jo: Marini de Gundula habentur haec scripta: «Fu menato il primo Conte ossia ret-«tore da Venezia l'anno 1122, e vi durarono anni 30 mutandosi ogni «3 anni»; ex dictis tamen Anastasii 4[i] litteris quisquis videt, haud triginta annos sed unum, et triginta eos peragisse Ragusii. Epocham anni 1122 si non adprobat plene, non damnat tamen M. Foscareno in suo lib: de *Veneta litteratura* pag 220 hæc enim de Razzio eandem afferente scribit: «quanto al 1122 non discorda molto dalla Cronaca di Marino Sanudo «col 422, che vuole sia stata presa Ragusa del 1127 differenza di 5 anni, «che non conchiude gran fatto in tanta antichità». Quum autem ipse omino somniet cum Sanudo subactum fuisse Ragusium, cum ultro Veneti acciti Comites, *vuole sia* stata presa Ragusa; nil mirum quando et si Razzium laudet verbis illis «ebbe sotto gli occhi documenti sinceri; ipsum nihilominus erroris, imo criminis arguat, dum narrat ubi ultimus dimissus est Comes: ma pecca chiamando congedo, quello che fù ribellione. Peccat Razius? Sed ipse solum refert, quod internuntii nostri Comitem ultimum gratiose Venetias deduxere, quoque ejus verba «ringraziamo quel preclarissimo Senato della cortesia et amorevolezza usata cotanti anni alla loro Città in mandarle il Rettore, significando appresso come non ne tenevano più bisogno avendo assai ben appreso il modo del lor governo». Causam quam dixi incertam Venetos advocandi Comites, hinc conjicerim nempe ut cum Veneti in regenda ipsorum Ditione quamquam prudentiæ ac sapientiae florerent laude, nos qua regenda ditio addisceremus autem, bene tamen est, quod M: Foscareno Chronica Ragusina non fuerint, quippe fastidiosius legisset ista: «Oltrechè questi Conti Veneziani cominciato aveano «a tiranneggiare, essendo allora la nostra Città coi Bosnesi in guerra, spe-«diti furono in nostro ajuto soldati 500, gente pessima, che si pose a vio-«lentar le nostre Donne, e da far mille furti. Adunque nelle prime file, ed «in tal posto dell'esercito furono posti, che restarono tutti trucidati. Fatto «ciò fù rimandato ancora con buona gratia e maniera il Conte a Venezia». Et Razzius et Chronica dant eadem, videlicet dimissos fuisse a nobis Venetos Rectores, sed alienigenas accire Rectores aut Comites eosque tandem dimittere perduellio dicenda est? . . . . veelles ergo se omnes vocantur urbes, quibus aliquando ex aliena natione Comes. Quod si jurant Veneti in verba Marci et Sanuti, asseruntque haud nos sponte ac ultro Venetos accipisse Comites, sed hos victis, subactisque ab Veneta urbe fuisse datos; inquio ergo, cur dimissis comitibus obmutuere? Ubi tunc eorumdem arma, ac vires ad plectendam castigandamque gentis sibi subditæ perduellionem? Certe *Verveium* in *patria*, et suo aere nimium crasso natus est, qui forte nescit, Venetam rempublicam potentiorem esse nostra quam maxime adeoque si, ut dimisimus Comites, nihil a Venetis actum; eos vidisse probe, nihil potest alis (?) jurisque esse sibi in Ragusinam provinciam. Quin etiamsi Veneti ostendant certissime ostendat (quod ostendent nunquam) anno 1122 captam ab eis subactamque nostram Civitatem fuisse; negabit nemo, quod Ragusium ante annum hunc sui juris fuerit. At si quis liberam, suisque juris gentem captat, subigatque et ipsa sibi suam vin-

dicet libertatem, fortassis jure vocanda perduellio? Interim dolerem magis si Marcus dixisset, se dedisse Ragusium Venetis, quam doleam, quum assent ipsum a Venetis fuisse captum. Habuimus etiam secundo Rectores hosce cumque de ipsis agero, tunc caetera.

Caput. III.

Vitalem Michaelem impugnasse Ragusium, Dandulus somniat, suæ narrationis argumenta. Quandonam Ragusinus Archiepiscopus Gradensi se subdiderit Patriarchæ. Rei gestæ historia ex chronico vetustissimo. Sabellicus Danduli excriptor. Utrique ea fides dando, quæ sepulchro Dominici Michaelis Venetiarum Ducis.

Homerum quoque dormitavisse aliquando in veteri paræmia est; sed semper Dandulum somniavisse cum de Ragusio egit fere indubium. Ex ejusdem Chronico hæc recitat Jo: Lucius lib. 3. 1 c. «Dux autem (nempe Vi- «tales Michael) cum reliqua classis parte ultra procedens, Ragusinos, polli- «citae fidei immemores sibi rebelles fore invenit. Erexerunt similiter «Imperialia vexilla in muris, at turribus suis contemnentes non solum Du- «cem, quem sibi ab antiquis temporibus in Dominum elegerant, honorare, «sed ut sibi æmulo armata manu resistere presumpserunt. Dux hoc indigne «ferens, bellicis instrumentis urbem impugnari jussit; Veneti autem quod «jussum fuerat, andantes ex equentes, continuis insultibus eodem die quas- «dam turres ascenderunt, et depositis imperialibus insignibus B. Marci «Evangelistae effigiem desuper posuerunt. Cumque altera die ad reiteran- «dos insultos Veneti pararentur, communicato Consilio agrediens Tribu- «nus Michael Archip̃us Ragusinus, Clerus et populus universus, praemissis »crucibus de commissis veniam postularunt, qua obtenta Dux cum hym- «nis, et laudibus civitatem intravit, et consuetae fidelitatis sacramenta «renovavit; quandamque turrim quae Imperatori servabatur cum mari- «timis muris dirrui fecit, et Archiepiscopus consentientibus Clero et po- «pulo contentus fuis suam Ecclesiam subiicere Gradensi Patriarchae si «hoc a Papa poterit obtineri: quibus Dux Ragnerium sane dedit in Comitem. «Postea ex iis secum assumptis iter prosequens Nigropontum pervenit». Hoc Dandulus narrans ista in bicipiti Parnaso dormit? In pm̃is si ad ea tempora Archiepiscopus pater Tribunus Michael Ducis consanguineus hunc statuisse Ragusinam urbem pugna aggredi, fere est incredibile. Deinde ut Junius Resti prolatis ex publico Archivio documentis late probat in saepius a me laudatis suis annalibus, vix incepto inter Venetos et Graecorum Imper^{m} bello, Ragusium sese in tutelam ac protectionem Guillelmo Siciliae Regi tradiderat, qui foederatus Venetis stabat contra Grecos; non potuit ergo Vitalis Dux *non fare rebelles* reputare aut *debere sibi* ut *æmulo armata manu resistere*, excogitare. Rursus cur relictis 30 triremibus ad diripiendam Tragurii Urbem, tantum cum reliqua classis parte procesisse ipse ad nos impugnandos, expugnandosque; ac si ad eos annos paucis navibus, nullisque fere viribus valuisset Ragisium? Imo vero *armatae* Raguseorum *manus* illico obriguere, adeo ut Veneti prima die potuerint et as-

cendere ipsorum turres, et depositis *Imperialibus signis insigna D. Marci desuper collocare?* Tandem his prima die peractis cur die altera paratur Veneti ad suas insullas reiterandas? Comoedum vero agit Dandulus, neque Historicum, dum hujus *alterius* diei dat ephaemendem *Communicatur consilium, expostulatur et obtinetur venia*, colligitur Clerus, eriguntur Duces, exit Archiepiscopus cum hymnis et laudibus, occurritur Duci; Dux tandem ingreditur urbem, eique juratur fidelitas. Recte citatus Restius de Venetis jactat ista, cum sint «più amici della gloria della patria che della verità» quandoquidem simili pugna, ac triumpho ludere pueri solent. Risum autem si quis potest teneat a Dandulo audiens, *Rainerium Jane* fuisse nobis datum in Comitem et Ragusinum Archiep̄um semet subdere Gradensi Patriarchae promisisse. Tantum in 2 Chienis expeditione direptum est Tragurium, et quidem malo omine nam ut probat Jo: Lucius ex vita B. Joannis Traguriens. lib. 3. c. X. ex 30 triremibus ad ipsum diripiendum relictis, morbo pereuntibus caeteris, sex tantum domum redire. Haec secunda Chionis expeditio, ipso Dandulo teste, anno XV Ducatus Vitalis Michaelis peracta est; et cum ipse fuerit in duce electus anno 1156 haec anno 1171 contigisse, indubium. Sed praedictus Lucius integras ferrt ducales litteras, datas anno 1172, in quibus *Raynerius Jane*, uti primus ex Consiliariis primum subscriptus atque is anno 1171 datus nobis Comes? Successorem Rayneri Veneti ostendant. Ex epocha eadem nempe ex anno 1171, abunde constat; ac dicam mentitum esse. Dandulum (ut dixi) somniasse asserendo quod «Archep̄us consentientibus clero et populo contentus fuit suam Ecclesiam Gradensi subjiceri Patriarchae» Ut jugum excuteret Spalatensis Archiepiscopi, id egerat longe antea Archiep̄us Ragusinus; nam primus Primatis Dalmatiae jure, quod Primatibus vel in Archiepiscopos, non nihil suboffenderat secundum. Quin ipsemet Tribunius Michael hic Archep̄us nam is ille qui anno II Adriani 4 anno 1154 ad summum Pontificatum ex Sardinio evecti, Patriarchae se subdidit Gradensi, teste Jo: Dom^{co} Mamio, Viro Cl. Lucensi Archiepiscopo, ante tres annos defuncto. Haec habet in notis Tommasini de Nov: et V. Ecclesiae Disciplina Tom. III pag. 627. «accepit anno II Pontificatus Adriani IV alterum Gradensis Praesuli danes, ultro se subdente Michaele (legendum Tribunius Michaele) Ragusino Archiepiscopo». Et quae a Tribunio acta ante anno (XVI) ipse enim, ut Comites primi Veneti a nobis expulsi, anno 1153 in nostrum Archiepiscopum ad placandos Venetorum animos electus est haec a Vitale Duce sibi indicta fuisse, Dandulus testatur? Verum Venetorum fautores historiam ab una ex M. SS. Ragusinis Chronicis auscultent. «Dopo licenziati furono l'anno «1153 i Conti Veneziani, stieno bene la nostra Signoria, onde essi Conti «piu non tornassero di fabbricare una picciola toretta da parte dell'ori- «ente in cui sempre innalzata fosse la bandiera dell'Imperador di Co- «stantinopoli che di buona voglia acio condiscese. Ora regnando l'Impera- «dor Emanuello, fù a lui mossa guerra dai Veneziani, e l'armata di questi «condotta vidcsi dal Doge Micheli verso Ragusa, sebbene non tutta perchè «molta si era restata a desolare la misera Città di Trau. I signori temendo «di qualche insulto, ne sparger volendo l'umano sangue, impegnarono «l'Arcivescovo che era Veneziano di Casa Micheli, e stretto parente del «Doge che ad incontrarlo se ne andasse mediator di pace facendosi, ed il

«Doge ricontento, che la suddetta toretta si demolisse, ed i Ragusei si di-«chiarassero di dover esser buoni de Veneziani. Ciò accordato, il Doge fù «introdotto con solenne processione nella Città, fù aloggiato dall'Arcives-«covo; anzi tanto restò soddisfatto del buon trattamento usatogli, che molti «Ragusei prese in sua compagnia, e partì per Levante». Hominis extra studium partium non positi tantum est his tam sincere narratis non dare fidem, sed fortasse inquiet quis Dandulo Sabellicum adstipulari, nam Dec. 1 lib. 7 hæc scribit. «Receptus (Vitalis Dux) Ragusium, et partem murorum, quae mari alluitur cum turri in qua fixa erant Imp̃toris signa demolitus est». Sed quisnam haud scit, Sabellicum fuisse Danduli diligentissimum descriptorem, nugarumque ejus, aut assectatorem aut assentatorem? Atque ad mitto grave illi Junii de Restis ad haec responsum: «ciò è falsissimo, perchè la Città «di mura indebalita non avrebbe potuto resistere all'esercito di 50 m. uo-«mini, con cui da Nemagna figliuolo di Dessan rè di Rassia poco dopo fù assediata». Urgeo id unum, urgeboque Dandulo et Sabbelico dum de Ragusinis rebus agunt, eam fidem adhibendam esse, quae sepulchrali epigraphi Domĩci Michaelis Venetiarum Ducis. Obiit ipse anno 1124, quod in sepulchro etiam signatur inscriptione; nihilominus Jo: adnotat Lucius, L. 2 c. 6 pag. 124 Edict: Lugon. haec ibidem legi: «Terror Graecorum jacet hic, et laus Venetorum, Dominichus Michael quem timet Emanuel». Ducem ergo anno 1124 indict. 7 defunctum timuit Emanuel, qui vix, aut ne vix quidem tunc natus? successit Patri suo *Calo-Joanni* in Greciae Imperio aetatis habens annos octo et 10^{m} idque anno 1143, Historicorum fere omnium judicio, Baronium maxime ad hunc annum. Timuit itaque Emanuel, cum Vitalis Michael curavit nihil muros Ragusii diruere, quamquam ipsi teste Dandulo *Comitem dederit* et Sabellico referente ipsum *receperit*. Venetae videlicet adjunxerit Ditioni firmare quidem, et munire solemus nostra, neque demoliri ac diruere.

Caput. IV.

Nova Danduli et Sabellici in nostram perpetuam libertatem impostura. Pluribus ipsa refellitur argumentis maxime classis obsidentis exilitate. Et silentio Ragusinorum annalium. Origo ejusdem ab Orbino detegitur.

Festive C. Valer. Martialis in Attalum lib. 2, Epig. 7 affectabat ipse tam poetae quam historici laudem inter alia; Hinc Martialis ad ipsum: «*Historias bellas* carmina bella facis». Num de Dandulo, et Sabbelico idem mihi non dicendum? In ipsorum Annalibus omnino belli sunt et eorundem Chronica *bellæ* perlegenda. Erravit tamen Attolum Martialis commemorans; quispe eum, etiamsi ridens, et Historicum et Poetam C. Valerius vocat; ego vero nequeo ipsos, nisi poetas tantum appellare. Fabulari, et fingere poetarum quidem est, nequaquam historicorum. Quod ambo fabulentur, et fingant, quando eis de Ragusina urbe quidpiam dicendi occasio satis a nobis visum; sed mendaciis nulla finis; alterumque a primo nasci scimus omnes. Non contenti itaque praeteritis nova nos impostura aggrediuntur, ajuntque Ragusinam urbem captam fuisse a Thoma Mauroceno anno 1204

qui Thomas, primus Constantinopolinus Patriarcha, postquam a Latinis Principibus ac Civitas Graeciae oblata ex Jo: Lucio p. 194 verba Danduli do: «Thomas igitur Mauroceno ab Innocentio effertus Patriarcha, cum litteris «Papae, Venetias redivit, et cum parato stulo portum exiit, et Ragusinae «urbi, quae instinctu Graecorum rebellaverat Venetis, bellum intulit, illi«que de Graecorum diffisi valore Civitatem Venetis reddiderunt. Patriarcha «postea Durachium impugnavit, cepit et munivit, et Constantinopolim inde «pervenit». Do etiam ex Dec. 1, lib. 8 illa Sabellici: «Thomas igiter Con«stantinopolitanus Antistes, ab Roma reversus, ubi omnia ex sententia fue«rant, consecutus, quum aliquando Venetiis subsedisset, essetque jam in «Grecia navigaturus, 4 triremes, quae in supplementum Classis ad Henricum Principem mittabantur accepit. His fretus Ragusium quod a Veneto Imperio deffecerat recepit». Non alia nisi haec cum Patronis essem, adnotavi ex Sabellico, excerpsique, videlicet, quae de Dyrachio subdit, ipse non excepsi. Habeo eundem Italice redditum, editumque Venetiis typis elegantissimis, per Comium de trino anno 1554 ex quo Codice ea addo, quae sequntur: «Con questo assicurato riacquisto Ragusi che s'era ribellata al «Dominio Venetiano. Et portò soccorso in Durazzo instaurato da lui, per«ciocchè era stato lasciato dagli Imperatori Greci diserto, diqui partendo e «di continuo navigando venne a Costantinopoli». Quid tamen de his hominibus fecimus, clavum semel fixum tam impudenter refigentibus; nobisque infamem rebellium notam iterum, iterumque inurentibus? Quandonam Ragusium esse sui juris desiit ut deficere potuerit ac per summam ipsi inqueunt calumniam a Veneto Imperio? Non sub Petro Urseolo II ut vidimus, non sub primis Venetis Comitibus, ut clare ostendimus, non tandem sub Vitale Michaele, ut cumulatissime paulo ante demonstravimus; neque plenis buccis scriptores hi rebelles vocant, appellantque fidei Venetis debitae desertores? Mirum, quod Sabellicus integram non repetat Danduli imposturam neque cum ipso asserat, nos *Græcorum instinctu*, ad hosce annos a Venetis descivisse. Sed quaenam tunc Graeco Imperio felicitas, ut ejusdem persuasionibus, et consiliis aures dare debuerit Civitas Ragusina? Eidem forsan non adversi Latini Principes fere omnes; neque ab eis Constantinopolis jam subjugata? Soli itaque nos nutandi Graeciae pias manus admovimus; soli jam praecipitem benigne sustinuimus; soli tandem pene mortuae adstipulati sumus. Quin captam Constantinopolim fuisse, «Francis «quorum copiae 20^{m} peditum, 8 equitum erant, eam terram obsidentibus; «mari vero rem egregie gerentibus Venetis quorum Classis 60 constabat «triremibus, 70 onerariis et 150 hìppaginibus» ingentemque hunc annotorum numerum *Jadera fugisse* adeoque praeter navigasse Ragusium anno 1203, probe ex Spondano scimus. Cur ergo tunc nos solvendo nostrae descitionis paenas non coacti; neque Venetae ditione redditi, ac restituti? Neque enim tantum insaviae offricandum nobis, ut non antea ad Graecos defecerimus, sed post eversas eorumdem res, et Constantinopolim subjugatam. Ni satis haec, ut dicamus diem Dandulo asserenti. «Thomas Mauro«ceno ab Innocentio effectus Patriarcha Ragusio bellum intulit» et Sabellico affirmanti. «Thomas Canstantinopolitanus Antistes Ragusium recepit.» Thomae diguitas, aut saltem ordo ejus sacer animadvertatur. Refert quidem in Vitis Pp. Ramanorum Platina Jacobum Recinetensem, ab anno 1240 usque

ad annum 1250 Archiepiscopum Ragusinum fuisse a Pp. Nicolao V Pontificiae in Turcos classis institutum ductorem, sed summum Pñfcem Viris etiam Ecclesiasticis munus hujusmodi demandari posse dubium nemini. Pudeat tamen Dandulum, et Sabellicum, Thomae Mauroceno Constantinopolitano Patriarchae pro thiara galeam, et pro cruce acinacem dare, absque ulla sedis Apostolicae auctoritate, neque id ad oppugnandam Turcicam, sed . . . . . . et ex quo exhorta est, semper Pmo Catholicam Civitatem. Lego in laudati Spondani annalibus ad annum 1205 hunc eundem Patriarcham, exclusis aliorum nationum Clericis, quantumvis idoneis, satagisse Venetos tantum clero Constantinopolitano adscribere, illiusque Ecclesae beneficia Venetis conferre, et monitum a Papae Legatis «se ita jurasse Veneto senatui» respondisse. Nunquam eum tamen tantae inscitiae, immo dementiae fuisse putaverim, ut Ragusium, et Durachium armis capere atque impugnare contenderit, immemor sibi hoc ac utique licere. Deinde (ut tantum de Ragusio loquar) ad hanc capiendam urbem bene munitam moenibus, ... habentem triremem, pluribus longis instructam navibus sufferisse triremes 4, nemo ni imprudentissimus unquam affirmabit. Ex Cedreno et Calmeto scimus, ipsam anno 868 longe hinc impotentiorem tam auro, quam milite spatio duorum mensium sex supra 30 Saracenis resistisse triremibus; et ex Porphirogenito scribente ad annum 949 «Civitatem Ba-«rim ope Raguseorum eisdem Saracenis fuisse raptam, uti quoque Ragusi-«nas naves ad expellendos dictos Saracenos e Langobardia» Crubatos, reliquosque Slavorum Principes illuc deduxisse. Quod si haud expugnata, ab his 4 triremibus, sed a civibus perterrefactis. *Venetis reddita* (ut vult Dandulus) Civitas Ragusina; cur ipse absque Comite, aut alio Veneto Rectore relicta; et Comites Veneti post annos 8 et 20 a nobis expostulati? Ita est eosdem anno 1282 ultro accivimos; primusque Comes a triremibus 4or Ragusium adductus dedit Venetis scriptoribus fabulandi ista de Thoma Mauroceno, hoc est mentiendi, occasionem. Idem jam censuit Maurus Orbinus pag. 190: alcuni scrittori nondimeno pigliando occasione della venuta delle Galee Veneziane che condussero il primo Conte a richiesta de Ragusei per liberarsi dal tiranno hanno scritte molte cose favolose.

Caput. V.

Comites Veneti rursus Ragusium vocati. Minus valide a Judicibus nostris expostulati. Ex Bernado Nanío Instrumentum, quod tum confectum. Num sit legitimum dubitatur. Alia ad rem.

Ragusinam urbem non solum anno 1122 usque ad annum 1153, sed etiam anno 1232 usque ad annum 1358 Venetos viros habuisse in Comites, prima vice X, altera plusquam LXVII omnino certum. In Diatriba quam de Comitibus hisce ante paucos absolvi dies, videri queunt, tam ipsorum nomina, quam singulorum anni, et praesertim causa ob quam fuere secundo Ragusium vocati; actum id ad contundendam Damiani Judae perpetuo regnandi libidinem, nam semel in Rectorem electus, manus dimittere cujusmodi prorsus renuebat. Certe a nostris judicibus, iisque nobilibus qui Damiano infami erant, non nisi in consulto fuere hi comites expostulati, id

merito Ludovicus Tubero: «indignos ipsos ut suis legibus viverent» lib. 5 suorum Commentarium dixit. Asperiorum Venetorum in regimine indolem experti jam fuerant, videbant suis oculis ad eos annos quam iniquius ipsi se gererent, et suae Ditioni Dalmatiam totam, Jadertinam praesertim urbem subjugarent. Do aliqua, ne longior sim ex Spondani judicem ad annum 1201 Venetorum silentium de rebus suis indecoris contra Jaderam. «ita № 7 Veneti ob expugnatam Jaderam sub Apostolica protectione positam excomunicatur», ita eod. № «Veneti resipiscunt, ob expugnatam Jaderam et absolvuntur a Petro Carlo Capuano» ita № 8, «at si in hoc minus prudenter se gessere cum adjunctis Nobilibus Judices asserendum quod etiam minus nahiliter. Haud judicum sollummodo, et aliquorum Patriciorum inerat alienos Comites accire ed advocare ad urbem regendam, sed omnium Nobilium una collectorum; dissuasse autem plures maxime eos illustrae familiae de Bobalio, scimus ex Orbino. Deinde inscio Damiano majus Consilium cogere, quis non videt nisi impossibilem, rem plenam periculi fuisse? Oportuit ergo furtim et clam peragenda decernere quinam nocte intempesta, aut *intrante die* quod ex instrumento nupperime prolato a Bernardo Nanio in libello de *Monetis Rassiæ* plusquam manifestum. Ipsum recitemus. «In nomine D. N. S. Cristi anno D. 1232 Mense Madii. Cum Binzola Bodaziae et Gervasius Naimerii Viri Nobiles Nuntii et Procuratores «Civitatis Ragusi ad praesentiam Illust. D. Jacobi Teupoli D. G. Venetiae, «Dalmatiae atque Corvatiae ducis, et quartae partis et dimidiaetatis Imperii Romani Dominatoris accessissent, nomine et vice ejusdem Civitatis Ragusii, petentes concordiam, pacem, et reconciliationem D. Duci, «et Comuni Venetiae, ostendentes commissionem quam habuerunt in hunc modum. Anno Incarnationis millesimo ducentesimo trigesimo secundo Indic. 5 «Mense Jannarii tertio decimo die intrante. Nos quidem jurati judices Ragusii etc. Quapropter nos Ragusinorum Nuntii jam dicti pro Communi Civitatis nostrae transmissi a quo fuit provida deliberatione injunctum, pro eo quod «videtur terrae nostrae plurimum fructuosum, quod Venetiae Dominio subderemus; petimus ut per voluntatem vestram Comitem concedatis; haec «enim quae continentur inferius vult terra nostra observare. Ragusini «semper Archiepiscopum eligent de Venetia, et habebunt, videlicet a Gradu «usque ad caput Aggeris. Et si D. Dux a D. Papa poterit obtinere, quod «Archiepiscopus Ragusii Gradensi Ecclesiae subdatur, ejus electionem «praesentabunt D. Patriarchae Gradensi, confirmationem electionis postulantes, et confirmatione facta veniet electus ad sedem Patriarchalem, et «consecrationem de manu sua accipiet, facietque ei fidelitatem, reverentiam, et obbedientiam debitam promittens. Praeterea statuimus quod «idem Archiepiscopus jurabit fidelitatem D. Duci, et successoribus suis, «et sic facient omnes, nisi pro eis remanserit et sic facient omnes Archiepiscopi qui in perpetuum erunt in Ragusina sede Ducibus qui pro tempore erunt. Clerus autem in anno ter, scil: in Nativitate Dñi in Pascha Resurrectionis et in festo S. Blasii laudes cantabunt in majori «Ecclesia solemniter D. Duci, D. Patriarchae, Archiepiscopo suo, et Comiti omni anno, propter quam benedictionem recipient yperperos tres, «unum a nobis Duce, alterum ab Archiepiscopo et tertium a Comite. Habebunt quoque semper Ragusii Comitem, et Comites de Venetia, quem

«vel quales D. Dux cum majori parte sui consili eis dare voluerit, qui ju-«rabunt fidelitatem D. Duci et successoribus suis (et ipsa fidelitatis sacra-«menta renovabunt singulis annis) et sic facient omnes Comites, qui erunt «per tempora in perpetuum. Jurabunt autem fidelitatem omnes homines Comi-«tatis a 13 annis D. Duci et successoribus suis et ipsa fidelitatis sacramenta «renovabunt singulis annis decem. Jurabunt quoque fidelitatem Comiti omnes, «et Comitibus omnibus futuris in perpetuum salva fidelitate D. Ducis ad hono-«rem Venetiae, ad salutem Ragusii cum bono et honore Venetiae etc.» Huc usque instrumentum Nanii, num autem ipsum authenticum sit, atque legitimum, id ignoro. Certe nunquam authentica et legitima, instrumenta ea quae mutila, et detruncata, hoc autem detruncatum *bis* semel per etc. Notariorum more, iterum etc. p. asterismum. Etiamsi vero Junius de Restis in suis non adnotaret Annalibus, Blassiolum de Bodaccio, unum de Nuntiis, instrumento nil contentum hujusmodi, Ragusium rediisse; quod redierit inde sciremus; nam Judicum petitio data est die 13 Jan: et post integros menses 4^{or} nempe mense Maii, subscriptae ipsorum, et Nuntiorum preces Venetiis. Hic reditus, et haec mora demonstrant clare plura adjecisse Venetos, quae non postulabantnr a Ragusinis, neque poterant utiliter postulari, uti viri Veneti in Archiepiscopum electio. Periculosum satis libero populo ac civitati praesse suis tam sacris, quam rebus civilibus homines alienigenos maxime Concives, et verbis illis a *Gradu usque ad Caput Aggeris* (Veneti) . . . . Ducatus Venetus sive, ut inquiant ipsi, il *Dogado* designatur. Si ergo postulatus Venetus vir in Comitem, minime reor postulatum quoque in Archiep̃um fuisse ejusdem nationis virum, nec mihi arbitrandum hic leve momentum. Ut obiit Arrengarius Romanus noster Archiepiscopus habuimus ad annum 1233 Joannem Venetum in Antistitem, sed huic defuncto Jacobus Januerius Ord. Min. sucessit, quin excepto unico Bartholomeo Utinensi, item Ord. Min. qui ab anno 1302 usque ad annum 1310 Archiep̃us usque ad praesentem diem nullus nobis ex Veneta gente Archiepiscopus. Reclamaruntne unquam Veneti ab anno 1232 usque ad annum 1358 Comites nostri? Nunquam, adeoque dubiae mihi fidei etiam ob id Nanii instrumentum. Accedit futilis illa, et risu digna nostri Archiepiscopatui facta additio, ut Gradensi subderetur Patriarchae. Indubiae ostendimus 1. 3. fuisse id factum a Tribunio Michaele Archiepiscopo Ragusñ anno II. Adriani Pp., cumque ab eo usque ad annum 1232 quo instrumentum confectum est praeterierint anni plusquam 66. certum dicat ipsum actum, autenticum, legitimum, quicumque vult, nunquam dicam ego. At tale sit; quid in eo fatale ita, ut Ragusinam peremerit libertatem, et possint Veneti nos rebelles, uti proclament, merito proclamare? Num verba illa «terrae nostrae videtur plurimum fructuosum quod Venetiae Dominio subderemus. Effatum hoc nimirum generale est, et ad Comites solos, qui petebantur restringendum, extentumque minime ad propria non cudenda numismata, ad non firmandam pacem, movendumque bellum, ad proprium non erigendum vexillum, ad proprias tamen non condendas leges, quae liberae Civitatis prima, maxima et potiora sunt jura. His vel sub Venetis fruiti sumus Comitibus; nescio interim, cur Veneti de Nanii instrumento adeo sibi plaudant et ad horum Comitum consuetudinem et praxim; item de pacta caetera ejusdem instrumenti.

Caput Ultimum.

Jurabant Comites servare Ragusinas Leges. Ipsorum satis modica potetas. De fidelitate quæ Comitis et Duci spondebatur plura. De laudibus quæ ipsis canebantur aliqua.

Non itaque recitandi Ragusio Plauti Versus in amphit: «dedunt se divina, humanaque omnia in deditionem atque in arbitrium» nam salvis caeteris omnibus juribus, tantum un Venetus in Comitem suscipiebatur. Recipiebantur vero hi Comites rito qui sequntur, quique in nostrorum Statutorum Codice, compacto ad annum 1272 a Marco Justiniano Veneto, nostroque Comite: «Statuimus, quod D. Comes, qui per tempora venerit ad civi-«tatem Ragusii, in publica Concione congregata, ad sonitum campanarum «jurabit bonum regimen, et conservare et custodire antiquas consuetudines, «et statuta Civitatis Ragusii, et judicare secundum ea. Quo juramento facto «dabitur eidem d. Comiti per manus Comunis Ragusii Vexillum B. Blasii «Pontificis et M. in manu, et taliter investitur in Plataea de Comitatu et «regimine Ragusii». Sed si jurabant Veneti Comites nostras servare leges, et consuetudines, spondebant profecto nostram tueri libertatem, liberi enim populi quae consuetudo, et sacratior lex, quam libertas? Et si ipsi recepto D. Blasii vexillo (quod insigne nostrae Respublicae est nequaquam Venetae) *investiebantur de Comitatu*, a nobis, nostraque pendebat voluntate Comitatus ipsorum potestas, atque auctoritas. Hanc tamen modicam satis exilemque fuisse non uno vitendam monumento. Praeerant quidem juredicundo; gradu, et ordine praecedebant caeteros; primique in jubendis legibus, judicandisque tam causis, quam reis suffragabantur; sed non absque quinque juratis Judicibus; quorum plura ista, sive suffragia, huic potiora. Narrat idcirco Maurus Orbinus in suo de *Slavorum origine* libro, Comitem quemdam injuria affectum ab adoloscente nobili familiae de Saraca pluries, sed semper frustra (quod ego non laudaverim) sui expostullase ultionem. Ubi autem de politicis agebatur rebus; de faciendis foederibus, de amplificanda ditione et similibus miseram fere dixerim Comitum Venetorum nos inter conditionem. Erupit ideo, ac fugitque Venetias Joan: Dandulus, qui tertius Comes; sed plures non aufugisse, id mirandum. Cum Catarensibus a nobis pax sancita est, fiirmationemque nostri commercii foedus anno 1234, attamen in instrumento pacis quaequam hac verba sint «sotto il Governo di Lorenzo Quirini» subscripti tantum Ragusini judices, nullatenus Comes, qui Venetus. Id adnotavit Junius de Restis cui pervium publicum Archivium erat, ejusque notae addo testem Jo: Francum de Gundula, item senatorem Amplissimum et Ragusinorum legum Collectorem insignem, in analysi quam conficiebat pro nostra Ragusina Historia testatur tam *Laudestinam* quae vulgo Lagosta Insulam, quam bimarìs Stagni tenet, Venetis, a quibus regebamur, fere insciis ad nostram accessisse Ditionem. Tacite id innuit Jo. Lucius in suis monumentis Traguriensibus nam pag. 263 habet ista: «Continuarono li Ragusei ad esser retti da Conti Venetiani; «et hebbero occasione di dilatare il loro territorio da mare con esserle sot-«toposta l'Isola di Lagosta del 1310; e di terra, conseguirono la punta di

«Stagno li 13 febbraio 1333 da Stefano Bano di Bosna, e di Cualino, con «obbligo di pagare ogni anno perpere 500». In Catariensium gratiam, quibus non uno beneficio obstrictus sum Nicolaum de Buchia, qui Catarensibus, et Stephano a secretis erat, ideoque caeteri Nobilium nostrorum adscriptus, stagniensem peninsulam donari nobis curavisse. Inquit fortasse quispiam in libertatem nostram, quod non solum Comiti, sed quoque Venetiarum Duci jurabatur, neque spondebatur tantum fidelitas? ita est; et quis procul omnino a studio partium, atque ingnenue rem ago, juramenti formulam exhibeo, quae in Statutorum lib. 2, cap. 3. «Juro bona fide, et sine fraude ad «Sancta Dei Evangelia fidelitatem ad Ducem Venetiarum, et ad D. Comi«tem nostrum; custodire eum in persona sua, et in rebus, et omnibus ra«tionibus sui Comitatus, et adjuvare eum contra omnes homines, qui mali«tiose voluerint ipsum offendere; et observabo ei fidelitatem dum steterit in «Civitate Ragusii, et Comitatu illius, salva fidelitate D. Ducis; et ad ho«norem Venetiarum, et salutem Ragusii. Et adjuvabo eum ad manutenendum «bonum statum Civitatis Ragusii, et Comitatus illius; et virtutem dabo ad «omnes rationes, et justitias complendas». Ita, inquam, jurabamus, et ex hoc jurandi forma non video, quid mali adveniat, ac possimus libertatem nostram dicere perpetuam; non secus ac vulgo Veneti Venetiarum urbem Virginem appellant. Ultra quamquod juramentum hoc deberet judici cuicumque fieri, nam justissimi licet, nequeunt ni suboffendere aliquos; extero judici summe necessario est; nam populi in Praesides alienigenas raro affecti bene. Fidelitatis vox eo modo hic accipienda, quo conjuxa M. T. Cicerone Lib. 1, Ep. 26, ad 9. Fratrem dicitur *fidelissima*, a quo de arundinum comis lib. 16, c. 36 ait Plinius glutino tenacior, rimisque explendis fidelior pice. Quod vero spectat ad eam fidelitatem, quae Veneto jurabantur Duci, ipsa lib. 1 de offic. ab eodem Cicerone definitur it: «est dictorum, conventorumque constantia, et veritas». Conventumne unquam, dictumque a nobis, quod esse nostri juris desivimus, et nostrae cumtuun damus libertati? Quum spondebamus fidelitatem Duci, ea pollicebamur ipsi, quae Romanis Machabei, nempe amicitiam, *societatem* et *pacem*. Insigne ad rem habeo monumentum. Nuntii Januensis Reipublicae juraverunt jam Viennae Friderico II Imperatori (quod ipse exquisierat) fidelitatem omnimodam, sed ipse haud contentus fidelitatis juramento, Legatis Januam missis ut juramentum darent sui in ipsam dominii, expostulavit. Recusavere ex merito Januenses, uti videre est in Catarianis annalibus, lib. 6 relatis a Cl. Ludovico Muratorio Rer. Italic. Tom. item 6 ad annum 1238. «Comparvero «(ita ibi) due ambasciatori dell'Imperatore Federico che fecero istanza del «giuramento di fedeltà. La risposta D. Genovesi fù, che invierebbero alla «Corte di esso Augusto i loro Ambasciatori, siccome fecero in effetto. «Prestato che questi ebbero il giuramento di fedeltà a Federico, se ne ritor«narono a casa. Quando ecco sopraggiunsero a Genova due altri ambascia«tori del med° Augusto, che presentarono lettere contenenti, come l'Impe«ratore chiedeva giuramento di fedettà, e di dominio. Furono esse lette in «un pieno parlamento del popolo, in cui gran rumore fù fatto nell'udire «quella parola di dominio. Il Podestà, che era Paolo di Toresina, nobile «di Milano, prese il tempo, e spiegò con bella descrizione gli aspri tratta«menti, che faceva Federico a suoi sudditi. Di più non occorse. Gli am-

«basciatori furono mandati in pace ed i Genovesi intavolarono tosto un «trattato con Gregorio XIV, e coi Veneziani contro l'Imperatore che fù «senza gran fatica conchiuso nella corte Pontificia». Duo hinc colligenda, pm̃o (ut jam diximus), advocandi comites sive Potestates exteros in more fuisse. Januensibus quoque saeculo 13 alterum fidelitatem abstringi, et domini jure alicui subigi longe diversa esse, ac prorsus dissimilia. Illud etiam amicorum est, hoc proprie subdictorum, nunc ad faustas illas acclamationes, fieri solitas caesaribus, et adhuc in pluribus Dalmatiae civitatibus usitatas. De ipsis satis Jo: Lucius in lib. de *Dalmatiæ et Croatiæ Regno*, item Cl. Zenus in notis Bibliothechae Justi Fontanini Tom 2, pag. 941, neque negare ausim quod olim tam convicti, quam Venetiarum canebantur Duci, utpote canuntur etiam nunc S. Pontifici, Romanorum Imperatori Ungariae Regi, ut Rectorem nostrum, et Archiepiscopum omittam. Ex his laudibus vero si quid juris in Ragusium sibi arrogant Veneti, profecto in saniunt, nam canenti Clero yperpera duo comes persolvebat. Id ex c. 2 nostrorum Statutorum prorsus indubium. «Per singulos annos in pergulo «majoris Ecclesiae Canonici debeant solemniter canere laudes; pro quibus «D. Comes dabit eis yperpera duo de propriis, unum videlicet pro Duce, «aliud pro se». Sed quid altra? Ex Publicis Venetorum Tabulariis unicum proferatur monumentum, Ragusinos homines, Ragusinasque naves, vel merces, subditae gentis habuisse privilegia, ultro favebimur, nos vel quia dedimus aliquid sese, vel quia annis ubenti perpetuo liberi non fuisse. Extant quidem Ducalaes litterae ad Marcum Superantium, nostrum comitem secundo scriptae; quae is Ragusinis omnibus Venetae honos civilitati conceditur. Commemorat eas Jo: Lucius in monumentis Traguriensibus pag. 164 inquiens. «Premendo ai Veneziani di conservare Ragusa risolsero di dar la Cittadi-«nanza Veneziana a tutti li Ragusii, come consta dalla Ducale scritta a «Marco Soranza per la seconda volta conte di Ragusa data li 2 Gennaro «1358.» Sed cum clamet Dandulus, quod ante hunc annum, imo ab *antiquis temporibus* Veneto subjeciebamur imperio, subditisque Venetis tot privilegia sint, in Veneto dominio ac ditioni, saltem unam aliquando fuisse nobis, debere ante praedictum annum 1358, post quem questioni huic locus nullus certus demonstrari.

Dissertationis Conclusio.

Studui juxta praeclarum Ciceronis monitum a conviciis et maledictis in una hac dissertatione abstinere; et Venetos, quorum beneficiis plusquam popularium meorum abstrictus sum, nihil prorsus offendere; ceterum, ut idem Cicero Philip. 13, ait, nullus est casus pro dignitate, et libertate patriae non ferendus. Et ut inquit D. Hieravesmus epist. 115 alias 98. «Si culpa est respondisse, multo major est provocasse. Ipsi autem majora habent suae gloriae argumenta; habent Cretae Regnum, totque praeclarissimas Peloponessi, quibus diu imperitarunt, civitates: at quid ergo falsissime jactant suum in gentem nostram imperium, quam *picciol popolo* passim appellant teste Joanne de Augustinis in Venetorum scriptorum vitis? Quapropter eorum Ducis Serenissimi ita desponsent sibi Aquor Adriaticum, ut universas ejusdem aquas in dotem trahant; et nulla supersit statio illis Ra-

gusinis triremibus, quae fuerunt in Mantuano Conventu a Pio II Christianis Principibus in Turcos exibitae expostulatae autem a S. Pio V in subsidium Venetae Classis adversus eosdem; nos dolebimus nihil, etsi sciamus ex Justiniani Insitutionibus, quod naturaliter haec omnia comunia sunt, *aer*, *aqua profluens et mare*, et per hoc littora maris. Item iidem Veneti vocant in jus Reipublicae titulum nobis datum a supradicto SSm. Pontifice, poscententi aliorum Principum adprobatione minime conqueremur, eisque dabimus ultro, ac sponte universa illa ornamenta, quibus fuere a summis Pontificibus, Adeodato, Honorio I, Alexandro III, Leone IX et si qui sunt alii merito honestati. Id unum poscimus, ut desinant aliquando nos *rebelles* impudentissime nuncupare; nam ita consulent potius ipsorum, quam laudi nostrae; quandoquidem, si nunc Ragusium sui juris, id pro nobis honorificum maxime; pro Venetis nil gloriosum. Scripsi haec die 24 Xbris 1771.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 27. Въ изданномъ дубровницкою народною штіоницею сборникѣ «*Dubrovnik*» за нынѣшній годъ напечатана на стр. 280—298 любопытная статья профессора мѣстной семинаріи, *Лаврентія Кукумицы, объ Иванѣ Стойковичѣ.* Извлеченіе изъ нея см. въ моемъ сборникѣ «*Задунайскіе и Адріатическіе славяне*» стр. 295—297.

Къ стр. 75. Напечатанныя въ сборникѣ «*Dubrovnik*» (стр. 322—325) народныя пѣсни, числомъ 5, записанныя въ Имотицѣ, подтверждаютъ мое положеніе о томъ, что *у дубровничанъ нѣтъ эпоса:* всѣ нынѣ изданныя пѣсни принадлежатъ къ разряду *женскихъ*, и изъ нихъ №№ II, IV и V, какъ видно изъ содержанія, занесены въ Имотицу изъ сосѣдней Герцеговины.

Къ стр. 224—231. Дополнительныя свѣдѣнія, извлеченныя изъ статьи *д—ра Богишича* («*Dubrovnik*» стр. 303—323), о жизни *Стефана Градича* и его перепискѣ съ дубровницкимъ сенатомъ 1642—1683 г. читатель найдетъ въ вышепомянутомъ моемъ сборникѣ «*Задунайскіе и Адріатическіе славяне*» стр. 297—298.

